

В. Гаврилов
Е. Горбунов

ОПЕРАЦИЯ «РАМЗАЙ»

Рихард
ЗОРГЕ
1895-1944

АРХИВ

СЕРИЯ «АРХИВ»

В. Гаврилов
Е. Горбунов

ОПЕРАЦИЯ «РАМЗАЙ»
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
РИХАРДА ЗОРГЕ

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
ОАО ПФ «Красный пролетарий»
2004

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

Г 676

*Исключительное право публикации книги Е. А. Горбунова и В. А. Гаврилова
«Операция „Рамзай“. Триумф и трагедия Рихарда Зорге»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».*

*Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.*

Гаврилов В. А., Горбунов Е. А.

Г 676 Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. —
М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. —
478 с.: ил. — (Архив).

ISBN 5-224-04436-7

Книга рассказывает о самой известной операции, проведенной советской военной разведкой в 30-е годы XX века. В историческом исследовании объединены история операции и новые факты биографии Зорге, не публиковавшиеся ранее. Авторы дали более полную информацию о Разведывательном управлении, о людях, которые разрабатывали и руководили операцией «Рамзай». На основе документальных свидетельств показана обстановка, особенно в 1935–1936 годах, взаимоотношения руководителей военной разведки в связи с приходом «варягов» из ИНО, деградация руководства разведки во время репрессий 1937–1938 годов.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 5-224-04436-7

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2004
© ОАО ПФ «Красный пролетарий»,
оригинал-макет, 2004

Только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела. Пользование шпионами — самое существенное на войне; это та опора, полагающаяся на которую действует армия.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

Знание истории русской военной агентурной разведки необходимо для извлечения уроков из конкретных событий прошлого. Хотя история не имеет однозначной повторяемости — ни одно современное военное событие не имеет аналога с прошлым, — однако существует повторяемость тех или иных ситуаций. И если невозможно копировать прошлое, то необходимо учитывать его уроки.

*М. Алексеев. Военная разведка России от
Рюрика до Николая II²*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История советской военной разведки имеет точную дату своего рождения в открытой литературе. Это день 4 сентября 1964 года, когда в центральных газетах были опубликованы первые статьи о советском военном разведчике Рихарде Зорге. Стена молчания, неясного, непонятного и ничем не объяснимого, когда о работе Главного разведывательного управления (ГРУ) писали газеты и журналы крупнейших стран мира, рухнула. У нас появился свой официальный герой, свой великий разведчик. Впервые стала известна и своя разведывательная операция — операция «Рамзай», которой гордилось тогдашнее поколение.

При этом следует сказать, что о Рихарде Зорге и его разведывательной сети, блестяще работавшей в Японии в 1933—1941 годах, на Западе заговорили сразу же после войны. Сначала был опубликован меморандум дальневосточного командования США, подготовленный начальником разведки штаба Макартура генералом Ч. Уиллоуби, затем состоялись слушания в конгрессе США, и вслед за этим широким потоком хлынула самая разнообразная литература о Зорге и его резидентуре. И везде сквозило неприкрытое, хоть порой сквозь зубы, восхищение этим уникальным человеком. На слушаниях в конгрессе генерал Уиллоуби, когда его спросил председательствующий, имел ли он сведения о подготовке Японии к нападению на Пёрл-Харбор, признал: «Позицию Японии и ее потенциал мы проанализировали, оценили и проверили, мы знали о некоторых передвижениях войск на континентальной территории Китая. Однако мы не имели в распоряжении последней, решающей информации, хотя бы приближающейся по качеству к той, которую Зорге передавал своему московскому руководству»³.

ИЗ КНИГИ Ч. УАЙТОНА «КРУПНЕЙШИЕ ШПИОНЫ МИРА»

Рихард Зорге — величайший шпион времен Второй мировой войны... СССР, а с ним вся структура международного коммунизма обязаны, вероятно, своим существованием этому полунемцу-полурусско-

му, который, будучи тайным русским агентом, писал официальные донесения за германского посла, одновременно проникая в самые сокровенные секреты японского кабинета министров. То, что удалось узнать Зорге летом 1941 года, спасло Москву от захвата немцами и потому вполне могло стать решающим фактором в последовавшей спустя восемнадцать месяцев победе русских под Сталинградом⁴.

В 60-х годах о Зорге в СССР уже знали все — от школьников до пенсионеров. Любая книга о нем становилась бестселлером и ее сметали с прилавков за один день при тиражах в сотни тысяч экземпляров. Перед писателями и журналистами, которым разрешили писать о нем и его соратниках, распахивались двери издательств, редакций газет и журналов. Остальным исследователям оставалось кусать локти и завидовать. К середине 70-х после выхода нескольких книг наступило затишье. Все то, что разрешили писать о Зорге, было написано, а пережевывать уже написанное не имело смысла. Человека отлили в бронзе и высекли в граните, и тема Зорге начала выдыхаться.

Все эти публикации были очень сходными между собой. И не удивительно — авторы газетных статей и книг получали информацию из одного источника — ГРУ. И цензура всех публикаций также проводилась в этой организации. Поэтому и похожи они были во многом друг на друга и на фильм «Кто вы, доктор Зорге?» Так же славил личность героя, так же не высказывали никаких сомнений относительно важности его работы, но сама эта работа подавалась очень схематично и поверхностно. Ни в одной советской публикации не было материалов о работе Разведуправления в 30-е годы, ничего не говорилось о людях из руководящего состава военной разведки, которые осуществляли контакт с Зорге и оценивали результаты работы группы «Рамзай».

До августа 1991 года у нас о Зорге, но не об операции «Рамзай», писали Юрий Корольков («Человек, для которого не было тайн» и «Кио ку мицу!»), Сергей Голяков и Владимир Понизовский («Голос Рамзая»), Михаил и Мария Колесниковы («Рихард Зорге» в трех изданиях серии ЖЗЛ) и Федор Волков («Рихард Зорге»). Во всех этих книгах — общий, собирательный, полностью заидеологизированный образ человека. Разведчик в бронзе и камне — достойный кандидат, по меркам того времени, для первой Золотой Звезды Героя Советского Союза, присвоенной разведчику. Текст всех книг после жесточайшей цензуры был выхолощен до предела. Использование такого пласта документов, как его тюремные записки и протоколы допросов, которые уже тогда были известны всему миру, разрешалось очень выборочно и только для материалов, относящихся к его биографии. Связь Зорге с Коминтерном и работа в партийной разведке (отдел международных связей) этой организации до 1929 года

были запретной темой, о которой не упоминалось даже намеком, хотя его тюремные записки начинались с подробного описания разведки Коминтерна.

Но если внимательно перечитать советских авторов, писавших о Зорге в 60—70-х годах, то можно обнаружить очень вольное их обращение с фактами. Здесь и неверные, часто конъюнктурные оценки военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, и перемещение Зорге во времени, когда его отправляют в Китай в период конфликта на КВЖД в 1929 году. И явные подлоги, когда ему, очевидно для большей славы, приписывали тексты радиogramм, которые он никогда не отправлял.

Эта книга — не очередная биография Рихарда Зорге. В коллекции Ханако Исии, гражданской жены Зорге, собрано более ста книг о выдающемся разведчике, которого сами японцы относят к «одному из ста людей XX века». Вряд ли стоит писать очередную книгу о его жизни, не имея доступа ко всем документам его личного дела. Авторы этой книги рассказывают об уникальной разведывательной операции, о ее целях, задачах и о неизвестных широкому читателю людях (Карин, Борович, Покладок, Гудзь), причастных к этой операции.

История операции «Рамзай» неотделима от биографии Зорге. И биография Зорге неотделима от истории операции. Поэтому авторы решили, что наиболее ценной и интересной, в смысле новизны материала, будет книга, объединяющая воедино и историю операции, и новые факты и аспекты биографии Зорге, о которых не говорилось в ранее выпущенных у нас изданиях. Авторы попытались дать более полную информацию о Разведупре и о людях, работавших там, которые разрабатывали операцию «Рамзай» и руководили ею. На основе документальных свидетельств показана обстановка в Разведупре, особенно в 1935—1936 годах, взаимоотношения руководителей военной разведки в связи с приходом «варягов» из ИНО, деградация руководства разведки во время репрессий 1937—1938 годов. Все эти события влияли на ход операции и поэтому отмечены и проанализированы в книге.

«Операция „Рамзай“» — историческое исследование. И чтобы избежать упреков в неточности и тенденциозном освещении материала, авторы строят свое повествование на максимальном использовании документов, стараясь достоверно обосновать каждую дату, каждый факт и каждое событие. При этом пользуются правом иногда высказывать предположения или давать свою трактовку какого-либо исторического факта, не навязывая ее читателю, используя и определенные художественные приемы.

На проведение операции «Рамзай» большое влияние оказывала военно-политическая обстановка в Дальневосточном регионе. Этот регион всегда привлекал пристальное внимание политиков, дипломатов, военных и, конечно, разведчиков. События на огромной тер-

ритории от Байкала и Владивостока до Токио всегда отражались на мировой политике и учитывались не только в политических салонах и дипломатических кабинетах, но и в генеральных штабах и разведывательных центрах крупнейших мировых держав. Все, что происходило на просторах этого региона, учитывалось в Москве, Токио, Лондоне, Париже и, конечно, в Вашингтоне. Захват в 1931 году Японией Маньчжурии и создание в этом районе базы континентальной агрессии оценивались уже в то время как первый очаг Второй мировой войны.

Дать описание и анализ любой разведывательной операции можно, только имея достаточное количество документального материала. В «Операции „Рамзай“» это стало возможным после того, как были опубликованы в сборниках документов тексты радиোগрамм Зорге за 1938—1941 годы и некоторые материалы за предыдущий период, а также воспоминания участников событий. Кроме того, в 1994—1995 годах были изданы в полном объеме тюремные записки Рихарда Зорге.

Однако в предисловии к запискам сказано, что «основная часть документальных материалов о деятельности Зорге, хранящаяся в сейфах архивов военной разведки, бывшего КГБ и Коминтерна, остается в основном скрытой от исследователей и журналистов». Не изменилось положение и сейчас. Так же закрыты эти архивы и так же ни один исследователь не может получить доступ к документам о Зорге или об операции «Рамзай».

Тем не менее все же появилась возможность оценить и проанализировать информацию Зорге, сравнить и сопоставить ее с информацией военной и политической разведок. Некоторые документы политической разведки, к сожалению, только за 1941 год, были опубликованы в наших исторических журналах. Публикация и введение в научный оборот такого солидного пласта информации дает возможность по-новому посмотреть на деятельность группы «Рамзай» и дать более объективную оценку разведывательной работе Зорге и его соратников.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание читателя. На каком разведывательном фоне происходила разработка операции «Рамзай»? Что к началу разработки было известно о Японии, на каком уровне имевшаяся информация использовалась и кому докладывалась? Что в высоких кабинетах уже знали о намерениях руководства островной империи? Какова была военно-политическая обстановка в Дальневосточном регионе на момент разработки операции? Для ответа на эти вопросы авторы использовали документальную информацию политической разведки, которая докладывалась Сталину.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Параллельно до 1939 года на Дальнем Востоке работали легальные резидентуры

ИНО (токийская и сеульская). Они получали от своих источников в жандармерии и контрразведке ценную политическую и военную информацию, которая в порядке обмена попадала в Разведупр и высоко ценилась руководством военной разведки. Поэтому авторы сочли необходимым дать сравнительный анализ информации обеих разведок, а также коснуться той ситуации, когда в 1939 году обе резидентуры ИНО были разгромлены, но не в Токио и Сеуле, а в Москве с помощью Берии, Фитина и других сотрудников НКВД. И вся нагрузка в информации по Японии легла на группу «Рамзай».

При анализе материалов по операции «Рамзай» возникает естественный вопрос: почему Берзин приступил к разработке этой операции только в начале 1933 года, а не в конце 1931-го, когда началась японская агрессия в Маньчжурии? Или в Разведупре считали тогда, что маньчжурский плацдарм предназначен для развития дальнейшей агрессии против Китая, а не против СССР? И может быть, только после прихода Гитлера к власти и начавшегося сразу же сотрудничества между Германией и Японией в Разведупре поняли возможность угрозы войны на два фронта? Вопросы эти пока остаются без ответа и здесь авторы высказывают свои версии и предположения.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание читателя. «Рамзай» — псевдоним Зорге еще с шанхайских времен. Поэтому авторы обозначили этим словом разведывательную операцию, организованную Разведупром в Японии и разведывательную группу, которой руководил Зорге.

Авторы выражают свою признательность за помощь и доброе участие Эльзе Александровне Горбуновой и Галине Львовне Ивановой, без которых эта книга никогда бы не состоялась.

¹ Здесь и далее перевод Н. И. Конрада. См.: *Конрад Н. И.* Избранные труды. М., 1977. С. 45.

² *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 7.

³ Цит. по: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 205.

⁴ Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече. 2001. С. 236.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ ОТ КОМИНТЕРНА ДО ТОКИО

Если понадобится, я поеду хоть на Северный полюс, может быть, там понадобится основать еще одну партию.

Рихард Зорге. Из переписки с товарищами по Коминтерну¹

НА СЛУЖБЕ В «ШТАБЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Если по прошествии времени просмотреть все, что было написано и издано в Советском Союзе о Зорге, то можно заметить полное пренебрежение к тем фактам о жизни и деятельности советского разведчика, которые уже были опубликованы на Западе и подтверждены документами из четырехтомника «Дело Зорге», изданного в Японии. В первую очередь это относится к периоду работы Зорге в Коминтерне в 1925—1929 годах и вызова его из Китая в 1932 году в связи с возможной угрозой провала.

Разведчиками не рождаются. Истина, известная любому историку, и к Зорге она применима в полной мере. Каким был путь его в военную разведку? Каким был тот человек, которого Берзин послал в первую разведывательную командировку в Китай, в специфический регион, в котором Зорге до этого никогда не был? Кто сопровождал его в эту страну и руководил им в самом начале разведывательной деятельности? От ответов на эти вопросы во многом зависела его последующая успешная разведывательная работа в Японии и блестяще проведенная операция «Рамзай».

Дикин и Стори в своей книге высказали достаточно убедительное предположение о том, что Зорге еще с 1919 года был связан с секретной военной организацией в германской компартии. Естественно, что эта организация должна была контактировать с сотрудниками советской военной разведки, которые были посланы в Германию для укрепления этой структуры в преддверии будущего революционного восстания в 1923 году. Естественно, что все активисты, работавшие в этой организации, были взяты на учет, и в Разведупре имелась на них достаточно подробная информация. Когда на съезд германской компартии в 1924 году приехала советская партийная делегация во главе с Дмитрием Мануильским, члены делегации сделали все возможное, чтобы отобрать для советской разведки наиболее перспективных сотрудников с целью их дальнейшего использования уже для Советского Союза. Вот как сам Зорге писал об этом: «На за-

крытии съезда они (советские делегаты) попросили меня приехать в этом году для работы в штаб-квартиру Коминтерна в Москву. Я не мог выехать немедленно, поскольку должен был участвовать в нескольких организационных и разведывательных мероприятиях сразу после Франкфуртского съезда, однако предложение делегации Коминтерна взять меня на работу в разведывательное бюро Коминтерна было одобрено партийным руководством в Берлине, и в конце 1924 года я уехал из Берлина в Москву, чтобы в 1925 году приступить к работе»².

Одна из представительниц левого движения в германской компартии Рут Фишер также отмечала отношения Зорге с русскими: «Мануильский добился успеха в другой, более важной задаче, которая была частью его германской миссии. В сотрудничестве со специалистами ГПУ он имел обыкновение присматривать среди немецких коммунистов людей, подходящих для русской разведывательной службы. Зорге был представлен Мануильскому как человек, которому уже поручали небольшие разведывательные задания для германской компартии. Мы в Центральном Комитете знали, что немецкие коммунисты числились на русской службе, но не могли влиять на такое положение дел — и это служило постоянным источником трений между нами и Мануильским»³.

Воспоминания Рут Фишер подтверждает и Вальтер Кривицкий, советский разведчик, ушедший на Запад и опубликовавший там свои мемуары еще в 1939 году: «Когда мы осознали провал усилий Коминтерна, мы сказали: „Дайте нам спасти то, что еще можно спасти от германской революции“. Мы выбрали лучших людей, подготовленных нашей партийной разведкой и подрывной службой, и ввели их в советскую военную разведку — Четвертое управление Красной Армии»⁴. Поэтому можно считать доказанным, что Зорге к 1925 году — времени своего приезда в Москву — уже имел некоторый опыт разведывательной работы и был известен в Разведывательном управлении штаба РККА.

**ВЫПИСКА
ИЗ ПРОТОКОЛА № 13
ЗАСЕДАНИЯ БЮРО СЕКРЕТАРИАТА ИККИ**

от 7 октября 1924 г.

Слушали:

<...>

13. Предложение: тов. Зорге принять на работу в Отдел информации в качестве экономического и политического сотрудника.

Постановили:

<...>

13. Утверждено⁵.

По приезде в Москву в декабре 1924 года Зорге попал в Исполком Коминтерна (ИККИ). Рекомендацию для работы дал Отто Куусинен — один из руководителей ИККИ. Зорге был назначен экономическим референтом информационного отдела исполкома. Год работы в информационном отделе, и в январе 1926 года его переводят на работу инструктором в организационный отдел ИККИ. Через несколько месяцев последовал перевод в Секретариат ИККИ, где он проработал до октября 1926 года. Хотелось бы отметить работу Зорге в подкомиссии по военной опасности, где он исследовал вопросы межимпериалистических противоречий и военной угрозы Советскому Союзу. Итогом работы Зорге в этой подкомиссии был реферат: «Военная подготовка вооруженных конфликтов»⁶. Очевидно, это было его первое исследование по военно-политической проблематике. В дальнейшем, во время работы в Китае, а позднее в Японии, он продолжил разработку военно-политических проблем, связанных с вопросами угрозы Советскому Союзу в Дальневосточном регионе.

Работа Зорге в орготделе была замечена, и в декабре 1927 года его пригласили в наиболее законспирированное подразделение «штаба мировой революции» — отдел международных связей (ОМС) Коминтерна. Рекомендовали Зорге Дмитрий Мануильский — знал его с 1924 года по работе в Германии, Григорий Смолянский из ЦК ВКП(б) — знал Зорге с 1925 года и немецкий коммунист А. Эверт — знал Зорге с 1921 года также по работе в Германии⁷. Рекомендации были солидными, и руководитель ОМСа Осип Пятницкий принял немецкого коммуниста в отдел. Зорге была поручена работа с компартиями скандинавских стран — Дании, Норвегии и Швеции.

Т. Освальду

22 апреля 1927 г.

<...>

3. О Зорге. Ему не сидится и не работает у нас. Он хочет скорее выехать, а мы затрудняемся его послать на самостоятельную работу, ибо опыта практической работы у него почти нет. Самое лучшее было бы, если бы они дали ему возможность научиться практически работать в Орготделе. Если же они этого не хотят или встанет вопрос о жалованье для него, то выясните следующее: будут ли они возражать, если он поедет в Ваше распоряжение и будет работать под Вашим руководством. Ответ пришлите возможно скорее.

(Михаил)⁸

И сразу же начались заграничные командировки. Первая командировка с декабря 1927 года до середины июля 1928-го в Данию, Швецию и Норвегию под псевдонимом Флерис. Затем возвращение в Москву и участие в 6-м конгрессе Коминтерна. В списке делегатов конгресса с правом совещательного голоса он числился под номером

14. После окончания конгресса с 5 октября 1928 года по 4 апреля 1929 года вторая командировка — на этот раз в Норвегию и Данию под новым псевдонимом — Леонард. И с 18 июня по 19 сентября 1929 года — последняя, третья командировка в Англию и Ирландию.

Прошло почти два года напряженных и, конечно, опасных зарубежных поездок. Будущему военному разведчику они дали многое: опыт нелегальной работы в различных европейских странах, знание политической и военной обстановки в Европе, навыки пересечения границ и знание условий таможенного и паспортного контроля, методы ухода от наружного наблюдения. Поэтому когда Зорге пришел в Разведупр, это был не новичок и кабинетный ученый, каким его пытались представить некоторые советские авторы. В разведку пришел профессионал с большим стажем подпольной и разведывательной работы.

С другой стороны, как показала работа в Коминтерне, уже тогда Зорге отличался независимостью суждений, без оглядки на авторитеты, что проявлялось в его определенной «неуправляемости» и стремлении действовать самостоятельно там, где он считал, что Центр не до конца понимает истинное положение вещей⁹. Эти свои качества он в полной мере проявил, уже будучи военным разведчиком, чем нажил себе недоброжелателей в руководстве Разведуправления. Но эти же качества позволили ему стать в ряд великих разведчиков.

ИЗ КОМИНТЕРНА В ВОЕННУЮ РАЗВЕДКУ

Вопрос о том, когда Берзин познакомился с Зорге и решил привлечь его к работе в военной разведке, постоянно поднимался всеми советскими авторами, писавшими о Зорге в середине 60-х. Уж очень было заманчиво показать прозорливость руководителя военной разведки, увидевшего в немецком публицисте будущего талантливого разведчика, которого он нашел, воспитал и пустил в самостоятельное разведывательное плавание в Китай, а затем в Японию. Но писать в то время о его работе в Коминтерне и о работе в ОМСе было запрещено, а говорить о связи с Бухариным — тем более. И появляется версия, что Берзин регулярно ходил в немецкий клуб, где слушал страстные выступления Зорге, громившего оппозицию Сталину. В 1928—1929 годах, когда Зорге мотался по заграницам, ему было не до публичных выступлений. И времени не было, и лишний раз работнику ОМСа светиться не стоило. А вот на конгрессе Коминтерна познакомиться они могли, тем более что оба были делегатами с правом совещательного голоса. Мог поспособствовать этому знакомству и Пятницкий, начальник Зорге и друг Берзина.

После поражения Бухарина в Коминтерне и освобождения его со всех коминтерновских постов началась чистка его соратников в этой организации. В эту группу попал и Зорге. 16 августа 1929 года его

исключают из списка работников Западно-европейского бюро ИККИ и откомандировывают в распоряжение ЦК ВКП(б). Зорге в это время находился в командировке в Англии и после такого решения очутился в двусмысленном и неопределенном положении. Естественно, что он должен был думать о будущем и о своей дальнейшей работе. Во время командировки в Англию он встретился со своей бывшей женой Кристиной, которая познакомила его с резидентом Разведупра в Германии Константином Басовым.

После нескольких встреч и бесед резидент по достоинству оценил выдающиеся способности Зорге. И, очевидно, никакого влияния Берзина здесь не было, так как именно Басов сообщил Берзину о перспективном сотруднике, которого можно привлечь к разведывательной работе. Было желание подпольщика-профессионала сменить работу, стать военным разведчиком, оставаясь в центре событий, и может быть, очутиться подальше от Москвы, которую он достаточно хорошо изучил за эти годы.

О Константине Михайловиче Басове, как и о многих других резидентах Разведупра, известно немного. Его подлинная фамилия Аболтынь Ян Янович. Родился в 1896 году в Лифляндской губернии, латыш по национальности. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. В РККА с 1919 года. В 1920—1922 годах на Востоке в разведывательном управлении помглавкома по Сибири. В 1922 году переводится в центральный аппарат военной разведки и до 1927 года работает во втором агентурном отделе Разведупра. В 1927—1930 годах резидент в Германии. Нелегальная разведывательная работа была успешной, и в январе 1931 года Реввоенсовет СССР отправляет в Президиум ЦИК СССР ходатайство о награждении орденом Красного Знамени шести работников Разведупра, «своей выдающейся инициативой и безграничной преданностью интересам пролетариата в исключительно трудных и опасных условиях только благодаря личным своим качествам сумевших дать необходимые и высокоценные сведения»¹⁰. Вот в таких выражениях давалась оценка деятельности нелегалов военной разведки в 30-х годах. В составе этой шестерки среди таких разведчиков, как Вальтер Кривицкий и Иван Винаров, был и Константин Басов.

В сентябре 1929 года начался интенсивный обмен письмами между Москвой и берлинской резидентурой Разведупра, в которых обсуждалась дальнейшая судьба Зорге. 9 сентября Басов отправил в Москву письмо, в котором писал: «Телеграфировал относительно предложения Зорге. Он действительно очень серьезно намерен перейти на работу к нам. С теперешним его хозяином у него очень неопределенное положение, и уже почти целый месяц, как он не получал никаких указаний относительно своего будущего. Сидит также без денег. Он достаточно известный работник и нет надобности останавливаться на его характеристике. Владеет немецким, английским, французским, русским языками. По образованию —

доктор экономики. Если его положение решится в пользу нас, т. е. теперешний хозяин не будет держать его, то он лучше всего подойдет для Китая. Туда он может уехать, получив от некоторых здешних издательств поручения по научной работе»¹¹.

В этом письме — полная программа дальнейшей работы Зорге в военной разведке, которую резидент и будущий разведчик обсудили во время своих встреч. Несомненно, что инициатива исходила от Зорге, который решил полностью использовать свой журналистский опыт для создания надежной крыши. Метод журналистского прикрытия был в те годы новинкой для советской военной разведки. В дальнейшем он стал хрестоматийным для обеих разведок, но приоритет в его внедрении несомненно принадлежит Зорге.

Берзин переговорил с Пятницким, выяснил у него, что Зорге собирается возвращаться в Москву, и отправил в Берлин ответ резиденту: «...2. Зорге по сообщению его хозяина должен приехать в ближайшее время сюда. По приезде пусть зайдет к нам, мы лично с ним переговорим...»¹²

Предложение Зорге было принято, и у него появилась перспектива для дальнейшей работы. Естественно, что резидент, имевший контакты с коминтерновскими представителями в Германии, постарался собрать как можно больше сведений о будущем сотруднике военной разведки. Через два дня Басов отправляет еще одно письмо Берзину, сообщая начальнику управления все, что ему удалось узнать о Зорге.

ИЗ ПИСЬМА К. БАСОВА В ЦЕНТР

от 16 сентября 1929 г.

Зорге получил телеграмму, в которой разрешают ему поехать в Москву для переговоров. Причем обратно он должен вернуться за свой счет. Как видно, хотят уволить его. Он зайдет к Вам и поставит вопрос о переходе на работу к нам. Я наводил справки — чем вызвано такое поведение в Коминтерне по отношению к нему. Получил некоторые намеки, что он замешан в правую оппозицию. Но все-таки все знающие его товарищи отзываются о нем очень хорошо. Если Вы возьмете его, то самое целесообразное будет — послать в Китай...¹³

Намеки о возможной связи Зорге с правой оппозицией не смущали Берзина. Когда тот вернулся в Москву, они встретились и, как мы теперь знаем, договорились о работе Зорге в военной разведке.

Приведенные выше документы из дела Зорге были опубликованы только в 2000 году. Естественно, что в 1965-м, когда наши авторы писали о нем первые книги, упоминать, что он работал в ОМСе было запрещено. А тем более заикнуться о том, что пламенный коммунист и интернационалист мог примкнуть к правой оппозиции и быть сто-

ронником самого Бухарина! Такое в те годы не могло присниться и в страшном сне ни одному из советских авторов. И некоторые выводы на основе этих документов можно сделать: Зорге сам предложил себя военной разведке и сам предложил район своей разведывательной деятельности — Китай. Он правильно решил, что в Европе уже достаточно примелькался и мог попасть под подозрение полиции и контрразведок европейских стран. В этом случае опытные разведчики, а Зорге уже можно было считать опытным партийным разведчиком, обычно меняют район деятельности. И роль Берзина в этом была не столь значительной, как пишут советские авторы, хотя решение о переходе Зорге в Разведуправление было принято, конечно, им, и в этом его несомненная заслуга. Отметим также, что, по воспоминаниям секретаря Берзина Н. В. Звонаревой, «у них с Зорге сложились хорошие и теплые отношения, они понимали друг друга»¹⁴.

Хотелось бы отметить: о многом, что стало у нас известно в 2000 году, на Западе писали значительно раньше. Книга Дикина и Стори «Дело Рихарда Зорге» была издана в Лондоне в 1966 году. Русский перевод появился только через 30 лет, в 1996-м. Авторы пишут о том, что Зорге имел контакты с советской военной разведкой еще до своего приезда в Москву в 1925 году, что в Берлине в 1927 году «располагался центральный офис, ведавший всей советской нелегальной деятельностью в Германии и возглавлявшийся руководящим советским функционером Мировым-Абрамовым. Функционер этот числился как пресс-атташе при советском посольстве и подчинялся Пятницкому как представитель ОМСа — нервного центра тайных операций Коминтерна...»¹⁵. Авторы отлично знали содержание всех трех томов «Дела Зорге», изданных в Японии еще в 1962 году, что позволило использовать протоколы допросов Зорге.

На одном из допросов Зорге сказал, что он представил в ОМС свои предложения. Суть их заключалась в том, чтобы разделить ОМС и шпионские организации, связанные с политическими и экономическими проблемами: «И далее я предложил, что Москве следует решительнее, чем это было в прошлом, развести таких агентов-шпионов в зарубежных странах с организациями Коминтерна, с тем чтобы быть уверенными, что степень отдаления отвечает требованиям секретности»¹⁶. О переплетении сетей разведывательной триады (военной, политической и партийной) у нас стали говорить в исторической литературе сравнительно недавно, хотя на Западе это широко обсуждалось еще сорок лет тому назад. На последующих допросах Зорге сообщил, что он предложил Пятницкому такие изменения, «поскольку был уверен, что шпионаж, который мне нравился и для которого, думаю, я был вполне пригоден, был бы невозможен в тесной структуре партийной деятельности... Мой характер, вкусы и устойчивые предпочтения — все вело к политической, экономической и военной разведке, как можно дальше от

партийных споров»¹⁷. Так что уже в 1929-м Зорге принимает решение уйти на работу в военную разведку.

Авторы книги еще тогда правильно уловили изменение тенденций в политической обстановке в Коминтерне после изгнания Бухарина из этой организации и высказали вполне правдоподобное предположение о роли Пятницкого в дальнейшей судьбе Зорге: «После кризиса 1929 года и установления абсолютного сталинского контроля над советским правительственным аппаратом службы безопасности усилили свое проникновение в администрацию Коминтерна, начавшееся в апреле 1925 года, и было бы вполне логичным, если бы именно организация Пятницкого стала их первой мишенью. Независимо от мотивов переход Зорге в разведку Красной Армии вполне мог быть инициирован самим Пятницким или произошел благодаря его связям и с его помощью»¹⁸.

Таким Зорге предстает у западных историков. Этот образ, вполне правдивый, как видно из последующих опубликованных документов, далек от того идеологического штампа, который преподносился советским читателям в середине 60-х в газетных статьях и книгах. Дикин и Стори это хорошо почувствовали: «Любая попытка проанализировать достоверные исторические условия, истинную природу революционного изменения в организационных связях и лояльности Зорге в дальнейшем затуманивается недавними высказываниями в различных статьях, появившихся в советской прессе. Согласно этой тщательно синхронизированной версии, Зорге после своего вступления в советскую коммунистическую партию в Москве в марте 1925 года в течение нескольких последующих лет бодро и радостно занимался „научной деятельностью“, т. е. писал статьи и книги по германским проблемам и был президентом Немецкого клуба, верноподданно изгнавшим подозреваемых последователей Троцкого из среды немецкой колонии в Москве»¹⁹.

И еще одна цитата из этой книги, где авторы дают свою оценку советским публикациям 60-х годов: «Другими словами, нет никакого намека на существование какой-либо связи между Зорге и Коминтерном или какого-то ключа к природе его деятельности в течение предыдущих четырех лет, которую он кратко и умышленно туманно описал для японских следователей. Коминтерновская интерлюдия исчезла из его показаний, и Рихард Зорге выходит из московского сумрака лишь в том роковом 1929 году, чтобы сразу же оказаться в офисе генерала Яна Карловича Берзина, всевидящего и всезнающего главы 4-го управления разведки Красной Армии»²⁰.

Конечно, как историки они имели право на версии и предположения, и одна из этих версий заслуживает самого пристального изучения: «Во время его прибытия в Москву в 1925 году он, конечно же, заполнил обычную анкету и написал автобиографию еще до своего вступления в советскую партийную организацию, и копии этих до-

кументов ушли в 4-е управление. Таким образом, вполне вероятно, что дело Зорге просматривали в офисе Берзина в 1929 году или благодаря вмешательству Пятницкого, или как часть известной процедуры в тот момент политического кризиса и беспорядков в советской машине, когда военные разведывательные власти протянули свою защищающую длань, чтобы спасти ценных и опытных иностранных коммунистов, которые были изгнаны сталинской политической полицией — ГПУ — из аппарата Коминтерна и других агентств»²¹. Природа таких утверждений не в гениальности английских историков. Просто на Западе о деятельности Коминтерна, в том числе и ОМСа, было известно многое, да и воспоминания Вальтера Кривицкого, изданные в 1939 году, читались весьма внимательно.

Вопреки расхожему мнению о своем давнем знакомстве с Берзиным, вот что рассказывал Зорге в конце 1929 года: «Во время моей первой встречи с генералом Берзиным наша беседа в основном сосредоточилась на том, насколько 4-е управление как военная организация могла иметь отношение к политическому шпионажу, поскольку Берзин слышал от Пятницкого, что я интересовался такого рода работой. И после неоднократных встреч с Берзиным я получил в конце концов назначение в Китай»²².

ЦЕЛЬ — ШАНХАЙ

Зорге окончательно уволился из ИККИ 31 октября 1929 года и в ноябре был принят на работу в военную разведку. В этом же месяце он выехал из Москвы в Берлин. Там он, очевидно, впервые в советской военной разведке создал свою журналистскую «крышу», обеспечившую ему прикрытие в качестве свободного журналиста. Зорге заключил соглашение с редакцией социологического журнала и с редакцией сельскохозяйственной газеты. Он планировал изучать сельское хозяйство Китая и использовать полученную информацию для статей в этой газете и для будущей книги о сельском хозяйстве этой огромной страны. Обзавелся он также и рекомендательным письмом от департамента германского МИДа к германскому генеральному консулу в Шанхае. Письмо было получено в Берлине и датировано 29 ноября 1929 года. Дальше путь лежал через Париж и Марсель в Шанхай. Сопровождал Зорге работник Разведупра «Алекс».

Кто такой «Алекс»? Естественно, что Берзин не мог выпустить новичка Зорге одного в Китай, несмотря на его опыт подпольной работы в европейских странах как агента Коминтерна. Поэтому для Зорге был назначен куратор, который предохранял бы его от возможных ошибок на разведывательном поприще. Таким человеком, известным контрразведкам западных стран в Китае, а также и контрразведке нанкинского правительства, и был «Алекс». Впервые под этим псевдони-

мом он появился в первой книге о Зорге, изданной в Советском Союзе²³, в некоем мифологическом ореоле, который уже тогда создавался вокруг «Рамзая». Авторы описывают кабинет генерала ГРУ, в котором им удалось побывать. «В Китай Зорге прибыл как специальный корреспондент немецкого журнала „Дас зоциологише магазин“ и представитель некоторых американских газет. Там деятельностью Зорге ряд лет непосредственно руководил мужественный и опытный человек. В иностранной литературе о советской разведке его называют обычно Алекс, поясняя, что его подлинную личность установить не удалось. Ну что ж, теперь мы можем не скрывать его фамилию. Это пламенный коммунист-ленинец, комиссар гражданской войны Лев Александрович Борович»²⁴. Вот так впервые прозвучала на страницах советской прессы фамилия военного разведчика Боровича.

Фамилия прозвучала, но этим и ограничились. Ни один из авторов, писавших о Зорге в последующие годы, не сказал об этом военном разведчике ни одного слова. До середины 90-х его биография была окружена завесой тайны. Все попытки его жены Лидии Ефимовны и дочери Светланы Львовны узнать о нем что-то новое наталкивались на стойкое сопротивление сотрудников ГРУ, несмотря на то, что Борович был расстрелян в 1937-м и реабилитирован в 1956 году. Причина столь стойкого неприятия руководства ГРУ в отношении генерала разведки, а Борович имел воинское звание дивизионного комиссара, т. е. генерал-майора, по нашему мнению, заключается в том, что к миссии Зорге в Китае он не имел никакого отношения. Не было его в Китае и не руководил он там работой Зорге в 1930—1932 годах. И об этом в ГРУ хорошо знали.

С Зорге в Китай поехал другой разведчик Разведупра и тоже «Алекс». Редкое совпадение, когда в одной разведывательной организации два сотрудника имеют одинаковый псевдоним. Но тот «Алекс» явно не вписывался в идеологическую схему, созданную для Зорге. Не подходил он для роли «пламенного коммуниста-ленинца» и «комиссара гражданской войны». И в ГРУ решили заменить одного «Алекса» другим. Конечно, генерал ГРУ, о котором писали авторы первой книги о Зорге (предположительно это был генерал-полковник Х. Д. Мамсуров, заместитель начальника ГРУ в эти годы), имея на руках все документы из его дела, отлично знал, с кем Зорге поехал в Китай в январе 1930-го. И все-таки версию с Боровичем запустили в печать²⁵. Подлинный «Алекс», «пламенный коммунист-ленинец», сопровождавший Зорге в Китай, был беспартийным. И не был он «комиссаром гражданской войны», хотя в войне и участвовал²⁶. Поэтому на роль куратора выдающегося разведчика он явно не подходил.

Подлинные его фамилия и имя — Хаскелевич Израиль. Одесский еврей, родившийся в 1891 году. Был анархистом с 1909 по 1920 год. В 1910 году первый арест и ссылка. Из ссылки в 1913 году бежал за границу. Два года — с 1913-го по 1915-й — эмиграция в Англии,

Франции, Германии. После возвращения в Россию снова арест и только после Февральской революции был освобожден. Сменил фамилию и стал Улановским Александром Петровичем. Участвовал в Октябрьской революции и Гражданской войне в родных местах — в Крыму и Одессе. После войны в 1921—1922 годах был разведчиком-нелегалом в Германии. Но потом ушел из политической разведки в Профинтерн, где и проработал до 1928 года. За эти годы побывал в командировках в Германии и Китае и получил псевдоним «Алекс».

В конце 1928 года Улановского «отобрал» у Профинтерна Разведупр. В начале 1930 года вместе с Зорге он выехал в Китай в качестве резидента. Через несколько месяцев в связи с угрозой провала сдал резидентуру Зорге и вернулся в Москву.

Для деятельности военной разведки в Китае в конце 20-х — начале 30-х годов характерна одна особенность. Нелегальные резидентуры Разведупра в этой стране, а их было несколько, работали на китайскую компартию и ее вооруженный отряд — китайскую Красную армию. После поражения китайской революции в 1927 году Чан Кайши делал все возможное, чтобы укрепить свою власть в стране, окончательно разгромить компартию, уничтожить части Красной армии и захватить советские районы в центральных и южных провинциях страны. Вся деятельность резидентур, в том числе и резидентуры Зорге, заключалась в противодействии этим намерениям китайского диктатора. Исключение составляла только харбинская резидентура, у которой после начала оккупации Маньчжурии были свои специфические задачи.

Конечно, в январе 1930 года, когда Зорге приехал в Китай, никакой китайской угрозы для Советского Союза не существовало. После разгрома в 1929 году на КВЖД притихли даже воинственные маньчжурские генералы. Чан Кайши хватало своих забот в центральных и южных районах страны. Тем более от Шанхая и Нанкина в случае похода на север до советско-маньчжурской границы шагать и шагать, преодолевая вооруженное сопротивление северных и маньчжурских генералов. И почти вся информация, которая поступала из Китая в Москву, в основном годилась для ИККИ и китайской компартии. Это касалось и информации группы Зорге, и информации группы Фролиха-Фельдмана, как ее называл Зорге в своих тюремных записках, работавшей в то же время в Китае.

Об этой группе, работавшей параллельно с группой Зорге и выполнявшей задания по получению информации о китайской Красной армии и советских районах в Китае, стоит сказать несколько слов, тем более, что у «Рамзая» была связь с Фролихом и они хорошо знали друг друга, хотя в своих тюремных записках Зорге, естественно, отрицал наличие какой-либо связи с этими людьми: «В 1931 году в Шанхае работала также группа Фролиха-Фельдмана. И она была командирована 4-м управлением РККА с задачей уста-

новить связи с китайской Красной армией и собирать информацию о ней. Они имели собственные средства связи с Москвой, поэтому не использовали нашу радиостанцию. Возглавлял группу Фролих, второе имя было Тео — генерал-майор сухопутных войск Красной Армии... У меня не было с ними связей по работе, были только случайные встречи. Шанхай, в конце концов, такой маленький город, что трудно было избежать случайных столкновений с людьми. Я не получал указаний из Москвы вступать с ними в контакт. У них были свои инструкции, и между нами не было формальных отношений»²⁷.

Отметим, что правильный псевдоним генерала Тео — не «Фролих», а «Фрейлих». Он принадлежал Гайлису (Валину) Августу Юрьевичу. Родился он в Латвии в 1895 году, латыш. В 1917 году вступил в партию, а в 1918-м в РККА. В 1920—1922 годах — помощник заведующего разведкой 4-й армии на Украине. В 1922 году переведен в Москву и назначен заведующим сектором информационно-статистического отдела Разведупра. В 1923-м окончил Военную академию РККА и был отправлен в Германию для подготовки германского «Октября». В 1923—1925 годах — военный советник германской компартии. После возвращения в Москву был переориентирован на дальневосточное направление. В 1926—1927 годах занимал должность секретаря комиссии по Китаю при Политбюро ЦК ВКП(б). В 1926—1930 годах — помощник и заместитель начальника 4-го отдела Разведупра. А с августа 1930 по ноябрь 1931 года — военный советник ЦК Компартии Китая.

Затем снова в Москве. До декабря 1932 года был помощником начальника 2-го агентурного отдела Разведупра, после чего направлен на Дальний Восток для усиления разведки против Квантунской армии начальником разведывательного отдела штаба ОКДВА. Назначение оказалось удачным, и на этом посту он проработал до апреля 1937 года под фамилией Валин. В 1936 году во время присвоения персональных воинских званий получил звание «комбриг». В апреле 1937-го после ареста начальника 2-го Восточного отдела корпусного комиссара Федора Карина он принял этот отдел Разведупра. Проработал в Москве до 26 июля 1937 года. В этот день был арестован. 10 августа 1937 года закрытое собрание парторганизации Разведупра утвердило решение партбюро Разведупра об исключении из рядов ВКП(б) как «врагов народа», арестованных органами НКВД, комдива Александра Никонова, дивизионного комиссара Емельяна Стельмаха и комбрига Августа Гайлиса²⁸. Именно арест этих трех сотрудников послужил причиной отстранения Берзина от обязанностей начальника управления²⁹. Через три месяца Гайлис был расстрелян. Реабилитировали его в июне 1957 года³⁰.

Зорге получил свой псевдоним «Рамзай», очевидно, еще перед поездкой в Китай, а не при разработке знаменитой операции, как об этом писали некоторые советские авторы. В своих письмах «Ста-

рику» (Берзину) Гайлис несколько раз упоминал «Рамзая». Одно из писем было послано из Шанхая 30 ноября 1930 года. В нем говорилось о возможной поездке в советские районы Сватоу и Амой и помощи Зорге в организации этого опасного путешествия: «Есть еще одна возможность. Это при помощи Рамзая. Он говорит, что у него есть некоторые возможности по организации экспедиции. Кое-какие бумаги он может получить от своего консула, тоже собирается получить охранное письмо от губернатора Чжэцзяна. Я думаю, что стоило бы дать ему директиву организовать это дело. Сам он хочет. На месте мы бы его использовали по политической линии. Это тем более что там кроме нас никого не будет, мы же будем заняты главным образом военными вопросами. Даже если китайцам удастся организовать поездку, то все же Рамзай смог бы нам оказать сравнительно большую помощь. Прошу дать директиву»³¹.

В другом письме от 3 декабря 1930 года он пишет об известной ему информации «Рамзая» о реорганизации Чан Кайши своей армии. При этом реорганизация должна проводиться с помощью немецких военных инструкторов, со многими из которых Зорге был хорошо знаком³².

Поступали от Зорге сообщения и о провалах в КПК в конце 1930 года. Связь с немецкими военными советниками была постоянной, именно через них «Рамзай» получал наиболее ценную информацию. В середине 1930 года он передал в Москву оперативные данные о четвертом походе Чан Кайши против советских районов Китая, чем способствовал провалу этого похода³³.

Позднее Зорге в своих тюремных записках писал: «Я не мог быть удовлетворен информацией, представляемой членами группы, поэтому и сам лично, насколько было можно, собирал различные данные и материалы. Хотя в Шанхае и не было посольства, я сразу же вошел в местную немецкую колонию, и ко мне стала поступать всевозможная информация. Центром этой колонии было немецкое генконсульство. Меня там все знали и часто приглашали. Тесно общался с немецкими торговцами, военными инструкторами, студентами, но самой важной для меня была группа немецких военных советников, прикомандированных к Нанкинскому правительству. Из этой группы выборочно общался с теми, кто был осведомлен не только о военных, но и политических проблемах в Нанкине. Одним из них был старший советник, впоследствии ставший генконсулом, полковник фон Крибель. Военные советники часто приглашали в Нанкин или приезжали ко мне в Шанхай. Кроме того, я ездил вместе с ними в Тяньцзинь и Ханчжоу. От них же получал различную информацию о внутренних делах Нанкинского правительства, планах военщины, экономике и политических мероприятиях. Кроме того, во время Шанхайского инцидента в 1932 году они же дали мне достоверные сведения о планах боевых

действий японской армии и фактической численности войск. Сблизившись с немецкими летчиками из Евроазиатской авиаконцернии, я мог узнавать о положении в глубинных районах Китая. Кроме того, несколько раз сам летал туда и всесторонне изучал обстановку в Китае. Таким образом, постоянно расширяя свои знания и читая литературу о Китае, я в результате стал знатоком Китая и мог, готовя сообщения, оперативно давать заключения по самым разным проблемам»³⁴.

К сожалению, составить мониторинг стратегической и оперативной информации, которая шла из Китая в Москву от группы «Рамзая» в 1930—1932 годах, практически невозможно. За все годы было рассекречено и опубликовано в сборнике документов всего только 10 радиogramм из Шанхая в Москву. И это при интенсивной радиосвязи Шанхая с «Висбаденом». Под этим псевдонимом скрывался радиоузел № 44 разведки Тихоокеанского флота. Макс Клаузен, радист группы Зорге в Китае, работал с «Висбаденом», и радиомост Шанхай — Владивосток действовал бесперебойно.

Всего за период работы в Китае (1930—1932 годы) Клаузен передал от резидентуры в Центр 597 только срочных разведдонесений, 235 из которых были доложены командованию Красной Армии и Советскому правительству. В этих донесениях освещались такие вопросы, как степень проникновения иностранных государств в Китай, планы и действия японской военщины в период оккупации Маньчжурии в 1931 году и шанхайских боев в январе — феврале 1932 года, деятельность иностранных военных советников в нанкинской армии, политическая и вооруженная борьба между различными группировками в Китае, боевые действия китайской армии, состояние военной промышленности и экономики Китая. Эти сведения Зорге получал от германских военных советников и инструкторов, находившихся в гоминьдановской армии, от сотрудников американского и германского консульств в Шанхае и от агентурных источников.

Особо важную роль радиосвязь Клаузена сыграла во время конфликта на КВЖД в конце 1929 года. Клаузен работал в Китае с марта этого года. В докладной записке наркому тогда говорилось: «Опыт работы стратегической агентуры в Китае в период вооруженного конфликта на КВЖД блестяще подтвердил, что агентура, оснащенная современными средствами радиосвязи, позволяет командованию быть своевременно осведомленным о стратегических и оперативных маневрах противника. Во время конфликта связь по эфиру действовала безотказно».

Нет никакой рассекреченной документации о деятельности группы «Рамзая» в Китае в 1931 году. Конечно, можно не сомневаться, что после начала оккупации Японией Маньчжурии в сентябре 1931 года внимание группы было сосредоточено на получении ин-

формации из этого района. Содержание же информации и путь ее прохождения «наверх» по-прежнему остаются неизвестными. Исследователям приходится только ждать и надеяться на появление в будущем каких-либо документов.

Деятельность «Рамзая» в Шанхае развивалась успешно. Уже к 1932 году у Зорге была достаточно эффективная и разветвленная организация, около 10 источников военной и политической информации. Одним из источников информации был американский вице-консул Лиллестром, в доме которого Клаузен установил радиопередатчик. Еще одним весьма важным и перспективным источником стал Ходзуми Одзаки, с которым Зорге познакомилась американская писательница Агнесс Смедли в китайском ресторане па Нанкин-роуд. Зорге представился как американский журналист Алекс Джонсон³⁵ и попросил Одзаки снабжать его подробностями о внутренней ситуации в Китае и японской политике в отношении различных политических групп. Как позднее писал Зорге, «его информация была самой точной и интересной из всего, что я получал из любого японского источника, и мы быстро подружились»³⁶.

Однако участие Зорге в неудачной попытке освободить супругов Ноуленс в 1932 году, по-видимому, привело к тому, что он попал под подозрение китайской полиции. Дело Ноуленсов достаточно хорошо известно по книгам Дикина и Стори, а также Ю. Мадера, и нет нужды повторять уже написанное. Хотелось бы только отметить, что утверждения советских биографов Зорге о том, что он, блестяще выполнив задание в Китае, был отозван в Москву специально для переброски в Японию, не соответствуют действительности. Угроза провала после участия в деле Ноуленсов требовала немедленного исчезновения из Китая, не дожидаясь неизбежного ареста. Это было главное при решении Москвы о прекращении его разведывательной деятельности в Китае. Не будь этой угрозы, возможно, он продолжал бы оставаться в Китае, а для работы в Японии подобрали бы другого кандидата.

4 сентября 1932 года Берзин получил шифровку из Шанхая: «Связь с адвокатом и все дело с больными становится лишней угрозой для нашей безопасности. Местные же друзья достаточно окрепли и могут перенять все эти дела в свои руки. Просим переговорить с Михаилом и дать друзьям соответствующую инструкцию».

На телеграмме было две резолюции: «Дайте Михаилу», то есть Пятницкому, и «Нам уже давно следовало освободиться от этого обслуживания»³⁷. В руководстве военной разведки поняли, что совмещение разведывательной деятельности с попытками освобождения политических заключенных не приведет ни к чему хорошему и только поставит под удар Зорге и его разведывательную группу.

Вх. № 3258

Москва, тов. БЕРЗИНУ .

Шанхай, 10 октября 1932 г.

От китайского источника узнали, что Нанкин якобы обнаружил след военного шпиона. Подозревают будто бы одного немца и еврея. На основании наших старых грехов и слухов среди местных немцев полагаем, что круг подозрений вокруг Рамзая все больше смыкается. Просим срочно сообщить, должен ли Рамзай непременно выждать прибытия замены или же он может уехать независимо от прибытия последнего.

Резолюции: «Т. Попов. Сообщите Рамзаю о немедленном выезде без замены. 11/Х-32. Подпись».

«Пусть едет, не дожидаясь замены, иначе сгорит. 11/Х.32. Берзин»³⁸.

Этот впервые опубликованный в 2000 году документ поставил точку в рассуждениях и предположениях авторов книг о Зорге относительно причин его отъезда из Китая. Конечно, авторов книг не следует слишком винить в досужих вымыслах. В советские времена писать об участии Зорге в коминтерновских делах в Китае никто бы не разрешил. Вот и писали не об угрозе провала и внезапном отъезде, а об успешном завершении его разведывательной миссии.

12 ноября 1932 года Зорге сел на пароход в Шанхае и прибыл во Владивосток 21 ноября. Руководство группой перешло к «Паулю» (Карл Римм).

Для разведчика закончилась первая заграничная командировка, продолжавшаяся почти три года. И если в Китай уехал новичок в военной разведке, несмотря на весь свой коминтерновский опыт, то в Москву вернулся уже профессионал. И, пожалуй, наиболее ценным в полученном опыте могло быть использование журналистской «крыши» в специфических условиях Дальнего Востока. В последующие годы, особенно после войны, это журналистское прикрытие стало разведывательной рутинной. В начале же 30-х Зорге был одним из первых, кто использовал этот прием в Китае, а потом в Японии. Еще одним ценным опытом было общение и контакты Зорге с немецкими военными советниками в Китае. Это помогло ему установить полезные связи с военными и военно-морскими атташе в германском посольстве в Токио, а также с высокопоставленными военными чинами Германии, которые посещали столицу островной империи. Журналистская «крыша» надежно прикрывала разведчика почти восемь лет в Японии.

Было ли ошибкой привлечение Зорге к делу Ноуленсов? Сложно ответить на этот вопрос. В те годы людей не хватало, и выполнение одним разведчиком различных задач, можно назвать их партийно-

разведывательными, было широко распространенным явлением и часто приводило к серьезным провалам. Социальная база и методы решения этих задач были различными. Партийно-политическая работа требовала широкой массовой базы и большого числа участников движения, тогда как разведывательная нуждалась в узком круге специально подобранных и хорошо законспирированных от контрразведки и полицейского сыска людей. Подобное совмещение индивидуальной и массовой деятельности в прошлом не раз приводило к преждевременному раскрытию самых законспирированных структур. Не случайно во все времена лучшим разведчиком считался тот, кто работал в одиночку, без громоздкой сети вспомогательных звеньев.

Документально подтверждается, что руководство военной разведки было не в восторге от участия в деле спасения Ноуленсов. Зорге также тяготился этой «повинностью», о чем свидетельствует его послание Михаилу в мае 1932 года, в котором он писал: «Мы здесь бедные маленькие техники. У нас нет квалификации выступать как политические контролеры. Таким образом, мы не в состоянии взять на себя ответственность, особенно в условиях, когда здесь давно уже из Ваших... имеется достаточно квалифицированных людей. Мы просим настойчиво освободить нас и от всей этой сверхнагрузки. Не потому что мы ленимся.., а потому, что наше положение не позволяет нам больше заниматься еще этими связями. Я уже по крайней мере достаточно скомпрометирован»³⁹.

В то же время Зорге был коминтерновцем, сотрудником партийной разведки, человеком, занимавшимся партийно-политической работой и в Германии, и в течение четырех лет в Коминтерне. Когда он пришел в Разведупр в 1929 году, навыков и опыта работы в военной разведке у него не было. И Берзину приходилось часто предупреждать Зорге не отвлекаться на партийно-пропагандистские кампании, не склоняться к массовому привлечению к разведывательной работе людей, исходя только из морально-политических мотивов, и тем более не поручать одному и тому же лицу решение совершенно разных задач, что с трудом удавалось Зорге и таило в себе огромную опасность. И это было характерно для Китая, где сотрудники военной разведки работали в тесном контакте с представителями отдела международных связей Коминтерна, несмотря на то, что такое сотрудничество было запрещено.

Зорге достаточно открыто общался с Агнес Смедли, известной своими левыми убеждениями, и даже однажды высказал упрек Центру (Мануильскому) за то, что ее как журналиста используют недостаточно эффективно, и одновременно ходатайствовал о возможности передать причитающиеся ей деньги за публикации в советской прессе⁴⁰. Этот «грех» Зорге — пренебрежение правилами конспирации наряду с излишне разгульным личным поведением в Центре никогда не забудут и будут постоянно переписывать из одной справки на его резидентуру в

другую, подтверждая таким образом наложенный на нее штамп «политического недоверия» с соответствующими выводами и заключениями, не считаясь с реальными результатами деятельности группы Зорге.

В 1932 году японские спецслужбы арестовали в Бейпине источник Ходзуми Одзаки по подозрению в шпионаже в пользу компартии Китая. Контакты Зорге с Одзаки не были ни для кого тайной, и тень подозрения могла пасть на резидента. И наконец, накануне отъезда Зорге в Москву его навещил шеф секретной службы компартии Кан Шэн и предупредил, что в разведывательную сеть проник провокатор. Сам факт того, что шефу секретной службы был известен нелегальный резидент Разведупра и его адрес, говорил о неблагополучии в системе конспирации резидентуры.

Документальное подтверждение отзыва «Рамзая» из Китая можно дополнить следующим фактом. В 1955 году Следственное управление КГБ занималось реабилитацией погибших в 1937—1938 годах сотрудников военной и политической разведок. Проверялись их «показания», выбитые на следствии, и для этого посылались запросы в другие организации. 19 декабря 1955 года ГРУ в ответе на запрос начальника Следственного управления КГБ Малярова сообщило о том, что: «...Нелегальный резидент Рамзай возглавлял нелегальную сеть Разведупра в Шанхае в 1930—1932 годах. В связи с угрозой его провала, ввиду грубых организационных ошибок, допущенных Рамзаем, из Шанхая он был отозван в Центр». Этот документ может поставить точку в спорах о том, почему Зорге был вынужден прекратить разведывательную работу в Китае, хотя впоследствии подозрение о «засвеченности» «Рамзая» не подтвердилось. Истинный характер и возможные последствия упущений и ошибок Зорге в Шанхае были основательно изучены и взвешены руководством Центра, после чего был сделан вывод, что нет оснований считать его расшифрованным контрразведкой¹. Его ожидала новая командировка, на этот раз в Японию.

¹ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. Ч. 1. М., 2002. С. 51.

² Цит. по: *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М.: ТЕРРА, 1996. С. 28.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29. Зорге формально не являлся одним из тех завербованных, о которых говорит В. Кривицкий. Он перешел работать в военную разведку, уже приняв советское гражданство.

⁵ Дело Рихарда Зорге. Известные документы / Публ. А. Г. Фесюна. М., 2000. С. 28. Далее — Дело Рихарда Зорге...

⁶ *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. С. 26.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Дело Рихарда Зорге... С. 32—33.

⁹ Эти независимость и самостоятельность Зорге были одной из причин его ухода из Коминтерна, откуда он был «вычищен» под предлогом «политической

невыдержанности» и принадлежности к группировке Бухарина. См.: *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. С. 47–58.

¹⁰ РГВА, ф. 37 837, оп. 3, д. 48, л. 1.

¹¹ Дело Рихарда Зорге... С. 44.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 45.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 50.

²² Там же. С. 51.

²³ *Яковлев Е., Дементьева И., Агаянц Н.* Товарищ Зорге. М., 1965.

²⁴ Чекисты. М., 1970. С. 156.

²⁵ В 1969 году в Болгарии были изданы мемуары Ивана Винарова, работавшего в 20–30-х годах в Разведупре. В них он пишет о Мамсурове, которого хорошо знал по тем годам, указывая его должность — заместитель начальника ГРУ. В 1971 году его воспоминания были переведены со значительными сокращениями и изданы в Москве. При переводе «заместитель начальника ГРУ» были вычеркнуты из текста книги. И Мамсуров в глазах советского читателя так и остался неизвестным генерал-полковником, не имеющим к военной разведке никакого отношения.

²⁶ Подробнее о нем см.: *Улановская Н., Улановская М.* История одной семьи. М., 1994.

²⁷ Тюремные записки Рихарда Зорге // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 175.

²⁸ РГВА, ф. 9, оп. 30, д. 53, л. 99.

²⁹ Там же, л. 86.

³⁰ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М. 2002. С. 370.

³¹ ВКП(б). Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. Ч. 2. М., 1999. С. 1137.

³² Там же. С. 1157.

³³ *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 101.

³⁴ Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2001. С. 496–497.

³⁵ Это не было вымышленным именем. После того как Зорге приехал в Германию поздней осенью 1929 г., он на короткое время выезжал в США, где договорился с редакциями двух американских газет о внештатном сотрудничестве под именем Алекса Джонсона. См.: *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 91.

³⁶ Знаменитые шпионы XX века. С. 326.

³⁷ Дело Рихарда Зорге... С. 71.

³⁸ Там же. С. 72. Относительно «старых грехов» бывший направлонец Зорге в Разведуправлении М. И. Сироткин писал: «...Склонность к злоупотреблению спиртными напитками бесспорно была одной из слабостей «Рамзая», проявившейся в первые месяцы его работы в Шанхае, где случилось, что в пьяном виде он ввязывался в драки и скандалы в барах и ресторанах...» Там же. С. 156.

³⁹ Дело Рихарда Зорге... С. 71.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. справку М. И. Сироткина «Опыт организации и деятельности резидентуры „Рамзая,» // Дело Рихарда Зорге... С. 170.

ЗАМЫСЕЛ ОПЕРАЦИИ

В нашей работе смелость, дерзание, риск, величайшее «нахальство» должны сочетаться с величайшей осторожностью. Диалектика!

Я. К. Берзин'

При исследовании истории разведывательной операции, а операция «Рамзай» не исключение, всегда ставится ряд вопросов, на которые стараются получить ответ. На каком разведывательном и военно-политическом фоне происходит разработка операции? Применительно к операции «Рамзай» вопрос заключается в том, что к моменту начала разработки операции было известно о военно-стратегическом положении Японии. На каком уровне имевшаяся разведывательная информация использовалась и кому докладывалась? Каким был военно-политический фон или, иными словами, какова была военно-политическая обстановка в Дальневосточном регионе? Каков был баланс сил на Дальнем Востоке в то время?

ИНФОРМАЦИЯ ПО ЯПОНИИ НА СТОЛЕ У СТАЛИНА НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ «РАМЗАЙ»

Если проанализировать всю рассекреченную разведывательную информацию обеих разведок за 1931—1933 годы, то есть за время, когда возникал замысел и разрабатывались основные направления операции «Рамзай», можно прийти к некоторым выводам, конечно, только предварительным. До полного рассекречивания разведывательной информации 30-х годов ни один современный исследователь не доживет. Политическая разведка в это время явно переигрывала военную, получая многочисленную документальную информацию из японских источников. И это были не оценки военно-политической ситуации и не анализ положения в Дальневосточном регионе. Аналитической работой в ОГПУ не занимались, некому было это делать, а полученные японские дипломатические документы отправляли на самый верх, в кабинет Сталина. Генсеку приходилось самому анализировать, сопоставлять факты и делать выводы из получаемой разведывательной информации. Ворошилов как наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета

также получал из ОГПУ неплохую военную информацию. А вот военная разведка (Разведупр) могла похвастаться, если судить по рассекреченным документам, только оперативно-тактической информацией, которая переправлялась в Москву из разведотдела штаба ОКДВА. Таким был расклад информации, когда разрабатывалась операция.

Можно не сомневаться, что Ворошилов как нарком и член Политбюро просматривал разведывательные документальные материалы по Японии в кабинете у Сталина. От своих такую информацию генсек не скрывал, да и подпись Ворошилова на некоторых документах имеется. Возможно также, что Сталин упрекал Ворошилова в том, что военная разведка не может добыть документальные материалы такой ценности. Если такие упреки были, то они наверняка доходили до Берзина и способствовали его решению разработать *свою* разведывательную операцию против дальневосточного соседа.

Сейчас историкам еще трудно представить весь объем разведывательной информации, которую получал Сталин после оккупации Маньчжурии. В сталинском фонде Архива Президента Российской Федерации (ф. 45, оп. 1) рассекречены пока еще только четыре дела с информацией ИНО ОГПУ за период с 1932 по 1935 год. Если верить некоторым достаточно хвастливым публикациям историков Службы внешней разведки о том, что Сталину клали на стол сотни листов полученных разведкой документов, тогда то, что сейчас рассекречено, — капля в море разведывательной информации, получаемой генсеком. К тому же среди рассекреченных папок разведывательной информации нет ни одной с информацией Разведупра. Трудно поверить, что такая мощная разведывательная организация не представляла ему обзорные и политические доклады и имеющиеся в управлении документы. Если бы у Берзина было чем похвастаться, то он, конечно, не упустил бы возможности и положил бы на стол «хозяина» все наиболее ценное, что у него было. Так что разведупровская информация у Сталина была, но пока она не рассекречена и недоступна историкам и исследователям.

Информация политической разведки поступала из двух источников. Первый источник — информация агентуры ИНО, включая и документальную информацию. Второй источник — информация Особого отдела. Этот отдел имел свою агентуру в иностранных посольствах в Москве. Имел и свою службу по вскрытию и фотографированию содержимого дипломатических вализ. Особенно это касалось японской дипломатической почты, которая отправлялась экспрессом Москва — Владивосток.

Отлично работали и сотрудники Специального отдела, руководимого Глебом Бокием, который занимался перехватом и дешифровкой иностранных дипломатических телеграмм и радиограмм.

Эти разнообразные источники информации позволяли ОГПУ докладывать высшему политическому, военному и дипломатическому

руководству страны подробную информацию о замыслах и действиях основных противников: Германии и Японии, а также правительств Англии, Франции, Италии и США. Источников информации у этой организации было гораздо больше, чем у военной разведки, и в начале 30-х в извечном соперничестве двух разведок ОГПУ явно переигрывало Разведупр. Если проанализировать рассекреченную разведывательную информацию ОГПУ, которая была доложена Сталину в 1931—1933 годах, то получится достаточно впечатляющая картина.

В июле 1931 года в японском посольстве в Москве произошла знаменательная встреча, которой суждено было войти в историю и японской разведки, и японо-советских отношений. В кабинете посла встретились посол Хирота, военный атташе подполковник Касахара и генерал-майор Харада. Генерал был командирован в Европу японским генштабом с особыми заданиями, связанными с подготовкой к вступлению в Маньчжурию, и ехал сухопутным путем — экспрессом Владивосток — Москва. Беседа была откровенной, и все присутствовавшие высказывались без всяких недомолвок, называя вещи своими именами. После беседы Касахара составил два документа. Он написал памятную записку о мнении посла Хирота и отправил ее начальнику японского генштаба. Вторым документом был конспект доклада, представленного генерал-майору Харада, в котором военный атташе высказал свое мнение о положении в Советском Союзе, о его Вооруженных Силах и, самое главное, о перспективах возможной войны между Японией и СССР.

Сотрудник японского военного атташата, завербованный ОГПУ, сфотографировал документы, и фотокопии попали в Особый отдел. Там сделали перевод, который и пролежал в отделе до 31 декабря. В конце года, когда стало ясно, что японская агрессия в Маньчжурии продолжает расширяться, продвигаясь на север, Сталин, очевидно, затребовал информацию от своих разведок о дальнейших планах Японии и ее действиях на азиатском материке. И руководство ОГПУ 19 декабря 1931 года представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо начиналось фразой: «Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР». Документы были представлены с грифами «Совершенно секретно, документально, перевод с японского»².

Очевидно, для генсека это был первый серьезный и обстоятельный материал о планах Японии и о возможной войне империи против Советского Союза. И изучал он его, если судить по многочисленным пометкам, очень внимательно. Затем материалы, как особо важные, попали в его личный архив, где и пролежали до 1998 года, когда были рассекречены и стали доступны исследователям.

Первым документом было резюме беседы посла Хирота с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 года. Этот короткий документ стоит привести полностью.

Посол Хирота просит передать его мнение начальнику генштаба Японии относительно государственной политики Японии:

«По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в овладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью»³.

Мнение посла, к тому же высказанное начальнику генштаба, о необходимости войны с государством, в котором он был аккредитован и с которым поддерживались нормальные дипломатические отношения, заслуживало внимания, и Сталин отчеркнул весь абзац, поставив против него цифру 1.

Конспект доклада Касахара, представленный генералу, также был тщательно прочитан и изучен, если судить по многочисленным пометкам Сталина.

В первом разделе доклада дается оценка общего положения в Советском Союзе и отмечается: «СССР в настоящий момент энергично проводит пятилетний план строительства социализма. Этот план ляжет в основу грядущего развития Советского государства. Центральное место в этом плане занимает тяжелая индустрия, в особенности те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением обороноспособности страны...»⁴

Во втором разделе, где анализируется состояние Вооруженных Сил СССР, военный атташе дает оценку военной политики страны.

В принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооруженные силы организуются, исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед интервенцией. Рассуждения о том, что постоянное прокламирование внешней угрозы является одной из мер внутренней политики, имеющей целью отвлечь внимание населения, вполне резонны, но все же основным стимулом в деле развития Вооруженных Сил СССР является страх перед интервенцией⁵.

Японский разведчик с дипломатическим паспортом дает свою оценку ситуации в Дальневосточном регионе: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом»⁶. Именно

этот абзац был подчеркнут Сталиным, когда он внимательно читал доклад. Касахара предлагал воспользоваться подходящим моментом и попробовать добиться своих целей мирным путем. Очевидно, он имел в виду покупку в первую очередь Приморья за умеренную плату: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей не открывая войны. Если же, паче чаяния, возникнет война, то она не представит для нас затруднений»⁷.

И в будущем подобные предложения о покупке чужих земель появлялись на страницах японской прессы, когда предлагали купить у Советского Союза северную часть Сахалина также по умеренной цене. Конечно, текст доклада не предназначался для Сталина, и его автору в страшном сне не могло присниться, что советский генсек с ним ознакомится. Поэтому можно только представлять, что чувствовал руководитель, а к тому времени и диктатор огромной страны, читая эти строки. На полях против них появилось его замечание: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотнем всякое издевательство?»⁸ Предложение Касахара о «покупке», подкрепленное штыками армии и орудийными стволами флота, сильно задело Сталина. Один из авторов просмотрел в архиве несколько сот страниц информации, которые легли на стол Сталина, но больше нигде не встречал такой эмоциональной реакции.

Как оценивать подобный доклад с точки зрения истории? Любой военный атташе — разведчик и сотрудник генштаба, и его предложение, в данном случае воспользоваться благоприятной обстановкой и начать войну, в какой-то мере выражало точку зрения руководства генштаба. Японский офицерский корпус всегда был агрессивно настроен по отношению к северному соседу. А после неудачной интервенции в период Гражданской войны в России, когда пришлось, ничего не добившись, с позором возвращаться на острова и подсчитывать потери и убытки, эта агрессивность вспыхнула с новой силой. Интервенция на советском Дальнем Востоке была первым поражением японской армии с момента ее создания. И офицеры армии, особенно офицеры генштаба и Квантунской армии, горели желанием взять реванш, выбрав удобный момент.

Военному атташе казалось, что удобный момент наступил, и он откровенно высказал свое мнение в докладе. Высказывать мнение о положении в стране пребывания было его прямой обязанностью. Подобные оценки давали военные атташе многих стран. И если исследователи когда-нибудь доберутся до докладов советских военных атташе начальнику Генштаба или наркому, то там тоже можно будет найти много весьма откровенных высказываний.

Так что Касахара был не одинок, и нельзя судить его слишком строго за высказанные пожелания. Тем более что в 1931 году это были только пожелания, и до их практического осуществления должны были

пройти годы и годы тяжелого труда по увеличению и усилению японской армии. Выражаясь современным языком, доклад был чем-то вроде протокола о намерениях — не более. Но это теперешние оценки, а тогда подобные высказывания оценивались по-другому.

Важное сообщение в 1932 году было направлено Сталину начальником ИНО Артузовым 29 января. На первой странице документа, озаглавленного «Деятельность и планы 2-го отдела французского генштаба», рукой Артузова надпись: «Тов. Сталину. Донесение вновь привлеченного агента, связанного с одним из отделов генштаба». Очевидно, ИНО удалось завербовать одного из офицеров французского генштаба, который в своем первом сообщении выдал информацию о деятельности генштаба в связи с событиями в Европе.

19 марта Сталину было направлено второе сообщение этого же источника. В нем сообщалось: «В результате последней встречи с известным Вам источником получены нижеследующие дополнительные сведения...»⁹

Источник, очевидно, достаточно крупный офицер генштаба, успел за это время побывать в Варшаве, где беседовал с начальником штаба польской армии генералом Гонсиоровским. Во время беседы польский генерал сообщил ему, что осенью 1931 года во время посещения Варшавы группой высокопоставленных японских офицеров между польским и японским генштабами было заключено письменное соглашение. «Гонсиоровский отметил, что согласно этому соглашению Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться по территории СССР»¹⁰. Документ подписали заместитель председателя ОГПУ Балицкий и начальник ИНО Артузов.

Если судить по многочисленным пометкам и подчеркиваниям, Сталин очень внимательно ознакомился с полученным документом. Как уже говорилось, это был характерный стиль генсека по отношению к разведывательной информации, которую поставляли ему обе разведки. Скрупулезное изучение всех без исключения получаемых документов, подчеркивание наиболее важных мест, комментарии на полях. И необходимость держать всю полученную информацию под рукой, то есть в своем личном архиве. На каждом документе, полученном от политической разведки, в левом верхнем углу его собственноручная резолюция: «В мой арх. И. Ст.». В информации от 19 марта он подчеркнул абзац о заключении соглашения между польским и японским генштабами. Очевидно, для него это была первая информация о возможной совместной военной угрозе с запада и востока. И конечно, учитывая эту информацию и возможность заключения союза между двумя странами в Европе и Азии, советская дипломатия пошла на уступки при заключении советско-польского договора о ненападении летом 1932 года. Взаимосвязь между информацией разведки и активностью советской дипломатии очевидна и не вызывает сомнений.

28 февраля на стол Сталина легла очередная информация ОГПУ. Сопроводительное письмо было подписано зампредом ОГПУ Балицким. В конце документального материала стояла фраза: «По Особому отделу». На этот раз сработала агентура в японском посольстве в Москве. Балицкий просил Сталина лично ознакомиться с подлинным документом, составленным японским военным атташе в Москве Касахара Юкио 29 марта 1931 года. Документ был озаглавлен «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза» и направлен в генштаб в Токио. Балицкий писал: «Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят генерал-лейтенант Араки и Хасимото — начальник русского сектора генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов». В этом официальном документе Касахара Юкио за полгода до начала оккупации Маньчжурии предлагал генштабу как можно скорее начать войну против Советского Союза.

Сталин очень внимательно читал этот доклад. Многочисленные подчеркивания, отчеркивание отдельных абзацев и фраз, нумерация подчеркнутых мест. Он взял из архива предыдущий документ с резюме посла Хирота и, добавив два отрывка из доклада Касахара, получил материал для статьи в «Известиях», наделавшей столько шума и в 1932 году, и после войны во время Токийского процесса, когда этот документ был предъявлен советским обвинением в качестве доказательства подготовки Японии к войне против Советского Союза.

Из первого раздела доклада «О политике в отношении СССР в аспекте японо-советской войны» он выделил абзац, обозначив его цифрой 2: «...японо-советская война, принимая во внимание состояние Вооруженных Сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается все более благоприятной для них. Я считал необходимым, чтобы имперское правительство повело бы политику с расчетом как можно скорее начать войну против СССР».

Во втором разделе японский военный атташе рассматривал «Первоочередные вопросы, связанные с проведением войны с Советским Союзом». Здесь Сталин цифрой 3 обозначил отчеркнутый им абзац, подчеркнув в нем некоторые предложения.

Вполне возможно, что несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий, нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому

времени, и в особенности от состояния государств, которые выступят с Запада. В том случае, если мы остановимся на забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупационный Забайкальский край и Дальний Восток полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий.

[...] Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на Советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путем которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых группировок внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций...¹¹

Все что им было отмечено, и составило документальную основу статьи в «Известиях». На сопроводительном письме резолюция Сталина: «Из рук в руки. Членам ПБ (каждому отдельно) с обязательством вернуть в ПБ. Ст.». И рядом под словом «Читал» подписи Ворошилова, Молотова, Куйбышева и Ягоды. Так что можно не сомневаться, что статья в «Известиях» появилась по решению Политбюро.

Публикация 4 марта в «Известиях» передовой статьи с выдержками из японских документов произвела сильное впечатление и в Токио, и в японском посольстве в Москве. Касахара сразу же понял, что он стал «героем» публикации. Для опытного разведчика, каким был военный атташе, это был грубый просчет. И чтобы как-то смягчить происшедшее, он отправил 7 апреля телеграмму начальнику разведывательного управления генштаба за № 21, в которой сообщил: «Имеются основания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом». Прав ли был военный атташе? Получил ли Особый отдел фотокопию его доклада, также предъявленную советским обвинением Токийскому трибуналу, от своей агентуры в японском посольстве в Москве или от вскрытия дипломатической вализы в экспрессе Москва — Владивосток, пока неизвестно. И вряд ли в обозримом будущем удастся установить истину — Центральный архив ФСБ надежно хранит свои тайны.

Опытный разведчик Касахара понимал, что разведка должна действовать против главного противника со всех направлений: не только с Дальнего Востока, но и с Юга, используя Афганистан и Пер-

сию, и из Европы. Поэтому он предлагал военной разведке империи заняться не только сбором сведений об СССР из европейских стран, и в первую очередь из Прибалтики, Польши и Румынии, но и проведением политических комбинаций против СССР. По его мнению, разведка вместе с дипломатией должны были сделать все возможное, чтобы вовлечь наших западных соседей в конфликт в случае войны Советского Союза с Японией. Поэтому он предлагал учредить должность военного атташе, с соответствующим штатом сотрудников, в Румынии. Подполковник считал, и свое мнение высказал в докладе, что Румыния имеет громадное значение для проведения политических комбинаций, так как «в случае войны с Советским Союзом Румыния вместе с Польшей будет сковывать акции Красной Армии против нас. Исходя из наших оперативных планов против СССР нам нужно будет хорошо знать ситуацию в этой стране и иметь правильное представление о румынской армии»¹².

При ознакомлении с докладом Сталин обратил внимание на раздел о дальнейшем развитии вооруженных сил империи. Военный атташе рассматривал два варианта. Первый — организация вооруженных сил с таким расчетом, чтобы быть готовым к войне с Советским Союзом в любой момент. И второй вариант — постепенное изживание дефектов в деле обороны империи, с тем чтобы через 10 лет завершить программу вооружения армии. И опять карандаш генсека подчеркивал наиболее важные слова доклада: «Вопрос заключается в том — какая установка должна быть принята. Если будет взят курс на скорейшее начало войны с СССР, нужно принять первое предложение. Второе предложение может быть взято в том случае, если не будет определен точно срок войны с СССР. Нам нужно иметь в виду то, что в настоящий момент или в ближайшем будущем СССР в случае войны с Японией будет лишен возможности развернуть военные операции большого размаха»¹³.

В июне 1932 года Сталин был в отпуске. В Москве «на хозяйстве» остался Лазарь Каганович, который вел очередные заседания Политбюро. Ему и было адресовано новое письмо Балицкого, в котором тот сообщал, что дополнительно направляет переводы с подлинных японских документов. Политическому руководству страны была предоставлена перехваченная и расшифрованная переписка между новым японским военным атташе в Москве Кавабэ с японскими военными атташе в Берлине и Варшаве, а также решение совещания японских военных атташе из Стамбула, Москвы, Варшавы и Риги. Японские разведчики с дипломатическими паспортами обсуждали вопрос об активизации разведывательной работы против Советского Союза и свои рекомендации направили начальнику второго (разведывательного) отдела японского генштаба в зашифрованной телеграмме. Эта телеграмма была также перехвачена, расшифрована и направлена в Политбюро. Была в этой подборке

документов и шифрованная переписка штаба Квантунской армии с японским военным атташе в Москве, и телеграммы в Токио японских военных атташе в Лондоне и Москве, адресованные помощнику начальника генштаба.

Каганович прочитал все полученные материалы и на сопроводительном письме наложил резолюцию: «Вкруговую, членам ПБ. Л. Каганович»¹⁴. На одном из заседаний Политбюро с материалами знакомились все присутствующие, и на сопроводителке появились подписи Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Андреева, Калинин и Микояна. После этого материалы были отправлены в личный архив Сталина.

Наиболее ценной и имеющей значение для членов Политбюро была телеграмма № 616 от 19 апреля на имя Кавабэ от начальника штаба Квантунской армии. Эта телеграмма также была перехвачена и расшифрована. В ней давался анализ обстановки в Маньчжурии и на советской границе. Сообщалось, что СССР в данный момент не намерен затевать вооруженный конфликт с Японией в Северной Маньчжурии. В телеграмме отмечалось: «Квантунская армия исходя из общей политики по возможности будет стремиться к установлению дружеских отношений с СССР и воздерживаться от мер, которые будут нервировать последнего...»¹⁵ Информация была исключительной важности, исходила из такого ценного источника, как начальник штаба армии, и подтверждала предположения некоторых советских политических и военных деятелей, утверждавших, что в 1932 году войны не будет.

В Москве могли вздохнуть с облегчением. Из полученной информации подразумевалось, что пересекать границу и вступать на советскую территорию японские части не собираются. Сил для этого у Квантунской армии в то время еще не было. Надежных сил, чтобы дать сокрушительный отпор в случае нарушения советских границ, не было и у ОКДВА. В это время мероприятия по усилению дальневосточной группировки только начинались, и до их завершения было еще очень далеко.

Судя по рассекреченным делам личного архива Сталина, документы политической разведки появились только в 1933 году. Конечно, это была не вся информация ИНО, которая попадала на стол к генсеку. Сталин отправлял в свой личный архив только наиболее ценную и интересную информацию, которая постоянно должна была быть под рукой. Остальная разведывательная информация после ознакомления и внимательного чтения возвращалась обратно в те ведомства, которые ее представляли.

19 мая 1933 года зампред ОГПУ Яков Агранов, курировавший работу разведки, предоставил Сталину три доклада английского посла в Токио в Форин Оффис, полученные по каналам разведки, очевидно, в Лондоне. 5 января 1933 года английский посол в То-

кио Диндлей высказал в докладе свое мнение о военных приготовлениях в Японии.

К письму английского посла был приложен меморандум английского военного атташе в Токио о производстве военных материалов, в котором он, используя информацию, «полученную из совершенно достоверных источников», констатировал: «...Я прихожу к такому мнению, что теперешняя активность и решение о перевооружении японской армии направлены главным образом против России...»¹⁶ Эти слова также были подчеркнуты Сталиным. В конце этих полученных политической разведкой документов стояла подпись начальника ИНО Артузова.

Второй доклад посла, адресованный Джону Саймону, был написан 9 декабря 1932 года. Посол после бесед с военным и военно-морским атташе высказал свое мнение о возможности советско-японской войны. При этом он обратил внимание на расхождение во взглядах между командованием сухопутной армии и военно-морского флота империи. Конечно, ничего нового в этих расхождениях не было, и они были достаточно хорошо известны. Но на этот раз их высказывал английский посол, да еще в секретном документе, полученном по каналам разведки. И Сталин обратил на это внимание. Тем более что документ был подписан руководителем разведки Артузовым, а к мнению этого профессионала вождь прислушивался. Поэтому его карандаш подчеркнул основные положения доклада посла.

Если говорить об армии, то среди всех хорошо информированных военных атташе в Токио существует единодушное мнение: японские армейские круги убеждены в том, что война с Россией рано или поздно неизбежна.

<...> Морское командование придерживается других взглядов. Россия в настоящий момент слишком слаба на море для того, чтобы считаться потенциальным противником японского флота.

26 ноября 1933 года Агранов предоставил Сталину доклад американского посла в Токио Джозефа Грю, отправленный в Вашингтон 14 сентября. И опять карандаш Сталина подчеркивал те места доклада, в которых говорилось о возможной войне между Японией и Советским Союзом. Вот только несколько выдержек из доклада посла, на которые он обратил внимание: «Но теперь они готовятся к выступлению против России...»; «Токио пытается спровоцировать Советский Союз на войну без того, чтобы затронуть США...»; «Я уже много раз сообщал Вам, что общественное мнение считает русско-японский конфликт неизбежным...»¹⁷

Когда знакомишься с документами политической разведки, положенными на стол Сталина, с его резолюциями, подчеркиваниями,

отчеркиваниями отдельных абзацев, видишь то, на что он обратил внимание, чем заинтересовался, что для него было важным в дальневосточных делах. И можно представить, что же для него было главным во взаимоотношениях с Японией. Конечно, рассекреченных документов разведки явно недостаточно, чтобы сделать однозначные выводы, тем более что неизвестны аналитические обзоры Разведупра, касающиеся проблем Дальневосточного региона. А такие обзоры, конечно, были, и Сталину они докладывались. Разведупр славился своей аналитической службой, возглавляемой помощником Берзина Никоновым. А из всего известного пока исследователям можно сделать главный вывод — для Сталина основной в эти годы была угроза войны с Японией.

Может быть, поэтому Сталин во всех документах, которые ему докладывали, искал и, конечно, находил подтверждения своему убеждению о неизбежности войны с Японией. Ни о каком миролюбии с его стороны — политику на Востоке определял только он — не могло быть и речи. Возрождая былую славу и мощь Российской империи и смотря с вожделием на утерянные на Западе земли, диктатор не забывал и о Востоке. Но для того, чтобы получить обратно то, что было утрачено после поражений 1905 года, нужна была новая победоносная война с Японией. А к такой войне в первой половине 30-х Советский Союз еще не был готов. Япония же, особенно высшее офицерство армии, подойдя вплотную к советским дальневосточным границам на огромном протяжении, могла ввязаться в новую военную авантюру.

В 1932 году информация, получаемая высшим военным руководством и в первую очередь наркомвоенмором Ворошиловым из ОГПУ, имела большое значение. Все поступающие оттуда документальные материалы хранились в его секретариате в особой папке. 23 июня Ворошилов получил дешифрованную телеграмму из Токио, которая была послана японскому военному атташе в Москве. В телеграмме сообщалась дислокация частей Квантунской армии. В этот же день наркому были переданы задания, полученные японским военным атташе подполковником Кавабэ из разведотдела японского генштаба. Подполковнику предписывалось изучать вопросы, связанные с развитием военно-воздушных сил СССР — систему организации, технические данные самолетов и моторов, тактику действий авиационных частей. 10 июня наркому были посланы бюллетени японского генштаба по СССР за апрель и май 1932 года, а также сводки морского штаба Японии по СССР с имевшейся в Токио информацией об усилении советских военно-морских сил на Дальнем Востоке¹⁸.

Некоторые сведения о частях Красной Армии на Дальнем Востоке были суммированы в «Военном бюллетене по СССР № 32» от 25 апреля 1932 года. Перевод этого документа с грифами «Совершенно секретно» и «Документально» также был послан Ворошило-

ву из Особого отдела 10 июня¹⁹. Контрразведчики сработали оперативно, и ценная информация легла на стол наркома. В этом бюллетене наиболее полно была показана численность и дислокация советских войск на всей обширной территории от Иркутска до Владивостока.

Иностранные дипломатические представители в Москве внимательно следили за изменением военно-политической обстановки в Дальневосточном регионе, строили свои прогнозы, высказывали свои суждения и, конечно, обменивались мнениями в разговорах друг с другом.

ИЗ «БЮЛЛЕТЕНЯ ПО СССР № 4» ГЕНШТАБА ЯПОНИИ

от 22 февраля 1932 г.

По словам представителя Чехословакии в Москве, за последнее время не только в высших военных кругах Советского Союза, но и в партийных кругах все чаще и чаще раздаются голоса с требованием поддержать престиж СССР и взять более твердый политический курс. Во главе этого движения стоят: Молотов (председатель СНК), Ворошилов (НКВМ), Енукидзе (видный партийный деятель), но Сталин (фактический диктатор), считаясь с общим положением страны и из соображений выполнения пятилетнего плана, возражает против твердой политики²⁰.

Такой информацией стратегического характера, полученной из ОГПУ, располагало политическое и военное руководство страны в 1932—1933 годах, когда разрабатывалась операция «Рамзай». Сейчас пока невозможно с уверенностью сказать, обменивалось ли руководство наших обеих разведок подобной информацией. Но даже если такого обмена не было, то несомненно одно: Берзин знал многое из того, о чем информировали Сталина и Ворошилова. Он также понимал, что при осуществлении разведывательной операции на Японских островах рассчитывать сразу на такой богатый «документальный улов» нельзя. Подобные успехи — в далекой перспективе.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДОТДЕЛА ШТАБА ОТДЕЛЬНОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ АРМИИ (ОКДВА)

Во время конфликта на КВЖД в 1929 году и в последующие годы на Дальнем Востоке был создан крупный центр агентурной разведки оперативно-тактического характера. ОКДВА была армией только по названию. Фактически в начале 30-х, когда началось уси-

ление дальневосточных рубежей, это был очень крупный и по территории, и по количеству войск пограничный военный округ. В Хабаровске находились командование и штаб армии, а в штабе — разведывательный отдел, закамуфлированный под номером 4, по аналогии с 4-м управлением штаба РККА.

Со времен Российской империи пограничные военные округа имели свою агентурную сеть на территории сопредельных стран. Эта сеть обслуживала территорию в тактической зоне на глубину до 250 километров и отслеживала все изменения в пограничных гарнизонах и крепостях, а также внимательно следила за развитием железнодорожного строительства, которое велось по направлению к границам империи. Под пристальным наблюдением агентуры были также и перемещения войск в пограничных районах. В результате такой деятельности в штабах пограничных округов хорошо знали обо всем, что происходило за линией границы. После окончания Гражданской войны и установления границ на западе и востоке Разведупр взял на вооружение этот уже проверенный метод наблюдения за погранзоной возможных противников. Это была обычная практика повседневной разведывательной работы в мирное время. Эта система давала обильную информацию, которая учитывалась в Москве, существенно дополняя информацию стратегической военной разведки, а иногда и заменяя ее, когда таковая отсутствовала.

Разведотдел штаба ОКДВА не составлял исключения. После начала японской агрессии в Маньчжурии к уже имевшейся агентуре военной разведки в этом регионе добавляются новые резидентуры и агентурные сети. Идет не только наблюдение за усилением и перемещением частей японских Квантунской и Корейской армий, но и проникновение в структуру японских военных органов на азиатском континенте. Информационный сектор отдела очень внимательно отслеживал всю иностранную прессу, которая поступала в Хабаровск из многочисленных советских консульств в Маньчжурии, Корее и Японии. Вся собранная информация систематизировалась и анализировалась в военно-политических бюллетенях разведотдела. Это позволяло командованию ОКДВА, и в первую очередь Блюхеру, быть в курсе политических и военных событий в Дальневосточном регионе.

В бюллетене № 3 от 28 марта указывалась выявленная агентурой дислокация японских войск в Маньчжурии. На западной ветке КВЖД в Хайларе дислоцировалась 1-я кавалерийская бригада. В районе Цицикара — части и штаб 14-й пехотной дивизии. В Харбине располагался один из полков 10-й дивизии, остальные части дивизии находились на восточной ветке КВЖД от Мулина до станции Пограничная около советско-маньчжурской границы. Отмечались также переброски из этих частей сводных отрядов в китайскую провинцию Жэхэ, где в то время шли бои с частями китайской армии²¹.

В бюллетене № 4 от 5 мая давалась оценка общей обстановки в Маньчжурии. Отмечалось, что в Маньчжурии сейчас нет серьезной организованной силы, могущей иметь решающее значение в антияпонской борьбе. Все вооруженные формирования китайской армии или были разгромлены, или вытеснены на советскую территорию. Подчеркивалось, что это положение составляет важнейший момент для правильной оценки современной военной и политической обстановки в Маньчжурии и внешней политики японского империализма.

Более подробная оценка международного положения Японии и подготовки ее к войне была дана в следующем номере бюллетеня (№ 5 от 5 июня 1933 года). В нем отмечалось, что «по совершенно проверенным агентурным данным, часть японских руководящих военных кругов в начале мая считала возможным прибегнуть к военной силе в случае невыполнения нами требований Маньчжоу-Го по вопросу о КВЖД»²². Такая антисоветская активность Японии, по мнению разведотдела, питалась в значительной степени возросшими надеждами на ухудшение международного положения Советского Союза. В особенности японская военщина рассчитывала на поддержку Англии и на использование антисоветских настроений, усилившихся в Германии после гитлеровского переворота.

В бюллетене указывалось, что задача дипломатической изоляции СССР и сколачивание антисоветского блока не может еще считаться решенной. Отмечалось также, что среди японской военщины растет убеждение в том, что военная мощь СССР выросла и поэтому задача войны один на один против СССР может оказаться для Японии непосильной. Это начали понимать даже в высших военных кругах Японии. В бюллетене приводилась информация, полученная по агентурным каналам: командующий Квантунской армией генерал Муро высказал перед японским правительством точку зрения, что хотя СССР и переживает некоторые внутренние экономические затруднения, но военная мощь его не может подвергаться никаким сомнениям. Поэтому, заявил генерал, Япония должна избегать методов грубого давления на СССР, разрешать спорные вопросы на данном этапе дипломатическим путем и продолжать работать над усилением своей армии в Маньчжурии, увеличением средств боевой техники.

В этом же бюллетене отмечалось и усиление японской армии на 4 дивизии, создание в Маньчжурии в районе Хайлара мощной кавалерийской группы в составе двух кавалерийских бригад, конной артиллерии, бронемашин и моторизованной пехоты. В бюллетене № 6 от 20 июля шла речь о переброске и дислокации японских войск в Маньчжурии. Четыре пехотные дивизии, одна пехотная бригада и две кавалерийские бригады — вот те японские войска, которые были вскрыты разведкой штаба ОКДВА. Корейская армия, состоявшая из двух дивизий и частей усиления, не увеличивалась и оставалась в местах прежней дислокации.

Особое внимание разведка уделяла формированию маньчжурских кавалерийских частей и созданию мощной группировки конницы. Вот строки из бюллетеня: «Наличие на Забайкальском направлении двух кавалерийских бригад и формирование монгольской конницы указывают на стремление японцев создать в этом районе нечто вроде конной армии. Сейчас обе кавалерийские бригады объединяются общим командованием генерала Усами со штабом кавалерийской группы. По агентурным данным, осенью этого года в Маньчжурию будет переброшена из Японии 2-я кавалерийская бригада»²³.

Агентурная разведка держала под контролем всю территорию Маньчжурии. Отмечались переброски частей 6-й пехотной дивизии из Маньчжурии обратно в Японию и наличие в захваченной провинции Жэхэ 8-й пехотной дивизии и смешанной бригады японских войск. К ноябрю 1933 года, по данным советской военной разведки, в Маньчжурии в составе Квантунской армии оставались только две пехотные дивизии (10-я и 14-я), одна смешанная бригада и кавалерийская группа, о которой сообщала агентура. Для такой обширной территории — немного. Общая численность армии, по японским документам, 94 тысячи человек — только для выполнения полицейских функций в захваченной стране. В целом военная разведка в дальневосточных районах выполняла свои задачи и регулярно информировала командование ОКДВА. Но получение стратегической информации ей было, конечно, не под силу. Для этого нужны были разработки специальных разведывательных операций в штаб-квартире военной разведки (Большой Знаменский переулок, 19).

Военно-стратегическая информация о положении Японии и о ее дальнейших агрессивных планах на азиатском континенте была необходима в первую очередь руководству Наркомата и штаба РККА при планировании различных мероприятий по усилению вооруженных сил на Дальнем Востоке. Такое усиление началось уже зимой 1931/32 года и в 1932-м шло полным ходом. И для правильного планирования подобная информация нужна была как воздух. Тем более что все сроки были упущены и с момента начала оккупации Маньчжурии прошло уже полтора года. Фактически планирование подобной разведывательной операции надо было начинать уже весной 1931 года, когда, по всем имевшимся в Москве данным, было ясно, что японская агрессия на азиатском континенте, причем именно в Маньчжурии, неизбежна, а захват этой провинции Китая выводит части японской армии к советским дальневосточным границам в Приморье, Приамурье и Забайкалье. Тысячи километров незащищенных советских границ могли оказаться под прицелом японской армии, и о такой перспективе должно было задуматься руководство советской военной разведки.

ЧЕТВЕРТОЕ УПРАВЛЕНИЕ ШТАБА РККА: У ИСТОКОВ ОПЕРАЦИИ «РАМЗАЙ»

Любая разведывательная операция любой разведки не начинается на пустом месте. Нужны серьезные события в дипломатической, политической или военной областях, которые дали бы толчок для возникновения идеи операции и определили бы ее замысел. Операция «Рамзай» — не исключение. События, начавшиеся 19 сентября 1931 года в Маньчжурии, привлекли к этому району внимание всего мира. Первый очаг Второй мировой вспыхнул на азиатском континенте за восемь лет до начала войны в Европе. Встрепенулись и навестили уши разведки крупнейших стран мира: английская, французская, американская. Японская разведка развернулась в полную силу. Лучшие ее представители, такие как Доихара и Итаки, отправились на азиатский континент в сопровождении целой толпы более мелких разведчиков.

В «шоколадном домике» — штабе советской военной разведки — внимательно следили за событиями. Для получения более точной информации использовалась китайская резидентура Рихарда Зорге. Но пока не ясно было, как развернутся дальнейшие события. После захвата Южной Маньчжурии японские войска могли повернуть и на запад, в сторону китайской провинции Чахар, чтобы получить выход к центральным районам Китая. В этом случае необходимо было усиливать разведывательную сеть и создавать новые резидентуры в этой стране. Конечно, в Москве не исключали и такой вариант, когда японская агрессия на материке распространялась бы в северном направлении, к границам Советского Союза. Но в последние месяцы 1931 года ясности еще не было.

К весне 1933 года японская разведка, получив маньчжурский плацдарм и прямой выход к советским дальневосточным границам, начала активную разведывательную и диверсионную деятельность против дальневосточных районов страны, используя свои филиалы в крупнейших маньчжурских городах. Филиалы были прикрыты вывесками военных миссий и руководили многочисленными белоэмигрантскими организациями в Маньчжурии, используя членов этих организаций в качестве своей агентуры. Обо всем этом знали в Разведывательном управлении штаба РККА. Руководитель военной разведки Берзин и его ближайшие помощники понимали, что активность японской разведки будет нарастать. Такой была обстановка, когда началось осуществление операции «Рамзай».

Каким был центральный штаб военной разведки к 1933 году? У этой организации было много названий. Во время Гражданской войны военную разведку закамуфлировали под невинным названием Регистрационного управления, или по принятой тогда сокращен-

ной терминологии — Региструп. После окончания Гражданской, в период бурного сокращения Красной Армии, управление ликвидировали, штаты военной разведки сократили, и в штабе РККА появился скромный разведотдел. В 1924 году, когда началась военная реформа, поняли, что палку перегнули, и отдел развернули в Разведывательное управление, или сокращенно — Разведупр. В 1926 году, очевидно, для большей секретности, все управления штаба РККА переименовали в номерные. Разведупру достался порядковый номер 4, и с этого года в штабе появилось безликое 4-е управление. И хотя подобный камуфляж никого не мог ввести в заблуждение, а иностранные разведки тем более, это безликое название сохранилось до 1934 года. Но, несмотря на смену вывесок, и в руководстве наркомата, и в разговорах высшего командного состава название Разведупр укоренилось прочно. Так что это название можно принять и современным исследователям.

Управление имело пять отделов — войсковой разведки, агентурный, информационно-статистический, по связям с иностранными военными атташе и дешифровальный. Общее число сотрудников, включая технический и обслуживающий персонал, — 120 человек. Но это по штату, а к ним нужно добавить еще 350 секретных сотрудников, или «прикомандированных», как они числились в официальных документах. Ближайшие помощники Берзина — начальник агентурного отдела Борис Мельников и начальник информационно-статистического отдела Александр Никонов. Еще один помощник «для особых поручений» — Василий Давыдов. С ними Берзин начал разработку операции «Рамзай».

Если о Давыдове кое-что писали в статьях и книгах о Зорге, то о двух начальниках отделов читателям ничего не известно. Ни в одной статье или книге они даже не упоминаются. Поэтому об одном из них стоит сказать несколько слов.

Борис Мельников — старый разведупровец, работавший в управлении еще в начале 20-х и прекрасно знавший Дальний Восток, Японию, Китай, Монголию. У этого человека была богатая биография даже по меркам того бурного времени. Родился в Забайкалье в 1895 году. Из крестьянской семьи. Учился в начальном городском училище и в реальном училище. В 1915 году поступил на первый курс Петроградского политехнического института, на кораблестроительное отделение. Но через год его призвали на военную службу и отправили в Михайловское артиллерийское училище, которое он и окончил в 1917 году. Была у парня мечта — строить корабли, о чем он откровенно и написал в анкете всероссийской переписи членов РКП(б) в 22-м²⁴. Но вместо дальнейшей учебы и осуществления своей мечты пришлось осваивать профессию разведчика. С начала Февральской революции принимал в ней активное участие, находясь в Петрограде. В партию вступил в 1916 году. После

окончания училища был отправлен на военную службу в Иркутск. Там его избрали членом Иркутского Совета солдатских и рабочих депутатов. Во время Октябрьской революции был назначен Советом начальником иркутского гарнизона, и под его командованием войска гарнизона взяли власть в городе в декабре 1917-го. За руководство восьмидневными боями за Иркутск был в феврале 1933 года награжден орденом Красного Знамени. Представление к награждению подписали Постышев, Блюхер и Берзин²⁵.

После восстания чехословаков вступил в Красную Армию, пошел на фронт. И началась война Гражданская. Попал в плен к японцам, сидел в тюрьме в Хабаровске и после освобождения в декабре 1918-го эмигрировал в Китай. Год в эмиграции в Китае и Японии. После возвращения в начале 1920-го был командирован на Амур — комиссар штаба Амурского фронта, член Реввоенсовета Восточного фронта, комиссар 2-й Амурской армии, командующий войсками Приамурского военного округа. Комиссарские должности были прикрытием для руководства разведывательной деятельностью и против белых, и против японских оккупационных войск на Дальнем Востоке.

В начале 1922 года Мельников откомандировывается в распоряжение Реввоенсовета Сибири и здесь назначается помначразведупра. Продолжается работа в военной разведке уже на более высоком уровне. Летом 22-го его откомандировывают в Москву в Разведупр республики. Центральному аппарату военной разведки нужны были люди с боевым опытом, хорошим образованием, знающие языки (английским Мельников владел свободно), обстановку в зарубежных странах и имеющие опыт разведывательной работы.

Тогда-то впервые и встретились заместитель начальника управления Берзин и новый сотрудник, назначенный начальником восточного отделения агентурной части. Год работы в Москве под руководством Берзина пополнили его опыт, навыки разведывательной деятельности, расширили кругозор разведчика — люди в тот бурный период росли быстро. И в мае 1923-го, как он писал в своей автобиографии, «командировка на секретную работу в Китай»²⁶.

Весной 1924-го Мельниковым заинтересовались в Наркоминделе. Дипломатам нужен был заведующий отделом Дальнего Востока: образованный, владеющий хотя бы одним иностранным языком и, главное, хорошо знающий обстановку в этом регионе. Наркоминдел Чичерин обратился к Берзину, и новый начальник Разведупра дал отличную характеристику своему сотруднику: «...В разведке специально по Дальнему Востоку работает с 1920 года. Лично побывал в Японии, Китае и Монголии. Изучил и знает во всех отношениях как Китай, так и Японию. Весьма развитый и разбирающийся в сложной обстановке работник, не увлекающийся и не зарывающийся. Политически выдержан. Большая работоспособность и инициатива». Но при этом он добавлял, что «затруднение с его

откомандированием в Ваше распоряжение только в том, что на Востоке нам нечем его заменить...»²⁷

Способных и опытных работников не хватало в то время ни дипломатам, ни разведчикам. И началась многомесячная тяжба двух ведомств, в которую вмешался учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б). Пришлось Берзину разъяснять цековским аппаратчикам, что «Разведупр настолько беден людьми, что не может выделить для других учреждений людей, если этого не требуют интересы республики»²⁸. Но все-таки он согласился на то, чтобы Мельников временно поработал начальником отдела Дальнего Востока, полагая, что полученный дипломатический опыт пригодится в его дальнейшей разведывательной работе.

Несколько месяцев дипломатической работы Мельникова прошли, и в сентябре 1924-го Берзин потребовал вернуть своего сотрудника. Но дипломаты уже считали его своим и расставаться с новым способным работником не желали. 8 сентября Чичерин обращается с письмом к секретарю ЦК Кагановичу, в котором пишет: «Разведупр покушается на отнятие у нас заведующего отделом Дальнего Востока т. Мельникова. Я не только самым решительным образом против этого протестую, но рассчитываю на Ваше содействие и убедительно прошу Вас помочь в этом деле»²⁹.

Ввел в действие «тяжелую артиллерию» и Берзин, убедив своего куратора Уншлихта обратиться в организационно-распределительный отдел ЦК. В письме от 18 сентября он, мотивируя отзыв Мельникова из Наркоминдела, указывал, что «Разведупру, в силу объективных условий, необходимо срочно заменить ряд ответственных работников на Западе, для чего требуются люди с военной подготовкой, знанием языков и солидным опытом разведработы. Таковых работников в резерве Разведупра не имеется, не может их выделить и армия»³⁰. Мельникова готовили к серьезной разведывательной работе в Европе, и за него Берзин дрался до конца, используя все средства воздействия на кадровиков из ЦК.

На этот раз история с Мельниковым закончилась компромиссом. В течение двух лет он совмещал дипломатическую деятельность с разведывательной, работая и в Наркоминделе, и в Разведупре. С 1926 года ему пришлось заниматься только дипломатической работой. С 1928 по 1931 год он — генеральный консул в Харбине, а в 1931 году поверенный в делах Полпредства СССР в Японии. Но Берзин надеялся вернуть Мельникова обратно в Разведупр, и в начале 1932-го ему это удалось. Возможно, он использовал вес и влияние нового зампреда Реввоенсовета Яна Гамарника в цековских кабинетах, а может, помог и Ворошилов. Мельников вернулся в «шоколадный домик», в котором начинал свою работу в разведке десять лет тому назад. Но вернулся зрелым квалифицированным профессионалом, обогащенным большим опытом дипломатической

работы и ценнейшими знаниями проблем Дальнего Востока, способным успешно руководить агентурной работой и курировать дальневосточное направление военной разведки³¹.

Таким был человек, возглавлявший агентурный отдел во время планирования операции «Рамзай» и принимавший непосредственное участие в разработке этой операции.

Документальным подтверждением участия Мельникова в разработке операции могут служить собственноручные показания Берзина, данные им во время следствия 7 февраля 1938 года: «...В связи с трудностью организовать агентурную разведку на Японию у меня возникла мысль использовать его (Зорге. — *Авт.*) для работы на Японию, так как с положением на Дальнем Востоке он ознакомился и создал там себе прочное положение журналиста. В 1932 году в конце или в первой половине 1933 года Рамзай был вызван в Москву для доклада и выяснения возможности его работы в Японии. Он считал работу в Японии (под маркой немецкого журналиста) вполне возможной и считал успех обеспеченным. Разработку плана организации нелегальной резидентуры «Рамзая» в Японии и инструктаж самого Зорге, насколько мне помнится, вел мой заместитель по агентуре Мельников. В задачу Зорге ставилось создание нелегальной резидентуры в одном из крупных центров Японии (где ему удобнее по местным условиям проживать), установить радиосвязь с нами и вести военную разведку по Японии...»³²

25 сентября 2000 года в Москве прошел Второй международный симпозиум, посвященный памяти Зорге. Основной доклад с российской стороны «Трудный путь правды о Рихарде Зорге» сделал ветеран советской внешней разведки, генерал-лейтенант С. А. Кондрашев, который в начале 60-х годов принимал участие в изучении документов ГРУ и КГБ, относящихся к Зорге, и в подготовке «Справки о Зорге» советскому руководству от 3 ноября 1964 года за подписями А. Шелепина, В. Семичастного и И. Ивашутина, на основании которой было восстановлено доброе имя Зорге и ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В своем докладе С. А. Кондрашев обнародовал целый ряд документов Разведупра и НКВД, которые раньше никогда не публиковались. Основное место среди них занимали показания Берзина, взятые из его следственного дела. Они предельно четко показывали отношение к Зорге со стороны политического и военного руководства в то время и атмосферу всеобщего психоза, подозрительности и шпиономании, охватившей страну. В своих показаниях Берзин также сообщил: «Связь (письменную) «Рамзай» должен был держать через специальную явку в Шанхае, с тем чтобы шанхайская резидентура переправляла сообщения дальше. Организационный период этой резидентуры длился очень долго. При сдаче дел в

1935 году я Урицкому указал на это и советовал или отозвать, или вызвать Рамзая для доклада»³³. Под специальной явкой в Шанхае Берзин подразумевал шанхайскую резидентуру Разведупра, руководимую Яковом Брониным.

Почему в литературе о Зорге не упоминается фамилия Мельникова? Ответ могли бы дать сотрудники Главного разведывательного управления, ведь это они в 1964—1965 годах разрабатывали «образ» первого советского разведчика, о котором разрешили писать советской прессе. Можно не сомневаться, что все газетные и журнальные статьи, а также книги, написанные в те годы, тщательно просматривались в кабинетах этой организации и из них выкидывалось все, что не соответствовало заданному «образу». Наивно думать, что журналистам и писателям предоставили папки с документами операции «Рамзай» и позволили их использовать в своей работе. Это позволили сделать только в 90-х годах, хотя основная масса документов, особенно касающаяся организационного становления резидентуры «Рамзай», до сих пор находится под спудом.

Фамилия Мельникова в те годы не вписывалась в заданную идеологическую схему. И его заменили Оскаром Стиггой — человеком далеким и от проблем Востока, и от разработки операции «Рамзай». С 1931 года Стигга возглавлял научно-техническую разведку Разведупра, работал в крупнейших европейских странах, создавая там свои опорные пункты и свою агентурную сеть. Вполне возможно, что он мог оказать какую-то помощь Зорге в Германии, используя свои возможности в этой стране, и не более того. Но читателю в те годы нужно было показать помощников и соратников руководителя советской военной разведки. Не мог же Берзин один, не советуясь, не обмениваясь мнениями и не дискутируя ни с кем, разработать эту сложнейшую операцию. В такую гениальность «Старика» не поверили бы даже тогда. И ввели в оборот фамилии Стигги и Давыдова, чтобы создать сплоченный коллектив единомышленников.

Если бы в те годы назвали фамилию Мельникова, то появились бы, естественно, вопросы и у журналистов, и у читателей о его дальнейшей судьбе. И тогда надо было бы сказать, что после работы в Разведупре он перешел в отдел международных связей Коминтерна, то есть в партийную разведку. А существование этого засекреченного отдела и ротация руководящих кадров военной и политической разведок в те времена охраняли как государственную тайну. Так же как ни малейшим намеком не писали о том, что Зорге работал в том же ОМСе с 1925 по 1929 год и пришел к Берзину по рекомендации руководителя ОМСа Пятницкого уже опытным нелегалом и конспиратором, а не кабинетным ученым, в котором Берзин распознал будущего гениального разведчика.

К 1933 году Маньчжурия была уже полностью захвачена частями Квантунской армии. И началось вооруженное противостояние двух сил. Япония создавала плацдарм на азиатском материке, готовясь к будущей схватке за господство в Азии. На территории «независимого» государства строились аэродромы, способные принять тысячи самолетов из метрополии. Новые военные городки могли вместить дивизии императорской армии, перебрасываемые с Японских островов. Новые железные и шоссейные дороги тянулись к Забайкалью, Амуру и Приморью.

На другом берегу Амура делали то же самое. В тайге строились аэродромы, на которые перебрасывали истребительные и бомбардировочные авиабригады из европейской части Союза. В построенных военных городках размещались прибывшие из других районов страны пехотные и кавалерийские части. По Транссибирской магистрали на восток шли эшелоны с новейшей военной техникой. Для удобства развертывания в случае войны к границе прокладывались железнодорожные ветки и грунтовые дороги.

Шло негласное соревнование между двумя странами, кто сделает больше: больше построит аэродромов, казарм и дорог, больше сосредоточит военной техники и войск. От этого зависело, в чью пользу будет баланс сил в этом регионе. И в этом соревновании островная империя проигрывала. Советский Союз еще в 1932 году захватил инициативу, создав перевес сил и в войсках, и особенно в военной технике по сравнению с Квантунской армией. И эту инициативу он не выпускал из своих рук до августа 1945-го, когда загремели первые залпы советско-японской войны. Пожалуй, одна из причин превосходства СССР в создании мощного военного кулака на Дальнем Востоке была в том, что Япония создавала плацдарм и наращивала силы на захваченной территории у чужих границ, а Советский Союз делал то же самое на своей территории и у своих границ.

В этих условиях в Москве должны были знать о Японии все. Поэтому при разработке операции «Рамзай» были определены те основные задачи, которые ставились группе Зорге. Перечень этих задач пока известен только по его тюремным запискам. Причем вместе объединены и задачи, которые ставились при разработке операции, в начале 1933 года, и те задачи, которые были сформулированы летом 1935-го, через полтора года после начала работы разведывательной группы, когда обстановка в Токио была уже совсем другой. И никаких уточнений о том, какие задачи были сформулированы вначале, а какие потом, когда в Центре была проанализирована работа группы, в записках нет. Здесь можно высказать только предположения.

В 1964 году по распоряжению руководства ГРУ все бывшие сотрудники, имевшие отношение к операции «Рамзай», написали свои воспоминания о Зорге и об операции. В те годы все это было упрятано в архиве и только в 2000 году часть воспоминаний со зна-

чительными купюрами была опубликована в сборнике документов «Дело Рихарда Зорге». Наиболее полными были воспоминания М. И. Сироткина, написанные с использованием многочисленных архивных документов. Об этом скромном труженике военной разведки стоит сказать несколько слов.

Михаил Иванович Сироткин родился в 1901 году в Калуге, русский, из крестьян. В РККА с 1920 года. До мая 1931-го был на командных, хозяйственных и штабных должностях в войсках. Затем поступает на восточный факультет Военной академии, который оканчивает в мае 1934 года. И сразу же его забирают в Разведупр. До октября 1936 года он побывал на должности помощника начальника отделения и секретного уполномоченного 2-го (восточного) отдела. Затем почти два года стажировался по обмену в японской армии и изучал японский язык. Вернулся в Москву в июле 1938-го и был назначен начальником японского отделения 2-го отдела Разведупра. Курировал группу Зорге и принимал участие в руководстве резидентурой. Но через несколько месяцев был арестован. Обвинение по тем временам было стандартным — если стажировался в японской армии, значит, японский шпион. Не расстреляли, но отсидел по полной программе. Освободился в 1954-м и в следующем году был реабилитирован³⁴.

Исследовав имевшиеся в его распоряжении документы, Сироткин пришел к выводу, что «план организации резидентуры в Токио (1933 год), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом. Лишь сопоставление отдельных архивных документов — заметок, оргписем, резолюций и т. п. — дает возможность воссоздать в общих чертах картину предварительного планирования и последующего развития схемы организации резидентуры и проследить практическую реализацию намеченных мероприятий»³⁵.

После трех лет пребывания в Шанхае Зорге раньше других, в том числе некоторых военачальников в Москве, увидел и понял, что сильного и коварного противника, каким уже в то время была Япония, надо изучать изнутри, находясь в самом логове врага. Так родилась идея создания сильной разведывательной организации в Токио. Вначале идея Зорге была изложена в письме на имя Берзина, а после его возвращения в Москву в 1932 году разрабатывалась во всех деталях в управлении.

В какой-то мере Берзин и Мельников планировали операцию «Рамзай» как экспериментальную. В отличие от крупных европейских стран в Японии не было нелегальных резидентур Разведупра.

И Зорге стал первым, кто должен был попробовать ее создать. Нужно было проверить возможность действия под журналистской «крышей», наладить прямую радиосвязь между Японскими островами и Владивостоком, убедиться в возможности создания агентурной сети из местного населения. Конечно, все это требовало значительного времени, и на быстрый успех в Москве не рассчитывали, т. к. эти мероприятия приходилось осуществлять впервые в специфических условиях Японии.

Зорге обладал личными качествами, которые отвечали требованиям и условиям предстоящей работы в Японии: энергичность, решительность, «пронырливость», умение приобретать широкие связи, особенно в журналистских и военных кругах, хорошая профессиональная подготовка как журналиста и свободное владение несколькими европейскими языками. Если к этому добавить пятилетний опыт зарубежной работы в Коминтерне и трехлетний опыт нелегальной разведывательной работы в Китае, то получится вполне подходящая кандидатура для нелегальной разведывательной работы на Японских островах.

Конечно, Зорге, работая в Японии как корреспондент немецких газет, мог выступать только с нацистских позиций, демонстрируя преданность рейху. Но даже при таком раскладе «берлинская угроза», как ее определил Сироткин, существовала. Гестапо могло заинтересоваться пронацистски настроенным журналистом и покопаться в полицейских архивах 20-х годов. Последствия такого копания были бы для Зорге весьма неприятными. К счастью, этого не произошло, но такая возможность учитывалась при разработке операции «Рамзай». Не исключалось и то, что Зорге в результате своих шанхайских ошибок взят на учет японской или какой-либо другой контрразведкой и сразу же по приезде в Японию будет находиться под наблюдением. Разработчики операции учитывали все эти угрозы и, чтобы как-то нейтрализовать их, было решено, что соответствующий стиль и политическая окраска помещаемых в газетах статей должны по возможности не привлекать внимания немецкой полиции. А позиция немецкого журналиста фашистского толка, работающего под германской «крышей», невольно будет путать карты японской контрразведке, если даже она и взяла Зорге на учет в Шанхае.

Опасность со стороны германской полиции и японской контрразведки расценивалась в Москве как вероятная. А наиболее реальную и почти неизбежную угрозу представляла возможность поступления информации о шанхайской деятельности Зорге, ведь связи между шанхайской и токийской колониями немцев были очень тесными. Учитывали ли Берзин и Мельников эту серьезную угрозу при разработке плана организации резидентуры? Сироткин очень внимательно исследовал все документы. И вот к какому выводу он пришел: «Нигде ни в одном документе не зафиксировано, какие установки и

указания получил Рамзай относительно «шанхайской угрозы», какая была разработана легенда для объяснения прежней деятельности Рамзая в Шанхае на случай, если токийские немцы получают оттуда какие-то сообщения. Трудно допустить, чтобы этот вопрос остался вне поля зрения Зорге и руководства Центра. Если даже в силу какой-то небрежности это не обсуждалось, то трудно поверить, чтобы сам Рамзай не продумал заранее для себя легенду и тактику поведения на случай, если из Шанхая в Токио „долетят кое-какие брызги грязи,»³⁶. Это был серьезный риск, который мог привести к тяжелым последствиям. Зорге несколько раз напоминал Центру «о тяжелой опасности, грозящей ему из Шанхая». И только потом, приобретя солидные связи в немецком посольстве, он, очевидно, окончательно конкретизировал план своего поведения и легенду.

При вступлении в нацистскую партию Зорге пришлось рассказывать свою биографию и, естественно, что-то говорить о своей журналистской работе в Шанхае. Связь его с леворадикальными элементами, в том числе с такой известной фигурой, как Агнесс Смедли, и сотрудничество в коммунистической газете «Чайна форум» — все это было известно. Живых свидетелей, приезжавших из Шанхая, хватало, да и в беседах с сотрудниками германского военного атташата Оттом, Венеккером и Шоллем деятельность Зорге в Шанхае, конечно, обсуждалась. В этих условиях любое замалчивание с его стороны вызвало бы лишь недоверие и подозрение. В этих условиях для него оставалось, очевидно, только одно — прежнюю деятельность не отрицать, но прикрыть ее какой-то легендой, позволявшей увязать теперешние нацистские взгляды и сотрудничество в посольстве фашистской Германии с леводемократической окраской его деятельности шанхайского периода.

Приехав в Токио уже из Германии Гитлера, Зорге, естественно, в беседах с сотрудниками посольства выражал взгляды, полностью одобрявшие новый режим. Это позволило ему создать имидж профашистски настроенного журналиста и сделать первый шаг к поставленной цели — приобретению прочной легализации. В начале 1934 года началось его сближение с военным атташе Эйгеном Оттом, которому он оказывал неофициальные услуги информационного характера. Примеру Отта последовали германский посол Герберт Дирксен и военно-морской атташе Пауль Венеккер. Зорге пришлось «пахать» на всех троих, и это приносило свои плоды. Когда ему потребовалось вступить в нацистскую партию, все они дали ему положительные характеристики со стороны посольства и отзыв о его полезной и квалифицированной информационной деятельности.

«Когда я понял, что не смогу себя обеспечить, оставаясь вне фашистской организации, я добился того, что через посольство был введен в местную организацию нацистов»³⁷. Это цитата из доклада Центру в июле 1935 года. Выражение «введен через посольство»,

очевидно, означало, что заявление Зорге о приеме в нацистскую партию было подкреплено рекомендациями Дирксена и Отта. Как уже говорилось, Зорге не обходил молчанием вопрос о своей лево-радикальной деятельности в Шанхае, изображая ее как журналистский прием, используемый для знакомства с нужными людьми и для получения интересующей его информации. Мог он и прямо заявлять о перемене своих коммунистических взглядов на нацистские. В 1934 году на волне роста фашистской демагогии в Германии, когда в нацистскую партию вступали сотни коммунистов, такой ход выглядел вполне естественным. В общем «шанхайская угроза» не оказала решающего значения на деятельность разведчика, хотя нервы ему попортила изрядно.

Первой и основной задачей операции «Рамзай» было: «Пристально следить за политикой Японии по отношению к СССР после Маньчжурского инцидента, тщательно изучать вопрос о том, планирует ли Япония нападение на СССР». Зорге считал, что выполнение этой задачи было целью его командировки в Японию. Это подтверждается и тем, что во время второй московской встречи в 1935 году уже новый начальник Разведупра Урицкий также подчеркнул важность первостепенного выполнения именно этой задачи. В Москве с большим недоверием относились к политике Японии в отношении Советского Союза. После 19 сентября 1931 года роль японских военных кругов, и в первую очередь командования Квантунской армии, во внешней политике империи резко возросла. Без их ведома и согласия не принималось ни одно серьезное внешнеполитическое решение.

В агрессивности японских планов по отношению к СССР в Москве не сомневались. Но для осуществления этих планов нужна была сильная, оснащенная современной техникой армия, а в начале 30-х такой армии у империи не было. И сразу же после начала оккупации Маньчжурии в Японии начали разрабатываться и осуществляться программы по развитию военно-воздушных сил, механизации и моторизации армии. *Поэтому второй основной задачей, поставленной перед «Рамзаем» в 1933-м и подтвержденной в 1935 году, было: «Осуществление тщательного наблюдения за реорганизацией и наращиванием японских сухопутных войск и авиационных частей, которые могут быть направлены против Советского Союза».* Для выполнения этой задачи нужно было добывать секретную военную информацию, а таких возможностей в 1934 году у Зорге еще не было. Поэтому такая задача могла быть поставлена, вероятно, летом 1935 года во время его второго визита в Москву, когда и состав группы расширился, и возможностей для получения секретной информации у Зорге стало больше.

Информация Зорге касалась в основном общих военных проблем империи. Данные по маньчжурскому плацдарму и Квантунской армии были отрывочными и неполными. Но эта информация пере-

крывалась большим объемом разведывательных данных, которые поступали в Хабаровск от источников тактической агентурной разведки 4-го (разведывательного) отдела штаба ОКДВА. Сеть тактической агентурной разведки очень плотно покрывала всю Маньчжурию и Корею, и о численности, вооружении и дислокации японских частей в этих районах в Хабаровске было известно. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть комплекты разведывательных сводок штаба ОКДВА за 1934—1935 годы, подписанных начальником разведотдела Гайлисом.

Третьей по важности задачей Зорге считал изучение и анализ японо-германских отношений, которые после прихода Гитлера к власти должны были стать более тесными. В начале 1933-го, когда разрабатывался план операции, слишком рано было предсказывать направленное против СССР тесное сближение между этими двумя странами. Возможности получения конкретной информации по этой проблеме в германском посольстве также не просматривались. Никаких подходов к посольству в 1933 году Зорге еще не имел. Очевидно, задача была сформулирована летом 1935 года, когда тесное сближение двух агрессоров в будущем уже ни у кого не вызывало сомнений. Но тогда этой проблемой занимались не только разведчики, но и наши дипломаты в Берлине и Токио. Причем дипломаты информировали не только свое руководство, но и руководство Наркомата обороны. Такая дублирующая информация позволяла дать более точную оценку разведывательной информации, поступающей от Зорге.

Четвертая задача: «Непрерывно добывать сведения о японской политике в отношении Китая». Иначе говоря — продолжение разведывательной и аналитической деятельности, которую Зорге проводил в Китае, но уже на новом месте и с японских позиций. В Москве считали, что взаимоотношения Японии и СССР во многом зависят от того, как будет развиваться политика империи по отношению к этой огромной стране. Осложнение этой политики и возможный конфликт между двумя странами, что отнюдь не исключалось, означало поворот японской агрессии на континенте с севера на запад и ослабление угрозы для дальневосточных границ. Японо-китайская проблема была хорошо известна Зорге, и продолжением ее исследования он мог заняться сразу же по приезде в Японию. Вполне возможно, что эта задача была сформулирована и поставлена перед ним еще в 1933 году.

Пятой задачей являлся анализ политики Японии по отношению к Англии и США. В середине 30-х до начала японо-китайского конфликта в Москве верили в возможность войны Японии с Советским Союзом при поддержке Англии и США. Такие опасения, особенно после инцидентов на границах в 1935—1936 годах, были. И только после августа 1937-го, когда острое японской агрессии было повернуто в сторону Китая, в Москве поняли, что угроза нападения на

Дальний Восток при поддержке Англии и США отодвигается в далекое будущее. Но в 1935-м, а эта задача ставилась именно тогда, обстановка в Дальневосточном районе была достаточно тревожной.

Шестой задачей было: «Постоянно следить за ролью военных в определении внешнеполитического курса Японии, уделяя пристальное внимание тем тенденциям в армии, которые влияют на внутреннюю политику...» Своевременность постановки этой задачи наглядно проявилась после военно-фашистского путча в Токио 26 февраля 1936 года. Как известно, японские военные играли главную роль во всех областях японской политики и особенно в иностранных делах, и это очень тревожило Москву. Причиной такой обеспокоенности было и то, что, начиная с Русско-японской войны, японские военные лидеры считали Россию, а затем Советский Союз своим реальным противником на азиатском континенте. В 1933 году, когда ставилась эта задача, в Разведупре не предполагали, что к 1941 году на политическую арену империи выйдет другая мощная военная сила — военно-морской флот.

И наконец, последней, *седьмой задачей* было наблюдение за развитием тяжелой, и в первую очередь военной промышленности. Сухопутные войска были недостаточно оснащены новейшей военной техникой — Япония значительно отставала от таких развитых стран, как США, Англия, Франция, Германия. Автомобильная и тракторная промышленность, а также производство самолетов, танков, тяжелой артиллерии были развиты очень слабо. Поэтому развитию военной промышленности уделялось первостепенное значение. И Москве было очень важно знать, с какой военной техникой придется столкнуться дальневосточным дивизиям на полях Маньчжурии в будущей войне.

Таковыми были задачи, разработанные для операции «Рамзай». Конечно, невозможно было вначале поручить группе выполнение всех семи задач. И объем работы был слишком велик, и группа была малочисленной. Да и первоначально определенный срок командировки в два года (по утверждению западных авторов) был недостаточен. Так что из семи пунктов разведывательной программы, о которых писал Зорге, в 1933 году было намечено не более трех. Остальные пункты были добавлены уже через полтора года после начала работы, когда и состав группы был другим, и условия работы Зорге изменились в лучшую сторону.

Несколько слов о людях, с которыми встречался Зорге при разработке операции. В своих записках он писал: «Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение длительного времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии...» Карл Радек был тогда начальником бюро международной информации ЦК ВКП(б). В этой организации концентрировалась вся международная

информация, приходящая в Москву как по каналам ТАСС («Бюллетени иностранной информации не для печати»), так и из Наркоминдела. Лев Борович работал у Радека ответственным секретарем. Оба они были очень информированными людьми и прекрасно разбирались во всех международных проблемах. Неудивительно, что Зорге, беседуя с ними, мог получить подробнейшую информацию по вопросам, касающимся Дальнего Востока и Японии.

НАЧАЛО: НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОСНОВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦАХ И МЕТОДАХ ИХ РАБОТЫ

6 ноября 1933 года к причалу Иокогамского порта пришвартовался океанский лайнер «Эмприс оф Раша». По трапу, слегка прихрамывая, сошел респектабельный господин и предъявил чиновнику морской полиции паспорт гражданина Третьего рейха на имя Рихарда Зорге. Руководитель разведывательной группы «Рамзай» ступил на японскую землю.

В Японию приехал журналист-международник высшего класса, прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях запутанных международных отношений, новейшей истории и внешней политики крупнейших мировых держав. Это был ученый, великолепно овладевший диалектикой познания событий. Но это был и разведчик-профессионал, который уже тогда, в 1933 году, отлично понимал, как он должен работать в новой стране.

ИЗ «ТЮРЕМНЫХ ЗАПИСОК» РИХАРДА ЗОРГЕ

Мое убеждение состояло в том, что если думать об успешном выполнении наших разведывательных целей в Японии, то необходимо глубоко разобраться во всех вопросах, хотя бы в какой-то степени имеющих отношение к нашей миссии. Я всегда полагал, что человек, находящийся в таком положении, не должен удовлетворяться простым сбором информации, а обязан приложить все усилия, чтобы обладать полным пониманием вопросов, имеющих отношение к его собственной деятельности. Несомненно, что сам по себе сбор информации — дело очень важное, но я считал, что самое важное — умение проанализировать материал и дать ему оценку с общеполитической точки зрения... В результате возникла необходимость постоянно и последовательно анализировать и проблемы Японии.

Но для такой аналитической работы нужны были обширные знания. Тех знаний дальневосточных проблем, с которыми Зорге приехал в Японию, весьма солидных после трехлетней работы в Китае,

было недостаточно. И поэтому до самого дня ареста он стремился как можно больше узнать о стране, в которой жил. Как следствие этого — вывод, отраженный в его «Записках»: «Знания, приобретенные мною в период проведения работы в Японии, ничуть не уступали тем, которые были получены мною в немецком университете. Осенью 1933 года я перешел к детальному изучению японских проблем...»

Как же проходило изучение этих проблем? Собиралась вся научная литература по Японии. В личной библиотеке Зорге к моменту ареста было около 1000 книг по самым различным вопросам, касающимся Японии. Использовалась библиотека посольства и личная библиотека посла, а также библиотека Восточно-азиатского германского общества в Токио, в которой было очень много научной литературы. Заказывались переводы из солидных японских журналов. Собиралось и тщательно изучалось все, что могло хоть что-то добавить к его знаниям о Японии. И конечно, последовательность изучения японских проблем. Вот как он сам писал об этом: «Я изучал древнюю историю Японии, политическую, экономическую и социальную историю древнего периода. Полученные знания помогли мне разобраться в вопросах экономики и политики современного периода. Поэтому я детально изучал аграрную проблему; затем перешел к проблемам мелкой и крупной промышленности, и, наконец, тяжелой промышленности...» Совершенно новый подход к разведывательной работе, о котором в 30-е годы не могла догадаться ни одна контрразведка. Зорге хорошо понимал, что добиться серьезных результатов в разведывательной работе можно только таким путем. Поэтому неудивительно, что в его «Записках» появились строчки: «Не следует забывать, что моя разведывательная работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый, оригинальный и к тому же творческий характер».

Этот метод в разведывательной работе, основанный на глубочайших знаниях всех проблем, хотя бы косвенно имевших отношение к разведывательной деятельности, начали признавать и на Западе, когда там появились книги о Зорге. Английского писателя Чарльза Уайтона, автора нашедшей в свое время книги «Величайшие разведчики мира», нельзя обвинить не только в любви, но даже в симпатиях к Зорге. И все же он вынужден был признать превосходство советского разведчика именно в методах его работы. Вот характеристика, данная им Зорге: «С какой бы меркой ни подходили к нему, нельзя не согласиться с тем, что человек он был выдающийся: доктор философии, наделенный недюжинным умом, в совершенстве знающий немецкий, английский, французский, русский, японский и китайский языки, крупный специалист по каждой из стран, где ему приходилось заниматься разведывательной деятельностью.

Можно не сомневаться, что Зорге добился бы огромных успехов в любой области, которую бы он ни выбрал. Именно поэтому он и стал непревзойденным разведчиком». Признание весьма красноречивое!

То что на Западе стало ясно в 50-е годы, Зорге отлично понял в начале 30-х. Творческий подход к разведывательной деятельности, основанный на тщательном изучении всех проблем, касающихся разведки, и на научном анализе основных вопросов, был новым для того времени. В те годы крупнейшие разведки мира, проповедовавшие принцип плаща и кинжала, жили легендами о Лоуренсе Аравийском или дальневосточном Лоуренсе — Доихаре Кендзи, руководителе японской разведки на азиатском континенте, о похождениях которого в Северном Китае шумела мировая пресса. Умный, обладавший большими знаниями, владевший множеством языков, Кендзи весь свой талант и энергию бросил на организацию политических заговоров, похищений, диверсий, убийств из-за угла. Он был антиподом и полной противоположностью Зорге. И неудивительно, что в незримом поединке с резидентом советской военной разведки в Японии руководитель «континентальной службы» потерпел сокрушительное поражение. Тщательная исследовательская работа Зорге не имела непосредственного отношения к получению разведывательной информации и в то же время способствовала этому.

ИЗ «ТЮРЕМНЫХ ЗАПИСОК» РИХАРДА ЗОРГЕ

Я был уверен, что абсолютно необходимо по возможности полно разбираться во всех проблемах государства, в котором я нахожусь, в данном случае Японии. Осуществляя такую исследовательскую работу, я мог оценить степень важности того или иного вопроса, того или иного события как с точки зрения внешней политики Советского Союза, так и с точки зрения политики и истории в широком смысле слова... Наконец, благодаря своей исследовательской работе, я не только мог собирать необходимую информацию и точно передавать ее — я был в состоянии давать свою собственную оценку положению с точки зрения политической, экономической, военной.

Помимо оперативной информации, содержащейся в радиограммах, отправляемых в «Висбаден», в Москву с курьерами шли обстоятельные доклады по различным вопросам политического, экономического и военного характера. И именно для составления таких докладов исследовательская работа, проводимая Зорге в Японии, имела неоценимое значение.

Я составлял доклады о внутривнутриполитическом, международном положении, а также доклады по военным вопросам. В них содержались краткое изложение и анализ развития важнейших событий после того, как были посланы соответствующие донесения. Опираясь на обширную информацию и результаты моей исследовательской работы, я старался нарисовать правильную, объективную общую картину изменившейся обстановки и развития основных событий. Такие доклады, требовавшие большого труда, были бы немыслимы, если бы не была проведена глубокая исследовательская работа и отсутствовали глубокие знания.

Зорге мог с гордостью заявить, что изучение страны и исследовательская работа, которой он занимался с первого дня приезда в Японию до дня ареста, помогли ему полностью удовлетворить высокие требования к качеству анализа и оценок важнейших событий, предъявляемые Москвой. Такое отношение к своему делу помогло ему совершенствоваться не только как крупнейшему журналисту по Японии и проблемам Дальнего Востока, но и как специалисту-разведчику.

Не отставали от Зорге и его ближайшие соратники по группе «Рамзай» — Ходзуми Одзаки и Бранко Вукелич. Отличные знания, обширные связи, та же, что и у Зорге, страсть к исследовательской работе, то же знание языков. И еще одна причина успешной разведывательной работы — каждый из них был на своем месте, там, где он мог дать максимум результатов, принести максимум пользы. Такая расстановка сил в группе, учитывавшая все возможности и особенности каждого ее члена, была, конечно, достижением Зорге и в немалой степени способствовала успешной разведывательной работе в течение многих лет.

И еще об одной особенности действий разведчиков, давшей отличные результаты, стоит сказать. Получая ценнейшую информацию, они никогда не применяли такие атрибуты западных разведок, как подложные документы, шантаж, угрозы, что неоднократно подчеркивалось ими на следствии и суде. Все разведчики работали под своими собственными именами и фамилиями, их документы были подлинными, домашние адреса известны многочисленным знакомым. Свою журналистскую работу они выполняли отлично. И если Зорге по праву считался лучшим иностранным корреспондентом на Дальнем Востоке, то Ходзуми Одзаки можно было считать лучшим японским журналистом по проблемам Китая и Японии.

Бранко Вукелич — журналист, фоторепортер — приехал в Токио в феврале 1933 года как корреспондент югославской газеты «Политика», французского журнала «Ви» и сотрудник французского агент-

ства Гавас. Знание французского, английского, немецкого, итальянского языков, блестящая эрудиция и обширные знания помогли ему в короткий срок приобрести широкий круг знакомств. В числе его знакомых были английский военный атташе генерал-майор Френсис Пигот, влиятельные корреспонденты агентства Рейтер Майкл Кокс и «Нью-Йорк Геральд Трибюн» Джозеф Ньюмен. Был он частым гостем в английском, американском и французском посольствах, где мог получать ценные политические сведения. Крупным источником информации для Вукелича было агентство Домей Цусин. Вот как Зорге оценивал его работу в этом агентстве: «...Вукелич мог доставать в агентстве новости, которые обычным порядком из-за цензуры не публиковались. Так мы получали возможность разбираться в развитии политической обстановки в Японии, знать позиции правительства. Вукелич постоянно беседовал на различные темы с французами, работавшими в отделении агентства Гавас, и от них получал кое-какие сведения... Отделение было связано с французским посольством, и сам Вукелич поддерживал с ним контакты. Мы очень были заинтересованы как в общей, так и в фундаментальной информации, которую Вукелич стал получать в этом посольстве».

Ходзуми Одзаки — журналист, корреспондент крупнейшей газеты «Асахи» в Китае, затем сотрудник редакции газеты. Работал в исследовательском отделе концерна ЮМЖД. После прихода к власти принца Коноэ неофициальный советник премьера по китайским вопросам. Крупнейший специалист по проблемам Китая, автор книг и статей в журналах и газетах на эту тему. Его антимилитаристские взгляды на японскую экспансию не были секретом для Зорге еще в Китае. Несколько лет не изменили мировоззрения Одзаки, его взгляды остались прежними, и после беседы с ним Зорге передал в Москву радиогранму:

«Связался с Одзаки и после основательной проверки опять решил привлечь его к работе. Это очень умный, верный человек. Занимает видное положение в крупной газете, имеет необыкновенно широкий круг знакомств». Японский журналист стал членом группы «Рамзай» и первым помощником советского разведчика.

Крупнейший специалист по Китаю, с мнением которого считался премьер принц Коноэ, не говоря уже о государственных деятелях рангом ниже, он обладал фундаментальными знаниями по всему комплексу дальневосточных военно-политических проблем. Естественно, что к нему часто обращались за советом и консультациями. Одзаки высказывал свое мнение, подробно обосновывая его. При этом у политических деятелей, занимавших высокие посты, не появлялось ни малейших подозрений, что эксперт по Китаю хочет выведать у них какие-то государственные тайны. Наоборот, убедившись, что Одзаки знает не меньше чем они по обсуждаемому вопросу, сами выкладывали все, что знали. Это был старый журналистский прием получения информации, и Одзаки мастерски владел им,

получая во время таких бесед ценную военно-политическую информацию. Таким же методом пользовался и Рихард Зорге. Подробно отвечая на вопросы сотрудников посольства по всему комплексу японских проблем и тщательно обосновывая свое мнение, он также получал от них важную информацию, не прибегая ни к каким грязным приемам. Каждый сотрудник посольства во время беседы стремился показать эрудицию перед «лучшим корреспондентом по Японии» и выбалтывал все, что знал.

¹ Из письма Берзина Бронину, декабрь 1934 г. // Дело Рихарда Зорге... С. 179.

² РГАСПИ, ф. 558, оп. II, д. 185, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 65.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 16—36.

¹² Там же, л. 24.

¹³ Там же, л. 26.

¹⁴ Там же, л. 71.

¹⁵ Там же, л. 78.

¹⁶ Там же, л. 102.

¹⁷ Там же, л. 131.

¹⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 13, л. 10—12, 18.

¹⁹ Там же, л. 21.

²⁰ Там же, л. 113.

²¹ РГВА, ф. 33879, оп. 1, д. 510, л. 17—18.

²² Там же, л. 106.

²³ Там же, л. 201.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 13747. Личное дело Б. Н. Мельникова.

²⁵ РГВА, ф. 33837, оп. 3, д. 98, л. 66.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 100, д. 13747, л. 4.

²⁷ Там же, л. 5.

²⁸ Там же, л. 6.

²⁹ Там же, л. 13.

³⁰ Там же, л. 15.

³¹ Там же, л. 1.

³² Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. Т. 2. М., 2002. С. 80.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 464—465.

³⁵ Дело Рихарда Зорге... С. 139.

³⁶ Там же. С. 41.

³⁷ Там же. С. 154.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

1934—1935 годы

Предел в придании своему войску формы — это достигнуть того, чтобы формы не было. Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрец не сможет о чем-либо судить. Пользуясь этой формой, он возлагает дело победы на массу, но масса этого знать не может. Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу. Поэтому победа в бою не повторяется в том же виде, она соответствует неисчерпаемости самой формы.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

«РАМЗАЙ» ВЫХОДИТ НА НОВЫЕ СВЯЗИ

Прошел 1934 год — год напряженной работы в Японии. Группа пополнилась наиболее яркой фигурой — японским журналистом Ходзуми Одзаки, который согласился возобновить сотрудничество с «Джонсоном», прерванное в 1932 году в Китае. Усилились позиции Зорге в германском посольстве. В первую очередь это растущая дружба с военным атташе полковником Оттом, а также дружеские отношения с новым военно-морским атташе капитаном Паулем Венеккером. В 1934 году Зорге уже считался энергичным журналистом и специалистом по дальневосточным делам. Именно как к специалисту, хорошо разбиравшемуся в проблемах Дальнего Востока, к нему обращался и посол Дирксен, и оба военных атташе, что способствовало росту его популярности и в германской колонии в Токио, и в посольстве. Контакты с Дирксеном позволяли Зорге получать от него ценную информацию. Так, в 1934 году он узнал от посла, что «выход Германии из Лиги Наций станет первым шагом на пути к японо-германскому сближению». Это было первое сообщение о подготовке будущего германо-японского военного союза, полученное группой Зорге.

В сборнике документов «Дело Рихарда Зорге...» есть только один рассекреченный документ, в котором дается политическая оценка положения на Дальнем Востоке. Это политический доклад посла Дирксена за № 894, направленный в МИД Германии 5 марта 1934 года. К сожалению, многое об этом документе неизвестно: когда он попал в Москву, кому из руководства Наркомата обороны было доложено его содержание, отправлялся ли он наверх в кабинет Сталина или застрял в наркомате? Обо всем этом можно толь-

ко гадать и строить предположения. Единственное, что бесспорно, — текст документа.

Основное содержание доклада — виды на сохранение мира в Восточной Азии. Посол утверждал, что за сохранение мира в этом регионе говорит недостаточная военная готовность Японии и положение в Маньчжурии. В этой «независимой стране» еще не закончено железнодорожное строительство в сторону советских границ, не ликвидировано окончательно партизанское движение, а развитие экономики только начинается. Посол утверждал, что конфликт Японии с США на ближайший период является нереальным. Для непосредственного столкновения Японии с Соединенными Штатами в данное время, по его мнению, отсутствуют объективные и субъективные предпосылки и ни одна из сторон пока не хочет войны и не может ее вести с успехом. В китайско-японских взаимоотношениях достигнута некоторая равномерность, считал Дирксен, которая в ближайшие годы может быть нарушена мелкими японскими вылазками, но не может угрожать всемирной войной. Прогноз дальнейших событий для 1934 года был достаточно точным.

Основная часть доклада посла посвящалась анализу советско-японских отношений.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОКЛАДА ПОСЛА ГЕРМАНИИ В ТОКИО ФОН ДИРКСЕНА В МИД ГЕРМАНИИ

Токио, 5 марта 1934 г.

Самая основательная причина, которая против возникновения войны в 1934—1935 годах, — это еще не проведенное довооружение Японии.

[...]

Если уровень полной военной готовности даже в самой Японии будет достигнут лишь через год или два, то это еще в большей мере касается Маньчжурии. По полученным здесь сведениям, японское правительство в Маньчжурии предприняло целый ряд обширных мер, которые должны улучшить стратегическое положение страны по отношению к Советскому Союзу: постройка стратегических железных дорог в Северной Маньчжурии, сооружение военных дорог с той же целью, сооружение укрепленных баз. Достройка этих сооружений будет продолжаться еще минимум год-два...²

Итак, маньчжурский плацдарм пока еще не готов к войне, и пока он не будет подготовлен, война не начнется. Прогноз германского дипломата, а он был, пожалуй, самым осведомленным послом в Токио, был для Москвы утешительным.

Можно с полным основанием считать, что военный атташе Германии в Японии полковник Отт был наиболее ценным «приобре-

тением» советского разведчика. Об этом немецком офицере, сыгравшем такую важную роль в разведывательной работе Зорге, стоит сказать подробнее.

Сироткин в своем исследовании, говоря о нем, ссылается на ставшую теперь известной книгу Курта Рисса «Тотальный шпионаж». Изданная в Нью-Йорке в 1941 году, позднее переведенная на русский язык и изданная весной 1945 года в Москве, она сыграла трагическую роль в судьбе руководителя германской разведки в Первой мировой войне полковника Вальтера Николаи. На основании измышлений автора этого опуса он был арестован, вывезен в Москву, закончил свою жизнь в одиночной камере Бутырской тюрьмы и похоронен в безымянной могиле на одном из московских кладбищ. Конечно, в середине 60-х Сироткин не мог ничего знать об этом и считал «откровения» американского журналиста истиной в последней инстанции.

У Курта Рисса шесть страниц посвящены деятельности Отта в Японии. На них и ссылается Сироткин, говоря о немецком военном атташе. Вот только одна выдержка из этой книги: «Однако подлинным вдохновителем визита Отта в Японию был его старый учитель, полковник Николаи. Начиная с 1932 года Николаи поддерживал связь с Садзо Накамо, который и высказал мысль о том, что германские и японские разведки должны сотрудничать друг с другом в мировом масштабе»³. Это была очередная ложь американского журналиста.

Сироткин утверждал, что Отт — представитель старых кадров германской разведывательной службы и что еще в период Первой мировой войны он был ближайшим помощником небезызвестного «полковника Николаи», возглавлявшего в то время всю систему германского шпионажа». Он также пишет: «Надо полагать, что и в годы, непосредственно предшествовавшие приходу к власти Гитлера, Отт сохранял эту связь с Николаи, ведя под его руководством пока еще скрытую деятельность по воссозданию и развертыванию разведывательной службы германского рейхсвера»⁴. Очень интересно и заявление Сироткина о том, что «Рамзай» в письме Центру от 7 января 1934 года, сообщая о своем знакомстве с подполковником Оттом, прикомандированном на полгода к японским войскам, называет его «правой рукой Шлейхера»⁵. Кстати, полковник Николаи на допросах в Москве, которые вели наши контрразведчики, категорически утверждал, что после ухода в отставку в 1918 году и до дня ареста он не занимался никакой разведывательной деятельностью. Последующее исследование его архива подтвердило правильность показаний отставного полковника⁶. Так что, вероятно, не было у Отта никакой связи с Николаи и не занимался он под его руководством никакой скрытой деятельностью по воссозданию и развертыванию разведки рейхсвера.

Юлиус Мадер в своем труде о докторе Зорге среди различных источников также называет книгу Курта Рисса. Он пишет, что подполковник генштаба официально числился артиллерийским офицером и наблюдателем от рейхсвера в 3-м артиллерийском полку японской армии, дислоцировавшемся в Нагое. В действительности, по Мадеру, Отт якобы был посредником при установлении контактов между генштабами Германии и Японии. Если это было так, то наличие советского разведчика при таком посреднике было большой удачей. Контакты между генштабами возможных противников представляли особый интерес для любой разведки, и Разведупр не был исключением. Поэтому отслеживание в будущем подобных контактов становилось одной из основных задач Зорге.

Далее Мадер пишет, что Отт еще с 1923 года в чине капитана служил в войсковом управлении (замаскированный генштаб) группы «Внутренняя политика», не имевшей никакого отношения к абверу. Он также утверждал, что Отт, являвшийся правой рукой генерала Шлейхера, был верным слугой Гитлера и его доверенным лицом. При этом Мадер ссылался еще на один труд — книгу контр-адмирала Захариаса «Секретные миссии», выпущенную в Нью-Йорке в 1946 году⁷. Измышлений в этом опусе было не меньше, чем у Курта Рисса. Дикин и Стори в своей книге утверждают, что Зорге имел рекомендательное письмо к Отту от доктора Зеллера из «Теглише рундшау»⁸. Если это соответствует действительности, то близкие и доверительные отношения между ними не вызывают сомнений. Оба были участниками войны. К тому же Зорге всегда удавалось установить особо хорошие отношения с немецкими офицерами, будь это в Китае или Японии.

О взаимоотношениях Зорге и Отта писал в своих воспоминаниях также и Яков Бронин — резидент Разведупра в Шанхае в 1933—1935 годах. Бронин, так же как и Сироткин, утверждал, что сам Отт был крупным немецким разведчиком. В своих воспоминаниях он подчеркивал, ссылаясь также на книгу Курта Рисса: «В двадцатые годы Николай отошел от специальных разведывательных дел, но с приходом Гитлера к власти вернулся к своей старой профессии, работая под прикрытием Института истории новой Германии в качестве его директора. Николай и явился инициатором посылки Отта осенью 1933 года в Японию с основной задачей — наладить сотрудничество между германской и японской разведками»⁹.

Весной 1934 года, как утверждал Бронин, Отт поехал в Берлин с докладом об установлении связей с японской разведкой и о политическом положении Японии. Через несколько месяцев он вернулся в Токио уже военным атташе. В письме от 7 января 1934 года Зорге впервые сообщает в Москву об Отте и передает информацию, полученную им во время беседы с ним. Очевидно, уже в конце 1933 года, когда состоялось их знакомство, Зорге оказывал помощь

Отту в подведении итогов его командировки в Японию в качестве военного наблюдателя. В дальнейшем он стал незаменимым политическим советником Отта. Его назначение на должность военного атташе во многом было обусловлено тем благоприятным впечатлением, которое произвел его доклад в Берлине. Оценки военно-политического положения империи, составленные с подачи Зорге, были признаны заслуживающими самого пристального внимания.

Став военным атташе, Отт хорошо понимал, что от него будут требовать и требовать регулярно не только чисто военные, но и военно-политические доклады и оценки. Поэтому возможность закрепиться в этой должности во многом зависела от того, как в Берлине будут оценивать его умение разбираться в сложной политической обстановке на Дальнем Востоке. И здесь без помощи и поддержки Зорге полковник обойтись не мог. Зорге к 1935 году не только хорошо знал политическую обстановку на Дальнем Востоке, но и вполне владел нацистской идеологией и фразеологией. Отт не сомневался в том, что он дает такую интерпретацию политических событий, которая вполне соответствует настроениям и установкам гитлеровского правительства¹⁰.

Зорге уже в 1934 году имел возможность фотографировать некоторые документы, которые ему давал для ознакомления германский военный атташе. Пленки курьерской связью переправлялись через шанхайскую резидентуру Разведупра в Москву. Очевидно, это были первые полученные из Японии документальные материалы, которыми руководство военной разведки могло похвастаться в высоких кабинетах Наркомата обороны и Кремля. Один из таких документов попал на стол Сталина 9 ноября 1934 года. На первом листе сверху надпись: «Перевод текста фотоснимка с копии доклада германского военного атташе в Токио полковника Отта». Документ был составлен 30 июля и адресован в Берлин начальнику Управления морскими силами капитан-лейтенанту Бринкману в министерстве рейхсвера. С левой стороны надпись карандашом рукой Артузова: «Тов. Сталину. Послано также тов. Ворошилову. 9/XI-34, Артузов»¹¹. Вверху надпись карандашом: «Архив Сталина».

Доклад был посвящен влиянию морских кругов Японии на внутреннюю и внешнюю политику. Тема доклада была актуальной, и Зорге, конечно, не упустил возможности сфотографировать этот секретный документ. В докладе говорилось о том, что в конце июня командующий флотом адмирал Суэцугу вручил начальнику морского штаба и морскому министру ходатайство, подписанное 60 высшими офицерами флота. Офицеры требовали восстановления права на вооружение на основе паритета с другими морскими державами и отказа от Вашингтонского морского договора¹².

Основное требование заключалось в «восстановлении внутривойсменного политического равновесия путем образования кабинета, который устранил бы внутренние волнения и оказался бы неподкупным, надеж-

ным, честным и достаточно деятельным, чтобы справиться с кризисом, и обладающим доверием всего народа»¹³. Как утверждал Отт, «это ходатайство адмиралов явилось результатом давления снизу», то есть это были требования младшего офицерского состава военно-морского флота. По его мнению, «целью этого ходатайства было стремление успокоить молодых офицеров и удержать их от необдуманных действий». Иными словами, выпустить пар и не допустить повторения кровавых событий 15 мая 1932 года¹⁴.

В докладе Отта отмечалось, что позиция морского флота имела огромное влияние на падение старого и образование нового кабинета. Морским кругам удалось помешать назначению фаворита Генро¹⁵ генерала Угаки и сохранению на посту прежнего премьера Сайто. Морской министр предоставил новому премьеру адмиралу Окада свою программу действий.

Сталин, внимательно прочитавший доклад, как видно из его пометок, подчеркнул одно из требований моряков: «...улучшение отношений с Советской Россией путем разрешения железнодорожной проблемы в Маньчжурии и возобновление нефтяных концессий на Сахалине, срок которых истекает в 1935 году»¹⁶.

В общем, это был солидный (на 10 страниц) обзор, составленный со знанием обстановки положения империи. При его составлении военный атташе использовал не только японскую прессу, но и конфиденциальную информацию, полученную из морского министерства, в котором он имел, очевидно, солидные связи. Неудивительно, что Сталин, если судить по его многочисленным пометкам, внимательно прочел доклад и оставил его в своем личном архиве, куда попадала только солидная и документальная информация.

Второй документ военной разведки (из рассекреченных), доложенный Сталину, был датирован 8 декабря. Это было приложение к морскому донесению, которое составил помощник военного атташе по морским вопросам. Документ был получен агентурным путем в германском посольстве в Москве. Немецкий военный дипломат встретился со своим японским коллегой — японским морским атташе капитан-лейтенантом Накаси, и тот сообщил ему свою оценку политического положения на Дальнем Востоке. По мнению японского дипломата, «не приходится ожидать вооруженного конфликта между СССР и Японией ни зимой, ни будущей весной, если, конечно, не произойдет какого-нибудь непредвиденного случая. Обе стороны нуждаются в мире...»¹⁷. Он считал, что обе стороны видят друг в друге вероятных противников и остается открытым вопрос, вызывается ли эта боязнь действительным незнанием положения и сил противника или же какими-нибудь другими причинами. Накаси утверждал в беседе, что мир в этом регионе можно считать обеспеченным до весны 1935 года. А вот дальнейший ход развития событий остается неизвестным и нена-

дежным. Оценка обстановки достаточно оптимистичная, особенно если учесть, что ее высказал морской офицер. А интересы японского военно-морского флота лежали далеко от Владивостока, в зоне южных морей. Оба документа давали Сталину довольно ясное представление о роли военно-морского флота Японии во внутренней и внешней политике страны. Поэтому они и остались в его личном архиве.

Сейчас известны только два документа, полученные от группы «Рамзай» в 1934 году. Можно не сомневаться, что таких документов было больше, но пока это можно считать только предположением авторов. Возможно, что пройдут многие годы, прежде чем исследователям станет известен какой-либо новый документ группы за 1934—1935 годы.

Дикин и Стори пишут: «Сознвая предварительный и исследовательский характер своей миссии, какой ценности информацию мог собрать Зорге в 1934 и первой половине 1935 года для передачи в 4-е управление? Ответ может быть следующим: возможно, информации было не очень много, но была она достаточно достоверной и проверенной, чтобы произвести впечатление на 4-е управление, и, конечно, достаточной, чтобы вызвать у Зорге уверенность, что шпионаж в Японии — занятие вполне возможное»¹⁸.

В то же время необходимо отметить, что в этот период у Зорге были большие проблемы со связью с Центром. Его радист «Бернгард» много пил и зачастую пренебрегал своими обязанностями, поэтому, как утверждал Зорге, он не переслал и половины тех сообщений, которые ему передавались для отправки в Москву. «Фактически все разведданные, полученные Зорге в 1934 году и за шесть месяцев 1935 года, были отправлены в Россию с курьером, поскольку радиосвязь, которой ведал „Бернгард“, практически бездействовала», — пишут Дикин и Стори¹⁹.

Тем не менее, как уже указывалось выше, Берзин высказывал определенное недовольство затянувшимся организационным периодом становления резидентуры «Рамзая» и, когда сдавал дела Урицкому в 1935 году, советовал последнему либо отозвать Зорге, либо вызвать его в Москву для доклада.

В начале 1934 года начальник генштаба разослал военным атташе, аккредитованным в сопредельных с Советским Союзом странах, директиву о предоставлении соображений по вопросу о проведении политико-стратегических мероприятий против СССР. В соответствии с этой директивой военный атташе Японии в Москве подполковник Кавабэ направил начальнику генштаба докладную записку о плане политико-стратегических мероприятий. Документ был направлен в Токио в апреле с грифом: «Чрезвычайно секретно, экз. № 3 (из четырех)».

Военный атташе Японии занимался не только межнациональными отношениями и проблемами, но и пристально следил за внутривнутриполитической обстановкой. В документе есть специальный раздел: «Политические враги Сталина». В этом разделе один абзац был отчеркнут генсеком.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ВОЕННОГО АТТАШЕ ЯПОНИИ В МОСКВЕ ПОДПОЛКОВНИКА КАВАБЭ НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА ЯПОНИИ

Апрель 1934 г.

По нашим агентурным данным, остатки троцкистов и оппозиционно-настроенные в отношении Сталина продолжают подпольную деятельность и стремятся к тому, чтобы, преодолев все препятствия, связаться со своими единомышленниками за границей. Некоторые из них под лозунгом 4-го Интернационала ставят задачей свергнуть нынешнюю власть и поставить Троцкого. Хотя сила влияния Сталина сейчас достигла предельной степени, все же, если его политика хотя бы в какой-нибудь части в дальнейшем обнаружит свою несостоятельность и начнутся перебои в проведении его политики, не исключена возможность, что немедленно возникнут антисоветские тенденции. Сталин имеет ряд достоинств, соответственных великому политику, но он имеет в то же время политических врагов. С точки зрения политико-стратегических мероприятий, мы должны принимать все меры к тому, чтобы наметить наиболее влиятельную группу его политических врагов и установить с ней контакт. Убежден, что это вовсе не является невозможным²⁰.

Нет сомнения, это был не единственный документ, в котором говорилось о том, что разведка потенциального противника, в данном случае Японии, пыталась установить контакт с политическими противниками Сталина. И это были не «признательные показания», полученные в лубянском подвале, а свидетельство опытного профессионального разведчика, который, конечно, не догадывался, что его сверхсекретный доклад может быть прочитан в Кремле. Документальное свидетельство иностранного разведчика не прибавляло также доверия Сталина к политическим оппонентам, с которыми он боролся за власть в стране.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНО-ЯПОНСКОГО СОЮЗА

5 сентября 1934 года поступила информация от политической разведки. В ней сообщалось, что ИНО получило агентурное сообщение «от серьезного польского источника». Фамилия источника, конечно, не указывалась даже в донесении, адресованном Сталину. В первом

разделе говорилось о польско-германо-японских отношениях. Судя по информации, полученной в Москве, намечался военный альянс трех стран, направленный против Советского Союза, и это очень встревожило Сталина. Он внимательно прочел донесение, подчеркивая основные абзацы. Перспектива возможного военного конфликта на Западе и на Востоке его не радовала, а развивающиеся контакты между Германией и Польшей вызывали тревогу.

По информации, которую источнику удалось получить у начальника главного штаба генерала Гонсиоровского, «Пилсудский нажимает на японцев (через министра иностранных дел Бека и Гонсиоровского), чтобы они провоцировали СССР возможно скорее и активнее, однако не для того, чтобы немедленно, еще в этом году, вызвать войну между Японией и СССР, а для того, чтобы ослабить просоветские настроения во Франции, напугать Францию возможностью войны на Дальнем Востоке и показать ей, что СССР для Франции не союзник»²¹.

Гонсиоровский, очевидно, в беседе с источником утверждал, что Пилсудский в июле получил письмо от генерала Араки. Воинственный генерал писал польскому маршалу, что японцы медлят начать войну только исходя из состояния японской авиации, для усиления которой Японии нужно еще обождать с войной до марта 1935 года. Но если Польша и Германия, сообщал генерал, дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно. В донесении сообщалось также, что в октябре в Берлин придет японская военная миссия для пересмотра польско-японского военного соглашения 1931 года и для заключения нового соглашения. В Берлин для ведения этих переговоров должен прибыть Гонсиоровский, также с военной миссией. Столица Германии была выбрана для того, чтобы не «светиться» в Варшаве и не насторожить Москву.

Если судить по объему донесения (16 страниц машинописного текста с подписью начальника ИНО Артузова в конце), источник был весьма солидным и обладал большими связями в Варшаве. В разделе документа о польско-германских отношениях Сталин подчеркнул место, где говорилось о том, что 27 июля между Пилсудским и Гитлером заключено новое «джентльменское соглашение». Одним из пунктов этого соглашения была договоренность: «В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества Польша и Германия заключают с Японией военно-оборонительные союзы»²². Этот пункт в документе также был отмечен Сталиным. Осенью 1934 года угроза союза трех стран против СССР была достаточно серьезной, и политической разведке удалось своевременно получить информацию о возможности такого союза.

После ареста на следствии (протокол № 37 от 4 марта 1942 года) Зорге говорил, что основной целью приезда в Японию в начале января 1934 года Дирксена в качестве посла Германии было добиться политического сближения Японии с Германией на антисоветской основе. Однако эти усилия Дирксена не имели особого успеха в МИДе Японии. В это же время военный атташе Отт пытался оказать влияние на руководство Генштаба сухопутных войск и военного министерства и имел здесь некоторый успех. Усилия военно-морского атташе Венеккера в Главном штабе были встречены пассивно. Идея антисоветского военного сотрудничества между Японией и Германией не вызвала энтузиазма у руководства японского военно-морского флота. На основе информации, полученной от Дирксена, Отта и Венеккера, Зорге составил подробный доклад, который курьерской связью через Шанхай был отправлен в Москву. В этом же году Зорге получил от Одзаки и Мияги информацию об антисоветской политике военных кругов Японии и о повышении роли группы «твердолобых» в армии. Эта информация, также переданная через курьера в Москву, подтвердилась в 1935 году. Провокации, инциденты на советско-маньчжурской границе, военные столкновения на монголо-маньчжурской границе, иногда переходившие в настоящие сражения, показывали, что руководство армии взяло курс на конфронтацию со своим северным соседом.

«РАМЗАЙ» ЕДЕТ В МОСКВУ

Прошло полтора года работы в Японии. Поскольку кончился двухлетний срок командировки в Японию, нужно было подводить итоги и намечать перспективы на будущее. Весной 1935 года Зорге подготовил и передал в Москву отчет о своей миссии, возможностях членов группы, перспективах получения информации в германском посольстве. «Я сообщил Москве, — писал Зорге позже, — что хотел бы, чтобы меня вызвали для консультаций и чтобы сменили „Бернгарда“ на радиста получше. В мае 1935-го я получил указание из Москвы вернуться домой, не откладывая». В конце июня Зорге отплыл в Америку и через США, Францию, Австрию, Чехословакию и Польшу в июле вернулся в Москву.

Зорге отправил «Бернгарда» вместе с женой в Москву, и на этом их участие в операции закончилось. Советские авторы ничего не писали об этом человеке. Ничего не могли сказать о нем и западные биографы Зорге, и в первую очередь Ф. Дикин и Г. Стори. Юлиус Мадер, писавший свое исследование о Зорге в основном по советским источникам, также ничего не говорит о дальнейшей судьбе «Бернгарда». И вся его неудачная работа в Токио основывается только на оценках самого Зорге в тюремных записках. Ответ на

вопрос о том, как сложилась дальнейшая судьба этого человека, можно дать, используя некоторые архивные документы.

В начале августа 1936 года в Москве готовили военных советников для армии Испанской республики. Подбирали кандидатов и радистов, которые обеспечивали бы бесперебойную связь с Москвой. Занимались этим сотрудники Разведупра, а окончательно кандидатов утверждал Сталин. 9 августа к нему с предложением утвердить очередную кандидатуру обратился нарком обороны Ворошилов. В своем письме он писал: «Военным советником к друзьям предлагаю назначить комбрига т. Горева-Высокогорца Владимира Ефимовича — командира механизированной бригады ЛВО. Считаю целесообразным вместе с ним направить для обеспечения связи от друзей к нам т. Виндта Бруно, радиоинструктора Разведупра»²³. К письму были приложены две характеристики на Горева и Виндта, подписанные Урицким. Вот мнение начальника Разведупра об этом радисте: «Родился в 1895 году. До революции был матросом германского военного флота. С 1918 года член германской компартии. Работал радистом на судах германского торгового флота. С 1929 года на радиоразведывательной работе в РККА. В течение двух лет осуществлял бесперебойную нелегальную связь Токио — Москва. В настоящее время радиоинструктор Разведывательного управления РККА»²⁴.

Из этого документа можно точно установить, что «Бернгард» и Бруно Виндт — одно и то же лицо. Вряд ли у Разведупра была в те годы в Японии еще одна нелегальная резидентура, имевшая прямую и надежную радиосвязь с Владивостоком. Что касается мнения Зорге, то, может быть, у него не сложились отношения с радистом и негативную оценку этого человека он перенес на страницы своих записок.

Зорге нужно было отчитаться в проделанной работе, уточнить прежние задачи и наметить новые, учитывая изменившееся положение членов группы, и прежде всего свое. Новое руководство военной разведки хотело познакомиться с руководителем группы «Рамзай». Но была и еще одна причина срочного вызова в Москву в конце мая 1935 года. Этой причиной был шумный, со статьями в китайской и западной прессе, провал советской военной разведки в Китае.

ПРОВАЛ ШАНХАЙСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

В ноябре 1964 года «Комсомольская правда» начала публикацию серии статей под броским заголовком «Я знал Зорге». В то время, как уже говорилось, статьи о Зорге и членах его разведывательной группы печатались почти во всех центральных газетах, и такими публикациями было уже трудно удивить читателя. Но эти статьи сразу об-

ратили на себя внимание. Автор, скрывшийся под псевдонимом «Я. Горев», хорошо знал знаменитого разведчика, встречался с ним в Берлине летом 1933-го и обсуждал различные вопросы разведывательной работы. В отличие от некоторых публикаций журналистского толка, где правда перемежалась с авторским вымыслом, в серии этих статей давалась солидная доза документального материала, и они сразу же привлекли внимание как советских авторов, начавших писать книги о Зорге, так и зарубежных исследователей. О самом авторе статей, выпущенных потом отдельной брошюрой, в то время не было сказано ни слова. Неудивительно, что зарубежные авторы книг о Зорге начали высказывать различные предположения о новом военном разведчике, скрывавшемся под псевдонимом.

Горев писал, что в 1933 году он также готовился покинуть Берлин, чтобы отправиться с разведывательной миссией на Дальний Восток. Глава нелегальной берлинской резидентуры Разведупра «Оскар» (Оскар Стигга — один из помощников Берзина) сказал ему, что они с «Рамзаем» будут «соседями» и что им следует встретиться и обсудить «некоторые вопросы оперативного характера». О себе по соображениям секретности (до 1964 года) автор ничего не говорил, но в своих воспоминаниях, написанных в октябре 1964 года и опубликованных только в 2000 году, подробно рассказывал о Зорге и о контактах с ним, когда тот уже работал в Японии. При этом был достаточно откровенным и вещи называл своими именами.

«Мы договорились о формах конспиративной связи между Токио и Шанхаем. С конца 1933 года и вплоть до моего ареста в Шанхае в мае 1935 года мы поддерживали довольно регулярные контакты. В течение этого времени я 5 или 6 раз направлял к „Рамзаю“ своих людей за почтой, передавал по своим двум радиостанциям отдельные телеграммы токийской резидентуры, когда у них не ладилась связь с „Висбаденом“ (Владивостоком). Мы вели с „Рамзаем“ конспиративную переписку (Центр предоставил нам для этого специальный шифр), он имел шанхайский конспиративный адрес на случай срочных сообщений. В общем, я за эти полтора года мог „с близкой дистанции“ наблюдать за развертыванием работы токийской резидентуры. Впоследствии мне приятно было узнать, что в письме Центру от 1934 года Рамзай подчеркивал „исключительную товарищескую готовность помочь, которую проявляют наши люди в Шанхае“»²⁵.

Через несколько десятилетий, в конце 90-х, в печати появилась первая информация об этом военном разведчике. Это был Яков Григорьевич Бронин (настоящая фамилия — Лихтенштейн, псевдонимы — «Доктор Бош», «Я. Горев»). Ровесник века, родился под Ригой. В 1916 году сдал экстерном экзамены за курс гимназии в Кременчуге. С 1920 года член партии. В Гражданской войне не участвовал и в РККА вступил только в 1922 году. Посвятил себя военной журналистике и был редактором ряда военных газет, политработником и ре-

дактором военных журналов. Следующая должность в армии — начальник бюро печати Политуправления РККА. В октябре 1928-го поступил слушателем в Институт красной профессуры, где проучился два года. В октябре 1930-го Берзин забрал его в Разведупр и направил в нелегальную берлинскую резидентуру. В Германии он проработал до лета 1933 года. Как работал — хорошо или плохо, пока неизвестно. Из Германии его направили в Китай, и с августа 1933-го он принял у «Пауля» (Карл Римм) шанхайскую резидентуру Зорге и стал его «соседом». Такова была краткая биография «Горева»²⁶. За прошедшие десятилетия о нем стало известно очень немногое.

Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке была очень напряженной — и в Китае, и в Маньчжурии, и в самой Японии. Резидентура «Рамзай» только еще становилась на ноги, и ожидать от нее большой отдачи было нельзя. Поэтому естественно, что Центр требовал подробной информации и от других резидентур. Такие требования влекли за собой увеличение агентуры, и шанхайская резидентура превращалась в громоздкую, трудно управляемую организацию.

Москву интересовали агентурные сведения о борьбе китайской Красной армии против Чан Кайши, события в Китае, но постепенно основным направлением работы резидентуры становилась Япония. Центр считал, что с учетом напряженной обстановки в этом регионе основное внимание должно быть сосредоточено на Японских островах, ибо главный противник находился там. Резидентура получила конкретные задачи по Японии, и для их выполнения было решено создать там свою разветвленную разведывательную сеть, независимую от сети Зорге. Руководство военной разведки, и в первую очередь Берзин, решили «не класть все яйца в одну корзину».

Для свободного и, главное, регулярного посещения Японии, которое не вызывало бы подозрений у японской контрразведки, сотрудникам резидентуры нужна была надежная легальная «крыша». Наиболее подходящим для этого вариантом было создание какой-либо фирмы, ведущей торговлю между Японией и Китаем. Разведчики под видом сотрудников фирмы могли бы свободно посещать Японию и заниматься там разведывательной и вербовочной работой. Возможно, что Бронин решил использовать европейский опыт Ивана Винарова, успешно работавшего в странах Центральной Европы в 1930—1933 годах под прикрытием различных торговых организаций. А может быть, идея такой «крыши» была подсказана Центром.

В начале 1934 года Бронин, как шанхайский резидент Разведупра, предложил Центру заменить имевшегося в резидентуре радиста. Возможно, радист резидентуры попал под подозрение полиции или контрразведки, а может, как говорили, «обуржуазился». Такой вариант тогда, как и позднее, был вполне реален. Значные места Шанхая — кабаре, варьете, рестораны — могли подействовать на любого,

особенно если он иностранец. Во всяком случае, в Разведупре доклады резидентуры сочли убедительными, и в марте 1934-го из Москвы в Шанхай через Берлин и Италию отправился новый радист.

На этот раз в Китай отправили очень молодую красивую француженку Рене Марсо. В 1930 году семнадцатилетней девчонкой она приехала в Москву учиться профессии революционера. Несколько лет была курьером Коммунистического интернационала молодежи, разъезжая по странам Европы. Осенью 1933 года ее направили в разведывательную школу при Разведупре. И в марте 1934-го, окончив школу и получив несколько специальностей — радиста, шифровальщика, фотографа, — с голландским паспортом в кармане она вышла в Берлин²⁷.

В Берлине сменила паспорт и стала подданной Уругвая Денисой. Далее путь лежал через Швейцарию и Милан в Венецию и Триест. Затем долгий путь на одном из пароходов через Суэцкий канал и вокруг Индии в Шанхай. Там она впервые встретилась со своим будущим мужем Яковом Брониным. И начались суровые разведывательные будни. Вот как Бронина описывала эту работу в своих коротких воспоминаниях, опубликованных в 1991 году. «Работы было много. Я должна была обеспечивать радиосвязь и переснимать шедшие к нам непрерывным потоком документы. Мы помогали Красной армии Китая, которая находилась тогда в трудном положении: теснимая гоминьдановскими войсками из южных районов, она готовилась к Великому Походу в северные провинции. Китайские товарищи помогали нам в вербовке информаторов, указывая либо на наших идейных сторонников — людей, сочувствующих коммунистам, либо на тех, кто за деньги готов был продать любые тайны, — таких было много среди китайских чиновников»²⁸.

Ездил она и в Японию к Зорге. По ее воспоминаниям, они были знакомы еще в Москве. Как радистка она должна была помочь наладить радиосвязь с Владивостоком, а также отвезти в Токио деньги и новый шифр. С Зорге у нее было две встречи: деньги она передала, а про шифр забыла и вспомнила об этом, только вернувшись в Шанхай. Такие вот накладки бывают у разведчиков. Побывала она вместе с Зорге и на радиоквартире. Рация была в рабочем состоянии и, по ее мнению, радист не выходил в эфир, опасаясь пеленгаторов. Версия малоубедительная, так как в начале 1935 года серьезной пеленгаторной службы в Японии еще не было. По всем имеющимся источникам, перехват радиограмм группы «Рамзай» начался в 1937-м, а первые немецкие пеленгаторы появились в Японии в 1938 году.

К сожалению, усилия шанхайской резидентуры и ее резидента Якова Бронины создать надежно действующую параллельную «рамзаевской» резидентуру в Японии не увенчались успехом. Попытка организовать фирму для торговли между Шанхаем и Японией провалилась. Разведчик, который должен был возглавить ее японский

филиал и таким образом легализоваться в Японии, попал под подозрение китайской контрразведки. Ему пришлось исчезнуть из Шанхая и распрощаться с надеждой поработать в Японии. Попытки использовать китайскую колонию в Японии также не привели к серьезным результатам. Возможно, что в дальнейшем при более основательной и кропотливой работе удалось бы создать агентурную сеть на островах. Но пока были сделаны только первые шаги: формировались отдельные группы, в Японию посылались одиночные агенты, налаживалась связь между Китаем и островами. По опыту группы «Рамзай», нужно было несколько лет, чтобы новая агентурная сеть начала эффективно работать. Но тут в дело вмешался тот случай, к которому всегда должен быть готов любой разведчик. Шанхайский резидент Разведупра был арестован.

Вот как об этом пишет в воспоминаниях его жена: «Вечер мы провели в гостях у товарища, отъезжавшего в Москву. Расходились в разные стороны. Домой я вернулась одна. Позже позвонили легальные товарищи, спросили, дома ли муж. Я ответила, что нет. „Тогда бросай все и иди к нам“. „Яков арестован, — сказали они при встрече. — Его выдал китаец, который работал на нас“. При Якове не было документов, по которым можно было бы выяснить, где и под каким именем он жил в Шанхае, — предатель не знал этого. Зато при Якове нашли несколько фальшивых паспортов, которые он по оплошности взял с собой. Личность и адрес его могли в конце концов установить, полиция могла взломать сейф и тогда... В условиях военного времени ему грозила виселица...»²⁹

Сразу же началась локализация провала. Бронина переехала в другое место.

Были извещены, отозваны и спрятаны все, кому грозила опасность. Вся агентура шанхайской резидентуры была законсервирована. У Бронина не было квалифицированного заместителя, и его арест означал прекращение деятельности резидентуры. Были, очевидно, прекращены и все мероприятия по созданию агентурной сети в Японии. По воспоминаниям Элли Брониной, несмотря на скудость обвинений и на то, что личность ее мужа так и не была установлена, его приговорили к 15 годам и отправили в Ханькоу (Ухань) в тюрьму, которая была известна особо тяжелыми условиями для заключенных.

Дальнейшая судьба Элли Брониной была удачной. В одну из темных, дождливых ночей ее доставили в порт. Здесь в потемках на руках по шатким мосткам два офицера подняли разведчицу на корабль, вскоре после этого вышедший в море в направлении Владивостока. Дальневосточная эпопея закончилась для француженки благополучно. В Москве она была определена в кадры Красной Армии и зачислена в распоряжение Разведупра. В мае 1936-го за разведывательную работу в Китае она была награждена орденом

Красной Звезды и ей было присвоено воинское звание лейтенант. Ее способности разведчицы, знание языков и шифровального дела были использованы еще раз во время гражданской войны в Испании. Работала она успешно и за Испанию была награждена высшей наградой страны — орденом Ленина. Во время разгрома кадров военной разведки летом 1938 года была уволена в запас Красной Армии. Тогда из вооруженных сил, и особенно из военной разведки, изгнали всех иностранцев, и она не стала исключением.

А вот взгляд на те же события, но с другой стороны. В том же 1991-м, когда были опубликованы воспоминания Брониной, вышла книга воспоминаний разведчицы Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов». Бывшая жена одного из коминтерновских руководителей Отто Куусинена, она была сотрудником отдела международных связей Коминтерна. После двух лет работы в США по линии Коминтерна решила перейти в военную разведку. Разведупру всегда нужны были опытные резиденты, знающие языки. И Берзин, переговорив с Пятницким, предложил Айно новый район деятельности — Японию. Путь туда лежал через Шанхай, и в этом городе она встретилась с Брониным и его женой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЙНО КУУСИНЕН

...Через несколько дней после моего приезда в отеле (отель «Палас» в Шанхае. — *Авт.*) появилась молодая женщина, говорившая по-немецки. Она должна была отвезти меня к «шефу». Мы поехали на такси во французскую часть города, остановились на бульваре Фоша. Шеф представился как доктор Бош, женщина была радисткой, звали ее Элли.

Это был резидент, глава тайной спецслужбы СССР в Шанхае, ему подчинялись все советские агенты на Дальнем Востоке... Последнее время, сказал он, трудно связаться по радио с «Висбаденом», поэтому я должна терпеливо ждать, так как с «Мюнхеном» (Москвой) прямой связи нет. Мне показалось странным, что он так неосторожно и без особой надобности раскрыл мне кодовые названия. Бош допустил и вторую небрежность: когда он ненадолго вышел из комнаты, на столе, среди бумаг я увидела его паспорт. Я быстро в него заглянула — он был выдан на имя латыша Абрамова...

После ареста Бронина китайские и иностранные газеты много писали о поимке таинственного шпиона по фамилии Абрамов. Узнала об этом и Айно Куусинен. Вот еще один отрывок из ее воспоминаний: «В ноябре 1935 года я прочитала в „Джапан таймс“, что в Шанхае арестован таинственный шпион по фамилии Абрамов (Элли, по-видимому, ареста избежала). Хотя причин, по которым меня отзыва-

ли, могло быть множество, я сразу подумала, что скорее всего это вызвано арестом Боша. Правда, я с октября 1934 года с ним не виделась, но могло стать известно что-нибудь меня компрометирующее. Бош был центром всей советской дальневосточной разведки, и вполне вероятно, что арест его вызвал в Москве беспокойство...

1935 ГОД: ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН В ВОЕННОЙ РАЗВЕДКЕ

Зорге приехал в Москву в июле 1935 года. И попал в совершенно другую организацию. Вместо начальника управления Берзина новый начальник Урицкий. Вместо начальника агентурного отдела Мельникова новый заместитель по разведке Артузов. Новая структура и новый восточный отдел с новым начальником Кариным. За прошедшие полтора года в центральном аппарате все изменилось полностью. Этой перестройке предшествовали очень серьезные события 1933—1934 годов, которые определили деятельность военной разведки на годы вперед и в Европе, и на Дальнем Востоке. Фактически дальнейшую разработку операции «Рамзай» вели уже совершенно другие люди, которых Зорге не знал.

Произошло это вследствие провалов, вызвавших крайнее недовольство Сталина положением в военной разведке. Результатом этого стала публикация на первой полосе «Правды» от 23 марта 1934 года. Под заголовком «Антисоветская кампания французских черносотенцев» сообщалось, что после нескольких месяцев молчания зарубежная печать помещает «вымышленные сообщения» о том, что раскрытая осенью 1933 года во Франции «шпионская организация действовала якобы в пользу Советского Союза». Это короткое сообщение вряд ли привлекло внимание рядовых советских читателей, которым хватало своих забот. Не для них оно и предназначалось: ни одна разведка мира не обходится без провалов, и ни одна в них не сознается. Нужно было как-то сбить накал западных публикаций.

Через несколько дней после публикации в «Правде» были подготовлены материалы для очередного заседания Политбюро. 29 марта на нем с докладом «О кампании за границей о советском шпионаже» выступил сам Сталин (для того времени случай достаточно редкий и показательный). После обсуждения заместителю наркома иностранных дел Крестинскому поручили в тот же день представить текст опровержения ТАСС, а наркомвоенмору Ворошилову подробно ознакомиться с вопросом и доложить Политбюро³⁰. 30 марта в центральных газетах было опубликовано опровержение ТАСС: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР, ТАСС уполномо-

мочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чем не основанным клеветническим вымыслом».

После выступления Сталина на Политбюро Особый отдел ОГПУ, наблюдавший за Наркоматом по военным и морским делам, подготовил подробную докладную записку о работе 4-го управления. Подписал ее практически уже руководивший ОГПУ Генрих Ягода. Адресовалась она Сталину, курировавшему деятельность всех звеньев разведывательной триады (военная разведка, политическая разведка — ИНО ОГПУ и партийная разведка — отдел международных связей Коминтерна). На десяти страницах шло сухое перечисление всех провалившихся резидентур 4-го управления с актами, датами, фамилиями. Выводы были сведены в один абзац: «Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями, подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям, несоблюдения правил конспирации, недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого 4-го управления штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов»³¹.

10 октября 1933 года в Хельсинки были арестованы нелегальный резидент 4-го управления Мария Пуль-Талтынъ и ее помощники, а также значительная часть советской агентурной сети. Следовало сразу же перестроить работу резидентуры, но управлением никаких мер предпринято не было. Принявший резидентуру в 1932 году военный атташе Александр Яковлев по-прежнему оставил линии связи в руках лиц, внушавших серьезные подозрения. Более того, игнорируя элементарные требования конспирации, Яковлев и его помощники Николай Сергеев и Яков Торский встречались с Пуль-Талтынъ у нее на квартире. Когда в октябре 1933 года начались аресты второстепенных источников сети, у Яковлева и руководства управления еще была возможность сохранить наиболее ценную агентуру и вывезти ее в Советский Союз. Однако это сделано не было, и вся резидентура была разгромлена.

Затем последовал грандиозный провал во Франции. 19 декабря 1933 года в Париже были арестованы резидент 4-го управления Вениамин Беркович с женой, его помощник Шварц, связистка Лидия Шталь (Чекалова), профессор Луи Мартен, работавший в отделе шифров французского морского министерства, агенты Магдалена Мерме, супруги Сальман. Аресты продолжались более года и затронули также Великобританию, Германию и США. Среди арестованных французами во вторую очередь были полковник Октав Дюмулен, химик Вартослав Рейх, врач Рива Давидович, инженер из военного министерства Обри. Лишь немногим сотрудникам резидентуры удалось скрыться. У арестованных были изъяты документы и радиоаппаратура (коротковолновые приемники и передатчики). Французский провал, явно связанный с финским, можно было предотвратить —

еще в 1932 году тогдашний резидент в Париже Кильчицкий обнаружил за собой наблюдение и сообщил об этом руководству, но соответствующие меры предосторожности так и не были приняты.

Так или иначе, внимательно изучавший эту докладную Ягоды Сталин написал на ее первой странице резолюцию: «В мой личный архив. И. Ст.», а работу военной разведки решено было рассмотреть на Политбюро.

Были подготовлены необходимые документы и проект постановления. 26 мая на очередном заседании Политбюро обсуждался пункт 229/213 «Вопросы 4-го управления Штаба РККА», по которому было принято развернутое постановление, а протокол № 7 закрыт в «Особую папку», где и пролежал ровно 60 лет³².

Все материалы к постановлению Политбюро, хранящиеся в президентском архиве, остаются недоступными, и установить авторов его проекта пока невозможно. Но очевидно, что готовили этот документ профессиональные разведчики. В постановлении отмечалась опасность создания крупных резидентур в некоторых странах и сосредоточения в одном пункте линий связи нескольких резидентур, что резко увеличивает вероятность провалов. «Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну» была сочтена «грубейшим нарушением», создающим «предпосылки для провалов одновременно в ряде стран»³³.

После обсуждения всех вопросов военной разведки Политбюро решило вывести управление из системы Штаба РККА, подчинив его непосредственно наркому. Начальника управления обязали в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы, создав небольшие и совершенно самостоятельные в своих связях с Центром резидентуры. Была определена группа стран, против которых сосредоточивалась деятельность агентурной разведки: Польша, Германия, Финляндия, Румыния, Англия, Япония, Маньчжурия, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран было решено вести легальным путем через официальных военных представителей.

Для координации работы военной и политической разведок создавалась постоянная комиссия в составе начальников Разведупра, ИНО и Особого отдела ОГПУ. Комиссия должна была обсуждать и согласовывать общий план разведывательной работы за границей, обеспечивать взаимное информирование и обмен опытом между обеими разведками. Ей также предписывалось изучать все провалы как по линии управления, так и по линии ИНО и принять меры против возможных их повторений. На комиссию возлагалась и проверка отправляемых за кордон сотрудников.

Была очевидной и необходимость усиления руководства военной разведки опытным и авторитетным профессионалом. Сталин, видимо, сознавал, что в военном ведомстве такого человека нет. Управление к тому времени было «театром одного актера»: ни Оскар Стигга, руководивший научно-технической разведкой, ни исполнявший «особые поручения при начальнике управления» Василий Давыдов при всем своем опыте и знаниях не могли соперничать с самим Берзиным. Поскольку Берзин не имел официального первого заместителя, а были только помощники (например, таким числился начальник агентурного отдела Борис Мельников), Политбюро решило ввести такую должность в штат управления, назначив первым замом его начальника Артура Артузова, который руководил политической разведкой — ИНО ОГПУ.

Контроль за выполнением постановления Политбюро возложили на Ворошилова, выписки были направлены обоим руководителям разведки — Берзину и Артузову³⁴.

Накануне принятия решения Политбюро по военной разведке 25 мая 1934 года Артузов был вызван в Кремль. Он вошел в кабинет Сталина в 13 часов 20 минут. Там уже находились Ворошилов и Ягода. Беседа продолжалась шесть часов³⁵. Уходить в другое ведомство, хотя бы и на родственную работу, с понижением в должности и без особых перспектив продвижения по службе Артузову явно не хотелось. Но после слов Сталина: «Еще при Ленине в нашей партии завелся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается»³⁶, возражать было бессмысленно. Хорошо представляя себе обстановку и взаимоотношения в военном ведомстве, Артузов сказал Сталину, что ему одному трудно будет вписаться в новый коллектив, и попросил разрешения взять с собой группу сотрудников, которых он знал по работе в ИНО. Сталин согласился, и вместе с Артузовым в военную разведку пошли 13 сотрудников ИНО. Со Сталиным явно была согласована и расстановка новых людей — без приказа генсека Ворошилов не отдал бы «пришельцам» важнейшие посты в военной разведке.

Наиболее крупными фигурами из этих 13 сотрудников были Федор Карин и Отто Штейнбрюк. И не только потому, что вскоре возглавили важнейшие отделы. В ноябре 1935 года в Красной Армии были введены персональные воинские звания. Звание комкора (нынешний генерал-лейтенант) получил новый начальник управления Семен Урицкий как имевший опыт строевой службы. Звания корпусных комиссаров, по рангу соответствующие званию комкора, — уже бывший к тому моменту начальник управления Берзин и Артузов. Эти же звания политсостава были присвоены Карину и Штейнбрюку — тем самым начальники отделов были приравнены к руководству военной разведки.

Времени на раскачку у Артузова не было. Ему предстояло проанализировать работу управления и предложить свои рекомендации по реорганизации центрального аппарата военной разведки в течение месяца. 23 июня 1934 года подробный доклад был готов. Основные его положения в предварительном порядке были доложены наркому Ворошилову. Возражений с его стороны не последовало. Доклад о состоянии агентурной работы управления и мерах по ее улучшению был адресован «Секретарю ЦК ВКП(б) Сталину». Вторым экземпляром доклада предназначался Ворошилову. Неизвестно, находился ли в это время в Москве начальник управления Берзин. Если так, то сам факт обращения с докладом через его голову да и через голову наркома непосредственно к Сталину был беспрецедентным. «Сталин, направляя меня в Разведупр, сказал, что я должен быть там его глазами и ушами», — говорил Артузов в 1936 году. Этим можно объяснить действия обычно тщательно соблюдавшего субординацию Артузова, пославшего свой первый доклад в новой должности на самый верх.

Новому заму по разведке, конечно, сразу же доложили об операции «Рамзай». Сказали о составе группы, задачах, которые ставились при разработке операции в 1933 году. Познакомился Артузов и с личным делом Зорге и имел представление о фигуре нелегального резидента военной разведки в этой стране. Но реальных результатов у «Рамзая» в июне 1934-го еще не было, и сказать об этой группе в докладе Артузов ничего не мог. Свой вывод о разведывательной работе в Японии он сделал только на основе информации о работе легальной резидентуры ИНО в Токио. Вывод был неутешительным: «Ведение агентурной работы в Японии из стен наших официальных представительств настолько чревато опасностями, что от этого надо отказаться».

Артузов предлагал создать два отдела стратегической агентурной разведки: в странах Запада (первый отдел) и Востока (второй отдел). Их агента действовала в Европе, а также в Турции, Персии, Афганистане, Китае, Маньчжурии, Японии и США. Отдел технической разведки должен был вербовать за рубежом агента на военных заводах, в секретных конструкторских бюро и лабораториях и добывать данные о новой военной технике. На отдел активных действий возлагалась ответственность за подготовку кадров для диверсий в тылу противника в случае войны. На отдел по руководству разведкой округов — руководство разведотделами приграничных округов, через которые насаждалась периферийная агента на сопредельной территории соседних стран для непосредственного наблюдения за укреплениями, концентрацией войск, перевозками и маневрами в погранзоне.

Генсек внимательно ознакомился с докладом Артузова, замечаний с его стороны не последовало. Менее чем через месяц было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы в

РККА оперативными работниками разведорганов». В этом документе были учтены все предложения, изложенные в докладе Артузова. В ноябре 1935 года нарком обороны утвердил и новые штаты Разведупра РККА. Всего в нем было создано двенадцать отделов. Первый (агентурная разведка на Западе) во главе с Отто Штейнбрюком состоял из пяти отделений с общим штатом в 36 человек. Второй (агентурная разведка на Востоке) во главе с Федором Кариным также включал пять отделений с общим штатом в 43 человека.

Японское отделение второго отдела продолжало разработку операции «Рамзай» и осуществляло руководство разведывательной группой Зорге. Карин и начальник отделения полковник Михаил Покладок руководили операцией более двух лет, до середины 1937 года. О них не упоминается ни в одной книге о Зорге. Эти два разведчика заслуживают того, чтобы о них сказать несколько слов.

Родился Карин в 1896 году в селе Суслены Бессарабской губернии. О его жизни до 1919 года никакой информации нет. В январе 1919-го, после оккупации Бессарабии Румынией в 1918 году, уехал в Киев. Работал в одном из советских учреждений по заготовкам. Тогда же вступил в РКП(б). Весной в Киев из Москвы приехал секретарь Бессарабского бюро при ЦК РКП(б) Хоровой (Гринберг). Карин, очевидно, понравился московскому представителю, и тот предложил ему должность своего секретаря. Позднее Хоровой переехал в Одессу, где была сформирована Бессарабская ЧК. По его рекомендации Карина назначили заместителем начальника контрразведывательного отдела. Потом был фронт и командование эскадроном в бессарабской бригаде. После ранения и госпиталя направлен в Киев, где был назначен комиссаром одного из отделов Всеукраинского уголовного розыска. При наступлении белых на Киев направлен в Особый отдел 12-й армии. С августа 1919-го стал работать в органах ЧК и ОГПУ. Такая вот биография за один год.

Способного бессарабца, владевшего английским и немецким языками, заметили, и в 1920 году он вместе с Артузовым участвует в операции против Игнатия Сосновского и агентуры Польской организации войсковой. С 1922 года начинается его нелегальная агентурная работа. Румынским он владел хорошо, и его решили использовать для работы в этой стране. Но агентурного опыта еще не было, и, очевидно, он попал под подозрение румынской контрразведки. Пришлось ему в июне 1922 года перебраться в Австрию, а оттуда — в Болгарию (под фамилией Корецкий). Для Карина началась 11-летняя агентурная работа во многих странах мира. В марте 1924-го его направляют резидентом ИНО в Харбин под «крышей» сотрудника генконсульства. С ноября 1926 по июль 1928 года нелегальная работа в США. В 1928—1931 годах он нелегальный резидент ИНО во Франции, а с 1931 по 1933 год — нелегальный резидент в Германии. За это время объездил полмира, работал во многих странах, опыта и

квалификации хватило бы на нескольких нелегалов. Осенью 1933-го возвращается в Москву и начинает работать в центральном аппарате политической разведки — ИНО ОГПУ. И опять вместе с Артузовым.

Неудивительно, что начальник ИНО очень высоко ценил одного из своих помощников. В аттестации на Карина за 1933 год он писал: «...Один из наиболее опытных и квалифицированных руководителей разведки в условиях подполья. Прекрасный конспиратор, смелый, инициативный оперативник... За блестящую разведывательную деятельность имеет две высшие награды ОГПУ (два знака почетного чекиста), а также был представлен к ордену Красного Знамени. Последняя должность у Карина — начальник центрального отделения ИНО, с присвоением 12-й категории. Считаю Карина в первой десятке лучших организаторов разведки ИНО».

В январе 1935 года приказом наркома обороны он был назначен начальником 2-го восточного отдела Разведупра. Конечно, такое крупное назначение, тем более человека со стороны, было согласовано со Сталиным, и приказ, подписанный Ворошиловым, только фиксировал договоренность между Артузовым и Сталиным о расстановке команды чекистов на ключевых постах в Разведупре. Отдел занимался агентурной разведкой на Востоке и в США, и, предлагая Карина на эту должность, Артузов учитывал его опыт работы в Харбине и в США. Опыт работы в ИНО и способности Карина были оценены очень высоко, если он по воинскому званию был приравнен к руководству военной разведки. Очевидно, высоко оценивал Карина и Сталин — без его ведома и согласия воинские звания такого ранга в РККА тогда не присваивались³⁷.

Сотрудники отдела, с которыми работал Карин, очень тепло отзывались о нем как о руководителе, ценили его деловые качества, работоспособность, умение найти общий язык и наладить деловое сотрудничество с подчиненными.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛКОВНИКА В ОТСТАВКЕ БОРИСА ГУДЗЯ, РАБОТАВШЕГО В 1936—1937 ГОДАХ ПОМОЩНИКОМ Ф. КАРИНА

...Сразу же при поступлении моем на работу во второй отдел Разведупра мы нашли общий язык и так проработали в тесном деловом контакте все 13 месяцев моей работы в Разведупре.

За это время я убедился в том, что Карин — работник большого масштаба, с большим опытом разведывательной работы. Он был одним из подлинных руководителей операции «Рамзай», хотя начал эту линию не он, а лично Берзин. В этой операции он беспокоился за сохранение Зорге от провала, поскольку в основе его легенды было много сырых моментов, и в этом отношении делал все возможное, чтобы исправить положение. Он был одним из инициаторов создания транзитной резидентуры по руководству Зорге в

Шанхае. Резидентом на эту работу был выделен его заместитель, опытный разведчик, дивизионный комиссар Лев Борович.

Он самым активным образом передавал опыт военным разведчикам, особенно Акимову, Федорову, Покладок, Хабазову и другим. Он проявил большую настойчивость в создании нелегальной резидентуры в Париже и в Калифорнии по вербовке среди японской колонии. Он сам никогда в Японии не был и подробно расспрашивал меня о разных сторонах жизни и быта в Японии.

Работать с ним было легко и интересно. Он горел на работе сам и умел зажигать на разведработу других. Карин особенно ценил работу полковника Федорова, работавшего по Маньчжурии. Много сил Карин тратил при работе с полковником Покладок, который недооценивал агентурную разведку.

УХОД БЕРЗИНА

События, послужившие поводом для назначения нового зама в управление, повторились через девять месяцев после прихода Артузова в Разведупр. На этот раз скандал разразился в Дании, где полиция арестовала нескольких датчан и иностранцев, обвинив их в шпионаже в пользу СССР. Европейская пресса зашумела. Сразу же после того, как в управлении разобрались в обстановке, Артузову пришлось писать подробный доклад наркому обороны. Полиция арестовала девять человек: четырех работников Центра и пятерых иностранцев, привлеченных на месте для работы по связи. Главной фигурой среди арестованных был старый работник Разведупра Улановский — резидент связи в Дании. Его основной задачей было получение нелегальным путем материалов от резидентур в Германии и их пересылка в Советский Союз. Для перевозки почты он завербовал трех датчан и одного американца.

Для Берзина копенгагенский провал знаменовал закат карьеры в военной разведке. Если прежде ему удавалось устоять и оставаться начальником Разведупра, хотя бы и при команде чекистов во главе с Артузовым, то теперь шансов у него не было. Берзин хорошо знал расстановку сил в руководстве Наркомата обороны, видел их борьбу за влияние и руководящие посты и не строил на свой счет никаких иллюзий. Не дожидаясь оргвыводов после доклада Артузова, он сам подал рапорт об освобождении от должности. Ворошилову удалось уговорить Сталина согласиться с уходом Берзина. Самого Берзина генсек не принял, видимо, не пожелав слышать его объяснений.

Через месяц, 15 апреля, наркомом обороны был подписан приказ № 053: «Начальник Разведывательного управления РККА т. Берзин Ян Карлович, согласно его просьбе, освобождается от занимаемой должности и зачисляется в мое распоряжение...»³⁸ Должность

начальника Разведупра стала вакантной. В аппарате управления кандидатов на нее не нашлось. Выбор пал на человека из высшего состава РККА, имевшего хотя бы некоторое отношение к военной разведке, — Семена Урицкого.

5 мая 1935 года заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления Ян Гамарник, курировавший повседневную работу Разведупра, представил генсеку нового кандидата. Беседа продолжалась два с половиной часа, на ней присутствовал врид (временно исполняющий должность. — Авт.) начальника управления Артузов³⁹. Очевидно, что сомнений у генсека не возникло. 7 мая, опять же в сталинском кабинете, Урицкий познакомился с Кариным, Никоновым (тогда вторым заместителем начальника Разведупра) и Штейнбрюком. На следующий день у Сталина состоялась заключительная трехчасовая встреча с руководством военной разведки. На ней присутствовали Ворошилов, Орджоникидзе, Гамарник и Артузов, из начальников отделов — Карин, Стигга и Боговой. После этого новый руководитель Разведупра приступил к исполнению своих обязанностей.

Это был человек своего времени. Жесткий, напористый, стремящийся к успеху. Путь от рядового до командира корпуса, как и многие из его друзей и знакомых командиров высшего звена, прошел за 20 лет. Родился в 1895 году в Черкассах Киевской губернии. Племянник известного чекиста Моисея Урицкого. Воспитывался в семье революционера Вацлава Воровского. Кончил четыре класса Одесского казенного училища и с 15 лет начал работать. Пять лет трудился в аптекарских складах Эпштейна: сначала учеником, потом упаковщиком и приказчиком. В 17 лет в июне 1912 года Одесской группой РСДРП был принят в партию. В августе 1915 года призвали в армию рядовым в 12-й драгунский полк. В кавалерийском седле проскакал и всю гражданскую. Летом 1917-го — председатель ротного комитета на румынском фронте. В декабре — начальник красногвардейской дружины в Одессе. И сразу же зимой 1918-го — помощник комиссара кавалерии в штабе Одесского военного округа. Летом этого года он уже комиссар кавалерии 3-й Украинской армии на Украинском фронте. В июне — июле 1918-го он возглавил боевой участок Поворино на Царицынском фронте. С октября в Москве назначен начальником отдела в Военном контроле (Особый отдел ВЧК). С этой должности направляется слушателем на первый курс Академии Генштаба. Летом 1919-го после окончания первого курса — помощник начальника штаба дивизии на Южном фронте. Летом 1920-го он командир Отдельной кавалерийской бригады, а с декабря — слушатель второго курса академии. В марте 1921-го участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, награжден орденом Красного Знамени. Летом 1921-го — начальник Одесского укрепленного района, зимой 1922-го — слушатель последнего курса академии. После ее окончания в мае

1922 года — спецкомандировка на нелегальную работу в Германию уже по линии Разведупра. После двухлетней работы в этой стране в мае 1924 года возвратился в Москву. На этом его сотрудничество с военной разведкой закончилось. То ли в Разведупре пришлось не ко двору, то ли сам не захотел работать на новом поприще.

С 1924 года служба на командных должностях. Три года Урицкий — начальник Одесской и Московской пехотных школ. Затем с 1927 по 1929 год — командование стрелковой дивизией в Ленинградском военном округе. Новая ступенька в карьере — и полтора года на должности заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. Опять взлет в карьере — и с мая 1930 по декабрь 1931 года он уже командир стрелкового корпуса в Украинском военном округе. Затем должность начальника штаба Ленинградского военного округа и опять командование стрелковым корпусом, но уже в Приволжском военном округе.

За десять лет продвижение по службе шло только вверх. Ни одного сбоя, ни одного отката назад. Конечно, сыграли свою роль и высшее военное образование, и огромный по тем временам партийный стаж. Командиров высшего звена с дореволюционным партийным стажем и с двумя орденами Красного Знамени в РККА было немного. Летом 1934 года в Наркомате обороны и, конечно, в ЦК партии решили, что послужил он в войсках достаточно — пора и в Москву. И с июня 1934-го Урицкий — заместитель начальника Автобронетанкового управления. Отсюда его переместили в Разведупр, и началась работа в новой, незнакомой ему области военной разведки. С этим человеком и встретился Зорге в июле 1935 года.

Начальник японского отделения Разведупра Михаил Покладок был ровесником Урицкого, но биография у него была совершенно другая — никакого стремительного восхождения по службе. Как следствие — в 1935-м скромное воинское звание «полковник» и скромная должность. Родился он в 1895 году в деревне Цепинцы Вязинской волости Виленской губернии. В 1915 году был призван в армию и как имеющий среднее образование направлен в Алексеевское военное училище. Через год после окончания училища чин подпоручика и отправка на Юго-Западный фронт. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Вначале в отделе уездного военкомата, потом в войсках, где дослужился до командира батальона. В партию вступил в 1920-м, после чего семь лет служил в войсках связи. В 1924 году окончил Высшую военную школу связи и в 1927-м поступил на восточный факультет Военной академии. После окончания японского отделения факультета Берзин забрал его в Разведупр. В 1929—1930 годах во время конфликта на КВЖД служил помощником начальника разведывательного отдела штаба ОКДВА. В 1930 году вернулся в Разведупр и был направлен на три года на стажировку в японскую армию с целью совершенствования

японского языка и ознакомления с вооруженными силами Японии. В 1933 году после возвращения в Москву назначен начальником сектора информационного отдела управления. В 1934—1935 годах находился в распоряжении управления, очевидно, в заграничной командировке. С 1935 года — начальник японского отделения 2-го отдела Разведупра. Повседневное руководство операцией «Рамзай» осуществлялось этим отделением, и Зорге во время приезда в Москву, конечно, встречался с Покладок⁴⁰.

«РАМЗАЙ» ПОЛУЧАЕТ НОВЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Урицкий, Артузов, Карин и Покладок — вот те новые люди в руководстве военной разведки, с которыми разрабатывал план своей дальнейшей работы Зорге во время своего короткого и последнего пребывания в Москве. Были окончательно уточнены и четко сформулированы все задачи, которые ставились перед разведывательной группой. При этом в полной мере учитывались и возросшие возможности членов группы, и возможности Зорге в германском посольстве при контактах с послом Дирксеном, военным атташе полковником Оттом и военно-морским атташе капитаном Венеккером. Был решен вопрос о замене радиста, и Клаузен, вызванный в Москву телеграммой Ворошилова, начал подготовку к дальней дороге. Не забыли и об отпуске Зорге вместе с Екатериной Максимовой где-нибудь на Черноморском побережье.

Но разговоры об отдыхе так и остались разговорами. Зорге вызвали в управление и сказали, чтобы он срочно готовился к возвращению в Токио. Причиной такой спешки была изменившаяся обстановка на Дальнем Востоке. Рвавшиеся к вершинам военной власти молодые офицеры из общества «Сакуракай» закусали удила и уже не думали об осторожности. Провокации на советско-маньчжурской и особенно на монголо-маньчжурской границах следовали одна за другой. Конфронтация в этом регионе нарастала и могла закончиться крупным военным конфликтом. Такой поворот событий не устраивал политическое и военное руководство Советского Союза. В Москве еще не были готовы к победоносной войне с островной империей. Разгром Квантунской армии на полях Маньчжурии планировался в далеком будущем.

Другой причиной напряженности на Дальнем Востоке была КВЖД. Стратегически важная железная дорога, пересекавшая всю Маньчжурию с северо-запада на юго-восток, фактически являлась экономическим стержнем этого района. Находясь в совместном владении России и Китая, а затем Советского Союза и Китая, она была занозой в теле «независимого» государства Маньчжоу-Го. Командование Квантунской армии, имевшее уже большое влияние в политических и военных кру-

гах Токио, не могло смириться с присутствием чужого государства, к тому же будущего противника, на подконтрольной ей территории. В Москве тоже понимали, что с дорогой надо расставаться и уходить из Маньчжурии окончательно. Дорога нормально уже не работала, а надежды на то, что совладелец удастся вразумить коротким военным ударом, не было⁴¹. Устроить второй конфликт на КВЖД по образцу 1929 года было невозможно. Любые военные действия, но уже против частей Квантунской армии, привели бы немедленно к длительной кровопролитной войне с Японией.

Пришлось принимать решение о продаже советской части дороги Японии. Советский Союз никогда не признавал «независимость» Маньчжоу-Го, и никакие переговоры с этим «государством» были невозможны. После продажи дороги третьей стране можно было с достоинством, сохраняя «лицо», уйти из Китая. В Токио трезвомыслящие политики приняли предложение о продаже. Начались переговоры о цене и условиях выплаты стоимости дороги. Соглашение о КВЖД было подписано 27 марта 1935 года.

Но тут опять вмешались военные. Они хорошо понимали, что решение вопроса о КВЖД будет способствовать нормализации отношений между двумя странами. А это не устраивало горячие головы в штабе Квантунской армии. Им нужна была напряженная обстановка, конфликты и возможная война с северным соседом. Начались новые военные провокации и пограничные инциденты. На Дальнем Востоке запахло порохом. В этих условиях ни о каком отдыхе Зорге не могло быть и речи. Урицкий, Артузов и Карин, проанализировав создавшуюся обстановку, совершенно правильно решили, что место руководителя разведывательной группы должно быть в Токио, а не на Черноморском побережье.

Последний визит Зорге и Клаузена к Урицкому. Начальник Разведупра напоминает, что *главная цель их разведывательной деятельности — дать точный анализ японских намерений в отношении Советского Союза. Планирует ли Япония совершить нападение и если да, то когда?* Через несколько лет в своих тюремных записках и в показаниях на допросах Зорге утверждал: «...Считалось, что в случае ... успеха Советский Союз, пожалуй, сможет избежать войны с Японией, а это было объектом повышенного интереса всех московских инстанций, при этом мы должны были помнить о чувстве недоверия в Советском Союзе в отношении Японии. А именно: Советский Союз, видя возрастающую роль японских военных кругов и их внешнеполитический курс после Маньчжурского инцидента, начал испытывать серьезные опасения, что Япония планирует напасть на СССР».

Урицкий также предупредил Зорге *о необходимости пристально наблюдать за развитием японо-германских отношений*. Летом 1935 года говорить о том, как далеко могут зайти взаимоотношения между Токио и Берлином было еще рано, но в Москве были убеждены, что

возобновление дружеских отношений между двумя странами началось и, более того, направлены они главным образом против Советского Союза. О налаживании их дружеских отношений сообщали из Берлина и дипломаты, и разведчики. Известно в Москве было и о том, что руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии и будущий министр иностранных дел рейха Риббентроп обратился к доктору Фридриху Хаку, бизнесмену, имевшему большие связи на Дальнем Востоке и особенно в Японии, чтобы тот встретился с военным атташе Японии в Берлине Осимой и передал ему просьбу о начале конфиденциальных переговоров между двумя странами по созданию оборонительного союза против России.

Помимо этого, перед «Рамзаем» стояла задача обеспечить свою дальнейшую легализацию — «войти в полное доверие сотрудников германского посольства», «считать наиболее эффективным установление служебного или полуслужебного сотрудничества в посольстве». Это означало, что Зорге получал официальное разрешение на оказание «эффективных услуг» посольству и в первую очередь военному атташе Отту. Как указывает Сироткин, «эти услуги заключались в снабжении Отта разного рода полуофициальными и неофициальными информацией по экономике, внутривнутриполитическому положению и военно-политическим мероприятиям Японии. Это явилось основным, важнейшим фактором, который помог „Рамзаю“ сделаться „своим человеком“ в германском посольстве»⁴².

ВСТРЕЧИ В БЕРЛИНЕ

16 августа 1935 года Зорге выехал из Советского Союза. Путь его опять лежал через Берлин в столицу Японии. Но прежде чем попасть в столицу рейха, он встретился в Варшаве с военным разведчиком Герхардом Кегелем, который работал в посольстве Германии в Варшаве и был отлично осведомлен о всех немецких делах. Зорге интересовал целый ряд специальных вопросов: введение в марте 1935 года всеобщей воинской повинности и увеличение численности армии, подробности подписания в июне 1935 года военно-морского соглашения между Германией и Англией, выступления нацистов в Данциге. По всем этим вопросам Зорге получил от Кегеля исчерпывающую информацию. Встреча была организована с разрешения Урицкого резидентом Разведупра в Польше Рудольфом Гернштадтом. Он начал работу в военной разведке с 1929 года и с 1933-го до разгрома Польши в 1939-м успешно продолжал ее в Варшаве под «крышей» корреспондента немецких газет.

Перед тем как покинуть Берлин, Зорге совершает протокольные визиты к тем, от кого зависит в Токио его реноме, к «сильным мира сего». При этом положено начинать с младших чинов и постепенно подниматься до верха, если, конечно, там пожелают и благо-

волят принять. Но Зорге, откровенно говоря, на знакомства и визиты очень везет. Открывая каждую следующую дверь, он заранее знает что сказать, кому чем польстить, вплоть до шутливого: «Привет от тэнно хейка» (японского императора). Это в Берлине воспринимается с улыбкой, как хороший тон. Прощаясь, Рихард никогда не дает понять, что этот визит последний или все дела уже решены. Иногда он приглашает... посетить Японию и подняться на гору Фудзияма, а то и воспользоваться древним искусством восточных гетер, именуемых гейшами.

С газетными предпринимателями и заказчиками на информацию у Зорге особые отношения. Здесь он себя чувствует как рыба в воде, разбедным коммивояжером: одному напоминает о долгах и денежных отношениях, другому предлагает серию статей на модную тему, третьего — просто интригуется. Нет, не подумайте, что он комедиант и фокусник. Зорге — мастер слова, признанный талант в журналистском деле, особенно компетентный в проблемах Дальнего Востока, он — артист сенсации.

В журналистских и газетных кругах ему выразили полное удовлетворение его деятельностью в Токио и теми корреспонденциями, которые он регулярно направлял из Японии. Более того, ряд новых газет Германии и Голландии проявили желание поручить ему представлять их в той далекой от Германии стране, с ее экзотикой и все более дерзкой политикой в отношении таких гигантов, как Китай, Америка, Россия. Крупнейшая либеральная газета «Франкфуртер цайтунг» и орган нацистских геополитиков журнал «Цайтшрифт фюр геополитик» раньше других поняли вкус и направление японских устремлений после захвата Маньчжурии, поэтому и не думали о другом представителе прессы в Японии. А отсюда и поддержка, и полномочия этому Зорге. Сам «отец» геополитики Гаусгофер принял его и имел с ним беседу!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТОКИО

В сентябре 1935 года Зорге опять кружным путем возвратился в Токио.

К этому времени в правительственных кругах взяла верх реалистичная политика по отношению к Советскому Союзу. Жесткий отпор на советской и монгольской границах и твердая позиция на переговорах о продаже дороги подействовали отрезвляюще, и в Токио решили пока не ссориться с северным соседом. Переговоры о продаже КВЖД возобновились. Обе стороны пошли на уступки, и дорогу продали за 140 миллионов иен. Подтвердилась информация Одаки, полученная Зорге перед отъездом в Москву: «В связи с событиями вокруг переговоров о продаже Северной железной дороги (КВЖД) усиливаются мнения о том, что, хотя и есть осложнения в вопросе о покупке же-

лезной дороги, японская сторона склонна в конечном счете к компромиссному завершению переговоров...» Эти сведения были подтверждены информацией, полученной от Отта, которую Зорге передал в Москву: «Япония вынашивает планы колонизации Северного Китая и не ведет подготовки к военным действиям против Советского Союза». Отт получил эту информацию из японского генштаба, но в Москве к ней отнеслись с большим недоверием.

Первые два года работы в Японии Зорге расценивал как начальный период, когда изучалась ситуация в стране и велась подготовка к реальной работе. В своих записках он писал: «В период с осени 1933 по весну 1935 года говорить о реальном выполнении задач почти не приходилось. Это время мы провели в подготовительных работах в условиях очень трудной обстановки в Японии. Надо было организовать разведывательную группу и создать основу для разведывательной деятельности. Будучи иностранцами, мы должны были прежде всего хорошо узнать проблемы, ставшие объектом нашей миссии. Добиться точного понимания различных проблем, которыми мы обязаны были заниматься, сразу было почти невозможно. Даже для Мияги, который долго жил за границей, потребовалось определенное время для того, чтобы войти в курс японских проблем. Нам же, иностранцам, для этого был необходим гораздо больший срок. Начало действительной разведывательной деятельности пришлось на то время, когда я вернулся из своей короткой поездки в Москву летом — осенью 1935 года».

С начала 1936 года группа стала сильной организацией и смогла выполнять свои функции. Она приобрела форму, о которой писал великий Сунь-цзы, — невидимую и неуловимую для окружающих, в частности для японской контрразведки, но тем не менее весьма действенную и работоспособную, которая впоследствии смогла принести блестящие результаты.

¹ Цит. по: *Конрад Н. И.* Избранные труды. С. 33.

² Цит. по: Дело Рихарда Зорге... С. 74.

³ *Рисс Курт.* Тотальный шпионаж. М., 1945. С. 171.

⁴ Дело Рихарда Зорге... С. 148.

⁵ Там же.

⁶ Более подробно о судьбе Вальтера Николаи см.: *Таратута Ж., Зданович А.* Тайный шеф Мата Хари. М., 2000.

⁷ *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1989. С. 132–133.

⁸ *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М.: ТЕРРА, 1996. С. 141.

⁹ Цит. по: Дело Рихарда Зорге... С. 183.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 187, л. 45—54.

¹² Договор был заключен на Вашингтонской конференции (12.11.1921—6.02.1922) между пятью морскими державами (Великобритания, Италия, США, Франция, Япония). Он предусматривал ограничения по тоннажу военно-морских кораблей и запрет в течение 10 лет на строительство крупнотоннажных кораблей (линкоров и авианосцев). По договору пять держав обязались воздерживаться от дальнейшего укрепления своих военно-морских баз на Тихом океане.

¹³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 187, л. 46.

¹⁴ Оккупация Маньчжурии толкнула фашистские группы в Японии на попытку военного переворота. 15 мая 1932 г. пугачисты, вторгшиеся в резиденцию правительства, убили премьер-министра Инукаи, бросили бомбы в здании партии Сэйюкай и концерна Мицубиси. Однако путч был быстро подавлен, а его участники арестованы жандармерией и полицией.

¹⁵ С конца XIX в. до 1940 г. внеконституционный орган в Японии. Состоял из ближайших советников императора, которые также назывались Генро.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 187, л. 48.

¹⁷ Там же, л. 101.

¹⁸ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ соч. С. 149.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Там же, л. 77.

²¹ Там же, л. 80.

²² Там же, л. 82.

²³ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 18, л. 60.

²⁴ Там же, л. 61.

²⁵ Дело Рихарда Зорге... С. 178.

²⁶ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 354.

²⁷ Там же. С. 355.

²⁸ Новое время. 1991. № 43. С. 35.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 16, л. 25.

³¹ Второй экземпляр записки был направлен Ворошилову (РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 599).

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 16.

³³ Там же, л. 64.

³⁴ Там же, л. 66.

³⁵ Исторический архив. 1995. № 3. С. 132.

³⁶ О содержании разговора со Сталиным Артузов 20 декабря 1936 года сообщил в письме начальнику Разведупра комкору Урицкому.

³⁷ Первый биографический очерк о Ф. К. Карине опубликован в кн.: *Антонов В., Карпов В.* Тайные информаторы Кремля. М., 2001. С. 42—58.

³⁸ РГВА, ф. 4, оп. 15, д. 5, л. 101.

³⁹ Исторический архив. 1995. № 3. С. 164.

⁴⁰ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* Указ. соч. С. 172.

⁴¹ В 1932 г. и по 5 мая 1933 г. (по докладу управляющего правления КВЖД) были убиты 55 человек и 825 ранено, 593 человека из состава советских рабочих и служащих КВЖД были арестованы и увезены японцами, свыше тысячи человек — ограблены. В это же время было разбито и повреждено 50 паровозов, 958 классных и 855 товарных вагонов, разрушен путь в 53 местах общей протяженностью в 4 км, разрушено и повреждено 124 гражданских и служебных здания.

⁴² Дело Рихарда Зорге... С. 144.

«ПО СВЕДЕНИЯМ, ПОЛУЧЕННЫМ ИЗ АГЕНТУРНОГО ИСТОЧНИКА В ТОКИО...» 1936—1937 годы

Разведчик испытывает чувство удовлетворения от сознания того, что он участвует в одном из самых важных дел в современном мире. Еще большее удовлетворение испытывает тот разведчик, которому удастся проявлять в своей работе высокое профессиональное мастерство, ибо он понимает, что таких людей немного и его услуги крайне необходимы.

*Вашингтон Плэтт. Стратегическая разведка.
Основные принципы*

ВОЕННЫЙ МЯТЕЖ В ТОКИО: ФЕВРАЛЬ 1936 ГОДА

К 1936 году организационный период в деятельности группы закончился. Члены группы были на своих местах. Каждый из них имел свои задачи и достаточно четко очерченный комплекс проблем, исследованием которых он занимался. Для Зорге это было германское посольство, и в первую очередь консультации Дирксена и особенно Отта. Слово консультация здесь употребляется без кавычек, потому что та информация, которой советский разведчик, следуя установке Центра, снабжал посла и военного атташе, была абсолютно достоверной и правдивой. Никаких элементов дезинформации в ней не было и не могло быть. Зорге, зная, какие опытные дипломатические «зубры» старой школы сидят в германском МИДе, хорошо понимал, что любая «деза» в его информации в Берлин будет тут же раскрыта. Последствия этого предугадать было нетрудно: недоверие, подозрение, и как финал — жирный крест на использовании германского посольства и последующее разоблачение.

Для Дирксена и Отта Зорге был первоклассным политическим аналитиком, который не только снабжал Берлин свежей, достоверной и часто секретной информацией о событиях в Японии, но и давал анализ сложившейся в стране ситуации. Для этого он использовал в первую очередь ценнейшую информацию, которую получал от Ходзуми Одзаки. Таким образом, информация из этого источника уходила не только в Москву, но и в Берлин. В столице рейха донесения Зорге, которые он писал за своего «друга» Отта, оценивались очень высоко, и их подлинное авторство не было тайной для высокопоставленных чиновников. Уровень информации Зорге и оперативность, с которой он поставлял информацию, делали его ценнейшим источником для Берлина.

Никто из немецких дипломатов или разведчиков, которые, конечно, имелись в Японии, не обладал такими широкими и неофициальными связями в правящих кругах страны. Способность Зорге-аналитика четко и конкретно анализировать полученную информацию проявилась уже в 1936 году при оценке февральского путча, переговоров по антикоминтерновскому пакту и августовского совещания японского правительства, принявшего новую внешнеполитическую программу.

Оценки происходящих событий, прогнозы на будущее, которые давал Зорге, были абсолютно точными. Сейчас, через 68 лет после того далекого и бурного времени, его гениальное предвидение событий поражает. Для примера можно взять события 26 февраля 1936 года, когда в Токио вспыхнул военно-фашистский путч. Заговорщики из числа солдат и офицеров частей токийского гарнизона захватили несколько правительственных зданий. Некоторые члены кабинета были убиты. Но восставшие не были поддержаны другими частями. Путч провалился, а его инициаторы были арестованы, предстали перед судом и были казнены.

Как журналист Зорге подробно освещал токийские события на страницах немецких газет. Буквально через несколько дней после путча «Берлинер бёрзен цайтунг» напечатала серию статей своего токийского корреспондента, подписанные инициалами «R. S.», которые были перепечатаны «Известиями». Сотрудники «Известий», конечно, не могли догадаться, кто скрывается под «крышей» германского корреспондента в Японии. Но оценка и анализ событий были настолько точны, что привлекли внимание, и мнение немецкого корреспондента появилось на страницах советского официоза в разделе «Обзор иностранной печати» в двух номерах — за 15 и 26 апреля 1936 года.

18 апреля на эту перепечатку откликнулся сам Карл Радек, входивший в свое время в руководство Коминтерна, а в 30-е годы завершавший свою карьеру политическим обозревателем «Известий». В своем внешнеполитическом обзоре он писал: «„Известия“ на днях привели выдержки из статьи в „Берлинер бёрзен цайтунг“ о положении на Дальнем Востоке. В этой статье правительство Хироита охарактеризовано как ширма военщины. Значение этой корреспонденции состоит в том, что „Берлинер бёрзен цайтунг“, как орган одновременно военщины и тяжелой промышленности, имеет очень хорошие связи в Токио. Таким образом, оценка, даваемая этой газетой, совпадает, по-видимому, с оценкой положения, существующей в военных кругах Японии».

Естественно, Радек даже не догадывался, что отмеченная им статья вышла из-под пера его товарища по совместной работе в Коминтерне Рихарда Зорге, ставшего резидентом советской военной разведки в Токио. К слову сказать, Зорге узнал о перепечатке его статьи в «Известиях» и об оценке этой статьи Радеком. Он передал в Москву просьбу не перепечатывать статей из Токио в немецкой печати, подписанных инициалами «R. S.». Судя по всему, эта

просьба Зорге была удовлетворена, так как больше перепечаток его статей из немецкой прессы в московских газетах не появлялось.

Конечно, руководство страны получало информацию о событиях в Японии не со страниц «Известий». На следующий день после начала мятежа Разведупр уже выпустил сводку информации о положении в Японии. С грифом «Сов. секретно» она была отпечатана в 30 экземплярах и разослана по особому списку. Документ подписали заместитель начальника Разведупра корпусной комиссар Артузов и заместитель начальника 2-го отдела комбриг Панов.

В документе отмечалось, что вооруженное военно-фашистское выступление в Токио 27 февраля еще не было ликвидировано. Восставшие части 1-й дивизии, по имевшимся в Москве данным, продолжали удерживать захваченные ими правительственные учреждения: военное министерство, министерство внутренних дел, генштаб, главное полицейское управление. Отмечалось также, что возглавляемое временным премьером Гото правительство и придворные круги ведут переговоры с восставшими и не принимают решительных мер для подавления фашистского мятежа. По имевшейся в Москве информации, «полиция бездействует, а высаженные на берег десантники из моряков будто бы держатся нейтрально, неся охрану только морских учреждений»¹.

Конечно, в сводке ничего не говорилось о том, из каких источников получена информация. Особого списка, по которому она была разослана, в архиве также обнаружить не удалось. Но можно не сомневаться, что все руководство Наркомата обороны было оперативно проинформировано о токийских событиях. Сам факт фашистского мятежа в Японии не был для Москвы неожиданным. А что касается причин этого своеобразного японского явления, то группа «Рамзай» своевременно представила в Москву подробный анализ.

Первый отчет о токийских событиях был отправлен Зорге в Москву 6 марта. Затем со связником в Центр ушел обстоятельный доклад о путче и о его влиянии на дальнейшие события в Японии и подготовке страны к войне. Вот выдержка из этого доклада с оценкой событий 26 февраля: «Японская военная готовность в результате событий 26 февраля 1936 года отодвинута на многие месяцы, даже, возможно, и годы. Если война не будет вызвана как крайний выход из неожиданно сильных внутренних противоречий и будет подготавливаться планомерно, то в этом году войны не будет. Даже при указанных выше условиях ее вероятность без одновременного выступления Германии становится все меньше. Япония одна все более и более не в состоянии вести войну. Но тот факт, что Германия в 1937 году закончит важнейшую часть своего вооружения, означает необычайное обострение опасности к началу или середине 1937 года». Отличный анализ событий на годы вперед. Здесь и предвидение начала войны с Китаем летом 1937 года, и переговоров с Германией, начавшихся в 1938 году и закончившихся подписанием Тройственного пакта.

«РАМЗАЙ» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: ЯПОНИЯ ГОТОВИТСЯ ЗАХВАТИТЬ МОНГОЛИЮ

Конечно, работа Зорге и его группы не ограничилась в начале 1936-го только анализом токийского мятежа. Связи разведчика с Оттом к этому времени были прочными, беседы откровенными и доверительными. Военный атташе не сомневался в своем друге и делился с ним подробной информацией о состоянии японской армии. Информация была разной — иногда серьезной, представляющей большое, порой стратегическое значение, а иногда и не очень важной, то есть имеющей только оперативно-тактическое значение. Иными словами информацией на уровне командира дивизии или в крайнем случае корпуса. И здесь надо отметить, пожалуй, один из недостатков «Рамзая» как военного разведчика, который серьезно влиял на его информационную деятельность в последующие годы.

Зорге был участником Первой мировой войны, но он не имел серьезного военного образования даже на уровне хорошего военного училища. Да, он был блестящим аналитиком, великолепным историком, политологом и экономистом, прекрасно разбиравшимся в исторических, политических и экономических проблемах Японии. Когда вопрос касался анализа этих проблем, Зорге всегда делал его блестяще, его оценки были точными, а прогнозы, как правило, сбывались. Здесь он был на высоте. А вот когда речь шла о чисто военных проблемах, здесь ему не всегда удавалось правильно оценивать важность военной информации, попадавшей к нему, которую он переправлял в Москву. Поэтому иногда второстепенные разведывательные данные принимались им за ценные и важные. Не хватало опытного военного специалиста, каким был у него Карл Римм в Шанхае, и подсказать и посоветовать было некому. Это один из крупных недостатков организации группы «Рамзай».

Тем не менее с начала 1936 года группа Зорге начала работать в полную силу. 22 февраля 1936 года начальник Политуправления РККА Ян Гамарник представил Сталину докладную записку относительно записи разговора по прямому проводу между Урицким и Таировым о подготовке японцев к нападению на Монгольскую Народную Республику. В записке приводились данные об усилении Квантунской армии, характеристика ее состава и численности. Весьма интересно то, что в архиве имеется черновой вариант этой докладной записки, но со ссылкой на информацию, полученную «из агентурного источника в Токио», т. е. от Зорге².

Реакция последовала незамедлительно. 1 марта Сталин принял американского журналиста Роя Говарда, председателя американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс», и имел с ним беседу.

ИЗ БЕСЕДЫ И. В. СТАЛИНА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
АМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«СКРИППС-ГОВАРД НЬЮСПЕЙПЕРС» г-ном РОЕМ ГОВАРДОМ

1 марта 1936 г.

Говард: Каковы будут, по-Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин: Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картина недостаточно ясна.

Говард: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвина уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Говард: Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин: Да, приведет.

Говард: Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность) была бы сочтена в СССР как агрессивная?

Сталин: Японцы, кажется, продолжают накапливать войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается...³

Генсек дал однозначно понять, что любая попытка со стороны Квантунской армии осуществить «маньчжурский сценарий» в Монголии натолкнется на решительный военный отпор со стороны СССР.

Спустя 10 дней после этой беседы был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР.

В соответствии с этим протоколом Советский Союз разместил на территории Монголии свои войска. Заключение этого протокола было в значительной мере неожиданным для японского руководства.

В этой связи показателен следующий документ — докладная записка Урицкого Ворошилову по поводу его беседы 3 мая 1936 года с капитаном Каотани, помощником военного атташе Японии в Москве. В этой беседе Каотани развивал мысль о необходимости объединить всю монгольскую расу, намекая на то, что планы Японии в отношении «поглощения» Монголии являются правомерными. В то же время, как он сказал, сейчас Японии это не по силам, так как «слиш-

ком много трений с Англией, Америкой, Италией и СССР». Помощник военного атташе посетовал также на «вредное» действие советской авиации в Монголии. А затем сделал попытку вытянуть Урицкого на откровенный разговор, признав, что политика СССР в Монголии — «хитрая» и «не такая глупая и грубая, как японская». «Вы все знаете, что у нас делается, а мы никак не можем узнать, что делается в Монголии», — сказал в заключение беседы Каотани⁴.

АНТИКОМИНТЕРНОВСКИЙ ПАКТ

Зорге по праву приписывают заслугу в раскрытии тайны переговоров по заключению антикоминтерновского пакта. В то же время необходимо сказать, что его информация, конечно же, не была единственной в этом плане. Просто в 60-70-е годы цензура не допускала упоминания других источников информации — политической разведки и радиоразведки. А уж о том, чтобы упомянуть о перебежчике Вальтере Кривицком и его разведывательной деятельности в Европе в 30-х годах, не могло быть и речи, хотя его мемуары были изданы в 1939 году и их в Европе читали все, кто интересовался историей⁵. В связи с этим советские авторы того периода, писавшие о Зорге, отмечали в своих книгах только заслуги советского разведчика и членов группы «Рамзай».

Поэтому можно согласиться с авторами первого капитального труда по радиоразведке (Анин Б., Петрович А., «Радиоспионаж»), которые писали о Зорге:

«Но похвалы в его адрес произносили не только чтобы почтить память выдающегося разведчика, но и чтобы скрыть успехи советской радиоразведки, о которой намеренно редко вспоминали в Советском Союзе». Только после 1991 года в печати появились некоторые сообщения о работе советской радиоразведки и дешифровальной службе в ОГПУ и в военном ведомстве.

Дешифровальный сектор в штабе РККА был создан по приказу наркома в марте 1928 года. В 1930 году он был прикомандирован к специальному отделу ОГПУ для совместной работы над шифроперепиской иностранных государств. В 1931 году сектор реорганизуется в 5-й отдел Разведупра, но по-прежнему остается в оперативном подчинении спецотдела ОГПУ. Начальником отдела был назначен Павел Харкевич. Он родился в 1896 году в Воронежской губернии. Окончил реальное училище в Орле и в 1915 году поступил в Алексеевское военное училище. Через год после окончания училища был направлен на фронт начальником команды разведчиков гвардейского пехотного полка. К 1918 году дослужился до поручика. В этом же году вступил в РККА. В 1923-м окончил восточное отделение Военной академии и был распределен в Наркоминдел. Через некоторое время его перевели в Спецотдел ОГПУ к Бокию, а в 1930 году Берзину удалось добиться

перевода Харкевича в военную разведку. Он назначается начальником дешифровального сектора, а с 1931 года — начальником 5-го отдела Разведупра. С 1935 до 1939 года в звании полковника он возглавляет дешифровальную службу военной разведки. В ноябре 1939-го его увольняют в запас за связь с «бокиевской антисоветской организацией»⁶. Военная разведка потеряла опытного специалиста с десятилетним стажем работы в дешифровальной службе.

В 1935-м сработала политическая разведка — ИНО ОГПУ. Нелегальный разведчик ИНО в Голландии, знаменитый теперь Дмитрий Быстролетов, завербовал, заплатив большую сумму, слугу крупного японского дипломата. Причем для удобства вербовки выдал себя за представителя германской разведки. В квартире дипломата был сейф, а в сейфе дипломатический шифр японского посольства, до которого добирался разведчик. Изучив образ жизни хозяина квартиры, Быстролетов в его отсутствие вместе со слугой проник в кабинет дипломата и попытался вскрыть сейф. Но так как помимо ключа нужно было знать цифровую комбинацию, то вскрыть сейф с первого раза не удалось. Потратив несколько недель и перебрав несколько тысяч комбинаций, Быстролетов все-таки справился с замком. После этого вызванные из Москвы специалисты сфотографировали японский дипломатический шифр.

В середине 30-х не было надежной радиосвязи на таких сверхдальних расстояниях как Берлин — Токио и Москва — Токио. И японским дипломатам в этих городах приходилось сдавать свои зашифрованные депеши на линии государственной связи страны пребывания. В Москве копии депеш японских дипломатов попадали в объединенную дешифровальную службу, в Берлине — в гестапо. Как пишет в своих воспоминаниях Вальтер Кривицкий, в конце июля 1936-го ему стало известно, что агентуре ИНО в Берлине удалось добыть эту секретную переписку в переснятом виде и канал для получения сведений о переписке Осимы и японского правительства начал работать. Информация, поступавшая из Берлина, была полной, а дешифровка телеграмм японского посольства в Москве подтверждала и дополняла ее.

Информация о переговорах поступала в Москву и из Берлина, и из Токио. Основной материал документального характера, отправляемый на самый верх, получал Спецотдел после расшифровки перехваченных телеграмм на линии Берлин — Токио. Эти расшифрованные телеграммы докладывались и наркому обороны. Но существенное дополнение в информацию о переговорах вносила и группа «Рамзай». Радиограммы из Токио через промежуточный радиоцентр во Владивостоке поступали в Москву регулярно. Эта оперативная информация дополнялась почтовой, передаваемой в Москву через курьеров. Сводки материалов о переговорах за подписью начальника Разведупра комкора Урицкого регулярно докладывались наркому обороны и по его приказу пересылались в Кремль. Сталин

был в курсе переговоров между Берлином и Токио и знал о них больше, чем руководители внешнеполитических ведомств Германии и Японии.

19 июня Урицкий представил Ворошилову очередную сводку материалов о германо-японских переговорах. В этих материалах говорилось о замедлении хода переговоров между Японией и Германией, главным образом ввиду нежелания немцев форсировать заключение военного договора. Основой для сводки были материалы, полученные от группы «Рамзай».

Начальник Разведупра очень высоко оценивал работу группы. В очередной докладной записке наркому 20 июля он писал: «Сводка материалов, о которой идет речь, составлена преимущественно по телеграфным донесениям нашего резидента в Токио, источника Вам известного, обычно дававшего доброкачественную информацию и неоднократно — подлинный секретный документальный материал. Например, сейчас мы получили от этого нашего резидента доклад германского военного атташе в Токио (направляется Вам отдельно). Нам удалось подлинность этого доклада проверить, получив аналогичные документы непосредственно из германского генштаба. Это наряду с другими данными свидетельствует о серьезности нашего источника в Токио. Теперь мы получили от этого источника почтовую информацию, дополнительно освещающую закулисную сторону японо-германских переговоров»⁷.

В своем докладе о японо-германском сотрудничестве, о котором писал Урицкий, Отт отмечал заинтересованность немецкой стороны в обмене имеющимися материалами о Красной Армии. Что касается характеристики степени готовности Японии к войне, то здесь оценки германского военного атташе были очень сдержанными. Отт отмечал в своем докладе, что запасов сырья на продолжительную войну в Японии не имеется, финансовое положение очень трудное, развитие промышленности не соответствует требованиям войны. Особенно подчеркивалась в докладе уязвимость крупных японских городов с воздуха (имелась в виду возможность налета советской тяжелобомбардировочной авиации с аэродромов около Владивостока) и устаревшее техническое оснащение японской армии по сравнению с передовыми армиями европейских государств.

Весь доклад был сознательно направлен к тому, чтобы устранить ложные надежды на Японию и в особенности легкомысленные обязательства в отношении этой страны, которые должна была взять на себя Германия в случае заключения германо-японского договора.

После получения шифротелеграмм Отта о переговорах стало известно. Имперский министр рейхсвера «весь похолодел» — настолько сильное впечатление произвели выводы Отта. Немцы стали вес-

ти себя значительно осмотрительнее, и ход переговоров замедлился. После этого последовал новый доклад Отта, призывавший удерживать японцев от преждевременного выступления против СССР без достаточной подготовки.

По приказу наркома экземпляр сводки материалов от 19 июня был направлен Сталину. Неизвестно, ознакомился ли Сталин с докладом Отта. Но сводку материалов он просмотрел. Очевидно, у него возникли сомнения в выводах разведки о замедлении хода переговоров между Японией и Германией главным образом ввиду нежелания немцев форсировать заключение военного договора. Поэтому на экземпляре сводки появилась его резолюция: «По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов. И. Сталин.»⁸ Сводка материалов, о которой шла речь, была составлена преимущественно по радиограммам Зорге. Своей резолюцией Сталин высказал недоверие группе «Рамзай» и поставил под сомнение достоверность информации, которая до этого поступала из Токио.

Мнение «хозяина» уже тогда было законом, и в Разведупре начали тщательно проверять и перепроверять всю информацию, которая до этого поступала от Зорге. Но после проверки выяснилось, что вся информация группы «Рамзай» достоверна и никакой дезориентации в ней нет. У комкора Урицкого хватило смелости выступить в защиту Зорге. Урицкий отмечал в своей докладной, что от Зорге был получен доклад германского военного атташе в Токио полковника Отта. Разведупру удалось проверить подлинность этого доклада, получив аналогичные документы непосредственно из германского генштаба. От Зорге была получена и почтовая информация, освещающая закулисную сторону японо-германских переговоров. Урицкий отмечал в своей записке, что «...совпадение сообщений нашего токийского резидента с содержанием перехваченной и расшифрованной телеграфной переписки между Берлином и Токио повышает достоверность нашей информации о состоянии японо-германских переговоров».

Анализируя весь имеющийся в распоряжении Разведупра материал, Урицкий делает следующие выводы:

«1. Японо-германские переговоры в течение мая—июня развивались очень медленно.

2. Инициативу и особую активность в переговорах проявляет Япония.

3. Германия в данный момент оттягивает заключение договора с Японией, который связал бы немцев конкретными военными обязательствами...»⁹

По его мнению, сдержанность Германии в переговорах объяснялась тем, что Япония была еще не готова к большой войне, в первую очередь с Советским Союзом. В случае заключения военного союза Япо-

ния может не удержаться, выступить слишком рано, до того как Германия сможет оказать ей решающую помощь на Западе, и будет разбита. Кроме того, Германия в 1936 году не хотела ухудшать взаимоотношения с Англией и демонстрировать слишком тесный военный союз с основным противником Англии на Дальнем Востоке.

Конечно, в докладной записке нельзя было обойти молчанием мнение Сталина, с которым начальнику Разведупра приходилось считаться. Поэтому в конце этого уникального документа появилось высказывание о том, что «...нельзя исключить возможности далеко идущей дезориентации, вплоть до дезинформации своих собственных высших сановников, с целью надежно замаскировать особо секретные параллельные переговоры о военном союзе»¹⁰. Урицкий отмечал, что задача военной разведки на данном этапе заключается в том, чтобы стремиться полное раскрыть самые секретные мероприятия по подготовке японо-германского военного блока. Как показали дальнейшие события, эту задачу разведка сумела отлично выполнить.

И последнее, о чем хотелось сказать в связи с анализом этого документа, — Урицкий не был согласен с оценкой Сталина. Он имел всю информацию Зорге о переговорах. Верил ему, конечно, перепроверяя его сообщения на самом высоком уровне, вплоть до германского генштаба. Он знал содержание всех перехваченных и расшифрованных японских телеграмм на линиях Берлин — Токио и Москва — Токио. Он мог анализировать и сопоставлять информацию, мог перепроверить один источник другим. И выводы, которые он высказал в своей записке, говорили о том, что никакой дезориентации нет и замедление хода переговоров между Германией и Японией на тот момент было фактом.

Слишком настойчиво Япония стремилась заключить военный союз, направленный в первую очередь против СССР. И слишком настойчиво командование японской армии стремилось развязать военный конфликт на азиатском материке. Поэтому в конце записки Урицкий еще раз позволил себе высказать мнение, противоречащее мнению Сталина: «Вместе с тем вышеприведенные соображения, как мне кажется, более правильно отражают действительное состояние японо-германских переговоров»¹¹. Представляя наркому этот документ и другие разведывательные материалы, он просил его указаний по поводу дальнейшего направления их Сталину. К сожалению, пока неизвестно, направлена была ли эта записка Сталину и каково было мнение генсека по поводу выводов руководителя военной разведки.

Ряд исследователей склонны расценивать недоверие Сталина к этой информации как свидетельство его негативного отношения к Зорге, которого он считал «бухаринцем». Тем не менее могли быть и соображения объективного порядка: возможно, что Сталин, опираясь на весь массив имевшейся у него информации (военной, политической, дипломатической), а более всего — на свое представ-

ление о марксистско-ленинском научном анализе, полагал, что два наиболее реакционных режима неминуемо будут стремиться заключить союз, причем на антисоветской основе. Поэтому все разговоры о замедлении переговоров являются пустыми, а возможно, и частью кампании по дезинформации. И действительно, в конце года антикоминтерновский пакт был заключен, несмотря на некоторые проволочки и промедления.

Информация о переговорах поступала и из германского посольства, и от Ходзуми Одзаки, и от Бранко Вукелича, который к этому времени обзавелся солидными связями в английском, французском и американском посольствах, а также среди иностранных журналистов, аккредитованных в Токио. Посольства западных стран также получали информацию о секретных переговорах, и эта информация становилась известной Вукеличу. Все это позволяло Зорге быть в центре событий и знать все подробности переговоров. Информация в Центр поступала регулярно, и радиомост Токио — Владивосток — Москва работал с полной нагрузкой. Стало известно основное содержание секретного соглашения, приложенного к пакту, и все его детали. В Москву были переданы тексты документов, которые полностью раскрывали позиции Германии и Японии в этих переговорах.

Оценивая события лета и осени 1936 года, Зорге спустя несколько лет писал: «С самого начала, как только я узнал, что рассматривается какой-то вариант пакта, я понял, что немецкие правящие круги и влиятельные японские военные руководители хотели не просто политического сближения двух стран, а самого тесного политического и военного союза... Поскольку я в самом начале узнал о секретных переговорах в Берлине между Осима, Риббентропом и Канарисом, наблюдение за отношениями между двумя странами стало одной из самых важных задач моей деятельности. Сила антисоветских чувств, проявленная Германией и Японией во время переговоров о пакте, была предметом беспокойства для Москвы».

В октябре германо-японские секретные переговоры близились к завершению. И одновременно с этим Наркоминдел продолжал получать все более и более полную информацию об этих переговорах. Заместитель наркома Литвинова Борис Стомоняков 22 октября подробно проинформировал посла в Японии Юренева о германо-японских переговорах. В своем письме он писал, что, «по имеющимся у нас совершенно достоверным сведениям, переговоры в Берлине сильно продвинулись вперед — и, может быть, даже уже привели к заключению японо-германского соглашения о борьбе против Коминтерна... Параллельно с этим соглашением ведутся переговоры о заключении секретного союзного договора, направленного против нас»¹².

К середине ноября у советского правительства уже не было сомнений в том, что германо-японское соглашение будет подписано в ближайшие дни. 14 ноября Литвинов сообщил Юреневу, чтобы он встретился с министром иностранных дел Аритой и сообщил ему, что советское правительство получило сведения о предстоящем оформлении германо-японского соглашения, направленного прямо или косвенно против СССР.

Поручение было незамедлительно выполнено, и 16 ноября в Москву из Токио поступила шифровка с изложением беседы Юренева с Аритой. Выслушав заявление советского посла, министр иностранных дел островной империи сказал: «Знаю, что имелись слухи о том, что между Японией и Германией состоялся союз и что эти слухи за последнее время участились, но это совершенно неверно»¹³. Заявление не соответствовало действительности, но это мало беспокоило Ариту. Очевидно, он руководствовался старым правилом, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли.

На следующий день Стомоняков в телеграмме, переданной вне очереди в Токио, сообщил Юреневу, чтобы он вновь посетил Ариту и сделал ему заявление: советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом является лишь прикрытием для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Министру иностранных дел Японии ясно дали понять, что советское правительство не считает его предыдущие разъяснения удовлетворительными¹⁴. На следующий день в «Известиях» публикуется официальное сообщение ТАСС о секретных японо-германских переговорах и предстоящем подписании секретного соглашения, направленного против СССР.

28 ноября на 8-м Чрезвычайном съезде Советов, обсуждавшем проект новой Конституции, выступил нарком иностранных дел Литвинов. Всех делегатов съезда интересовали отношения СССР с Германией и Японией, японо-германские переговоры, сообщения газет о подписании антикоминтерновского пакта. И Литвинов дал подробные объяснения по всем важнейшим международным проблемам и обстоятельно прокомментировал опубликованный в печати антикоминтерновский пакт.

«Люди сведушие, — говорил Литвинов с трибуны съезда, — отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской — сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии...

Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение

это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово „коммунизм“ даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом».

Выступление Литвинова на съезде произвело огромное впечатление во всем мире. Если нарком иностранных дел с трибуны съезда заявил о разработке и подписании секретного соглашения, не имеющего никакого отношения к антикоминтерновскому пакту, то, значит, у советского правительства были бесспорные доказательства и относительно переговоров, и секретного соглашения. Многим это было абсолютно ясно, но кое-кто и сомневался. В Лондоне не могли поверить, что «этим русским» удалось проникнуть в сокровенные тайны Берлина и Токио и узнать, что же творится на этой закулисной дипломатической кухне.

И вот 1 декабря английский посол в беседе с Литвиновым, очевидно, не без влияния Лондона, задал вопрос о том, имеет ли советское правительство сведения о заключении между Германией и Японией секретного соглашения. Ответ наркома был краток: «Я ему ответил, что если я заявил публично на съезде о существовании такого соглашения, то у нас для этого должны быть неопровержимые доказательства...»¹⁵

Но если английского посла удовлетворили подобные объяснения, то японский министр иностранных дел Арита с упорством, достойным лучшего применения, продолжал убеждать всех и вся, что никакого японо-германского секретного соглашения не существует, что все это только слухи и ничего более. Пришлось поставить на место японского министра.

Новый японский посол Сигемицу вручил свои верительные грамоты 7 декабря. На следующий день состоялась беседа между ним и Литвиновым. Рассматривались все вопросы, связанные с взаимоотношениями между Японией и СССР. Конечно, обсуждался вопрос и о японо-германских переговорах и заключении соответствующего соглашения между этими странами. Литвинов, очевидно, ценил свое время, и время посла, был откровенен: «Мы знаем текст этого соглашения со всеми его приложениями. Мы считаем совершенно тщетным всякие попытки заверить, что заключенное соглашение направлено против Коминтерна, а не против СССР. На эту тему в интересах экономии времени лучше не дискутировать...»¹⁶

Что оставалось делать японскому послу во время этой беседы? Пришлось заявить, что он чрезвычайно сожалеет о том, что господин Литвинов не считает возможным принять официальное разъяснение, которое было дано японским министром иностранных дел о

том, что секретного соглашения не существует. Поскольку японский посол оставался, выражаясь обывательским языком, «при своих интересах», нужно было поставить все точки над «i» и закончить дискуссию по этому щекотливому вопросу. Ответ Литвинова был корректным, сдержанным и не оставлял никаких кривотолков: «Я бы очень советовал господину Арита не настаивать на отсутствии секретного соглашения, ибо мы можем в конце концов решиться на опубликование документов, которые выставят в странном свете заверения господина Арита нам и другим правительствам»¹⁷. Намек был ясно понят не только новым японским послом, но и Аритой. После этого заявления Литвинова все выступления японского министра иностранных дел по поводу германо-японских переговоров сразу же прекратились.

В заключение, пожалуй, можно сослаться не на официальные дипломатические документы, а на мнение «Рамзая». В своих воспоминаниях, написанных в тюрьме Сугамо, он отмечал: «В отличие от Берлина и Вашингтона Москва лучше знала все, что касалось положения в Китае и Японии, поэтому ее нельзя было ввести в заблуждение. Знания, которыми обладал Советский Союз в отношении проблем Дальнего Востока, были намного выше тех, которыми располагали американское и германское правительства»¹⁸.

Выступление Литвинова на съезде и его беседа с японским послом были завершающим этапом разведывательной деятельности группы Зорге в 1936 году. Информация, поступающая из Токио, уходила не только наверх и докладывалась Ворошилову и Сталину, которые по долгу службы должны были знать обо всех основных событиях на мировой арене. Эта информация уходила и на самый дипломатический верх, наркому Литвинову и его первому заму Стомонякову. И использовалась она в полной мере в самый подходящий момент. В этом и была высшая полезность разведки (военной и политической) — не только информировать высшее руководство страны, но и использовать полученную информацию на высшем дипломатическом уровне, и так, чтобы поднять международный престиж своей страны.

Конечно, Зорге не мог знать о содержании беседы Литвинова с новым японским послом. В газетах появилось только короткое сообщение о встрече, а все остальное упрятали в архив. Но о выступлении Литвинова на съезде он знал. Об этом писали все немецкие и японские газеты. И такой проницательный разведчик, как «Рамзай», прекрасно понял, что нарком использовал, в рамках допустимого, в том числе и его информацию о секретных японо-германских переговорах. Трудно сейчас сказать, какие чувства он испытывал, читая японские и немецкие газеты, но чувство удовлетворения за отлично проделанную работу у него было. Этим выступлением, конечно невольно, разведчику дали понять, что его тяжелый труд не пропал даром, информацию не отправили в архив, а использовали полностью.

СТАРЕЙШИЙ РАЗВЕДЧИК РОССИИ РАССКАЗЫВАЕТ...

Но информацию, полученную от группы «Рамзай» в 1936 году, использовали не только для дипломатических демаршей. И в Кремле, и на улице Фрунзе в здании Наркомата обороны понимали, что после заключения пакта и подписания секретного соглашения угроза конфликта на Дальнем Востоке стала более вероятной. Информация Зорге подтверждала этот вывод. Поэтому то соотношение или, выражаясь современным языком, тот баланс сил между западной и восточной границами, который удалось достигнуть в 1936 году, был сохранен. Крупных перебросок войск и военной техники по Транссибирской магистрали на восток или на запад не было.

Огромный регион от Иркутска до Владивостока оттягивал для защиты своих границ 25 процентов численности и вооружения РККА. 25 дивизий из 135 и 290 тысяч человек из 1145 тысяч были расположены на этой территории. 3700 орудий всех калибров и 3206 танков и танкеток прикрывали дальневосточные рубежи. Шесть тяжелобомбардировочных бригад, имевших на вооружении 300 тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 и четыре скоростные бомбардировочные бригады, вооруженные 345 новейшими бомбардировщиками СБ, составляли ударную группировку военно-воздушных сил Дальнего Востока. Общее количество самолетов, сосредоточенных на дальневосточных границах, включая авиацию Тихоокеанского флота, составляло 2189.

К 1 января 1937 года численность личного состава дальневосточной группировки войск Красной Армии в полтора раза превышала численность Квантунской армии. По артиллерии, авиации и танкам превосходство Красной Армии было еще большим. Общее превосходство, достигнутое над частями Квантунской армии в 1934—1936 годах, продолжало сохраняться.

Увеличивая численность войск в Дальневосточном регионе, советское военное руководство учитывало непрерывное увеличение численности и вооружения Квантунской армии, подготовку к войне маньчжурского плацдарма, строительство новых железнодорожных и шоссейных магистралей по направлению к советским границам, сооружение аэродромов, способных принять тысячи боевых самолетов, строительство казарм, могущих вместить новые дивизии, перебрасываемые в Маньчжурию из Японии. Советское политическое и военное руководство учитывало также возможность быстрого сосредоточения японских частей в Маньчжурии в случае начала войны и держало на Дальнем Востоке достаточно мощную группировку войск, чтобы разбить в первых же боях части Квантунской армии и перенести боевые действия на территорию Маньчжурии.

А как оценивали работу разведывательной группы Зорге в Москве в это время? В деле Зорге хранится документ, в котором подробно анализируется работа группы в 1936 году. Вот выдержка из этого

документа: «Информации Рамзая по основным вопросам развития японо-германских отношений и военно-подготовительным мероприятиям Германии и Японии были своевременными и полноценными. А в частности, по вопросам японо-германских отношений и переговоров о военном сотрудничестве дана полная картина содержания и хода переговоров, основанная на ознакомлении с подлинными секретными документами германского посольства. Освещена деятельность японского военного атташе в Берлине Осимы, позиция германского генштаба и точка зрения германского посла Дирксена и военного атташе Отта на проблему японо-германского сотрудничества»¹⁹. Оценка, как видно, вполне обстоятельная. Можно с уверенностью сказать, что благодаря точной и тщательно перепроверенной информации группы Зорге в Москве о японо-германских секретных переговорах знали практически все. И эта информация была полностью использована и при разработке основных положений внешней политики по отношению к Германии и Японии, и при разработке мероприятий по укреплению западных и восточных границ страны.

В декабре 1936 года Зорге получил сообщение из Москвы. После расшифровки на листке бумаги появились строчки, заставившие сильнее забиться сердце разведчика. Итоговая оценка работы, которую Разведупр давал своей группе в Японии, была очень высокой: «...Не могу не отметить очень полную Вашу информацию во всех стадиях японо-германских переговоров, приведших к соглашению. Вы правильно нас информировали и помогли нам всегда быть на высоте в этом вопросе»²⁰. В конце стоял номер, обозначавший подпись заместителя начальника управления Артузова.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

— декабря 1936 г.
№ 20906cc

Народному комиссару обороны СССР
Маршалу Советского Союза
тов. ВОРОШИЛОВУ

Докладываю:

В течение двух с лишним лет в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио ведет работу в чрезвычайно трудных условиях наш работник, член ВКП(б) ЗОНТЕР Ика Рихардович.

Этот товарищ все время снабжает нас материалами и документами о японо-германских отношениях. <...>

Вместе с ним работает в качестве радиста т. КЛАУСЕН Макс, который непрерывно, в тяжелых агентурных и технических условиях поддерживает с нами радиосвязь.

Следует отметить, что оба эти товарища в критический момент событий 26.2.36 г. в Токио поддерживали с нами бесперебойную радиосвязь и держали нас в курсе всего происходящего.

В настоящее время работа этих двух товарищей приобретает особое значение, но на почве длительной работы в тяжелых условиях, на почве длительного отрыва от Советского Союза у них чувствуется большая моральная усталость. Заменить их в данное время невозможно. Для пользы дела необходимо продлить работу этих товарищей, закрепив их на тех позициях, на которых они находятся.

Прошу вашей санкции на награждение этих товарищей орденами «Красной Звезды», что ими безусловно заслужено и явится для них стимулом для напряженной работы в особых условиях.

Начальник разведывательного
Управления РККА Комкор (С. Урицкий)²¹

Руководство операцией осуществлялось из московского Центра. Что представлял собой Разведупр в 1936 году? Какие люди там работали и кто руководил токийскими разведчиками? Какова была их профессиональная подготовка, их взгляды на операцию, методы работы, анализ и оценки получаемой из Токио информации и документальных материалов? В общем, повседневная московская разведывательная кухня — взгляд изнутри. На все эти вопросы отвечает человек, попавший в эту организацию в апреле 1936 и проработавший там до мая 1937 года, после чего его уволили из Разведупра за «связь с врагами народа». Он навсегда исчез из разведки, в которой проработал многие годы, устроился водителем автобуса в Москве и, очевидно, выпал из поля зрения НКВД. Это и спасло ему жизнь. Представляем этого человека читателю.

Борис Игнатьевич Гудзь — полковой комиссар в отставке. Сейчас, в 2004-м, ему уже за сто, и он — старейший разведчик России. Великолепная память профессионального разведчика, ясный ум, прекрасное знание обстановки и событий 20—30-х годов. И очень скупые фразы, когда это касается его личной жизни.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОРИСА ГУДЗЯ

В 1930—1931 годах я был помощником начальника отделения 6-го отдела КРО и был непосредственным свидетелем критического отношения Ольского и Стырне к липовым делам в ОГПУ и к делу «Весна», в частности. Я и мой ближайший товарищ Агаянц очень переживали снятие Ольского с работы и появление вместо него Леплевского — вдохновителя и организатора дела «Весна». Работа в таких условиях была уже невозможной, и я вместе с Агаянцем попросил наказать нас на работу во вновь созданное полпредство ОГПУ в Вос-

точной Сибири. У меня и Агаянца было горячее стремление скрестить шпаги с японской разведкой, которая в той обстановке конца 1931 года явно угрожала нам. Хотелось не заниматься липовыми делами, а заниматься ими нас могли заставить, а продолжать честно работать. Поэтому и решили отправиться в Восточную Сибирь.

В Иркутске разработка операции «Мечтатели» и осуществление ее занимали все время. Операция проходила под общим наблюдением Особого и Иностранного отделов Центра и получила положительную оценку в Москве. Очевидно, тогда и возникла в дальневосточном секторе идея отправить в Токио в качестве нового резидента Гудзя как опытного контрразведчика, имевшего к тому же навыки разведывательной работы. Обратились к Артузову, и новый начальник ИНО, отлично знавший Гудзя, дал «добро». В конце 1933 года его вызвали в Москву, и двухлетняя работа на Дальнем Востоке закончилась.

Перед отъездом в Токио его напутствовал Артузов, отметив, что главное — выяснить, есть ли какие-либо условия для ведения разведывательной работы и для успешных действий иностранной и японской агентуры. Другая важнейшая задача — ознакомиться с историей вербовки источника «Кротов», установить его надежность и перспективность дальнейшего использования. Будущего резидента предупредили, что в сложившейся исключительно острой международной обстановке провал может быть чреват самыми тяжелыми последствиями не только для резидента и его ближайших помощников, и не только для ОГПУ, но и для всего государства. Предупреждение прозвучало серьезное, и новый резидент всегда помнил об этом во время своей двухлетней работы в Токио.

После инструктажа и соответствующей разведывательной подготовки — оформление и получение документов в Наркоминделе. И транссибирский экспресс уносит нового третьего секретаря советского посольства в Японии Б. А. Гинце (на эту фамилию были оформлены документы Гудзя) во Владивосток. Оттуда несколько дней пароходом до Токио.

После приезда и ознакомления с обстановкой для нового резидента началась тяжелая кропотливая работа. Долгое время «Кротов» был единственным источником токийской резидентуры ИНО. В Москве понимали, что строить всю агентурную работу в Японии на использовании только одного источника нельзя. Поэтому было дано указание активизировать вербовочную работу. Гудзем была осуществлена вербовка переводчика полпредства (псевдоним «Простак»). Это была линия на полицию, подразделение которой вело наблюдение за японским персоналом, работавшим в посольстве. Считалось, что это перспективный источник. Была начата вербовка полицейского чина из иностранного

отдела главного полицейского управления. Этот источник («Сук») постепенно стал давать материал о работе отдела с иностранцами, в частности сводки наружного наблюдения. Источник был, несомненно, перспективным.

После почти двухлетней работы резидентом Гудзя отозвали из Токио в Москву. Нужно было сдавать дела новому резиденту и подводить итоги. Основная задача, которая была поставлена Артузовым — дать заключение о надежности главного источника резидентуры «Кротова», — была выполнена. Все материалы, полученные от него, были тщательно изучены и проанализированы. Общий вывод — источник надежен, переданные им документы подлинные и сомнений не вызывают. Были также исследованы условия работы в Японии.

В январе 1936 года по прибытии Гудзя в Москву выяснилось, что Артузов, направлявший его в Токио, переведен на работу в Разведупр. Обстановка в аппарате органов безопасности, в том числе и в ИНО, была уже тогда крайне нервная и напряженная. Это сказывалось на приеме возвращавшихся из-за рубежа сотрудников. Вместо долгой и обстоятельной беседы с анализом обстановки в стране пребывания и результатов разведывательной работы — формальная встреча с пустым разговором, путевка в санаторий и — отдыхай до особого распоряжения. Такой подход создавал отчуждение, оскорблял своим невниманием и безразличием прибывшего работника разведки. Именно так к Гудзю отнесся помощник начальника ИНО Горожанин. Поэтому неудивительно, что, вернувшись из санатория, он позвонил Артузову. Тот поздравил с возвращением и предложил немедленно встретиться у него в Разведупре.

Беседа была оживленной и содержательной. Артузов тут же пригласил начальника 2-го отдела Карина. Более двух часов эти два аса разведки слушали сравнительно молодого по опыту разведчика с нескрываемым интересом и вниманием, засыпая массой вопросов. Особенно их интересовал жандармско-полицейский режим в стране, бытовые стороны жизни, отношение к иностранцам. В общем, ничего похожего со встречей в ИНО.

После беседы Гудзю тут же предложили перейти на работу в Разведупр во 2-й отдел по линии Японии. Конечно, бывший резидент ИНО дал согласие. Артузов был его наставником еще с начала 20-х, а Карина он знал как опытного разведчика, у которого можно было многому научиться. Артузов договорился с начальником ИНО Слуцким, и все бумаги были написаны, подписаны и отправлены по инстанциям. Новый сотрудник 2-го отдела приступил к работе, не дожидаясь итогового приказа²².

Только 21 июля нарком обороны Ворошилов подписал совершенно секретный приказ № 00575: «Гражданин Гудзь Б. И., прибывший из НКВД, определяется в кадры РККА и зачисляется в распоряжение Разведывательного управления РККА»²³.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОРИСА ГУДЗЯ О ПЕРВЫХ ДНЯХ РАБОТЫ В РАЗВЕДУПРАВЛЕНИИ

С первых же дней знакомства с делами Карин обратил мое внимание на досье операции «Рамзай», и тут я впервые познакомился с Зорге. Это было примерно в апреле 1936 года. Этой операцией занимались: начальник управления Урицкий, его первый заместитель Артузов, начальник отдела Карин, начальник японского отделения Покладок, и приобщился к ней и я. Фактически 2-й отдел курировал всю операцию от начала и до конца. Я изучал поступающие материалы, анализировал их, подготавливал проекты директивных писем и заданий «Рамзаю». Подписывали письма и телеграммы Урицкий и Артузов.

Фактически получилось так, что я оказался помощником Карина. Первоначально мне было поручено ознакомиться с работой отделения по Японии. Но когда я познакомился с материалами операции «Рамзай», меня поразила шаткость и неотработанность легенды Зорге, чреватой самыми непредсказуемыми опасностями. Сверив свое впечатление с мнением Карина, а затем и Артузова, я убедился, что эта проблема, по их мнению, является проблемой № 1. Главная задача перед нами — обдумать со всех сторон, как укрепить позиции Зорге, как обезопасить его работу от возможной в любой момент угрозы провала. Риск был чрезмерным.

У бывших контрразведчиков и разведчиков ИНО, пришедших в Разведупр, были свои взгляды на разработку легенд для нелегалов. Они привыкли с большой тщательностью и щепетильностью относиться к разработке легенд своих сотрудников. И им, прежде всего Артузову и Карину, основа легенды Зорге, разработанная сотрудниками Разведупра в 1933 году, казалась невероятно рыхлой и неаргументированной. Конечно, можно возразить, что Зорге и с такой легендой продержался еще пять лет и успешно работал все эти годы. И раскрыт он был не немецкой, а японской контрразведкой, которая о его коммунистическом прошлом и не подозревала. Но досье на партийного функционера Зорге хранилось в немецком полицейском архиве. В случае его обнаружения, а это могло произойти в любой момент, Зорге не мог бы дать никаких серьезно обоснованных объяснений того, как и почему он превратился из коммуниста в фашистского журналиста. Такие объяснения были просто не предусмотрены в его легенде²⁴.

Разработка легенды операции «Рамзай» неизвестна исследователям. Документы, связанные с этой операцией, очевидно, никогда не будут рассекречены, и мы никогда не узнаем, чем руководствовались ее разработчики. Нельзя же принимать всерьез якобы «достоверные» описания споров и дискуссий между Берзиным, «Оскар» и «Василием» о том, какое обличье принимать Зорге, которые даются в книгах Колесникова, Королькова и Голякова с Понизовским. Исследо-

ватели могут строить предположения и выдвигать версии. Но фактом остается то, что, по легенде, никаких документальных подтверждений его перевоплощения из коммуниста в журналиста фашистского толка также не предусматривалось. Можно было под своим именем съездить летом 1933 года в Берлин и как-то выкрутиться в случае неприятных вопросов, как коммунист превратился в фашиста. Но жить восемь лет в Японии, ежедневно ожидая того, что какой-либо приезжий из Берлина может заявить: «Да вы же коммунист, доктор Зорге! На вас досье в полицей-президиуме», — было очень трудно. Зорге знал, что досье существует, что оно может всплыть в любой момент, и все восемь лет не забывал об этом. Жить восемь лет под угрозой разоблачения — чего это ему стоило? Такое планирование операции было серьезным просчетом в первую очередь Берзина как главного разработчика и вдохновителя операции «Рамзай».

Воспоминания Гудзя — одно из подтверждений версии о серьезной недоработке легенды:

«Наши планы вращались вокруг проблемы предупреждения реально возможного провала Зорге из-за явно неудовлетворительной легенды, вернее, почти ее отсутствия. Постоянно учитывалось обнаружение его прошлого как функционера германской компартии. Предполагалось, что рано или поздно фашисты могут докопаться до этого прошлого Зорге, и, учитывая это, мы должны были выработать легенду достаточно убедительную на этот счет.

Тут могла быть, как мы считали тогда, разработка версии об „истории“ отхода Зорге от его коммунистических „заблуждений“ (молодость, недооценка национального достоинства) под влиянием провала идеи интернационализма, явной недооценки германской национальной гордости. Изготовление документальных материалов — статей, дневниковых записей, составленных Зорге задним числом, на которые он мог бы опереться, сослаться как на свидетельство его отхода от „коммунистических бредней“ и перехода на позиции национал-социализма».

Но если Артузов, Карин да и Гудзь испытывали чувство тревоги и опасения за судьбу Зорге и, конечно, всей операции «Рамзай», то у начальника японского отделения, которое непосредственно вело операцию, было несколько иное мнение и об операции, и о самом Зорге. Вот еще отрывок из воспоминаний Гудзя:

«Первое знакомство произошло с полковником Покладокком, отделение которого курировало операцию „Рамзай“. Сперва меня удивило скептическое отношение Покладокка к этой линии. Потом выяснилось, что он недооценивает военную разведку. Он — военный аналитик, побывавший в качестве стажера в японской армии и написавший книгу о японской армии, хорошо изучивший японский язык. Как-то не лежало у него сердце к гражданским работникам, к узким специалистам по чистой агентуре. Таким он считал и Зор-

ге. Считал его дилетантом и ничего полезного от него не ждал. Но по мере нашего знакомства мы все же стали находить общий язык.

Я подчеркивал политический аспект военного вопроса, необходимость глубокого изучения стратегического плана японской армии и связь этой проблемы с империалистической политикой. В доказательство приводил примеры из практики не только ИНО, но и таких разведчиков, как Кривицкий, резидент в Европе, который передал Разведупру расшифрованные тексты стенограмм переговоров ... между Осимой и Риббентропом».

Для более успешного руководства операцией «Рамзай» было решено создать в Китае транзитную резидентуру во главе с опытным работником, способным координировать деятельность Зорге. Этот человек должен был хорошо знать Зорге, пользоваться его полным доверием, обладать большими знаниями в области военно-политических проблем Дальнего Востока и иметь достаточно большой вес в руководстве военной разведки, чтобы с его мнением считались, а его рекомендации принимали к исполнению. После рассмотрения нескольких кандидатур Артузов и Карин пришли к выводу, что наиболее подходящим руководителем в Китае может быть заместитель Карина дивизионный комиссар (генерал-майор) Лев Борович. Конечно, такой человек должен был быть не только «транзитным» резидентом, но и выполнять другие не менее важные функции в Китае. Можно высказать предположение, поскольку документальных доказательств пока нет, что Боровичу было поручено восстановить и возглавить разгромленную в мае 1935 года после провала Бронина («Абрама») резидентуру Разведупра в Шанхае. Обстановку в управлении и отделе, когда принималось это решение, хорошо передает Борис Гудзь в своих воспоминаниях:

«Одной из основных проблем в операции „Рамзай“ было создание более частой живой связи с Центром, хотя бы в виде транзитного представителя в пункте, близком к Японии. Объяснялось это тем, что Зорге при всех его положительных данных, вполне вписывающихся в оптимальные рамки его как разведчика (опыт журналиста-международника широкого профиля, эрудиция, знание языков, опыт нелегальной работы, знание конспирации, личная смелость, находчивость, общительность, оперативность, критический подход к полученной информации), не имел необходимого опыта как разведчик-профессионал, недостаточно был знаком с работой контрразведывательных органов противника. Он нуждался в более частых встречах с квалифицированными представителями центрального аппарата Разведупра.

Поэтому было решено направить на продолжительное время „Алекса“ в Шанхай. Учитывалось, что Зорге не может часто приезжать в Союз, а он постоянно нуждался в руководстве, которое не всегда можно осуществлять по радиосвязи. В Китай же, в частности в Шанхай и Пекин, Зорге мог приезжать... естественно

и беспрепятственно как политический корреспондент немецких газет, которого могли интересовать события в Китае.

Кстати, в то время уже откуда-то сверху появилось предложение о вызове Зорге в Москву для инструктажа. Это предложение было явно основано на недоверии к Зорге и желании проверить: если он в ответ на предложение прибыть в Москву для инструктажа откажется, — значит, это будет свидетельствовать о его измене, а если придет, то... После обмена радиограммами было решено вместе с ним, что поездка в Москву дело непростое, чреватое большими потерями во времени и может стать причиной его провала».

Вернулся Борович в Разведупр в январе 1935-го. Время было тревожное, и руководство военной разведки во главе с Берзиным и Аргузовым старалось вернуть обратно в «шоколадный домик» всех опытных разведчиков и резидентов. За несколько лет многое изменилось в Разведупре. Новая организационная структура, новые отделы, которых не было в 20-е годы, новые люди. Агентурный отдел, в котором он работал в середине 20-х, был разделен на два отдела: западный и восточный. Заместителем начальника восточного отдела и назначили Боровича²⁵.

Руководство, очевидно, считало, что он достаточно долго (более восьми лет) работал в Европе, мог примелькаться и попасть под наблюдение контрразведок европейских стран. Поэтому решили сменить место действия разведчика, выбрав для него азиатские страны, в которых он был никому не известен. В ноябре 1935 года были введены персональные воинские звания. Боровичу было присвоено воинское звание дивизионного комиссара, что соответствует теперешнему званию генерал-майора²⁶. Генерал военной разведки вернулся к своей основной профессии.

При назначении Боровича в Китай учитывалось и то, что он лично знал Зорге и еще в начале 1933 года, работая в Бюро международной информации, встречался с ним и обсуждал различные внешнеполитические проблемы во время подготовки разведчика к поездке в Токио. Наверняка встречались они и во время пребывания Зорге в Советском Союзе в 1935 году. Для поездки в Китай Борович взял свой старый псевдоним «Алекс». Но чтобы успешно работать в Шанхае и Пекине, нужна была солидная «крыша». И в Разведупре решили воспользоваться журналистским прикрытием. При этом опыт журналистской деятельности Зорге в Китае, а затем в Японии использовался в полной мере. Очевидно, учитывался и двухлетний опыт работы Боровича в бюро, который позволил ему достаточно свободно ориентироваться в международных делах и не выглядеть дилетантом среди журналистской братии в Китае. Обратились в ТАСС, и руководство этой организации пошло навстречу военным разведчикам. Для своей разведывательной работы в Китае Борович получил фамилию Лидов. И 14 марта 1936 года было подписано постановление, согласно которому Лидов Лев Александрович был назначен помощником заведующего отделением ТАСС в Шанхае с марта 1936 года²⁷.

30 апреля 1936 года Лидов прибыл в Шанхай. И началась тяжелая кропотливая работа военного разведчика. Нужно было освоиться в новой стране, новом городе, изучить обстановку. Да и работа, связанная с его журналистским прикрытием, отнимала много времени. Оперативная связь с Зорге была основной задачей Боровича в Китае. Но кроме этой связи он имел, конечно, и другие разведывательные задания.

Шанхай и в 20-х, и в 30-х годах считался крупным центром советской военной разведки в Китае, и сотрудников Разведупра в этом городе было много. Возглавлял ли дивизионный комиссар шанхайскую резидентуру? Документальных подтверждений пока нет, и здесь можно высказать только предположения. У него было много встреч и в Шанхае, и в Пекине, и в других городах Китая. К встречам нужно было готовиться: тщательно продумывать маршрут, иметь удобные места для контактов с людьми. И самое главное — оставаться незамеченным, не выделяться среди сотен тысяч иностранцев, наводнивших этот китайский город. А это Борович, имевший огромный опыт нелегальной работы, умел делать мастерски.

Одна из сотрудниц Разведупра Раиса Мамаева, работавшая в это время в Китае и хорошо знавшая Боровича по предыдущей работе, писала в своих воспоминаниях: «Потом я узнала Алекса-агентурищика. Вернее, руководящего работника по закордонной работе. Он приехал в тот город, где работала и я. Теперь я увидела его в штатском. Он казался еще моложе — этаким немудрящий заграничный клерк, каких тысячи. В меру приметен, в меру прилично одет, в меру любознателен, в меру воспитан. Все в меру. И надо было быть не просто разведчиком, а иметь громадный опыт за плечами и ту бешеную интуицию, без которой нет разведчика, чтобы понимать, что именно так надо уметь раствориться среди нужного круга, как умел это делать Алекс...»²⁸

В августе 1936 года радист группы «Рамзай» Макс Клаузен принял радиogramму из Центра: «Изыщите возможность немедленного личного контакта с Алексом. Желаем успеха»²⁹. Никакой дополнительной информации Центр не сообщил, учитывая то, что оба разведчика отлично знали друг друга.

Встреча состоялась, как это и было обговорено при обмене радиogramмами с Центром, в Пекине в парке у Храма Неба. Через несколько лет Зорге в своих тюремных записках писал: «На этой встрече мы обсуждали с ним различные проблемы, связанные с нашей работой, в том числе организационные и политические». Во время встречи Зорге передал Боровичу микро пленки документов о переговорах Германии и Японии по заключению антикоминтерновского пакта, которые были сразу же переправлены в Москву. Эта ценнейшая информация подтверждала и дополняла материалы о переговорах, полученные Вальтером Кривицким в Европе. Возможно, были и другие встречи с Зорге и членами группы «Рамзай».

Дорогой директор!

Тяжелый кризис в воздушном сообщении все еще продолжается. Я вынужден снова послать человека к Алексу с предложениями о новой организации связи. Использую этого посланника для передачи небольшой почты. Обращаю Ваше особое внимание на те страницы, где Вискс³⁰ сообщает о японо-германском договоре. Кроме того, я прошу учесть, что кризис связи может быть ликвидирован лишь при Вашей помощи и поэтому прошу уделить этому вопросу серьезное внимание.

Уверяю Вас, г. директор, что это состояние для нас невыносимо, и мы делаем все от нас зависящее, чтобы его преодолеть. Будьте уверены, что все, что касается нас, и в особенности нашего друга Фрица, мы сделаем. Это не небрежность, не леность, не бюрократизм с нашей стороны; мы сами от этого состояния страдаем в первую очередь. Надеемся получить помощь от Вас.

Верный Вам Рамзай³¹.

Весной 1937 года следователи НКВД начали раскручивать дело мифической организации ПОВ (Польская организация войсковая), якобы существовавшей на территории Советского Союза. Арестовывали поляков, служивших в РККА, выбивали показания о принадлежности к этой организации и к работе на польскую разведку, требовали назвать соучастников. И арестованные, не выдерживая пыток, называли тех, с кем работали, с кем вместе воевали на фронтах гражданской. Фамилия Боровича как члена ПОВ появилась в показаниях арестованных сотрудников разведки, и участь дивизионного комиссара была решена. 5 мая приказом наркома обороны № 00106 он был уволен в запас³², а в июне корреспондент ТАСС в Шанхае Лидов получил срочный вызов. 20 июня он выехал из Шанхая и 7 июля прибыл в Москву. 11 июля его вызвали для доклада. Домой он уже не вернулся — арестовали прямо в помещении Разведупра³³.

Дальше все шло по накатанной колее. После соответствующей обработки — «признание» в работе на польскую разведку. Но для дивизионного комиссара принадлежность только к одной разведке выглядела несолидно. И от него потребовали дать «показания» о связях с немецкой разведкой. Его работа в Берлине секретарем делегации исполкома Коминтерна в 1923 году и участие вместе с Карлом Радеком в 1922 году в переговорах с начальником штаба рейхсвера — этого было достаточно для следователя, чтобы обвинить его в работе и на немецкую разведку. Для большей убедительности Боровича заставили написать в этих «показаниях», что он был представлен немецкому разведчику полковнику Нидермайеру, который якобы завербо-

вал его³⁴. Собственноручные «показания» с личной подписью были царицей доказательств того времени, и их было достаточно для суда.

25 августа состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда. Два листа протокола, имеющиеся в следственном деле, и двадцать минут времени, включая чтение приговора, наглядно отражают конвейерную систему судебных расправ 1937 года. Боровича приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Справку о расстреле подшили в следственное дело, дело сдали в архив³⁵. Человек исчез и о нем забыли. Забыли настолько основательно, что в Главном разведывательном управлении Генштаба, правопреемнике знаменитого Разведупра, о Боровиче не вспомнили и в 1996 году, в годовщину столетнего юбилея разведчика. Такой была судьба одного из генералов разведки довоенного времени.

Поскольку Гудзь хорошо знал обстановку в Разведуправлении и в восточном отделе, в беседах с ним еще в середине 90-х возник вопрос о личности начальника управления. Совпадали ли его впечатления об этом человеке с тем образом, который складывался после ознакомления с архивными документами?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОРИСА ГУДЗЯ

Что касается отношений с начальником Разведупра Урицким, то я не мог сказать чего-либо определенного. Военные сотрудники за полгода его мало изучили, но те из них, которые побывали у него на приемах, не высказывали какого-либо восторга. Большинство из них отмечали сухость и формализм в отношениях с подчиненными. Не хватало компетенции. Некоторые из руководящих чекистов-разведчиков испытывали на себе неприязненное и даже грубое и бестактное отношение со стороны начальника Разведупра. Ко мне же он относился совершенно спокойно, не допускал никаких грубостей, не проявлял пристрастия при рассмотрении писем, которые я ему приносил на подпись. Все обсуждалось в корректной форме и почти всегда подписывалось без замечаний. Вопросы по содержанию текста получали деловой и аргументированный ответ, по-видимому, вполне его удовлетворявший.

Не могу забыть, как однажды я находился у него на докладе очередной почты, идущей по линии «Рамзай». Перед ним лежали напечатанные на тонкой папиросной бумаге тексты протокольных записей переговоров Осимы с Риббентропом и тексты телеграмм Осимы в генштаб Японии о японо-германских переговорах. И вдруг Урицкий, потрясая этими страницами, сказал: «Ну как я пойду к нему с этими документами. Ведь он же ничему не верит!» Под словами «он», «ему», конечно, имелся в виду Сталин. Меня поразила

даже интонация какой-то растерянности у комкора. В моем представлении «тупика» у начальника разведки в такой ситуации не должно было быть, так как он обладал таким надежным и убедительным материалом, будучи уверенным в источнике, от которого этот материал получен (Кривицкий).

Интересное и весьма характерное замечание в воспоминаниях разведчика о недоверии Сталина к информации военной разведки. Через несколько лет эти воспоминания нашли подтверждение в сборнике документов по истории советско-японских отношений, изданных в 1998 году. Уже анализировавшаяся докладная записка Урицкого, адресованная Сталину, совпадает и по содержанию, и по времени с воспоминаниями Гудзя.

РАЗГРОМ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

После прихода Артузова с группой сотрудников ИНО и коренной перестройки центрального аппарата военной разведки антагонизм между старыми кадрами и «пришельцами» стал неизбежным. И не только потому, что в военном ведомстве не слишком жаловали чекистов. На взаимоотношения в руководстве управления повлияло и то, что стратегическая разведка (первый и второй отделы) была отдана под начало «варягов» — Карина и Штейнбрюка. Асы Разведупра Никонов, Стигга, Давыдов, отдавшие военной разведке годы работы, оказались отодвинутыми на задний план. Борис Мельников, недавний помощник Берзина, вообще ушел из военной разведки и возглавил службу связи секретариата исполкома Коминтерна.

В ходе ноябрьского (1935 года) присвоения персональных воинских званий «пришельцы» — Артузов, Карин, Штейнбрюк, Захаров-Мейер (помощник начальника управления) — получили звания корпусных комиссаров, а Никонов и Стигга — только комдивов.

Новый начальник комкор Урицкий и по интеллекту, и по характеру значительно отличался от своего предшественника. Участник Первой мировой и Гражданской, прошедший годы в кавалерийском седле, он воспринял характерный для части высшего комсостава РККА грубый и пренебрежительный стиль отношения к подчиненным. И если после прихода в управление в мае 1935 года он сдерживал себя, войдя в новую для него атмосферу уважения, такта, внимательного отношения к сослуживцам, то через полтора года недостатки его характера и поведения стали заметны всем.

Урицкий прекратил обсуждение оперативных вопросов с начальниками двух ведущих отделов, все руководство с его стороны свелось к наложению резких и обидных резолюций по каждому мелкому упущению и вызовам в свой кабинет с угрозами снятия с долж-

ности. Конечно, подобный стиль руководства в разведке явно не годился.

Артузов, как первый заместитель, руководил стратегической разведкой, курируя основные отделы управления. Но все указания и распоряжения этим отделам давались через его голову, превращая его в заместителя без определенных занятий. Артузов старался взять под защиту своих людей. Но до Ворошилова он добраться не мог, нарком никогда не вызывал его, предпочитая получать всю информацию о работе управления от Урицкого.

ПИСЬМО ЦЕНТРА — ЗОРГЕ

31 августа 1936 г.

Дорогой Рамзай.

В порядке политической информации, о которой Вы меня просили, посылаю Вам это письмо.

Только на днях закончился процесс троцкистско-зиновьевской террористической банды, скатившейся до последней степени падения — до роли агентов гестапо. Процесс показал, что в борьбе двух миров — мира капитализма и мира социализма — нет и не может быть «золотой середины». Существуют два враждебных друг другу полюса: на одном все честное, все благородное, все, кому дорого дело освобождения трудящихся, и на другом — самое подлое и гнусное отребье старого мира, злейшие враги социализма. Шайка негодяев, пойманная с поличным, уничтожена; приговор был встречен нашей 170-миллионной страной как справедливое возмездие, как выявление воли всего народа. И не только наша страна так реагировала на расстрел кучки бандитов, но и каждый честный рабочий во всем мире разделяет гнев и возмущение советских трудящихся перед лицом собственных признаний преступников в своих кошмарных преступлениях перед социалистической родиной. Логическая неизбежность для врагов партии в конечном счете скатиться до открытой белогвардейщины со всеми ее прелестями пророчески предсказана т. Сталиным за несколько лет до их позорной смерти; их пример должен служить предостережением каждому отходящему от генеральной линии нашей партии, не изжившему своих разногласий с партией и показать, что логика борьбы против партии приводит с неизбежностью в стан злейших врагов трудящихся, в стан самого разнузданного фашизма. Процесс выявил необходимость повышения бдительности и осторожности. Быть бдительным — значит изучать людей и притом изучать на работе и в быту. Благодушие, разболтанность, расхлябанность, излишняя доверчивость, вера на слово — враждебны по духу нашей партии. Всегда надо помнить золотые слова нашего любимого вождя: «не убаюкивать надо партию, а развивать в ней бдительность, не ус|ып|лять ее, а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать». Особенно важно это для наших товарищей за рубежом, находящихся на

ответственной работе и во враждебном окружении. Постоянная бдительность, осторожность и конспиративность, соединенные с непрерывной проверкой людей, на деле обеспечат успех работы и обезопасят нашу организацию от проникновения в нее подлых последышей троцкистской банды. Процесс показал, наконец, что наша страна и партия едины и сплочены, как никогда, в одно общее стремление построения социалистического общества вокруг нашего горячо любимого вождя и учителя. Много врагов разгромила наша партия; вся ее история есть история неустанной борьбы против изменников и предателей рабочего класса. Подлые последыши троцкистской банды, засев кое-где, еще пытаются вести, искусно маскируясь, свое подлое дело; каждому честному члену партии ясно, что чем выше результаты строительства социализма, тем ожесточеннее сопротивление умирающих классов и тем утонченнее и подлее методы их звериной работы. Нет такой подлости, нет такой мерзости, нет такого преступления, на которые не пошли бы враги трудящихся. Но силен пролетариат, сплочен вокруг своей партии вождей и, сметая на своем пути фашистско-троцкистско-зиновьевскую мразь, смело и уверенно строит светлое царство социализма³⁶.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова, конечно, поддержанного Сталиным, Политбюро принимает решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре с направлением их в распоряжение НКВД³⁷. Новым замом начальника управления тем же постановлением был назначен старший майор госбезопасности (ранг равный армейскому комдиву) Михаил Александровский. Штейнбрюка убрали, и важнейший отдел управления остался без руководителя. Но Урицкому удалось поставить сюда профессионального разведчика: из НКВД в 1-й отдел никого не прислали и врид (временно исполняющим должность) его начальника стал сотрудник управления полковник Стефан Узданский. Полковник во главе крупнейшего отдела (пусть даже врид) вместо корпусного комиссара — явление, ставшее обычным для РККА 1937 года, когда командиры среднего звена взлетали, как метеоры, на генеральские должности и через несколько месяцев исчезали в недрах Лубянки. Узданский продержался на этом посту, очевидно, до мая 1937 года, после чего разделил судьбу Артузова, Штейнбрюка и Александровского.

Карин на должности начальника 2-го отдела остался. Заслуги Ворошилова в этом, конечно, не было. Если нарком «сдал» Артузова и Штейнбрюка, то вряд ли он отстаивал на заседании Политбюро и Карина. Скорее всего причина была в том, что достойной замены Карину пока не нашлось. Это, очевидно, сознавал и Сталин. Несколько месяцев Карин продолжал руководить отделом, но и его судьба была предрешена.

После февральско-мартовского пленума ЦК наступило временное затишье: НКВД готовился, собирая компромат на военных, в

Разведупре ждали, понимая, что вскоре за Артузовым и Штейнбрюком последуют многие другие. Неуютно чувствовал себя и Урицкий, стараясь как-то оправдаться. На одном из партсобраний Разведупра 19 мая он высказался следующим образом: «Причины, почему я пришел в управление, всем известны. Это были причины прорыва. И те люди, которые остались здесь, ...мало помогали. Разведчики мы все вместе с вами плоховатые...»³⁸

Но весной 1937-го подобная самокритика уже не помогала. Добиваясь у Ворошилова, а через него и у Сталина изгнания Артузова из управления, Урицкий рубил сук, на котором сидел. После ухода опытного и квалифицированного зама слабая компетентность руководителя военной разведки выявилась в полной мере. Новый зам Александровский также ничем не мог помочь своему начальнику. К военной да и политической разведке он отношения не имел. В итоге Урицкий был освобожден от руководства управлением и сдал дела Берзину, вернувшемуся из Испании и получившему за нее орден Ленина и четвертый ромб в петлице, то есть звание командарма 2-го ранга, что соответствует современному званию генерал-полковника³⁹.

3 июня Берзин пришел в свой кабинет, оставленный в апреле 1935-го, став на короткое время начальником Разведупра. А 21 мая на совещании в Разведупре выступил Сталин, заявив, что «Разведуправление со своим аппаратом попало в руки немцев», и потребовал роспуска агентурной сети. Такая оценка деятельности военной разведки была для руководства НКВД сигналом к уничтожению руководящих кадров управления.

До Разведупра НКВД добрался в июле. В одном из дел рассекреченного фонда Главпура хранятся протоколы партийных собраний управления. В них десятки фамилий арестованных и погибших сотрудников военной разведки с их краткими биографическими данными. Конечно, это не полные списки. Но они дают некоторое представление о том, какие потери понес Разведупр в 1937-м. Двадцать человек из руководящего состава были взяты на Лубянку, и именно новому начальнику управления пришлось докладывать об этом на заседании партбюро 19 июля. Что чувствовал Берзин, называя шпионами и террористами людей, с которыми проработал годы, которых отлично знал и которым полностью доверял? Догадывался ли, что многолетняя работа с «врагами народа» бросает тень и на него?

В Разведупре создали закрытое партийное собрание 20 июля. В президиуме Берзин со своими ближайшими помощниками Никоновым и Стиггой, сменившим арестованного Узданского на посту начальника 1-го отдела. В зале 200 пар глаз, устремленных на докладчика. Докладывает секретарь парткома управления бригадный комиссар Гай Туманян. Повестка дня: «Об исключении из рядов ВКП(б) бывших работников Разведупра, арестованных органами

НКВД как враги народа». Их осудили единодушно, протокол собрания отправили в Наркомат обороны.

В числе арестованных были комкор Геккер, корпусные комиссары Штейнбрюк, Карин, Захаров-Мейер, дивизионный комиссар Борович, комбриг Беговой, полковники Узданский, Алексей Мазалов, Александр Иодловский; состоявшие в распоряжении Разведупра и нелегально работавшие за рубежом полковые комиссары Макс Максимов, Леонард Юревич, а также Софья Залесская; пришедший в 1936 году из Коминтерна на должность помощника начальника Разведупра Миров (Абрамов) и заменивший Артузова Александровский⁴⁰.

Арест такой большой группы сотрудников вызвал цепную реакцию смещений, перемещений, новых назначений. Полковник Покладок был отправлен в Хабаровск в штаб ОКДВА на должность начальника разведывательного отдела штаба армии. Должность, казалось бы, солидная, в отделе около ста сотрудников, но это было временное назначение. Через несколько месяцев его арестовали вместе с большой группой сотрудников этого отдела.

1 августа положение в Разведупре в связи с разоблачением «врагов народа» обсуждалось на Политбюро. Было принято решение: «Освободить Я. К. Берзина от обязанностей начальника Разведывательного управления РККА с оставлением его в распоряжении Наркомата Обороны». После ареста соратников, с которыми Берзин работал многие годы, оставить его в распоряжении наркомата означало последующий арест. И Берзин, и его подчиненные это прекрасно поняли.

Военная разведка все больше попадала под влияние НКВД. В том же постановлении Политбюро Ежову поручалось «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принимать по согласованию с Наркоматом Обороны неотложные оперативные меры, выявить недостатки Разведупра и через две недели доложить свои предложения об улучшении работы Разведупра и указания по свежим кадрам»⁴¹. Теперь Ежов становился полновластным хозяином военной разведки.

Первым заместителем начальника Разведупра был назначен старший майор госбезопасности Семен Гендин. Ни к военной, ни к политической разведке он не имел никакого отношения, но это в Политбюро уже никого не интересовало. Заместителем по агентуре был назначен комбриг Александр Орлов — военный атташе в Германии. Об аресте комбрига Августа Гайлиса (Валина), сменившего Карина на должности начальника 2-го отдела, было объявлено на партийном собрании уже 10 августа. 19 августа на очередном заседании партактива Туманян сообщил о том, что «пятнадцать дней, как начальник Управления т. Берзин отстранен от работы в связи с имевшими у нас место арестами врагов народа Никонова, Валина, Стельмаха...»⁴²

Поиски «врагов народа» в Разведупре продолжались. 15 октября на очередном партсобрании стало известно об аресте полков-

ника Виктора Федорова — начальника маньчжурского отделения 2-го отдела. 3 декабря на партсобрании обсуждался самый большой список арестованных. На этот раз взяли всех оставшихся на свободе асов, проработавших в разведке многие годы. В списке 22 человека, и первый среди них — командарм 2-го ранга, герой Испании Берзин. Второй — комдив Стигга, руководивший агентурной разведкой на Европейском континенте. В этом же списке арестованных начальник китайского отделения 2-го отдела полковник Карл Римм. Вместе с ним была арестована его жена Любовь Римм, работавшая вместе с мужем и Рихардом Зорге в Китае⁴³.

Второй восточный отдел Разведупра был полностью разгромлен. Все, кто вел разработку операции «Рамзай» в 1936 году, были арестованы. Последние «могикане» разведывательной службы оставляли после себя пустые кабинеты и оборванные связи с зарубежной агентурой. Наступал полный паралич центрального аппарата военной разведки.

«РАМЗАЙ» ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТУ

Конечно, Рихард Зорге не мог знать подробностей разгрома руководства военной разведки, не мог догадываться, что из «шоколадного домика» исчезли все, с кем он встречался там во время своей последней поездки в Москву в 1935 году. Что-то ему мог сообщить Борович во время встречи в Пекине. Но тот уехал из Москвы в апреле 1936-го, когда массовые репрессии в Красной Армии еще не начинались. Конечно, и по сообщениям мировой прессы, и по тону радиোগрам и указаний из Центра он чувствовал тяжелую обстановку в Москве, но не более. Несмотря ни на что, в этих изменившихся условиях группа «Рамзай» продолжала работать так же интенсивно, как и в 1936 году. Обстановка в Японии менялась и требовала пристального внимания всех членов группы, и прежде всего Зорге и Одзак.

Правящие круги в Токио хорошо понимали, что в сложившейся к тому времени международной обстановке маньчжурского плацдарма и промышленной базы на территории «независимого» государства уже недостаточно для дальнейшей агрессии на азиатском материке и войны с Советским Союзом. Поэтому, чтобы обеспечить свою страну необходимым промышленным и сельскохозяйственным сырьем, избавиться от импорта и обезопасить свой тыл в случае большой войны, было решено начать агрессию в Северном Китае. Об этом думали в токийских кабинетах еще в 1936 году. 7 августа 1936 года Совет пяти министров империи⁴⁴ принял новую внешнеполитическую программу.

ИЗ ПРОГРАММЫ «ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ», ПРИНЯТОЙ СОВЕТОМ ПЯТИ МИНИСТРОВ ЯПОНИИ

Токио, 7 августа 1936 г.

[...]

Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и процветания является воплощением духа императорского пути и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению национальной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизирующей силы в Восточной Азии.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-Го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве, — такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами.

4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей. Продвижение наших сил в эти районы следует осуществить постепенно, мирными средствами, всячески избегая шагов, которые могут подействовать возбуждающе на другие страны. Таким путем, наряду с завершением строительства государства Маньчжоу-Го, мы сможем обеспечить дальнейшее усиление нашей государственной мощи.

5. Все внешние и внутренние мероприятия следует осуществлять в соответствии с вышеуказанными основными принципами национальной политики...

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА «ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Токио, 7 августа 1936 г.

Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке Вооруженным Силам Советского Союза;

б) военные приготовления во флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана...⁴⁵

Информация о совещании и принятых на нем решениях стала известна Оздаки и Зорге и была немедленно передана по радио в Москву. Она вызвала сильнейшую тревогу в Центре. В разгар японо-германских переговоров, направленных против Советского Союза, правительство империи рассматривает как вероятное не только северное, но и южное направление экспансии! В это было трудно поверить, и от разведчиков немедленно потребовали доказательств.

У Зорге и у его группы появились новые заботы. Когда в Москве в кабинетах Берзина и Урицкого определялись задачи разведывательной группы «Рамзай», то, естественно, невозможно было предвидеть японскую агрессию против Китая. Поэтому, едва в начале 1937 года с континента потянуло пороховой гарью, Зорге и его товарищи стали самым внимательным образом следить за развитием японо-китайских отношений, за тем, как этот конфликт влиял на усиление армии и флота островной империи и ее взаимоотношения с Англией и США. Через несколько лет Зорге писал об этом периоде в своих записках: «Японо-китайская война представлялась нам очень важной с точки зрения экономической. Ведь переход к созданию тяжелой промышленности и к экономике военного времени осуществлялся в период начавшейся войны. Нам представился великолепный случай тщательно проследить за тем, какие меры принимает Япония в связи с начавшейся войной, как происходит усиление флота, как ведется реорганизация армии. Военные события явились как бы испытательным полигоном для переформирования японской армии, усиления ее оснащенности, и мы могли вести разнообразные наблюдения в этом направлении». Великолепная оценка ситуации!

И еще один комплекс вопросов, к изучению которых было приковано внимание Зорге. Речь шла о взаимоотношениях Японии с Англией и США. До начала войны в Китае не исключалась возможность, что Япония может начать агрессию против Советского Союза при активной поддержке Англии и США. И для таких опасений были серьезные основания. Англия в прошлом была союзни-

цей Японии, и США доброжелательно относились к этому союзу. Но как только японская агрессия в Китае начала распространяться на центральные и южные районы страны, то есть туда, где преобладали экономические интересы этих стран — их хорошим отношениям пришел конец. Когда лезут в чужой огород и хотят пожить-ся за чужой счет, тут уже не до дружбы и союзничества.

Естественно, что Зорге сразу же обратил на это внимание. Поэтому, как только началась война в Китае, у группы «Рамзай» появились новые заботы. Нужно было следить за взаимоотношениями между тремя странами, анализировать малейшие изменения в этих отношениях, предугадывать возможные события и давать им правильные оценки.

На рассвете 7 июля 1937 года заговорили японские орудия у Лугоуцяо. Мост Марко Поло, где так красиво «предрассветное лунное сияние», пересекли японские кавалеристы. Бомбардировщики обрушили сотни бомб на позиции китайских войск, и на земле Китая начался очередной инцидент. По сложившейся уже в Токио традиции Япония не стала объявлять войну Китаю. И перед группой Зорге встали новые проблемы. Нужно было информировать Москву о том, что происходит на полях под Пекином. После анализа всей информации, добытой членами группы, в Москву было отправлено сообщение: июльский «инцидент не просто полицейская акция, а начало большой войны Японии с Китаем».

Первые недели и месяцы 1937 года потребовали от Зорге и его товарищей напряжения всех сил. Группа с каждым годом работала все интенсивнее и, естественно, поток информации, требовавший тщательной обработки и анализа, возрастал. В Москву шли сообщения о развитии японо-германских отношений после подписания пакта, о состоянии и усилении японской армии, о разногласиях между руководством армии и военно-морского флота по поводу дальнейшего направления японской агрессии на север или на юг. Как и раньше, одним из основных источников информации было германское посольство. Военный атташе Отг и посол Дирксен по-прежнему были откровенны с корреспондентом «Франкфуртер цайтунг».

Надо отметить одно обстоятельство, которое наложило отпечаток на дальнейшую деятельность Зорге. В 1937 году он получил официальное разрешение Москвы на сотрудничество с Берлином. Об этом не писали наши авторы советского периода. Уж слишком одиозной выглядела бы фигура Зорге после такого признания. В Центре понимали: чтобы иметь положение в посольстве и влияние на посла и военного атташе — «надо делиться». И Зорге делился, получая в обмен ценнейшую информацию. Будучи журналистом-международником и работая в мире информации, он не только получал ее, но и должен был щедро давать, и не только немцам, но и американцам и англичанам. Зорге был не только журналистом, но и политическим аналитиком по проблемам Дальнего Востока, равного которому не

было в Японии. Это признавали и в германском посольстве в Токио, и в Берлине. Как мы уже знаем, он составлял официальные секретные отчеты в Берлин, подписанные военным атташе и послом Оттом, и эти документы высоко ценились в столице рейха. Их подлинное авторство не было секретом для высокопоставленных берлинских чиновников. Это подтверждает и руководитель немецкой политической разведки Вальтер Шелленберг в своих мемуарах. Германская разведка — военная и политическая, конечно, имела своих представителей в Японии. Но никто из них, не говоря уже о германских дипломатах, не обладал такими широкими, главным образом неофициальными связями в правящих кругах Японии.

Зорге мог правильно оценивать информацию, прогнозировать события, анализировать обстановку. Его прогнозы, которые поступали и в Москву, и в Берлин, сбывались, как правило, с точностью до мелочей. Поэтому разведчик мог позволить себе давать также рекомендации. В Берлине к ним прислушивались, в Москве — не очень, а после начала репрессий, когда Зорге попал в обойму «банды Берзина», и вообще стали воспринимать настороженно.

Возникает естественный вопрос: на кого работал Зорге? Конечно, Зорге был величайшим разведчиком XX века и работал на советскую военную разведку — Разведупр. Вся ценнейшая информация, анализы, прогнозы и рекомендации отправлялись в Москву. С разрешения Москвы часть информации поставлялась Берлину, и в Москве знали об этом. Поэтому не может быть и речи о нем как о «двойнике». Москва знала, что он работает на Берлин, но в Берлине не догадывались о том, что он работает на Москву.

Конечно, нельзя сказать, что абсолютно все доклады Отта и Дирксена писал Зорге. Но содержание и тех докладов, которые составляли эти немецкие дипломаты, с оценкой взаимоотношений между двумя странами, часто становилось известно Зорге и своевременно передавалось в Москву. В одном из сообщений, отправленном 31 января, давалась оценка Японии как будущего военного союзника Германии. И Дирксен, и Отт считали, что при наличии кризиса в Японии она должна иметь несколько лет передышки, прежде чем снова сможет развить активную внешнеполитическую деятельность. Поэтому посол и военный атташе, в некоторой мере не без влияния со стороны Зорге, были настроены к японцам более скептически, чем прошлым летом. Наступило отрезвление после милитаристского угара, вызванного подписанием антикоминтерновского пакта.

В одной из январских радиোগрам почти дословно сообщалось о беседе с Оттом. Военный атташе разоткровенничался и сообщил о положении дел в вермахте и военной промышленности. По его мнению, вооружение вермахта потребует больше времени, чем предполагалось ранее. Недостаточно квалифицированных кадров, подготовленного командного состава, военной техники, преобладает оружие уста-

ревших образцов, оставшееся еще с Первой мировой войны. Исключительно тяжелое положение со стратегическим сырьем, в первую очередь каучуком, цинком, медью, оловом. Отт считал, что Германия могла бы начать серьезную войну не раньше чем в 1941 году. Естественно, что такая подробная информация в начале 1937 года была высоко оценена в Москве. И вместе с очередным заданием в Токио пришло сообщение о том, что в приказе по Разведывательному управлению Зорге и Клаузену объявлена благодарность за отличную работу.

Но особенно важным был анализ внешнеполитического курса империи в 1937 году, данный Зорге и Одзаки. Несмотря на обострение обстановки на советско-маньчжурской границе, провокации на границе с МНР, несмотря на то, что к 1937 году в Маньчжурии уже находилась треть всех вооруженных сил страны и Квантунская армия выросла в несколько раз, разведчики пришли к смелому выводу. После того как Одзаки удалось познакомиться с документом, определяющим внешнеполитический курс империи и сфотографировать его, Клаузен передал в Центр короткую радиограмму: «Японцы стремятся создать у других держав впечатление, будто они собираются незамедлительно вступить в войну с Советским Союзом. У меня складывается другое мнение: Япония не собирается начинать войну в ближайшее время. Все ее внимание устремлено на континентальный Китай. Подтверждение высылаю обычной связью».

Прогноз политической обстановки на Дальнем Востоке, данный Зорге в короткой радиограмме, и на этот раз оказался абсолютно точным. Что же позволяло советскому разведчику безошибочно прогнозировать события? На этот вопрос он дал ответ в своих записках. «Было бы ошибкой думать, что я посылал в Москву всю собранную мною информацию. Нет, я просеивал ее через свое густое сито и отправлял лишь будучи убежденным, что информация безупречна и достоверна. Это требовало больших усилий. Так же я поступал и при анализе политической и военной обстановки. Притом я всегда отдавал себе отчет в опасности какой бы то ни было самоуверенности. Никогда я не считал, что могу ответить на любой вопрос, касающийся Японии». В этом был весь Зорге: огромная работа по анализу получаемой информации, величайшая ответственность за ее достоверность и большая скромность при определении своих возможностей.

Война в Китае и численное увеличение японской армии требовали самого пристального внимания разведывательной группы. Об этом же напоминала и Москва в своих заданиях. Генштаб РККА интересовали все этапы реорганизации японских вооруженных сил. В первую очередь это касалось частей Квантунской армии, реорганизация которых проводилась с учетом опыта боев в Китае. Задание было исключительно сложным. После начала войны в Китае в армии резко возросло число офицеров военной контрразведки, и получение любой информации о действиях Японии в этой стране стало смертельно опасным.

Много данных о развитии и реорганизации японской армии получал Мияги, который поддерживал контакты с офицерами генштаба и воинских частей. Военная информация общего характера поступала и от Вукелича, который общался с английским военным атташе Френсисом Пиготом, корреспондентами крупнейших западных газет и сотрудниками английского и французского посольств. Изыскивал новые возможности для получения военной информации и Зорге. И здесь в большой мере этому способствовала его слава лучшего немецкого корреспондента на Дальнем Востоке.

Германский военный журнал «Вермахт» поручил ему написать статью о современном состоянии армии своего дальневосточного союзника. Просьба была написана на бланке редакции и снабжена соответствующими подписями и печатями. С этим письмом Зорге обратился непосредственно к начальнику Центрального управления военного министерства генералу Муте. Тот принял корреспондента, уже хорошо известного в японском генштабе, и поручил сотрудникам министерства и военной контрразведки «кемпейтай» предоставить ему нужную информацию. Зорге побывал на маневрах Квантунской армии, на которые обычно не допускались иностранные корреспонденты, беседовал с японскими генералами и офицерами, которые были весьма откровенны с корреспондентом «братьев по оружию», и получил новейшие данные о состоянии и оснащении японских войск. Статья под броским заголовком: «Японская армия сегодня: от самурая к танковым войскам» летом 1937 года была напечатана в «Вермахте» и вызвала самую благоприятную реакцию в Токио. Конечно, вся информация, полученная во время работы над статьей, и, естественно, более подробная, была своевременно переправлена в Москву.

МОСКВА НАЧИНАЕТ ВЫСКАЗЫВАТЬ СОМНЕНИЯ

Однако к концу 1937 года, когда в Разведупре сменилось все руководство, отношение к Зорге изменилось. Если летом 1936-го его информация не вызвала в Москве никаких возражений и сомнений, то через полтора года любая информация, которая поступала из Токио, ставилась под сомнение. Для оставшихся сотрудников фамилия Зорге, о котором они мало что знали, стала эфемерной и абстрактной.

8 октября 1937 года из Токио в Москву поступила очередная радиogramма. Зорге сообщал, что специальный представитель Риббентропа Гаусгофер провел в столице Японии два месяца, используя свои связи для бесед с руководящими деятелями империи. Перед отъездом в Берлин он беседовал с Зорге и высказал свое мнение о дальнейшем развитии японо-германских отношений. Немецкий эмиссар сообщил, что во второй половине ноября ожидается важное решение относительно развития японо-германских отношений, «он будет советовать Риббент-

ропу усилить тесное сотрудничество, но избегать немедленных совместных действий до тех пор, пока слабость Японии не будет совсем преодолена или по крайней мере уменьшена при содействии Германии, которая окажет ей материальную помощь поставкой военных припасов». Он надеялся, что его рекомендации будут приняты в Берлине. Эта информация попала в спецсообщение с резолюцией: «Спецсообщение, с указанием, что источник требует проверки»⁴⁶.

В тот же день в Москву поступила еще одна радиограмма из Токио. На этот раз информатором Зорге был Отт. Он показал разведчику свое письмо, отправленное в генштаб. Отт был убежден в том, что Япония имеет твердое намерение воевать с СССР, но трудная война с Китаем таит возможность отвлечь ее от этой главной цели... Он также подчеркивал, что активность Германии в Китае (большие поставки военных материалов Чан Кайши) и действия германских инструкторов в гоминьдановской армии) способствовала некоторому кризису в японо-германских отношениях. Все это, по его мнению, может привести к тому, «что в дальнейшем Япония, возможно, захочет на некоторое время избежать каких-либо трений с СССР»⁴⁷. Информацию военного атташе подтвердил посол Дирксен. В его письме в Берлин, которое он также показал Зорге, высказывались те же взгляды. Эта радиограмма, как и первая, была включена в спецсообщение, но уже без указания на необходимость проверки — по-видимому, в Центре доверяли информации, которую Зорге получал из германского посольства в Токио.

Во второй половине 1937 года отношение к Зорге в Центре настолько ухудшилось, что было принято решение о его отзыве в Москву и ликвидации всей резидентуры. Через некоторое время в Разведупре, правда, спохватились и отменили решение. Отмены добился сам Гендин, исполнявший обязанности начальника управления. Из Токио поступала ценная и достоверная информация и с этим нельзя было не считаться. Основной итоговый документ 1937 года Зорге отправил в Москву в декабре курьерской почтой. Это был солидный аналитический обзор с оценкой основных событий года, и новый начальник Разведупра старший майор госбезопасности Семен Гендин решил направить документ Сталину.

Майор Сироткин в своем исследовании «Опыт организации и деятельности резидентуры „Рамзая“», написанном в 1964-м и частично рассекреченном только в 2000 году, так характеризует причины недоверия к токийской резидентуре.

«Весьма характерен элемент двойственности в отношении Центра к резидентуре. Информационные материалы, поступающие от „Рамзая“, получают в большинстве случаев высокую оценку, но когда по заданию руководства составляются „справки о личном составе и деятельности резидентуры“, то исполнители — авторы этих справок не решаются отказать от наложенного на резидентуру штампа „политического недо-

верия“ и, вопреки здравой логике, не считаясь с реальными результатами деятельности резидентуры, подводят под этот штамп свои выводы и заключения. При этом, за отсутствием каких-либо убедительных обоснований для таких доводов, каждый раз используются все те же ссылки на выводы и заключения по шанхайскому провалу, утверждение Поклада (от 1937 г.) о „несомненности дезинформации“ и прочие домыслы и предположения из предыдущих справок»⁴⁸.

Поэтому Гендин, посылая информацию Зорге генсеку 14 декабря 1937 года, писал: «Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания»⁴⁹. Гендин был новым человеком в Разведупре. Он был назначен начальником управления в сентябре 1937 года, когда руководство военной разведки усиленно уничтожалось сотрудниками НКВД. В этих условиях дать правильную и объективную оценку деятельности какого-либо резидента было очень трудно, а человеку со стороны, контрразведчику, никогда не имевшему дела с разведкой, тем более. Поэтому вступительная фраза в записке Сталину имела достаточно обтекаемую форму. С одной стороны, полным доверием не пользуется, с другой — некоторые данные заслуживают внимания. Так что разбирайтесь сами. Сталин и разобрался — отправил донесение Зорге в свой личный архив, что он делал с многими наиболее ценными документами.

Гендин родился в 1902 году в Двинске. В 16 лет в 1918 году вступил в РККА и в партию. Участник Гражданской — командир взвода и батареи. В ВЧК с 1921 года, следователь и помощник начальника отделений в 1921—1925 годах в КРО ОГПУ. Участвовал в операции «Синдикат-2» и в следствии по делу Савинкова. В 1925—1926 годах перемещается в Белоруссию — КРО ГПУ БССР и ПП ОГПУ по Западному краю. С 1929 года в центральном аппарате ОГПУ — начальник отделений КРО. С 1931 года в Особом отделе ОГПУ — начальник отделений. Затем начальник УНКВД Западной области и заместитель начальника Особого отдела БВО. С этой должности направлен в Разведупр. Человек, который к военной разведке не имел никакого отношения⁵⁰.

Анализируя военно-политическую обстановку в Японии, Зорге пришел к выводу, что выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем, хотя общие затруднения ее в этом случае возрастут еще больше. Заключение разведчика было серьезным, и основанием для этого явилось сообщение японского генштаба германскому военному атташе о том, что необходимо скорейшее окончание войны с Китаем и заключение мира на приемлемых для Японии условиях, после которого сосредоточенные на азиатском континенте военные силы Японии могли быть брошены против СССР. Иными словами, военное руководство Японии подтвердило тот факт, что вести одновременно две войны —

против Китая и против СССР — оно не в состоянии. Сил у империи для этого не было. Правительство, флот и армия через шесть месяцев после начала китайской авантюры были обеспокоены большими потерями, затруднениями и медлительностью японского наступления и перспективами всего предприятия.

Побывав на шанхайском фронте, Отт убедился, что для достижения успеха Япония должна перебросить значительные новые подкрепления. Но это отрицательно скажется на мощи японской армии. Он также считал, что победа под Шанхаем не поставит Китай на колени и не приведет к миру на японских условиях. Поэтому Отт предложил германское посредничество для заключения мира между Японией и Китаем. Неожиданно для Отта генштаб Японии, флот и мининдел приняли германское предложение. Зорге отмечал в своем докладе, что премьер Коноэ и руководящие круги флота понимают, что нападение на СССР с каждым годом становится все опаснее, но в данное время они начинают верить в легкомысленные заверения военщины о сравнительной легкости осуществления внезапного нападения на Владивосток и Приморье и возможности ограничить японо-советскую войну этой территорией и Сахалином⁵¹.

Такие оценки были даны Зорге к началу 1938 года. Основной вывод — Япония увязла в войне с Китаем и до тех пор, пока китайский конфликт не будет прекращен, говорить о возможной войне с Советским Союзом не приходится. Для Зорге этот вывод был очевидным и, исследуя направления японской экспансии, он писал в 1939 году (статья «Японская экспансия»): «Однако пока китайская задача не решена, Япония захочет и сможет направлять в другие районы только второстепенные силы. Главным направлением распространения могущества Японии в пределах обозримого будущего по-прежнему останется Китай...»⁵² Конечно, в то время Зорге не мог точно знать соотношение сил между Квантунской армией и японской оккупационной армией в Китае. Но по данным нашей военной разведки, японские войска в Китае по всем показателям вдвое превосходили Квантунскую армию. Группировка в Маньчжурии получала остатки того, что могла выделить империя для войны на азиатском континенте.

¹ РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 1682, л. 1.

² ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 3108, д. 3, л. 60—63.

³ Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. С. 64—65.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 3108, д. 3, л. 15—153.

⁵ Военный разведчик Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), работая в Германии, обнаружил, что ведутся сверхсекретные германо-японские переговоры. Помимо этого, ему удалось получить ключ к японским дипломатическим шифрам. За эту операцию Кривицкий был представлен к ордену Ленина // *Кри-*

вицкий В. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика / Пер. с англ. М.: Терра—Тегга, 1991. С. 30–33.

⁶ Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 186.

⁷ Русский архив: Советско-японская война 1945 года... С. 141–142.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Документы внешней политики. Т. 19. М., 1974. С. 511.

¹³ Там же. С. 579.

¹⁴ Там же. С. 591.

¹⁵ Документы внешней политики. Т. 19. С. 621.

¹⁶ Там же. С. 641.

¹⁷ Там же. С. 647.

¹⁸ Тюремные записки Рихарда Зорге // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 83.

¹⁹ Голяков С., Понизовский В. Голос Рамзая. М., 1976. С. 205.

²⁰ Там же. С. 206.

²¹ Дело Рихарда Зорге... С. 53–54. Дальнейшая судьба этого представления членов группы «Рамзай» к награде неизвестна, по-видимому, оставлено без последствий.

²² Из воспоминаний Б. И. Гудзя и его бесед с одним из авторов книги.

²³ РГВА, ф. 37837, оп. 4, д. 116.

²⁴ По этому вопросу существует и другая точка зрения, изложенная М. И. Сироткиным в его справке «Опыт организации и деятельности резидентуры „Рамзая“» в 1964 г. Он отмечает, что руководство Центра «учитывало все эти сомнительные моменты и взвешивало тот риск, который они могут создать для успеха предприятия». Для нейтрализации внимания со стороны берлинской полиции было решено придерживаться позиции немецкого журналиста-фашиста, соответствующего стиля и политической окраски помещаемых в газете статей. Такой расчет оказался верным — когда в 1940 году гестапо все же осуществило проверку Зорге, не было найдено каких-либо конкретных материалов, компрометирующих его и вскрывающих его связь с советской военной разведкой и прежнюю работу в Коминтерне. Многие вопросы были сняты самим «Рамзая» после его вступления в местную организацию нацистов. При этом, как пишет Сироткин, Зорге, во-первых, мог изображать все свои прошлые леворадикальные связи как своего рода вынужденный прием журналиста, ищущего доступа к интересующим его объектам, и во-вторых, прямо заявить об изменении своих прежних «ошибочных» политических взглядов и суждений. В тот период, когда волна фашистской демагогии захлестнула широкие массы населения Германии, это выглядело вполне естественно. Как утверждает в своих воспоминаниях Я. Бронин, компрометирующие Зорге материалы с указанием его связей с Советским Союзом были разысканы гестапо уже после его ареста. Однако это утверждение является достаточно спорным в свете фактов, которые приводятся в мемуарах В. Шелленберга. Просто, по-видимому, после ареста Зорге сработал известный принцип, согласно которому все сомнительные моменты в его биографии сразу стали трактоваться в негативном плане. // Дело Рихарда Зорге... С. 140, 151–152, 154, 179.

²⁵ РГВА, ф. 37837, оп. 4, д. 69. Приказ № 00 514 от 15 августа 1935 г.

²⁶ Там же, д. 62.

- ²⁷ Архивная справка ЦГАОР, № 706 от 20 февраля 1967 г.
- ²⁸ Из воспоминаний Р. Мамаевой от 27 августа 1967 г.
- ²⁹ Гудок. 1991. 18 декабря.
- ³⁰ Псевдоним Зорге в переписке, когда требовалось указать, что информация получена им самим.
- ³¹ Цит. по: Дело Рихарда Зорге... С. 47.
- ³² РГВА, ф. 37837, оп. 4, д. 140.
- ³³ Из воспоминаний секретаря Я. К. Берзина Н. В. Звонаревой.
- ³⁴ Центральный архив ФСБ. Дело 11 184 по обвинению Боровича-Розенталя Л. А., л. 40.
- ³⁵ Там же, л. 77.
- ³⁶ Цит. по: Дело Рихарда Зорге... С. 46–47.
- ³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 19.
- ³⁸ РГВА, ф. 9, оп. 30, д. 53, л. 26.
- ³⁹ Красная звезда. 1937. 16 июня.
- ⁴⁰ РГВА, ф. 9, оп. 30, д. 53, л. 52–56.
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21.
- ⁴² РГВА, ф. 9, оп. 30, д. 53, л. 86.
- ⁴³ Там же, л. 198–200.
- ⁴⁴ Совет пяти министров состоял из премьер-министра, министра иностранных дел, военного министра, военно-морского министра и министра финансов. Этот орган фактически взял на себя выполнение функций всего кабинета, обсуждая важнейшие мероприятия, связанные с внешней политикой, причем многие решения принимались им по проектам, составленным военными кругами.
- ⁴⁵ История войны на Тихом океане. Т. 2. Японо-китайская война. Приложение / Пер. с яп. М., 1957. С. 340–342.
- ⁴⁶ Дело Рихарда Зорге... С. 80.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 172.
- ⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 213–216.
- ⁵⁰ Лурье В. М., Кочик В. Я. Указ. соч. С. 107.
- ⁵¹ Известия ЦК КПСС. 1990. С. 214.
- ⁵² Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. М., 2000. С. 209.

«ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ СБЛИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ С ОСТАВЛЕНИЕМ ДЛЯ ЯПОНИИ ЗАДАЧИ НАПАДЕНИЯ НА СССР...»

1938 год

Установить происхождение доктрины — дело нелегкое, так как принципы и правила, составляющие ее сущность, никогда не сводятся в единое целое и весьма редко где-либо фиксируются. Поэтому изложение этих принципов и правил следует искать в самых разнообразных источниках, проявляя при этом исключительную тщательность и читая, когда это нужно, между строк.

Роджер Хилсман. Стратегическая разведка и политические решения¹

РАСШИРЕНИЕ АГРЕССИИ В КИТАЕ

К началу 1938 года ситуация на Дальнем Востоке обострилась. 12 ноября 1937 года японские войска захватили Шанхай и начали развигивать наступление на Нанкин. Как раз в это время (с 3 по 24 ноября 1937 года) проходила Брюссельская конференция. Она была созвана по инициативе Лиги Наций для обсуждения участниками Вашингтонского договора девяти держав и другими «заинтересованными государствами» вопроса о восстановлении мира на Дальнем Востоке. Всего в конференции приняло участие 18 государств, в том числе СССР. Япония отказалась послать на конференцию своих представителей. Китайская делегация предложила конференции принять решение о применении в соответствии с уставом Лиги Наций экономических санкций против Японии. Советский Союз энергично выступил в поддержку китайского предложения. Англия и США, задававшие тон на конференции, однако, не были намерены применять к Японии каких-либо принудительных мер, рассчитывая в основном сохранить свои экономические позиции в Китае.

В результате Брюссельская конференция ограничилась принятием ни к чему не обязывающей резолюции, которая констатировала факт нарушения Японией Вашингтонского договора девяти держав и выражала надежду на то, что в будущем окажется возможным найти способы для восстановления мира на Дальнем Востоке. После этого Брюссельская конференция прервала свою работу до «более благоприятных условий», но затем так и не собиралась.

Тем временем США и Великобритания, внешне высказывая сочувствие Китаю, снабжали Японию стратегическим сырьем и материалами. В 1937 году США продали Японии 35 млн баррелей нефти (1 баррель = 158,4 литра), более чем на 150 млн иен металлообрабатывающих станков. В 1938-м США поставили Японии стратегических материалов на сумму 168 млн долларов (90% от импортных потребностей японской экономики)². Около 20% английского экспорта в Японию составляли стратегические материалы³.

Попустительство агрессору привело к нанкинской трагедии. 12 декабря 1937 года, ворвавшись в город Нанкин, японские солдаты и офицеры устроили длившуюся пять дней и ночей резню, в результате которой погибло свыше 200 тысяч китайцев⁴.

Китайская общественность, в том числе и руководящие гоминьдановские круги, окончательно осознали, что Китай фактически лишился поддержки западных стран в борьбе с несравнимо более сильной в военном отношении Японией и единственным надежным союзником Китая может быть только СССР.

Уже 14 сентября была достигнута договоренность о поставках в Китай военных материалов за счет предоставляемого Советским Союзом долгосрочного кредита. По просьбе китайской делегации сроки доставки первой партии самолетов были сведены к минимуму: первые 225 самолетов были доставлены к ноябрю 1937 года. Тогда же начали прибывать в Китай советские летчики-добровольцы. Эта помощь значительно укрепила силу сопротивления китайских войск⁵.

«РАМЗАЙ» И ГЕРМАНСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КИТАЕ

Советская военная помощь не прошла мимо внимания Японии и ее союзницы Германии. Последняя приняла активное участие в посреднической миссии по достижению японо-китайского компромисса, к которой подключился посол Германии в Китае Траутман. Японские войска, заняв Нанкин и овладев плацдармами на северном берегу Янцзы, приостановили дальнейшее продвижение. Расчет был на капитуляцию Чан Кайши и посредничество Траутмана. 2 декабря 1937 года Траутман уже вел переговоры с Чан Кайши относительно своего плана урегулирования конфликта, согласованного с японцами.

Москва, ДИРЕКТОРУ

Острова, 27 января 1938 г.

Полковник Отт показал Рамзаю все свои записки относительно каждой беседы с Хоммой за период германских попыток посредничества в японо-китайской войне. Из этих записок Рамзай узнал, что опубликованные Хиротой четыре японские условия мира являются только обобщением одиннадцати требований. Первое из опубликованных ус-

ловий включало требование признания Манчжоу-Го Китаем, но также содержало уступку, потребованную Дирксом и Оттом, о том, что сотрудничество в антикоминтерновской политике не означает расторжение прежних соглашений с СССР. Прочие пункты содержали условия: автономия де-факто Северного Китая, без нарушения китайского суверенитета, и установление для Внутренней Монголии такой же автономии, какую в настоящее время имеет Внешняя Монголия.

(прод. след.)

№ 26. Фриц⁶

Перевел Сироткин

Зорге знал о переговорах от самого Отта, которого в конце 1937 года посетил полковник японского штаба сухопутных сил Макото Наги. Он высказал просьбу, чтобы Германия и лично Гитлер выступили посредником между Японией и Китаем. Отт сообщил об этом Дирксену, а также послал телеграмму в Берлин. Вскоре из Германии пришел ответ, в котором говорилось, что сам Гитлер не сможет играть активной роли в посредничестве между Японией и Китаем, однако Траутман может взять на себя роль некоего «передаточного звена».

Затем Берлин через Траутмана сообщил Чан Кайши о готовности японской стороны начать мирные переговоры, и вскоре от Траутмана пришло сообщение в германское посольство в Токио о том, что Чан Кайши принял обращение японского правительства.

Чан Кайши вел свою игру. Японские предложения, переданные Траутманом, были демонстративно отвергнуты. 3 декабря 1937 года Чан Кайши прислал свой личный самолет в Ханькоу за советским военным атташе комдивом М. И. Дратвиным. Когда тот зашел к нему в кабинет, Чан Кайши немедленно сообщил ему: «Вчера у меня был германский посол Траутман. Он привез проект плана, на основе которого японское правительство согласно положить конец конфликту. Я полностью отклонил его. Мы решили вести войну до победного конца. Прошу вас довести это до сведения советского правительства»⁷. Расчет был прост — побудить Сталина оказывать Китаю более активную военную помощь. Кроме этого, как раз в то время началась конференция в Брюсселе, и Чан Кайши надеялся на помощь западных держав в разрешении военного конфликта. Однако когда выяснилось, что эти надежды тщетны, 6 декабря, вскоре после окончания работы Брюссельской конференции, Чан Кайши проинформировал Траутмана, что он согласен продолжать переговоры с Японией.

Отт передал ответ Чан Кайши японскому штабу сухопутных сил. Ответ штаба гласил: Япония не будет выдвигать больших условий и ограничится всего лишь требованием о политическом переустройстве в Северном Китае и Шанхае. Когда этот ответ был передан Чан Кайши, тот заявил, что внешне он кажется вполне приемлемым, однако хотелось бы получить официальные, более веские гарантии.

В свою очередь министр иностранных дел Хирота также заверил, что японские требования не будут чрезмерно большими. Однако после захвата Нанкина требования Японии расширились — посол Дирксен жаловался Зорге на их чрезмерный рост.

В январе 1938 года Зорге передал в Москву полностью всю информацию о японских условиях мира, предъявленных правительству Чан Кайши.

Когда Зорге, с его слов, впервые услышал от Отта о мнении японского штаба сухопутных сил, он сразу сказал, что Чан Кайши не удастся легко склонить к принятию японских требований и что в дальнейшем этот вопрос будет приобретать все более серьезный характер. Отт, однако, придерживался противоположной точки зрения. События же развивались именно так, как предсказывал Зорге. 27 декабря Китай сообщил Траутману свое несогласие с японскими требованиями. При этом Чан Кайши заявил, что Берлин мог бы содействовать смягчению японских требований, в противном случае он встанет перед угрозой распространения советского и коммунистического влияния в Китае.

После этого авторитет Рихарда в глазах сотрудников германского посольства значительно вырос. Несомненную роль здесь сыграла информация, которую он получал относительно японских планов. Одзаки («Отто») информировал Зорге о планах японского кабинета, а Мияги («Джо») сообщил ему точку зрения японских военных на миссию Траутмана в Китае. Поэтому «Рамзай» был в курсе того, что тактика Чан Кайши вызвала раздражение в Токио. 16 января 1938 года премьер-министр Коноэ заявил, что японское правительство не будет больше иметь дело с Чан Кайши.

«Рамзаю» удалось прочитать доклад по вопросу германского посредничества, который в январе—феврале 1938 года был направлен посольством в Берлин. Содержание этого доклада он передал в Москву, а затем сфотографировал этот документ и переправил пленку в Центр.

В своих сообщениях Зорге, основываясь на сведениях из разных источников, сделал ряд весьма важных выводов:

1. Целью заключения мира с Чан Кайши для Японии является ее стремление сосредоточить свои силы на выступлении против СССР.
2. По выдвигаемым требованиям как с японской, так и с китайской стороны можно судить о силе сторон: Китай все еще слишком слаб и нуждается в срочной военной помощи.
3. В результате провала переговоров конфликт в Китае приобрел долговременный характер.

СССР БЕРЕТ КУРС НА ЗАТЯГИВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Несомненно, что донесения Зорге сыграли определенную роль при выработке политики СССР в отношении гоминьдановского правительства. Они давали представление о боевых возможностях

китайской армии, перспективах продолжения войны в Китае и соответственно необходимой военной помощи ему со стороны СССР.

Возможно, что сведения группы «Рамзай» наряду с другими легли в основу решений, принятых советским правительством, в частности относительно военной помощи Китаю. Во всяком случае, Гендин постоянно на полученную информацию накладывал резолюции с указанием включить в спецсообщение, которое рассылалось на самый верх. В результате Советский Союз заключил с Китаем в 1938 году два договора (1 марта и 1 июля), по которым Китаю были предоставлены кредиты на сумму 100 млн американских долларов для закупки в СССР военных и других материалов.

Характерно, что кредит к моменту подписания договора был уже исчерпан, что само по себе является беспрецедентным случаем в международной практике и свидетельствовало, насколько Москва была заинтересована в усилении китайской армии. Советское вооружение в срочном порядке начало поступать в Китай с сентября 1937 года. По мнению бывшего военного советника в Китае А. Я. Калыгина, «своевременная и эффективная помощь СССР предотвратила капитуляцию Чан Кайши под напором японских вооруженных сил и маневров западной дипломатии. 1 декабря 1937 года первые партии самолетов прибыли в Нанкин, и советские летчики вступили в боевые действия. Этот факт, как нам кажется, отрезал Чан Кайши путь к отступлению и пресек его попытки капитулировать»⁸.

Забегая вперед, скажем, что советская помощь сыграла решающую роль в оказании сопротивления японской агрессии в 1937—1942 годах. Несмотря на то, что к концу октября 1938 года японским войскам удалось оккупировать большую часть территории Китая с главными промышленными центрами и важнейшими железнодорожными магистралями (в октябре 1938 года пал Ухань — крупный промышленный центр и транспортный узел, и гоминьдановское правительство вынуждено было переехать в Чунцин), продвижение японских войск вглубь страны было остановлено.

С помощью советских военных советников китайская армия провела в 1939—1940 годах ряд активных операций (Чаншаская, Наньнинская, Шаочжоуская, Уюаньская). При этом со стороны Китая было задействовано 100—110 пехотных дивизий против 20 японских. За это время, по данным советских военных советников, японцы потеряли около 200 000 человек убитыми и ранеными⁹. В результате японский план молниеносной войны провалился, она приняла затяжной характер. Китайская армия не только не была разгромлена, но, наоборот, значительно окрепла, пополнилась вооружением и личным составом, были улучшены обучение, организация и руководство штабов. Это дало возможность китайскому правительству перебазировать многие предприятия с оккупированных территорий в глубинные районы и создать там новое промышленное производство.

Советское руководство, естественно, было заинтересовано в безопасности дальневосточных границ Советского Союза и понимало, что пока идет война в Китае, Японии достаточно сложно планировать крупномасштабное выступление в северном направлении.

Помощь СССР способствовала укреплению единого антияпонского фронта и одновременно объективно способствовала укреплению позиций КПК. На основе согласованной между Гоминьданом и КПК программы была проведена частичная реорганизация национального правительства, и в качестве совещательного органа при правительстве был создан Национально-политический совет, в который вошли представители КПК.

Это вызывало недовольство правых кругов Гоминьдана, которые боялись, что советская помощь приведет к укреплению позиций КПК. Вследствие этого взаимодействие СССР с правительством Чан Кайши носило сложный и противоречивый характер. Китайское правительство рассматривало Советский Союз как своего идеологического противника и постоянно колебалось в своих предпочтениях между СССР и западными державами, пытаясь получить выгоду как с той, так и с другой стороны.

«ПО СВЕДЕНИЯМ, ПОЛУЧЕННЫМ „ОТТО“...»

Прогноз Зорге о продолжении японо-китайского конфликта во многом опирался на информацию Одзаки («Отто»), который как эксперт по Китаю смог занять достаточно серьезное положение и тесно общался с людьми из ближайшего окружения принца Коноэ, ставшего в июне 1937 года премьер-министром Японии.

Одзаки был в курсе того, что в кабинете Коноэ имело место несовпадение взглядов. Одни выступали за прекращение войны в Китае и сосредоточение усилий на подготовке войны с СССР, другие полагали, что необходимо провести против китайской армии ряд решительных крупномасштабных операций, чтобы принудить Чан Кайши к капитуляции. Одзаки сразу сказал Зорге, что «китайский инцидент», как его называли в Японии, непременно перерастет в крупномасштабную войну и не ограничится пределами Китая и Японии.

Действительно, бои на севере Китая ширились и переросли в войну. Зорге и Одзаки старались видеться друг с другом чаще. Вначале это происходило в ресторанах. Но, по словам Зорге, «чем дальше, тем труднее становилось найти новое место для встречи. Я редко ходил в иностранные рестораны, но когда делал это, то только с Одзаки».

Бытует миф, что Зорге и Одзаки встречались почти ежедневно, беседуя в вестибюле отеля «Империял». В действительности же именно это место Зорге всячески избегал, поскольку бар и вестибюль «Империяла» всегда кишели полицейскими и шпиками.

Общение Одзаки с людьми из окружения принца Коноэ, в частности с принцем Сайондзи Кинкацу, стало более интенсивным. Коноэ хорошо знал Сайондзи и часто обращался за советом, поскольку в то время принц, хотя и не занимал какой-либо официальной должности, но был в курсе всего, что творилось в политическом мире. Сайондзи, по его словам, пытался «помочь Коноэ, поощряя различных людей к сотрудничеству с ним».

Другим источником информации для Одзаки был его школьный товарищ Ушиба. Он стал одним из личных секретарей Коноэ. Но более важным в тот период оказалось общение Одзаки с Кадзами Акирой, главой секретариата кабинета Коноэ. Одзаки познакомился с ним через организацию, известную как «Общество исследования Сёва». Она существовала на пожертвования, владела недвижимостью и имела свой управленческий персонал. Основали это общество в ноябре 1936 года друзья и поклонники принца Коноэ, который был тогда председателем палаты пэров. Главной целью общества была выработка рекомендаций по проблемам японской внутренней и внешней политики, с тем чтобы Коноэ мог опираться на пусть неофициальное, но квалифицированное мнение специалистов. С ними он мог бы консультироваться, когда придет время занять офис премьер-министра, что, как все были уверены, непременно должно было случиться.

Коноэ отказался стать премьер-министром после февральского мятежа 1936 года. Но это лишь усилило всеобщее желание видеть его в кресле премьера. Он был наиболее предпочтительной фигурой по многим причинам. Армия надеялась использовать его в своих целях, будучи уверенной, что он находится на ее стороне. Либералы считали его своего рода оплотом против фашизма. Остальные видели в нем представителя уважаемой ветви древнего дома Фудзивары и полагали, что он может выступить как незаинтересованная сторона, свободная от амбиций. Это резко контрастировало с военными, партийными политиками и чиновниками, занимавшими посты премьеров в предыдущие десять лет. Кроме того, он был еще относительно молод — в 1937 году ему исполнилось сорок шесть лет.

В общество «Сёва» входили лучшие умы Японии. Одни из них были яркими националистами, другие — умеренными реалистами, как немарксистами, так и марксистами. Большинство его членов можно было бы отнести к сторонникам либерального мировоззрения. В условиях Японии это подразумевало проведение политики, во многом сходной с политикой английских консерваторов.

Они уважали монархию и старались уделять внимание армии и флоту, испытывая при этом некоторое презрение ко многим, если не ко всем, партийным политикам. Но их пугало и возмущало давление на политиков со стороны вооруженных сил, особенно армии. Они понимали, что было бы тщетно и небезопасно противиться армии и ее требованиям.

Политическая роль военных в Японии возрастала. После начала «китайского инцидента» осенью 1937 года была создана ставка верховного главнокомандования, в результате чего командование японских вооруженных сил получило право принимать решения по военным вопросам без утверждения со стороны правительства. Поэтому благоразумие диктовало членам общества «Сёва» показную уступчивость в отношении дрейфа к тоталитаризму внутри страны и военной агрессии за рубежом. Лишь так можно было вернуть руководителей японской армии — пусть ненадолго, пусть иногда — на путь умеренности и здравого смысла. Такова была иллюзия, разделяемая, по-видимому, и самим Коноэ.

Коноэ и его друзьям более близки были взгляды умеренных военных, входивших в «Группу контроля» («Тосэйха») и связанную с так называемыми «старыми» основными концернами (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда). «Группа контроля», члены которой в большинстве своем занимали высокие посты в армии, ориентировалась на крупные финансовые круги и поддерживала тесные связи с придворной бюрократией. Эта группа, которую возглавляли генералы Тодзио и Мутто, противостояла «Группе императорского пути» («Кодоха») во главе с генералами Араки и Мадзаки, имевшей тесные связи с «новыми» концернами (Накадзима, Кавасаки, Мангё). В армии эта группа опиралась на «молодое офицерство», большую часть которого составляли выходцы из мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольные положением в стране, сложившимся в результате кризиса 1928—1933 годов. Они ставили своей целью установление путем переворота «государственного социализма с императором в центре» и завоевание соседних стран Азии. «Старые» концерны были недовольны антимонополистической риторикой «молодых» офицеров и тем более их террористическими актами против своих представителей, например, убийство в феврале 1932 года председателя совета директоров концерна Мицуи барона Дана. Поддерживая «Группу контроля», они выступали за более приемлемые для себя методы проведения реформ «под контролем штабных офицеров центральных управлений армии».

«Группа контроля» была названа так именно потому, что ее лидеры намеревались положить конец заговорщической деятельности организации «молодого» офицерства и установить над нею строгий контроль. Поддержка «старых» концернов в конечном итоге преопределила победу «Группы контроля». Ослабление позиций «Группы императорского пути» толкнула ее на попытку военного переворота 26 февраля 1936 года. Мятеж был подавлен, основные его участники (19 человек) казнены. После разгрома путча была проведена чистка армии от сторонников «Группы императорского пути», и она была оттеснена с первых позиций в военном министерстве и армии.

Кадами Акира был ведущей фигурой в группе по изучению Китая в обществе «Сёва», в которое Одзаки вступил весной

1937 года. Кадзами был старше Одзаки, но, несмотря на разницу в возрасте, они испытывали взаимную симпатию.

По словам Одзаки, Кадзами обладал замечательным политическим инстинктом. Свои взгляды он выражал не прямо, а окольным путем, и поэтому необходимо было понимать стиль его мышления и чувствовать его, чтобы знать, что он действительно думает. «И я развил в себе способность судить об общем направлении его мыслей по лаконичным высказываниям или же по тому, что он оставлял недосказанным, о чем умалчивал. Именно благодаря моему ежедневному контакту с Кадзами я мог представить себе, о чем он думает».

Зорге часто спрашивал Одзаки, каково мнение Кадзами по основным вопросам, и тот обычно тут же давал ответ.

В отношении политического аспекта «китайского инцидента» Одзаки едва ли мог найти лучший источник информации. А поскольку он был вхож в круг друзей Коноэ, к нему фактически относились как к своему.

Кадзами стал начальником секретариата Коноэ и летом 1938 года пригласил Одзаки стать временным консультантом кабинета премьер-министра, не получая за это регулярной платы. Но, как пишет сам Одзаки, настоящей его работой было «помогать Кадзами — и более ничего определенного».

В обязанности Одзаки входило давать конкретные советы по конкретным вопросам, одновременно получая точную и ценную информацию, которую передавал Зорге. У него также был свободный доступ к документам в офисе Кадзами и других секретариатах.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Советская военная помощь Китаю привела к обострению советско-японских отношений. В январе 1938 года Зорге сообщил, что японский генеральный штаб приведен в сильное замешательство перспективами продолжения войны, которая не оказалась «легкой прогулкой». Война начала ослаблять Японию, и, по заключению аппарата германского военного атташе, страна уже не имела сил для того, чтобы выступить в 1938 года против СССР¹⁰.

Представитель японского генштаба сообщил полковнику Отту, что японские военные усиленными темпами подготавливали войну против СССР, считая, что оттяжка времени может работать в его пользу. В то же время существовали объективные причины, замедлявшие эту подготовку. К их числу, по мнению японских военных, относились: необходимость содержать большую оккупационную армию в Китае в течение длительного времени; необходимость основательно пополнить японскую армию после войны в Китае; наличие финансовых трудностей; неготовность к выступлению Германии¹¹. По мнению японского

генштаба, два года являлись максимальным, а один год — минимальным сроком для того, чтобы Япония могла начать войну против СССР. Отт записал это заявление, а затем показал его «Рамзаю».

Влияние СССР в Китае в то время было значительно сильнее влияния других держав. Чан Кайши, выступая 12 июня 1938 года перед работниками политуправления китайской армии, заявил: «Япония является общим врагом Китая и СССР. Если кто-либо намеревается препятствовать дружбе между Китаем и СССР, то это будет только на пользу японским интригам. На сегодня ни одна страна, кроме СССР, не может помочь Китаю. Даже США могут помочь нам только серебром. В теперешний момент Китай и СССР находятся на одном и том же жизненном пути, и в этот критический момент они должны вместе жить или вместе умереть»¹².

В то же время Гоминьдановское руководство в 1937—1938 годах не прекращало тайных переговоров с Японией, возлагая при этом надежды на обострение отношений между Советским Союзом и Японией, на советско-японский конфликт. Главной целью этих переговоров было заключение сепаратного мира.

Правительство Японии во главе с Коноэ также проводило политику, направленную на сближение с правым крылом Гоминьдана на почве антикоммунизма.

Переговорам активную поддержку помимо Германии оказывали и Великобритания и США. Они были крайне заинтересованы в скорейшем окончании войны в Китае. Как полагали влиятельные круги этих стран, война ослабляла Японию, сковывала ее силы на китайском театре военных действий и затрудняла подготовку к войне против СССР. Они также видели угрозу в укреплении позиций Советского Союза и, следовательно, коммунистов в Китае благодаря советской военной помощи этой стране.

Вследствие этого, в частности, Великобритания, как следует из донесений Зорге, с началом 1938 года взяла резко антисоветский курс. «Рамзай» в одном из своих донесений сообщал о высказываниях бельгийского посланника во время прощального визита к нему Дирксена (тот уезжал послом в Великобританию). Дирксену (очевидно, со слов английского посла) было заявлено, что Англия после «чистки» (т. е. процессов 1937 года) рассматривает СССР в качестве «первейшего врага».

Английский посол высказался против СССР, обвиняя его в усилении влияния на Китай и в попытках вызвать продолжение войны. Поэтому английское правительство взяло курс на скорейшее прекращение войны в Китае, чтобы высвободить Японию и позволить ей полностью сосредоточиться на подготовке к войне с СССР.

Посол, выражая, по-видимому, мнение влиятельных английских кругов, считал, что «лучший способ будущего германского посредничества в японо-китайском конфликте — это совместные действия с Великобританией, которая использует свое влияние на Китай, в то время как

Германия должна использовать свое влияние на Японию, с тем чтобы они пришли к соглашению». В качестве стратегической цели, по сообщению Зорге, ставилось «сближение Германии с Англией и Францией с оставлением для Японии задачи нападения на СССР...»¹³

Весьма характерно, что заявление английского посла было сделано накануне ухода 22 февраля 1938 года в отставку с поста министра иностранных дел А. Идена, которого в Китае считали «своим человеком». При нем Китай надеялся на предоставление Англией займа на поставки самолетов-истребителей «гладиатор». Английские власти в Гонконге не чинили препятствий провозу в Китай закупленного за границей, в том числе в СССР, вооружения. С уходом Идена ситуация изменилась. Из 36 самолетов поступило только девять. Особое недовольство китайских правящих кругов вызвало японо-английское соглашение о передаче Японии доходов от морских таможен Китая, которые Англия собирала до этого в течение восьмидесяти лет.

Газета «Ухань жибао» 5 мая 1938 года поместила по этому поводу очень резкую статью. МИД Китая направил английскому правительству меморандум, в котором указывалось, что Китай совершенно не связан соглашением и оставляет за собой свободу действий. Впрочем, «свобода действий» была весьма относительна, так как на деле Китай во многом зависел от Великобритании и никак не мог влиять на таможенный режим.

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА — БЛАГОВЕЩЕНСК

В феврале 1938 года Зорге узнал от Отта, что японцы серьезно изучают вопрос о затоплении фронта против Благовещенска в случае наступления со стороны СССР, когда Япония не будет иметь достаточного войска для обороны. Командующий Квантунской армией генерал Уэда беседовал на эту тему с бельгийским офицером (очевидно, в связи с опытом бельгийцев в строительстве каналов и дамб).

Зорге сообщил, что в свою очередь японский генштаб разработал план нападения на СССР. Он предполагал, что на западном участке границы (Благовещенск, Маньчжурия) японская армия будет занимать оборону, а на восточном (Владивосток, Благовещенск) — вести активные действия. Однако главный удар предполагалось нанести в направлении на Благовещенск с целью перерезать Транссибирскую магистраль. Затем часть японской армии выделялась для прикрытия от ударов забайкальской группировки советских войск. Главные японские силы наносили удар в обход на восток в направлении Хабаровска, с задачей отрезать все Приморье¹⁴.

В марте Рамзай сообщил о планах усиления Квантунской армии и дислокации японских войск в Маньчжурии. А в июле 1938 года от него поступила информация, которую Одзаки узнал из близких

к Коноэ источников, что Япония намерена подготовить в Маньчжурии на случай войны с СССР 27 дивизий¹⁵.

Одзаки в декабре 1937—марте 1938 года совершил поездку по Среднему и Южному Китаю в качестве корреспондента газеты «Тотёся», посетив Шанхай и Гонконг. В результате поездки он сообщил Зорге, что американские, английские и немецкие деловые круги в Шанхае недовольны развитием событий, хотят, чтобы инциденту был положен конец, и высказываются за достижение договоренности Японии с Чан Кайши. Китайские деловые люди также не доверяют японцам, среди китайцев сильны антияпонские настроения и усиливаются тенденции в пользу единых действий. Весьма важным было также сообщение Одзаки, что Гонконг является главной перевалочной базой по оказанию помощи Китаю, поэтому японское руководство планирует в перспективе захват Кантона, чтобы отрезать Гонконг от материкового Китая.

Тем временем английское правительство продолжало оказывать давление на Японию, чтобы она ограничила боевые действия Северным Китаем и прекратила продвижение вниз по реке Хуанхэ. Впрочем, как сообщал Зорге, это не мешало британскому командованию разрабатывать одновременно планы по отражению нападения японских войск на Гонконг.

В начале марта 1938 года появились первые признаки того, что Япония соглашается с английскими требованиями. Японское правительство пришло к выводу, что продолжение наступления в Китае очень расточительно. Было решено вернуться к прежнему «плану Исихара». Этот план предлагал ограничить военные действия Северным Китаем, который в дальнейшем вместе с Маньчжурией должен был, как информировал «Рамзай», «составить базу для войны против СССР». Однако эта новая концентрация против СССР, — добавлял он, — без сомнения, потребует длительного времени — не менее одного-двух лет». Одновременно японское правительство намеревалось удерживать Центральный Китай как «объект торга с англичанами и китайцами», а чтобы ускорить урегулирование в Китае, попыталось договориться с Чан Кайши через итальянское правительство.

В апреле 1938 года Одзаки сообщил Зорге о планах японских военных относительно создания в Центральном Китае марионеточного правительства Вэй Синя. Командование японской северной армии в Китае выступило против этого, однако центральная армия горячо поддержала план и направила специального посланника самолетом в Токио. По информации Мияги, это вызвало разногласия между штабом главного командования и штабом генерала Мацуи в Северном Китае. Следствием этого явилась отставка Мацуи. Затем военный министр Сугияма Хадзимэ совершил секретную поездку в Северный Китай. Целью ее было изучение вопроса об объединении японских войск в Китае и Маньчжурии под общим командованием Квантунской армии после окончания основных военных действий в Китае.

СТАТЬЯ ДЛЯ ПРОФЕССОРА ГАУСГОФЕРА

В апреле 1938 года Зорге написал статью «Гонконг и Юго-Западный Китай в японо-китайском конфликте. (Впечатления от одного путешествия)», которая затем была опубликована в двух номерах журнала «Цайтшрифт фюр геополитик» за 1938 год (№№ 7 и 8)¹⁶. Анализ этой статьи показателен в плане изучения возможностей «Рамзая» использовать прессу для оказания влияния на политические события.

В первую очередь Зорге предстает как независимый наблюдатель, который не принимает чью-либо сторону. Японцам от него достается за то, что они учредили «власть сомнительных „временных или иных правительств“», выдвигают притязания на ведущую роль в Дальневосточном регионе и проводят политику экспансии в Китае. При этом используют как методы военных захватов, так и специальные операции «внутренних государственных переворотов». Позиция Японии вынуждает защищать свои интересы не только Китай, но также Англию и другие западные державы. У читателя не вызывает сомнений, что Япония ведет в Китае агрессивную войну, хотя, как указывает автор, японские самолеты не бомбят поезда, «когда могут разобрать, что они пассажирские».

Англичанам от Зорге достается за то, что с их помощью из Гонконга в свое время Китаю «был навязан опиум, потом военная и политическая воля западных держав».

Однако после начала японской агрессии Англия превратилась из врага в союзника Китая. Автор подчеркивает весьма однозначное *политическое* отношение гонконгских англичан и Британской империи к разразившемуся японо-китайскому конфликту. «Без ясного политического решения Англии в пользу центрального правительства Китая или вообще в пользу китайской стороны в этом конфликте Гонконг, несмотря на свое благоприятное географическое положение, никогда не приобрел бы своего нынешнего значения».

Вся статья пронизана ощущением тревоги англичан относительно возможности японского нападения на Гонконг. Автор статьи отмечает, что «неожиданное расширение японо-китайского конфликта, активная поддержка Китая Гонконгом, усиливающиеся антибританские настроения в Японии и в особенности передвижения японского военного флота возбудили сильное опасение, что Япония нападет на Гонконг». Однако, по мнению английских военных, японское правительство отдает себе отчет, что означает война с Британской империей. В результате решительной кампании протеста, особенно со стороны английских телеграфных агентств и газет, японцы были вынуждены отказаться от бомбардировок беззащитного Кантона, «ограничившись намного более безобидными целями для воздушных налетов». Одновременно «Рамзай» сообщает, что цели, которые японская авиация выбирает для налетов, явно бес-

смысленны и не дают желаемого эффекта — прекращения военного снабжения Кантона через Гонконг.

В статье подчеркивается растущая решимость британских властей оборонять Гонконг, в частности, в связи с возрождением атмосферы «англосакской солидарности» между Великобританией и США. В то же время Зорге не без сарказма описывает явно слабую оборону Гонконга.

Высадка японских войск с целью захвата Кантона неминуема, если японское правительство хочет воспретить военные поставки правительству Чан Кайши через Гонконг. При этом автор отмечает, что военные поставки из других стран, в частности СССР, гораздо менее значительны по сравнению с грузами, которые проходят через Гонконг. «Несомненно, что самолеты, танки, автомобили, материалы для строительства шоссейных и железных дорог находят свой путь в Китай и через Индокитай. Наверняка и Советы каждый месяц поставляют некоторые важные виды вооружения по железной дороге из Сибири в Центральный Китай. Объем этих поставок трудно определить; во всяком случае сегодня они еще не играют столь большой роли, как поставки из Гонконга, организуемые кратчайшим путем из наилучшего и наиудобнейшего перевалочного пункта».

Автор указывает, что на южнокитайском побережье нет другого портового города, который мог бы взять на себя выполнение этой задачи. Что касается строящихся дорог через Индокитай и Бирму, то они, вероятно, никогда не окажутся в состоянии взять на себя роль Кантона в снабжении Китая после того, как Северный Китай и район Шанхая попали в руки японцев.

Зорге делает вывод: *«Колония британской короны является сегодня важнейшим заграничным опорным пунктом китайского центрального правительства в его борьбе против Японии. Это утверждение остается справедливым даже при учете возрастающего значения Французского Индокита и северных связей центрального правительства с Советской Россией».*

Статья констатирует коренное противоречие интересов Японии, с одной стороны, и Великобритании и Франции — с другой. «Сегодня Франция, а в особенности Англия больше чем когда-либо заинтересованы в сохранении Центрального и Южного Китая, не входящего в сферу японского господства, и ищут здесь достаточную замену Северному Китаю, который считается потерянным, и району Шанхая, международное значение которого уменьшилось. И для немецких торговых интересов, которым в Шанхае нанесен ущерб, здесь, на юге, открывается широкое поле деятельности».

Далее дается точная и весьма нелицеприятная характеристика истинных целей политики британского правительства на Дальнем Востоке. Экономические, политические и военные интересы Англии в Китае, а также в южной части Тихого океана требуют огра-

ничить японскую экспансию областями севернее Хуанхэ. «Так как Англия (ни сегодня, ни в ближайшем будущем) не в состоянии с помощью собственных средств ограничить японскую экспансию названной территорией и так как сил одного Китая для этого же недостаточно, Англия оказывает Китаю через свою королевскую колонию Гонконг совершенно легальную транспортно-техническую, экономическую и политическую помощь для усиления сопротивления китайского центрального правительства».

Великобритания, поддерживая сопротивление Китая, стремится в такой мере ослабить Японию, чтобы она была вынуждена после ликвидации конфликта признать те границы своей экспансии, которые желательны Англии, как, впрочем, и некоторым другим государствам. При этом Англия очень ясно дает понять, что она при определенных обстоятельствах охотно сохранила бы благожелательный нейтралитет по отношению к любой японской экспансии севернее Хуанхэ и что она не считает противоречащими вышеизложенной точке зрения определенные уступки Японии в районе Шанхая.

Помощь Великобритании центральному правительству угрожает военным столкновением с Японией. Англичане всеми средствами стремятся избежать этой опасности, проявляя готовность даже запретить торговлю и транспортировку военного снаряжения через Гонконг, чтобы не подвергать себя опасности быть втянутыми в войну. При этом они вполне ясно сознают, что такое решение очень тяжело отразилось бы на экономике Гонконга.

Одновременно Великобритания наращивает свою военную готовность на Дальнем Востоке, ускоренно и «с удивительной энергией» проводя работы по дальнейшему укреплению Гонконга и Сингапура.

В заключение автор делает ряд весьма важных выводов. Как он полагает, требование решительных действий против Гонконга, то есть против Англии, выдвигавшееся в Японии различными кругами, окончательно снято. «Япония считает, что не может позволить себе враждебных отношений с Советским Союзом и Англией одновременно с ведением боевых действий в Северном и Центральном Китае». Что касается вероятности проведения японцами крупных военных операций на юге Китая, то они неизбежны, если японское правительство хочет решительно сломить сопротивление Чан Кай-ши. «Если бои в Северном и Центральном Китае не приведут к конечному успеху, возникнет необходимость (с военной точки зрения — явная) применения последней меры — операции против Юга». При этом усиление влияния радикально-национальных групп в японском правительстве могло бы привести к более резким военным мерам, и «необходимость выступления против Юга была бы признана созревшей скорее, чем при нынешнем руководстве».

Анализ этой статьи Зорге дает основание сделать следующие выводы:

1. Автор, с одной стороны, создает впечатление, что он занимает беспристрастную и нейтральную позицию. В статье в негативном свете представлены Япония и Великобритания. С другой стороны, характерно почти полное молчание о Германии и ее интересах на Дальнем Востоке. Так же вскользь упоминается СССР.

2. В статье подчеркивается исключительная роль Гонконга в деле обеспечения военных поставок центральному китайскому правительству и соответственно усиления его способности к сопротивлению японской агрессии. Одновременно достаточно тонко и естественно проводится мысль о том, что военная помощь со стороны СССР не является столь значительной.

3. Политика Великобритании показана с двух сторон: со стороны ее интересов ограничения экспансии Японии Северным Китаем и со стороны англо-французских интересов в Центральном и Южном Китае. В этой связи совершенно логичен вывод автора о заинтересованности Великобритании в продолжении войны в Китае с целью ослабления Японии и навязывания ей выгодных английскому правительству условий послевоенного урегулирования.

4. Статья однозначно оставляет впечатление об угрозе японо-английского конфликта из-за столкновения интересов двух стран в Китае. Гонконг в этой связи, по мнению автора, может явиться только предлогом для начала «выяснения отношений». При этом автором показывается, с одной стороны, достаточная слабость обороны Гонконга и вообще военных возможностей Великобритании на Дальнем Востоке, с другой — подчеркивается, что Япония должна отдавать себе отчет относительно всех трудностей военного противостояния с Великобританией, поддерживаемой США.

5. Заключительный вывод автора категоричен: Япония не может позволить себе втянуться в военный конфликт с Советским Союзом и Великобританией, пока идет война в Китае. В то же время следует ожидать решительного продолжения войны в Китае, включая и военные операции на юге страны.

Общая модель отношений, которую выстраивает Зорге в своей статье, логична и изящна. Он сводит вместе Великобританию и СССР и наглядно показывает, что реально задевают интересы Японии в Китае только Англия и Франция. Поэтому дальнейшая экспансия Японии должна идти в южном, а не в северном направлении. Следовательно, Гонконг может быть очередной и достаточно легкой добычей для японской армии на этом пути. Вывод автора о том, что воевать одновременно с Советским Союзом и Англией Япония не в состоянии, пока идет война в Китае, не отменяет, однако, возможности для Японии начать войну только с Великобританией, поскольку это, как следует из контекста, явилось бы естественным развитием событий в русле японо-китайской войны.

Как нам представляется, анализ статей, опубликованных в журнале «Цайтшрифт фюр геополитик», наглядно показывает не только талант Зорге как журналиста и исследователя, но и тесную связь Зорге-журналиста и Зорге-разведчика. «Рамзай» предстает не только как простой информатор, но и как весьма активный «агент влияния».

С большой долей вероятности можно предположить, что статьи Зорге весьма серьезно воспринимались в правительственных и общественных кругах Германии. Аукнувшись в Берлине, они возвращались эхом в Токио.

По всей видимости, не была исключением и статья Зорге о Гонконге. Несомненно, что она внесла свою лепту в формирование в германском и японском истеблишменте своеобразного понимания национальных интересов государств «оси», как противостоящих не только СССР, но и Великобритании.

Аналитический стиль доктора Зорге импонировал многим. Но на этом пути разведчика подстерегали порой и весьма неприятные неожиданности.

ИЗ КНИГИ М. В. КОЛЕСНИКОВОЙ, М. С. КОЛЕСНИКОВА «ЖИЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ РИХАРДА ЗОРГЕ»

Дирксен взял с этажерки пачку газет, потряс ими в воздухе:

— В Токио я по-прежнему остаюсь вашим самым добросовестным читателем. Штудирую каждую статью. Казалось бы, мы с вами делаем одно дело: хотим улучшить отношения между Германией и Японией. Во всяком случае, этого от нас требуют. Но как сказал еще Теренций, когда двое делают одно и то же, получается не одно и то же. Вот здесь подчеркнуто красным карандашом все, что навело меня на весьма своеобразные размышления. Послушайте-ка, что пишет нацистский журналист доктор Зорге в газете «Франкфуртер цайтунг», которую читают во всем мире:

«Численность Красной Армии по сравнению с последними годами возросла. Несомненно, что сегодня второй сосед Японии на континенте стал серьезным фактором силы. Былого несравненно благоприятного положения Японии в Восточной Азии, выражавшегося в отсутствии равных противников, более не существует!» Недавно принц Коноэ спросил меня:

«Ваш корреспондент Зорге хочет запугать нас мощью России? Он пишет, будто мы увязнем в Китае и не способны сейчас на войну „с более серьезным военным противником, нежели Китай“. То есть с Россией. Не следует ли его высказывания принимать за точку зрения определенных германских кругов? Почему он называет нас „чужеземными захватчиками“? Вы играете с огнем, доктор Зорге!

— Я стараюсь быть объективным.

Дирксен пытливо посмотрел на него:

— Разумеется. Но я на вашем месте на всякий случай избегал бы вот таких оборотов: «фронт единства», «упрочение мира», «гонка вооружений», «антибольшевистский пакт». Никто из западных журналистов, кроме вас, не употребляет подобных оборотов, заимствованных из «Правды», не называет «антикоминтерновский пакт» антибольшевистским. Вы спросите, в чем разница? Отвечу: в строе самого мышления журналиста. Когда говорят «антикоминтерновский», то имеется в виду, что пакт направлен против мирового коммунизма, а не против правящей партии в России — большевиков. Называя пакт «антибольшевистским», вы играете на руку большевикам, разоблачаете подлинную сущность пакта, как бы указываете, что он направлен не против коммунистов вообще, а конкретно против Советского Союза. Вы проговариваетесь, доктор Зорге. Кое-кому это может показаться преднамеренным...

Рихард слушал его с тревожным изумлением. Дирксен в самом деле был тонким психологом: поймал разведчика на слове. Ты заблагодумствовал, Рихард, делаешь промах за промахом. Даже Веннекер уличил тебя в пристрастии к марксистскому методу...

— Вы правы, — сказал он послу негромко, — я внимательно слежу за советской прессой и стараюсь перенять у московских газетчиков политическую твердость стиля. Ну а что касается мощи Советского Союза, то Блюхер продемонстрировал ее в свое время, в считанные дни разбив китайцев и принудив их к капитуляции. Японцы не могут справиться с китайцами вот уже несколько месяцев и, как я начинаю думать, не справятся никогда. Так что мои слова о мощи Красной Армии — лишь предупреждение хвастливым японским генералам. Да кое-кому и на Западе следовало бы прислушаться к моему голосу.

Дирксен рассмеялся;

— Вы чересчур откровенны, доктор Зорге. Если говорить прямо, многие западные политики лишены вашей трезвости и неправильно оценивают возможности большевистской России. Трезвее всех ваш покровитель генерал Гаусгофер: он побаивается Советского Союза. Будем считать, что вы его верный последователь, только и всего... И все же совету: не называйте японцев «чужеземными захватчиками».

Зачем Дирксену потребовался весь этот скользкий разговор? Неужели знает больше, чем говорит? Не встречались ли они в немецком клубе в Москве?..

Очень смутно было на душе у Рихарда. Дирксен пугал его своей проницательностью¹⁷.

НОВАЯ РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ЯПОНИИ

Тем временем в германском посольстве в Токио произошли значительные перемены. Посол Дирксен уехал на должность посла в Лондон. Возник вопрос о назначении нового посла в Токио. У гер-

манского руководства возникла мысль о назначении на эту должность Эйгена Отта, который к тому времени уже был генерал-майором. По ходатайству Кейтеля Гитлер принял решение об использовании Отта на дипломатической службе и назначении его в апреле 1938 года чрезвычайным и полномочным послом германского рейха в Японии. Как сообщил Зорге в Москву, это событие в сочетании с назначением Дирксена послом в Лондон вызвало удовлетворение иностранных дипломатических кругов, поскольку, по их мнению, означало усиление подготовки войны против СССР. «Рамзай» также сообщил, что премьер Коноэ склонен к сближению с Великобританией на «общей почве враждебности к СССР». Японским правительством была поставлена задача — превзойти численность Красной Армии «хотя бы в отношении бойцов, имеющих боевой опыт».

Чрезвычайно важное значение имела информация Зорге о расстановке политических сил в японском правительстве, что позволяло прогнозировать его действия. Вот классический пример такого политического анализа, проведенного группой «Рамзай» в апреле—мае 1938 года:

«Основные взгляды политических групп в Японии относительно войны в Китае:

- финансовые круги полностью удовлетворены оккупацией и развитием Северного Китая и против какого-либо расширения действий;

- Квантунская армия — полное сосредоточение внимания на подготовке войны против СССР и за строгое ограничение военных действий в Китае только Северным Китаем и Маньчжурией;

- „Центристы“ (Умэдзу, Сугияма) за окончание войны в Китае минимальными силами и ускорение подготовки войны против СССР — недооценка китайских сил и их сопротивления;

- Коноэ, флот и некоторые другие элементы видят тупик и потребовали коротких и решительных действий против Китая, который должен рассматриваться как первоочередной противник, а сибирский фронт как второстепенный.

Центристы вынуждены соглашаться с требованиями более решительных действий против Китая и перебрасывают войска из Маньчжоу-Го на Лунхайский фронт, надеясь сломить сопротивление китайцев.

Вопрос заключается в том, что предпримет после падения Сучжоу сильная оппозиция Квантунской армии против перенесения основного фронта из Маньчжоу-Го и Сибири в Китай».

По информации Зорге, основная борьба развернулась между группой Коноэ и сторонниками Сугияма—Умэдзу. Группа Коноэ требовала более решительных действий, чтобы скорее закончить войну, и имела больше шансов на победу во внутривнутриполитической борьбе. «Это приведет к изменениям в иностранной политике Японии», — прогнозировал «Рамзай».

Действительно, в мае 1938 года последовала отставка министра иностранных дел Хироты и назначение на этот пост Угаки. Одзаки

сообщил Зорге о причинах этой отставки. Хирота вел себя слишком пассивно в «китайском инциденте». С другой стороны, выдвижение Угаки было вызвано стремлением добиться соглашения с США и Англией в деле японо-китайского урегулирования.

Весьма важным было сообщение Одзаки о беседе Угаки с Крейги, послом Великобритании в Токио. Хотя содержание беседы осталось неизвестным, однако, по мнению «Отто», перспективы были таковы, что переговоры потерпят крах. Это объяснялось тем, что часть кабинета министров выступала против намерений Угаки. Общественное мнение внутри страны также выступало против соглашения с Англией.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 6 мая 1938 г.

Переговоры Отта с японским генштабом и Хирота в последние недели касались главным образом вопросов снабжения Китая германскими военными материалами и деятельности германских советников в Китае. Японцы решительно настаивают на официальном отзыве германских советников и прекращения снабжения Китая военными материалами, которые до настоящего времени постоянно прибывают через Гонконг в Китай.

Отт дал согласие на то, чтобы настаивать в Берлине о принятии ясного решения в пользу японцев. Вопрос о возможном расширении сферы японо-германского сотрудничества не затрагивался, так как эти проблемы, как и во время первого антикоминтерновского соглашения, обсуждаются исключительно между Риббентропом и Осимой в Берлине.

Отт получил распоряжение встретиться в Гонконге с германским послом Траутманом для обмена мнениями относительно китайского конфликта. Отт полагает, что он вызывается в Берлин в связи с настойчивым нажимом Осимы относительно заключения политического и военного союза. Однако Отт не знает, как далеко пойдет в этом направлении Германия, учитывая возрастающие трудности для японцев в Китае, которые (трудности) могут привести к ослаблению Японии.

№№ — 87, 88 Рамзай.

Расш. Малинников.

Перев. майор Сироткин.

Резолюция НУ: «НО-2. Спецсообщение. Гендин. 10/V»¹⁸.

В связи с тем, что кабинет Коноэ взял курс на энергичное продолжение войны в Китае, японское правительство начало решительно настаивать на официальном отзыве германских советников и прекращении снабжения Китая военными материалами. Отт обещал японцам убедить Берлин в необходимости пойти им навстречу. Пе-

ред этим у него состоялась беседа с Зорге, из которой следовало, что советников нужно отзывать, и чем быстрее, тем лучше: «Получается, что мы сотрудничаем с русскими в японо-китайском конфликте. Нашим военным советникам придется разделить ответственность в случае поражения китайской армии...»

Отта вызвали в Берлин в связи, как он полагал, с настойчивым нажимом японского посла в Берлине Осимы относительно заключения политического и военного союза между Германией и Японией. В то же время, по словам Отта, руководство рейха не было уверено, стоит ли заключать германо-японский союз, учитывая возросшие трудности для японской армии в Китае.

«ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОЙ ИСТОРИИ?..»

Тем временем с Зорге произошло событие, едва не стоившее ему жизни, а группе «Рамзай» — провала. После назначения Отта послом Зорге собирался нанести краткий визит в Гонконг, поскольку у него скопилось много секретного материала, который он должен был передать там связному из Разведуправления. Отт попросил Зорге выступить в роли курьера посольства, и Зорге, по его собственным словам, «был своего рода „двойным курьером“, сначала в Манилу, а потом в Гонконг, везя документы „для обеих сторон“».

Свое возвращение в Японию 12 мая он отпраздновал в привычном стиле — в ресторане «Рейнгольд» с князем Урахом. 13 мая в два часа ночи, когда бар, наконец, закрылся, Зорге уселся на мотоцикл, купленный им у Макса Клаузена. Машина доставляла ему массу удовольствия и некоторое беспокойство его друзьям, поскольку Зорге гонял на ней с огромной скоростью по узким улицам города.

В кармане Рихарда лежали листки донесения, которое нужно было еще зашифровать, а времени оставалось в обрез. Зорге вихрем понесся по опустевшим улицам Токио. У Тораномон, за зданием офиса ЮМЖД, он свернул влево с широкого проезда и, поддав газу, помчался вверх по улице вдоль стены, окружавшей американское посольство. Вдруг из переулка выскочила легковая машина. Тормозить было поздно. Рихард потерял контроль над мотоциклом и врезался головой в стену.

С тяжелыми ранениями, истекающего кровью от ран на лице, его доставили в больницу Святого Луки на машине, ставшей причиной аварии. Зорге отлично знал японские порядки: к пострадавшему немедленно является полицейский сотрудник, составляет протокол, осматривает и переписывает вещи, требует документы. Поэтому, напрягая всю свою волю, чтобы не потерять сознание, Зорге сумел назвать полиции адрес Ураха. Полиция позвонила в «Империял-отель», и Урах тут же приехал на место происшествия. Когда он прибыл, Зорге едва мог говорить, но все же сумел прошептать:

«Скажи Клаузену, чтобы он немедленно приехал». Клаузен поспешил в госпиталь Святого Луки, куда доставили пострадавшего Зорге. Что было дальше, лучше всего описывает сам Клаузен:

«Сильно побитый, но не потерявший самообладания, он протянул мне отчеты на английском и американскую валюту, находившиеся в его кармане, которые нельзя было показывать посторонним, и, только освободившись от них, потерял сознание. Из госпиталя я прямиком отправился к нему домой, чтобы забрать все его бумаги, имевшие отношение к нашей разведывательной деятельности, прихватив и его дневник. Чуть позже сюда прибыл Вайзе (шеф германского телеграфного агентства ДНБ в Токио)... опечатать всю собственность Зорге, чтобы никто не мог ничего тронуть. Я вздрогнул, подумав, что вся наша секретная работа выплыла бы наружу, приди Вайзе раньше меня».

Врач констатировал у Рихарда тяжелые повреждения головы, вывих плеча, трещину в челюсти. У него оказались выбиты почти все передние зубы. Лицо не было изуродовано, однако несло на себе следы аварии, что весьма заметно на фотографии, сделанной в марте 1938 года. По словам одного очевидца, «шрамы на лице Зорге делали его похожим на японскую театральную маску, придавая его лицу почти демоническое выражение».

Сообщение об аварии в Москве было воспринято достаточно спокойно. Начальник Разведуправления Гендин написал на полях донесения: «НО-2. Что вы думаете об этой истории? Прошу переговорить».

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЛЮШКОВА

Когда Зорге только-только оправился от несчастного случая, произошло событие, имевшее очень серьезные последствия. 13 июня 1938 года в 5.30 утра уполномоченный НКВД по Дальнему Востоку комиссар госбезопасности третьего ранга (что соответствует званию генерала) Генрих Люшков перешел маньчжурскую границу и попросил убежища в Японии.

Люшков был из числа высших офицеров НКВД. Поэтому его сразу же отправили в Японию и принялись допрашивать. Прежде всего он рассказал о причинах своего бегства. По его довольно путаным объяснениям, он не чувствовал себя больше в безопасности в Хабаровске, где молодые офицеры Блюхера вознамерились с ним «расправиться». В то же время, как он заявил, его предательство было вызвано разворачивающимися по всей стране чистками оппозиционных групп, проводившимися Сталиным, которые затронули и ряды самого НКВД. «Я почувствовал нависшую опасность. Это было непосредственной причиной моего побега. Я получил телеграмму из Москвы, вызывавшую меня в столицу под предлогом перевода меня на другую должность...» По словам Люшкова, основ-

ная причина его бегства заключалась в следующем: «Я пришел к убеждению, что ленинизм не является больше основополагающим законом коммунистической партии в СССР.. Я большой противник политики Сталина и твердо убежден, что эта политика ведет Советский Союз к самоуничтожению».

До своего побега Люшков попытался переправить семью в Финляндию.

На первых допросах Люшков подробно объяснил японцам структуру внутренней оппозиции в Сибири и на Дальнем Востоке и подготовил большой отчет о внутриполитической обстановке в СССР.

По мнению Люшкова, видным советским деятелям, которые были казнены, не хватало политического опыта, чтобы вовлечь народ в движение, направленное против Сталина. Движение против Сталина существовало, но его лидерам не доставало дипломатичности и способностей. В результате оно не могло ни расшириться, ни увенчаться успехом.

Люшков сообщил, что офицеры соединений, дислоцированных на Дальнем Востоке, живут со своими семьями в большинстве случаев во временках, и эти плохие условия жизни не могут не влиять на моральное состояние войск. Боеприпасы и продовольствие поступают нерегулярно, поскольку их доставка производится из европейской части России и сильно зависит от задержек или остановок на транспорте.

Кроме этого Люшков выдал японцам чрезвычайно важную информацию об усилении советского военного присутствия на Дальнем Востоке. Его показания могли оказать решающее воздействие на политику Японии в отношении Советского Союза.

Эту информацию японцы передали майору Шоллю, который показал ее Зорге. Разоблачения произвели сильное волнение в германском посольстве, и Шолль даже телеграфировал в Берлин, прося срочно прислать в Токио специалиста по Советскому Союзу, чтобы допросить Люшкова по вопросам, представляющим особый интерес для германского правительства. В то же самое время Зорге отправил серию радиogramм в Москву с изложением предварительных результатов показаний Люшкова.

Однако Центр хранил молчание.

Когда прибыл специальный представитель адмирала Канариса полковник Грелинг из военной контрразведки, допросы Люшкова возобновились. В результате появился меморандум объемом около сотни страниц, озаглавленный «Отчет о встрече между Люшковым и специальным германским посланником и полученная в результате этого информация».

Шолль одолжил этот документ Зорге, который тут же сфотографировал большую его часть. После этого «Рамзай» послал донесение в Москву. В нем в довольно резкой форме он просил инструкций в отношении того, стоит ли ему брать на себя труд пересылать этот меморандум в Москву. По тону ответного послания можно

было судить о значении, которое Москва стала придавать этому событию. В телеграмме от 5 сентября 1938 года говорилось:

«Сделайте все возможное и используйте все доступные средства для получения копий документов, полученных специальным посланником Канариса от японской армии или копий документов, полученных лично посланником от Люшкова. Доложите немедленно о получении всех подобных документов».

Микропленка была отправлена с курьером, и ее содержимое продемонстрировало московскому руководству ту степень опасности, которую представляли показания Люшкова, и соответственный резонанс, который они могли вызвать на самом высоком уровне.

Главный тезис, основанный на детальном анализе документов, заключался в том, что из-за широкого недовольства в Красной Армии и существования сильной оппозиции в Сибири советская военная сила на Дальнем Востоке немедленно рухнет в случае японского вторжения. Как сообщил Люшков: «Большинство офицеров и командиров армейских корпусов, дивизий и полков, которые принимали активное участие в Гражданской войне, были арестованы. Их осталось очень мало на действительной службе. Воздействие властей в ходе последней чистки было столь мощным и широким, что число тех, кто был арестован, включая гражданских лиц, можно оценить в 1 миллион человек. Это число абсолютно точно. Связь народа и армии является весьма тесной, и в такой же степени, в какой народ очень недоволен правительством, недовольны им и солдаты».

Кроме того, Люшков выдал расположение соединений Красной Армии на Дальнем Востоке и информацию о применяемых военных радиوشифрах. Все технические данные, сообщенные им, были очень подробными, особенно в отношении соединений Красной Армии в Сибири и на Дальнем Востоке. Люшков детально указал местонахождение, организацию и вооружение каждой дивизии, которых, по его утверждению, было 25.

Известный японский историк и писатель Хияма Ёсиаки полагает: «Не будет преувеличением сказать, что на основе его показаний японская сухопутная армия получила полное представление о военной мощи, организационной структуре, вооружении, дислокации, основе тактики советской армии»¹⁹.

Должно быть, и японской, и германской военным разведкам сразу стало ясно, что данные, предоставленные Люшковым, стали отражением широких чисток в рядах и в руководстве Красной Армии, последовавших за судом над маршалом Тухачевским и другими высшими офицерами, и были особенно важны для оценки влияния этих событий на военную мощь России.

Зорге отнюдь не преувеличивал, когда позднее так прокомментировал это событие: «Одним из следствий показаний Люшкова была опасность совместных японо-германских военных действий против Советского Со-

юза». А главная задача Зорге состояла в том, чтобы, насколько позволяли возможности разведывательной миссии, препятствовать этому.

Характерно, что Люшков выдвинул точно такие же причины своего предательства, что и Вальтер Кривицкий, резидент советской военной разведки в Европе. Он стал невозвращенцем во Франции позже, в ноябре 1938 года.

Реакция самого Зорге на поступок Люшкова бросает некоторый свет на необычайную твердость его собственных убеждений.

«Я считал, что Люшков стал перебежчиком не только потому, что был недоволен отношением к себе со стороны советских властей или из-за какой-то обиды или оскорбления, пережитых им в Сибири. Причина в том, что в то время чистки коснулись уже непосредственно НКВД, и он боялся, что может оказаться в числе жертв. Я пришел к выводу, что Люшков выставил политическую причину своего побега лишь потому, что у него были друзья в оппозиционных группах в СССР. Утверждения предателя и его поступки всегда стереотипны, и потому сам Люшков меня не очень интересовал».

Однако, увидев первые откровения Люшкова, Зорге мгновенно понял, какое действие они окажут на правительственные круги Японии и Германии.

Поначалу его весьма встревожила реакция японцев, которые, по-видимому, сообщили в германское посольство, что «Советский Союз находится на грани развала». Зорге немедленно оспорил японские аргументы, указывая, что «Люшков является ненадежной и второй-степенной фигурой».

«Опасно судить о внутренней ситуации в России по показаниям человека, подобного Люшкову, — говорил Зорге. — Его высказывания того сорта, какие можно почерпнуть в любой антинацистской книге, написанной немецкими беженцами. Они часто предсказывают, что нацистский режим ждет неминуемый крах».

ДЕЛО ЛЮШКОВА В СВЕТЕ СОБЫТИЙ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ

Не существует прямых свидетельств, как японские и германские эксперты оценивали материалы, полученные от Люшкова, в частности, касающиеся боеспособности Красной Армии. Однако на следующий год на границах Маньчжурии и Внешней Монголии была предпринята крупномасштабная проба сил в районе Халхин-Гола (Номонхана) — с катастрофическими для Квантунской армии последствиями. В более поздних показаниях ведущего прокурора по делу Зорге, Йосикавы Мицусадэ есть некоторый намек на роль «Рамзая» в этом деле. Он утверждал, что операция планировалась с учетом полученной от Люшкова информации. Одной из причин ее

провала, по мнению прокурора, было то, что Зорге передал в Москву японские оценки боеспособности РККА. Описав переданный Зорге микрофильм с материалами Люшкова, Йосикава заявил: «А потом случился Номонханский инцидент».

Имеющиеся в распоряжении авторов материалы позволяют в определенной степени оценить связь между показаниями Люшкова и разгромом японских войск на реке Халхин-Гол. Несомненно, что последовавший вскоре за бегством Люшкова захват японской армией в июле 1938 года сопки Безымянная и высоты Заозерная в районе озера Хасан («Чанкуфынский инцидент») имел целью проверить боевые возможности Красной Армии.

После завершения боев «Рамзай» сообщил о том, как японские военные оценивали Красную Армию. В телеграмме от 2 сентября 1938 года он писал:

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 2 сентября 1938 г.

Японский генштаб высказывает следующую критику боевых действий Красной Армии:

1. У Красной Армии недостает смелости для рукопашных атак.
 2. Ночные атаки готовились настолько неумело, что японцы всегда заранее знали, когда начнется атака.
 3. Применение танков не произвело впечатления на японцев.
- «Отто» имеет сведения, что части Красной Армии, действовавшие до 9 августа, были обучены очень плохо, но позднее прибыли значительно лучшие части.

№ 180. Рамзай.

Расш. Малинников.

Перевел майор Сироткин.

Резолюция начальника Разведуправления: «НО-2. Спецсообщение. Гендин».

Показателен также тот факт, что одновременно с наращиванием усилий по разгрому китайской армии произошло усиление позиций «квантунцев» в кабинете Коноэ, а следовательно, и военных приготовлений против СССР. В середине июня 1938 года Коноэ добился назначения генерала Итагаки на пост военного министра. Одзак сразу же проинформировал Зорге, что Итагаки является «сторонником группы императорского пути» (Кодохо) и будет уделять больше внимания политике в отношении Китая.

«Квантунцы» настояли также на назначении генерала Тодзио, начальника штаба Квантунской армии, заместителем военного министра. Как сообщил «Рамзай», Тодзио после своего назначения немедленно заявил: «Война в Китае должна сопровождаться широкомасштабной подготовкой к войне против СССР».

Выдвижение Тодзио не сулило Зорге ничего хорошего. Тот не любил журналиста за его достаточно острые и порой нелицеприятные публикации, касающиеся политики Японии и японских военных. Он наливался яростью при одном упоминании имени Зорге и с удовольствием выдворил бы его из Японии, но за ним стоял Гаусгофер, а за Гаусгофером — Геринг, а за Герингом — Гитлер. Приходилось смиряться, но Тодзио пристально и недоброжелательно следил за деятельностью Зорге.

Уже в июле японским правительством было принято решение о формировании резервных дивизий для Квантунской армии на случай войны с СССР, чтобы довести общее число дивизий в Маньчжурии до 27. С этой целью в Маньчжурии были сосредоточены соответствующие запасы техники и вооружения, а в метрополии готовились резервисты, имеющие опыт боевых действий²⁰.

Насколько точной была информация «Рамзая», можно судить по разведсводке Разведуправления РККА «О боевом расписании японской армии по состоянию на 20 февраля 1939 года». Из 35 японских пехотных дивизий, показанных в разведсводке, 24 находились в Китае, 9 — в Маньчжурии, по одной в Корее и Японии. В то же время в сводке показаны так называемые «оставшиеся дивизии»: 14 — в метрополии и 1 — в Корее. Помимо этого по одной пехотной бригаде было на Тайване и Сахалине и местонахождение еще двух смешанных бригад не было установлено. Таким образом, общее число кадровых и «оставшихся» дивизий с учетом имевшихся бригад как раз и составляет 27.

Наконец, в декабре 1938 года «Рамзай» сообщил: «По сведениям „Джо“, японцы точно знают боевую мощь пехотных соединений Красной Армии. Ввиду этого на случай войны увеличат количество пулеметов и минометов в японской пехоте, чтобы создать перевес в огневой мощи над пехотными частями Красной Армии»²¹.

Как считают некоторые японские историки (например, К. Танака), командование Квантунской армии поверило Люшкову, но благодаря своевременной информации Зорге о намерениях Японии группировка советских войск в Монголии, так же как и монгольские части, в пределах десяти месяцев были оснащены более совершенной боевой техникой и вооружением²².

По мнению Дикина и Стори, деятельность Зорге в связи с делом Люшкова «была одной из величайших услуг, оказанных им 4-му управлению за все время его японской миссии»²³.

СОЮЗ ДВУХ РАЗВЕДОК

Все эти события происходили на фоне стремительного германо-японского сближения. В начале июня Берлин решил удовлетворить просьбу японского правительства об отзыве германских военных

советников и военных материалов, предназначенных для Китая. Фактически это привело к тому, что у Чан Кайши сузилось поле для политического маневрирования в отношениях с СССР, он лишился возможности играть на советско-германских противоречиях, и практически безальтернативной осталась опора на военную помощь со стороны СССР, поскольку Запад занимал позицию стороннего наблюдателя в японо-китайской войне. Итогом этого явились жесткая привязка гоминьдановского правительства к советской военной помощи и возможность для СССР эффективно влиять на военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке в благоприятном для него направлении. Зорге мог записать еще одну победу на свой счет.

Таких побед уже было немало. В заслугу «Рамзаю» следует поставить также осторожное отношение Отта к перспективам германо-японского союза. Как стало известно Зорге, эти сомнения передались руководству Третьего рейха.

Никаких сомнений, однако, не было относительно необходимости тесного союза между германской и японской разведками. В июне 1938 года Осима по поручению императорского кабинета вел по этому поводу переговоры с министром иностранных дел рейха, для чего Осима прибыл на Вильгельмштрассе, где располагалось в то время министерство иностранных дел Германии. Результат переговоров — проект соглашения в переработанном виде — был представлен Риббентропу.

ПРОЕКТ ВОЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ РАЗВЕДКИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Совершенно секретно!

Руководствуясь духом Антикоминтерновского пакта от 25 ноября 1936 года, германский вермахт (за исключением военно-морского флота) и вооруженные силы Японии пришли к соглашению в следующем:

1. Обе Стороны будут обмениваться информацией генеральных штабов о русской армии и о России.

2. Обе Стороны будут сотрудничать в оборонной работе против России.

3. Обе Стороны будут не реже одного раза в год проводить совместное совещание с целью облегчения вышеуказанного обмена информацией и оборонной работы, а также с целью дальнейшего продвижения к осуществлению поставленных в рамках Антикоминтерновского пакта целей в той степени, в какой они затрагивают интересы вермахта.

Совместное совещание предусматривается проводить, как правило, ежегодно в феврале. Место проведения совещания, его участники и повестка дня будут предварительно согласованы между обеими Сторонами²⁴.

Конечно, не случайно Хироси Осима через несколько недель был назначен послом Японии в Берлине. Это было сигналом к созданию военной оси Берлин—Токио. Отт и Осима с этой целью должны были координировать действия не только правительств, но и спецслужб обеих держав. Соглашение об обмене разведывательными сведениями о Вооруженных Силах СССР было заключено между Японией и Германией 8 октября 1938 года.

Тем временем в японо-английских отношениях после подъема наступил спад. Потерпели крах интенсивные и «весьма важные» переговоры относительно соблюдения британских экономических интересов в Китае. Японцы отказались гарантировать статус «открытых дверей» в Китае, на чем настаивали англичане. Они провели новую мобилизацию для войны с Китаем и начали наступление на Ухань — временную столицу гоминьдановского правительства. Новое сосредоточение войск в Китае потребовало посылки части войск из Маньчжурии.

В конце июля 1938 года «Рамзай» сообщил о новой попытке возобновить англо-японские переговоры: «Японцы предлагают свободу торговли в Китае в обмен на признание нового японского политического курса в Китае, кредиты и свободу действий против СССР. Англичане колеблются, надеясь выторговать побольше у ослабленных японцев».

Берлин чрезвычайно тревожило то, что Япония увязла в войне с Китаем. В конце июля 1938 года, когда уже начались события в районе озера Хасан, Отт вернулся из столицы рейха, где получил четкие инструкции. Он немедленно встретился с Зорге и сказал ему, что из-за ослабления Японии военный союз, основы которого заложены Осимой, не будет заключен. «Главными пунктами инструкции, полученной им от Гитлера и Риббентропа, — сообщал «Рамзай», — являются указания о всемерном укреплении сотрудничества с Японией против Англии и СССР, жертвуя германскими интересами в Китае в такой степени, в какой это может быть необходимо Японии, чтобы выиграть войну против Китая как можно скорее».

Одновременно от Отта потребовали сделать «все возможное, чтобы побудить японцев прийти к соглашению с Китаем, даже и с Чан Кайши». При этом он должен был наблюдать за ситуацией, чтобы предложить новое германское посредничество, «даже если бы это потребовало совместных действий с другими державами, заинтересованными в мире между Японией и Китаем». По этой телеграмме Зорге было немедленно выпущено спецсообщение²⁵.

На Западе росло скептическое отношение к боевым возможностям японских вооруженных сил. Чтобы доказать обратное и воодушевленные сведениями, полученными от Люшкова, «квантунцы» решили провести пробу сил на советско-маньчжурской границе. Так возник «хасанский инцидент».

«ХАСАНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» И ВИНА МАРШАЛА БЛЮХЕРА

Краткая хронология событий такова. В мае—июне 1938 года в Японии была развернута шумная пропагандистская кампания вокруг так называемых спорных территорий на границе Маньчжурии и советского Приморья. 20 июля 1938 года японский посол в Москве М. Сигемицу в беседе с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым в ультимативной форме потребовал, чтобы советские пограничники очистили высоты Заозерная и Безымянная к западу от озера Хасан. При этом посол пригрозил, что в случае отказа советской стороны удовлетворить эти требования Япония не остановится перед применением силы.

Советское правительство предъявило японской стороне текст Хуньчуньского соглашения, подписанного Россией и Китаем в 1886 году. В приложенной к соглашению карте было четко обозначено прохождение русско-китайской границы в этом районе. Обе «спорные» высоты находятся на русской территории. Однако японская сторона проигнорировала этот документ.

Одновременно с демаршем по дипломатической линии генштаб японской армии отдал приказ усилить свои пограничные части группировкой японских войск численностью более 38 тысяч человек. Эта группировка была подтянута к границе с СССР 19 июля. 29 июля японские части вторглись на советскую территорию, а 31-го захватили сопку Безымянная и высоту Заозерная, продвинувшись вглубь советской территории на 4 километра.

2 августа советское командование в дополнение к пограничным подразделениям выдвинуло к озеру Хасан силы 1-й (Приморской) армии. 6 августа была начата операция по освобождению высот от японцев. Бои носили ожесточенный характер и продолжались до 10 августа. В результате решительных действий советских войск вторгнувшаяся японская группировка была отброшена с советской территории. 10 августа стороны по дипломатическим каналам договорились прекратить огонь и провести демаркацию спорного участка границы. 11 августа 1938 года в 12 часов военные действия были прекращены.

Кровопролитные бои стоили больших жертв обеим сторонам. Согласно последним данным, безвозвратные потери советских войск составили 792 человека, а санитарные потери — 3279 человек²⁶. Потери японских войск, по данным японских источников, составили 500 человек убитыми и 900 ранеными²⁷.

Хасанские события за последнее десятилетие подробно освещались в научной литературе. Недавно открытые архивные документы позволяют по-новому взглянуть на некоторые моменты. В частности, это касается действий маршала В. К. Блюхера в период конфликта. Один из этих документов — стенограмма заседания Главного военного совета РККА от 31 августа 1938 года. На заседании Блюхер был обви-

нен в бездеятельности, смещен с поста командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта. Вскоре он пополнил число репрессированных.

Стенограмма заседания совета показывает, что Люшков в общем-то был недалеко от истины.

При разборе действий Блюхера выяснилось, что «боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь). Хранение, сбережение и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов как на фронтовых складах, так и в войсковых частях, оказались в хаотическом состоянии».

Совет констатировал, что «японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава».

Среди причин неудачных действий советских войск назывались следующие:

1. Отвлечение личного состава на различные хозяйственные работы. Это привело к громадному некомплекту в личном составе и дезорганизации частей. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. «В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из различных подразделений и отдельных бойцов части, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск».

2. Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными: не хватало оружия и боеприпасов. «Во многих случаях целые артиллерийские батареи оказались на фронте без снарядов». Многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий.

3. Все рода войск, особенно пехота, «обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применятся к местности». Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

За все указанные недостатки вина была возложена на маршала Блюхера, который обвинялся в очковтирательстве, потакании «вредителям» и укрывательстве «врагов народа».

Действия Блюхера в период конфликта были признаны неудовлетворительными и граничащими с «сознательным поражением». Блюхеру вменялось в вину, что он знал «о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу.., но ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпо-

ра врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками».

И вот тут начинается самое интересное! Блюхера обвинили в том, что вместо подготовки к отпору он совершенно неожиданно 24 июля «подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан». Втайне от члена военного совета Мазепова, своего начальника штаба Штерна, заместителя наркома обороны Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Эта комиссия «обнаружила „нарушение“ нашими пограничниками маньчжурской границы на три метра и, следовательно, „установила“ нашу „виновность“ в возникновении конфликта на озере Хасан».

Затем Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом «мнимом нарушении маньчжурской границы» и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена Блюхером также втайне.

После этого от Сталина поступило указание «о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского Правительства и приказов наркома обороны». Как утверждает стенограмма, 1 августа при разговоре по прямому проводу Сталин был вынужден задать вопрос Блюхеру: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно».

К этому времени пограничники и разрозненные подразделения Красной Армии, сдерживавшие натиск японской 19-й пехотной дивизии, уже почти полностью погибли.

Блюхера также обвинили в том, что он до самого последнего момента не давал команду на применение авиации «из опасения поражения корейского населения».

Наконец, в вину Блюхеру было вменено то, что 10 августа он отдал приказ о призыве в армию 12 возрастов, несмотря на то, что Главный военный совет в мае 1938 года принял решение о призыве в военное время на Дальнем Востоке всего лишь 6 возрастов. «Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедленно отменен Наркомом».

Казалось бы, все ясно. Но некоторые вопросы до сих пор остаются без ответа. Почему Блюхер не отдавал приказа своим войскам о переходе в наступление? Что заставило его подвергнуть сомнению законность действий советских пограничников у озера Хасан, расследовать их

действия специально созданной комиссией и требовать немедленного ареста начальника погранучастка? Другой вопрос — насколько адекватной была реакция японской стороны, которая вместо переговоров, предлагавшихся советским руководством, предпочла ставку на силу.

С высоты сегодняшнего дня видно, что сухие строки стенограммы служат как бы зловещим предзнаменованием той катастрофы, которая случилась с Красной Армией в июне 1941 года. Судьба Блюхера удивительно напоминает судьбу командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Павлова.

Немалая вина за неготовность Красной Армии к отпору врагу лежала на самом Сталине, в частности из-за той нетерпимой атмосферы, которая сложилась в стране в результате репрессий. Именно в такой атмосфере, как ни парадоксально, пышным цветом процветали очковитительство, безответственность и откровенное разгильдяйство, которые потом стоили больших жертв и преодолевались только благодаря героическим усилиям народа. Именно это показали события на озере Хасан. И именно этого Сталин признавать не хотел и не мог. Но были нужны «козлы отпущения» — и он их находил.

ЗОРГЕ: «МЫ ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЛИ...»

«Рамзая» удивила неготовность командования Красной Армии к нападению японцев. «Я очень сожалею, что мои предупреждения о нависающей угрозе локальной акции не лишили японцев возможности произвести внезапное нападение на пограничные высоты», — писал он в Центр. Одновременно он сообщил весьма ценную информацию, полученную от Отта и Шолля, — японцы намеревались разрешать все пограничные вопросы дипломатическими средствами только после захвата высот. С этой целью на случай контрмероприятий советской стороны вокруг района столкновения были сосредоточены фронтовые части и резервы под общим руководством командующего группировкой японских войск в Корее. На иностранные круги в Токио, включая Отта и Шолля, действия японской армии произвели сильное впечатление. В результате предпринятой акции японские военные добились одной из поставленных целей. «Японцы восстановили свой подорванный престиж», — информировал «Рамзай»²⁸.

В то же время японское командование хотело лишь продемонстрировать свою мощь и не ставило в хасанском инциденте далеко идущих целей. Мияги узнал, что инцидент не перерастет в войну в связи с ограниченностью военных действий. «Причины возникновения инцидента связываются с неопределенностью пограничной линии, а также с необходимостью принятия дополнительного военного бюджета», — объяснил он «Рамзаю».

Эти сведения подтверждались из других источников. 29 июля от Зорге в Центр поступило сообщение, что министр иностранных дел Угаки в беседе с Оттом сказал, что пока идет война в Китае, он не допустит разрастания пограничного инцидента. В разгар боев от Зорге поступила очень важная информация: офицеры японского генштаба не считали, что положение на границе очень серьезно, несмотря на бомбардировки советской авиации. Однако они полагали, что вопрос станет более серьезным, если авиаударам подвергнутся более глубинные районы Кореи или Маньчжурии²⁹.

Эта информация «Рамзая» была очень важной, но она опоздала. Сообщение датируется 3 августа, однако фактически телеграмма была получена 5-го, а поступила к начальнику Разведупра 7 августа³⁰. 4 августа был издан оперативный приказ наркома обороны СССР о приведении в полную боевую готовность войск дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа. Этот приказ требовал перебазировать авиачасти на полевые аэродромы, «имея сильные кулаки для мощных ударов». Начиная с 6 августа позиции японских войск на захваченных высотах начали подвергаться усиленной бомбардировке. В частности, именно эти удары, по свидетельству японских очевидцев, вынудили японские войска оставить занимаемые позиции.

6 августа от Зорге пришла радиограмма с большими искажениями. В ней шла речь о недовольстве Отта действиями японцев в районе озера Хасан. По мнению Отта и Шолля, японской армии был преподан урок. В результате инцидента ушел в отставку генерал Койсо, который был против его развязывания, пока идет война в Китае. Зорге предупреждал о необходимости быть готовыми к другим неожиданным нападениям японцев, но где — было непонятно из-за искажений. Гендин наложил раздраженную резолюцию: «НО-13. Надо решительно улучшить прием радиотелеграмм с Владивостоком. Ценнейшие данные пропадают из-за скверной работы радио. 11/8»³¹.

Одновременно в правительственных кругах Японии усиливались воинственные настроения. Одзакки узнал, что на заседании кабинета министров 1 августа было принято решение об усилении Квантунской армии. По сведениям Шолля, к 10 августа в Хабаровском и Владивостокском секторах уже было сосредоточено 5—7 японских дивизий. Сам Шолль, как передал Зорге, считал возможным начало войны против СССР в ближайшем будущем. (На этой телеграмме начальник Разведуправления Гендин наложил резолюцию: «Неплохо бы попытаться через Рамзая заполучить полные данные о дислокации японцев в Маньчжурии»³². В ноябре Зорге дал всесторонний ответ на этот запрос на основании данных Шолля, полученных им во время поездки в Маньчжурию.) В связи с применением советской авиации на озере Хасан интересная информация поступила от «Джо». Он сообщил о первых маневрах войск противовоздушной обороны в Японии.

Вообще от Мияги поступало много полезных сведений, которые «Рамзаю» было бы трудно собрать самостоятельно. Рост цен и налогов в Японии, последствия катастрофического наводнения в Кобе для местной военной промышленности, организация японского наступления на Ухань — по всем этим и множеству других тем Мияги собирал важную и существенную информацию в 1937 и 1938 годах³³. Некоторые из этих данных, возможно, были доступны любому в опубликованном виде. Но примерно с начала 1938 года, когда стало ясно, что война в Китае кончится нескоро, полиция делала все, чтобы отбить у иностранцев охоту покупать японские книги и периодические издания, подробно и объективно освещавшие экономику страны, ее политические и социальные проблемы. Время от времени книготорговцам запрещали продавать некоторые книги и журналы иностранцам и просили также докладывать, с описанием внешности, о тех иностранцах, которые приобретали такие издания.

За всем этим, постоянно беспокоя гражданскую полицию и заставляя ее быть еще более бдительной в слежке за иностранцами, стояла кемпейтай (военная полиция), которая всегда была расположена придавать понятию «военные секреты» весьма широкое толкование.

И поскольку китайская война продолжалась, Мияги оказывал Зорге огромную услугу, даже когда время от времени снабжал его информацией, взятой из открытых, вполне легальных источников. С 1934 года Мияги систематически анализировал для «Рамзая» специальный японский журнал «Гундзи то джиутсу» («Военное дело и военная техника»).

Мияги поддерживал непосредственную связь с Одзаки — по воскресным утрам он обучал дочь Одзаки — Ёко — рисованию. И даже жена Одзаки ничего не подозревала о причастности их обоих к разведывательной работе. Документы и материалы «Отто» передавал Мияги для перевода на английский язык, и лишь после этого они попадали к Зорге.

Так же как и в случае с Одзаки, главным мотивом для Мияги в его работе на резидентуру «Рамзай» было неприятие воинствующего самурайского духа, пронизывающего в то время общественную атмосферу Японии. Вращаясь в кругу военных и среди своих друзей, Мияги видел, как в японских верхах зреют планы агрессии. Помогая Зорге, он руководствовался, по его словам, «задачей по возможности избежать войны между Японией и Советским Союзом. Для выполнения этой задачи было необходимо правильно сообщать Советскому Союзу и Коминтерну о положении в Японии».

Рихард был для него абсолютным авторитетом. Уже после ареста Мияги признавал на допросах: «Зорге говорил, что, если мы узнаем о нападении Японии на Советский Союз за два месяца, то войны можно будет избежать путем переговоров. Если мы узнаем о нападении за один месяц, то Советский Союз сможет осуществить

полностью подготовку к отражению нападения, направив в район границы значительные части. Если мы узнаем о нападении за две недели, то Советский Союз сможет провести подготовку обороны на первой линии. Если мы узнаем о нападении на Советский Союз за неделю, то и это позволит осуществить мероприятия, которые значительно снизили бы возможные жертвы».

ЯПОНИЯ ДЕЛАЕТ СВОЙ ВЫБОР — ПРОВАЛ ЯПОНО-АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

В период хасанских событий активизировалась дипломатическая деятельность Великобритании. Через Отта было высказано предложение сотрудничать с Германией по вопросу о мире в Китае, независимо от англо-германских разногласий в Европе. Отт обещал свое содействие, но, как он сказал Зорге, больше с целью выяснить позиции англичан. По мнению германского посла, японо-английские переговоры не принесут успеха. Он оказался прав — через месяц от «Рамзая» пришло сообщение о провале японо-английских переговоров.

В чем причина этой неудачи? Казалось бы, попытки правительства Чемберлена сблизиться с Германией, чтобы через нее подталкивать Японию к экспансии в сторону советского Дальнего Востока, встречали понимание в японских высших кругах.

Сыграла ли здесь роль широко пропагандировавшаяся тогда в Японии неприязнь к белой расе и настрой японского общественного мнения против Великобритании, о чем говорил Одзаки? Или это было следствием меркантильного стремления англичан, как сообщал Зорге, «выторговать побольше»? А может быть, определенное значение имели советы Одзаки принцу Коноэ, в ближайшее окружение которого он входил? На эти вопросы трудно ответить определенно. Скорее всего, все эти факторы могли оказать совместное воздействие на процесс охлаждения британо-японских отношений.

Несомненно, однако, что определяющую роль здесь сыграла ориентация Японии на Германию как своего союзника в Европе. К середине 1938 года Германия отказалась от попыток избежать ухудшения отношений с Великобританией и привлечь ее к антикоминтерновскому пакту. Была сделана однозначная ставка на союз с Италией и Японией. 9 сентября «Рамзай» передал, что Осима телеграфировал военному министру Итагаки о предложении Риббентропа, после соответствующего согласования с итальянцами, заключить трехсторонний политический и военный союз в связи с обострением обстановки в Европе. «Японский генеральный штаб и премьер-министр Коноэ не очень согласны идти на это, опасаясь быть вовлеченными в европейские дела. Они согласны только в том случае, если союз будет направлен против СССР. Тем не менее оба почти склоняются», — писал Зорге.

Во время мюнхенской конференции 29-30 сентября 1938 года Риббентроп вручил министру иностранных дел Италии Чиано проект Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией.

Германии нужна была сильная японская армия, угрожающая советскому Дальнему Востоку. А пока Япония была втянута в войну в Китае, она, по докладам Зорге, не была готова оказать Германии помощь в случае войны в Европе.

В сентябре Угаки сказал Отту, что, если понадобится, Япония придет в Европу «с величайшей готовностью учесть германские интересы». То есть в японском правительстве нарастала решимость выступить против СССР, когда он будет вовлечен в европейскую войну.

В то же время существовали весьма важные нюансы, которые не прошли незамеченными для разведчиков из группы «Рамзай».

Во-первых, становилось ясно, что степень активности Японии в возможной европейской войне будет зависеть только от того, насколько эта война будет направлена против СССР. В японском генштабе Отту прямо сказали, что заявления Угаки следует расценивать не больше чем выражение моральной поддержки. Япония была еще не готова в случае развязывания войны в Европе атаковать англичан или французов в Азии, даже если война была бы направлена против СССР. Зорге 24 сентября передал содержание телеграммы Отта в Берлин: «Если упорная война в Китае будет продолжаться, японский генштаб начнет лишь конфликты на советской границе, без расширения их до масштабов войны, которая могла бы помочь Германии». Точку зрения генштаба поддерживал и морской штаб. Эта информация «Рамзая» была включена в общее спецсообщение Разведупра с оговоркой, что данные требуют проверки.

Во-вторых, по сведениям Одзаки, не все в японском правительстве соглашались с такой линией. Часть требовала войны против Великобритании, другая часть — против СССР, причем немедленно. На этой почве возникло противостояние между Коноэ и Угаки. В основе разногласий, как и раньше, была, с одной стороны, решимость продолжать войну в Китае, с другой — опасения, что это может опасно ослабить Японию. Противостояние нарастало в течение всего октября, пока не достигло кульминации. Тогда основные политические партии приняли решение объединиться вокруг правительства с целью избежать осложнений, а самое главное — установления военной диктатуры.

Тогда же от «Рамзая» в Центр ушла радиограмма о том, что окончательно взят курс на эскалацию войны в Китае. Зорге еще раз подтвердил, что «Япония не в состоянии помочь Германии в случае европейской войны до тех пор, пока Япония занята войной в Китае».

«РАМЗАЙ» ГОТОВИТ «ОПЕРАЦИИ ВЛИЯНИЯ»

На основании имевшейся информации Зорге сделал вывод, что можно сыграть на противоречиях между союзниками по «оси». Он уже неоднократно практиковал «подталкивание» событий в нужную сторону, делая это непринужденно и со знанием дела. Достаточно вспомнить, как в 1936 году он умело подбрасывал информацию Отту о неготовности Японии к войне. На основании этой информации Отт подготовил доклад, сознательно направленный на то, чтобы «устранить ложные надежды на Японию и в особенности легкомысленные обязательства в отношении нее со стороны Германии». Выводы Отта тогда возымели свое действие на имперского министра рейхсвера. Германское руководство стало вести себя значительно осмотрительнее, и ход переговоров о германо-японском сближении замедлился.

Определенное влияние оказал «Рамзай» и на отзыв германских военных советников из Китая. Он сумел убедить Дирксена и Отта в необходимости этого шага. А с уходом немцев из Китая сразу резко сократились возможности Траутмана в его посреднической миссии в японо-китайском конфликте. Сократились и возможности у Чан Кайши для политического маневра. Зорге отлично знал свое окружение в германском посольстве и великолепно разбирался в людях, понимая, на каких струнках души можно сыграть.

Теперь он постепенно начинал приобщать к «операциям влияния» и Одзаки, тем более что у того были поистине уникальные возможности — прямой выход на премьера Коноэ. «Рамзай» начинал большую игру. В данный момент появилась возможность использовать неопределенность позиции японского кабинета, и «Отто» мог внести здесь свою лепту.

Зорге хорошо знал взгляды Одзаки, они еще в Китае много говорили на разные темы. Изучая положение в Европе, а также соперничество великих держав в Китае, Одзаки уже в 1935 году высказал предположение, что Вторая мировая война неизбежно начнется в ближайшем будущем. «Китайский инцидент» еще больше укрепил его в этом убеждении. Он полагал, что подобно тому, как в результате Первой мировой войны появился Советский Союз, так и в результате Второй мировой войны появится много социалистических стран и будут созданы условия для мировой революции.

Одзаки всегда ратовал за необходимость независимости Азии и полагал, что Япония не сможет избежать войны с США и Англией. Борьба Японии, Германии и Италии против Англии и США («борьба изменившегося империализма с традиционным империализмом») будет чрезвычайно напряженной. И приведет либо к взаимному поражению, либо к победе одной из сторон.

Советский Союз, «неуклонно проводящий политику мира», окажется в стороне от борьбы империалистических государств между

собой. В поверженных государствах вспыхнут социальные революции. Победившие государства будут сильно истощены, а удельный вес Советского Союза значительно возрастет, и появится много возможностей для вынужденного перехода великих держав на социалистический путь развития.

Зорге и Одзаки отлично понимали друг друга и были твердо убеждены в том, что Советский Союз необходимо активно защищать. Они понимали под этим свою обязанность не только информировать московское руководство о планах враждебных государств, но и различными путями препятствовать осуществлению этих планов.

«НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ О НАС ЗДЕСЬ...»

В ноябре 1938 года Зорге прислал обширную информацию о дислокации японских войск, укрепрайонах на границе и планах японского командования на случай войны с СССР.

Последнее вызвало особый интерес у руководства Разведуправления. Японское командование ожидало наступления из районов Владивостока и Читы через Внешнюю Монголию в направлении Хайлар-Цицикарской железной дороги. Наступление моторизованных частей через Монголию на Мукден считалось маловероятным из-за территориальных трудностей и недостатка воды. (Интересно отметить, что именно этот фактор внезапности использовало советское командование при проведении Маньчжурской стратегической наступательной операции в 1945 году.)

Японское командование имело три стратегических плана. По первому, «минимальному» плану из-за нехватки людских ресурсов и без помощи Германии предполагалось наступление на Владивосток и сибирскую железную дорогу в секторе Сахалин—Сунхэ. По второму плану — мощное наступление на железнодорожном отрезке Чита—Иркутск с одновременной атакой Сахалин—Сюнхэ. Третий план — уничтожение советского флота в Приморье и высадка там десанта. Резолюция начальника Разведупра А. Орлова гласила: «Спецсообщение, а также ориентировать особым документом 1-ую, 2-ую армии и ЗабВО»³⁴.

Однако не вся информация резидентуры «Рамзай» подтверждалась на практике. Характерным примером может служить сообщение Зорге в декабре 1938 года о том, что Отт получил сообщение от руководства рейха, в котором говорилось, что «в ближайшее время между Японией, Италией и Германией будет заключен тройственный пакт, направленный якобы против Коминтерна, но фактически против СССР». Это донесение было разослано Сталину, Молотову, Ворошилову и Берии.

Действительно, события развивались таким образом, что не оставалось сомнений в германо-итало-японском военно-стратегическом партнерстве и скором подписании пакта. Все попытки Вели-

кобритании, США и Франции каким-то образом подключиться к этому союзу или использовать его в своих целях (главным образом против СССР) ни к чему не привели.

Наглядным проявлением такой политики, проводившейся английским правительством, было подписание англо-германского морского соглашения, в котором Англия в одностороннем порядке санкционировала нарушение Гитлером военных ограничений Версальского мирного договора. Предусмотренное в договоре увеличение германского флота представляло наибольшую угрозу для СССР и других стран, прилегающих к Балтийскому морю. На это, в частности, указывает Черчилль в своих воспоминаниях, признавая, что английское правительство согласилось на увеличение германского флота с тем, чтобы он мог стать «хозяином Балтийского моря»³⁵.

Однако это не удовлетворило Гитлера. В декабре 1938 года Германия заявила Англии, что она будет содержать подводный флот, равный по тоннажу британскому. В апреле 1939 года англо-германское морское соглашение было Германией расторгнуто.

Все шло к подписанию Тройственного пакта. В конце октября 1938 года Риббентроп с этой целью посетил Рим и вел там переговоры с Чиано о заключении союза.

Однако резидентура Зорге недооценила силу сопротивления военному союзу со стороны влиятельных кругов Японии. Японское правительство под различными предлогами затягивало ответ на предложение о заключении договора. Эта затяжка отражала внутриполитическую борьбу в Японии по вопросу будущего направления японской экспансии.

Таким образом, «в ближайшее время» подписание пакта не состоялось. Так или иначе, но это был серьезный «прокол» в деятельности резидентуры Зорге, который мог усилить недоверие к его информации. Сталин и так не особенно доверял разведке, особенно после ряда громких провалов и выявления в массовом порядке «врагов народа» в руководстве Разведупра.

Чувствовал ли это «Рамзай» в 1938 году? По-видимому, нет, потому что в ответ на его радиогаммы из Центра шли уточняющие запросы и задания, задания, задания...

Что чувствовал Зорге, так это смертельную усталость, — в отличие от своих коллег-журналистов он не мог позволить себе провести отпуск где-нибудь на Ривьере. Тяжелое нервное и физическое напряжение сказывалось и на других членах группы. 26 апреля 1938 года Рихард послал шифровку с просьбой отозвать его в Москву. Центр долго не отвечал на этот запрос. Только в конце лета 1938 года пришло сообщение, что обстановка в Европе и на Дальнем Востоке не позволяет удовлетворить просьбу «Рамзая».

7 октября Зорге сообщил свой ответ; «Пока что не беспокойтесь о нас здесь. Хотя нам здешние края надоели, хотя мы устали и измож-

дены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полные твердой решимости выполнить те задачи, которые на нас возложены великим делом. Передаем привет вам и вашим друзьям. Передайте, пожалуйста, вложенное письмо моей жене и привет от меня. И, пожалуйста, позаботьтесь о ней иногда...»

В середине октября окончательно определились планы японского командования относительно Южного Китая — там был высажен десант для захвата Кантона, а впоследствии и острова Хайнань, чтобы перерезать здесь линии снабжения китайской армии.

В конце 1938 года от резидентуры «Рамзай» продолжала поступать информация о планах японского генштаба склонить Чан Кайши к капитуляции, как можно быстрее завершить войну в Китае и сосредоточиться на подготовке к войне против СССР. По информации «Отто», Тодзио предполагал закончить развертывание сильной японской армии к 1940 году. Но «Рамзай» осторожен в своих выводах: «Сказать о том, что война против СССР будет иметь место в 1941 году или даже раньше — трудно. Разногласия, растущие между группами „за“ и „против“ мира с Китаем, а именно: между Квантунской армией, капиталистическими кругами и Тайным советом, серьезны, но фронтовые офицеры в Китае сильно настроены на дальнейшую агрессию в Китае».

От Зорге пришло уточнение японского стратегического плана на случай войны: японский генштаб главный удар планировал нанести из восточного укрепрайона (сектор Хэйхэ—Сюньхэ) с целью перерезать железную дорогу севернее Владивостока. Эти сведения Шолля подтвердил «Джо». Резолюция нового исполняющего обязанности начальника Разведуправления комдива Орлова на документе: «По всем телеграммам Рамзая — общее спецсообщение»³⁶.

В Японии началась усиленная мобилизация — Токио готовился ознаменовать 1939 год победами на всех фронтах — и в Китае, и в Маньчжурии. Этому благоприятствовала политика попустительства со стороны великих держав. 30 сентября 1938 года на заседании Совета Лиги Наций был рассмотрен доклад, подготовленный Консультативным комитетом Совета по делам Дальнего Востока, об апелляции китайского правительства в связи с агрессией Японии против Китая. В докладе отмечалось, что военные действия Японии против Китая «не могут быть оправданы ни существующими соглашениями, ни правом самозащиты...» Однако комитет ограничился лишь констатацией того, что «Китай в своей героической борьбе против агрессора имеет право на сочувствие и помощь других членов Лиги». Каких-либо коллективных мер по оказанию помощи Китаю в докладе не предусматривалось.

Представитель Китая в своем выступлении на заседании Совета 30 сентября указал, что доклад совершенно не удовлетворяет его правительство. Он выразил сожаление, что Совет не смог организовать согласованные действия членов Лиги Наций для выполнения обязательств, вытекающих из статьи 16 устава Лиги. Выступления некоторых членов

Совета, в частности представителей Англии, Франции, Бельгии и других стран, показали, что их правительства не собираются принимать каких-либо эффективных мер для оказания помощи Китаю.

Резидентура «Рамзай» вступала в шестой год своего существования, который отнюдь не обещал быть легким.

¹ Хилсман Р. Стратегическая разведка и политические решения / Пер. с англ. М., 1957. С. 9.

² См. Bisson T. A. US Policy in the Far East, 1931—1940. New York, 1939. P. 85. Сладковский М. И. Китай. Основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978. С. 86.

³ Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952. С. 250.

⁴ Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока // ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 223.

⁵ Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937—1945 гг. М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999. С. 126.

⁶ Дело Рихарда Зорге... С. 81—82. Здесь и далее текст телеграмм максимально приближен к оригиналу, сохранены особенности орфографии и стиля, чтобы дать возможность представить читателю, в каком виде донесения «Рамзая» попадали на стол к начальнику Разведуправления. Следует обратить внимание на шифрованные имена и названия, применяемые в переписке: «Анна» — Отт, «Берта» — Дирксен, «Паула» — Веннекер, «Марта» — Шолль, «white box» — германский генштаб, «green box» — японский генштаб, «white bottle» — германский флот, «green bottle» — японский флот.

⁷ Цит. по: Калягин А. Я. По незнакомым дорогам. (Записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1979. С. 123.

⁸ Калягин А. Я. Указ. соч. С. 123.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 40, оп. 11 549, д. 7.

¹⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 143.

¹¹ Дело Рихарда Зорге... С. 82—83. Интересно, что в телеграмме Зорге от 27 января 1938 года после слов «...а также ввиду того, что германский генштаб не может быть готов немедленно» имеется сноска переводчика: «Очевидно, ошибка Фрица (Клаузена. — *Примеч. авт.*). По смыслу должно быть не «германский», а «японский генштаб». Однако, по нашему мнению, ошибки Фрица здесь нет — японцы имели в виду именно неготовность Германии к войне против СССР и таким образом давали понять Отту, что Япония будет готова выступить против СССР, но только вместе с Германией.

¹² Цит. по: Калягин А. Я. Указ. соч. С. 130.

¹³ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 145.

¹⁴ Там же. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Рихард Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии. С. 153—178.

¹⁷ Колесникова М. В., Колесников М. С. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге: Повесть. М.: Воениздат, 1985. С. 180—182.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22383, д. 3, л. 113—115.

¹⁹ Хияма Ёсиаки. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 131.

²⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 145–146.

²¹ Там же. С. 154.

²² Халхин-Гол: пятьдесят лет спустя (Материалы «круглого стола» историков Советского Союза, Монголии и Японии. Август 1989 года). М.: ИВИ МО СССР, 1990. С. 33.

²³ Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. С. 213.

²⁴ Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. С. 142.

²⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 146.

²⁶ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 72.

²⁷ 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 291.

²⁸ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 146–147.

²⁹ Там же. С. 147.

³⁰ Вообще все донесения «Рамзая» в 1938 г. докладывались руководству Разведуправления с задержкой в 4–6 дней.

³¹ Цит. по: Дело Рихарда Зорге... С. 90–91.

³² Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 147–148. Резолюции Гендина весьма показательны тем, что в них нет и следа недоверия к информации «Рамзая».

³³ Дикин и Стори пишут, что среди других тем были: создание специального самолета («камикадзе»), совершившего перелет из Токио в Лондон в начале весны 1937 г.; визит в Токио Ван Гэмина, главы марионеточного режима в Пекине; причины назначения генерала Итагаки военным министром; информация о японских левых; положение с безработицей; сведения о миграции фермеров-добровольцев в Маньчжурию и т. д.

³⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 153–154.

³⁵ W.Chirchill. The Second World War, vol. 1. Boston, 1948. P. 140.

³⁶ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 154.

МЕЖДУ НАЦИСТСКИМ МОЛОТОМ И ЯПОНСКОЙ НАКОВАЛЬНОЙ 1939 год

Самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

КОЕ-ЧТО О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ СЕКРЕТОВ ЮЖНО-МАНЬЧЖУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ КОМПАНИИ

1939 год начинался под гром победных фанфар в Токио. Казалось, еще одно усилие и правительство Чан Кайши рухнет.

К началу 1939 года в Китае в зоне японской оккупации оказалась почти вся фабрично-заводская промышленность страны: 98 процентов текстильной и мукомольной, все доменные печи и 99 процентов механизированной добычи железной руды, 97 процентов мощностей электростанций и практически вся машиностроительная отрасль. На оккупированной территории японцы установили колониальный режим, экономика этих районов была поставлена на службу японской империи.

После вторжения во Внутренний Китай Япония продолжила активную колонизацию его Северного и Центрального районов. Скупая по дешевым ценам китайские предприятия и оборудование, империя создавала на базе этого имущества компании, иногда под японо-китайским флагом.

Военная администрация стремилась максимально использовать ресурсы оккупированных районов для снабжения армии, пополнения запасов метрополии: вывозились демонтированное промышленное оборудование, сырьевые материалы, различные ценности.

Фактически Япония стала полновластным хозяином на оккупированной территории Китая. Вся английская и американская собственность была конфискована и передана в управление специального Бюро по управлению собственностью враждебных государств. В изменившихся условиях для Японии не было необходимости сохранять в Китае привилегии иностранных государств, приобретенные ими по условиям неравноправных договоров.

В наиболее законченном виде «новый порядок» японцам удалось установить в Маньчжурии в рамках марионеточного государства Маньчжоу-Го при посредстве крупных японских концернов.

Настоящим хозяином в Маньчжурии была Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (ЮМЖД). Она представляла собой подлинную государственно-монополистическую экономическую империю, подчинившую себе экономику обширных районов на северо-востоке Китая.

ЮМЖД возникла сразу после Русско-японской войны 1904-1905 годов, когда позиции Японии в Маньчжурии особенно усилились. По Портсмутскому договору Япония получила от России право на аренду Квантунской области. Кроме того, железную дорогу между Порт-Артуром, Дальним и Чаньчунем и все права и привилегии в ее зоне. В 1906 году был издан императорский указ об организации ЮМЖД, которой с самого начала придавался стратегический характер.

Япония добилась монопольного права в деле финансирования железных дорог в Маньчжурии, а компания ЮМЖД оказалась монопольной собственностью Японии. Великобритания, финансировавшая ЮМЖД в 1907-1908 годах, акциями ЮМЖД не владела и никакими правами на управление дорогой не пользовалась. США не раз пытались сломить монопольное господство Японии в Маньчжурии, видя в нем нарушение политики «открытых дверей». Однако эти попытки не достигли своей цели.

77 процентов всех своих капиталовложений в Китае Япония сконцентрировала в Маньчжурии; большая часть из них — не менее 40 процентов — уже в 1931 году приходилась на долю ЮМЖД и 37 ее дочерних компаний. В то же время компания не являлась коммерческим предприятием. Главным ее акционером было японское правительство, владевшее более 50 процентами капитала. Оно же обладало прерогативой назначения чиновников на высшие административные должности в компании.

ЮМЖД имела больше стратегическое, чем экономическое предназначение — осуществление экономической подготовки к военному захвату Маньчжурии, а затем и всего Китая.

Доходы от ЮМЖД служили одним из источников финансирования Квантунской армии. За период 1915—1931 годов японское правительство получило от ЮМЖД 125 млн иен дохода — большую сумму, чем было вложено при ее организации. Из этой суммы 65 млн иен было выделено на содержание Квантунской армии.

В конце концов ЮМЖД и Квантунская армия в то время установили господство над северокитайскими территориями вдоль границы с СССР общей площадью в 1,3 миллиона квадратных километров — почти в три раза большей, чем территория островной Японии. ЮМЖД и Квантунская армия напоминали сиамских близнецов: вряд ли кто-либо мог с уверенностью сказать, кто больше стремился к расширению своего господства — монополисты ЮМЖД или генералы Квантунской армии. Это означало, что интересы экономической экспансии правящих кругов тесно переплетались с военно-политическими целями. В итоге,

естественно, «квантунцы» в существенной мере воздействовали на политику правительства Японии. ЮМЖД «делала» министров, а японские министры почитали за большую честь стать президентом или вице-президентом компании. Именно Иосуке Мацуока, в течение многих лет занимавший кресло президента ЮМЖД, а впоследствии ставший министром иностранных дел, добился выхода Японии из Лиги Наций в 1933 году, после того как она осудила японскую агрессию в Маньчжурии, противоречащую нормам международного права.

Аппарат ЮМЖД представлял собой источник наиважнейшей стратегической информации. Для группы «Рамзай» очень важно было держать этого экономического колосса под неусыпным наблюдением. С этой задачей справился Одзаки. Он получал много ценной информации от своих людей в ЮМЖД, занимавших там ответственные посты. В филиале компании в городе Мукдене на севере Китая такими доверенными людьми Одзаки были Нориаки Гото и Хисатака Кайеда. В токийском научно-исследовательском бюро ЮМЖД работал Иосио Мияниси, а его друг Иу Такахаси служил в главном управлении этого акционерного общества. Позднее, в конце 1938 года, Одзаки по протекции Коноэ сам был назначен консультантом исследовательского бюро ЮМЖД.

«Я ПОЛАГАЮ, ЧТО ЯПОНЦЫ ВЕСНОЙ ПОЙДУТ НА ВОЕННЫЕ ПРОВОКАЦИИ, КОТОРЫЕ ПРИВЕДУТ К МЕСТНЫМ ИНЦИДЕНТАМ...»

Для резидентуры «Рамзай» продолжались тяжелые рабочие будни. Уже 1 января 1939 года Зорге отправил сообщение о подписанном 8 октября 1938 года японо-германском соглашении относительно обмена разведывательной информацией об СССР. Отт и Шолль были уверены, что скоро последует и заключение военного пакта. «Я в этом сомневаюсь, — радировал „Рамзай“, — и попробую выяснить через Отто, который только один узнал об этих переговорах».

В это время в политической жизни Японии произошли большие изменения. Перед Токио встал вопрос о выборе направления дальнейшей экспансии. Здесь мнения разделились. Часть влиятельных японских кругов во главе с Коноэ считала, что война на два фронта — против Китая и СССР — не под силу империи. Людских и материальных ресурсов страны для этого было недостаточно. Поэтому предлагалось вначале победоносно закончить «китайский инцидент», превратить эту огромную страну в экономическую и сырьевую базу будущей агрессии, а затем, собрав в кулак все вооруженные силы Японии, бросить их против северного соседа.

Этой группировке противостояла другая, более могущественная, во главе с бароном Хيرانумой. Его поддерживали военный министр гене-

рал Итагаки, заместитель военного министра генерал Тодзио и командующий Квантунской армией генерал Уэда. Как и в предыдущие годы, их планы предусматривали в первую очередь захват дальневосточных территорий Советского Союза. Хиранума и его группировка рассчитывали, что после захвата советских дальневосточных территорий можно будет замкнуть кольцо окружения вокруг Китая, изолировать его от внешнего мира и сделать невозможной ту военную помощь, которую Советский Союз оказывал ему в борьбе с японской агрессией.

Зорге стало известно, что, со слов видного японского политического деятеля Накано², японские военные раскололись на три основные группы.

Первая группа требовала стремительной войны с Китаем до тех пор, пока весь он не будет захвачен и оттуда не будут изгнаны все иностранные державы. Вторая группа, созданная Квантунской армией, требовала мира с Китаем и сосредоточения внимания на войне с СССР. Третья группа, к которой принадлежали военный министр Итагаки, генерал Тэраучи³ и другие, выражала желание прекратить операции в Южном и Центральном Китае, сохранив за собой лишь Северный Китай и Монголию как базу развертывания войны против СССР. К этой группе принадлежал также Хиранума и другие члены правительства. «Главные трудности, — сообщал „Рамзай“ в Москву 23 января 1939 года, — лежат в сопротивлении радикальных групп, которые боятся восстания в случае отказа от завоеваний в Китае. Единственным путем избежания внутренних противоречий считается отвлечение внимания радикальных групп на СССР»⁴.

Победила точка зрения, требовавшая сосредоточения внимания на подготовке войны с СССР, и в январе 1939 года барон Хиранума сменил принца Коноэ на посту премьер-министра. По мнению Одзаки, основные причины отставки кабинета Коноэ заключались в следующем: а) по-прежнему не были урегулированы связи между политическими и военными проблемами; б) вопреки ожиданиям «китайский инцидент» приобрел затяжной характер; в) кабинет встал перед трудным выбором между дружественными связями с Германией и связями с Англией и США; г) кабинет утратил поддержку общественного мнения в стране.

Однако принц Коноэ не остался без дела — он был назначен председателем Тайного совета.

Кабинет Хиранумы немедленно продолжил переговоры с Германией о заключении военного союза. События торопили японский кабинет. 2 января 1939 года министр иностранных дел Италии граф Чиано сообщил Риббентропу о согласии его страны подписать договор, но отмечал, что желательно представить его как «пакт мира». Однако японское правительство хотело заключить союз, направленный исключительно против СССР. Кабинет министров был заинтересован в заключении договора, который способствовал бы окон-

чанию войны в Китае, усилению международных позиций империи и получению от своего европейского союзника технической и экономической помощи. Соответствующее указание было направлено японскому послу в Берлине Осиме. Получив его, новый посол развил бурную деятельность, добившись от Риббентропа согласия на продолжение переговоров между двумя странами.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 23 января 1939 г.

Я не думаю, что эта политика отвлечения внимания на войну с СССР уже претворяется в жизнь. Посол Отт считает, что Итагаки стоит за продвижение на север от Китая.

Майор Шолль сообщил послу Отту о растущем мнении в генеральном штабе за действия в северном направлении и ускорении организации армейских групп в Маньчжурии. Он считает, что это указывает на новую подготовку против СССР. На это отклонение в политике также указывает тревога по рыболовному вопросу⁵. Даже иностранцы всех наций считают, что на севере что-то должно случиться. Но я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае.

Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам. Это будет сделано для того, чтобы отвлечь радикальные группы от войны в Китае, что диктуется необходимостью противодействия с той целью, чтобы не показать своей слабости.

№№ 82, 83, 84. Рамзай.
Расшифровал Лакутинов.
Перевел майор Попов.

Резолюция и.о. начальника Разведуправления: «НО-2. В спецсообщение по всем телеграммам. Р. Орлов. 25.1.»⁶

Однако условие Японии, чтобы военный союз был направлен только против СССР, было неприемлемо для правительства Германии. Оно готовилось в 1939 году к войне в Европе и настаивало на том, чтобы Япония присоединилась к Германии и в случае ее войны с Англией и Францией. Такие требования в свою очередь не устраивали японское правительство, стремившееся закончить войну в Китае и затем бросить освободившиеся войска против советских дальневосточных границ.

Фактически кабинет Хиракумы встал перед той же дилеммой, что и Коноэ, не желавший осложнений с западными державами.

КОЛЕБАНИЯ КАБИНЕТА ХИРАНУМЫ

По мнению Зорге, одной из наибольших удач его резидентуры в 1939 году было получение информации о переговорах относительно заключения германо-японского союза и колебаниях в этой связи кабинета Хиранумы.

Вопрос о заключении германо-японского союза был поставлен в 1939 году с германской стороны по двум каналам: через посла Японии в Германии Осиму и через посла Германии в Японии Отта. Через Осиму было сделано подробное предложение, а через Отта — представлен обобщенный проект союза.

Однако переговоры проходили весьма сложно. Основной политической причиной этого было не только то, что правительство Хиранумы было занято внутренними делами. Япония опасалась идти на открытый разрыв с западными странами в случае принятия германских предложений, потому что не была готова в достаточной степени к войне с другими государствами. Помимо этого германский проект был чрезвычайно неясным. В нем содержались весьма туманные формулировки. Например, предполагалось, что Япония и Германия заключат политический и военный союз против любого государства, проводящего враждебную политику в отношении Японии или Германии.

В свое время при заключении антикоминтерновского пакта ясно указывалось, что его объектом является Советский Союз, в проекте же нового соглашения объект договора не указывался.

Постепенно в ходе переговоров выяснились истинные цели Германии. Вражеским государством, которое должно было быть объектом союза, был не Советский Союз, а Великобритания. В результате этого кабинет Хиранумы попал в весьма сложное положение. В то время Гитлер уже разрешил проблему Австрии, а в решении вопросов, связанных с Чехословакией и особенно Польшей, он не мог избежать военного столкновения с Англией и Францией. А именно то время было наиболее подходящим для войны с ними, так как оттяжка во времени дала бы возможность Англии и Франции лучше подготовиться к войне и это, естественно, создало бы для Германии определенные трудности.

Таким образом, ставя перед японским правительством вопрос о заключении союза, Германия в действительности планировала войну с Англией.

Характерно, что долгое время даже полномочный посол Третьего рейха в Японии Эйген Отт не знал о предложении Берлина заключить военный союз с Японией. Только через несколько месяцев Риббентроп поставил его об этом в известность и просил информировать Берлин о настроениях в правительственных кругах Токио. 12 марта 1939 года Зорге сообщил, что, по мнению Отта, «японцы

готовы в любой момент подписать пакт, полностью направленный против СССР». А 23 марта 1939 года Эйген Отт отправил в Берлин шифrogramму следующего содержания: «Из хорошо осведомленных источников узнал, что японская конференция пяти министров под председательством премьера сегодня в два часа ночи, после длительного совещания, решила начать дипломатические переговоры с Германией по поводу военного союза против России. Отт».

Несомненно, что одним из этих «хорошо осведомленных источников» для Отта был Рихард Зорге. Он, в свою очередь, получал исчерпывающую информацию от Одзаки и Мияги. «Джо» в апреле 1939 года сообщил о колебаниях японских руководящих кругов по поводу опасности, которую может повлечь за собой присоединение к германо-итальянскому военному союзу. Одзаки докладывал о положении, «сложившемся в связи с военным союзом Японии, Германии и Италии». Японское правительство получило письмо от посла Японии в Германии Осимы о военном союзе. Это письмо обсуждалось правительством Хиранумы более 10 раз. В самом правительстве не было единства по этому вопросу, в частности, представители военноморского флота призывали к более осторожной позиции, а Арита был настроен весьма скептически. Кроме этого складывалось впечатление, что сам премьер-министр Хиранума находился под влиянием тех, кто выступает за улучшение отношений с США и Англией.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 9 апреля 1939 г.

Осима опять поднял вопрос о военном пакте, потребовав ответа от японского правительства. После долгого обсуждения Япония решила принять военный пакт, направленный только против СССР.

Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических стран, но остались в меньшинстве.

Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против этого.

Посол Отт узнал в министерстве иностранных дел, что японцы не пойдут на уничтожение последних остатков хорошего отношения со стороны Америки⁷, согласившись присоединиться к пакту против демократических стран.

Посол Отт считает, что Япония все-таки будет заставлена присоединиться к этому пакту.

№ 42. Рамзай.

Расш. Малинников.

Перев. майор Попов.

Резолюции: «Т. Шленскому и т. Попову. 15.4.39. Подпись.»⁸

Ю. М. Корольков в своем романе «Кио ку мицу!» пишет, что Одзаки в соответствии с заданием и рекомендациями Зорге действовал как «агент влияния». По словам Королькова, Зорге, узнав о согласии японского правительства вести переговоры с Германией с целью заключения военного союза, направленного против России, предложил Одзаки переходить на более активные формы работы. «Все эти годы мы готовились к большим, главным событиям, — говорил „Рамзай“. — Эти события приближаются, и теперь нам нужно не только фиксировать или предугадывать их, но пытаться на них воздействовать. Вот в каком смысле я понимаю повышение нашей активности»⁹.

В период между 9 и 15 апреля, как сообщил «Отто», было принято решение о заключении союза с Германией на следующих условиях: «В случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам».

То, насколько остро шло обсуждение вопроса о военном союзе, говорит тот факт, что положение Хиранумы, который выступал против войны с западными странами, стало неустойчивым. 23 апреля 1939 года «Рамзай» передал в Центр: «Отт сообщает, что назначение Койсо [министром коммуникаций Японии] имеет большое значение в том отношении, что для него открывается дорога на пост премьер-министра. Он крепко стоит на позиции мира с Китаем, который считает необходимым заключить до начала войны в Европе. Койсо заявил, что он проектирует заключить мир с Китаем и даже с Чан Кай-ши... Он упирает на то, что японцы должны укрепиться только в Северном Китае, оставив в большей или меньшей мере Южный и Центральный Китай китайскому правительству, и готовиться к войне против СССР после укрепления позиций Японии в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии».

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5 УПРАВЛЕНИЯ РККА¹⁰

Острова, 15 апреля 1939 г.

Второй секретарь германского посольства возвратился из Берлина, где участвовал в ряде совещаний в министерстве иностранных дел. На совещаниях присутствовал Риббентроп. Секретарь заявил, что в течение ближайшего года или двух лет политика Германии будет исключительно сконцентрирована на французском и британском вопросах с учетом всех вопросов, связанных с СССР.

Главная цель Германии — достичь такой политической и военной силы, чтобы Англия была вынуждена без войны признать требования Германии на гегемонию в Центральной Европе и ее колониальные притязания.

Только на этой основе Германия будет готова заключить продолжительный мир с Англией, отрекшись даже от Италии, и начать войну с СССР.

В ближайшее время, по мнению секретаря, ожидается наиболее опасное развитие событий в Европе, так как Германия и Италия должны торопиться взять верх над Англией, ибо они знают, что через два года будет слишком поздно ввиду того, что Англия обладает большими резервами.

Рамзай.

В апреле 1939 года японское правительство известило правительства Германии и Италии о том, что оно согласно подписать пакт, направленный против СССР, но не считает возможным заключать пакт, направленный одновременно также против Англии, Франции и США. В начале мая, как сообщил «Рамзай», позиция немного смягчилась — министр иностранных дел Арита и морские круги согласны были заключить общий, не ограниченный условиями военный пакт «против любого государства, которое начало бы войну против какой-либо одной из трех стран, заключивших антикоминтерновский пакт, даже если в эту войну будет вовлечена Англия, Америка или Франция». Однако японская сторона хотела, чтобы об этом было записано в секретном приложении к пакту, во избежание трений с Великобританией и США. «Генеральный штаб заявил, — передал Зорге, — что Арита подаст в отставку, если его точка зрения не пройдет, и намекнул немецкому послу Отту, что генеральный штаб не может взять на себя ответственность пойти на раскол настоящего правительства из-за расхождения во мнениях...»

Такая позиция Японии вызвала недовольство правящих кругов Германии и Италии. Правительства этих стран, стремившиеся к переделу мира, добивались заключения тройственного союза, направленного не только против СССР, но также против Англии, Франции и США.

Гитлер и Муссолини отклонили японские предложения об ограниченном действии договора.

Учитывая неопределенную позицию Японии, Германия и Италия, не дожидаясь решения японского правительства, подписали 22 мая 1939 года двусторонний германо-итальянский договор о военном союзе («Стальной пакт»).

БОЛЬШАЯ ИГРА В ПОДДАВКИ

30 января 1939 года Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой он пытался обосновать необходимость для немцев «жизненного пространства». В частности, он потребовал возвращения Гер-

мании ее бывших колоний. Говоря о политике в отношении союзников, он заявил, что любая война, по каким бы причинам она ни возникла, поставит Германию на сторону Италии.

Накануне этой знаменательной речи, 24 января 1939 года, министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс в конфиденциальном порядке информировал президента США о том, что Гитлер «рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке». Указав на то, что имеет место ухудшение германо-голландских отношений, Галифакс писал: «Оккупация Германией Голландии и побережья дала бы Гитлеру возможность парализовать Францию и диктовать Англии свои условия»¹¹.

В телеграмме английскому послу в Вашингтоне от 28 января 1939 года Галифакс изложил содержание обращения английского правительства к правительствам Франции и Бельгии по этому вопросу. Он подчеркивал, что «стратегическое значение Голландии и ее колоний настолько велико, что германское нападение на Голландию, по мнению правительства его величества, должно рассматриваться как прямая угроза безопасности западных держав»¹². Тем не менее на Западе Англия, Франция и США рассматривали германскую угрозу как неясную, с которой можно было бы справиться путем переговоров и манипуляций.

На Востоке же тем временем 10 февраля 1939 года Япония захватила китайский остров Хайнань. Это ухудшило положение Китая и явилось серьезным ударом по позициям Англии, Франции и США на Дальнем Востоке. Однако правительства этих стран ограничились демаршами, смысл которых сводился всего лишь к тому, что они запрашивали объяснения японского правительства.

Так, 17 февраля 1939 года американский посол в Токио Грю в соответствии с инструкциями государственного департамента посетил министерство иностранных дел Японии и сделал устное заявление о том, что правительство США «было бы радо получить информацию относительно намерений японского правительства в связи с оккупацией острова Хайнань».

Министр иностранных дел Японии Арита, отвечая Грю, заявил, что «цель оккупации острова Хайнань состоит в усилении блокады побережья Южного Китая и ускорении подавления режима Чан Кайши». Арита повторил прежние заявления японского правительства, что Япония не преследует территориальных целей в Китае и добавил, что оккупация «не выйдет за пределы военной необходимости»(!)¹³.

Такая реакция США, Англии и Франции явилась для Японии лишь новым доказательством того, что она может безнаказанно продолжать свою экспансию. Правительства этих стран делали все возможное, чтобы Германия, Япония и присоединившаяся к их переговорам Италия заключили военный союз, направленный против СССР. При этом в Лондоне, Париже и Вашингтоне рассчитывали на то, что агрессия против Советского Союза начнется и на Западе, и на Востоке. Для достижения этой цели западная дипломатия готова была идти на серьезные уступки державам «оси».

В то же время дипломатические представители Англии и США в Токио были обеспокоены противоречивыми сообщениями мировой прессы о переговорах по заключению военного союза. В прессу просочились сведения, что этот союз может быть нацелен и на демократические страны. Арита поспешил заверить послов Англии и США в том, что предполагаемый военный союз будет направлен против СССР и не затронет интересов великих держав. Это настолько воодушевило западные державы, что в ответ правительства Англии и Франции отклонили просьбу Китая об оказании ему помощи в войне с Японией, отказались от предложения Китая о заключении договора между Англией, Францией, СССР и Китаем, направленного против островной империи.

22 мая 1939 года на заседании Совета Лиги Наций китайский представитель Веллингтон Ку внес предложение о том, чтобы Совет рекомендовал государствам — членам Лиги Наций:

во-первых, предоставлять финансовую и материальную помощь Китаю; воздерживаться от любых действий, которые могут ослабить силу сопротивления Китая; воздерживаться от снабжения Японии военными материалами и сырьем, необходимыми для продолжения ее агрессии против Китая, в особенности самолетами и горючим; ограничить импорт японских товаров, а также принять другие меры воздействия против преднамеренного нарушения Японией договорных прав государств — членов Лиги Наций;

во-вторых, в целях координации проводимых мероприятий создать специальный орган держав, непосредственно заинтересованных в делах Дальнего Востока;

в-третьих, продолжать осуществление уже принятых Ассамблеей и Советом резолюций в целях предоставления помощи Китаю и изоляции агрессора¹⁴.

В тот же день Галифакс заявил на заседании Совета Лиги Наций: «Правительство его величества не считает возможным поддержать далеко идущие предложения, выдвинутые сейчас от имени Китая»¹⁵.

В этих условиях резолюция, принятая Советом Лиги Наций 27 мая 1939 года, ограничилась лишь выражением надежды, что будут по-прежнему осуществляться меры, принятые некоторыми государствами по оказанию помощи Китаю, и выполняться решения, уже при-

нятые Лигой Наций по этому вопросу, а также призывом к членам Лиги Наций изучить вопрос о дальнейших мерах помощи Китаю¹⁶.

Весьма показательным проявлением такой политики стал «тяньцзиньский конфликт», который начался в июне 1939 года. Японское правительство, осуществляя постоянный нажим на Англию, Францию и США с целью вынудить их признать японские захваты в Китае, установило 14 июня 1939 года блокаду английских концессий в Тяньцзине. Отряды японской полиции заняли все входы в концессию и пропускали англичан только после унижительного обыска и опроса. Деловая жизнь на территории этих концессий замерла. Поводом для этой блокады послужило требование японцев о выдаче концессионными властями четырех китайцев, обвиненных японцами в убийстве. В ответ на просьбу английского посла в Токио Крейги снять блокаду с английских концессий Арита заявил 24 июня 1939 года, что японское правительство будет продолжать прежнюю политику до тех пор, пока Англия не пойдет на сотрудничество с Японией в Китае¹⁷.

В итоге 24 июля 1939 года было опубликовано англо-японское соглашение (соглашение Арита — Крейги), по которому английское правительство фактически признало «законность» японских захватов в Китае.

В условиях, когда уже вовсю шли столкновения японских и советских войск в районе реки Халхин-Гол, это соглашение укрепляло позиции Японии.

Такая политика не могла не раздражать советское руководство. На XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года Сталин прямо заявил, что эта политика направлена на то, чтобы «дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“ и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия». Советский генсек четко представлял себе, что политика Запада после Мюнхена направлена исключительно на подталкивание Германии и Японии к войне с большевиками. «Необходимо, однако, заметить, — пригрозил Сталин, — что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»¹⁸.

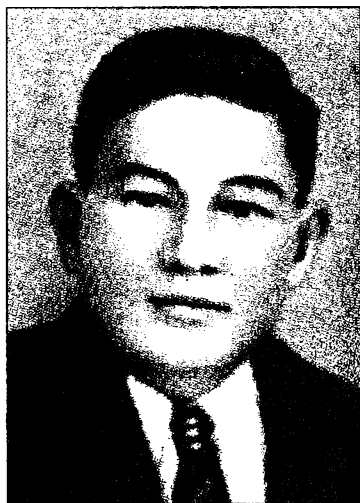
Там же на XVIII съезде ВКП(б) народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов выступил с воинственными заявлениями. Он сказал, что с 1934 года, то есть за период между двумя съездами, численность Красной Армии увеличилась в два раза. «Мощь огня минутного залпа стрелкового корпуса Красной Армии составляла в 1939 году 78 932 кг по сравнению с 60 981 кг — французского корпуса и 59 509 кг — германского корпуса. Военно-воздушные силы СССР (как самолетный парк, так и личный состав) по срав-

По мнению Рихарда Зорге, это его лучший снимок. Токио, 1936 г.

Премьер-министр Японии
принц Фузимаро Коноэ
был лучшим информатором
Ходзуми Одзаки

Ходзуми Одзаки — первый помощник
Зорге и одновременно советник
премьер-министра

Радист группы «Рамзай»
Макс Клаузен в Токио. Работал
с Зорге еще в Китае
в начале 1930-х годов

Бранко Вукелич — член группы
«Рамзай». Журналист, великолепный
фотограф, корреспондент знамени-
того французского агентства «Гавач»

Германский посол в Японии
Эйген Отт — генерал-майор
и «лучший друг» Зорге. Генераль-
ские погоны и должность посла он
получил не без помощи советского
разведчика

Рихард Зорге
в период его японской миссии

Зорге в 1941 году. До ареста осталось несколько месяцев

Знаменитый руководитель советской военной разведки в 1920—30-х годах Ян Карлович Берзин. К нему из отдела международных связей Коминтерна Зорге перешел в 1929 году

Комкор Семен Петрович Урицкий, сменивший Я. Берзина в мае 1935 года. С ним встречался Зорге летом 1935 г. во время поездки в Москву

Анна Клаузен — жена, помощница
и верный друг Макса Клаузена.
Шанхай, начало 1930-х гг.

Одзакі в Шанхае в 1932 г.
С Зорге его познакомила
Агнесс Смедли

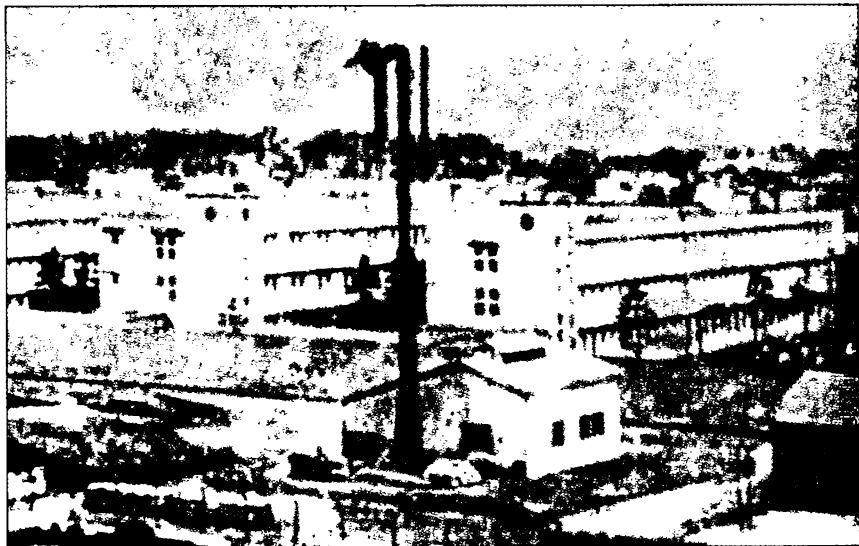
Макс Клаузен — радист группы Зорге в Китае. Шанхай, начало 1930-х гг.

Макс и Анна Клаузен по-прежнему вместе. Берлин 1967 г.

Терраса дома Зорге в Токио

Тюрьма Сугамо в Токио, где 7 ноября 1944 г. был казнен Рихард Зорге

Могила Рихарда Зорге на кладбище Тама в Токио. Так она выглядела до признания Зорге в Советском Союзе

Так она выглядит после 1964 года

Первый радист Зорге в Токио
Бруно Виндт. В 1936 г. он был
радиистом военного атташе Ком-
брига Горева в республиканской
Испании

Рут Вернер —
сотрудница разведыва-
тельной группы Зорге
в Китае

Последняя фотография Рихарда Зорге, казненного 7 ноября 1944 г.

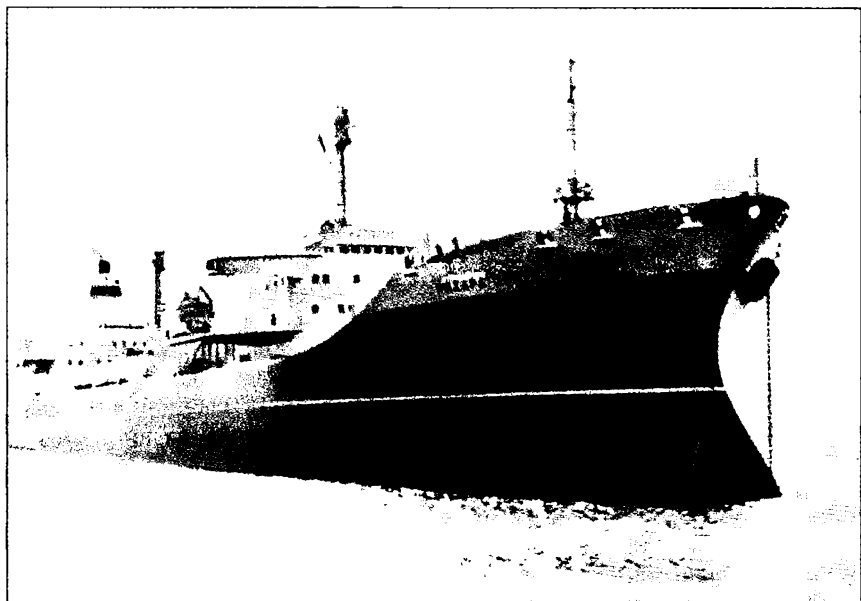

Жена Рихарда Зорге Екатерина Александровна Максимова.
Они поженились в 1933 г.

Екатерина Максимова (стоит)
и ее сестры Татьяна и Мария.
1933 г.

Исии Ханако, подруга Рихарда Зорге
в Токио. 1935 г.

Теплоход «Рихард Зорге»

нению с 1934 годом возросли более чем в два раза. Одновременный бомбовый залп увеличился в три раза», — заявил Ворошилов под бурные и продолжительные аплодисменты¹⁹.

НА ОЧЕРЕДИ — ПОЛЬША

«Польский вопрос» всегда вставал в повестку дня большой европейской политики, когда можно и нужно было принести в жертву интересы этой страны ради устремлений великих держав. Так было во времена завоеваний Наполеона, так это происходило и в период гитлеровской экспансии.

Еще 3 октября 1938 года Зорге сообщил: «От военного атташе [полковника Мацки] получил сведения о том, что после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей по-дружески в связи с их совместной войной против СССР».

Однако с началом 1939 года, особенно после речи Гитлера в рейхстаге, политика Германии в отношении Польши резко изменилась. Гитлер не собирался рассматривать поляков как равноправных партнеров. 21 марта 1939 года Риббентроп изложил польскому послу Липскому германские предложения Польше. Они сводились к следующему: Данциг в качестве самостоятельной единицы вновь входит в состав германского рейха. Германия получает также право на строительство экстерриториальной железнодорожной линии и автострасы, которые связывали бы Германию с Восточной Пруссией²⁰.

При этом Риббентроп делал упор на то, что международное положение Польши в результате передачи Германии Данцига укрепит-ся, а также что Германия и Польша могут проводить единую вос-точную политику, так как интересы обеих стран по «защите от большевизма» совпадают.

Однако 26 марта Липский передал Риббентропу меморандум польского правительства, в котором германские предложения отклонились.

Ответ Гитлера не заставил себя долго ждать. 28 апреля Германия, ссылаясь на отказ польского правительства принять немецкие пред-ложения, аннулировала германо-польскую декларацию 1934 года о ненападении.

В то же день Гитлер выступил в рейхстаге. В своей речи он под-верг критике версальскую систему договоров, пытался оправдать аншлюс Австрии и захват Чехословакии, а также заявил, что мюн-хенское соглашение не решило всех вопросов, связанных с пере-кройкой европейских границ. Фюрер пошел на обострение отноше-ний с Великобританией и объявил о денонсации англо-германско-го морского соглашения 1935 года, заявив в то же время о желании

установить дружественные отношения с Англией при условии, если с ее стороны будет проявлено «известное понимание» интересов Германии.

Это было полной неожиданностью для Лондона, который длительное время даже никак не реагировал. Только 27 июня английский посол в Германии Гендерсон вручил статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Вейцзеккеру меморандум в связи с денонсацией Германией морского соглашения. В своем меморандуме английское правительство указало, что оно не может признать оправданным и правомерным этот акт. В то же время английское правительство высказало пожелание начать переговоры о заключении между Германией и Англией нового морского соглашения. Однако руководство рейха уже всю планировало решение «польского вопроса» военным путем.

В марте 1939 года Разведуправление РККА начало получать сообщения от своего проверенного агента о германских планах относительно Польши. Этим агентом был Вольфганг — немецкий журналист и коммерсант, работавший на советскую военную разведку. В числе основных его источников был Рудольф фон Шелия — советник германского посольства в Варшаве, выходец из известной аристократической семьи. Он ненавидел Гитлера и нацистов, называл их выскочками и установил контакт с Вольфгангом, считая его представителем разведки одной из западных стран.

ВОЛЬФГАНГ — ЦЕНТРУ

С первого дня нашего знакомства Шелия информирует меня обо всем, что ему кажется важным. Это и политическая информация, и личные интриги, и денежные истории, и его собственные конфликты с женой и прислугой. Свои сведения он сообщает мне и в посольстве, и на квартире. Документы, которые меня интересуют, он или прочитывает вслух, или разрешает мне читать их самому. Так как он сознает, что нарушает этим свои служебные обязанности, то обычно говорит: «Возьмите в руки газету для предосторожности. Если кто-то войдет, прикройте ею телеграммы...»²¹

Помимо фон Шелия, Вольфганг имел и другие источники информации. Так, на основании бесед с доктором Клейстом, сотрудником Риббентропа, он сообщал, что ближайшие планы Гитлера заключаются в подготовке «акции против Запада». Произошла кардинальная переоценка роли Польши в будущей войне. Гитлеровское руководство отказалось использовать поляков в качестве вспомогательной силы и решило осуществить территориальный раздел Польши. «За беспощадным очищением востока последует „западный этап“, который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим

или военным путем», — заявил Клейст. После успешного завершения этой «акции» в дальнейшем «война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики».

Новый начальник Разведуправления генерал Проскуров в мае 1939 года доложил Сталину краткое содержание ответов на вопросы, поставленные в конце марта 1939 года в беседе агента советской военной разведки с начальником восточного отдела верховного командования германской армии майором Кинцелем. Последний высказал сомнение в том, что русские могут оказать большую материальную помощь Польше, «так как у них, очевидно, очень скоро начнутся серьезные дела с Японией». По его сведениям, Япония отнюдь не считала, что понесла поражение на озере Хасан. «Японцы не были заинтересованы в обострении боев. Поэтому они и отдали приказ ограничиваться только необходимой обороной. Но уже ее оказалось достаточно для того, чтобы отразить русских без остатка. Японцы чувствуют себя значительно сильнее. Они хотят теперь так или иначе скорее покончить с делами в Китае, чтобы затем сильно ударить по русским. Это может наступить скоро. Тогда, пожалуй, у русских пропадет охота мешаться в дела Европы. Следовательно, поляки остались бы довольно одинокими».

Совершенно очевидно, что Германия собиралась использовать японскую армию для того, чтобы отвлечь внимание Москвы от польских дел.

Вольфганг одним из первых сообщил в Москву о примерной дате нападения Германии на Польшу — июль—август 1939 года.

В конце мая пришло подтверждение этой информации от группы «Рамзай».

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5-го УПРАВЛЕНИЯ РККА

Острова, 31 мая 1939 г.²²

Майор Шолль узнал, что японцы намерены увеличить свой воздушный флот в течение 3 лет в 5 раз. Японский генеральный штаб сообщил немецкому послу Отту, чтобы он предпринял меры к тому, чтобы переговоры по заключению военного пакта не пришли к разрыву, т. к. Генштаб все еще надеется на заключение договора, несмотря на последнюю оговорку, сделанную Хиранума. Сам Отт считает, что до тех пор, пока против этого вопроса выступают Хиранума и морские круги, включая круги, близко стоящие к императору, и экономические круги, из переговоров ничего не выйдет. Японцы хотят избежать неприятностей с Англией и Америкой. Прибывшие в Токио немцы-фашисты, близко стоящие к Герингу, говорили о том, что дальнейшее продвижение Германии будет производиться в Европу. Данциг будет захвачен в сентябре 1939 года.

В этом же году Германия отберет у Польши старую немецкую территорию и отбросит Польшу на юго-восток Европы в Румынию и Украину. Германия не имеет прямых интересов на Украине. В случае войны Германия с целью получения сырья захватит и Украину. Прибывший с визитом в Токио германский военный атташе в Москве генерал Кёстринг сказал военному атташе в Токио, что главным и первым противником в настоящее время является Польша и уже после — вторым — Украина.

№ 70—71. Рамзай.

Расшифровал Малинников.

Перевел ст. лейтенант Иванов.

Резолюция НУ: «НО-2. Составить спецсообщение. Проскуров. 1.6.»²³.

К этому времени конфликт на реке Халхин-Гол уже вовсю разгорался.

«МАЛЕНЬКАЯ ВОЙНА» НА ВОСТОКЕ

Вопрос о захвате Монголии был поставлен еще в 1927 году премьер-министром Японии Танакой Гиити в его меморандуме императору. Он писал: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай»²⁴. Идеи Танаки получили развитие. В 1932 году военный министр Японии генерал Араки Садао опубликовал брошюру «Задачи Японии в эру Сёва», в которой писал: «Мы считаем маньчжуро-монгольский вопрос важным потому, что если мы не установим прочно своего престижа в Маньчжурии и Монголии, мы никак не сможем распространять великие идеалы, развивавшиеся на протяжении трехтысячелетней истории Японии. Япония не должна удовлетворяться только собственным расцветом, свои идеалы она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру»²⁵.

Это было идеологическим обоснованием военных планов японского командования. Генштабу нужна была «маленькая победоносная война», чтобы поднять в глазах западных держав престиж Японии. С другой стороны, делалась ставка на то, чтобы явочным порядком силой подкрепить предложение Японии заключить военный союз с Германией и Италией, направленный исключительно против СССР. Исходя из этого, в японском генштабе было решено осуществить вторжение на территорию Монгольской Народной Республики. В случае удачных военных действия предполагалось развернуть по всей обширной границе дальневосточного края для захвата территории от Байкала до Владивостока. При этом, как предполагал японский кабинет, Германия должна была выступить против СССР на Западе.

То, что в МНР находились советские войска, было хорошо известно в Токио, и там прекрасно понимали, что вторжение японской армии на территорию этой суверенной страны повлечет за собой вооруженное столкновение с частями Красной Армии. В столице империи к военным действиям готовились с таким расчетом, чтобы сразу же после первого удара добиться победы над объединенными силами советско-монгольских войск. Предполагалось разгромить эти войска на территории Тамцак-Булакского выступа, а затем стремительным броском через столицу республики Улан-Батор выйти к границе Советского Союза южнее Читы. После этого должен был последовать еще один удар в направлении Байкала, чтобы перерезать Транссибирскую магистраль и отторгнуть Дальний Восток от остальной территории страны. Одновременно с ударом в направлении Байкала предполагалось начать наступление в Приморье и захватить район Владивостока.

Ведя дело к открытому конфликту, японское руководство возлагало большие надежды на активную поддержку своих действий со стороны феодальной знати и высшего ламаистского духовенства Монголии, выступавших против просоветского режима. Ставка делалась и на дезорганизованность Монгольской народно-революционной армии, обескровленной репрессиями 1937—1938 годов, когда было уничтожено абсолютное большинство высшего и среднего комсостава, тем более что в 1939 году репрессии в МНР еще продолжались.

В конце тридцатых годов японская армия сделала значительный шаг вперед в своем техническом оснащении. Военная промышленность, развивавшаяся после начала «китайского инцидента» ускоренными темпами, снабжала армию новой современной боевой техникой. Война в Китае дала толчок и быстрому увеличению численности сухопутной армии империи. Число японских пехотных дивизий увеличилось с 23 в 1937 году до 44 в 1939-м, а общая численность сухопутных войск с 950 до 1240 тысяч человек. Число авиационных эскадрилий возросло за это же время с 54 до 91²⁶. Дивизии японской армии, полностью оснащенные новой боевой техникой по штатам военного времени, отлично обученные, имевшие тщательно подобранный офицерский и рядовой состав, представляли большую угрозу и, как показали дальнейшие события, были серьезным противником.

К 1939 году Квантунская армия представляла собой крупную стратегическую группировку, имевшую в своем составе несколько армейских групп. На границе с Приморьем располагались 1-я и 2-я армейские группы, в состав которых входило девять дивизий и одна кавалерийская бригада. Против Благовещенска была сосредоточена 11-я пехотная дивизия. 4-я армейская группа была развернута против восточных границ МНР и Забайкалья. В ее состав входили две пехотные дивизии, сводный отряд гвардейской дивизии и две кавалерийские бригады, а также войска Маньчжоу-Го.

Каждая пехотная дивизия, укомплектованная по штатам военного времени, по численности была равна стрелковому корпусу Красной Армии. Общая численность японских войск в Маньчжурии достигала 359 тысяч человек. На вооружении Квантунской армии имелось 1052 орудия, 585 танков и 355 самолетов. К этому следует добавить японские войска в Корее, в состав которых входили две пехотные дивизии с частями усиления общей численностью в 60 тысяч человек. Они имели 264 орудия, 35 танков и 90 самолетов. Обе дивизии располагались в северной части Кореи у советских границ и предназначались для удара по Владивостоку.

Японским войскам, сосредоточенным у восточных границ Монгольской Народной Республики, противостояли кавалерийские дивизии монгольской армии (4860 человек) и войска 57-го Особого корпуса, численность которого на 25 мая 1939 года составляла 5544 человека²⁷. К моменту вступления в должность командующего советско-монгольскими войсками Жукова в июне 1939 года они насчитывали 12,5 тысячи бойцов и командиров, 109 орудий, 266 бронемашин, 186 танков, 82 самолета²⁸.

Так же как в 1935 и 1936 годах, столкновения начались на границах Тамцак-Булакского выступа. Границы выступа почти вплотную подходили к предгорьям Большого Хинганского хребта, причем как раз в том месте, где железные и шоссейные дороги, миновав горные перевалы, вступают на равнины района Барги. Строившаяся японцами железнодорожная линия от Солуни на Ганьчжоу проходила в этом районе около самой границы. Это была одна из двух линий, которые соединяли район Барги, рассматривавшийся в штабе Квантунской армии как важнейший плацдарм для нападения на Забайкалье, с внутренними областями Маньчжурии.

В выборе японскими милитаристами Тамцак-Булакского выступа в качестве района боевых действий учитывалось то, что его территория, близко подходившая к перевалам через Большой Хинган, могла быть использована как выгодный плацдарм для наступления советских войск в Маньчжурию с территории МНР в случае начала японо-советской войны. Из этого выступа можно было нанести мощный удар в тыл Хайларского укрепленного района Маньчжурии. Выступ был довольно болезненной проблемой для японских стратегов. В 1935 году попытки разрешить эту проблему путем политического и военного давления на МНР потерпели неудачу. И вот спустя четыре года и в Токио, и в штабе Квантунской армии решили ликвидировать выступ с помощью военной силы.

Подготовка к вооруженному конфликту началась с первых же дней 1939 года. К восточной границе МНР подтягивались стрелковые войска и части усиления из центральных районов Маньчжурии. Обе железные дороги, по которым доставлялись войска, работали с полной нагрузкой. Из Северного Китая и метрополии перебрасы-

вались авиационные части, из Порт-Артура — тяжелые орудия. Прекратились бои на китайском фронте, и лучшие части императорской армии, имевшие боевой опыт, перемещались к монгольским границам. Подготовка к военным действиям была тщательной: в полной мере учитывался опыт Хасана. Проводились полевые поездки командного состава, рекогносцировка района предстоящих боевых действий, составлялись его подробные карты.

В феврале 1939 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал из Шанхая: «Известно, что Япония сосредоточила в Маньчжоу-Го, Чахаре, Суйюани свыше 600 тысяч солдат и продолжает перебрасывать войска из занятых районов Китая поближе к советским границам. Переброска большого количества войск на север усиливает подозрение в том, что Япония намерена ускорить нападение на Советский Союз»²⁹.

В апреле 1939 года командующий Квантунской армией генерал Уэда издал оперативный приказ № 1488 с изложением «Принципов разрешения советско-маньчжурских пограничных споров». Действие этого приказа распространялось и на МНР, связанную с Советским Союзом договором. Один из пунктов приказа предписывал подчиненным командирам «в случае нечеткого обозначения границы устанавливать ее по своей инициативе, а если противная сторона станет этому препятствовать, смело вступать в бой и добиваться победы, не заботясь о последствиях, о которых позаботится вышестоящее начальство»³⁰.

В начале 1939 года Одзаки обратил внимание Рихарда Зорге на интенсивные работы, проводившиеся японцами на железнодорожной линии Харбин—Цицикар—Хайлар, а также на прокладываемую ускоренными темпами железнодорожную ветку Ганьчжур—Солон. Эти железнодорожные линии, приспособленные для быстрой переброски войск, пролегали в направлении границы Монгольской Народной Республики и заканчивались вблизи нее. К тому же дополнительные сведения о движении японских военных эшелонов, полученные Зорге из других источников, позволяли заключить, что японцы намереваются через Монголию вторгнуться в советское Забайкалье. В мае Мияги сообщил Зорге подробную информацию о японских воинских частях и их вооружении, расположенных в Хайларе (в районе реки Халхин-Гол) и в восточной части маньчжурской границы.

События в этом районе начались с того, что 12 мая отряд кавалерии монгольской армии переправился через реку Халхин-Гол, находящуюся на территории МНР. Японская армия признала такие действия нарушением границы и на основании вышеупомянутого оперативного приказа № 1488 атаковала этот отряд. В ответ монгольская армия направила в район боев новые силы.

Вслед за этим в ночь на 28 мая японские войска перешли в наступление. В майских и июньских боях превосходящие силы японо-маньчжуров потеснили советско-монгольские войска, которые, неся

потери, были вынуждены отойти к реке Халхин-Гол. Особенно большие потери понесла группировка советской авиации в МНР. Только за два дня воздушных боев 27-28 мая советская авиация потеряла 15 истребителей и 11 летчиков. Японцы — только одну машину. Это стало причиной жестокого разгрома, который учинил по прямому проводу командование 57-го корпуса нарком обороны Ворошилов.

В июне активные боевые действия в районе Халхин-Гола не велись. Но если на земле наступило временное затишье, то в воздухе сражения были в полном разгаре. Сосредоточив мощную воздушную группировку, стянув лучшие авиационные части, имевшие опыт боев в Китае, японское командование стремилось уничтожить советскую авиацию и завоевать господство в воздухе.

После первых неудач советская авиационная группировка была срочно усилена опытными летчиками, прошедшими боевую школу в Испании и Китае. Это сразу резко повысило эффективность действий советской авиации. Особенно упорные воздушные бои развернулись в двадцатых числах июня, на этот раз победа была на стороне советских асов — японцы потеряли 90 самолетов. Советские потери составили 38 машин³¹.

«...ВСЕ ЯПОНСКИЕ СИЛЫ БУДУТ БРОШЕНЫ ПРОТИВ СССР»

В период боев на Халхин-Голе Москва не прекращала оказывать помощь Чан Кайши. 13 июня 1939 года в Москве был подписан Договор между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики о реализации кредита на 150 миллионов американских долларов. В договоре предусматривалось, что стороны будут заключать «контракты на различные категории поставок промышленных товаров и оборудования в счет кредита». По просьбе китайского правительства советское правительство согласилось взять на себя транспортировку поставляемых промышленных товаров и оборудования до места их назначения в Китае.

Этот кредит дал Китаю возможность производить в СССР новые закупки самолетов, пушек, пулеметов и другого вооружения, а также промышленных товаров, автомашин, нефтепродуктов и др. Согласно ведомости, приложенной к публикуемому контракту, Советский Союз поставил в Китай 250 пушек, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, свыше 500 тыс. снарядов, 100 млн патронов и другие военные материалы.

Кроме того, по последующим трем контрактам, заключенным в соответствии с договором от 13 июня 1939 года, Советский Союз направил в Китай более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 пушек, 1300 пулеметов, а также большое количество

бомб, снарядов, патронов, электрооборудование, штурманское оборудование, ремонтное оборудование, горюче-смазочные материалы и другие военные материалы на сумму около 70 млн долларов³².

Во время боевых действий у Номонхана Одзаки не общался ни с кем из секретариата кабинета Хиранумы. Однако уже с начала июня 1939 года он работал в качестве консультанта Исследовательского отдела токийского филиала ЮМЖД и на новом месте имел прекрасную возможность получать разведданные обо всем, что касалось Маньчжурии. По его сведениям, японское правительство не собиралось идти на риск — развязывать полномасштабную войну с Россией, японский народ также не хотел войны. Кроме того, по слухам, японская армия в этих событиях проявила себя не лучшим образом.

Мияги, со своей стороны, снабжал Зорге информацией о типах оружия и другого снаряжения, используемого в боях, о настроении умов и боевом духе в японской армии.

Японское правительство по-прежнему усиленно продолжало переговоры с Германией и Италией относительно заключения военного пакта.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА ОТТА В МИД ГЕРМАНИИ

7 июня 1939 г.

От абсолютно надежных армейских кругов получил совершенно секретную информацию о том, что 5 июня вечером послу Осима отправлена телеграмма, согласно которой Япония готова автоматически принять участие в любой войне Германии, если к числу военных противников Германии будет принадлежать Россия. Если же Россия во время конфликта Германии с третьими странами останется нейтральной, тогда Япония вступит в войну лишь после получения согласия в том, что ее вступление в войну отвечает интересам союзников.

Авторитетное лицо подчеркнуло, что армия и флот после длительного обсуждения пришли к единому мнению относительно предстоящего решения. Это означает существенный прогресс, так как флот отказался от оговорки, согласно которой вступление Японии в войну против западных держав должно было зависеть исключительно от японских интересов³³.

24 июня Зорге сообщил о последних японских предложениях:

1. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР.

2. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии.

3. В том случае, если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония по-прежнему будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки. Но если интересы Тройственного союза потребуют, то Япония присоединится немедленно к войне.

«Рамзай» подчеркнул: «Эта последняя оговорка сделана с учетом позиции СССР, который, видимо, будет втянут в европейскую войну, а также ввиду неясной позиции США. Активные военные действия Японии будут ограничены: во втором и третьем случаях Япония не выйдет дальше Сингапура. Согласно первому пункту, все японские силы будут брошены против СССР»³⁴.

Это сообщение было разослано высшему руководству страны.

В июне 1939 года «Рамзай» прислал в Москву подробный доклад о военно-политическом положении на Дальнем Востоке, сделав при этом смелые выводы: «Военное выступление Германии и Японии против СССР в ближайшее время маловероятно. Германия всецело поглощена подготовкой захвата Польши и борьбой против Англии. Японские вооруженные силы — армия, флот, авиация требуют основательной реорганизации и перевооружения. Завершение этой реорганизации потребует еще 1,5-2 года, то есть Япония будет готова к большой войне не ранее чем в 1941 году».

БАИН-ЦАГАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

К концу июня командование Квантунской армии сосредоточило у границ МНР более крупную группировку войск, в три раза превосходившую советско-монгольские войска по живой силе, артиллерии и авиации.

Г. К. Жуков после вступления в должность командующего советско-монгольскими войсками предложил увеличить численность истребительной и бомбардировочной авиации в Монголии, перебросить из Советского Союза на Халхин-Гол не менее трех стрелковых дивизий и одну танковую бригаду, значительно усилить артиллерию, в первую очередь тяжелую. Все эти предложения были приняты Генштабом РККА, и началась переброска войск.

К 1 июля советско-монгольские войска занимали оборону на восточном берегу Халхин-Гола в 5-6 километрах от реки. Войск на плацдарме было мало. Никакого эшелонирования обороны в глубину не было. Всего на восточном берегу Халхин-Гола было 1500 бойцов, 7 противотанковых орудий, 24 орудия полковой артиллерии и 53 пулемета. Ударную силу обороняющихся частей составляли 98 бронемашин БА-10, вооруженных 45-миллиметровыми пушками.

Ближайшие резервы, которые могли быть брошены советским командованием в бой, находились в Тамцак-Булаке в 120 километрах от линии фронта. Здесь сосредоточивались 11-я танковая и 7-я мотоброневая бригады, а также 24-й мотострелковый полк. На подходе к Тамцак-Булаку находились колонны бронемашин 8-й мотоброневой бригады, вышедшие за несколько дней до этого из Баин-Тумена, находившегося в 400 километрах от Халхин-Гола.

Весь июнь в период затишья японские войска сосредоточивались у монгольской границы. К 1 июля штаб Квантунской армии разработал план операции, которая получила наименование «Второй период номонханского инцидента». По идее аналогичный майской операции: наступление правофланговой ударной группировкой с целью окружения и разгрома советско-монгольских войск на восточном берегу Халхин-Гола. Но на этот раз задача ставилась шире, чем в майских боях. Вместо наступления по восточному берегу реки предусматривалась переправа на западный берег, выход к центральной переправе, окружение и разгром советско-монгольских войск. Затем предполагалось провести расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для последующих действий и разгрома подходящих из глубины резервов советско-монгольских войск. В соответствии с этими задачами и проводилось сосредоточение японских войск у монгольской границы.

В ударную группировку японских войск в районе Халхин-Гола входили: вся 23-я пехотная дивизия, состоящая из 64, 71 и 72-го пехотных полков и 23-го кавалерийского полка; 7-я пехотная дивизия — это 26-й и часть 28-го пехотного полка, 3-й и 4-й танковые полки, хинганская кавалерийская дивизия, имевшая три кавалерийских полка, полк баргутской конницы, два артиллерийских полка, а также другие кавалерийские, артиллерийские и инженерные части. Японские войска прикрывали с воздуха пять авиационных бригад, в состав которых входило 225 истребителей и бомбардировщиков. Общая численность японских войск составляла 38 тысяч человек. По этому показателю японские войска почти в шесть раз превосходили советско-монгольские войска, оборонявшиеся на плацдарме, а по количеству активных бойцов (штыков и сабель) более чем в семь раз. На южном фланге плацдарма, где стрелково-пулеметный батальон с трудом отбивался от хинганской кавалерийской дивизии, превосходство японских войск было десятикратным.

Японское командование не сомневалось в полном успехе разработанной в штабе Квантунской армии новой наступательной операции. Слишком большие силы были привлечены, слишком явным было превосходство над советско-монгольскими войсками.

В район Халхин-Гола для помощи командиру 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Камацубара, который в 1927 году был военным атташе в Москве, прибыли командующие авиацией и артиллерией Квантунской армии. 30 июня Камацубара издал приказ:

«Дивизии главными силами переправиться через реку Халхин-Гол, захватить войска противника и уничтожить их». Генерал был настолько уверен в успехе операции, что в этом же приказе сообщил: он сам движется с основными силами на Баин-Цаган, где и будет находиться его штаб.

Уверенность японского командования в успехе была столь велика, что оно пригласило иностранных корреспондентов и военных атташе. в период с 3 по 15 июля посетить район военных действий, дабы лицезреть «победу» японских войск. Считалось, что операцию удастся завершить в течение июля, с тем чтобы до наступления осени закончить все боевые действия в пределах МНР.

В числе приглашенных журналистов был Бранко Вукелич («Жиголо»), работавший корреспондентом французского агентства новостей Гавас. Зорге предупредил его быть осторожнее и не делать ничего, что могло бы привлечь к себе внимание. Тем не менее, как утверждают исследователи, Вукелич привез из этой поездки важные данные о японских аэродромах, их оборудовании, о количестве и типах базировавшихся на них самолетов, весьма специфическую информацию о японской артиллерии и военном снаряжении. Очень важные сведения Вукелич получил от сотрудника информационного отдела Квантунской армии: «Нет никаких оснований для того, чтобы этот инцидент привел к широкомасштабной войне с Советским Союзом. Японское правительство отдало приказ войскам, запрещающий переход границы».

Вечером 2 июля, когда спала летняя жара, японская артиллерия открыла огонь по позициям советских войск. Под прикрытием артиллерии в наступление перешла группа японских войск под командованием генерал-лейтенанта Ясуоки. Она должна была сковать советские части на восточном берегу реки, обеспечить фланговый марш ударной группировки к реке и переправу ее у Баин-Цагана, а затем охватить с флангов советские войска на плацдарме и уничтожить их. Против 9-й мотоброневой бригады и 149-го стрелкового полка были брошены два японских пехотных и два танковых полка, имевшие 130 танков.

Бой на плацдарме шел ожесточенно и упорно. Силы были слишком неравными, и наши войска начали медленно отступать к берегу реки. Японское командование ввело в бой около 80 танков. Их встретили огнем артиллерии и бронемашин 9-й мотоброневой бригады. Японские легкие танки, вооруженные 20-миллиметровыми пушками, не могли соперничать с советской артиллерией и бронемашинами по скорости и вооружению. В этом бою было подбито и сожжено около 25 японских танков.

К ночи 3 июля советские войска отошли к Халхин-Голу, продолжая удерживать северную часть плацдарма. Южнее Хайластын-Гола стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады, отбивая атаки кавалерийских полков хинганской дивизии, также отошел к реке, удерживая плацдарм на восточном берегу. Наступавшая группа япон-

ских войск генерал-лейтенанта Ясуоки, несмотря на огромное численное превосходство, не смогла выполнить поставленные перед ней задачи. Советские войска не были ни окружены, ни сброшены в реку и продолжали удерживать плацдарм. Обладание этим плацдармом сыграло решающую роль в будущей августовской операции.

Сообщение о начале наступления японских войск сразу же было передано в штаб корпуса в Тамцак-Булак. Перед командованием корпуса стояла задача определить замысел противника и в соответствии с этим наметить конкретные меры по отражению его атак. Ход боев 2 июля на плацдарме показал, что основные удары противника приходятся по флангам советских войск. На основе полученной информации было высказано предположение, что главный удар он нанесет по левому флангу в районе горы Баин-Цаган. Туда и решили подтянуть все резервы из Тамцак-Булака. 11-я танковая и 7-я мотоброневая бригады, а также 24-й мотострелковый полк начали движение к Халхин-Голу. 6-я кавалерийская дивизия должна была прочно удерживать западный берег реки севернее Баин-Цагана.

Пока на плацдарме шли упорные бои, ударная группа под командованием генерал-майора Кобаяси продвигалась по монгольской территории от озера Яньху к Халхин-Голу. В ее состав входили три пехотных и один кавалерийский полк, инженерный полк, артиллерийские части и батареи противотанковой и зенитной артиллерии. Задача группы заключалась в том, чтобы, переправившись через Халхин-Гол, захватить гору Баин-Цаган и, наступая по западному берегу реки, выйти в район переправы и отрезать советские части на восточном берегу. Общая численность ударной группы составляла около 13 тысяч человек, в ее распоряжении было более ста орудий противотанковой, полковой и дивизионной артиллерии.

В 2 часа ночи 3 июля передовые части ударной группы генерала Кобаяси подошли к Халхин-Голу. Вначале японские войска переправлялись на лодках, плотах и даже вплавь. Потом саперы навели понтонный мост, по которому на западный берег реки хлынул поток пехоты и боевой техники. К 8 часам утра переправа была закончена, и японские войска, отбросив после ожесточенного боя малочисленные эскадроны 15-го полка 6-й кавалерийской дивизии, стали продвигаться к вершине Баин-Цагана. По крутым склонам на руках втаскивали они на гору противотанковые и дивизионные орудия, готовя огневые позиции для артиллерии. Саперы строили блиндажи, а пехотинцы копали круглые окопы на одного бойца. Делалось все возможное, чтобы прочнее закрепиться на этой господствующей высоте.

На рассвете 3 июля полковник И. М. Афонин, бывший старшим советником монгольской армии, выехал в расположение 6-й кавалерийской дивизии, чтобы проверить оборону полков по западному берегу Халхин-Гола. У Баин-Цагана он обнаружил переправившиеся японские войска, которые, пользуясь превосходством в си-

лах, атаковали подразделения дивизии и оттеснили их к северу от высоты. Оценив обстановку, Афонин немедленно отправился на командный пункт на горе Хамар-Даба, где доложил о происшедшем.

Для того чтобы понять всю сложность положения, которое создалось на Халхин-Голе ранним утром 3 июля, достаточно взглянуть на карту. На восточном берегу реки советские войска отбивали яростные атаки японской пехоты и танков, а на западном берегу, на Баин-Цагане были уже сосредоточены японские части численностью около 13 тысяч человек и имевшие более 100 орудий. Путь на юг к переправе, связывавшей советские войска с западным берегом, пока был открыт, но стоило захватить переправу и плацдарм за Халхин-Голом был бы потерян. Резервы советских войск, вышедшие из Тамцак-Булака, еще не подошли, и нужно было сделать все возможное, чтобы задержать продвижение японских войск к переправе до их подхода к Халхин-Голу. Счет времени шел уже на часы.

Сообщение о переправе японских войск и занятии горы Баин-Цаган было немедленно передано в штаб корпуса в Тамцак-Булак. Тут же в эфир полетела радиограмма командира корпуса: танковой и мотоброневой бригадам с ходу атаковать японцев, захвативших гору.

В 11 часов 3 июля к Баин-Цагану подошли батальоны 11-й танковой бригады и сразу же без подготовки после длительного марша с ходу атаковали японские позиции. Ждать, пока подойдет пехота и провести совместную атаку, времени не было. Командир корпуса взял на себя всю ответственность за такое смелое решение. Уже после войны в 1950 году в беседе с Константином Симоновым Жуков вспоминал о событиях 3 июля: «...Я принял решение атаковать японцев с ходу танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это».

Победа у Баин-Цагана была одержана, ударная группа генерала Кобаяси уничтожена, но это дорого стоило советским и монгольским частям. 11-я танковая бригада лишилась половины личного состава. Из 182 ее танков было потеряно 82. Не меньший урон понесли и советско-монгольские броневые части. Всего в июле на Баин-Цагане советские потери составили 175 танков и 143 бронемшины.

Реакция Токио на сообщение о поражении у Баин-Цагана была весьма бурной. Японское правительство укрепилось во мнении, что без союза с Германией и Италией рассчитывать на какие-либо победы в войне с СССР не приходится. Влиятельная токийская газета «Хоци» писала 28 июля: «События в Китае и на советско-маньчжурской границе повелительно диктуют необходимость подписания договора с Германией и Италией, ибо без него Япония не в состоянии одержать победу».

ХАЛХИНГОЛЬСКИЙ РАЗГРОМ

Отношения Зорге с послом и высшими чинами посольства имели особую, если не сказать «неопределенную», природу. Зорге, без сомнения, являл собой исключительно ценный источник информации для германского посольства. Отт прекрасно знал, что у Зорге были свои особые связи среди советников принца Коноэ и что он специально изучал советские дела.

Зорге позднее писал: «Я уверен, что я немало привлекал их, поскольку не хотел занимать какую-либо должность в посольстве и еще потому, что у меня были определенные знания и остроумные суждения по политическим, экономическим и военным проблемам. Я также был достаточно сведущ в истории и философии и был, пожалуй, единственным немцем из числа близких к посольству людей, который интересовался серьезными академическими книгами, часто поступавшими в посольство из Германии. Обычно я заимствовал их и забирал домой, чтобы прочитать».

Это, конечно, не могло не произвести впечатления на посла и сотрудников посольства.

Зорге утверждал, что его взглядами постоянно интересовались высшие чины посольства. «Например, они говорили мне, что у них есть такая-то и такая-то информация, и что, мол, я об этом думаю». Время от времени и сам посол показывал Зорге наброски телеграмм и спрашивал его, не нужно ли внести какие-либо изменения. «Таким образом я узнавал содержание многих важных телеграмм и депеш. Иногда мои взгляды вызывали дискуссии, в ходе которых я получал дополнительную информацию».

По мере нарастания размаха военных действий на Халхин-Голе группа «Рамзай» активизировала свою работу. Одзакки составлял списки военных эшелонов, отправляемых по Южно-Маньчжурской железной дороге, Мияги добывал сведения о новых видах оружия и военного снаряжения, передаваемых для испытаний в японские сухопутные войска и ВВС, а также сообщал о настроениях среди различных слоев населения. В частности, в июле 1939 года он сообщил Зорге о том, что «японский народ не верит пропаганде армейской информационной службы о военных успехах в районе Номонхана и настроен весьма пессимистически».

Центр в Москве постоянно интересовали сообщения о японских транспортах с войсками и амуницией. На этот счет у Зорге имелись относительно благоприятные сведения: министерство обороны Японии отозвало с фронта дивизию «Судзуки», а генерал-губернатор

Кореи — две корейские бригады. Масадзане Ямана³⁵ сообщал с острова Хоккайдо об отсутствии каких-либо военных транс-портов помимо обычных. Мияги выяснял обстановку на японских военных базах в Маньчжурии, вел учет количества находящихся там танков и самолетов.

Сигэру Мидзуно³⁶ информировал из своего родного Киото о том, что дислоцировавшаяся там дивизия сухопутных войск в июле—августе отправлена не на монгольскую границу, а в провинцию Аньхой в Центральном Китае.

Германский военный атташе полковник Мацки в разговорах с Зорге подтвердил, что императорскому генштабу, по его сведениям, запрещено использовать сражение на Халхин-Голе для дальнейшего расширения агрессии против Советского Союза.

С другой стороны, резидентура «Рамзай» получала все больше сведений, что японское командование готовило новое наступление, японские войска продолжали накапливаться в районе конфликта. При этом был установлен конкретный срок начала наступления — 24 августа. Корольков указывает, что эти сведения добыл Мияги. На этот раз охватывающий удар планировалось осуществить на правом фланге советско-монгольских войск. Предполагалось обойти их, прижать к болотистым берегам Хайластын-Гола и полностью уничтожить.

Как пишет Корольков, «в те дни Макс Клаузен работал с предельной нагрузкой, он почти ежедневно выходил в эфир... А здоровье начинало подводить, сдавало сердце, и под глазами Клаузена появились болезненные отеки»³⁷.

Зорге периодически начали одолевать приступы меланхолии и апатии.

НАЧАЛЬНИКУ 5-го УПРАВЛЕНИЯ РККА

Острова, 4 июня 1939 г.

[...]

У меня такое впечатление, что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем или, по крайней мере, на долгое время. Пока не будет иметь место новая ориентация или полная реорганизация, ничего добиться нельзя будет. Вернейшим я считаю — новые начинания с новыми силами. Мы постепенно становимся использованными, ненужными в отношении наблюдательных учреждений и важных лиц.

Фрицу в его работе пока везет. Связь и его легализация очень хороши. Однако и здесь я могу повторить мою старую просьбу еще раз: посылайте новых людей, по меньшей мере в качестве помощников, которые после смогут служить заменой. Это же не дело, что практически всю работу ведут я и Фриц. Мы должны были много лет тому назад получить помощь, которая бы потом развилась в

смену и привлекла бы новых помощников. Не забывайте, что я уже 6 лет здесь живу и 9 на Дальнем Востоке, с очень непродолжительным пребыванием дома. Тяжелый несчастный случай год тому назад я преодолел, тем не менее девять лет вне [дома] дают себя чувствовать все больше и больше.

Пожалуйста, передайте Кате привет от меня. Я очень сожалею, что так долго обнадеживаю ее своим приездом. Однако ответственность за это, дорогой директор, несете Вы сами.

Мы есть и остаемся Ваши старые, верные и послушные сотрудники. Тысячу приветов всем вам там, дома.

Рамзай.

Справка 5-го управления.

Комдив И. И. Проскуров приказал:

Основательно продумать, как компенсировать отзыв Рамзая.

Составить телеграмму и письмо Рамзаю с извинениями за задержку с заменой и изложением причин, по которым ему необходимо еще поработать в Токио.

Рамзаю и другим членам его организации выдать единовременную денежную премию.

Пограничный конфликт на Халхин-Голе быстро перерос в локальную войну. Японской группировке в 75 тысяч человек противостояли монгольско-советские войска численностью в 57 тысяч. С обеих сторон в боевых действиях временами участвовало свыше 1000 орудий и минометов, более 1000 танков и броневинов и около 900 самолетов.

Незадолго до начала решающего сражения на Халхин-Голе командующий 6-й японской армией генерал Риппо Огису пригласил осмотреть участок фронта делегацию германского посольства в Токио, в которую на правах представителя прессы входил и доктор Зорге. В этом пограничном районе Зорге уже побывал в 1936 году в составе германской исследовательской экспедиции, подробно изучил его как возможный театр военных действий.

При разработке подробного плана наступательной операции советское военное командование большое внимание обратило на то, чтобы сохранить в строжайшей тайне ее замысел и основные этапы подготовки. План операции в полном объеме знали только несколько человек: Жуков, Никишев, Богданов, Штерн и начальник оперативного отдела штаба армейской группы. Все документы плана были отпечатаны в нескольких экземплярах. Командиры, командовавшие артиллерией, авиацией, инженерными частями, знакомись только с теми частями плана, которые имели к ним непосредственное отношение. Постепенно в процессе подготовки операции

с отдельными разделами плана знакомили командиров дивизий, бригад и полков. Личному составу войск сообщили о наступлении только за три часа до начала операции. Благодаря этим мерам была достигнута полная внезапность начала наступления.

Важное значение в подготовке операции имела тщательно продуманная система дезинформации противника. Было известно, что японское командование занимается радиоразведкой, перехватывая и пытаясь дешифровать радиogramмы советских радиостанций. Советским частям, которые сосредоточивались на северном и южном флангах, было категорически запрещено использовать радиостанции. В то же время радиостанции частей центра вели интенсивный радиообмен с Тамцак-Булаком и Улан-Батором. Радиogramмы шифровались простым шифром, известным противнику, но в них говорилось о получении материалов для строительства оборонительных сооружений и зимнего обмундирования. Была разработана и выпущена большим тиражом «Памятка бойцу в обороне». Разведчики позаботились о том, чтобы ее экземпляры попали в руки японцев. В Москву по линиям связи, которые могли подслушиваться противником, отправлялись ложные сводки о построенных оборонительных сооружениях и запросы на инженерное имущество. Делалось все это для того, чтобы создать у противника впечатление, что советские войска готовятся только к обороне.

Немаловажными были и мероприятия, предназначенные для маскировки сосредоточения советских танковых частей, противника также нужно было приучить к постоянным полетам авиации над Халхин-Голом. Решили снять глушители с небольшого количества танков и каждый день пускать их на полной скорости вдоль линии фронта. Японцы вначале беспокоились, но потом привыкли, решив, что у русских плохо с дисциплиной. Систематически проводились и полеты истребительных и бомбардировочных эскадрилий вдоль линии фронта. Японцы постепенно привыкли к ним и также стали считать их обычным явлением. Хорошую службу для дезинформации противника сослужили и мощные звукоуведомительные установки, которые, имитируя забивку свай и другие инженерные работы, успешно «работали» за сотни саперов, создавая впечатление проводимых советскими воинами крупных оборонительных работ.

В ночь с 18 на 19 августа по наведенным саперами переправам началось выдвижение советских стрелковых и танковых частей на восточный берег. Танки переправлялись небольшими группами, чтобы не особенно тревожить привыкших к шуму моторов японских дозорных. Переправившиеся части сразу же использовали заранее приготовленные для них укрытия. Артиллерийские батареи на западном и восточном берегу Халхин-Гола были уже пристреляны к намеченным целям. На аэродромах эскадрильи бомбардировщиков заправлялись горючим, к ним подвешивались бомбы, штурманы уточняли маршруты полетов. Связисты прокладывали дополнительные телефонные линии, обеспе-

чивая надежность связи командного пункта 1-й армейской группы на горе Хамар-Даба с расположенными на восточном берегу частями.

В ночь с 19 на 20 августа переправа частей на восточный берег реки продолжалась. К рассвету 20 августа подготовка операции была закончена. За три часа до ее начала в частях был зачитан приказ о наступлении.

Рано утром 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление. К 23 августа японская группировка была окружена и началось ее уничтожение. К 31 августа советско-монгольские войска вышли на границу с Маньчжоу-Го на всем ее протяжении. На отдельных участках противники пытались взять реванш за поражение вплоть до 12 сентября. Бои в воздухе продолжались до 15 сентября. 16 сентября боевые действия были прекращены, начались переговоры.

Японские потери за время боев на Халхин-Голе составили около 61 тысячи солдат и офицеров, из них около 25 тысяч убитыми. Советские войска потеряли 23 926 человек, из них — около 9 тысяч убитыми³⁸.

Абсолютное большинство исследователей считают, что группа Зорге внесла неоценимый вклад в успех советской операции на Халхин-Голе. Ю. Мадер называет информацию «Рамзая» о планах и сроках нападения Японии на МНР с последующим ударом по советским дальневосточным территориям «вторым стратегически особо важным донесением».

Германский абвер также направил в Маньчжурию своего наблюдателя — доктора Ивара Лисснера. В своих мемуарах он писал: «В то время в Маньчжурии происходили странные вещи... Токио, стремившийся любой ценой предотвратить конфликт, отдал приказ снять с позиций в отдаленном монгольском районе, где шли бои, две корейские бригады и знаменитую дивизию „Судзуки“. Однако каким-то непостижимым образом Советы узнали об этом приказе задолго до начала его исполнения. Они увидели для себя уникальную возможность преподать урок японской Квантунской армии... Инцидент в районе Номонхана четыре месяца спустя завершился сокрушительным поражением японцев. Офицеры и солдаты писали Тэнно (т. е. императору) прощальные стихотворения и посреди вытоптанной монгольской степи делали себе хакари. Генерал Исогаи, начальник штаба Квантунской армии, был настолько взбешен тем, что на его армию легло такое пятно, ...что в его военном мозгу начали зарождаться планы укрепления позиций своих войск и продолжения боев с помощью нанесения первого удара по Чите, отомстив таким образом русским»³⁹.

Но заслуга Зорге не только в том, что он предупредил о японских планах против МНР, но и в своевременно полученной информации, которую он передал в Москву, что у японского кабинета не было планов расширять конфликт на Халхин-Голе до масштабов большой войны. При этом помимо сведений из германского посольства, а также от

Одзак и Мияги, «Рамзай» сосредоточил свое внимание на перемещениях элитных частей из Японии в район боев. Он установил, что на Халхин-Гол не отправлялись танковые части, тяжелая артиллерия, а также крупные части других родов войск. Речь могла идти только об усилении группировки японских войск за счет соединений в Маньчжурии и Северном Китае. Именно этот факт Зорге передал в Центр в качестве подтверждения локального характера событий на Халхин-Голе⁴⁰.

Как утверждают Дикин и Стори, в разговоре с Оттом Зорге сделал самый подробный анализ разгрома у Номонхана: «Я указал, что утверждения Люшкова и других о предполагаемой слабости Красной Армии теперь прямо уже можно назвать ложью. Если японская армия хотела изгнать Красную Армию с ее нынешних позиций, то потребовалось бы 400—500 танков, а это превышало возможности военной промышленности Японии. Германии следует более глубоко изучить Номонханский инцидент и отказаться от старой идеи, что Красная Армия якобы не в состоянии оказать серьезного сопротивления». После чего Зорге заметил: «Однако я полагаю, Германия скорее согласилась с идеями Люшкова, нежели с моими»⁴¹.

Тем не менее имеются свидетельства недовольства со стороны Центра информацией Зорге в период номонханских событий. По утверждению Дикина и Стори, 1 сентября 1939 года Зорге получил следующее сообщение из Москвы: «Качество вашей информации о текущих военных и политических проблемах в течение лета постепенно становилось все хуже. За этот период Япония предприняла ряд важных шагов в подготовке нападения на Советский Союз, но мы не получили от вас никакой сколько-нибудь значительной информации. Поскольку германское посольство хорошо информировано по этой теме, будьте добры получить информацию у них и сообщить нам по радио, не откладывая. Поскольку вы очень опытны в своей работе и ваше положение в посольстве необычайно высоко, мы просим и ожидаем обширной, достаточно свежей информации от вас по военным и политическим проблемам. Но вы остаетесь в стороне, посылая нам информацию, не представляющую особой ценности.

Мой дорогой Рамзай, я вновь обращаюсь к вам с просьбой изменить ваш метод собирания информации... Так, и только так ваше пребывание в Японии будет иметь хоть какую-то ценность для нашей работы. Чтобы получить информацию лучшего качества, следовало бы полнее использовать возможности Джо, Мики⁴² и Отто. Платите им вне зависимости от того, выполнили они свою работу или нет. Вы должны обдумать важность вашей работы... Мы уверены, что вы бесконечно преданы своей Родине. И мы чувствуем, что вы можете работать лучше. Подтвердите, пожалуйста, получение».

В тот же день поступило другое сообщение:

«Два месяца назад я указал, что вашей самой непосредственной и важной проблемой было воспользоваться услугами нескольких

японских армейских офицеров, но до настоящего времени не получил ответа... Я считаю эту работу жизненно важной для решения проблемы. Будьте добры телеграфировать наблюдения и планы. Уверен, что вы добьетесь в этом успеха).

Оба послания, подписанные «Директор», означали, что они исходят лично от начальника Разведуправления. Как пишут Дикин и Стори, «нет никаких следов ответа Зорге на эти размышления о его миссии. Он уже предупредил свое начальство, что организация полноценной действующей группы в Японии требует времени. Да, ему потребовалось пять лет проб и экспериментов, чтобы установить радиосвязь с помощью передатчика Клаузена. Но теперь Зорге был готов и не нуждался в подобных понуканиях»⁴³.

Возможно подобные «понукания» были связаны с началом Второй мировой войны. Косвенным подтверждением этого «нагоняя» может служить телеграмма «Рамзая» от 10 сентября 1939 года. В ней он сообщал о спешных перебросках крупных пополнений японских войск, в том числе из Кореи, на маньчжуро-монгольскую границу. Ссылаясь на информацию «Отто», Зорге передал, что императорские круги использовали поражение на Халхин-Голе для того, чтобы расстроить план назначения Исогаи⁴⁴ или Тада на пост военного министра вместо Хата.

В правящих кругах Японии все больше стало нарастать движение за заключение советско-японского пакта о ненападении. Однако, по мнению «Рамзая», это не исключало военной угрозы со стороны Квантунской армии, которая жаждала реванша. Особенно это было связано с тем, что начало войны в Европе «произвело сильное впечатление на Японию, которая в настоящее время не совсем уверена в действительной силе Англии и исходе войны».

На этом донесении Зорге имеется резолюция: «1. На Рамзая напоминания подействовали. 2. Обработать для спецсообщения. Проскуров. 15.9.»

Возможно, это были те «напоминания», о которых пишут Дикин и Стори, но возможно, и другие — в тот период срочно требовались сведения о готовности Японии продолжать боевые действия на Халхин-Голе в свете начавшейся европейской войны. Если это и так, то ко времени получения донесения «Рамзая» уже было ясно, что японское руководство осознало бесперспективность продолжения конфликта. 9 сентября 1939 года японский посол в Москве Того Сигэнори посетил Наркомат иностранных дел и от имени японского правительства предложил заключить перемирие, создать комиссии по демаркации границы, организовать комиссию по урегулированию будущих конфликтов между СССР и Маньчжоу-Го и превратить район Халхин-Гола в демилитаризованную зону.

Как бы там ни было, но очевидно, что в тот период руководство Разведупра выражало определенное недовольство работой своей токийской резидентуры.

СТАЛИН ИДЕТ НА СБЛИЖЕНИЕ С ГИТЛЕРОМ

Как свидетельствуют документы, японское руководство в течение всего конфликта на Халхин-Голе не оставляло надежды заключить военный союз с Германией и втянуть ее в войну с СССР. По агентурным данным аппарата военного атташе СССР в Токио, полученным из различных источников к 30 мая 1939 года, основной причиной непримиримых разногласий в японском правительстве являлся вопрос военного союза с Германией: генштаб требовал немедленно-го заключения союза на германских условиях (направленного не только против СССР, но и против Великобритании и США), морские и финансовые круги возражали, требуя при этом вывода японских войск из Южного Китая и закрепления в Северном Китае. В то же время Германия не соглашалась заключить союз, направленный исключительно против СССР, и требовала подписать договор без всяких условий. Хиранума не смог примирить противоположные точки зрения. В итоге японское правительство решило военный союз не заключать, а укреплять антикоминтерновский пакт.

Однако по мере разрастания номонханского конфликта в военно-морских кругах Японии нарастали воинственные настроения. Как сообщал 25 июля 1939 года военно-морской атташе СССР в Японии, под давлением «квантунцев» командование Оминато (главная военно-морская база Японии, где располагался штаб японских ВМС) 26 июня и 20 июля выступило с угрозами в адрес СССР, заявив, что «против незаконного давления советских властей будут приняты решительные меры». Это чревато было самыми серьезными последствиями: японские адмиралы могли забыть о своих разногласиях с генштабом и пойти на подписание военного союза с Германией без всяких условий. «В свете этого служба охраны Владивостока, Сахалина и Камчатки должна быть усилена», — сообщал военно-морской атташе Ковалев⁴⁵.

В месяцы, предшествовавшие сентябрю 1939 года, первоочередной задачей резидентуры «Рамзая» был ход японо-германских переговоров, направленных на создание политического и военного союза. Переговоры начались по предложению германской стороны, однако продвигались медленно, с большим трудом. Япония была не готова к войне с другими странами, кроме Китая, тогда как все предложения Германии в ходе этих переговоров преследовали цель втянуть Японию в войну против Великобритании на Дальнем Востоке.

Для советского руководства информация о переговорах между Германией и Японией о заключении военного союза имела чрезвычайно большое значение: уже в то время Советский Союз вел секретные переговоры с Германией и поэтому было важно знать о ее переговорах с Японией, которые могли стать развитием антикоминтерновского пакта.

Начиная с января 1939 года, из дипломатических кругов Германии от своего агента Вольфганга Разведуправление начало получать информацию о пересмотре руководством рейха его восточной политики. В беседах с различными немецкими официальными лицами (военным атташе Германии в Польше полковником Химером, военно-воздушным атташе в Польше и Румынии полковником Герстенбергом⁴⁶ — человеком близким к Герингу, заведующим восточным отделом министерства иностранных дел Германии доктором Клейстом и другими) в январе—июне 1939 года постепенно выяснилась следующая картина.

После мюнхенского соглашения Гитлер намеревался ускорить столкновение с Москвой, усиливал давление на Польшу с целью обеспечить в ее лице союзника против СССР. Гитлер в то время находился исключительно под влиянием Риббентропа и Розенберга, выступавших за войну против СССР, используя постановку украинского вопроса. К тем кругам, которые, исходя из политических и военных соображений, скептически оценивали вероятный исход военного столкновения между Германией и СССР, почти не прислушивались.

Решительный поворот в оценке политической обстановки и шансов в войне в Восточной Европе наступил где-то около Рождества 1938 года. И не случайно. В Берлине сложилось впечатление, что следует серьезно отнестись к планам Муссолини относительно Средиземноморья (захват Корсики), в результате чего вполне возможен конфликт с западными державами.

В связи с этим предпринятые меры по закреплению на Востоке (захват оставшейся части Чехословакии и Мемеля в марте—апреле 1939 года, давление на Венгрию, Румынию и Югославию), по мнению руководства рейха, создавали прочный тыл для столкновения на Западе. В мае Гитлер планировал начать колониальную кампанию Германии и Италии против Франции. В Берлине надеялись сломить Францию, осуществляя это отдельными этапами по возможности мирным путем, и добиться тем самым господствующего положения Германии в Европе.

Совершенно секретно

СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА

№ 143463 cc
от 23 марта 1939 г.

О событиях в Восточной Европе

Докладаваю:

Общая обстановка.

По заслуживающим внимания сведениям, исходящим из германских дипломатических кругов в Варшаве, Германией намечаются следующие мероприятия:

1. Реакция Англии оценивается Берлином более слабой, чем это ожидалось, а потому Германия решила расширить свои действия в Восточной Европе присоединением Клайпеды и ударом по Румынии.

2. Германский военно-воздушный атташе в Варшаве полковник Герстенберг по приказанию Геринга выезжает 24.3 в Бухарест с более серьезным ультиматумом к Румынии. Нажим на Кароля намечено производить вплоть до капитуляции.

3. В связи с легкостью успеха в Чехословакии и Литве изменяется последовательность действий, и вместо нажима на Запад решено ликвидировать сопротивление поляков.

[...]

Польша в случае возможного соглашения между СССР, Францией и Англией должна остаться на стороне Германии, за что ей обещаются некоторые территориальные прирезки.

[....]

Вр. начальника Разведывательного управления РККА
комдив Орлов.

Гитлера раздражали действия западных держав против Германии, которые приняли более серьезные формы, чем он это ожидал. Прежде всего это касалось активности США. Те как бы предупреждали, что в случае войны против Германии выступит мировая коалиция, которой она не сможет противостоять ни в военном, ни в экономическом отношениях.

Весьма содержательными были беседы Вольфганга с Герстенбергом. Тот заявил 21 апреля, что «фюрер в своих ночных разговорах за последнее время все чаще и чаще упоминает о возможности договора с Москвой. Это был бы для нас выход. Влиятельные круги Берлина уверены в том, что примирение с Советским Союзом возможно. Постепенно становится ясным, что мы нуждаемся в Советском Союзе, как в военной, так и в экономической опоре на Востоке, если мы хотим сводить наши крупные счета с Западом. Быть может, Москва ждет от нас голубя мира.

Антикоминтерновский пакт не является для нас проблемой. Японцы доказали свое бессилие в Китае, они получают от китайцев еще такую баню, что у них исчезнут и зрение, и слух. И вот ради таких союзников Германия пожертвовала китайским рынком сбыта.

Так что с точки зрения и этой перспективы в нашей политике должно произойти изменение. Решающим остается соглашение с Советским Союзом».

В мае Герстенберг высказался еще более откровенно: «Советский Союз должен быть завоеван. Но сегодня Советский Союз нельзя уже получить, подсунув ему обглоданную кость. Сегодня он требу-

ст жирный кусок — честное, сильное сотрудничество, которое ему требуется. Мы в воздушном министерстве, включая и маршала Геринга, думаем, что имеется три объекта компенсации, которые мы можем и должны предложить Советскому Союзу:

1. Часть Польши, и именно хорошую часть. Это государство и без того перестанет существовать, откуда возникнет необходимость, чтобы мы пришли с Советским Союзом к единому решению относительно новых границ. При этом мы не должны быть мелочными.

2. Персидские порты. Эти гавани значительно улучшили бы советские позиции в Азии, особенно позицию Москвы по отношению к Англии и Японии. Мы должны были бы помочь им овладеть этими портами.

3. Мы должны были бы предать Японию. Это горько, но правильно. Мы должны были бы покончить с нашей восточноазиатской политикой, которая в основном приносила нам только гнев, и должны были бы вместе с русскими защищать китайцев против японцев. Этим мы решительно разгрузили бы русскую позицию на Дальнем Востоке».

Герстенберг присовокупил: «Еще не зашло далеко. Слишком много ничего не понимающих людей приложили свои руки к проблемам. Но события движутся в направлении, указанном мною. Сейчас в основном все зависит от русских, если они поймут свое время, они могут теперь сделать с нами большие дела».

Вся информация, полученная от Вольфганга, рассылалась высшему руководству страны не только в виде спецсообщений, но и в дословном изложении в специальных сборниках переводов агентурных материалов по военно-политическим вопросам.

РАЗОСЛАНО:

- экз. № 1 — Сталину
- экз. № 2 — Молотову
- экз. № 3 — Ворошилову
- экз. № 4 — Берии
- экз. № 5 — Мехлису
- экз. № 6 — Шапошникову
- экз. № 7 — в дело

5 июля 1939 г.

Препровождаю перевод материала, характеризующего дальнейшие планы германской агрессии в отношении Польши, высказанные зав. восточным отделом канцелярии Риббентропа — Клейстом в беседе с нашим источником в период между 17 и 19 июня с. г.

Материал в некоторой части развивает и дополняет прежние высказывания Клейста в отношении политики Германии к Советскому Союзу и позиции последнего в предстоящем немецко-польском конфликте (запись беседы Клейста представлена при № 472 376 от 17.5.39 г.).

Нападение Германии на Польшу, по данным Клейста, намечается в августе—сентябре, в то время как по предыдущему его сообщению, должно произойти в июле.

Тенденция к сближению с СССР отмечается также и в «Выдержке из письма Вёрмана», в «Записке статс-секретаря Вейцзеккера» и в «Беседе с Герстенбергом», представленных при № 472 519 от 3.7.39 г. в «Сборнике переводов агентурных материалов по военно-политическим вопросам». Считать их, однако, за конкретное подтверждение не представляется возможным, т. к. исходят они от той же группы лиц, используемых нашим источником.

Приложение: Материал на 6 листах.
Зам. Народного Комиссара Обороны СССР
Начальник 5-го Управления РККА
Герой Советского Союза
Комдив (Проскуров).

Наиболее четко стремление Германии к сближению с СССР выявилося в беседах Вольфганга с Клейстом 17—19 июня 1939 года. Клейст сказал: «Фюрер не позволит, чтобы исход англо-франко-русских переговоров о пакте оказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса. Германно-польский конфликт будет разрешен Берлином как при условии успешного, так и безуспешного исхода переговоров о пакте. Впрочем, ни фюрер, ни Риббентроп не верят в то, что Советский Союз примет участие в военных действиях Англии и Франции против Германии. Это мнение выработалось у руководителей империи не только ходом англо-франко-русских переговоров, но и, прежде всего, поведением за последнее время Москвы по отношению к Берлину. Москва дала нам понять, что она хочет вести с нами переговоры, что она совсем не заинтересована в конфликте с Германией и что она не заинтересована также в том, чтобы биться за Англию и Францию.

По приглашению Советского Союза тайный советник Шнурре из министерства иностранных дел отправляется теперь в Москву, чтобы атташировать при германском посольстве и открыть экономические переговоры с Советским Союзом. Мне Риббентроп дал задание установить неофициальную связь с Советским Союзом. Очевидно, мы используем некоторых офицеров германской армии, которые у большевиков сегодня еще на хорошем счету, и некоторых выдающихся хозяйственников, которые на основе своего прежнего участия в германо-русской торговле сегодня еще известны и уважаемы в Москве, чтобы через них приблизиться к советско-русским лицам и тем самым теснее установить связь между Берлином и Москвой. Разве германский крупный промышленник Вольф не возбудит интерес Микояна к германо-русским экономическим вопросам, из

чего, конечно, возникнут для нас также и политические возможности? Впрочем, в теперешней обстановке нам не хватает таких людей, как Тухачевский, с которым можно было мигом наладить связи. Мы сейчас уже почти уверены в нейтралитете Советского Союза, и прежде всего тогда, когда Германия вступит в конфликт с Польшей. По нашему мнению, Советский Союз останется в случае конфликта в стороне даже тогда, если он подпишет какой-нибудь бумажный пакт. Фюрер и Риббентроп считают при сегодняшнем положении невозможным, чтобы Советский Союз в германо-польском конфликте выступил бы активно на антигерманской стороне. Фюрер в течение последних недель тщательно занимался Советским Союзом и сказал Риббентропу, что по разрешении польского вопроса в германо-русских отношениях должен наступить новый „рапалльский этап“ и что по образцу германо-польского соглашения нужно будет в течение известного времени вести с Москвой политику сближения и экономического сотрудничества. Миролюбивые отношения между Германией и Россией во время ближайших двух лет, по мнению фюрера, являются предпосылкой разрешения проблемы в Западной Европе».

Сталин понимал все выгоды сближения с Гитлером в тот период, особенно на фоне откровенного нежелания Чемберлена и Даладье иметь с ним дело. По всей видимости, контакты в этом направлении с германскими представителями стали осуществляться с начала мая 1939 года — 3 мая с поста наркома иностранных дел был смещен М. М. Литвинов, а на его место поставлен В. М. Молотов, готовый четко выполнять сталинские указания в плане секретных контактов с Гитлером.

В то же время генсека чрезвычайно беспокоили сообщения от носительно германо-японских переговоров о военном союзе. Если бы они были направлены против СССР, то Сталин немедленно прекратил бы секретные переговоры с Германией. Вот почему информация «Рамзая» в тот период имела стратегически важное значение. Именно поэтому Проскуров и просил Зорге в ответ на его просьбу о замене продолжать работу, приказал его начальникам продумать, как компенсировать это, и выдать ему и членам группы единовременную денежную премию.

Резидентура «Рамзая» действительно оказалась на высоте. Уже в начале апреля 1939 года Зорге узнал от сотрудников германского посольства, что «переговоры по заключению предложенного Германией японо-германского союза прерваны в связи с сильной позицией против заключения союза, занятой Хиранумой, военно-морскими силами и финансовыми кругами».

Одновременно в ходе японо-германских переговоров Зорге выяснил, что стоит за настойчивым требованием германской стороны об антианглийской направленности предлагавшегося союза — Гер-

мания в это время начала секретные переговоры с СССР. «Отт намекнул мне, — писал позже Рихард, — что эти переговоры могут не ограничиться заключением договора о нейтралитете, а есть возможность, что они дойдут до заключения германо-советского военного союза. При этом кабинет Хиранумы, находясь в затруднительном положении, под различными предлогами затягивал переговоры, что вызывало недовольство Германии. В это время в Японию прибыл Штамер в качестве специального посланника Риббентропа, и, хотя ему после неоднократных бесед с министром иностранных дел Аритой и удалось заручиться поддержкой для начала переговоров, практически его миссия была безуспешной».

На протяжении нескольких месяцев Зорге часто слышал от Отта о японо-германских переговорах и докладывал о них в Москву «всякий раз, когда получал какую-либо информацию».

Зорге позднее вспоминал: «Советский Союз, используя мои сообщения, пришел к выводу, что японо-германские переговоры имеют антианглийскую направленность, и в результате этого СССР заключил договор с Германией. Я думаю, что нет необходимости говорить о том, что весь ход переговоров между Японией и Германией передавался мною по радио в Москву, при этом я использовал информацию, полученную от Отта и Штамера».

«Именно из-за провала японо-германских переговоров был заключен германо-советский договор о ненападении», — утверждал Зорге.

ПАКТ МОЛОТОВА—РИББЕНТРОПА, ИЛИ «НИЧЕГО СУЩЕСТВЕННОГО НЕ ПРОИЗОШЛО»

7 августа 1939 года Вольфганг в очередной раз встретился с Герстенбергом. Информация, которую он получил от него, имела чрезвычайно важное значение и срочно была отправлена в Москву. По словам Герстенберга, он был в Берлине 5 и 6 августа, где ему стало известно, что решение о войне с Польшей принято. Гитлер убежден, что в случае конфликта Великобритания останется нейтральной. Он знает, что в Москве идут англо-франко-советские переговоры, но считает, что для достижения соглашения их участникам потребуется много времени. Поэтому Германия должна нанести первый удар. «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши», — заявил Герстенберг.

Примерно в это же время Сталину стало известно, что японский кабинет в очередной раз не смог прийти к согласию относительно заключения военного союза с Германией.

Токио, 15 августа 1939 г.

В июне кабинет [Японии] отклонил предложение военных о заключении военного союза с Германией и Италией, направленного против демократических стран, и принял решение об укреплении антикоминтерновского пакта, т.е. союза против СССР. Военные, надеясь на компромисс с Англией, вынуждены были временно согласиться.

В результате аннулирования договора с Америкой, затяжки переговоров с Англией и боязни, что японская армия одна не справится с СССР, военные потребовали пересмотра июньского решения о военном союзе.

8 августа этот вопрос в течение пяти часов обсуждался на совещании пяти министров, при этом выявились крупные разногласия и никаких решений принято не было. Продолжение обсуждения назначено на 18 августа.

Дворцовые и финансовые круги пойдут на заключение военного союза только против СССР, но не против всех демократических стран, чего требуют Германия и Италия.

Основная масса морской группы поддерживает финансовую группу. Внутренние силы требуют союза без всяких условий.

Л. Мишин⁴⁷.

Из района Халхин-Гола Жуков докладывал, что все готово к переходу в решительное наступление. Настал самый благоприятный момент для того, чтобы одним ударом завершить «изящно» разыгранную комбинацию и уйти от нацистского «молота» и японской «наковальни», куда Сталина усиленно заталкивали западные лидеры.

23 августа 1939 года, в разгар боев на Халхин-Голе, когда уже выявился успех советско-монгольского наступления, в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, лишивший Японию надежд на поддержку со стороны Германии. Все было так, как и предсказывал полковник Герстенберг.

Подписание этого договора вызвало настоящий шок в японских военно-политических кругах.

Английский посол в Токио Р. Крейги писал в своем донесении в Лондон, что подписание советско-германского пакта о ненападении «было для японцев тяжелым ударом»⁴⁸.

24 августа временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов сообщал: «Известие о заключении пакта о нена-

падении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР.. В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, в частности к СССР»⁴⁹.

Аппарат советского военного атташе в Японии (Крылов⁵⁰) 26 августа передал аналогичное сообщение, снабдив его основными высказываниями японской печати относительно заключенного советско-германского пакта: «Германия проявила недружественную позицию. Союз с Германией и Италией и антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу»; «Вся ответственность возлагается на правительство, которое не сумело предусмотреть этого»; «Дипломатия Ариты привела Японию к полной изоляции, необходимо установление военной дипломатии»; «Необходимо заключить новый союз с Германией, который будет направлен против Англии»; «Армия заявила о своем твердом и неизменном курсе в отношении СССР и Англии как основных врагов»; «Сближение СССР с Германией окажет плохое влияние на китайские события. Активизация СССР на Востоке усилится»⁵¹.

Информация о реакции японских правящих кругов приходила также и от группы Зорге. 24 августа он сообщил, что переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию против Германии. «Возможна отставка правительства после того как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим. Большинство из членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией... Нарастает внутривнутриполитический кризис», — писал «Рамзай»⁵².

Действительно, 28 августа японский кабинет во главе с Хиранумой был вынужден подать в отставку. На смену ему пришло правительство во главе с генералом Абэ Нобуюки. Обосновывая свою отставку, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создано новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики».

Правительство Японии поручило своему послу в Германии Осиме заявить протест в связи с заключением советско-германского договора, указав, что этот договор противоречит антикоминтерновскому пакту. Эйген Отт, опередив нерасторопных чиновников из министерства иностранных дел, первым проинформировал об этом Риббентропа. «Очень важно! Секретно. Шифром посла. Вручить немедленно! — писал он, едва узнав важную новость. — Мне только что стало известно

об инструкции, которую сегодня направляют в Берлин послу Осиме. Ему поручили заявить, что подписание советско-германского пакта аннулирует теперешние германо-японские переговоры о военном союзе. Японское правительство расценивает заключение Германией пакта о ненападении с Россией как серьезное нарушение секретного соглашения, приложенного к антикоминтерновскому пакту. По этому поводу послу Осиме поручено заявить строгий протест. Отт».

В тот период советскому руководству удалось осуществить один из основных заветов великого Сунь-цзы: «Самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы...» Но в этот же период Сталин уверовал в свою абсолютную гениальность и непогрешимость, выстроив концепцию, согласно которой Гитлер будет воевать с западными демократиями и с ним можно будет в любом случае как-нибудь договориться. Исходя из этой концепции, позднее все предупреждения разведки о военных приготовлениях Германии рассматривались советским вождем весьма скептически.

ШОК В ЯПОНИИ: ИНФОРМАЦИЯ «РАМЗАЯ» НА ФОНЕ ДРУГИХ СООБЩЕНИЙ

Интересно сравнить оценки Зорге и аппарата советского военного атташе в Токио в тот период. Зорге на основании своих источников еще 24 августа указал на то, что «торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой. Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото⁵³ и к генералу Угаки⁵⁴, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая».

Исполняющий обязанности военного атташе Мишин сообщал 31 августа 1939 года: «После прихода к власти кабинета Абэ политика Японии, по нашему мнению, в основном остается прежней:

1. Продолжение агрессивных действий на материке.
2. Расширение военной подготовки страны.
3. Оживление внешней торговли.
4. Установление дружественных отношений со странами, понимающими истинные намерения Японии, при сохранении самостоятельной внешней политики. Следует ожидать принятия мер по урегулированию взаимоотношений с США и Англией и дальнейшей провокационной политики в отношении СССР».

Нетрудно заметить тот нюанс, который отличает донесение Зорге и сообщение аппарата советского военного атташе в Токио — информация о реакции экстремистски настроенных кругов среди японских военных. Они всегда были настроены против СССР, а тут

вдруг, по сведениям «Рамзая», начали выступать за нормализацию отношений с СССР и ужесточение позиции в отношении Англии. У Мишина этого нет, он констатирует только продолжение «провокационной политики» в отношении СССР.

В следующих своих донесениях «Рамзай» уточнил это видимое противоречие. 10 сентября он передал, что Шолль «пытается подбить японский генштаб на заключение договора о ненападении с СССР». Здесь же он сообщил о нарастающем движении радикальных групп Накано, Хасимото и адмирала в отставке Кобаяси за подписание советско-японского пакта о ненападении. Очевидно, просматривалось влияние Германии на японских военных — Риббентроп обещал Сталину на переговорах оказать влияние на Японию в деле нормализации советско-японских отношений⁵⁵. Это, несомненно, были важные сведения о нарастающей тенденции к переменам в советско-японских отношениях. Поэтому рукой Проскурова на телеграммах «Рамзая» вновь написано: «Обработать для спецсообщения».

Сведения Зорге подтверждались анализом, который проводил НКВД. 26 августа 1939 года состоялась беседа заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Китая в СССР Ян Цзе. Последний сказал, что Япония оказалась на Дальнем Востоке в изолированном положении, но именно поэтому она будет искать соглашения с Англией. На это Лозовский возразил: «Насколько можно судить по японской прессе, Япония будет искать сотрудничества с США и усилит давление прежде всего на Китай, а затем на Англию и Советский Союз. Линия на порабощение Китая у японцев твердая. На какие уступки японцы пойдут американцам — трудно сказать. Японцы находятся сейчас в очень трудном положении. Судя по японской и иностранной прессе, у них большая растерянность. На днях нужно ожидать декларации японского правительства по вопросам своей дальнейшей политики. Захватив Тяньцзинь, Бейпин, Шанхай, Шанью, Кантон и десятки городов, где финансово-экономические интересы Англии очень велики, окружая Гонконг и уничтожая английскую торговлю, захватывая ее транспорт, дезорганизуя ее фабрики и банки, Япония вряд ли сейчас пойдет на компромисс с Англией, хотя в Англии очень сильны капитулянтские настроения. Это значит, что борьба между Японией и Англией, вероятнее всего, и дальше будет обостряться»⁵⁶.

Характерно, что после заключения советско-германского договора о ненападении резко охладели отношения между германским посольством и японским генштабом. В своей радиোগрамме от 15 сентября Зорге сетовал на то, что он снова имел разговор с немецким

атташе о военной подготовке Японии против СССР (очевидно, по заданию Разведупра), «но с момента заключения Германией и СССР договора о ненападении немецкий атташе ничего не мог выяснить в генштабе в отношении этого»⁵⁷.

Информация по этому вопросу пришла от Одзаки. Он сообщил Зорге, что кабинет Абэ, судя по тому как он был создан, значительно слабее предыдущего кабинета и должен выступать в интересах достижения договоренности с Англией и США. В ближайшее время правительство сделает заявление о невмешательстве в связи с войной в Европе, однако это будет всего лишь временным явлением, т. е. проявлением политики выжидания.

13 сентября 1939 года японское правительство обнародовало официальный документ «Основы политики государства». В нем в общем виде были сформулированы направления нового курса: «Основу политики составляет урегулирование „китайского инцидента“. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства».

Более конкретные сведения «Рамзай» сообщил 27 сентября.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5-го УПРАВЛЕНИЯ РККА

Острова, 27 сентября 1939 г.⁵⁸

«Отто» узнал от Коноэ, который все еще отказывается поехать в Китай специальным послом при новом правительстве Ван Цзинвэя, следующее:

Перемирие на границе МНР означает коренной отход японской политики от авантюризма.

В отношении военной активности против Сибири действия ограничиваются только одной экспансией в Китае,

Совершенно отпала надежда на то, что Квантунская армия будет долгое время сочетать политику в отношении Китая с авантюрой против СССР. Причинами этого являются: германо-советский договор, полученный урок у Номон Хан Бурд Обо и действия Германии против Польши.

Кроме того, военное вооружение, особенно техническое, требует еще нескольких лет, чтобы поставить его на хороший уровень.

В вопросе прекращения политики авантюр против Севера в настоящее время имеется общее соглашение всех фракций.

«Отто» сомневается в новой политике Японии в вопросе открытого признания этих фактов путем договоров и соглашений и вопросе отношения к Франции и Англии в Китае.

По этим вопросам фракции борются между собою.

№ 108, 109. Рамзай.
Расшифровал Малинников.
Перевел Иванов.

Резолюция начальника Разведуправления: «НО-2 и 5. Составить спецсообщение. Проскуров. 1.10.»⁵⁹

Наконец, в октябре от Мияги поступили сведения о военных маневрах японской армии в восточном пограничном районе Маньчжурии — это были обычные учения, а не подготовка к нападению на СССР.

В тюремных записках Зорге относил свою информацию о позиции Японии в связи с началом Второй мировой войны в Европе к числу наиболее важных сведений, полученных им за весь период работы в Японии.

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ЯПОНИИ

В конце октября Зорге стало известно содержание политическоего доклада, который посол Отт направил 16 октября Риббентропу. В докладе говорилось о том, что советско-германский договор вызвал глубокое потрясение во всех политических кругах Японии, особенно в генштабе, который решил поддерживать дружественные отношения с Германией и последовать ее примеру в отношении СССР. «Общее урегулирование отношений Японии с СССР рассматривается как абсолютно необходимое», — сообщил «Рамзай». В то же время дворцовые круги и часть крупных деловых кругов, ориентируясь на Великобританию и США, использовали политическое положение в Японии и поражение японской армии на Халхин-Голе для того, чтобы «взять верх в правительстве Абэ и противодействовать дальнейшей ориентации генштаба на Германию, а также против действительного урегулирования японо-советских отношений»⁶⁰.

Вряд ли можно согласиться с Дикином и Стори в том, что, как они утверждают, «бесчисленные отчеты» о японской реакции на начало войны в Европе, которые Отт направлял в Берлин и которые Зорге несколько раз в сжатом виде передавал по радио в Москву, «представляли собой информацию весьма общего характера и были довольно несущественными по содержанию»⁶¹. Английские исследователи пишут: «Было ясно, что политические и военные

круги Японии разделились в своей ответной реакции и что нацистско-советский пакт произвел резкое и негативное впечатление и способствовал росту влияния пробританских и проамериканских сил в Токио, и что идея вступления в европейскую войну не имела поддержки в высших кругах японского правительства»⁶².

Это ясно сейчас. А тогда сведения, полученные резидентурой «Рамзай», помогали Москве понимать истинные мотивы внешнеполитических действий руководителей Германии и Японии. Для Германии важно было сохранить антианглийскую направленность политики Японии и одновременно ослабить напряженность между Москвой и Токио. В этих условиях Берлину было легче подтолкнуть Японию на выступление против Великобритании на Тихом океане. Согласно стратегическим расчетам Гитлера, если Англия окажется в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, то она не будет воевать с Германией. На основе этого соответственно формулировались инструкции, направлявшиеся в том числе в германское посольство в Токио.

В беседах с Оттом Зорге получал исчерпывающую информацию по этому вопросу, которую после соответствующего анализа и перепроверки передавал в Москву. Позднее он писал: «Немцы были уверены, что японское нападение на Сингапур привело бы к сокращению британских военно-морских сил в Средиземном море и Атлантике, что позволило бы Германии осуществить вторжение на Британские острова».

С другой стороны, японские правящие круги, особенно военные, также были заинтересованы в нормализации японо-советских отношений. В Японии хорошо понимали, что это может привести к прекращению советской помощи Китаю и тем самым способствовать скорейшему завершению войны. В японском генштабе в ноябре 1939 года был предложен план раздела Китая на три сферы влияния: Японии отходили оккупированные районы Китая и Маньчжурия; СССР предлагался северо-запад Китая; чунцинскому правительству — остальная часть Китая. «Генштаб был бы удовлетворен, — писал Зорге 24 ноября, — если бы СССР ограничил свою активность в своей сфере влияния, которая должна быть точно определена и отделена от сферы влияния чунцинского правительства»⁶³.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Началась советско-финляндская война, которая резко усилила антисоветский настрой всех слоев японского общества. 8 декабря аппарат советского военного атташе в Токио сообщал: «Все больше появляется высказываний о том, что серьезное сближение Японии с СССР невозможно. Пресса заявляет, что США проявляют осмотрительность к ведущимся переговорам между СССР и Японией и не заинтересованы в их благоприятном исходе»⁶⁴.

В декабре советско-американские разногласия по финскому вопросу достигли крайней степени напряжения, и США начали предпри-

нимать активные шаги с целью ослабления позиций СССР на Дальнем Востоке. По сообщению советского военного атташе в Токио, США сделали попытку примирить Германию с Великобританией и Францией, обещали Японии признать ее интересы в Китае и усиленно искали возможности компромисса между Японией и Чан Кайши. Эти попытки легли на благодатную почву — большая часть японского парламента выразила недоверие кабинету Абэ из-за несогласия с его политикой в отношении СССР, требуя ее ужесточения⁶⁵.

От резидентуры «Рамзай» снова потребовалась точная и своевременная информация о событиях в Японии.

ШПИОНСКИЕ БУДНИ

Заканчивался 1939 год — шестой год работы Зорге в Японии, насыщенный напряженной работой, тревогами и опасностями. Разведывательная группа выполнила свою основную задачу — информирование руководства о планах Германии и Японии и обеспечение безопасности СССР. Большой удачей «Рамзая» было своевременное сообщение сведений о японских военных приготовлениях в период боев на Халхин-Голе. Но еще большей удачей было точное и своевременное информирование Центра о японо-германских переговорах по заключению военного союза. Эта информация имела стратегическое значение и позволила Сталину более точно рассчитывать свои шаги по сближению с Гитлером и уйти от угрозы войны на два фронта.

Но помимо этого группа Зорге сообщала много других полезных сведений.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РУ РККА

Острова, 5 января 1939 г., 16 января 1939 г.
(продолжение)⁶⁶

Майор Шолль сообщает следующее о шпионской работе Квантунской армии:

Осуществляются три вида шпионажа.

Первое — наблюдение с линии границы. Во многих пунктах расположены посты, которые с близкого расстояния наблюдают за жизнью на советской стороне. Майор Шолль посетил такой наблюдательный пост, расположенный против Благовещенска, откуда в бинокль можно видеть, что происходит в красноармейских казармах. Каждое движение в казармах фиксируется.

Второе — работа с белогвардейцами. Известная компания Чурина используется в качестве организации с отделениями и для связи Маньчжурии с отдаленными районами.

Все адреса друзей или родных этих белогвардейцев регистрируются.

Особенно собираются сведения о Сибири.

Японцы побуждают людей, имеющих советские адреса, посылать письма этим адресатам или предпринимать даже другие мероприятия. Центром этой работы является Харбин.

Третий вид шпионажа осуществляется через евреев, имеющих адреса в СССР или Америке, через которые могла бы быть установлена связь в СССР.

Этот вид шпионажа проводится из Дайрена и Шанхая.

У майора Шолля создалось впечатление, что Квантунская армия очень хорошо осведомлена, получая огромную массу информации.

Шолль также узнал, что переходы белогвардейцев через границу проводились успешно.

№ 74, 75. Рамзай.

Расш. Малинников, пер. майор Попов.

Резолюции начальника Разведуправления: *«НО-2. Т. к. продолжения до сих пор нет, то надо использовать для спецсообщения. Орлов. 15.1».*

«НО-2. Это продолжение — теперь надо сделать спецдонесение. Орлов. 19.1»⁶⁷.

Неожиданная информация от «Рамзая» пришла в апреле 1939 года. Она начиналась такими словами: «„Отто“ получил следующие странные сведения из источников, которые он сам называет авантюристическими, провокационными и... очень сомнительными». Далее говорилось, что японское руководство очень довольно тем, что советское правительство переселило большую часть корейцев из Сибири на Украину. «Корейцы, очень плохо себя чувствующие на Украине, будут агитироваться немецкими агентами, которые ведут на Украине работу за так называемую независимую Украину. Япония и Германия достигли соглашения по включению этих корейцев в агитацию». Один экземпляр этой телеграммы по распоряжению Проскурова был отправлен Берии⁶⁸.

Интересно, что сведения «Рамзая» точно отражали реальную ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке и на Украине после переселения корейцев (этот шаг наверняка был предпринят по прямому указанию Сталина). Зная характер Зорге, можно предполагать, что он несомненно понимал неразумность и пагубность этого шага. Но он, видимо, понимал и то, с чьего ведома это делалось. Отсюда попытка загодя дезавуировать это предупреждение (сведения «странные», получены из источников «авантюристических, провокационных и положительно очень сомнительных»), но одновременно сохранить его информативную часть. В условиях того времени такой поступок требовал немалого мужества, тем более что Зорге знал о массовых репрессиях в СССР и, как предполагают некоторые исследователи, уже подозревал ранее, что его пытались вызвать в Москву на расправу⁶⁹.

После начала Второй мировой войны Зорге впервые начал официально сотрудничать с германским посольством. Ему было поручено за небольшую плату редактировать бюллетень новостей посольства. С этой целью ему выделили небольшой кабинет, где «Рамзай» сортировал поступавшие телеграммы, отбирая наиболее важные из них для включения в бюллетень.

Кроме этого, резидентура «Рамзай» вела систематическое изучение организационно-штатной структуры и боевых возможностей японской армии. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что Зорге входил в состав «исследовательской группы», созданной в германском посольстве с целью изучения японской армии. Отт прекрасно знал, что у Рихарда были свои связи среди японцев, в том числе близких к принцу Коноэ, поэтому он особенно внимательно относился к его информации. Зорге не менее внимательно выслушивал мнения Отта и Шолля, фотографировал подробные ежемесячные отчеты группы и отправлял микрофильмы в Москву.

Для переправки этих микрофильмов, как пишет Корольков, «Рамзай» как-то раз даже воспользовался тем, что Отт предложил ему слезать в Гонконг с дипломатической почтой. По обычаю, принятому у дипломатических курьеров, Зорге попросил опечатать и его чемодан, придав статус германской дипломатической почты материалам для Разведуправления. В гонконгском отеле, где он остановился, вечером ему позвонили и спросили мисс Агнесс. Рихард шутливо ответил: «К сожалению, я не могу ее заменить... Вы, вероятно, ошиблись».

Это был пароль. Затем он положил пакет с микрофильмами на стол рядом с вешалкой, погасил свет и стал ждать. Через некоторое время в дверь постучали, и вошедший спросил по-английски: «Могу я получить сверток?» «На столе рядом с вешалкой», — сказал Зорге. Человек взял пакет и ушел, друг друга они не видели.

Это был один из способов пересылки материалов, добытых группой «Рамзай», из Токио в Москву. Главное правило — минимум контактов. Такой способ передачи материалов длительное время обеспечивал относительно безопасное функционирование резидентуры, несмотря на жесткий полицейский контроль в Токио.

По словам Зорге, ему много раз предлагали поступить в штат посольства, но он упорно отказывался. В 1939 году германский МИД даже настаивал, чтобы Отт назначил Зорге на довольно высокий пост — заведующего информацией и отношениями с прессой (аналог современного «паблик рилэйшенз»). Но Зорге продолжал отказываться, вызвав недоумение и даже обиду Отта. Причина была одна — «Рамзай» опасался, что в случае назначения он подвергнется неизбежной проверке службой безопасности, которая может вскрыть подробности его коминтерновского прошлого, а это было чревато угрозой провала.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1977. С. 28.

² Накано Сейго, японский журналист, государственный и партийный деятель. В 1933 году основал фашистскую организацию «Тохокай». С 1940 года генеральный секретарь Движения единства за укрепление трона.

³ Генерал, член высшего военного совета.

⁴ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 169—170.

⁵ В ноябре 1938 года японское правительство обратилось к советскому правительству с предложением начать переговоры о пересмотре советско-японской рыболовной конвенции 1928 года и заключении новой конвенции на основе японского проекта 1936 года, ухудшавшего для СССР условия существовавшей рыболовной конвенции. При этом японское правительство обосновывало свои требования ссылками на Портсмутский договор 1905 года.

28 ноября 1938 года нарком передал японскому послу официальный ответ советского правительства на предложение Японии о заключении новой рыболовной конвенции. В нем указывалось, что из статьи XI Портсмутского договора для СССР не вытекает каких-либо обязательств ни в отношении количества предоставляемых японским подданным рыболовных участков, ни в отношении условий сдачи в аренду этих участков и что и то и другое может быть предметом лишь «полюбовного соглашения» между сторонами. В то же время нарком обратил внимания на нарушения Японией Портсмутского договора, выразившиеся в том, что Япония оккупировала Северо-Восточный Китай, держит там огромную армию, приступила к строительству укреплений на Сахалине и стала чинить препятствия для советских судов в проливе Лаперуза. «Не может считаться терпимым такое положение, — сказал М. М. Литвинов, — при котором японское правительство, нарушая свои собственные обязательства в отношении СССР, настаивало бы не только на выполнении последним своих обязательств, но и на удовлетворении требований Японии, выходящих за пределы этих обязательств». В заключение он заявил, что советское правительство согласно приступить к переговорам о новой рыболовной конвенции лишь после того, как японское правительство выполнит свое обязательство о гарантировании платежей за КВЖД. До тех пор советское правительство соглашалось только на заключение временного рыболовного соглашения сроком на один год. Одновременно СССР заявил о решении изъять по стратегическим соображениям около 40 рыболовных участков, ранее предоставлявшихся японцам для эксплуатации (Известия. 1938, 8 дек.).

13 декабря 1938 года обе стороны приступили к обсуждению условий временного соглашения. Во время переговоров японская печать начала кампанию против Советского Союза, обвиняя его в «нарушении прав» Японии. Стали раздаваться неприкрытые угрозы против СССР. В феврале—марте 1939 года переговоры о заключении рыболовного соглашения достигли наивысшего напряжения. 14 февраля 1939 года нижняя палата японского парламента приняла решение, обязывавшее правительство принять меры по охране интересов Японии. Японские дипломаты не скрывали возможности военного конфликта между СССР и Японией и зондировали позицию своих возможных союзников.

Советское правительство заняло твердую позицию, заявив, что СССР будет рассматривать попытку «свободного лова» рыбы в советских водах как нападение на Советский Союз со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конечном итоге 2 апреля 1939 года сторонами был подписан протокол о продлении рыболовной конвенции на один год на условиях, предложенных советским правительством.

⁶ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 155.

⁷ Так в тексте телеграммы.

⁸ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 407, д. 2, л. 40.

⁹ Корольков Ю. М. Кио ку мицу! Роман-хроника. М.: Воениздат, 1981. С. 369.

¹⁰ 14 апреля приказом наркома обороны К. Е. Ворошилова Разведывательное управление РККА было преобразовано в 5-е управление РККА, а его начальником был назначен комдив И. И. Проскуров, военный летчик, вернувшийся из Испании.

- ¹¹ См.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third series, vol. IV. P. 4.
- ¹² Ibid. P. 40.
- ¹³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan, 1931—1941. Vol. 1. P. 831.
- ¹⁴ League of Nations. Official Journal. May—June 1939. P. 250—254.
- ¹⁵ Ibid. P. 254—255.
- ¹⁶ League of Nations. Official Journal. May—June 1939. P. 254—255.
- ¹⁷ Documents of British Foreign Policy. 1919—1939. Third series, vol. IX. P. 220.
- ¹⁸ XVIII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат. 1939. С. 13—14.
- ¹⁹ Там же. С. 191—196.
- ²⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI. S. 58—60.
- ²¹ Люди молчаливого подвига: Очерки о разведчиках. М., 1971. С. 180.
- ²² Это донесение ушло в эфир 23 мая и только 31 мая было доложено начальнику 5-го управления РККА.
- ²³ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 156—157.
- ²⁴ Там же. С. 28. Текст меморандума Танаки был опубликован в 1929 г. китайским журналом «Чайна критик», затем в 1930 г. перепечатан в журнале «Коммунистический Интернационал». Официальные власти Японии отрицали существование меморандума. Однако бывший министр иностранных дел Сигемицу Мамору в книге «Потрясения в период Сёва» писал, что экспансия Японии развивалась в точном соответствии с меморандумом Танаки, и поэтому рассеять подозрения относительно существования этого документа стало весьма трудно. Кроме этого, советской военной разведке удалось получить фотокопии меморандума буквально сразу после его представления императору. Подлинность меморандума Танаки удостоверил профессор-японец Макин, отлично знавший все особенности японского секретного делопроизводства. Макин входил в группу сотрудников ИНО ОГПУ, направленную в Харбин и тесно сотрудничавшую там с военными разведчиками.
- ²⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 34.
- ²⁶ Савин А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны. М., 1979. С. 35, 41.
- ²⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 77.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ «New York Times». 1939. 12 February.
- ³⁰ War in Asia and the Pacific. 1937—1949. Vol. 19. Small Wars and Border Problems through 1938. Manchurian Studies. Book A. P. 99—102.
- ³¹ Горбунов Е. А. 20 августа 1939. М., 1986. С. 170.
- ³² СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 года — август 1939 года. Документы и материалы. М., 1971. С. 690—691.
- ³³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D, Bd. IV. Baden—Baden, 1956. S. 611.
- ³⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 157.
- ³⁵ Источник: Мяги, коммунист. Как специалист по сельскому хозяйству и функционер прогрессивного Объединения японских арендаторов, передавал информацию, содержавшую оценку положения в деревне и настроений среди сельского населения.
- ³⁶ Японский издатель, в интересах группы «Рамзай» вступил в японское тайное общество «Черный дракон». Входил в группу японских помощников Зорге еще в Шанхае.
- ³⁷ Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 390.
- ³⁸ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. С. 78, 407.
- ³⁹ Цит. по: Мадер Ю. Указ. соч. С. 161—162.
- ⁴⁰ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 137—138.

⁴¹ Цит. по: Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге / Пер. с англ. М.: ТЕР-РА, 1996. С. 214.

⁴² Косиро Иосинобу, унтер-офицер японской армии, информатор Мияги.

⁴³ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 232—233.

⁴⁴ Начальник штаба Квантунской армии. Отличался крайней воинственностью и в период боев на Халхин-Голе планировал нанесение удара в направлении Читы. После поражения на Халхин-Голе был снят со своего поста. Вместе с ним в число опальных попали командующий Квантунской армией К. Уэда, командующий 6-й армией О. Риппо, командир 23-й дивизии М. Комацубара, многие офицеры штаба Квантунской армии.

⁴⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 157—158.

⁴⁶ Герстенберг во время Первой мировой войны служил вместе с Герингом в авиаэскадрильи Рихтгофена, затем несколько лет провел в СССР в качестве офицера-инструктора и считался экспертом по Советскому Союзу. В справке Вольфганга на него указывалось: «Его утверждения о хороших отношениях с Герингом и его приближенными кажутся вероятными... Герстенберг оценивается здесь весьма различно. На одних он производит впечатление не совсем серьезного хвастуна, другие считают его серьезным, но сильно склонным к приключениям. Фактически Герстенберг склонен к хвастовству. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что у него действительно хорошие связи и он иногда направляется с самыми странными поручениями в Румынию (например, участие в экономических переговорах). Во всяком случае, он располагает очень хорошими информационными возможностями, и его высказывания заслуживают внимания, хотя иногда и звучат чистым хвастовством».

⁴⁷ Исполняющий обязанности военного атташе СССР в Японии.

⁴⁸ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 700.

⁴⁹ Там же. С. 637.

⁵⁰ Секретарь военного атташе посольства СССР в Японии.

⁵¹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 159.

⁵² Там же. С. 158.

⁵³ Офицер японского генштаба, возглавлял русский отдел в разведке генерального штаба, создатель и руководитель общества «Сакуракай», выразившего взгляды наиболее экстремистских кругов японских военных.

⁵⁴ Генерал, министр иностранных дел Японии в мае—сентябре 1938 года.

⁵⁵ В ночь с 23 на 24 августа, когда проходили советско-германские переговоры о содержании пакта о ненападении, детально обсуждался и японский вопрос. Это нашло отражение в записи состоявшейся беседы: «Министр иностранных дел рейха заявил, что германо-японская дружба никоим образом не направлена против Советского Союза. Мы, например, в состоянии в силу наших хороших отношений с Японией внести эффективный вклад в урегулирование разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и советское правительство этого пожелают, министр иностранных дел рейха готов работать в этом направлении. Он соответственно использует свое влияние на японское правительство и свяжется по этому вопросу с советским представителем в Берлине. Г-н Сталин ответил, что Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией, но что есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира — тем лучше. Господин Сталин считает помощь Германии в достижении улучшения советско-японских отношений полезной, но Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит от Советского Союза» // 1939—1941. Советско-нацистские отношения. Документы. Париж; Нью-Йорк: Издательство «Третья волна», 1988. С. 80—81.

⁵⁶ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 640.

⁵⁷ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 160—161.

⁵⁸ Телеграмма была получена 29 сентября, а доложена начальнику Разведуправления 1 октября 1939 года.

⁵⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 161.

⁶⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 161—162.

⁶¹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 234.

⁶² Там же.

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 407, д. 2, л. 586.

⁶⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 162.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Телеграмма передавалась по частям: 5 и 16 января 1939 года.

⁶⁷ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 154—155.

⁶⁸ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 107, д. 2, л. 81.

⁶⁹ Относительно этого имеется ряд свидетельств. Некоторые из них являются подтасованными и не выдерживают никакой критики (Резун-Суворов. «Ледокол». С. 305—307). Интерес представляет свидетельство Айно Куусинен — советской разведчицы и жены одного из руководителей ГРУ и Коминтерна Отто Куусинена. Она с 1924 года работала в Коминтерне, в 1931—1933 годах командировывалась в Америку. В 1934 году перешла в военную разведку к Берзину, который направил ее в Японию, где она жила под именем Элизабет Хансон (псевдоним «Ингрид») и несколько раз встречалась с Зорге, не входя формально в его группу, но используя ее технические возможности для передачи сообщений в Центр. Через год ее отозвали: как объяснил муж, Сталин планировал назначить ее на место А. М. Колонтай послом СССР в скандинавских странах, поскольку та «скомпрометировала себя приверженностью меньшевикам и дружбой с Троцким». Айно отказалась. Новый начальник ГРУ Урицкий осенью 1936 года вновь направил ее в Японию, но через год с небольшим ее отозвали в Москву. 1 января 1938 года в гостинице «Метрополь» ее арестовали сотрудники НКВД. На следствии из нее пытались выбить показания о том, что О. Куусинен — английский шпион. Ничего не подписав, Айно получила 8 лет воркутинских лагерей. Освободившись, некоторое время жила на Северном Кавказе, но в 1949 году была вновь арестована и 4 года провела в лагере в Потье. Выйдя на свободу, она еще 10 лет до смерти О. Куусинена жила в СССР, а затем получила разрешение на выезд в Финляндию, где и провела остаток жизни.

В 1992 году в Японии вышла ее книга «Падшие ангелы революции. Воспоминания о сталинской эпохе». Айно вспоминала о встрече с Зорге в ноябре 1937 года, когда он вызвал ее и сообщил, что «получил приказ о возвращении в Москву всех нас, включая его самого, мне (т. е. Айно) следовало прибыть во Владивосток и ждать дальнейших указаний. Основания для такого приказа были неизвестны. Если приказ будет категоричным, он готов ему подчиниться, но в любом случае ему понадобится время, по крайней мере до апреля, — судя по всему, он хотел, чтобы в моем отчете в 4-е Управление было отражено, что подобный отзыв порвет все его связи, налаженные с таким трудом».

Интересно, что, как утверждают некоторые исследователи, японской контрразведке был известен псевдоним «Ингрид» и ее имя, однако вопросов о разведчице Зорге на следствии не задавали. Причина, вероятно, в том, что Айно была близкой подругой одного из членов японской императорской фамилии, а следствие старалось избегать даже намека на вовлеченность членов императорского двора в деятельность советской разведки. *Фесюн А. Г.* Новые документы по «делу Зорге» // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 120.

КАТАСТРОФА НА ЗАПАДЕ И ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТАЛИНА 1940 год

Война любит победу и не любит продолжительности. Поэтому полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства... Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

НОВАЯ СМЕНА КАБИНЕТА В ЯПОНИИ

1940 год начался для СССР в чрезвычайно неблагоприятных условиях. В результате заключения пакта о ненападении с Гитлером и последовавшим затем разделом Польши Кремль фактически оказался по одну сторону баррикад с государствами-агрессорами — Германией, Италией и Японией. Несмотря на то что заключенный договор значительно укрепил безопасность СССР, он одновременно поставил Сталина и его режим в политическую изоляцию со стороны стран западных демократий. Положение еще больше усугубилось после начала в декабре 1939 года войны с Финляндией. Это была явная агрессия, и западные лидеры, и без того видевшие в Сталине союзника Гитлера, немедленно ухватились за возможность проучить советского диктатора. Советский Союз исключили из Лиги Наций, против него были приняты различные санкции. Американская администрация ввела против СССР так называемое «моральное эмбарго» на вывоз товаров в СССР и предоставила Финляндии заем в 40 млн долларов. В западном общественном мнении нарастали антисоветские настроения.

Тем не менее следствием советско-германского договора явилось значительное ослабление противостояния на Дальнем Востоке. Сближение СССР с Германией заставило японские правящие круги пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза.

Японское правительство хорошо понимало, что нормализация советско-японских отношений может привести к прекращению советской помощи Китаю и тем самым способствовать разрешению важнейшей проблемы Японии: скорейшему завершению войны в этой стране. Поэтому в Токио стали склоняться к тому, чтобы добиться поставленной цели в обмен на заключение пакта о ненападении с СССР. Эта идея нашла отражение в разработанных 28 декабря 1939 года МИДом совместно с военным и военно-морским

министерствами Японии «Основных принципов политического курса в отношении иностранных государств», где говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения Пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»².

Тем не менее в Японии не прекращались выступления сторонников непримиримой политики в отношении СССР, которые высказывались против самой идеи пакта о ненападении. В японской печати появились заявления даже о необходимости ужесточения японской политики по отношению к СССР, силового решения рыболовных вопросов и т. д.

В начале января в Токио разразился правительственный кризис.

Сов. секретно

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

№ 251 029сс
8 января 1940 г.

Содержание: «О правительственном кризисе в Японии».

Докладаваю:

1. По агентурным данным, заслуживающим доверия, немецкий посол Отт телеграфировал Риббентропу оценку правительственного кризиса в Японии. Его оценка сводится к следующему: «Отставка кабинета Абэ неизбежна. Дворцовые круги готовятся к созданию нового кабинета с широким участием представителей партий. Угаки ожидает, что получит пост премьера, но это не будет означать крупных перемен ни во внутренней, ни во внешней политике японского правительства. В Японии растет убеждение, что создание правительства Ван Цзинвэя бессмысленно и что нужны непосредственные переговоры с Чан Кай-ши, но военщина возражает против ведения подобных переговоров, по крайней мере в настоящее время, и настаивает на создании правительства Ван Цзинвэя.

В ближайшем будущем Япония не в состоянии внести что-либо существенно новое в отношения с США, Германией и СССР.

Осима (быв. японский посол в Германии) убежден, что понадобится еще смена нескольких кабинетов, прежде чем Япония пойдет на сотрудничество с Германией и широкое соглашение с СССР».

2. По данным нашего источника, кабинет Абэ вряд ли сможет удержаться, несмотря на то что военные круги не желают его падения. Партийная оппозиция и широкие настроения против Абэ сильны, поэтому военщина опасается продолжать отстаивание кабинета Абэ, так как это грозит ей дальнейшей потерей авторитета.

Кандидатом на пост нового премьера является Угаки, но армия не поддерживает эту кандидатуру. Помимо того Угаки не пользуется поддержкой Коноэ. Из других кандидатов на пост премьера называют Коноэ, адмирала Осуми и адмирала Тэроути. Кандидатом на

пост нового министра иностранных дел называют Кайсо. Падение кабинета Абэ ожидают 10.1 с. г.

Полагают, что первым шагом нового кабинета будут непосредственные переговоры с Чан Кай-ши в целях ликвидации японо-китайской войны.

3. По агентурным данным, заслуживающим доверия, японский генштаб сообщил немецкому военному атташе, что японцы будут заигрывать с американцами до тех пор, пока американцы не заключат торгового договора, после чего японцы займут твердую линию по китайскому вопросу, которая также будет направлена и против американцев.

Вывод:

1. Падение кабинета Абэ, очевидно, произойдет в ближайшие дни. Основной причиной его падения является неспособность разрешить китайский вопрос и внешнеполитические трудности Японии и в связи с этим обострение борьбы в правящих кругах Японии. Следует ожидать дальнейшего обострения борьбы между военщиной и умеренными кругами в связи с попытками непосредственных переговоров с Чан Кай-ши.

2. Возможно, что попытки Японии вести непосредственные переговоры с Чан Кай-ши являются результатом давления со стороны Америки.

Проскуров³.

Спецсообщение было составлено по материалам токийской группы 1 января 1940 года.

7 января Зорге информировал Москву о достигнутом соглашении между японцами и Ван Цзинвэем о создании прояпонского китайского правительства в Нанкине.

14 января 1940 года японский кабинет, возглавляемый Абэ, ушел в отставку. Одзакэ сообщил Зорге о положении, сложившемся в конце правления Абэ. Его правительство прекратило существование из-за своей слабости, а также тревожной обстановки в Европе. Внутри страны активизировались экстремистские группировки. В отстранении от власти Абэ отчетливо проявила себя армия, однако она еще открыто не вышла на политическую арену.

Через два дня был сформирован новый кабинет во главе с адмиралом Ионаи Мицумаса. Его главные усилия были направлены на прекращение войны в Китае. Учитывая то, что огромная китайская территория оказалась под властью Японии, в Токио решили создать новое «реформированное правительство Китайской Республики» со столицей в Нанкине как правопреемника прежнего гоминьдановского правительства. Предполагалось, что новое правительство немедленно прекратит войну с Японией, признает оккупа-

цию японскими войсками Северного и Центрального Китая и направит свои усилия на борьбу с КПК. При этом деятелям чунцинского правительства предлагалось войти в состав «реформированного правительства», если они откажутся от сотрудничества с китайскими коммунистами и прекратят войну против Японии.

Ван Цзинвэй, второй человек в Гоминьдане, открыто порвавший с Чан Кайши, слал ему одну телеграмму за другой, предлагая прекратить войну против Японии. В частности, в третьем послании, датированном 16 января 1940 года, он писал: «Если бы Вы могли во имя судеб нации и жизни народа, а также во имя решения великих планов нынешнего момента прекратить войну с Японией и начать переговоры о мире на основе принципов, изложенных в декларации Коноз⁴... то я и все товарищи безусловно могли бы быть солидарны с Вами, и сообра мы давно бы осуществили мир во всем государстве»⁵.

18 января Крылов из аппарата советского военного атташе в Японии сообщил, что новый кабинет Ионаи основное внимание уделяет трем проблемам: выходу из войны; урегулированию отношений с США и СССР; дальнейшей милитаризации страны. 19 января «Рамзай» уточнил: «Новое правительство все еще склоняется к политическому сближению с Америкой и Англией, но возможности для такой политики небольшие, особенно потому, что армия очень подозрительно относится к Америке. Новое правительство более дружественно к Германии и очень плохо настроено в отношении СССР».

Одзакки немедленно представил Зорге оценку дееспособности нового кабинета. По своему характеру это правительство является слабым, поскольку оно создано как силами, которые были за сохранение старого правительства, так и выступающими за осуществление реформ. В феврале посол Отт подтвердил Зорге эту оценку: «Вопреки ожиданиям, заявление Ариты⁶ является чрезвычайно слабым, поэтому оно вызывает недовольство германского посольства и народа».

В начале 1940 года один из основных информаторов и фронтовой товарищ Зорге майор Шолль сдал дела и уехал в Берлин. После его отъезда возможности Зорге в германском посольстве уменьшились. Поэтому в течение первых месяцев 1940 года «Рамзай» переложил главное бремя сбора военной информации на Одзакки и Мияги.

Основная масса донесений разведгруппы по-прежнему касалась военно-политических вопросов. Интересно было то, что японские правящие круги, по сведениям «Рамзая», полагали, что Германия или должна была потерпеть поражение в войне, или заключить мир с Англией, разорвав тесные отношения с СССР⁷. С другой стороны, по информации германского военного атташе, в японском генштабе имелись группы, питавшие старые надежды воевать вместе с Германией против СССР. Планы этих групп исходили из того, что Германия неизбежно должна повернуть против СССР, и в этот момент Япония немедленно вторглась бы в Сибирь.

Острова, 1 февраля 1940 г.

Германский посол Отт сильно обеспокоен последним развитием японо-советских переговоров о границе, потому что это разбило его надежды на выполнение, по крайней мере, одной задачи, поставленной Риббентропом перед ним, то есть задачи достижения советско-японского соглашения.

Отт довольно пессимистично настроен, потому что ему известна чистосердечная позиция японского генштаба в отношении этого соглашения. Он также боится начала новых авантур генштаба, на который советско-финская война оказала влияние в двух отношениях.

Во-первых, японцы убеждены, что Советский Союз в этой войне потерпел большое поражение, несмотря на огромные силы, брошенные на запад. Таким образом, снова появляются старые идеи об агрессии в Сибири.

Во-вторых, генштаб вряд ли мог перенести поражение у Номонхана.

Кроме того, после убеждения, что финны, по крайней мере, оказывают успешное сопротивление Красной Армии, номонханское поражение делается еще более непереносимым, к тому же все газеты сочиняют большие истории о победах финнов.

Таким образом, сравнение маленькой Финляндии с горделивым японским генштабом делается все более и более не в пользу генштаба, особенно потому, что народ уже насытился войной в Китае.

Германский посол Отт тоже сильно разочарован тем, что весь ход пограничных переговоров держался японцами в секрете от него и военного атташе, чувствуя в этом факте нарастающее подозрение японского генштаба в отношении германо-советского сотрудничества и опасность возможного поворота японцев на англо-американскую сторону.

Посол Отт получил специальное указание Риббентропа о том, чтобы укреплять политические взаимоотношения Японии с Германией и удерживать всеми средствами ее от поворота к другим державам.

Я настойчиво предвижу необходимость подготовки дальневосточных границ ко всяким возможным осложнениям.

№ № 200, 01, 02. Рамзай.

Расшифровал Зайцев.

Перевел Попов.

Резолюция начальника 5-го управления: *«Тт. Кисленко и Пугачеву. По этой группе телеграмм срочно составить спецсообщение как по данным, заслуживающим внимания. При составлении учесть телеграмму т. Алексева и прекращение работы смешанной пограничной комиссии. Проскуров. 4.2.»*

Частью обширного донесения Зорге от 1 февраля 1940 года был важный вывод о том, что Япония медлит объединить силы с Германией, опасаясь снова оказаться в изоляции. Главной целью Японии было выиграть время, «чтобы посмотреть, как повернется война». С другой стороны, как сообщил «Рамзай», влиятельные силы в Японии — группа «Тоихокай», Накано, партия «Социальной массы» с членом парламента Мияке и бывшим членом парламента Мивахабе — стояли на платформе сближения с Москвой.

Японский генштаб также несколько смягчил свою позицию по отношению к СССР. Характерным признаком этого было то, что обмен информацией относительно СССР между германским и японским генштабами, как писал Зорге, «более или менее приостановился». Правда, одновременно было заключено соглашение между японским и германским военно-морскими министерствами об обмене всеми данными относительно советского ВМФ и дислокации британского флота.

Лидеры Третьего рейха в тот период были заинтересованы в укреплении германо-японских и советско-японских отношений. Япония получила из Берлина информацию о том, что советское правительство готово пойти на нормализацию двусторонних отношений.

«Рамзаю» стало известно от Отта, что тот получил телеграмму от Риббентропа с требованием работать в этом направлении, «а также противодействовать какому бы то ни было присоединению Японии к Англии и другим странам». Одновременно Зорге сообщил, что в Японию прибывает «правая рука Риббентропа» — Штамер, а также барон Кобургот и виконт Дуергейм для помощи в работе германского посла.

По сведениям Зорге, полученным от источников, близких к американскому послу в Японии Джозефу Грю, со стороны США не было намерения силой ввести эмбарго против Японии, так как американское правительство надеялось договориться с японским кабинетом.

Однако надежды эти, судя по всему, были довольно призрачными. «Рамзаю» удалось сфотографировать январский доклад германского военного атташе, отправленный в Берлин. В этом докладе говорилось, что армия выжидает смены одного-двух кабинетов, чтобы создать сильное правительство «для сотрудничества с Германией против англо-американского влияния на Тихом океане». В то же время японское руководство понимало, что это могло быть возможным только после заключения соглашения с СССР по китайскому вопросу. Однако эти настроения отнюдь не означали прекращения традиционно враждебного отношения японских военных к СССР. «Рамзай» писал 18 февраля: «Японский генштаб еще не полностью отказался от надежды на будущую войну против СССР. Неуспехи СССР в войне против Финляндии и желание отомстить за Номонхан являются сильными факторами политики японского генштаба»⁸.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ

В начале марта от своей китайской резидентуры Разведуправление получило сведения о готовившихся перебросках крупных японских сил (пяти дивизий) в Северный Китай для его очистки от всех китайских войск. Из бесед с французским и американским военными атташе в Пекине стало известно, что японцы накапливают войска в Маньчжурии, рассчитывая весной нанести удар по Советскому Союзу. По словам атташе, японский генштаб полагал, что этому могло благоприятствовать то, что СССР окажется вовлеченным в серьезный конфликт с западными державами из-за Финляндии и соответственно Дальневосточный фронт будет ослаблен перебросками на Запад. По сведениям советского военного атташе в Японии Гущенко⁹, в японских правящих кругах в связи с финляндской войной нарастали антисоветские и про-британские настроения, которые подогревались американскими и английскими журналистами. Так, в статье американского журналиста Гордона Кэшена говорилось, что СССР перебросил часть своих войск с Дальнего Востока в Финляндию, тем самым провоцируя японский генштаб на очередную пробу сил. Вся эта информация не могла пройти мимо внимания Сталина и заставила его ускорить поиски путей урегулирования советско-финляндских отношений.

Тем временем события на советско-финляндском фронте развивались следующим образом. В феврале—марте 1940 года Красная Армия с большими потерями прорвала «линию Маннергейма» и вышла к Выборгу. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, по которому Карельский перешеек и ряд других территорий отошли к СССР.

Заключение договора вызвало растерянность среди правящих кругов Японии. Военный атташе в Японии Гущенко сообщал, что, судя по материалам японской прессы, японское руководство считало, что СССР «развязал себе руки в Финляндии, усилит армию на востоке, не исключена возможность повторения Чанкуфэна (Хасана) и Номонхана. Ожидают нажима СССР на Дальнем Востоке. По отношению к Ван Цзинвэю СССР заявит оппозицию, усилит помощь Чан Кайши»¹⁰, отношение к которому со стороны японских военных за последние дни резко улучшилось.

«Рамзай» также подтвердил, что заключение мира с Финляндией стало полной неожиданностью для японского руководства и расценивается как растущая угроза для Японии. Сразу резко возросло число сторонников установления тесных политических отношений с СССР. Это вызвало «стремление дискредитировать успех СССР в войне с Финляндией, чтобы продолжить переговоры о тесном политическом сближении с Англией». В то же время, как сообщил Зорге, последние успехи СССР и Германии в политике, направленной

против Великобритании, вызвали рост антианглийских настроений в Японии. Однако антисоветские настроения были все еще очень сильны, что определяло направление будущей японской политики. Не имелось также надежд на достижение понимания с США, хотя, как писал Зорге, «Америка желает только дать понять, что воздержание Японии от просоветской политики будет помогать отложить или даже избежать экономического эмбарго против Японии».

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5-го УПРАВЛЕНИЯ РККА
КРАСНОЙ АРМИИ

Острова, 6 марта 1939 г.

Адмирал Венеккер прибыл в Японию для принятия должности военно-морского атташе в аппарате ВАТ. В дальнейшем Венеккер будет проходить под именем «Пауль». Он мне сообщил, что в отношении дальнейших европейских событий имеются два основных плана.

Первый — начать решительное наступление в начале этого года с целью прорвать западный фронт или через Бельгию, или около бельгийской границы, развивая наступление в направлении французского, бельгийского и голландского побережья. Полагается, что побережье абсолютно необходимо для одержания победы над Англией.

Принимая во внимание, что побережье Голландии слабо укреплено Англией, побережье французское, бельгийское и голландское должно быть захвачено. Наибольшая опасность этого плана состоит в том, что Америка вступит в войну в момент, когда операции будут разворачиваться на территориях Бельгии и Голландии.

Второй план заключается в том, чтобы, «сохраняя спокойствие», сосредоточить все силы на укреплении своей экономической независимости совместно с СССР и остаться экономически сильной.

Но Венеккер считает, что первый план предпочитается Гитлером и Риббентропом и поэтому, вероятнее всего, будет осуществлен первый план.

Риббентроп настойчиво добивается того, чтобы предупредить присоединение США к войне против Германии. Он посылает много видных людей в США и также ставит специальные задачи перед послом Оттом и Венеккером для работы в Японии. Отт и Венеккер должны добиваться такой политики со стороны Японии, что Америка всегда должна быть в опасении, что японцы используют присоединение США к войне для продвижения на юг Тихого океана. Таким образом, США, не будучи уверенными относительно движения японцев в случае присоединения США к войне, будут все дольше воздерживаться от включения в войну против Германии.

Венекер был принят заместителем начальника морского штаба Японии, с которым откровенно обменялся мнениями относительно этой политики, которую моряки понимают лучше других в японских кругах.

№ 31, 32, 33. Рамзай.
Расшифровал Малинников.
Перевел полковник Попов.

Резолюция начальника 5-го управления: «НО-2 и 5. Подготовить спецсообщение. Проскуров. 7.3.»¹¹

Дополнительной телеграммой Зорге уточнил, что, по словам Венекера, главный удар германских войск будет нанесен в направлении французского побережья, «чтобы как можно быстрее достигнуть позиций английского экспедиционного корпуса». Чтобы оценить всю значимость этого сообщения, необходимо отметить, что этот стратегический план германского генштаба кардинальным образом отличался от плана Шлиффена, применявшегося в Первую мировую войну. Тогда кайзеровские войска главный удар наносили на Париж. Теперь же — в направлении Кале на побережье Ла-Манша. Как оказалось впоследствии, именно этот план привел к разгрому Франции и панической эвакуации британских войск. Однако на этой телеграмме Зорге нет никаких следов, которые позволили бы определить реакцию руководства Разведуправления на это достаточно важное сообщение.

«Рамзай» также передал, что имеются признаки склонности Великобритании и Франции к компромиссу с Японией и это находит понимание в определенных японских кругах, выступающих за присоединение Японии к блокаде Германии со стороны Тихого океана. Согласно анализу Зорге, эта склонность к компромиссу была связана со стремлением в очередной раз спровоцировать выступление Японии против СССР. «Отсюда же проистекают приглашения Японии, — писал Рихард, — использовать напряженность на Западе, чтобы атаковать СССР на Востоке». Такая политика продолжалась и после окончания советско-финляндской войны. Великобритания подавала сигналы, что готова на компромисс с Японией в обмен на присоединение к блокаде Германии и сохранение вражды к СССР. Однако здесь, как сообщал «Рамзай», вмешались США, которые противодействовали японо-английскому соглашению без согласия американского правительства.

ДЕЛА КИТАЙСКИЕ...

В начале 1940 года вновь на первый план вышли события в Китае. К этому времени положение китайской армии ухудшилось в связи с тем, что, начиная с 1939 года, в едином национальном антияпонском фронте углублялся раскол. В гоминьдановском руководстве вновь стали брать верх антикоммунистические тенденции.

ЦИК Гоминьдана издал секретную директиву, направленную на ограничение деятельности и влияния КПК, тайным образом формировались специальные группы войск (свыше 30 дивизий) для блокирования Особого пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся и партизанских баз КПК в других районах страны.

В 1940 году японская армия прекратила широкие наступательные операции в Китае, сосредоточив главное внимание на «освоении» захваченной территории. К весне 1940 года японские войска оккупировали 552 из 1937 уездов страны (около 30% всей территории). Распад единого национального антияпонского фронта привел к тому, что никаких согласованных действий против Японии китайские армии, как контролируемые гоминьданом, так и КПК, не вели.

Правительство Чан Кайши, ограничиваясь обороной против японских войск, все более усиливало борьбу с КПК. С конца 1939 по март 1940 года гоминьдановские войска вели активные боевые действия против 8-й и Новой 4-й армий КПК. Обе стороны несли потери, ослабляя фронт борьбы против японских захватчиков.

Японская администрация оккупированных районов Китая стремилась опираться на местных коллаборационистов, что ей отчасти и удалось. Причины китайского коллаборационизма крылись в первую очередь в глубоком идеологическом расколе китайского общества того времени. Силы сопротивления раздирались противоречиями. Так, укрепление единого национального антияпонского фронта сопровождалось усилением позиций патриотических сил. Они симпатизировали Советскому Союзу за его помощь в борьбе с японской агрессией и опирались на возросший авторитет СССР в китайском народе. Это пугало руководство Гоминьдана и зажиточные слои китайского общества. Они видели в красном коммунизме непосредственную угрозу своим интересам и готовы были идти на сотрудничество с японскими оккупационными властями, чтобы противодействовать распространению влияния СССР и соответственно компартии Китая в стране.

Японская оккупационная администрация использовала эти настроения. Опираясь на них и применяя методы прямого вооруженного давления и подкупа, широкообещательные обещания китайскому народу освободить его от «гнета белого империализма» и пропаганду «панasiatских» идей, японцам удалось привлечь к сотрудничеству весьма значительную часть китайского населения. Она явилась базой для формирования коллаборационистского правительства Ван Цзинвэя и его армии, насчитывавшей уже к весне 1941 года 350 тыс. человек.

К середине марта резидентура «Рамзай» получила сведения о том, что процесс формирования правительства Ван Цзинвэя вышел на финишную прямую. 17 марта 1940 года — за две недели до официального провозглашения — Зорге сообщил в Москву о создании

марионеточного китайского правительства и планировавшемся отводе японских войск в Северный Китай. Эта информация подтверждала полученные ранее сведения из китайской резидентуры о готовившихся массированных перебросках японских войск в Северный Китай с целью его очищения от партизан и последующего укрепления там японской оккупационной администрации.

30 марта 1940 года было объявлено о создании в Нанкине «центрального правительства» Китая во главе с Ван Цзинвэем. Появление этого правительства вызвало скептическое отношение со стороны германского посольства и МИДа. В конце марта от сотрудников германского посольства Зорге узнал, что «так как Ван Цзинвэй часто меняет свои требования, переговоры [о мире] продлятся очень долго, поэтому министерство иностранных дел и деловые круги выступают против правительства Ван Цзинвэя и стремятся к миру с Чан Кайши».

Представитель германского МИДа в Японии Генрих Штамер сказал Отту и Зорге, что вопрос о признании правительства Ван Цзинвэя не может быть решен без германо-советского соглашения. МИД Германии хорошо представлял себе, что Сталин не согласится признать Ван Цзинвэя, поэтому в качестве альтернативы предлагал реанимировать в свое время выдвигавшийся японским генштабом раздел Китая на три части: оккупированные территории Китая передать под управление Ван Цзинвэя, северо-запад — под контроль СССР, остальное отходило Чан Кайши. На основе этого плана предполагалось при посредничестве Германии достичь взаимопонимания между СССР и Японией.

В апреле 1940 года Одзакэ выехал в командировку в Китай и после возвращения сообщил «Рамзаю», что в результате поездки в Шанхай стало ясно: внутри японского правительства есть лица, которые настаивают на непосредственных переговорах с Чан Кайши.

На основании обобщенных данных в начале апреля Зорге прислал блестящий анализ политической ситуации, возникшей после создания правительства Ван Цзинвэя. Рихард считал, что интересы правящих кругов Японии были тесно связаны с США и Великобританией, поэтому японское правительство всегда готово было «продать СССР взамен английской и американской помощи». Чтобы противодействовать этому, «Рамзай» советовал в первую очередь направить усилия на предотвращение признания Ван Цзинвэя со стороны Германии. Он отлично знал настроения в германском посольстве и МИДе, которые были отнюдь не в пользу нового правительства.

С другой стороны, отказ США признать Ван Цзинвэя одновременно означал отказ в помощи Японии. Это вело к осложнениям в японо-американских отношениях и в то же время затрудняло создание блока против СССР. С другой стороны, по сведениям Венеккера, японские армия и флот предостерегали МИД Японии от каких-либо компромиссов с Великобританией.

Зорге предлагал сыграть на этом и искать взаимопонимание с Америкой, чтобы противостоять попыткам английского правительства склонить США к компромиссу с японцами под предлогом того, что Япония может присоединиться к германо-советскому блоку. Этот вариант Зорге полностью исключал, учитывая позицию тогдашних правящих кругов. По-видимому, он предполагал, что американцам это также вполне очевидно. Таким образом, создание единого советско-германо-американского блока против Ван Цзинвэя означало бы крушение всех планов создания блока против СССР на Дальнем Востоке.

Из телеграммы непонятно, давал ли Зорге свой анализ в ответ на запрос Центра или по собственной инициативе. Рукой Проскурова на полях написано: «По группе информ. телеграмм — составить спецсообщение». Вопрос заключается в том, насколько Сталину, уже уверовавшему в свою непогрешимость, могли понравиться советы разведчика из Японии. Да и прогноз «Рамзая» относительно невозможности компромисса между СССР и Японией, как показали дальнейшие события, оказался неточен. Как бы там ни было, но, несмотря на некоторые сложности во взаимоотношениях с Чан Кайши, СССР продолжал оказывать ему помощь, игнорируя Ван Цзинвэя.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДОКТОРА ЗОРГЕ ПРИНОСИТ РЕЗУЛЬТАТЫ

Судя по донесениям Зорге в 1940 году, он почувствовал, что может больше, чем просто добывать информацию. Напряженная каждодневная аналитическая работа начала приносить свои плоды, и Рамзай стал делать не только краткосрочные, но и долгосрочные прогнозы событий на Дальнем Востоке.

В первую очередь это касалось основных направлений японской внешней политики. Зорге давно понял, что в ее основе лежит потребность в сырье. Эта потребность значительно возросла после оккупации Маньчжурии и особенно после начала войны в Китае в 1937 году, когда Япония при скудости ее сырьевых запасов перешла к усиленному производству военных товаров и перевела хозяйство на военные рельсы.

Необходимо отметить, что это поняли и специалисты в Москве¹². Расходование значительного количества сырья для военных целей не могло не создать в стране острого недостатка почти во всех видах сырья, применяемого в тяжелой промышленности, что все более увеличивало ее сырьевую зависимость от импорта.

Япония все более ощущала нехватку угля, чугуна, железной руды, нефти. Производство меди, которое в 1931 году почти пол-

ностью покрывало потребности Японии, в 1936 году удовлетворяло их лишь на 62 процента. Рост военных отраслей производства создал сырьевой голод на целый ряд первостепенных продуктов и видов сырья.

Т а б л и ц а 1. Производство важнейших видов сырья в Японии в процентах к внутреннему потреблению в 1936 г.¹³
(потребление = 100 %)

Вид сырья	Производство	Импорт из колоний	Импорт из других стран, включая Маньчжурию	Импорт из Маньчжурии
Медь	61,7	0,8	37,5	2,7
Алюминий	40,5	—	59,5	—
Цинк	37,5	—	63,6	—
Свинец	8,0	—	92,0	—
Никель	—	—	100	—
Олово	28,8	—	71,2	—
Магний	100	—	—	—

В импорте Японии, особенно военно-стратегического сырья, ведущее место занимали две-три страны, монополизировавшие свыше 70 процентов всей внешней торговли Японии, главным образом США и Британская империя. Из тихоокеанских стран импортировалось 73 процента металлов, 73 процента руды, 100 процентов олова, свинца, цинка, 95 процентов нефти, 100 процентов каучука, свыше 90 процентов общего импорта хлопка, шерсти, пеньки и др.

Т а б л и ц а 2. Зависимость Японии от импорта военно-стратегического сырья¹⁴

Вид сырья	Основная страна-экспортер	Доля в общем импорте (%)
Медь	США	97
Свинец	Канада	45
Алюминий	Канада	77
Олово	Стрейтс-Сеттлмент ¹⁵	57
Цинк	Канада	35
Сульфат-аммоний	Австралия	32
	Германия	44

Эта зависимость постепенно начала заводить японскую экономику и особенно военную промышленность в тупик. Покупательная способность Японии на внешних рынках в 1938 году резко сократилась по сравнению с 1937 годом. В 1939 году, напрягая все силы, Япония смогла увеличить ввоз металлов, но при этом уменьшился ввоз нефти. Сокращение импорта военно-стратегического сырья объяснялось прогрессирующим истощением ее золотых запасов.

Особенно неблагоприятным был торговый баланс с США, Британской Индией и Австралией. Все попытки Японии выравнять свой баланс с этими странами ни к чему не привели. Для покрытия дефицита по торговому балансу 1938 и 1939 годов японское правительство должно было выплатить огромную сумму — около 1 млрд иен золотом. С началом войны в Китае Япония экспортировала золота в США более чем на 600 млн долларов. Золотой запас японского банка сократился с декабря 1936 года по сентябрь 1938 года почти в три раза притом, что в США, Великобритании и Голландии эти запасы стабильно росли.

Зорге постепенно пришел к выводу, что стремление овладеть богатыми природными ресурсами и избавиться от сырьевой зависимости явится важной причиной возможного решения японского руководства захватить колонии США, Великобритании и Голландии.

Еще в 1939 году Зорге наметил «возможные направления экспансии в южно-тихоокеанском регионе — если в мировой политике произойдут чрезвычайные события»¹⁶. Из анализа политики японских кабинетов и досконально ему известного экономического потенциала империи он сделал в то время осторожные выводы. В аналитическом обзоре, подготовленном для журнала доктора Гаусгофера «Цайтширфт фюр геополитик», Зорге писал: «Для Японии не существует ни „северной“, ни „южной“, ни какой-либо иной „определяемой по компасу“ экспансии. По сегодняшний день решающими факторами для выбора направления этой экспансии или „бегства японцев из своей Островной империи“ остаются близость, континентальное географическое расположение, а также слабости военно-политической системы каждого из противников. Говоря по существу, это означает экспансию в Китае, причем Корея рассматривается как составная часть последнего. Только после решения этой задачи, которое необыкновенно интенсивно формируется на протяжении нескольких последних лет, Япония может ставить перед собой новые основные захватнические цели. Или в направлении бескрайних монгольско-туркестанских степей в Сибири, или в южно-тихоокеанские регионы, в Индокитай, Индию, или на острова в Тихом океане... Основные усилия, направленные на распространение господства Японии, в обозримом будущем останутся сконцентрированными на Китае и связанными в нем. С отдельными выпадами, которые будут достигать максимум Владивостока, Гонконга и в лучшем случае — Таиланда»¹⁷.

Специалисты в Москве также хорошо понимали эти тенденции. «Война в Европе изменяет международную обстановку на Тихом океане, — писал Ш. Лиф. — Япония стремится установить полную блокаду Китая, по возможности в короткий срок закончить войну в Китае и приступить к расширению своего влияния в Индокитае, в Голландской Индии и в других колониальных владениях на Тихом океане, что неизбежно приведет к дальнейшему обострению борьбы держав на Тихом океане»¹⁸.

Зорге не ограничивался периодическими исследованиями количественной стороны государственных расходов Японии, а вел их последовательно в течение длительного времени, параллельно уделяя много внимания распределению бюджетных средств между двумя основными видами вооруженных сил. Об этом свидетельствует приводимая ниже обзорная таблица прямых военных расходов Японии.

Явственно прослеживалась общая тенденция роста военных расходов. В то же время после нападения Японии на Китай в 1937 году политика в области вооружений изменилась в пользу военно-морского флота, несмотря на проводившиеся в ходе агрессии крупномасштабные операции сухопутных войск.

Многое прояснилось, когда в конце марта 1940 года был обсужден и принят государственный бюджет, которому впоследствии предстояло стать финансовой основой подготовки Японии к вступлению во Вторую мировую войну. Доктор Зорге выступил с его критикой и со всей серьезностью указал на вырисовывающиеся опасные диспропорции¹⁹.

В начале 1940 года Зорге получил информацию о «Шестилетнем плане усиления армии и военно-морского флота Японии». Этот государственный финансовый план также предусматривал преимущественное развитие флота, что свидетельствовало о перестройке стратегии японского руководства с расчетом нанесения ударов с моря по территориям в Южной и Юго-Восточной Азии.

**Т а б л и ц а 3. Анализ распределения
военных расходов Японии в 1912—1939 гг.²⁰**

Финансовый год	Доля военных расходов, в % от общей суммы расходов государственного бюджета	Военные расходы, млрд иен ²¹	Из них, %	
			на армию	на военно-морской флот ²²
1912/13	29	0.20	50	50
1918/19	19	0,28	43	57
1932/33	45	0,68	54	46
1935/36	45	1,02	48	52

1936/37	47	1,07	48	52
1937/38	46	1,41	52	48
Дополнительный бюджет финансирования войны в Китае	—	6,49	77	23
1938/39	43	1,24	45	55

Разница в бюджете сухопутных сил и военно-морского флота на первый взгляд казалась незначительной. Однако если учесть, что сухопутные войска Японии представляли собой миллионную армию, воевавшую в Китае уже на протяжении двух лет без перерыва, что неизбежно влекло за собой большие потери и значительную амортизацию оружия и военного снаряжения, эта разница неизмеримо возрастала.

Анализ военного бюджета подтверждался информацией о подготовке Японии к вторжению в ряд южноазиатских стран, богатых сырьем. Предпосылкой для такого вторжения как раз служило увеличение средств, выделяемых на постройку новых военных кораблей и расширение военных портов. Цифры военного бюджета были для Рихарда Зорге, естественно, гораздо более красноречивыми, поскольку он в результате глубоких исследований и непрерывной разведработы находился в курсе всего, что касалось оснащенности всех видов и родов войск японских вооруженных сил.

**Т а б л и ц а 4. Распределение прямых военных расходов
согласно «Шестилетнему плану усиления армии
и военно-морского флота Японии»²³**

Вид военных расходов	Млрд иен	%
Прямые расходы на вооружение, всего	11,0	100
Расходы на армию	5,4	49,0
Из них:		
на усиление армии	3,1	28,2
на реорганизацию и наращи- вание армейской авиации	1,4	12,7
на дополнительные капиталов- ложения в военной промышленности	0,8	7,3
Расходы на военно-морской флот	5,6	51,0
Из них:		
на постройку новых военных кораблей	3,4	31,0
на расширение военных портов	1,0	9,1
на морскую авиацию	0,5	4,5
на модернизацию военных кораблей	0,4	5,6

Все указанные цифры были приведены «Рамзаем» в его статье, написанной для газеты «Франкфуртер цайтунг» в феврале 1940 года. Зорге часто писал статьи для этой газеты. Как вспоминал позднее ответственный сотрудник редакции «Франкфуртер цайтунг» доктор Пауль Зете, Зорге вряд ли получал от газеты высокие гонорары, поскольку сотрудничал с ней лишь по совместительству. «Пожалуй, Зорге работал на нас не из материальных соображений. Я склонен думать, что он, во-первых, искал возможность высказать мысли, которые обычно был вынужден держать при себе, а во-вторых, хотел иметь дополнительные полномочия в процессе сбора информации... Зорге я ценил как человека с большим запасом знаний, ценил деловитость, объективность и точность стиля его работы. За эти качества он снискал себе признание многих других специалистов, не имевших к газете отношения...»²⁴

ЦЕНТР ТРЕБУЕТ ИНФОРМАЦИИ

Как утверждают Дикин и Стори, в феврале и марте 1940 года в адрес Зорге из Центра пошли радиогаммы с требованием более подробной информации по военным и военно-морским вооружениям и о военном производстве в оборонной промышленности.

Судя по статьям Зорге для германских газет и журналов, опубликованным в начале 1940 года, он вел активную аналитическую работу и у него было что сообщить в Москву.

«Рамзай», пользуясь своим положением, получал информацию из разнообразных источников. В середине февраля 1940 года военный атташе Матцки передал Зорге «подробные данные о заводах по производству самолетов, танков, двигателей и т. д., а также об их производственных мощностях». Весной 1940 года сотрудник германского посольства в Токио сообщил названия заводов, вырабатывающих синтетическое топливо, и их производственные мощности, а также подробные данные о выплавке в Японии стали и меди.

Зорге обладал уникальными возможностями по сбору необходимой для Москвы информации. По утверждению Мадера, не раз ему удавалось, как он говорил Клаузену, «выпытать всю подноготную», например, у посла генерал-лейтенанта Осимы, полковника Уцуноми из министерства обороны Японии и майора Ямагаты. Князь фон Урах — наделенный особыми полномочиями военный корреспондент нацистской прессы на Дальнем Востоке — снабжал доктора Зорге редкими фотоснимками новой японской военной техники, например, самых современных танков, самоходных гаубиц, пулеметов с воздушным охлаждением и пушек. Генерал-майору Вольфгангу фон Гронау, специалисту по военной авиации, впоследствии атташе военно-воздушных сил в Токио, с завистью пришлось признать, что Зорге еще в 1936 году показывал ему материалы о новейших типах японских са-

молотов, малокалиберных пушек и пулеметов, которые он, как находчивый журналист, сумел раздобыть. А бывший военный атташе Герхард Матцки вспоминал об этих годах с оттенком раздражения, так как Зорге «знал о дислокации, силе частей японской армии и их передвижении чуть ли не больше... самих германских военных инстанций»²⁵.

В марте 1940 года военный атташе сообщил Зорге о местах дислокации 106, 109, 110, 114 и 116-й дивизий.

Сов. секретно

СВОДКА ПО СОБЫТИЯМ НА ВОСТОКЕ

№ 5/251506 cc
29 марта 1940 г.

1. Японо-германские отношения.

По агентурным данным, заслуживающим доверия, германский посол в Японии Отт совместно с германским государственным советником Хельферигом, прибывшим в Японию с задачей улучшить германо-японские экономические отношения, телеграфировал в Берлин, что в целях отрыва Японии от Англии Германия должна пойти на некоторые серьезные экономические уступки Японии.

Япония нуждается в германских пароходах, находящихся в бездействии в Японии, в искусственных удобрениях и машинах.

На телеграмму Отта и Хельферига получен ответ германского правительства, содержащий категорический отказ в каких-либо уступках Японии до тех пор, пока Япония не согласится на перевозки товаров для Германии через Сибирь.

В телеграмме подчеркивается недовольство Берлина позицией, занимаемой Японией, и высказывается неудовлетворение безуспешностью работы германского посла Отто в Токио.

2. Политическое положение в Японии.

По агентурным данным, японский генштаб пытался создать во время последней сессии японского парламента оппозиционную группу из партийных группировок: Кухара, Накадзима, Тайхокай, Кокумин и других небольших групп, с целью вынудить кабинет Ионаи уйти в отставку. В этом направлении активно работает бывший японский посол в Берлине Осима, поддерживающий связь с германским послом Оттом. Осима намеревался убедить Коноэ возглавить эту новую оппозицию в качестве будущего премьера. Пока этот план потерпел поражение.

В руководстве генштаба растет идея создания военного кабинета в момент, когда еще больше возрастут экономические затруднения Японии. Если Коноэ не согласится возглавить это новое правительство, то генштаб возьмет на себя непосредственное руководство военным кабинетом.

Вывод:

Германия продолжает вести активную политику в Японии, добиваясь изменения внешнеполитического курса последней. Планы японского генштаба и деятельность Осимы, вероятно, связаны с германской политикой в Японии.

Проскуров.

Тогда же «Джо» передал Зорге сведения, полученные от своих друзей из Осаки и от друзей «Мики», недавно вернувшихся из Маньчжурии. Согласно этим сведениям, Квантунская армия уже два года рыла туннели под советские пограничные укрепления. Друзья «Мики» сами видели эти туннели мельком, но ознакомились с инструкцией, показывавшей, как атаковать отдельные объекты в укреплениях. Туннели были двух видов: для подрыва огневых точек и для прохода войск в тыл первой и второй линий укреплений. Оба вида туннелей имелись на восточной границе вблизи сектора Хунчунь. Руководство Разведуправления достаточно скептически восприняло эту информацию, которая не подтверждалась другими данными.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5-ГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Острова, 23 апреля 1940 г.

«Отто» сообщает, что японский генштаб, а также все экономические круги убеждены, что новый бюджет невозможно полностью реализовать без серьезных финансовых последствий. Поэтому внутри японского генштаба появились разногласия по вопросу сокращения расходов.

Штаб японской армии в Китае и Кагеса настаивает на сокращении расходов Квантунской армии, потому что она расходует из фондов, которые тратятся вне Японии 70 %, а армия в Китае — только 30 %.

Разногласия, возможно, обострятся и могут повести, если армия в Китае добьется успеха ее точки зрения, к новым инцидентам на северной границе для того, чтобы Квантунская армия могла доказать необходимость получения всех фондов, которые она требует.

№ 73. Рамзай.

Расшифровал Малинников.

Перевел полковник Попов.

Резолюция начальника 5-го управления: *«По №№ 73, 70—72 подготавливать сводку. Дать задания другим людям на уточнение. Проскуров. 25.4.»*²⁶

В мае от группы Зорге поступало значительно меньше информации. Вероятно, это было связано с событиями, развернувшимися на Западе, и «Рамзай» ожидал сведений о реакции на эти события японских правящих кругов. А японское правительство выжидало, чем закончится немецкое наступление во Франции.

10 мая 1940 года немецкие войска нанесли удар в стык границ Бельгии и Люксембурга и развернули наступление через Арденны на Францию в обход англо-французских войск именно по тому стратегическому плану, о котором Рихард сообщал еще 6 марта. Как и в Польше, вермахт использовал танковые «клинья», прорывая оборону противника и стремительно выходя на его тыловые коммуникации. Уже к 20 мая германские войска вышли к Кале, окружив и прижав к побережью 340-тысячную группировку союзных войск. Английское командование распорядилось о срочной эвакуации этих войск в Великобританию. В течение двух недель смогла эвакуироваться большая часть окруженных войск, при этом вся техника была оставлена немцам. 14 июня немецкие войска вошли в Париж. Еще через два дня новый глава правительства Франции маршал Петэн запросил перемирия.

Гитлер разыграл отлично срежиссированный спектакль: перемирие подписали в том же Компьенском лесу и в том же штабном вагоне маршала Фоша, доставленном из музея, в котором в 1918 году было заключено другое перемирие, означавшее поражение Германии. Францию поделили на две части: северная была оккупирована, в южной сохранялась власть французского правительства с центром в городе Виши и небольшая армия. Флот подлежал разоружению. Французские колонии оставались под административным контролем французов.

Как утверждают Дикин и Стори, 25 мая из Центра поступила следующая суровая критика работы группы: «Ваша второстепенная миссия, которая по важности следует за вашей первоочередной миссией, должна удовлетворять следующим требованиям: нам необходимы документы, материалы и информация, касающиеся реорганизации японской армии. В каких соединениях введена новая организация? Какие соединения реорганизованы в первую очередь? Каковы названия новых полков? Кто их командиры? Нам бы очень хотелось иметь подробную информацию, касающуюся изменений в японской внешней политике. Отчеты, следующие за событиями, нас не устраивают. Нам необходима предваряющая события информация»²⁷.

«Рамзай» откликнулся достаточно быстро. 29 мая он сообщил, что, по сведениям Отто, японская армия на острове Хайнань ведет подготовку к возможным действиям в отношении Голландской Индии. Командование армии и флота пока не хотело втягиваться в новые действия на юге и выжидало исхода военных действий во Франции. «Если германские победы в Европе будут возрастать, тогда прогер-

манская оппозиция вынудит правительство и руководящие круги начать действия на юге или произвести изменения в кабинете».

В мае 1940 года Рамзай послал доклад в Москву, составленный на основе мнений Отта, Матцки, Штамера и «других германцев и важных советников Риббентропа».

Основные выводы доклада он продублировал в телеграмме от 29 мая. Зорге выявил две тенденции в высшем нацистском руководстве. Первая точка зрения, которой придерживалась более молодая часть германской элиты, носила агрессивный характер и была нацелена на войну с СССР в ближайшей перспективе, после победы на Западе. Япония рассматривалась этой группой в качестве стратегического союзника, которого можно было бы использовать против СССР на Востоке.

Вторая, более старая и умудренная опытом часть германского руководства, занимавшая к тому же более важные государственные посты, была настроена на мирные отношения с Советским Союзом, при условии признания им политического, экономического и военного превосходства Германии. Эта группа также хотела бы использовать советско-японские противоречия в своих интересах, но одновременно рассматривала в качестве альтернативы создание германо-советско-китайского великоазиатского блока под руководством Германии против западных стран. Как полагали, этот блок мог бы также быть направлен и против Японии ввиду ее «ненадежной, колеблющейся позиции в отношении германской борьбы в Европе». Этой точки зрения придерживались Отт и Штамер, который являлся правой рукой Риббентропа.

По данным телеграммы согласно резолюции было составлено спецсообщение²⁸.

4 июня «Рамзай» прислал дополнение. Он сообщал, что обе группы объединяло стремление использовать Японию как средство давления на СССР после победы Германии в Европе.

Далее Зорге переходил к рекомендациям. Он писал: «Необходимо проводить такую политику, чтобы ни Германия, ни Англия в случае их победы не могли рассматривать Японию как нужного союзника против СССР». С этой целью он предлагал следующие варианты действий:

1. Самой действенной помощью Китаю ослабить Японию;
2. Оказывать влияние на Германию для создания совместно с СССР политико-экономического блока с Китаем, направленного против Запада и Японии;
3. Если не удастся осуществить эту политику, начать переговоры с США по вопросу общей антияпонской политики относительно Китая и всего Дальнего Востока.

Авторам не известно отношение руководства Разведуправления к этим рекомендациям «Рамзая». Скорее всего, они были традиционно приняты «к учету», но наверх не докладывались.

ЯПОНИЯ НАЧИНАЕТ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГ: ИНДОКИТАЙ

9 июня 1940 года японское правительство подписало с СССР соглашение о пограничной линии в районе Халхин-Гола, а 2 июля 1940 года в беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым японский посол в Москве Того Сигэнори заявил о желании Японии поддерживать с Советским Союзом мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. По словам посла, отношения между Японией и СССР стабилизируются при соблюдении принципа: если одна из сторон подвергнется нападению третьей державы, то другая сторона не будет помогать нападающей стороне. В развитие этого тезиса Того внес на рассмотрение советского руководства проект советско-японского соглашения о нейтралитете.

10 июня Зорге сообщил о росте прогерманских настроений в связи с победами Германии. По его мнению, это свидетельствовало о том, что будущее японское правительство обратит больше внимания на Юг и соответственно уменьшится опасность для СССР.

Центр послал «Рамзаю» запрос о планах японского правительства относительно Голландской Индии в связи с германским наступлением через Голландию. Зорге ответил, что не знает, какие меры предпримет Япония. В то же время, по его сведениям, японские армия и флот проявляли растущую заинтересованность в Индокитае, а не Голландской Индии²⁹. Одзакэ сообщил, что в результате заключения договора о мире и дружбе между Японией и Таиландом еще больше укрепился плацдарм Японии для продвижения на юг, премьер-министр Таиланда Пибунсонграм был настроен прояпонски.

В то же время «Рамзай» сообщал и о тревожных тенденциях во влиятельных японских кругах. Бывший японский посол в Италии Сиратори в разговоре с Оттом решительно отверг его идею о соглашении между Японией, Германией, СССР и Китаем с целью развязать Японии руки против Англии, Франции и Америки. По мнению Сиратори, японский генштаб все больше склонялся к мысли, что если Германия начнет войну против СССР, Япония немедленно присоединится к ней. Еще опаснее для Империи было бы, если Германия и Советский Союз стали бы друзьями. В этом случае, по мнению Сиратори, резко возросла бы для нее советско-американская угроза³⁰.

Одновременно «Рамзай» высказывал мнение, что приход к власти кабинета Коноэ означал бы более положительное отношение к СССР.

Сведения Зорге о подготовке к вторжению в Индокитай подтверждались военным атташе в Японии. Начиная с середины июня 1940 года, от Гущенко пошли сообщения о новой большой мобилизации в Японии и о данных, почерпнутых из разговоров с итальянским, французским и английским военными атташе. Речь шла о том, что между Германией, Италией и Японией была достигнута до-

говоренность и последней предоставлялась свобода действий в отношении французских колоний, в частности Индокитая. При этом Япония намеревалась одновременно пресечь поставки оружия Чан Кайши, которые шли через Индокитай.

Германия, признавая за Японией так называемую сферу процветания Восточной Азии, настаивала на признании своих определенных моральных прав в отношении Французского Индокитая и Голландской Индии. Это вытекало из объективно существовавшей обстановки, так как Германия заключила перемирие с Францией, которая владела одной из территорий, а Голландия оказалась оккупированной немецкими войсками. Однако это вовсе не означало, что Япония признала эти моральные права и что между нею и Германией была достигнута договоренность. На Японию лишь возлагалось обязательство предварительного уведомления Германии перед началом каких-либо действий только в отношении Французского Индокитая. «Рамзай» знал обо всех подробностях этих переговоров от посла Отта и Штамера, он знакомился также со всеми телеграфными указаниями, приходившими из Берлина от германского правительства Штамеру, и регулярно информировал Москву.

22 июня 1940 года Зорге сообщил, что Отт посоветовал Риббентропу предоставить Японии свободу действий в отношении Индокитая и даже просить ее захватить Индокитай. Целью этого шага было отвлечь США от Европы и привлечь Японию на сторону Германии.

24 июня от «Рамзая» поступило сообщение о мобилизации во всех дивизионных округах Японии с целью нанесения решительного удара по Китаю, но с предварительным захватом Французского Индокитая и Гонконга. 27 июня «Юрий» сообщил о начале наступления японской армии в Южном Китае.

Прогнозы доктора Зорге начали сбываться.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ 5-ГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
КОПИЯ: Штерну

Токио, 28 июня 1940 г.

По полученным мною данным от неофициального лица:

1. Среди американцев, проживающих в Токио, идут разговоры о необходимости приостановить продвижение немцев на запад и восток, это могут сделать СССР и Америка вместе. Многие американцы подготавливаются к эвакуации из Японии.

2. Среди деловых кругов немцев в Токио идут разговоры о неизбежности войны СССР с Германией, причем эти разговоры носят секретный характер и передаются друг другу в офисах под большим секретом.

Считаю, что эти данные в основном точные и заслуживают с нашей стороны должного внимания.

№ 102. Юрий.
Расшифровал Комаров.

Резолюция НУ: «НО-2 и 5. К учету. Использовать для сводки. Просуров. 29.6.»

Резолюция НО-5: «Зам. НО-5. К учету. Подобных „секретных“ разговоров в прессе хоть отбавляй. Пугачев. 29.6.»³¹

Вновь начали активно муссироваться слухи о возможном мире между японцами и Чан Кайши. Гущенко сообщил о состоявшейся беседе с итальянским военным атташе, который подтвердил, что Япония и Чан Кайши вновь разрабатывают вопрос о мире.

Тем не менее группа Лока из Пекина 29 июня передала, что «по достоверным сведениям американцев, Чунцин будет продолжать борьбу несмотря на прекращение снабжения через Индокитай и Бирму».

17 июля Великобритания, поддавшись нажиму со стороны Японии, согласилась на закрытие бирманской шоссейной дороги — важнейшей дороги, связывавшей юг и юго-запад Китая с внешним миром. После этого единственным путем доставки в Китай из-за границы материалов, горючего и вооружения остался Синьцзянский тракт. По нему непрерывным потоком переправлялись из СССР самолеты, танки, артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы и горючее.

Британское правительство сделало все возможное, чтобы не раздражать японское руководство и в очередной раз «мягко» подтолкнуть его в сторону Севера. Советское правительство, заинтересованное в продолжении сопротивления Китая, полностью выполняло свои обязательства по кредитам, несмотря на то что это грозило усилением конфронтации с Японией.

ВТОРОЙ КАБИНЕТ КОНОЭ: НОВЫЙ ПОВОРОТ

Захват Голландии и Бельгии, быстрый разгром Франции и английской армии под Дюнкерком и другие военные успехи Гитлера в Европе весной и летом 1940 года магически подействовали на японский истеблишмент. Токио решил отбросить свои колебания в выборе союзника и твердо стал на германскую сторону. Японские правящие круги боялись упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний западных держав, или, как говорили в Токио, «опоздать на автобус».

6 июля Зорге передал, что «концентрация японцев в южном направлении решена». Одновременно все более отчетливым становилось стремление Японии к взаимопониманию с СССР даже в вопросах Синьцзяна и Монголии. По словам Отта, Германия не намерена была противодействовать продвижению Японии в Индокитай и далее на юг, рассчитывая таким образом столкнуть ее с США, оставаясь при этом в стороне. В то же время германское руководство надеялось сохранить отношения с Чан Кайши.

13 июля «Рамзай» сообщил, что Отт усиленно подталкивает Коноэ к захвату британских и французских колоний, а также Голландской Индии. Эта информация отчасти подтверждалась публикациями японской печати. В одной из японских газет, как сообщил Гущенко, была опубликована статья о необходимости «взять западную часть Тихого океана силой». Несмотря на визит в Токио высокопоставленной американской делегации с предложениями нового займа, 20 июля по всей Японии была объявлена новая мобилизация. Об этом немедленно стало известно в Москве.

Риббентроп прислал телеграмму Отту, в которой выражал удовлетворение состоянием германо-советских и германо-итальянских отношений. Он также сообщил о достигнутом соглашении продолжать войну против Великобритании, при этом «операции против нее с технической и тактической точек зрения будут такими, что явятся большой неожиданностью для всех».

Но пока Арита возглавлял японский МИД, не предполагалось решительных действий со стороны Японии. Потребовался приход к руководству новых людей. В июле 1940 года правительство Ионаи было заменено кабинетом Коноэ. По информации Одзаки, кабинет Ионаи пал в связи с развитием событий в Европе и под давлением прогерманской группировки, стоявшей во главе армии.

Министром иностранных дел стал Мацуока Иосукэ. С образованием нового кабинета получило свое начало оформление тройственного союза между Японией, Германией и Италией. Мацуока заявил послу Отту, что было бы хорошо, если бы Япония смогла заключить с Германией союз.

Нужно сказать, что до этого заявления Германия через японского посла в Германии Осиму и через посла Отта выступила с официальным предложением к Японии о заключении союза. Таким образом, ответ Мацуоки представлял собой определенное согласие. После этого в Японию в качестве специального посланника прибыл Штамер, который вместе с Оттом приступил к переговорам с Мацуокой. И уже спустя 3—4 недели обе стороны согласились без особых изменений с представленным проектом союза. Осталось провести всего лишь редакционную правку.

Положения настоящего договора не применялись к Советскому Союзу, который имел договор о дружбе с Германией, и, таким образом, главным объектом договора была Англия, однако действие договора распространялось и на США, если последние выступили бы против Германии. Между Коноэ и Мацуокой, с одной стороны, и послом Оттом — с другой, проходили совещания об активном применении положений союза в различных случаях. Стороны согласились и по главному положению — об оказании взаимной помощи в случае нападения любого государства на одну из сторон. «Мною был также подготовлен и направлен в Москву подробный

доклад по этому вопросу, — писал позднее Зорге. — Советский Союз интересовал прежде всего вопрос о том, направлен ли этот союз против СССР или нет. И события развивались таким образом, как это было мною указано выше».

В июле 1940 года Штамер сообщил Зорге, что «объектом Тройственного союза между Японией, Германией и Италией являются Англия и США, а Советский Союз исключен из сферы действий союза».

Несмотря на явную прогерманскую ориентацию Мацуоки, по характеристике Зорге, он являл собой компромисс между радикальными и пробританскими элементами, что означало медленное и половинчатое изменение японской внешней политики. Эта характеристика подтвердилась в последующем, когда Мацуока назначил послом Японии в США явно проамерикански настроенного адмирала Кисисабуро Номуру. Одзаки обратил внимание Зорге на то, что помимо знакомства Номуры со многими американскими деятелями, начиная с Рузвельта, его назначение было связано с желанием Мацуоки начать переговоры с США.

По мнению Отта, в связи с отставкой Ионаи с проанглийской политикой Японии было окончательно покончено. Однако по-прежнему оставалось неясно, насколько далеко пойдет антиамериканская политика Японии, насколько тесные взаимоотношения установятся между Японией и Германией и каковы будут реальные взаимоотношения Японии с СССР. Нерешительность Риббентропа давала возможность советскому руководству иметь большое влияние на него и его действия по отношению к Японии.

Зорге сообщил очень важную деталь: как считал Одзаки, для Чан Кайши наступил самый критический момент. Англичане не только прервали грузовые перевозки по Бирманской дороге, но и оказывали давление на Чан Кайши с целью побудить его выехать за границу, одновременно предлагая японцам свое посредничество в Китае. Японское руководство отвергало какое-либо посредничество, поскольку было уверено в капитуляции Чунцина в ближайшие месяцы. Чтобы предотвратить падение, Чан Кайши требовалась экстренная помощь со стороны СССР и США.

По сведениям «Рамзая», японский генштаб уже подготовил тяжелую артиллерию для обстрела Гонконга, если англичане откажутся передать город мирным путем. Армия потребовала от Коноэ согласиться на немедленный захват Гонконга.

27 июля кабинет Коноэ одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии;

2. Заключить с СССР соглашение о ненападении, с тем чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение; 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии; 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии³².

В это время в ставке и правительстве Японии шли жаркие дебаты о выборе направления дальнейшей японской экспансии. Хотя армия продолжала настаивать на движении на север, но ее позиции были сильно подорваны событиями на Хасане и Халхин-Голе. Поэтому предпочтение было отдано продвижению в сторону южных морей, где лежали интересы Англии и США. Решение «проблемы севера» откладывалось.

Так как в «Программе мероприятий...» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете становилось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского Пакта о ненападении, — писала 16 июля «Токио нити-нити». — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что дает ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США».

Интересно, что в своей телеграмме от 3 августа Зорге приводит характеристику основных направлений внешней политики Коноэ, которая значительно отличается от «Программы мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», опубликованной в «Истории войны на Тихом океане».

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ³³

Острова, 3 августа 1940 г.

Как узнал источник «Отто», внешняя политика Коноэ сводится к следующему:

1. Изменение в сторону антибританской политики, что будет зависеть от успеха германского наступления против Англии, которое, как ожидалось, должно было начаться 18 июля.

2. Близкие отношения с Германией и Италией, но без заключения альянса.

3. Стараться избегать открытого столкновения с США, и именно поэтому Мацуока получил пост министра иностранных дел.

4. Улучшение взаимоотношений с СССР, при некоторых условиях, и в случае необходимости — даже заключение пакта о ненападении. Но этот последний шаг (заключение пакта о ненападении) может быть только результатом последующих событий, так как сей-

час Коноэ еще не находится в руках военщины, которая действует вместе с Хосино и Мацуокой и которая в конечном счете подготовит военную диктатуру совместно [с] или без Коноэ.

№ 135 и 136. Рамзай.
Расшифровал Малинников.
Перевел полковник Попов.

Резолюция начальника Разведуправления: «НО-5, НО-2. Голиков»³⁴.

Нетрудно заметить, что в изложении Зорге основные направления внешней политики кабинета Коноэ носят менее конфронтационный и более осторожный характер. Это касается как отношений с Великобританией и США, так и союза с Германией и Италией. В отношениях с СССР тоже не все так однозначно — заявлен курс на улучшение отношений, но нет твердой установки на заключение пакта о ненападении — это возможно «при определенных условиях и в случае необходимости». Одновременно высказано опасение относительно возможного установления военной диктатуры (как показали дальнейшие события, эти опасения имели основания).

Как сообщил Одзак, ходили слухи, что Коноэ согласился возглавить правительство при условии, что армия не будет вмешиваться в политику. Однако результаты переговоров с руководством армии нельзя было рассматривать как обязательства, которые собирались строго выполнять. Коноэ пока устраивал японских военных. Но именно пока.

С созданием кабинета Коноэ связывались надежды на создание новой политической системы и проведение новой политики. Одзак представил Зорге соображения по этим вопросам. Принц Коноэ в заявлении, сделанном в Каруидзава, подчеркнул, что он решительным образом будет избегать создания власти в «форме правительства сёгуна»³⁵.

В конце июля у Гитлера и германского генштаба созрело твердое убеждение, что наряду с подготовкой высадки на Британские острова необходимо предпринять военно-дипломатические усилия, чтобы не дать возможности Англии сосредоточить свои силы в одном месте. 31 июля в Бергхофе состоялось совещание, на котором фюрер выступил с большой речью. В конспективном изложении начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера она звучала так: «... Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. Сама по себе война выиграна. Франция отпала от „британского льва“. Италия сковывает британские войска. Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два.

Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России преследует невероятное усиление Японии в Восточной Азии.

Россия является восточноазиатским мечом Англии и Америки против Японии. Здесь дует неприятный для Англии ветер... Англия особенно рассчитывает на Россию»³⁶.

В конце июля состоялась беседа Отта с Мацуокой. Последний сказал Отту, что сейчас главная задача — уничтожение Чан Кайши, так как компромисс невозможен. После этого он прозондировал позицию Германии относительно намерения Японии «расширить сферу своего влияния в Восточной Азии, включая и районы в южной части Тихого океана». При этом, по мнению Мацуоки, имелась надежда на то, что такое «расширение» можно осуществить без войны. Отт заявил японскому министру иностранных дел, что «Германия сейчас занята в Европе, и она будет заинтересована, если Япония займет преимущественное положение во всей Восточной Азии».

Одновременно Отт выставил три предварительных условия, которые Япония должна была выполнить до заключения соответствующего соглашения:

1. Вести определенную деятельность против врагов Германии;
2. Максимально обеспечить перевозку купленных товаров через Маньчжурию по сибирской железной дороге;
3. Возместить убытки, понесенные немецкими коммерсантами от военных действий японцев в Китае.

Спустя несколько дней после беседы Мацуока позвонил Отту и сказал, что выставленные три условия были приняты членами кабинета.

Подробности этой беседы Зорге немедленно передал в Москву, где его информация была встречена с большим интересом и разослана по списку № 2 (расширенному составу военно-политического руководства страны)³⁷.

По информации Мияги, японское руководство, готовясь к оккупации Французского Индокитая, опасалось осложнений с Германией, Великобританией и США. Предполагалось, что в ближайшее время японцы оккупируют Индокитай, что же касается Гонконга, то есть смысл подождать до тех пор, пока германское наступление на Англию не будет в полном разгаре. В телеграмме, полученной в Центре 10 августа, Зорге еще раз настоятельно рекомендовал воздействовать на Риббентропа в выгодном для СССР направлении. «Я думаю, что Вы имеете большое влияние на будущие намерения Риббентропа в отношении Японии», — писал он.

14 августа наконец последовала реакция советского правительства на предложенный 2 июля послом Того проект советско-японского соглашения о нейтралитете. Молотов пригласил Того и заявил ему следующее: «Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР».

Имелся в виду ряд условий: отказ от Пекинской конвенции 1925 года, оставлявшей в силе Портсмутский договор как основу взаимоотношений между обеими странами; ликвидация угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации за сделанные концессионерами вложения; учет того, что СССР рисковал ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имевших серьезные интересы в бассейне Тихого океана и южных морей, последствия чего могли нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Поэтому советское правительство до заключения соглашения с Японией о нейтралитете хотело получить от японского правительства разъяснение его позиции по вопросу о мерах, могущих свести к минимуму этот ущерб.

Японское руководство, несмотря на принятую «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», по-прежнему опасалось ввязываться в серьезные дела в Восточной Азии и ожидало от Германии поддержки своему продвижению на юг. Японский посол в Германии Осима имел беседу с Оттом и спросил, в какой мере Германия заинтересована в новой большой восточноазиатской политике Японии. Отт ответил предельно жестко: «Германия занята в Европе и предпринять что-либо в интересах азиатской политики Японии может только тогда, когда японцы смогут указать, какие выгоды они предоставят Германии».

17 августа от Зорге пришло чрезвычайно интересное сообщение, характеризовавшее подлинное отношение германского МИДа к японским планам продвижения на юг. Отт показал «Рамзаю» письмо начальника дальневосточного отдела МИДа Германии о взглядах немцев в отношении Японии и восточноазиатских колоний. Эти взгляды сводились к следующему:

1. С момента французской капитуляции Германия не заинтересована в продвижении Японии в Восточную Азию;

2. Нельзя допустить, чтобы европейские колонии перешли в собственность Японии;

3. Помощь Японии в борьбе с Англией настолько сомнительна, что она не может быть принята Германией в расчет.

Действительно, японское правительство в тот момент делало все возможное, чтобы не доводить дело до открытого военного столкновения с Великобританией и США. Одзаки проинформировал «Рамзая»: «Япония будет неустанно стремиться к получению преимуществ в Индокитае и Восточной Голландской Индии, избегая конфликта с Америкой».

14 сентября «Рамзай» прислал в Москву сообщение о том, что Штамер прибыл в Токио с особо секретным поручением Риббентропа: попытаться в последний раз добиться тесного сотрудничества с японцами и новым правительством на следующей основе:

1. Германия полностью признает японское влияние в Голландской Индии, Сингапуре и на всех южноморских островах;

2. Германия настаивает на уступках Японии в южной части Тихого океана;

3. Германия требует от Японии явных антибританских акций, а также поддержки Германии против Америки в Тихом океане.

Еще раз подчеркивалось, что переговоры о заключении союза не были направлены против СССР ввиду растущего германо-советского сотрудничества. Назначение Татэкавы послом в Москву Отт рассматривал как первый признак ориентации японцев против США и Великобритании и попыток японского руководства найти взаимопонимание с СССР, чтобы высвободить руки для продвижения на юг.

Мнение Отта подтвердилось 16 сентября, когда стало известно, что японский император и императорские круги высказали мнение об отказе от твердой проанглийской и проамериканской позиции. Японцы надеялись добиться мира с Чан Кайши при посредничестве Германии, а также на то, что Германия поможет Японии в сближении с СССР.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Острова, 21 сентября 1940 г.

От посла Отта. Узкое заседание под председательством императора полностью одобрило японо-германское соглашение.

Японцы готовы подписать пакт и оказывают давление на посла Отта о скорейшем его подписании. Пакт будет подписан на английском языке. Все мелкие пункты пакта будут уточнены в дальнейшем послом Оттом и Мацукой.

В связи с этим Риббентроп отправился в Италию, чтобы получить согласие Италии. Посол Отт скоро ожидает ответа от Риббентропа. Он сообщил мне, что немецкий пакт после присоединения [к нему] Италии явится новым пактом оси и будет скоро опубликован. Несколько секретных пунктов не будут опубликованы. В секретных пунктах нового пакта предусматривается контакт во всех военных, политических и экономических проблемах.

Дальнейшее содержание: немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз. В пакте нет ни одного пункта, направленного против СССР, что и будет опубликовано. По мнению Отта, после назначения нового посла в СССР японцы будут готовы к тому, чтобы подписать с СССР пакт о ненападении.

№№ 73, 74, 75. Рамзай.
Расшифровал Лакутинов.
Перевел Кацериков.

Резолюция начальника Разведуправления: «В. и З. К учету. Д. 25.9.40».

Резолюция начальника информотдела: «Н-6. В спецсообщение. Новобранец³⁸. 25.9.40»³⁹.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

После четырех недель напряженных дискуссий 27 сентября 1940 года в Токио был подписан Тройственный союз, к которому присоединилась и Италия. Образовалась ось Берлин--Рим--Токио. Одзакэ сообщил, что одним из факторов, ускоривших заключение Тройственного союза, стало известие о том, что Советский Союз увеличивает свои силы в Маньчжурии.

Суть этого соглашения состояла в том, что альянс был главным образом направлен против Великобритании и одновременно должен был предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну против держав «оси» как в Европе, так и на Дальнем Востоке. В случае если Соединенные Штаты вступят в войну против Германии, то пакт должен был быть направлен и против них.

Что же касается СССР, то в пакте имелась отдельная 5-я статья, в которой содержалось положение, ставившее Советский Союз вне сферы действия договора.

Однако в этой связи истинные намерения германского руководства с солдатской прямоотой в своем военном дневнике выразил Гальдер: «Очевидно, в течение этой недели будет заключен японо-германо-итальянский союз. Договор вступит в силу в случае вмешательства нового противника в войну в Европе или Азии. Этот союз направлен против Америки и России»⁴⁰.

Во время визита Штамера в Токио между Японией и Германией была достигнута договоренность, согласно которой германское руководство выражало готовность сыграть роль «искреннего посредника» в деле улучшения японо-советских отношений⁴¹. Поверенный в делах Германии в СССР В. Типпельскирх 26 сентября посетил Молотова и от имени Риббентропа заявил, в частности, следующее:

«1. Происходящая в демократических странах кампания поджигания войны, ищущая в настоящей стадии окончательного покорения Англии последний исход в расширении и удлинении войны, повела к переговорам между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией — с другой. Эти переговоры, вероятно, в ближайшие дни приведут к подписанию военного союза между этими тремя державами.

2. Этот союз, соответственно с причиной своего происхождения, направлен исключительно против демократических поджигателей войны. Хотя это в договоре, согласно обычаю, не будет прямо сказано, однако это вытекает с полной ясностью из его формулировки.

3. Само собой разумеется, что этот договор не преследует никаких наступательных целей. Его исключительная цель направлена к тому, чтобы образумить элементы, стремящиеся к удлинению и расширению войны, доказав им воочию, что при вступлении в происходящую в настоящее время войну они автоматически будут иметь против себя прежде всего эти три великие державы.

4. Между договаривающимися державами с самого начала переговоров существовало полное единомыслие в том, что их союз никоим образом не затронет отношений, которые каждая из них имеет с Советским Союзом. Для того чтобы на этот счет и вовсе устранить всякие сомнения, в договор включена особая статья, говорящая о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается. Это постановление означает, что не только договоры, заключенные этими тремя державами с Советским Союзом, в частности германо-советские договоры, подписанные осенью 1939 года, в полном объеме сохраняют свою силу, но что это вообще относится и к совокупности их политических отношений с Советским Союзом.

5. Следует думать, что договор окажет укрощающее влияние на поджигателей войны в демократических странах, что он будет противодействовать дальнейшему расширению настоящей войны и в этом смысле, может быть, послужит восстановлению всеобщего мира...»⁴²

Это заявление, переданное в письменном виде, вызвало достаточно настороженную реакцию Молотова. Он выразил желание ознакомиться с текстом самого договора о Тройственном союзе и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются. При этом Молотов заметил, что если бы советское правительство заключило подобный договор, то оно показало бы его Германии. Одновременно Молотов попросил Типпельскирха прокомментировать сообщения о подписании германо-финского соглашения о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. В частности, агентство Юнайтед Пресс сообщило о высадке 24 сентября германских войск в финском порту Вааза и о том, что высший офицерский состав, прибывший с войсками, разместился в гостиницах города. При этом Молотов добавил, что он имеет сведения о высадке германских войск также и в финских городах Улеаборг и Пори. Типпельскирх сказал, что он слышал об этом только от журналистов. Однако Молотов заявил, что, видимо, между Германией и Финляндией заключен какой-то договор, о котором советское правительство хотело бы получить информацию, а также полный текст его и дополнительные секретные статьи, если таковые имеются.

В конце сентября 1940 года Молотов подготовил записку «Берлинский пакт о Тройственном союзе», которая была опубликована 30 сентября без подписи в качестве передовой в газете «Правда».

ИЗ ЗАПИСКИ В. М. МОЛОТОВА «БЕРЛИНСКИЙ ПАКТ О ТРОЙСТВЕННОМ СОЮЗЕ»

[Не позднее 30 сентября 1940 г.]

Одна из важных особенностей пакта состоит в том, что он открыто признает сферы влияния его участников и раздел этих сфер между ними с обязательством взаимной защиты этих сфер влияния от по-

кушений со стороны других государств и, конечно, прежде всего со стороны Англии и находящихся в сотрудничестве с ней Соединенных Штатов Америки. Согласно пакту Японии предоставляется «великое восточноазиатское пространство», а Германии и Италии — «Европа». Другой вопрос — удастся ли участникам пакта реализовать на деле подобный раздел сфер влияния. Несомненно, что реализация подобного плана будет зависеть от реального соотношения сил воюющих стран, от хода и исхода настоящей, все более обостряющейся войны.

Другую важную особенность пакта составляет имеющаяся в нем оговорка о Советском Союзе. В пакте сказано:

«Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом».

Эту оговорку надо понимать, прежде всего, как уважение со стороны участников пакта к той позиции нейтралитета, которую Советский Союз проводит с первых дней войны.

Ее надо понимать, далее, как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о ненападении между СССР и Италией.

Верный своей политике мира и нейтралитета, Советский Союз может, со своей стороны, подтвердить, что эта его политика, поскольку это будет зависеть от него, остается и будет оставаться неизменной⁴³.

Весьма примечательно, что настороженность советского руководства проявлялась в тот период и в том, что с 1 по 26 сентября проводились военные учения в Западном особом, Ленинградском, Закавказском, Киевском особом и Забайкальском военных округах. Но настороженность проявляло не только советское, но и германское руководство. По агентурным данным, полученным Разведуправлением и НКВД из Берлина и Виши 29—30 сентября, немцы за предыдущие две-три недели перебросили с Запада на Восток около 20 дивизий. По сведениям «Метеора» из Берлина, «немцы опасались и опасаются, что договор Германии, Италии и Японии вызовет контрмеры со стороны СССР»⁴⁴.

После подписания Тройственного пакта основная задача Берлина состояла в том, чтобы втянуть Японию в войну против Англии. Германии не удалось с первой попытки вторгнуться на Британские острова, поэтому Гитлер решил, что переломить создавшуюся в Европе патовую ситуацию можно было бы путем начала военных действий на Дальнем Востоке. Зорге так оценивал создавшееся положение: «Немцы были уверены, что японское нападение на Сингапур привело бы к сокращению британских военно-морских сил в Средиземном море и Атлантике, что позволило бы Германии осуществить вторжение на Британские острова»⁴⁵.

Отт получил из Берлина официальные инструкции, предписывающие ему попытаться убедить японское правительство напасть на Сингапур. В течение целой недели они с военным атташе едва ли не каждый день встречались в посольстве, чтобы опробовать на песчаных макетах и моделях те действия, которые необходимо предпринять для нападения на Сингапур. Зорге утверждал, что он не присутствовал на этих встречах, хотя есть свидетельства очевидцев, что, по крайней мере, однажды он изучал макет и обсуждал план с послом.

Выводы, сделанные из этого изучения, были переданы командованию японской армии и военно-морского флота, но «они были встречены улыбками, и немцы так и не смогли получить какой-либо определенный ответ»⁴⁶.

С другой стороны, Отт сказал Зорге, что договор трех государств направлен также против США с целью предотвратить их вмешательство в войну в Европе. От подписания секретных пунктов договора стороны в последний момент отказались, договорившись, что эти положения будут согласованы позднее между Оттом и Мацуокой или через соответствующие комиссии в Германии и Японии. По мнению Отта, Риббентроп придавал большое значение подписанию договора как политической демонстрации, и его не интересовали секретные и военные пункты договора.

Из этого Зорге сделал вывод: «Ситуация в Германии, должно быть, такова, что настоятельно требует японского участия в войне против Британии... Германия уже решилась на войну против России и не могла позволить Англии получить передышку»⁴⁷.

Косвенные подтверждения этого «Рамзай» обнаружил уже в начале октября. В своей телеграмме от 8 октября он сообщил: «Военный атташе Германии Матцки и посол Отт заявили, что пакт трех государств направлен исключительно против Америки. Однако позднее этот пакт при новых политических обстоятельствах может быть направлен против СССР, если Советский Союз стал бы проводить политику, нежелательную с точки зрения Германии».

Интересно отметить тот факт, что еще в 1939 году в ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении германская сторона дала свое согласие оказать помощь СССР в нормализации советско-японских отношений. Такая «покладистость» германского руководства объяснялась тем, что в условиях ослабления напряженности между Москвой и Токио Берлину на период войны с западными державами было легче побудить Японию к действиям против Великобритании на Тихом океане. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы «нейтрализовать» ее. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать»⁴⁸, — заявил он. На встречах с японским послом в Берлине Осимой министр иностранных дел Германии Риб-

бентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский Пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь и влияние в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы»⁴⁹.

Однако все это делалось в первую очередь в рамках далеко идущих стратегических планов Гитлера, направленных на обеспечение германских интересов. В декабре 1940 года Германия приняла решение осуществить в мае следующего года вторжение в Советский Союз, не проинформировав об этом своего японского союзника. Если бы ей удалось склонить Японию напасть на Сингапур, то Англия несомненно оказалась бы в состоянии войны с Японией, и Германии было бы несравненно легче «угговорить» Лондон оставаться нейтральным в грядущей германо-советской войне и таким образом избежать войны на два фронта.

СТАТЬЯ ДОКТОРА ЗОРГЕ «БОЛЬШОЙ ПОВОРОТ»

13 ноября 1940 года газета «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью Зорге под названием «Большой поворот. „Ревизия“ японской внешней политики в связи с Тройственным пактом»⁵⁰. Статья была написана в конце октября — начале ноября и явилась итогом длительной разведывательной и журналистской работы «Рамзая». В ней анализировались первые два месяца пребывания у власти правительства Коноэ. Зорге писал: «С падением кабинета Ионаи—Ариты в июле этого года рухнула последняя попытка удовлетворить растущие притязания Японии на „жизненное пространство“ под знаменем „традиционной внешней политики Японии“, то есть в духе взаимопонимания с англо-американскими державами».

В то же время конфликт с Китаем вызвал напряженность между Японией и ее двумя «традиционными друзьями», которая вылилась в ходе китайской войны в неразрешимые противоречия. С другой стороны, большие политические и военные успехи Германии и Италии показали японским властям, что если они будут руководствоваться традиционной внешнеполитической ориентацией, то могут «поставить под угрозу саму реальность японской экспансии».

«Некоторые влиятельные слои» японского истеблишмента приняли попытку рекомендовать новую ориентацию: «не вступая в союз ни с одним из двух больших противоборствующих лагерей, пожать плоды великой борьбы в Европе». Они полагали, что Германия после заключения пакта о ненападении с Советским Союзом слишком сосредоточилась на борьбе в Европе и у нее вообще не осталось ни времени, ни интереса заниматься Восточной Азией и

поддержанием тесных отношений с Японией. Германия предприняла ряд решительных шагов, чтобы развеять эти опасения японского правительства, ясно показав свою готовность к сотрудничеству.

Произошел радикальный поворот в японской внешней политике. «В кратчайший срок центр тяжести, почти минув переходную стадию, переместился с северной части Азиатского континента на южные районы Тихого океана, включая омывающие Китай моря». Этому, как писал Зорге, способствовало, с одной стороны, «воздействие „китайского пространства“ как оружия в борьбе», а с другой — ослабление англо-французских позиций в связи с победами Германии в Европе. Таким образом возникла и окрепла идея «Великой Восточной Азии» как «истинного жизненного пространства Японии с центром тяжести в Среднем и Южном Китае и юго-западной части Тихого океана». Тройственный пакт признал за Японией в обязательном порядке это новое жизненное пространство «Великой Восточной Азии». «Тем самым старое предвидение великого Хидэёси, который мечтал о зоне господства Японии от Китая до южных окраин Тихого океана, стало современной целью Японии и договорно признано победоносными великими державами Европы».

Вследствие этого радикального поворота сразу сменились и «потенциальные» военные противники. «Интерес к русскому „заключенному врагу“ был утрачен; на русских даже начинали взирать по-новому, как на возможных дружелюбных соседей». Зато обострилось столкновение интересов Японии с Англией и Соединенными Штатами, «ибо они были властителями „великоазиатского пространства“ и, пожалуй, продолжают ощущать себя в этой роли и сегодня», — указывал доктор Зорге.

И здесь он подходит к сути проблемы, ради которой, наверное, и написал эту статью. «Именно эти две державы главным образом на протяжении десятилетий пытались ради сохранения своих тихоокеанских владений подтолкнуть Японию к экспансии на север континента». Япония, по мнению автора, пришла к осознанию, что ее традиционная дружба с Англией и Америкой служила главным образом задаче «экономического подчинения ее англо-американскому хозяйственному блоку».

Длившиеся десятилетиями дружеские отношения заставляли японскую экономику идти по пути наименьшего сопротивления. Нефть, железо, хлопок доставались крупным японским концернам от американских и английских друзей с меньшими трудностями и большими прибылями, чем это было бы возможным при экономической и политической борьбе за отчасти еще не развитые области в южной части Тихого океана.

Очень важно, что новый внешнеполитический курс Японии нашел поддержку со стороны ее союзников — Германии и Италии. Но главное, по мнению Зорге, что движет японцами — это «сознание

политической враждебности США и Англии к ее „великоазиатской“ политике и совершенно особое сознание необходимости посредством заново сформулированной политики как можно скорее освободиться от старой экономической зависимости». И далее следует прогноз: «Тем самым можно предвидеть применение Японией значительных сил в качестве союзницы Германии и Италии».

Совершенно очевидна тональность и направленность этой статьи «Рамзая»:

1. Традиционная ориентация Японии на Великобританию и США на Дальнем Востоке отошла в прошлое.

2. Традиционная враждебность к России и СССР также на современном этапе утратила свою актуальность, более того, в интересах Японии развивать добрососедские отношения с северным соседом.

3. Все более обостряется столкновение интересов Японии с Великобританией и США, что вкупе со стремлением японского руководства освободиться от англо-американской экономической зависимости неминуемо ведет к применению Японией силы против своих бывших «традиционных союзников» на Дальнем Востоке.

На примере этой статьи видно, что «Рамзай», может быть, не столько подталкивал развитие событий в нужном направлении, сколько знал и видел, в каком направлении они реально могли развиваться в тот или иной период времени. Тем не менее, судя по статье, он неуклонно следовал поставленной задаче — не допустить военного столкновения СССР и Японии. И если можно было способствовать развитию событий в русле указанной задачи, Зорге делал те едва уловимые движения и расставлял те акценты, которые поворачивали это развитие в нужном направлении.

А статьи доктора Зорге внимательно читали в Берлине и в Токио. По отзыву Вильгельма фон Ритгена, в то время директора Германского телеграфного агентства (ДНБ), Зорге прекрасно знал Дальний Восток и всегда мог дать принципиально верную оценку соотношения сил в этом регионе. Фон Ритген считал, что статьи Зорге о внутривосточной обстановке в Японии были самыми лучшими из всех когда-либо напечатанных об этой стране. По свидетельству руководителя германской разведки В. Шелленберга, Зорге поддерживал с фон Ритгеном частную переписку, причем его письма были, по существу, подробными обобщающими докладами, очень информативными и полезными.

Как пишет Шелленберг, Зорге «предсказывал, что пакт трех держав не будет иметь для Германии большого значения (военного главным образом), и уже после того, как мы начали кампанию в России, он предупреждал нас, что ни при каких обстоятельствах Япония не денонсирует свой мирный договор с Советским Союзом... Зорге сообщил, что японские сухопутные войска имели достаточное количество нефти и другого горючего для того, чтобы

продержаться шесть месяцев, и что флот и воздушные силы снабжены горючим в еще большем количестве. Из этого Зорге сделал вывод, что центр тяжести военных усилий Японии вскоре будет перенесен с наземных операций (на азиатском континенте против Китая и, как мы надеялись, против СССР) на морские операции на Тихом океане». При этом Шелленберг добавляет, что «не было ни одного случая, когда Зорге пытался бы ввести в заблуждение германскую секретную службу»⁵¹.

Шелленберг абсолютно прав! Зорге и не собирался вводить кого-либо в заблуждение. Он четко видел, в каком направлении развиваются события, и пытался показать германскому руководству действительное положение вещей, а именно: на Японию полагаться нельзя, она и не думает идти в фарватере германской политики, у нее свои интересы. В тех условиях эта информация приобрела характер стратегической дезинформации, поскольку, с одной стороны, заставляла лидеров Третьего рейха рассчитывать только на собственные силы, а с другой — вносила раскол в и без того достаточно сложные отношения между союзниками по Тройственному пакту.

ЯПОНИЯ БЕРЕТ КУРС НА СБЛИЖЕНИЕ С СССР

После подписания Тройственного пакта японское правительство с целью обеспечения нейтралитета СССР на период возможных военных действий против США, Англии и других западных держав на Тихом океане продолжило зондаж в Москве относительно заключения пакта о нейтралитете. Министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Восьмой пункт этих предложений гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации данных территорий.

Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось договориться с ним о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИДа было даже записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»⁵².

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам Японии, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными демократиями. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснил Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов»⁵³.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 3 октября 1940 г.

Из разговоров с немцами мне известно: Германия признанием за Японией руководящей роли в Восточной Азии подталкивает Японию к захвату территории южных морей в пределах расчета только на собственные силы и возможности. Этим Германия рассчитывает связать Америку на Дальнем Востоке, имея задачу прекратить помощь Англии со стороны Америки. Германия, кроме гарантий свободы действия Японии на юге, очевидно, гарантирует безопасность японской границы с СССР, без чего договор для Японии не может представлять реальной силы. Поэтому, очевидно, немецкие дипломатические представители в Токио усиленно всем нашим рекомендуют установить дружественные отношения СССР с Японией. Основой этого договора должно быть прекращение помощи Китаю. Свобода действий Японии в южных морях признается вплоть до захвата Австралии.

Алексеев.⁵⁴

Расшифровал Пехтерев.

Резолюция начальника Разведуправления: «Информационный отдел». Сп/усок/ № 2. 4.10»⁵⁵.

Таким образом, в японском руководстве созрело решение, что лучше договориться с Советским Союзом. Германский посол в Японии Э. Отт, основываясь на своих разговорах с Мацуокой, телеграфировал 4 октября 1940 года в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Великобритании вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор США и вывод из игры Советского Союза»⁵⁶.

8 октября от Зорге пришло сообщение, что Отт и Штамер настроены оптимистично в отношении возможного дальнейшего вовлечения СССР в русло нового пакта, чтобы обезопасить продви-

жение Японии на юг против Великобритании и США. «Штамер считает, — писал «Рамзай», — что основная цель СССР — господство на северо-западе Китая и, вероятно, продвижение в Босфорский или Персидский залив. Японцы, видимо, готовы удовлетворить СССР относительно северо-запада Китая, если СССР прекратит помощь Чан Кайши».

Опираясь на эти расчеты, Япония приступила к осуществлению южного варианта своей экспансии. 23 сентября 1940 года японские войска вступили на территорию Северного Индокитая. Это стало началом продвижения Японии на юг.

Дальнейшее продвижение могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией.

Очевидно, японское правительство, планируя разрешение «китайского инцидента», в то время не помышляло нападать на США или Великобританию. Оно считало, что, наоборот, последние, столкнувшись с японской экспансией на юге и ущемлением их национальных интересов, могли объявить войну Японии. Вот тогда-то и мог пригодиться пакт о нейтралитете с СССР, который не позволит «окружить» Японию, и ей не придется вести войну на два фронта.

В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Правящие круги ее были крайне заинтересованы в обеспечении безопасности на своем северном фланге, в нейтралитете Советского Союза, чья военная мощь на Дальнем Востоке была хорошо известна.

30 октября в Москве была получена информация Зорге, которую ему сообщил Одзаки. Последний узнал из окружения Коноэ, что Япония будет вынуждена в ответ на активность англо-американцев и из-за внутреннего положения (давления военных) начать действия против Голландской Индии. По мнению «Рамзая», это означало, что СССР имел весьма крепкую позицию на переговорах с Японией о заключении пакта о ненападении.

Одновременно Зорге сообщил о планах японского кабинета по двум очень важным пунктам переговоров. Во-первых, японское руководство намеревалось настаивать на «прекращении коммунистической агитации Китая» со стороны СССР. Во-вторых, японское правительство «в силу внутренних политических затруднений» не готово было пойти ни на какие территориальные уступки в Маньчжурии или на юге Сахалина.

Эта информация была весьма своевременной. 30 октября 1940 года вновь прибывший японский посол генерал-лейтенант в отставке Татэкава Ёсицугу имел беседу с Молотовым. Татэкава заявил, что японское правительство во главе с Коноэ желает заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года, в связи с чем переговоры о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются, а все

спорные вопросы, имеющиеся между странами, подлежат разрешению после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем различие между двумя предложениями японского правительства — соглашением о нейтралитете и пактом о ненападении, Татэкава пояснил, что пакт о нейтралитете был найден недостаточным, ибо в нем неясно был выражен вопрос о ненападении. После того как Японией был заключен Тройственный пакт с Германией и Италией, правительство признало целесообразным заключить пакт о ненападении с СССР. После заключения пакта о ненападении с Советским Союзом японское правительство готово приступить к переговорам относительно пересмотра Пекинской конвенции и к обсуждению других вопросов.

Посол Татэкава передал советской стороне свой проект пакта о ненападении⁵⁷.

12 ноября Зорге сообщил в Центр, на чем Москва может играть на переговорах с Японией. «Чунцин сейчас чувствует себя гораздо сильнее, чем прежде. Настроения в Японии избавиться от безнадёжного положения в Китае растут. Прежние требования японцев о том, чтобы «красные» (т. е. СССР. — *Авт.*) отказались от своей политики в Китае сейчас более бессмысленны, чем раньше. *Было бы неверным и опасным оставить эти старые требования японцев объектом переговоров между СССР и Японией* (курсив наш. — *Авт.*)». Это заключение «Рамзая» было тем более ценным, что Германия, выступая в роли посредника в нормализации советско-японских отношений, предпринимала усилия с целью привлечения СССР к новому пакту стран «оси», чтобы одновременно лишить поддержки китайское правительство и таким образом заставить его прекратить войну.

Так как Япония не надеялась, что предложенный ею проект пакта о ненападении будет Москвой одобрен, она одновременно обратилась к германскому руководству с просьбой посодействовать в его реализации. 13 ноября Зорге сообщил о подробностях беседы Мацуоки с Оттом, в которой было заявлено, что японцы, безусловно, хотят заключения пакта о ненападении с СССР, но ожидают, что «красные» выдвинут какие-либо особые требования. Поэтому Мацуока попросил Отта передать Риббентропу, что он просит его содействия в переговорах.

В период с 10 по 14 ноября нарком иностранных дел В. М. Молотов по приглашению германского правительства находился в Берлине. Риббентроп заверил гостя, что «никакая сила на земле не в состоянии предотвратить падения Британской империи», и предложил разграничить сферу интересов между державами Тройственного пакта и Советским Союзом. При этом Риббентроп предложил свое посредничество для нормализации отношений между СССР и Японией. Он допускал, что в случае заключения пакта о ненападении между СССР и Японией последняя, по его мнению, «готова признать интересы СССР во Внешней Монголии и Синьцзяне, если удастся достигнуть

соглашения с Китаем. В случае присоединения СССР к пакту трех, что было бы равносильно договору о ненападении с Японией, стало бы возможным установить сферы интересов СССР в Британской Индии. В вопросах сахалинских концессий японцы тоже готовы были бы пойти навстречу, если состоится соглашение. Но японцы должны для этого преодолеть некоторое сопротивление внутри страны»⁵⁸.

Вернувшись в Москву, Молотов 18 ноября пригласил к себе Татэкаву и, ссылаясь на свой разговор с Риббентропом, заявил, что он приветствует желание Японии урегулировать отношения с СССР, но советское общественное мнение не сможет благожелательно воспринять заключение Пакта о ненападении, если он не будет сопровождаться восстановлением территориальных потерь, понесенных Россией на Дальнем Востоке, а именно утратой в свое время Южного Сахалина и Курильских островов. Если Япония не готова пока к рассмотрению этих вопросов, то советское правительство предлагает вместо пакта о ненападении заключить пакт о нейтралитете и одновременно подписать специальный протокол о ликвидации концессий на Северном Сахалине.

В. М. Молотов указал при этом, что пакт о нейтралитете дает все необходимое для того, чтобы развязать Японии руки для ее деятельности на юге, и, с другой стороны, является достаточным для того, чтобы сделать серьезный шаг в деле улучшения японо-советских отношений. При заключении же пакта о ненападении пришлось бы касаться как вопроса о возвращении некоторых утерянных ранее Россией территорий, так и вопроса о МНР и Синьцзяне⁵⁹.

Молотов передал японскому послу проект пакта о нейтралитете и проект протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Последний документ предусматривал одновременно с подписанием пакта о нейтралитете между Союзом ССР и Японией ликвидацию в месячный срок японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине и аннулирование соответствующих концессионных договоров, заключенных между СССР и Японией 14 декабря 1925 года в Москве. Советское правительство выражало согласие выплатить собственникам концессионных предприятий справедливую компенсацию за сделанные ими вложения и гарантировать японскому правительству ежегодную поставку 100 тысяч тонн сахалинской нефти в течение пяти лет на обычных коммерческих условиях⁶⁰.

Татэкава, считая предложение Молотова приемлемым в качестве базы для переговоров, одновременно просил советское правительство об увеличении ежегодных поставок нефти до 200 тысяч тонн, что, по словам посла, помогло бы ему в деле рекомендации предложений Молотова японскому правительству.

В то же время японский кабинет предпринял очередной нажим на Чан Кайши, угрожая ему признанием правительства Ван Цзин-

взя. 30 ноября 1940 года Япония подписала с нанкинским правительством договор о дружбе и взаимопомощи «...для борьбы за построение Восточноазиатской сферы совместного процветания, против коммунизма и чунцинского гоминьдана»⁶¹. Одновременно японское правительство готовилось к обороне на случай вступления США в войну, тщательно анализируя малейшие подвижки в советско-японских и советско-американских отношениях.

Несколько слов об эволюции советско-американских отношений в тот период. В 1937—1939 годах отношения между СССР и США поддерживались на крайне низком уровне. В американском общественном мнении преобладал яркий антисоветизм, которым руководствовался и госдепартамент при определении политики в отношении Москвы. Большую часть времени в советской столице даже не было американского посла. Этим шагом Вашингтон демонстрировал свое пренебрежение к мнению Кремля. В таких условиях, конечно, не могло быть и речи о каких-либо совместных действиях в области коллективной безопасности. США стремились изолировать СССР в мировом сообществе, по возможности подтолкнуть Германию и Японию к агрессивным действиям против Советского Союза.

В 1939—1941 годах, в период так называемой «странной войны» в Европе, расцвета изоляционизма в США и некоторого затишья в военных действиях в Китае, Ф. Рузвельт находился в глубокой депрессии. Это было время кризиса в его карьере. Президента США одолевали сомнения и не покидало чувство неопределенности. США не входили в Лигу Наций и не имели достаточных рычагов воздействия на международную обстановку. После заключения Пакта о ненападении между СССР и Германией Рузвельт просто не знал, что можно предпринять для изменения ситуации в лучшую сторону, для предотвращения, как тогда всем казалось, надвигающейся катастрофы для демократических стран Запада.

Конечно, оставалась некоторая возможность оторвать СССР от союза с Германией. Но в этом случае уж очень многое нужно было поменять, в том числе и подготовить общественное мнение, в какой-то степени ослабить антисоветские настроения.

Однако сделать это было очень трудно, особенно после начала советско-финляндской войны. Как уже упоминалось, тогда американская администрация ввела против СССР так называемое «моральное эмбарго» на вывоз товаров в СССР и предоставила Финляндии заем в 40 млн долларов.

В середине 1940 года США приняли решение задержать золото прибалтийских республик, вошедших в состав СССР. Арестовывались их пароходы, демонстративно сохранялись миссии и консульства Литвы, Латвии и Эстонии, хотя персонал последних никого не представлял. Сохранялась дискриминация в торговле.

Правда, в конце 1940 года положение постепенно стало улучшаться. Состоялся обмен письмами о продлении на один год американо-советского торгового соглашения 1937 года. США согласились предоставить СССР американский тоннаж, в частности нефтеналивной; установить почтовую связь через Тихий океан; они отменили запрет на поездки в СССР монтажников и других американских специалистов. Была достигнута договоренность о судьбе золота и отменено «моральное эмбарго».

В то же время Советский Союз отказал США в просьбе провозить американские грузы, идущие для оказания помощи Китаю, через Владивосток. Советский посол А. С. Панюшкин в своей книге воспоминаний пишет в этой связи, что правящие круги США, выступив с таким предложением, преследовали цель обострить советско-японские отношения и таким путем втянуть Советский Союз в войну с Японией⁶².

Помимо этого Чан Кайши активно зондировал через американцев возможности получения кредитов для их последующего использования с целью закупок советского оружия.

Начались попытки наладить обмен информацией по военной линии.

Москва, НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 29 ноября 1940 г.

Американский военный атташе сообщил, что 10 пех. дивизия убыла в Китай и сейчас участвует в операции в районе реки Нан.

Американский военно-морской атташе через его помощника передал Егорычеву схемы береговой обороны Японии и сказал, что они сейчас работают над разработкой плана бомбардировки Японии.

Алексеев.

Расшифровал Беляков.

Резолюция начальника Разведуправления: *«Информационный отдел». Получить схемы береговой обороны. Голиков. 29.11.*

Резолюция начальника информотдела: *«Доложить о 10 п. д. Дотать схемы. Новобранец. 30.11.40»⁶³.*

В этих условиях Япония спешила, и уже 21 ноября Татэкава передал Молотову ответ японского правительства на предложение Советского Союза от 18 ноября: японское правительство считает проект Пакта о нейтралитете заслуживающим обсуждения, а проект протокола о ликвидации концессий абсолютно неприемлемым.

Одновременно Советскому Союзу предлагалось продать Японии Северный Сахалин, чтобы положить конец спорам.

В. М. Молотов по вопросу о продаже Северного Сахалина сослался на свое выступление от 29 марта 1940 года на сессии Вер-

ховного Совета СССР и заявил, что вопрос об этом может рассматриваться только как шутка.

В заключение беседы Молотов выразил надежду на получение ответа японского правительства соответственно высказываниям Татэавы в беседе 18 ноября и одновременно подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится⁶⁴.

Твердая позиция была занята правительством СССР также по вопросу о заключении с Японией рыболовной конвенции. Принимая 13 декабря 1940 года Татэаву, Молотов заявил, что если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку он был заключен после поражения России, то должен подлежать исправлению, в частности, и в рыболовном вопросе. Советская сторона не может согласиться с тем, чтобы японское рыболовство в советских водах велось за счет государственных интересов СССР.

Столкнувшись с твердой позицией СССР, японское правительство развернуло шумную антисоветскую кампанию в печати. Был создан Совет по развитию Курильских островов, в руководство которым вошли военные и политические деятели, известные своей резко враждебной Советскому Союзу позицией. Япония стала изыскивать предлоги для различных претензий по вопросам рыболовства, японских концессий на Северном Сахалине и т. д. Таким образом, в советско-японских отношениях в конце 1940 года нарастали отрицательные тенденции.

Тревожным звонком прозвучала информация от Одзаки, что целью переговоров министра торговли Кобаяси в Голландской Индии является стремление получить нефть для Японии. Это свидетельствовало, что кабинет Коноэ пытался найти альтернативные источники получения нефти ввиду японо-советских осложнений.

2 декабря от Зорге пришло сообщение о том, что японское правительство, не добившись успеха на переговорах с Чан Кайши, окончательно решило признать Ван Цзинвэя. Отт высказал свое мнение Риббентропу, что признание Ван Цзинвэя является большой ошибкой японцев.

Одновременно «Рамзай» информировал Центр о разговоре Отта с бывшим заместителем начальника японского генштаба Савадзой. Последний сказал буквально следующее: «Пока вопрос с СССР не решен, японцы не осмелятся на открытый конфликт с Америкой и Англией. Япония также не осмелится выступить против них, пока не закончена война в Китае».

**НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ**

Токио, 27 декабря 1940 г.

Вице-министр иностранных дел рассказал Венеккеру (германский морской атташе), что японцы практически отказались от надежд прийти к соглашению с СССР относительно пакта о ненападении, поскольку СССР требует слишком многого. Венеккер дальше указал, что Германия была готова оказать помощь в широком понимании этого слова, но вице-министр ответил, что внутривластическое положение Японии делает такую широкую помощь невозможной. Уступки со стороны японского правительства, в том числе и территориальные уступки СССР в Маньчжурии, создали бы [такое] положение, что правительство Коноэ не сможет удержаться в силу внутривластического кризиса, который уже серьезно угрожает.

№ 130. Рамзай.

Расшифровал Малинников.

Перевел майор Сонин.

Резолюция начальника Разведуправления: *«НО-9. Информационный отдел. Дать по списку № 1. Голиков».*

«НО-9. Недопустимая задержка в переводе! Голиков».

Примечание Разведуправления: *«Переведена 30.12.40 г.»*⁶⁵

Необходимо было принимать срочные меры для выправления положения в японо-советских отношениях.

**«ДРАНГ НАХ ОСТЕН»:
ГИТЛЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ ИДТИ НА ВОСТОК**

3 июля 1940 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер записывает в своем дневнике: «В настоящее время на первом плане стоят английская проблема... и восточная проблема. Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»⁶⁶.

22 июля Гальдер записал в своем дневнике высказывания Гитлера на большом совещании, которое проходило за день до этого в Берлине: «Англия, очевидно, рассчитывает на возможность вызвать с помощью России беспорядки на Балканах и тем самым отнять у нас источники горючего и парализовать этим нашу авиацию... Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он захочет захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Однако ника-

ких признаков активного выступления России против нас нет. Русская проблема будет разрешена наступлением»⁶⁷.

Окончательное решение о нападении на СССР было принято в конце июля 1940 года на совещании в ставке Гитлера. Его лейтмотивом, как это излагает Ф. Гальдер, явилась следующая идея: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года». Далее Гитлер изложил план операции: «Начало [военной кампании] — май 1941 года. Продолжительность операции — пять месяцев. Цель — уничтожение жизненной силы России. Операция распадается на: *1-й удар*: Киев, выход на Днепр; авиация разрушает переправы. Одесса. *2-й удар*: Через прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем двусторонний удар — с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку»⁶⁸.

23 июля Гальдер поставил генерал-майору Э. Марксу задачу составить план на основании общих намерений, изложенных Гитлером 21 июля. Этот план был первым в серии документов по осуществлению агрессии против СССР. Он предусматривал главный удар на Киев и захват Украины. Однако по указанию Гальдера Маркс изменил свои предложения. В представленном в генштаб следующем варианте речь шла о создании двух групп армий: северная должна была достичь Москвы, а затем совместно с южной овладеть Украиной.

Параллельно в штабе оперативного руководства ОКВ (генерал-полковник А. Йодль) был разработан иной вариант. Составленный 15 сентября 1940 года подполковником генштаба Б. Лоссбергом, он предусматривал создание трех групп армий («Север», «Центр», «Юг»). Центром тяжести предлагалось сделать район севернее Припятских болот, где должны были действовать группы армий «Север» и «Центр». Это решение определялось наличием сравнительно развитой дорожной сети, обеспечивавшей значительно лучшие условия для сосредоточения войск. Кроме этого, как предполагалось, можно было бы в скором времени овладеть Ленинградом и Москвой. Эти соображения перевешивали такие важные доводы в пользу решения нанести главный удар на юге, как опасное положение Румынии, возможность снабжения немецких моторизованных соединений по сравнительно коротким коммуникациям и, наконец, значение Украины.

Разработка предусматривала три возможных варианта развития событий:

1. Превентивный удар русских по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам. При этом признавалось невероятным крупномасштабное вторжение русских в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства. Более вероятными считались операции меньших масштабов — против Финляндии и нефтеносных районов Румынии.

2. Жесткая оборона русских армий вдоль границы, чтобы удержать богатейшие, в том числе и недавно завоеванные области (Прибалтика и Бессарабия). Этот вариант считался наиболее вероятным, поскольку предполагалось, что такая сильная военная держава, как Россия, не уступит без боя свою территорию, хорошо оборудованную в инженерном отношении (сеть наземных сооружений ВВС). Предполагалось также, что после разгрома крупных сил в приграничных сражениях русское командование не сможет обеспечить организованный отход всей армии.

3. Отход русских армий по образцу 1812 года, чтобы навязать наступающему противнику трудности растянутых коммуникаций и снабжения, а затем нанести контрудар. Такой вариант событий рассматривался как самый неблагоприятный, но тем не менее невероятный, поскольку считалось, что русские никогда не оставят без боя «незаменимые области Украины».

Важно также отметить, что в разработке Лоссберга делался важный вывод о возможности быстрого сосредоточения германских войск для наступления непосредственно перед его началом⁶⁹.

Еще один вариант был составлен генерал-майором Г. фон Зоденштерном на основе первоначального замысла Гитлера. Он предполагал более решительное сосредоточение всех сил на взятии Москвы. При этом одновременно предполагалось нанести мощные концентрические удары в направлении Смоленска и Киева, после чего замкнуть кольцо окружения советских войск в районе Гомеля. В центре, на линии Брест—Ковель, планировалось нанесение ряда вспомогательных ударов.

УКАЗАНИЕ ШТАБА ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА ОКВ РУКОВОДСТВУ АБВЕРА О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ДЕЗИНФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ

6 сентября 1940 г.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте.

Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства.

Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усилилась за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например, о нумерации полков, численности гарнизонов и т. п. могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает Главное командование сухопутных войск.

Зам. начальника штаба
Верховного главнокомандования Йодль⁷⁰.

12 ноября еще во время визита Молотова в Берлин Гитлер подписал директиву № 18, в которой приказывал готовить операцию против СССР «независимо от результатов» переговоров с Молотовым. Сталин не знал об этом и все еще пытался «поиграть» с Гитлером в геополитику. 25 ноября Молотов встречался с послом Германии Шуленбургом и передал ему ноту, в которой содержались условия согласия СССР на проект пакта четырех держав, предложенный Риббентропом 13 ноября.

ИЗ НОТЫ С КОНТРПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР В ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ РИББЕНТРОПА ОТ 13 НОЯБРЯ 1940 г.

Вручена послу Германии Шуленбургу 25 ноября 1940 г.

СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германского соглашения 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля);

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды;

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу;

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по угляю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Ответ на свои контрпредложения Молотов так и не получил. Гитлер уже принял окончательное решение: «Россия остается главной проблемой в Европе. Должно быть сделано все, чтобы быть готовыми к полному расчету с ней»⁷¹.

Для выработки окончательного оперативного решения в начале декабря 1940 года в генштабе сухопутных сил Германии была проведена военно-штабная игра под руководством 4-го генерал-квартирмейстера генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. Ее результаты, доложенные Гитлеру, были использованы в штабе Йодля для составления проекта Директивы фюрера № 21. Директива эта была подписана Гитлером 18 декабря 1940 года. Более конкретная разработка плана агрессии против СССР готовилась в штабе Гальдера в январе 1941 года и была утверждена Гитлером 5 февраля. Впоследствии она неоднократно менялась в деталях; ее последний вариант датирован 8 июня 1941 года.

ИЗ ДИРЕКТИВЫ № 21 ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ГЕРМАНИИ (ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»)

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами
Штаб оперативного руководства
Отдел обороны страны
№ 33408

Ставка фюрера
18 декабря 1940 г.
Отпеч. 9 экз.

Совершенно секретно
Только для командования

1. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посред-

ством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боееспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, неспособным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

[...]

III. Проведение операций

А. Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

[...]

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

[...]Адольф Гитлер.
Верно:(подпись)⁷²

Кодовое название плана агрессии против СССР несколько раз изменялось — «Фриц», «Отто», наконец, «Барбаросса» (авторство последнего кодового наименования принадлежало Гитлеру). Хотя содержание немецких оперативных планов советской разведке удавалось раскрывать, кодовое наименование «Барбаросса» долгое время оставалось неизвестным (о чем впоследствии вспоминал Г. К. Жуков).

С конца 1940 года Зорге несколько раз сообщал данные о подготовке агрессии против СССР со стороны Германии, о которых он узнавал через германского посла.

Как уже говорилось, косвенные признаки возможной переориентации германской агрессии на Восток Зорге уловил еще в октябре. А буквально через 10 дней после подписания Гитлером директивы «Барбаросса» Зорге сообщил о разворачивании на советско-германской границе 80 немецких дивизий и планах оккупировать территорию СССР до линии Харьков — Москва — Ленинград.

Перевод:

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 28 декабря 1940 г.

Каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР. В случае, если СССР начнет развивать активность против

интересов Германии, как это уже имело место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков, Москва, Ленинград. Немцы не хотят этого, но прибегнут к этому средству, если будут принуждены на это поведением СССР. Немцы хорошо знают, что СССР не может рисковать этим, так как лидерам СССР особенно после финской кампании хорошо известно, что Красная Армия нуждается по меньшей мере иметь 20 лет для того, чтобы стать современной армией, подобной немецкой. Это мнение, по заявлению многих, разделяется генералом Кёстрингом в Москве и является мнением человека нового ВАТа Германии в Токио, который был в СССР неоднократно. Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена.

№ 138, 139. Рамзай⁷³.

Это, конечно, не значило, что Зорге узнал о директиве «Барбаросса». Он просто обратил внимание на то, что многие стали говорить о сосредоточении немецких войск на границах СССР.

Относительно этой информации Зорге необходимо также обратить внимание на следующее. Во-первых, по всей видимости, она основывалась на сведениях, полученных об оперативной разработке генерала фон Зоденштерна от 7 декабря 1940 года, которая предусматривала выход на линию Харьков—Москва—Ленинград. Во-вторых, согласно «Разведывательной сводке № 8 (по Западу)» РУ ГШ от декабря 1940 года, общая группировка германских войск в Восточной Пруссии и на территории Польского генерал-губернаторства на 15 ноября 1940 года составляла 76—79 дивизий. Кроме этого, группа генерал-полковника Бласковица в составе 15—17 дивизий, как указывалось в сводке, в течение октября и ноября в основной своей части была перебросена в Румынию и сосредоточена на границе с СССР. Таким образом, общее количество немецких дивизий на советской границе, включая Румынию, оценивалось числом 91—96⁷⁴. В то же время, согласно спецсообщению Разведуправления от 30 декабря 1940 года, немецкая группировка в Румынии насчитывала 9 дивизий. Таким образом, по данным разведки, всего в ноябре—декабре 1940 года немецкая группировка на границах с СССР включала 85—88 дивизий. Интересно отметить, что эта цифра практически не изменялась вплоть до 1 апреля: согласно спецсообщению РУ ГШ от 4 апреля 1941 г., «общее количество немецких дивизий всех типов в приграничной полосе с СССР достигло 83—84, не считая войск, сосредоточенных в Чехии, Моравии и в центре Румынии»⁷⁵.

Фактически же к концу декабря 1940 года на границе с СССР находилось 29 немецких дивизий⁷⁶.

1940 год завершился. Тайная дипломатия Сталина принесла свои плоды — ему удалось, говоря словами великого Сунь-цзы, «покорить чужие армии, не сражаясь», а фактически разделаться со своими противниками руками Гитлера. Теперь он надеялся договориться с фюрером о разделе сфер влияния.

Но Гитлер уже не собирался договариваться со Сталиным. Ему нужна была поработенная Россия — не больше и не меньше.

29 декабря в Разведуправление поступило сообщение «Метеора» из Берлина: «Альта сообщила, что „Ариец“ от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года...»⁷⁷

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1977. С. 28.

² Цит. по: Славинский Б. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937—1945 гг. М., 1999. С. 1997.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 618, л. 9—11.

⁴ 22 декабря 1938 г. Коноэ провозгласил «три принципа» мирного урегулирования отношений с Китаем: 1) участие Китая совместно с Японией и Маньчжурией в создании «нового порядка» в Восточной Азии; 2) развитие «дружеских» японо-китайских отношений; 3) совместная борьба Китая и Японии против коммунистов.

⁵ Славинский Б. Указ. соч. С. 197—198.

⁶ Министр иностранных дел в кабинете Ионаи.

⁷ Имеются два варианта донесения «Рамзая» по этому вопросу. В первом из них, полученном в Москве также 1 февраля 1940 года, Зорге писал: «Отто установил, что в высоких кругах в Японии и за рубежом считают, что Германия либо проиграет войну ввиду внутренних трудностей, либо будет вынуждена присоединиться к Англии против СССР». Возможно, «Рамзай» посчитал этот вариант нереальным и поэтому в тот же день послал более осторожную оценку.

⁸ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 164.

⁹ Гущенко подписывал телеграммы своей фамилией, но часто также использовал псевдоним «Юрий».

¹⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 166.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940.

¹³ Jaran-Manchouko Year Book. 1939. P. 391; Лиф Ш. Указ. соч. С. 42.

¹⁴ Лиф Ш. Указ. соч. С. 125.

¹⁵ До 1946 г. колония Великобритании в Юго-Восточной Азии. Включала о. Пинанг, пров. Уэлсли (на п-ове Малакка), о. Сингапур, г. Малакка, территорию княжества Нанинг, о. Лабуан, о-ва Кокосовые и о. Рождества.

¹⁶ Zeitschrift für Geopolitik. 1939. Nr. 8—9. S. 621.

¹⁷ Zeitschrift für Geopolitik. 1939. Nr. 8—9. S. 622, 225.

¹⁸ Лиф Ш. Указ. соч. С. 226.

¹⁹ См.: Frankfurter Zeitung. 1940. 29. März.

²⁰ Mader Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 224. Несомненно, что Зорге отметил рост морской мощи Японии — за три года (1937—1939) воен-

но-морской флот Японии пополнился 62 боевыми кораблями общим водоизмещением 154 994 тонны. При этом японские боевые корабли основных классов по своим техническим данным находились на уровне передовых западных государств.

²¹ Там же. Цифры взяты из одного из обзоров, составленных Зорге для «Франкфуртер хандельсблатт» — приложения к «Франкфуртер цайтунг» от 17 августа 1938 г. и 3 февраля 1940 г.

²² Там же. Соотношения вычислены на основе абсолютных цифр, приводимых Зорге.

²³ Там же. На основе данных, приведенных во «Франкфуртер цайтунг» от 3 февраля 1940 года.

²⁴ Мадер Ю. Указ. соч. С. 257.

²⁵ Eyermann, Karl-Heinz. Der groß Bluff. Berlin, 1963. S. 307; Der Spiegel. 1951. 15 August. S. 32. Цит. по: Мадер Ю. Указ. соч. С. 257.

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 425, д. 3, л. 299.

²⁷ Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М.: Терра, 1996. С. 235.

²⁸ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 125, д. 3, л. 357, 359.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 22 125, д. 3, л. 395.

³⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 168—169.

³¹ Там же. С. 169.

³² История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 316.

³³ В июле 1940 года вместо И. И. Проскурова был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, прибывший из Львова, где он командовал 6-й армией. С 1 августа 1940 года 5-е управление Красной Армии было переименовано в Разведуправление Генштаба Красной Армии.

³⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 170—171.

³⁵ Титул правителя Японии в 1192—1867 гг., при которых императорская династия была лишена реальной власти.

³⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск Германии 1939—1942. М.: Воениздат, 1969. Т. 2. С. 80.

³⁷ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 170—171.

³⁸ В. А. Новобранец, подполковник, с августа 1940 г. по февраль 1941 г. исполнял обязанности начальника информационного отдела Разведуправления ГШ РККА.

³⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 171.

⁴⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 154—155. (Запись от 23 сентября 1940 г.)

⁴¹ Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941—1945. С. 30—32.

⁴² 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. С. 273.

⁴³ 1941 год... Кн. 1. С. 276—277.

⁴⁴ 1941 год. Кн. 1. С. 275. «Метеор» — полковник Н. Д. Скорняков, помощник советского военного атташе в Германии, резидент Разведуправления в Берлине в 1939—1941 гг. Работал непосредственно на связи с Рудольфом фон Шелия («Ариец») и Ильзе Штёбе («Альта»).

⁴⁵ Цит. по: Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 236.

⁴⁶ Там же. С. 237.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Presseisen Trnst L., Germany and Japan: A Study in Totalitarian Diplomacy. 1933—1941. The Hague: Martinus Nijhoff. 1958. P. 219. Цит. по: Кошкин А. А.

Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуоки (1941) // Вопросы истории. 1993. № 6.

⁴⁹ *Montgomery M.* Imperialist Japan. Lnd, 1987. P. 436. Цит. по: *Кошкин А. А.* Указ. выше статья.

⁵⁰ Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 211—214.

⁵¹ *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. — М.: СП «Дом Бируни», 1991. С. 161—163.

⁵² *Кудо Митихиро.* Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете. Токио, 1985. С. 80. Цит. по: *Кошкин А. А.* Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуоки (1941) // Вопросы истории. 1993. № 6.

⁵³ J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington. 1961. P. 110.

⁵⁴ Помощник военного атташе СССР в Японии.

⁵⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 172.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 4366, д. 14, л. 171.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 28, д. 388, л. 122—128.

⁵⁸ 1941 год. Кн. 1. С. 387.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 28, д. 388, л. 2.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 3, д. 18, л. 44—54.

⁶¹ *Сапожников Б.* Китай в огне войны (1931—1950). М., 1977. С. 130.

⁶² *Панюшкин А. С.* Записки посла. Китай 1939—1944 гг. М.: Наука, 1981. С. 109.

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 23. оп. 22 425, д. 3, л. 766.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 28, д. 388, л. 3.

⁶⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 172—173.

⁶⁶ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 29.

⁶⁷ Там же. С. 59—60.

⁶⁸ Там же. С. 80—81.

⁶⁹ 1941 год. Кн. 1. С. 231—236.

⁷⁰ *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab).* 1940—1945 (далее КТВ-ОКВ), München, 1982. Bd. 1. S. 973. Печ. по: 1941 год. Кн. 1. С. 216—217.

⁷¹ Цит. по: *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 221. (Запись о совещании у Гитлера 4.11.1940 г.).

⁷² *Hitlers Weisungen für die Kriegsführung.* München. 1965. S. 84—88. Заверенная копия перевода с немецкого. Машинопись. Указана рассылка. Печ. по: 1941 год. Кн. 1. С. 452—455.

⁷³ Дело Рихарда Зорге... С. 111.

⁷⁴ В своих воспоминаниях бывший начальник Информотдела Разведуправления В. Новобранец живописно повествует о том, как он составлял разведсводку № 8 вопреки мнению Голикова, который постоянно «срезал» дивизии из немецкой группировки на границах с СССР. Новобранец утверждает, что в общем резюме в сводке говорилось о том, что «по состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий...» Эта информация вызвала очень острую негативную реакцию со стороны Голикова, который обвинил Новобранца в попытке спровоцировать войну с Германией. (См.: *Новобранец В.* Накануне войны. Знамя. 1990. № 6). На самом деле ничего подобного в разведсводке № 8 нет.

⁷⁵ 1941 год. Кн. 2. С. 46.

⁷⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3. Война на два фронта. М.: Воениздат, 1976. С. 362—409.

⁷⁷ 1941 год. Кн. 1. С. 466.

Глава восьмая

КАТАСТРОФА НА ВОСТОКЕ

(январь — июнь 1941 года)

Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

МАНЕВРЫ ЯПОНСКОГО КАБИНЕТА

Высшему военно-политическому руководству Японии вскоре стало известно, что германское верховное командование приступило к детальному оперативно-стратегическому планированию войны против Советского Союза. Одним из каналов этой информации были представители правительства США на начавшихся осенью 1940 года японо-американских переговорах об ослаблении напряженности во взаимоотношениях двух стран. Американские дипломаты поспешили поделиться с японцами полученными разведкой США данными о приближающемся нападении Германии на СССР. Как признавал впоследствии государственный секретарь США К. Хэлл: «Имевшаяся у нас информация о подготовке Гитлера к вторжению в Россию была особенно полезна для меня на переговорах с японцами. Она исключала всякую возможность соглашения между Россией и Японией»².

Аналогичные сведения поступали и из Берлина. Японский посол Осима сообщал зимой 1941 года в Токио, что «имеются довольно веские основания ожидать войну между Германией и Россией в скором будущем»³.

Германское руководство в свою очередь продолжало «подталкивать» Японию к выступлению против Сингапура, что, по мнению Германии, было наилучшим курсом для японской политики в тот период. Для того чтобы убедить японцев в огромной выгоде «сингапурского варианта», Гитлер принял решение пригласить Мацуоку в Берлин. Еще во время подписания Тройственного пакта Риббентроп, обмениваясь приветствиями по радиотелефону, передал японскому министру иностранных дел приглашение посетить Европу.

18 января 1941 года Зорге информировал в Центр: «От германского посла узнал: Осима будет главным послом для всей Европы с задачами развития пакта 3-х держав в военный союз с наступательными акциями Японии против Сингапура и, если будет необходимо, против Америки.

Сиратори и часть работников японского штаба и морского министерства без согласия Коноэ поддерживают Осиму.. Посол утверждает, что Япония начинает движение за изменение пакта 3-х держав в агрессивный наступательный союз».

В то же время, как сообщил «Рамзай», японское правительство из-за внутренних политических трудностей ожидало исхода готовившегося вторжения Германии в Англию, и только после его успеха могло принять решение на выступление против Сингапура.

Зорге также ставил Центр в известность, что Риббентроп пригласил Мацуоку прибыть в Берлин для обсуждения вопросов пакта 3-х держав, причем возможно, что Мацуока собирался предпринять попытку дать новое развитие вопросу переговоров между СССР и Японией. При этом «Рамзай» сообщал интересный нюанс: Мацуока хотел нанести визит в Берлин с целью упрочения своего положения, которое несколько пошатнулось в связи с введением в кабинет Сиранумы — он и Осима были против планов Мацуоки⁴.

Эта информация Рамзая была связана с тем, что неясность ситуации остро поставила на повестку дня необходимость для японского министра иностранных дел совершить поездку в Европу, чтобы в Берлине, Риме и Москве из первых рук получить необходимую информацию. В то же время японское правительство и руководители военных ведомств Японии разделились в своем отношении к европейскому визиту Мацуоки. Потребовалась серия правительственных совещаний, на которых все же было принято положительное решение, но в ограничительных инструкциях ему предписывалось не заключать никаких официальных договоров с Германией и Италией и не брать на себя никаких обязательств от имени Японии. Он должен был изучить ситуацию в Европе как частное лицо и выслушать доводы и пожелания немцев и итальянцев. На обратном пути Мацуоке предписывалось провести в Москве переговоры с перспективой заключения договора, который восстановил бы дружественные отношения с Советским Союзом. В состав японской делегации были включены официальные лица, которым вменялось в обязанность ограничивать неумную энергию Мацуоки рамками инструкции.

18 января Гальдер записывает в своем дневнике: «Возможен приезд японского министра иностранных дел [Мацуока]. По-видимому, во время переговоров будут затронуты вопросы о Французском Индокитае и Голландской Индии. Если мы хотим активного сотрудничества с Японией, нам придется уступить ей Голландскую Индию. Я лично считаю эту уступку целесообразной, так как своими силами мы все равно удержать ее не сможем, а попытками сохранить ее в качестве колонии Нидерландов только затрудним свои отношения с Голландией»⁵.

3 февраля 1941 года на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки был принят документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В качестве условий для нормализации японо-советских дипломатических отношений в нем указывалось на необходимость: 1) осуществить с помощью давления Германии на СССР продажу Северного Сахалина Японии; 2) в случае непринятия Советским Союзом предложения о продаже добиться взамен отказа от японских концессий на Северном Сахалине обещания советской стороны поставить в Японию в течение пяти лет 2,5 млн тонн нефти; 3) согласиться признать советское влияние в Синьцзяне и Внешней Монголии в ответ на советское признание японского влияния в Северном Китае и Внутренней Монголии; 4) добиться прекращения советской помощи Китаю⁶. Эти положения должны были явиться основой планируемого договора с СССР.

Одзакэ был достаточно информирован своим другом Сайондзи о дискуссиях среди членов кабинета Коноэ по поводу намечавшегося визита Мацуоки в Европу. Он сообщил Зорге, что окружение принца Коноэ не возлагает больших надежд на эту поездку. Сайондзи, входивший в состав делегации, сказал Одзакэ: «Самое большее, на что мы можем надеяться, это на то, что этот визит, способствуя лучшему знакомству Мацуоки с европейской ситуацией, сможет помочь сделать правильный выбор направления внешней политики в будущем». Согласно информации Одзакэ, в правящих кругах Японии, по всей видимости, не ожидали, что поездка принесет конкретные успехи.

Однако германская сторона все же надеялась на конкретные результаты. Риббентроп хотел попытаться еще раз убедить Мацуоку пойти на сингапурскую операцию и в случае ухудшения германо-советских отношений перетащить Японию на сторону Германии. По словам Отта, немецкое посольство чувствовало, что любые переговоры в Москве могли касаться только экономических вопросов и ничего более.

Активные дипломатические акции проводили США и Великобритания. В начале 1941 года Гарри Гопкинс, ближайший помощник президента Рузвельта, посетил Англию. «Иден несколько раз спрашивал меня, — писал позднее Гопкинс, — что сделает наша страна, если японцы нападут на Сингапур или на Голландскую Индию. Он указал, что для определения их политики чрезвычайно важно это знать. Конечно, было совершенно ясно, что ни президент, ни Хэлл не могут дать необходимый ответ англичанам по этому вопросу, потому что войну объявляет конгресс, а изоляционисты и фактически большая часть американского народа не были бы заинтересованы в войне на Дальнем Востоке только потому, что японцы напали на голландцев»⁷.

Черчилль считал американскую политику изоляционизма в тот период ошибочной и говорил, что удалось бы значительно облегчить мировое положение, если бы правительство США решительно

заявило о своей готовности не допустить любые попытки изменить силой статус-кво на Дальнем Востоке. Тогда же Черчилль предложил США использовать Сингапур в качестве военно-морской базы.

Однако, как считают американские исследователи, Рузвельт в то время не мог пойти на это, так же как не мог дать никакого обещания применить военную силу, исключая лишь случай прямого нападения на США, поскольку знал о сильных изоляционистских настроениях в конгрессе, который его не поддержит⁸. Немаловажную роль, по-видимому, играло также то, что американцы не собирались таскать каштаны из огня для «старины» Черчилля, беспокоившегося, конечно же, в первую очередь о дальневосточных владениях Великобритании.

В то же время Вашингтон с возрастающей тревогой наблюдал за действиями Японии в Индокитае и Китае, где возникала реальная угроза американским интересам. Япония, по сути дела, «захлопнула дверь» в Китай перед носом США и Англии. В ответ на оккупацию Индокитая США в сентябре 1940 года ввели эмбарго на поставки железного лома и стали, начали изымать американские капиталы из Японии. Американское правительство отказалось признать правительство Ван Цзинвэя и увеличило размеры финансовой помощи Гоминьдану. Произошло потепление советско-американских отношений — 22 января госдепартамент США отменил «моральное эмбарго» в отношении торговли с СССР.

В начале 1941 года Рузвельт направил в Китай в качестве своего особого представителя Лочлина Кэрри с целью изучения экономического и внутривластного положения в этой стране. Прибыв 7 февраля в Чунцин, американский эмиссар призвал Чан Кайши, чтобы Китай не допускал особой активности в дипломатических отношениях с СССР и не рекомендовал идти на сближение с Советским Союзом.

В феврале 1941 года США и Англия предоставили гоминьдановскому правительству крупные займы: Соединенные Штаты — 500 млн долларов и Англия — 50 млн фунтов стерлингов. Таких солидных кредитов они Китаю никогда не давали. Это свидетельствовало о том, что Вашингтон и Лондон были крайне заинтересованы в Китае как в важном союзнике на Дальнем Востоке в их борьбе с Японией, которая непосредственно затрагивала американские интересы в этом районе. Тем более что ни США, ни Англия не имели в этом регионе сколько-нибудь крупных сухопутных сил. Китай же к началу войны на Тихом океане имел закаленную в боях 3-миллионную армию⁹.

В конце января 1941 года в Вашингтоне начались переговоры американских и английских штабов. Штабные переговоры продолжались до 29 марта и привели к соглашению, известному под названием «ABC-1» (American-British Conversations). Сущность его заключалась в том, что в случае участия англо-американских сил в войне с Германией и Японией войска должны были сосредоточи-

ваться сначала против Германии, в то время как против Японии до разгрома Германии предполагалось вести сковывающие действия.

В то же время параллельно Соединенные Штаты добивались сотрудничества с Японией. 14 февраля Рузвельт официально обратился к только что назначенному новому японскому послу в США Номуре с предложением провести в секретном порядке американо-японские переговоры. Они начались в Вашингтоне 8 марта 1941 года и продолжались до 7 декабря, т. е. до момента японского нападения на Пёрл-Харбор.

«МЫ ХОТИМ ЗАСТАВИТЬ АНГЛИЮ ПРОСИТЬ МИРА...»

Поток радиogramм в Центр, сообщавших о подготовке Германии к нападению на СССР, нарастал. 4 января от «Метеора» (Скорнякова) из Берлина пришло подтверждение предыдущего донесения «Альты» и «Арийца». Сообщалось, что сведения основаны «не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам... Гитлер считает ... состояние Красной Армии именно сейчас настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех...»¹⁰

В начале января поступило донесение по линии внешней разведки о выступлении Гитлера 18 декабря 1940 года в Спортпаласе по поводу выпуска 5 тысяч германских офицеров. Источник берлинской резидентуры внешней разведки «Лесовод» информировал, что Гитлер сделал выпад «...против несправедливости, существующей на свете, когда 60 млн великороссов владеют 1/6 частью земного шара, а около 90 млн немцев ютятся на куске земли». Гитлер призывал молодых офицеров к устранению этой несправедливости¹¹. 27 января из Белграда «Софокл»¹² сообщил о высказываниях немецкого посла в Югославии Херинга на закрытом совещании в немецком посольстве, на котором тот заявил: «Для Германии Балканы являются решающим звеном, они должны быть включены в «новый порядок» Европы, но СССР с этим никогда не согласится и поэтому война с ним неизбежна»¹³. Нарастал поток сообщений о перемещениях немецких войск в сторону советской границы. Резко увеличилось число агентов, забрасываемых германской разведкой на территорию СССР.

31 января Главное командование сухопутных войск Германии (ОКХ), которому Гитлер поручил дальнейшую разработку плана «Барбаросса», издало директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск, в которой были уточнены задачи трем группам армий: «Север», «Центр» и «Юг». Как и в директиве № 21, основной удар планировалось нанести силами группы армий «Центр» севернее Припятских болот в направлении Смоленска. При этом окружить группировки советских войск сначала в районе Белостокского выступа, а затем в районе Минска. После разгрома

русских сил на этом направлении танковые соединения группы должны были повернуть на север и совместно с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить советские войска в Прибалтике.

Таким образом, ставилась задача «окончательно ликвидировать последнюю возможность сопротивления войск противника в северной части России и тем самым обеспечить свободу маневра для решения последующих задач во взаимодействии с немецкими войсками, действующими на юге России». При этом делалась весьма важная оговорка: «При внезапном и полном провале вражеских попыток оказать сопротивление на севере России встанет вопрос о замене поворота войск на север немедленным ударом в направлении Москвы... Для руководства войсками в рамках этой операции сохраняют силу опыт и принципы, полученные во время Польской кампании»¹⁴.

Время начало свой неумолимый отсчет до начала самой кровопролитной войны в истории человечества.

Для того чтобы скрыть военные приготовления, германское руководство наметило осуществление ряда мероприятий по дезинформации.

12 февраля из Берлина посольству Германии в Тегеране была направлена циркулярная телеграмма № 73 для военных атташе. В телеграмме говорилось: «При запросе относительно передвижения германских войсковых частей в Румынию следует воздерживаться от ответа. При более настойчивых вопросах ссылайтесь на Берлин. В случае неизбежности ответа высказывайте общую точку зрения. Укажите, что политической причиной посылки наших войск в Румынию является то, что мы имеем достоверные сведения о концентрации английских войск всех родов в Греции (Салониках). О силе германских войск желательно сохранять неясность. В случае необходимости дать ответ относительно количественного состава войск поощряйте всякую фантазию»¹⁵.

15 февраля было издано «Указание штаба оперативного руководства ОКВ о мероприятиях по дезинформации». Документ требовал «на первом этапе, то есть приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время. На последующем, втором этапе, когда скрыть подготовку к операции „Барбаросса“ уже не удастся, нужно будет объяснять соответствующие действия как дезинформационные, направленные на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию».

При этом задачи по дезинформации конкретизировались по этапам. На первом этапе требовалось усилить уже сложившееся впечатление о предстоящем вторжении в Англию, преувеличивать значение второстепенных операций «Марита»¹⁶ и «Зонненблуме»¹⁷ и завышать данные о количестве привлекаемых сил. Сосредоточение сил для операции «Барбаросса» объяснять как необходимые пере-

мещения войск для плановой замены, как переброску сил для операции «Марита» и как оборонительные меры по прикрытию тыла от возможного нападения со стороны России.

Ставилась задача всячески возбуждать общественное мнение с целью создать впечатление, что предстоит внезапное нападение на Британские острова. При этом принять все меры, чтобы среди германских вооруженных сил «сохранилось впечатление готовящегося вторжения в Англию, пусть в совершенно новой форме». Одновременно планировалось «подбросить сведения о скрытной переброске на запад новой техники», распространять информацию о введении в штаты воздушно-десантного корпуса переводчиков, владеющих английским языком, размножении карт территории Англии, имитировать «внезапное минирование» определенных зон в проливе Ла-Манш, устанавливать макеты неизвестных до сих пор «ракетных батарей».

На втором этапе предполагалось распространять мнение о сосредоточении войск для операции «Барбаросса» как о «крупнейшем в истории войн отвлекающем маневре, который якобы служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию». В случае возникновения вопроса, какими же силами будет осуществляться вторжение, предлагалось отвечать, что переброска крупных сил в Англию на первом этапе операции невозможна из-за превосходства на море английского флота. В то же время для первого удара достаточно будет сравнительно мало сил благодаря применению новых боевых средств. Поэтому сосредоточение главных сил против Англии «начнется только в момент нанесения первого удара».

Чтобы усилить эффект дезинформации, предполагалось согласовать по времени некоторые действия, связанные с планом «Барбаросса» и началом операции «Марита» (введение максимально уплотненного графика движения эшелонов, отмена отпусков и т. д.). Планировалось организовать передачу дезинформационных сведений германским военным атташе в нейтральных странах и военным атташе нейтральных стран в Берлине. При этом указывалось, что «эти сведения должны носить отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции»¹⁸.

Как показали дальнейшие события, немецкие акции по дезинформации оказались успешными. Распространявшиеся немцами слухи о концентрации германских войск у границ СССР, как о предназначавшихся будто бы для вторжения в Англию или похода на Ближний Восток, в условиях продолжавшейся англо-германской войны казались правдоподобными.

Поток сообщений о сосредоточении немецких войск на советской границе нарастал: 14 февраля от «Софокла» из Белграда (по данным югославского генштаба) — 127 дивизий¹⁹; 21 февраля от «Доры»²⁰ из Цюриха: «По сообщению начальника разведслужбы швейцарского генштаба Германия имеет сейчас на востоке 150 ди-

визий... Выступление Германии начнется в конце мая»²¹. 28 февраля от «Альты» и «Арийца» из Берлина: «Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий „Кенигсберг“ должна наступать в направлении ПЕТЕРБУРГ, группа армий „Варшава“ — в направлении МОСКВА, группа армий „Позен“ — в направлении КИЕВ. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий...»²²

В связи с подготовкой к войне против СССР началась лихорадочная германо-японская активность по взаимному выяснению позиций и приоритетов.

23 февраля 1941 года в резиденции Риббентропа — замке Фушль — состоялась беседа между рейхсминистром иностранных дел и послом Японии Осимой.

После взаимных очень сердечных приветствий, как сказано в протоколе записи беседы, Риббентроп перешел к делу: «Мы учли все возможности. Война уже выиграна в военном, экономическом и политическом отношениях. Мы хотим кончить войну как можно скорее и заставить Англию просить мира. Фюрер полон сил, здоровья и уверенности в победе. Он решил привести войну к быстрому и победному концу. Сотрудничество с Японией весьма необходимо для того, чтобы провести это намерение в жизнь. Однако и Япония в своих собственных интересах должна вступить в войну как можно скорее. Англия потеряла бы, таким образом, свои ключевые позиции на Дальнем Востоке. Япония же, напротив, займет удобную позицию на Дальнем Востоке. Но это возможно сделать только путем войны».

И тут впервые Берлин на официальном уровне озвучил так называемый «сингапурский вариант». «Решающий удар должен быть нанесен Сингапуру для того, чтобы уничтожить ключевую позицию Англии в Восточной Азии. Занятие Сингапура должно произойти молниеносно, если можно, то вообще без объявления войны, в самый мирный период. Все это быстро решит войну в нашу пользу и удержит Америку от вступления в войну.

Занятие Сингапура означало бы решающий удар в сердце Британской империи. Америка не вступит в войну, поскольку она еще не готова, и не рискнет послать свой флот дальше Гавайских островов. Если же она вступит в войну, то ей придется только беспомощно взирать, как Япония отбирает у нее Филиппинские острова».

Риббентроп хорошо понимал: устремляясь на юг, Япония должна быть спокойна, что ее новая агрессия не вызовет у Советского Союза никакого противодействия. А потому рейхсминистр готов был и здесь вселить спокойствие и уверенность в своего дальневосточного союзника. С одной стороны, он указывает на то многое, что «Германия уже... сделала для будущего двух народов»: «Франция как даль-

невосточная держава более не существует. Англия также значительно ослаблена, и Япония может теперь постепенно укрепиться в Сингапуре». С другой стороны, Риббентроп после многозначительной паузы сообщает Осиме, что «если возникнет нежелательный конфликт с Россией, мы должны будем взять на себя основное бремя и в этом случае... Следствием конфликта между Германией и Россией будет гигантская победа Германии и конец советского режима».

Запись этой беседы, заверенная личной подписью Риббентропа, кончается так: «Посол Осима согласился полностью с моими доводами. Он заявил, что лично желает сделать все возможное для осуществления этой политики. Он заметил, что он просил министра иностранных дел Японии отправиться в Берлин с более конкретными и приемлемыми предложениями. Я сказал Осиме, что было бы неплохо, если бы министр иностранных дел Японии привез с собой окончательное решение о скором нападении на Сингапур, чтобы мы смогли затем обсудить здесь все детали. Я объяснил далее, что теснейшее сотрудничество во всех областях, в частности в пресесе, необходимо для совместного ведения войны, такое сотрудничество, какое уже было установлено с Италией, Румынией, Венгрией, Словакией и Болгарией.

Осима конфиденциально сообщил мне, что Коноэ и Мацуока думают так же, как и он, и что они согласны на быструю атаку против Сингапура»²³.

В связи с этой беседой становится понятным сообщение Зорге от 18 января 1941 года, в котором он приводил слова Отта, что «Осима будет главным послом для всей Европы с задачами развития пакта 3-х держав в военный союз с наступательными акциями Японии против Сингапура и, если будет необходимо, против Америки». Беседа Риббентропа с Осимой как раз и велась в этом ключе.

Но в Центре Зорге не поняли. 24 января 1941 года «Организатор» (начальник дальневосточного отдела Разведуправления) прислал радиограмму: «Смысл Вашей телеграммы № 146 не ясен. Как понимать, что Осима будет главным послом для всей Европы и что Япония начинает движение за изменение пакта 3-х держав? Какова цель и причины этого?»²⁴

На это 7 февраля последовал ответ «Рамзая»: «Отвечаю на Вашу телеграмму № 46: Осима не будет являться официально главным послом в Европе, но намерен тактически выполнять эту роль»²⁵.

Беседа Риббентропа с Осимой была воспринята японским кабинетом как событие чрезвычайной важности. Стало очевидно, что Германия энергично готовится к войне с СССР в самом ближайшем будущем. Но почему она не призывает Японию ударить одновременно по СССР на Дальнем Востоке и, наоборот, толкает ее в сторону Сингапура? Необходимость уточнения этого вопроса была дополнительным аргументом для срочного выезда Мацуоки в Европу.

Тем временем в развитие стратегического плана Гитлера о выводе Великобритании из войны верховное командование вооруженных сил Германии 5 марта издало директиву о сотрудничестве с Японией.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ

5 марта 1941 г.

Отпеч. 14 экз.

Экз. № 2

Секретный документ особой важности

Секретный документ (передавать только с офицером)

ИЗ ДИРЕКТИВЫ № 24 О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ЯПОНИЕЙ

Фюрер отдал следующий приказ о сотрудничестве с Японией:

1. Цель сотрудничества, основанного на Тройственном пакте, заключается в том, чтобы как можно скорее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Таким образом будут скованы значительные силы Великобритании и центр тяжести интересов США будет перенесен из Америки на Тихий океан.

Япония будет иметь тем больше шансов на успех, чем раньше начнет боевые действия, поскольку ее противники еще недостаточно подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» создаст для этого особенно благоприятные политические и военные предпосылки.

2. Для того чтобы подготовить такое сотрудничество, необходимо всеми средствами способствовать укреплению японской военной мощи. Поэтому главным командованиям видов вооруженных сил следует полностью удовлетворять японские пожелания получить информацию о германском военном опыте, военно-экономическую и техническую помощь. Здесь желательна взаимность, но даже ее отсутствие не должно стать обстоятельством, затрудняющим ведение переговоров. При этом, естественно, прежде всего следует удовлетворять те японские заявки, которые уже в недалеком будущем смогут оказать влияние на ведение войны.

В особых случаях фюрер право решения оставляет за собой...

5. Никаких сведений об операции «Барбаросса» японцам сообщать не следует.

Начальник штаба
верховного командования Кейтель.
Верно: капитан 3 ранга Юнге²⁶.

Директива № 24 четко определила германские приоритеты: вывести из войны Англию и тем самым не допустить вступления в войну США. В то же время она запрещала сообщать японской стороне какие-либо сведения о подготовке нападения на СССР.

Однако командующий военно-морскими силами Третьего рейха адмирал Дёниц убедил фюрера в осторожной форме все же предупредить Мацуоку о германских намерениях. Дёниц писал Гитлеру:

«Япония должна действовать возможно быстрее, чтобы захватить Сингапур, так как обстоятельства никогда не будут столь благоприятны, как сейчас. Япония готовится к таким операциям, но, согласно утверждениям японских представителей, она осуществит нападение только в том случае, если Германия проведет высадку в Англии. Следовательно, мы должны сосредоточить все усилия, чтобы понудить Японию действовать немедленно. Если Сингапур будет в японских руках, все другие восточноазиатские проблемы, связанные с Соединенными Штатами и Англией, будут разрешены.

Согласно заявлению адмирала Номуры, министр иностранных дел Мацуока находится в затруднительном положении в связи с решением русского вопроса и намерен по этому поводу сделать запрос во время предстоящих переговоров в Берлине. В этих условиях было бы целесообразным осведомить Мацуоку о наших планах в отношении России»²⁷.

Гитлер с нетерпением ждал приезда Мацуоки в Берлин: что же скажут японцы?

ПРОРЫВ... К НЕЙТРАЛИТЕТУ

Накануне отъезда Мацуоки в японском кабинете шли последние согласования относительно целей его поездки. Активные обсуждения шли и в «группе завтраков», в которых участвовал Одзаки. Он умело играл на тех обидах и противоречиях, которые накопились в японо-германских отношениях, и призывал Коноэ, так же как и Гитлер, в первую очередь блюсти свои интересы. Германское руководство подталкивает Японию в сторону Сингапура. Расчет немцев понятен — связать войной Англию и США на Тихом океане и ослабить их позиции в Европе. Вот и Осима пишет, что Гитлер снова обнаруживает явное стремление подчинить политику Японии как более слабого союзника планам и действиям Германии. Но разве можно начинать серьезную войну, имея за спиной заклятого врага — Россию? Урок Халхин-Гола говорил о многом. В том числе и о коварстве Гитлера, который во время самых тяжелых боев на Номонхане, вместо того чтобы помочь Японии, подписал с СССР договор о ненападении. Разве это не нож в спину союзника?! Даже сейчас, вспоминая об этом, принц не мог сдерживать раздражения. Нет, на данном этапе интересы Японии требуют мирных отношений с Россией. Нужно дать указания Мацуоке изучить этот вопрос и обсудить в беседах со Сталиным и Молотовым. Конечно, на японских условиях, но возможны и компромиссы. Главное — добиться от СССР прекращения помощи Чан Кайши, а там посмотрим. Особых надежд на заключение договора с русскими, ко-

нечно, питать не стоит, но попробовать можно. Японии нужно обезопасить свой тыл. Одзаки говорит, что германский генштаб тоже считает необходимым получить гарантии от выступления СССР против Японии. А Одзаки знает, что говорит, недаром он считается специалистом по японо-германским отношениям. Пора подумать и о своих интересах, хватит плясать под дудку Гитлера!

В марте 1941 года Зорге узнал от посла Отта, что Мацуока по приглашению Гитлера выезжает в Германию, причем этот визит будет носить неофициальный характер. 11 марта в Разведуправлении получили большую радиограмму Зорге. Она состояла из двух частей и была доложена Голикову 13 марта.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 10 марта 1941 г.

Телеграмма Риббентропа послу Отту относительно внезапного наступления японцев на Сингапур имеет цель активизировать роль Японии в пакте трех держав.

Принц Урах (специальный немецкий курьер, прибывший сюда несколько дней тому назад, близко связанный с Риббентропом и которого я уже знаю много лет) сообщил мне, что немцы хотят, чтобы японцы выступили против Сингапура только в том случае, если Америка останется вне войны и если Япония не сможет быть больше использована для давления на СССР. Урах заявил далее, что эта точка зрения — использовать в будущем Японию для давления на СССР — довольно сильно распространена в Германии, особенно в военных кругах.

Новый германский ВАТ²⁸ получил от прежнего атташе письмо, описывающее резко антисоветские тенденции среди высшего немецкого офицерства и кругов Гимmlера. Новый германский ВАТ считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза. По этим соображениям, полагает он, Япония все еще имеет великую миссию против СССР, однако необходимо достигнуть соглашения и добиться выступления Японии против Сингапура.

Новый германский ВАТ тоже стоит за наступление на Сингапур.

№ 87, 88. Рамзай²⁹.

Резолюция НУ: «НО-3, НО-9. Копии т. Сталину, т. Молотову. Голиков».

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 10 марта 1941 г.

Принц Коноэ лично заявил Отто, что он сильно одобряет поездку Мацуоки в Германию, но он указал, что некоторые японские круги стараются удержать Мацуоку от этой поездки, опасаясь, что

германские руководители могут слишком сильно повлиять на Мацуоку. Коноэ видит главную цель поездки Мацуоки [в] следующем:

1. Усиление энтузиазма перед пактом трех держав, который быстро ослабевает в Японии после поражений Италии³⁰ и в связи с задержкой германского вторжения в Англию. Проанглийские и проамериканские круги усиленно работают над тем, чтобы удержать Японию от более тесных взаимоотношений с Германией.

2. Мацуока должен через личные беседы с Гитлером и другими выяснить действительные намерения Германии относительно Англии: будет ли она воевать с Англией или нет. Руководители Японии продолжают опасаться возможности англо-германского компромисса в случае, если немцы не смогут вторгнуться на острова. В случае такого компромисса Япония должна быть осторожна в отношении своей экспансии на юг.

3. Что касается СССР, [то] Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством.

Мацуока посетит сначала Берлин, затем Рим, Виши, Москву, затем вернется в Берлин и снова посетит Москву.

№№ 89, 90, 91. Рамзай.

Расшифровал и перевел Малинников.

[Резолюция НУ]: «НО-3, НО-9. Копии т. Сталину, т. Молотову. Голиков. 13.3. Рамзай ответ: „Ваши №№ 89,90,91,87,88 имеют значение. Д[иректор]“. Голиков».

Ответ согласно резолюции дан. 13.3.41. Капитан Закатов³¹.

Давно уже Зорге не получал такой оценки, все больше окрики да нагоняи. А тут: «Ваши телеграммы имеют значение»! Значит, информация докладывалась на самый верх и пришла как раз вовремя. Это был серьезный успех.

Донесение «Рамзая» действительно имело большое значение, поскольку вместе с информацией из других источников ориентировало Сталина относительно намерений японцев.

Сталин до конца дочитал донесение из Токио, затем вышел из-за стола и привычно начал расхаживать по кабинету, держа в руке погасшую трубу. Итак. С одной стороны, немцы хотят получить сразу все: чтобы Япония выступила против США и Великобритании на Тихом океане и одновременно в будущем оставалась бы

средством давления на СССР. С другой стороны, в японском кабинете сильны настроения против слишком тесного сближения Японии с Германией и следования ее в фарватере германской политики. Японцы настороженно относятся к Гитлеру и опасаются, что он может пойти на компромисс с Англией, как это уже было с СССР в период Номонхана. А вот в отношении переговоров с СССР Мацуока имеет больше полномочий. Во всяком случае, можно будет использовать японскую настороженность в отношении Гитлера и поторговаться с ними насчет заключения пакта о нейтралитете. Вырисовывалась изящная комбинация: воспользоваться ситуацией и «с точностью до наоборот» повторить «гамбит», разыгранный в августе 1939 года! Вот только получится ли? Должно получиться. Нужно только не пережать в беседах с Мацуокой. Если грамотно построить беседу, то можно будет договориться — ведь Мацуока из-за внутренних противоречий в японском кабинете в трудном положении, ему обязательно нужен результат в переговорах с СССР. Договор с Японией нам тоже очень нужен сейчас — Гитлер наращивает силы на границе с СССР, говорит, что отводит войска подальше от английских бомбардировщиков и готовится к вторжению в Англию. Хорошо, если это так, нужно еще минимум шесть месяцев, чтобы хорошенько подготовиться ко всяким неожиданностям. Посмотрим! Нужно сказать Голикову, чтобы еще раз запросил у этого немца в Токио точный текст телеграммы Риббентропа Отту.

Соответствующий запрос был направлен, и «Рамзай» 15 марта сообщил в Москву: «Я читал телеграмму Риббентропа к германскому послу Отту, которая по-немецки читается так: „Я прошу Вас при этом всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами побудить Японию к немедленному наступлению на Сингапур“. Далее мне Отт заявил, что германский генштаб считает гарантию против возможного наступления Красной Армии на Маньчжурию необходимым условием перед началом военных действий против Сингапура». По резолюции Голикова это сообщение было разослано Сталину, Молотову, Тимошенко и Жукову³².

Эта телеграмма «Рамзая» имела чрезвычайно важное значение, в ней впервые Зорге сообщал о готовности Германии военным путем связать СССР и, таким образом, гарантировать Японии безопасный тыл во время захвата Сингапура. Одновременно Зорге сообщил сведения, полученные Одзаки от вновь назначенного японского посла в Виши. Согласно этим сведениям, во время переговоров Японии с Таиландом и Индокитаем Япония избегала требовать от них каких-либо военных привилегий. Но позднее она намерена потребовать заключения пакта о ненападении. Обе стороны должны будут предоставить Японии авиационные и морские базы: к югу от Сайгона и недалеко от границы Таиланда. Переговоры по этому вопросу будут возобновлены после возвращения Мацуоки. Эта инфор-

мация свидетельствовала о сохраняющемся южном направлении японской экспансии и также была доложена Сталину и Молотову³³.

Интересно отметить, что мнение германского генштаба, на которое ссылается Отт, наиболее ясно отражено в дневниковой записи Гальдера от 16 января 1941 года: «Япония. Готова к серьезному сотрудничеству. Разрешение русской проблемы [Германией] развяжет Японии руки против Англии на Востоке. Поэтому необходимо радикальное решение проблемы. Как можно скорее!»³⁴.

23 марта, в воскресенье, министр иностранных дел Японии приехал в Москву. На перроне Северного вокзала выстроился почетный караул — встречать японскую делегацию приехал Сталин. Это было неожиданно и приятно для Мацуоки.

На следующий день состоялась беседа Мацуоки со Сталиным и Молотовым.

Мацуока заявил, что японское правительство уже давно стремится к улучшению японо-советских отношений и заключению пакта о ненападении. Этому в свое время мешало общественное мнение в Японии. Еще и сейчас имеются люди, которые возражают против заключения пакта о ненападении, однако Мацуока вместе с Коноэ «имеют решительное мнение улучшить отношения между обеими странами».

После этого Мацуока попросил Сталина до возвращения его из Берлина и Рима подумать над двумя вопросами.

Первый вопрос касается идеологической общности Японии и СССР, поскольку в Японии, по словам Мацуоки, уже давно существует «моральный коммунизм». Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Сейчас в Японии выдвигается лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англосаксов, целью чего как раз и является заключение пакта трех держав. Мацуока заявил, что «если товарищ Сталин понимает, что он хочет сказать и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы готовы идти рука об руку с вами».

Второй вопрос касается японо-китайской войны, в которой Япония воюет не с китайским народом, а с англосаксами, то есть Англией и Америкой и слугой англосаксонских капиталистов — Чан Кайши. В связи с этим Мацуока попросил рассматривать намерения Японии в Китае именно под этим углом зрения.

Сталин сказал, что он может коротко ответить прямо сейчас, однако Мацуока попросил его подумать над этим вопросом и дать ответ после его возвращения из Берлина.

Сталин согласился с этим, однако тем не менее кратко изложил свое мнение. Во-первых, идеология не так важна, если имеется желание обеих сторон к их «практическому сближению» и улучше-

нию отношений. Во-вторых, что касается англосаксов, то «русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить».

Мацуока заявил, что «он глубоко убежден, что без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка»³⁵.

На этом беседа закончилась.

25 марта Разведуправление получило большое донесение военного атташе в Японии полковника Гушенко об основных мотивах поездки Мацуоки. Они заключались в том, что в связи с изменившейся обстановкой — противодействием США — японский кабинет остановил продвижение Японии во Французский Индокитай и Голландскую Индию и поставил вопрос о пересмотре Тройственного пакта. Посол Отт, который не мог взять на себя решение этого вопроса, также собирался выехать в Берлин, чтобы присутствовать на переговорах с Мацуокой.

Перед отъездом он собирал совещание из дипломатических и военных работников посольства, чтобы выслушать их мнение относительно пакта. Военный атташе Кречмер высказал два варианта. Первый — Германия через месяц начнет генеральное наступление на Англию, и тогда все эти вопросы будут решены. Но есть сомнение в осуществимости этого варианта в связи с большой помощью со стороны США, поэтому операция может провалиться. Второй вариант — идти на Турцию и Афганистан, против этого будет СССР, но Германии не нужно с ним считаться, поскольку его Красная Армия в Польше и Финляндии показала недостаточную боеспособность. Кречмер предложил этот вопрос решать не в Токио, а в Берлине. После этого Отт выехал в Берлин.

Далее Гушенко сообщал, что, пригласив Мацуоку в Берлин, немцы видят свою основную цель в том, чтобы убедить его и соответственно японское правительство в необходимости отвлечь на себя Америку. «При этом Мацуока из Берлина (!) получил указание встретиться с Молотовым или его заместителями и прощупать, как будет реагировать СССР на случай расширения войны в Европе. Китайский вопрос в Москве не поднимать». Сообщалось, что основные беседы в Москве Мацуока должен провести по возвращении из Берлина. В заключение Гушенко делал вывод: «Считаю, что доклад в основном правдоподобно освещает те события, которые имеют место в Токио за кулисами в последнее время».

Эта телеграмма, во-первых, интересна тем, что она в целом правильно ориентировала советское руководство не только в отношении целей поездки Мацуоки, но и в отношении «директив», полученных им из Берлина от Риббентропа. И когда Мацуока отошел от этих «директив», подняв в беседе со Сталиным «китайский вопрос», это было первым звоночком, что можно будет сыграть на японо-германских противоречиях. Во-вторых, из копии телеграммы, имеющейся в

распоряжении авторов, невозможно понять, на основании какого источника она составлена. Гущенко пишет о каком-то докладе. Учитывая, что речь в телеграмме идет также о конфиденциальном совещании в немецком посольстве, можно с большой долей вероятности предполагать, что эта информация была получена от Зорге³⁶.

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, где встретился с Гитлером и Риббентропом. Руководители рейха, не раскрывая содержания операции «Барбаросса» и сроков ее проведения, в форме прозрачных намеков сообщили японскому министру о своих намерениях. 27 марта в беседе с Мацуокой Риббентроп заявил: «На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится полной победой Германии и окончательным разгромом русских армий и сокрушением государственного строя. Фюрер убежден, что в случае нападения на СССР через несколько месяцев с ним, как с великой державой, будет покончено»³⁷.

Через день, 29 марта, между Риббентропом и Мацуокой состоялась еще одна беседа.

ИЗ ПРОТОКОЛА БЕСЕДЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ

Берлин, 29 марта 1941 г.

Министр иностранных дел [Риббентроп] начал с предшествующей беседы с Мацуокой по поводу предстоящих переговоров в Москве с русскими. Он выразил мнение, что, учитывая общую обстановку, самым лучшим было бы не расширять излишне отношений с русскими. Он не знает, как будет развиваться ситуация дальше. Но можно быть совершенно уверенным: если Россия когда-либо нападет на Японию, Германия выступит тотчас же. Он может совершенно определенно заверить в этом Мацуоку, так что Япония может продвигаться на юг, к Сингапуру без страха перед возможными осложнениями с Россией. Большая часть германской армии находится и так уже на восточной границе рейха и готова выступить в любую минуту. Он (министр рейха) полагает, что Россия не будет стремиться к осложнениям военного характера. Но если между Германией и Россией возникнет конфликт, то Советский Союз будет разбит в течение нескольких месяцев. В этом случае Японии тем более не следует чего-либо опасаться, если она захочет атаковать Сингапур. Она ни в коем случае не должна отказываться от этой операции из-за опасения перед Россией.

Как будут развиваться дела с Россией, этого, конечно, знать нельзя. Неизвестно, будет ли Сталин продолжать свою нынешнюю недружественную политику по отношению к Германии или нет. Он (министр

рейха) хотел бы при всех случаях указать Мацуоке на то, что конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным [...]

Затронутый Мацуокой вопрос о Сахалине может быть решен и позднее. Если русские будут проводить безрассудную политику и вынудят Германию ударить по ним, то он считает правильным, учитывая настроение японской армии в Китае, чтобы ей помешали выступить со своей стороны против России. Лучше всего Япония поможет общему делу, если она не будет ничем отвлекаться и проведет операцию против Сингапура. В случае совместной победы вышеупомянутые желания Японии осуществляются так или иначе, и все желаемое достанется Японии без особого труда [...]. В этой связи Мацуока ответил, что некоторые весьма компетентные морские офицеры, с которыми он поддерживает дружеские отношения, придерживаются мнения, что японским вооруженным силам понадобится три месяца, чтобы занять Сингапур. Будучи осторожным министром иностранных дел, он увеличивает этот срок вдвое. Он полагает, что понадобится шесть месяцев, чтобы отвести любую опасность, исходящую от Америки. Если для занятия Сингапура понадобится еще больше времени и операции затянутся до года, то ситуация с Америкой примет крайне критический характер и он не знает, как из нее выйти. Если это хоть в какой-то степени окажется возможным, то он не стал бы трогать Голландскую Индию, т. к. он опасается, что в случае японского нападения на эти территории будут подожены нефтяные промыслы. Лишь через год или два на них может быть восстановлен порядок. [...] В заключение Мацуока [...] заверил, что Япония всегда будет лояльным союзником, который будет полностью поддерживать общее дело, и делать он это будет не как-нибудь, а по-настоящему³⁸.

Мацуока все понял! Итак, немцы решили атаковать русских. Ну что же, это неплохо, пусть попробуют. Но уж очень сладкие песни поет Риббентроп, заверяя японцев, что они и так все получают без труда. Знаем мы эти песни: когда немцам нужно будет, они сразу начнут давить на Японию, чтобы она выступила против России. Нет уж! Премьер Коноэ совершенно прав: хватит плясать под дудку Гитлера! У Японии есть в конце концов свои интересы. Поход на Сингапур — это вам не легкая прогулка, здесь нужна серьезная подготовка от всяких неожиданностей. Очевидно, что Америка станет на сторону Великобритании. 4 апреля в беседе Гитлер сказал, что будет вести решительную борьбу с Америкой и ни один американец не высадится в Европе. У Германии гораздо больший военный опыт, не говоря уже о

том, что «немецкие солдаты стоят неизмеримо выше американцев». Гитлер обещал, что в случае конфликта Японии с США Германия будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Ну, положим, германские гарантии хорошо известны японцам — когда понадобится Гитлеру, он легко откажется от всяких гарантий точно так же, как в августе 1939 года проигнорировал антикоминтерновский пакт. Надо серьезно говорить с русскими о заключении пакта о ненападении или о нейтралитете — разница небольшая, не стоит придирается к словам. Это тем более нужно сделать сейчас, потому что война между Германией и Россией определенно толкнет ее в англосаксонский лагерь, а это означает, что Япония окажется во враждебном окружении — русские могут предоставить американцам военные базы в Приморье и на Камчатке. А это реальная угроза! Надо заключить договор с Россией, а там посмотрим: в нужное время Япония может выступить против России, если ее интересы этого потребуют.

Гитлер и Риббентроп были в полной уверенности, что Мацуока все понял так, как они этого хотели. Сроков выступления против Сингапура, правда, он не назвал, начал жаловаться на сложность обстановки, угрозу со стороны Америки. Но фюрер ясно дал понять, что в случае конфликта с американцами Германия поддержит Японию. Так что бояться нечего. Все запросы японцев по линии обмена опытом и военно-технических обменов будут удовлетворены полностью и незамедлительно. Пусть учатся, как нужно воевать. Насчет русских Мацуока, кажется, тоже все понял — никаких соглашений сейчас, ждать развития событий. Советы рухнут в течение нескольких недель победоносного наступления германских армий. Японцы, конечно, тоже хотят получить долю русского «пирога». Но посмотрим, как они себя поведут. Германский солдат не для того проливает кровь, чтобы плодами его побед воспользовались другие!

29 марта Гальдер записывает в своем дневнике: «Переговоры с Мацуокой, по-видимому, идут успешно. Очевидно, намечено наступление на Сингапур. Сроки, однако, не установлены. Мацуоке было сообщено, что мы не заинтересованы в заключении русско-японского пакта о ненападении; достаточно заключения рыболовной конвенции и т. п.»³⁹

В апреле Мацуока вернулся в Москву. На следующий день начались переговоры с Молотовым. Советская сторона сумела настоять на том, чтобы обсуждать не пакт о ненападении, а пакт о нейтралитете, поскольку в августе 1937 года, заключив договор с Китаем, советское правительство, как известно, взяло на себя обязательство «не заключать с Японией Договор о ненападении на время войны Китая с Японией»⁴⁰.

Переговоры шли очень трудно. Главным камнем преткновения стали вопросы, касающиеся Маньчжоу-Го и МНР, а также Северного Сахалина. Мацуока, соглашаясь в целом заключить пакт о нейтралитете, возражал против пункта о Маньчжоу-Го и МНР. В отно-

шении Северного Сахалина он настаивал на его продаже Японии, ссылаясь на жесткие инструкции, полученные в Токио. Советская сторона занимала не менее жесткую позицию, категорически отказываясь удовлетворить это требование, и в свою очередь предлагала за соответствующую денежную компенсацию ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине.

Вопрос так и оставался нерешенным, когда 12 апреля у Мацуоки состоялась заключительная беседа со Сталиным.

В начале беседы Мацуока посетовал, что ему приходится покидать Москву, так и не подписав пакт о нейтралитете, который очень нужен не только Японии, но и СССР, и который он хотел заключить во время своего пребывания в СССР «без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига». Это вызывает досаду. Хотя Япония и имеет с Германией союзный договор, это вовсе не означает, что Япония должна «связывать силы СССР», наоборот, Япония могла бы выступать посредником, если «что-нибудь произойдет между СССР и Германией». Мацуока заявил, что он «всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством». Сахалин — это мелкий вопрос, который можно было бы решить и впоследствии. Нужно решать большие проблемы. Например, СССР хочет выйти через Индию к Индийскому океану — пожалуйста, Япония не возражает и готова закрыть глаза, если СССР захочет иметь Карачи.

Насколько известно Мацуоке, немцы тоже не будут возражать, если СССР будет стремиться выйти к теплым морям через Иран. В конце концов Мацуока убежден, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР, и им лучше идти рука об руку, чем ссориться. Сейчас тем более важно отбросить все мелкие вопросы, поскольку необходимо избавиться от англосаксов в Азии. А для этого нужно в первую очередь добиться их изгнания из Китая. Вот почему Япония полна решимости до конца бороться с Чан Кайши — этим агентом англо-американского капитала. По мнению Мацуоки, «было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех».

Наконец, что касается идеологической близости СССР и Японии, то хотя Мацуока и «не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма». Главное — устранить его влияние в Азии, а потом можно будет обсудить, чей коммунизм лучше — советский или японский. К сожалению, не все японцы являются последователями «морального коммунизма», «в Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом».

Сталин молча выслушал Мацуоку. Прошелся по кабинету, раскурил трубку, повернулся к сидящим за столом японцам. Да, он согласен, вопрос о заключении пакта о нейтралитете, безусловно, на-

зрел, это был бы первый и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Это было бы действительно поворотом от вражды к дружбе.

Но давайте тогда снимем оставшиеся вопросы. Японская сторона не желает включать в текст пакта пункт о Маньчжоу-Го и МНР. Тогда получится, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Нужно в той или иной форме сказать о них, так как в противном случае получается, что «Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией».

Мацуока внимательно слушал Сталина. Нет, он не возражает по существу дела. Так как у Японии с Маньчжоу-Го нет союзнических отношений, то лучше о Маньчжоу-Го и Монголии сказать в декларации.

Сталин согласился с этим. Следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Мацуока предложил ограничиться передачей Молотову конфиденциального письма, а сейчас подписать пакт о нейтралитете без протокола о ликвидации концессий. По его мнению, в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, и тогда создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях.

Сталин снова прошелся по кабинету. Мацуока напряженно следил за ним — что скажет московский вождь. Сталин вернулся к своему месту, сел и, проникновенно глядя на Мацуоку, сказал: «Господин Мацуока! Все беседы, которые вы вели с Молотовым, и сегодняшняя вторая моя беседа с вами убедили меня в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры и что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом я раньше сомневался и должен это честно признать. Теперь у меня эти сомнения исчезли, и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру».

Молотов тоже добавил, что у него от переговоров с Мацуокой такое же впечатление, как и у товарища Сталина.

Сталин продолжил: «Господин Мацуока! Я с удовольствием слушал вас, вы честно и прямо говорите о том, чего хотите. С удовольствием потому, что в наше время, и не только в наше время, нечасто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Я не хотел бы затруднять ваше положение, когда вы вынуждены довести до конца борьбу с вашими противниками в Японии, и готов облегчить ваше положение, чтобы вы добились здесь дипломатиче-

ского блицкрига. Хорошо, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуоки, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо товарища Молотова. Письмо Мацуоки придется пришить к договору как не подлежащее публикации».

Мацуока сказал, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2—3 месяца, но, вернувшись в Японию, соответствующим образом подготовит японское общественное мнение. Он постарается работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока попросил верить ему и довольствоваться первоначальным письмом, что даст ему возможность возвратиться в Японию свободным и несвязанным. У него была жесткая инструкция, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, ничего не поделаешь.

При этих словах Мацуоки Сталин подошел к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, сказал: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан — пролив Курильский у южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. — Сталин повернулся к Мацуоке и, улыбаясь, сказал: — Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба?»

В ответ Мацуока, не теряя надежды убедить Сталина, заявил, что это было бы нужно для создания «нового порядка» в Азии. А Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. Япония даже готова помочь ему — «в Индии имеются индусы, которыми Япония может руководить». И потом, у СССР такая огромная ее часть, почему он не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте?

Сталин тут же спросил: «А зачем вам нужны холодные районы Сахалина?»

Мацуока ответил, что это «создаст спокойствие в районе, а кроме того, Япония согласна на выход СССР к теплому морю».

Сталин опять повернулся к карте и, указывая на Индию, сказал: «Да, это даст спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь. Это не годится».

Мацуока показал на район южных морей и Индонезию и заявил, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставлять СССР каучук и другие продукты. Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

На это Сталин мгновенно отреагировал: «Взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить».

Мацуока понял, что это последнее слово советского вождя. Хорошо, он согласен идти по линии протокола. Необходимо только в тексте конфиденциального письма вместо слов «в течение 2—3 месяцев» указать: «в течение нескольких месяцев». Что же касается

вопроса о том, сколько нефти СССР будет поставлять Японии — 100 тысяч тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Мацуока пообещал, что он будет прилагать все усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Сталин в свою очередь предложил внести в текст письма Мацуоки поправку и вместо «...вопрос, касающийся концессий...» написать: «...вопрос, касающийся ликвидации концессий».

Мацуока согласился с этим и далее сказал, что ему необходимо испросить полномочий у императора на подписание пакта о нейтралитете, поэтому он просит Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы ни минуты не задерживали телеграммы из Токио.

Молотов пообещал сделать это немедленно.

В заключение стороны договорились выделить своих представителей для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР, Маньчжоу-Го и т. п.

На этом беседа закончилась⁴¹.

После ухода японской делегации Сталин медленно прошелся по кабинету, снова раскурил трубку. Да, это был несомненный успех. Дипломатический блицкриг получился к обоюдному удовольствию. Если все будет нормально, то завтра подпишем пакт о нейтралитете. Но каков Мацуока! Моральный коммунизм! Нужно будет сказать Голикову, чтобы запросил свой токийский источник о высказываниях этого «морального коммуниста» после его возвращения в Токио и вообще о настроениях в связи с подписанием советско-японского пакта.

В воскресенье 13 апреля 1941 года Молотов, с одной стороны, Мацуока и посол Татэкава — с другой, подписали в Кремле пакт о нейтралитете между СССР и Японией.

14 апреля Центр запросил «Рамзая»: «В связи с заключением пакта о нейтралитете СССР с Японией надо следить за внешнеполитическим курсом и военными мероприятиями японского правительства и командования:

о конкретных мероприятиях по экспансии Японии на Юг и по завершению войны в Китае;

общественное мнение Японии и реагирование прессы Японии; взаимоотношения Японии с США и Англией;

выяснить отношение к пакту коллег и их мнение⁴²;

сообщить данные о погрузке японских частей в Сибура⁴³».

17 апреля по каналам службы внешней разведки пришло донесение из Берлина от «Степанова»⁴⁴: «Старшина»⁴⁵ ставит в известность, что он читал сообщение морского атташе Германии в Москве, который пишет, что якобы т. Сталин на вокзале во время проводов Мацуоки похлопал по плечу Кребса⁴⁶ и сказал ему: «Мы останемся хорошими друзьями — не правда [ли]?»⁴⁷

ОТКЛИКИ НА СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете получило широкий резонанс во всем мире. Однако ни одна более или менее крупная держава, кроме СССР и Японии, не приветствовала его заключение.

США и Великобритания, а также Китай понимали, что СССР упрочил свою безопасность на Дальнем Востоке, поскольку обезопасил свои границы и направил японскую экспансию на юг. Реакция Белого дома и государственного департамента на подписание пакта была очень болезненной. «Для Рузвельта подписание [советско-японского] пакта явилось столь же неприятным известием, как и ранее весть о заключении советско-германского пакта»⁴⁸, в результате чего в советско-американских отношениях произошло значительное охлаждение, более того, правительство США ввело против СССР экономические санкции, которые охватили практически все направления экономических связей с СССР.

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете вызвало растерянность и недовольство в правящих кругах Китая, что заметно отразилось на отношении китайцев к советским работникам в Китае. На различных закрытых собраниях и совещаниях членов Гоминьдана, военных и гражданских служащих раздавались голоса, что СССР встал на путь предательства и т. п. Тем не менее Чан Кайши занял весьма прагматичную позицию, дав высокую оценку пакту как успеху политики СССР. Он разослал телеграмму своему генералитету, партийным комитетам Гоминьдана и провинциальным правительствам, в которой, в частности, говорилось: «Инициатором заключения пакта является Советский Союз. И можно сказать, что пакт является успехом планов СССР в отношении Японии. Для Японии данный пакт, по существу, невыгоден. Он увеличивает ее шансы на поражение. Самый глубокий смысл настоящего пакта заключается в том, что Советский Союз подобным действием поколебал основу блока Германии, Италии и Японии. Он дал понять Германии, что Япония не постеснялась нарушить блок... Судя по донесениям из Германии и Италии, Япония уже не может пользоваться доверием Германии. Отношения между Японией и Германией в результате данного пакта постепенно охлаждаются. В будущем они могут совсем испортиться. В результате пакта Япония попала в еще большую изоляцию, что нельзя не считать большим успехом Советского Союза»⁴⁹.

Чан Кайши в общем-то был недалек от истины. Руководство Германии пребывало в шоке, понимая, что пакт связал руки их дальневосточному партнеру в тот момент, когда планировалось нападение на СССР. Посол Отт, присутствовавший в Берлине на переговорах с Мацуокой, сказал Зорге, что, «подписав пакт о нейтра-

литете, он (Мацуока) совершил нечто такое, чего Германия не ждала, не желала». Сам Мацуока, однако, вернувшись из Москвы, постарался заверить Отта, что Япония ни в коем случае не останется нейтральной при возникновении конфликта между Россией и Германией. «В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете», — заявил Мацуока⁵⁰.

16 апреля посол Осима направил в Токио телеграмму, в которой со всей определенностью сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР». 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения, Осима рекомендовал японскому кабинету: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР»⁵¹.

Тем не менее германская дипломатия переживала крупную неудачу. В апреле начались переговоры между США и Японией, и вопрос о нападении на Сингапур отошел на второй план.

Одзаки ликовал. К его мнению прислушались, и тем самым японо-советский договор временно устранил угрозу одновременного нападения Германии и Японии на Советский Союз. После возвращения Мацуоки в Японию Одзаки спросил Сайондзи, сопровождавшего Мацуоку, будет ли война между СССР и Германией. Сайондзи ответил: «Хотя отношения и напряженные, но вряд ли будет война».

Однако в радиোগрамме, отправленной 11 апреля, «Рамзай» сообщал, что «из первых рук» («человек Гимmlера») он узнал: «Война между СССР и Германией может начаться в любой момент после возвращения Мацуоки в Токио...

Германское посольство получило от Риббентропа телеграмму, в которой заявляется, что Германия не начнет войны против СССР, если она не будет им спровоцирована. Если же это произойдет, то война будет короткой и закончится жестоким поражением СССР. Немецкий генштаб закончил всю подготовку. В кругах Гимmlера и генштаба имеется сильное течение за то, чтобы начать войну против СССР, но это течение еще не имеет превосходства». (Этот абзац в тексте обведен рукой Голикова.)⁵²

Информация Зорге, по-видимому, являлась отражением тех мнений, которые были распространены у части германского военного руководства. Согласно записям Гальдера, еще 30 июля 1940 года у него состоялась беседа с главкомом сухопутных войск фон Браухичем, в которой была высказана следующая мысль: «На вопрос о том, как выйти из положения, если не будет достигнута решающая победа над Англией и возникнет опасность сближения Англии с Россией, что заставит нас вести войну на два фронта, и в первую оче-

редь против России, может быть один ответ — укрепление дружбы с Россией. Желательна встреча со Сталиным»⁵³.

Интересно отметить, что, как сообщал Зорге в этом же донесении, германский морской атташе «неожиданно получил приказание отправить сырье не через Сибирь, а на пароходах, оперирующих в южной части Тихого океана в качестве рейдеров. Но впоследствии от этого отказались, и он полагает, что напряженность во взаимоотношениях между Германией и Советским Союзом уменьшилась».

Почему происходили такие колебания, можно также проследить по записям Гальдера от 28 января: «К концу февраля наши запасы каучука будут исчерпаны, после чего останется лишь надежда на те 12 тысяч тонн, которые должны прибыть из Индокитая и Южной Америки на судах — «прорывателях блокады». Еще 25 тысяч тонн каучука закуплено французами, но японцы не допускают его вывоза. На период после апреля никаких определенных сведений или прогнозов дать нельзя. Начиная с мая, мы окажемся в полной зависимости от сомнительного ввоза. Вся ставка — на импорт». И далее в записях, касающихся совещания 28 января о подготовительных мероприятиях по плану «Барбаросса»: «Запасы натурального каучука в феврале придут к концу. Ввоз его — только через Россию... Положение очень серьезное...»⁵⁴ Несомненно, германское руководство понимало, что вывоз сырья морем сопряжен с гораздо большими издержками и рисками, чем железнодорожным транспортом через Сибирь.

Однако это были важные, но все же умозаключения. Нужны были документы или хотя бы свидетельства тех, кто видел планы войны или слышал о них.

18 апреля Зорге послал сообщение о реакции японского кабинета на заключение пакта о нейтралитете с СССР.

МЕМО⁵⁵ ИЗ ТЕЛЕГРАММ РАМЗАЯ № 110,111,112,113

от 18 апреля 1941 г.

Сообщает, что Отто посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом воен[ному] министр[у] Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта.

Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствовавших было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем, если Чан-Кайши будет продолжать опираться на Америку, то было бы полезно обратиться еще раз к Аме-

рике с предложением достигнуть дружественных взаимоотношений с Японией по вопросу о Китае. Отто полагает, что вышеуказанные пункты лягут в основу будущей внешней политики Японии.

О заявлении Коноэ о том, что он полагает, что между Мацуокой и Осимой была стычка в Берлине, так как Осима прислал телеграмму, где выражает свое недовольство поведением Мацуоки в Берлине.

Затем Отто спросил Коноэ относительно Сингапура. Коноэ ответил, что этим вопросом очень интересуются германский посол Отт и другие.

Отто полагает, что если Англия будет терпеть дальнейшие поражения, как сейчас, то вопрос об атаке Сингапура снова встанет очень остро.

В связи с вышеуказанным Рамзай просит директив. Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других лиц и может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему. Поэтому он запрашивает о том, заинтересованы ли мы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура.

Далее сообщает, что он (Рамзай) имеет некоторое влияние на германского посла Отта и может подталкивать или сдерживать его от оказания давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура.

Просит указаний.

Резолюция НУ: «НО-3. Переговорить»⁵⁶.

Итак, японский кабинет воспринял подписание пакта с большим удовлетворением. Японские военные также не делали никаких заявлений, что в условиях Японии означало молчаливое одобрение. Вопрос о Сингапуре отодвигался на второй план как предприятие выгодное немцам, но невыгодное японцам. Все усилия Отта так и не увенчались успехом, что, кстати, глубоко задело его и повлияло на отношения с Мацуокой. Главная задача для Коноэ теперь заключалась в том, чтобы договориться с Америкой относительно Китая и прекращения там войны — это была политика Японии на ближайшую перспективу.

Зорге почувствовал, что может гораздо больше, чем просто информировать руководство, — он предлагал оказывать влияние на японский кабинет и посла Отта. Центру это не понравилось: по законам разведки информирование агента относительно влияния сообщаемых им сведений на стратегические установки руководства не допускалось. Более того, запрос Зорге вызвал раздраженную реакцию Голикова: что там «Рамзай» возомнил о себе? Он что думает, что ухватил Бога за бороду? Как будто он влиял когда-нибудь на кого-то! Нужно собирать информацию, а не строить из себя великого деятеля!

Поэтому 24 апреля «Рамзаю» был отправлен ответ: «Вашей основной задачей является своевременно и достоверно сообщать о всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР, что конкретно ими делается по передислокации войск, откуда и какие части переводят-

ся и куда сосредоточиваются. Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит и заниматься этим не следует»⁵⁷.

Объективно говоря, это было правильное решение. По всем показателям японское руководство не было готово к наступлению на Сингапур, да и не очень-то хотело этого, надеясь все-таки договориться с США. Был и еще один весьма важный фактор — «квантунцы», которые требовали готовиться к войне против СССР. Тодзио прямо заявил в апреле 1941 года: «Невзирая на пакт, мы будем осуществлять военные приготовления против СССР. Необходимо постоянно оказывать давление на Советский Союз»⁵⁸.

В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба 14 апреля 1941 года появилась следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»⁵⁹.

Об этих высказываниях и записях советская разведка могла и не знать. Однако она получала информацию из других источников. Так, 26 апреля в Разведуправлении из Сеула было получено сообщение, что начальник штаба группы японской армии в Корее генерал Такахаши 22 апреля заявил журналистам: «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новые формирования ни Квантунской, ни Корейской армий (имеются в виду японские войска в Корее. — *Авт.*) ослаблены не будут и со своих позиций не уйдут».

В этой ситуации «подталкивать» Коноэ было чревато для Одзакі риском навлечь ненужные подозрения в «ангажированности». А он в глазах Коноэ и его ближайшего окружения заслужил репутацию японского патриота, которому в первую очередь дороги интересы страны. Ну а Отта подталкивать было не нужно — его и так все время подталкивал Риббентроп.

Впрочем, скорее всего Голиковым в первую очередь двигали соображения перестраховки. Наверняка это предложение «Рамзая» даже не докладывалось Сталину.

Тем не менее есть один нюанс, который нельзя не отметить. Все радиogramмы, передаваемые из Центра «Рамзая», сначала, как правило, переводились на английский язык, а затем шифровались и отправлялись в Токио. Интересно отметить, что последняя фраза («Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит и заниматься этим не следует») на английский язык была переведена следующим образом: «To influence and encourage Konoe or other politicians is not your job and to do that is not necessary». В обратном переводе на русский это звучало так:

«Влиять и подталкивать Коноэ или других политиков не является вашей работой и делать это нет необходимости».

Таким образом, получалось, что Центр не давал категорического запрета на возможные действия Зорге и Одзаки по влиянию на развитие ситуации в том или ином русле. Позднее в «Тюремных записках» Зорге писал: «Мой запрос был сделан в самой общей форме, чтобы сохранить возможности для активных действий Одзаки и других членов группы, но ответ Москвы был отрицательным. Правда, в нем прямо не запрещались подобные действия, но указывалось, что в них просто нет необходимости. После начала войны Германии с СССР в 1941 году обстановка становилась все более напряженной. В этой ситуации я подумал, что, даже не истолковывая ответ Москвы как необязательно категорический, ничто не мешает действовать в рамках моей компетенции. А рассматривая формулировку „нет необходимости“ в более широком смысле, я посчитал, что нам определенно не запрещено заниматься указанной деятельностью».

Поэтому я не препятствовал активным действиям Одзаки в группе Коноэ. Более того, я сам решительно взялся за работу среди немцев, учитывая, что моя позиция по этим вопросам оставалась неизменной в течение нескольких последних лет»⁶⁰.

Тогда, в апреле, Зорге чувствовал себя победителем: он смог вовремя предсказать (если не направить в определенном смысле) действия японского кабинета по заключению пакта о нейтралитете с СССР.

Как вспоминает генерал-майор М. И. Иванов, который в 1941 году работал в аппарате советского военного атташе в Токио, он в первый раз увидел Зорге в конце апреля. Это было на аэродроме Ханеда, куда весь посольский и журналистский корпус устремился встречать прилетевшего после визита в Берлин и Москву министра иностранных дел Мацуоку. «Толпы репортеров, сотрудников охраны и дипломатов ринулись к только что приземлившемуся самолету, из которого вышел улыбающийся, довольный Мацуока. Стрекот и вспышки камер, возгласы, аплодисменты... Консул посольства В. С. Зайцев толкнул меня, кивком указав в сторону. Там неторопливо шел Рихард Зорге — без фотокамеры, даже без полевого блокнота — в безукоризненно выглаженном костюме-тройке с нацистским значком на лацкане, усталый, немного прихрамывающий. Я мгновенно почувствовал, как одинок он был в этом суетящемся сборище жаждавших сиюминутной сенсации репортеров, в ажиотаже скандальных новостей (как же, Япония „предала“ интересы фашистского союзника, пошла на сговор с Советами, велика ли уверенность, что Сталин не держит камня за пазухой? и т. д.) ...Увидев воочию Зорге, я ощутил восторг и скорбь одновременно. Он шел не как солдат вермахта или Советов. Он шел с достоинством и горечью безмерно измученного одинокого человека, чуждого фальшивой суеты политиканов, понимающий глубинную неотвратимую суть надвигающихся грозных событий...»

МАРТ: «НАПАДЕНИЕ НА СССР ПРОИЗОЙДЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД АНГЛИЕЙ...»

События в Европе тем временем приобретали все более угрожающий характер. 1 марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту, и 2 марта немецкие войска вошли в эту страну. 6 марта началось итальянское наступление в Албании. 8 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение о проведении учебных сборов военнообязанных. Наркомату обороны разрешалось призвать на учебные сборы в 1941 году военнообязанных запаса в количестве 975 870 человек, из них: сроком на 90 дней — 192 869 человек; на 60 дней — 25 000; на 45 дней — 754 896; на 30 дней — 3105 человек.

10 марта в статье, посвященной двухлетию XVIII съезда ВКП(б), «Правда» писала, что И. В. Сталин «...разгадал замыслы втянуть СССР в войну и побудить СССР воевать за интересы англо-французских капиталистов».

12 марта 1940 года в Москве был подписан договор между СССР и Финляндией, по которому она вынуждена была пойти на территориальные уступки.

25 марта в «Известиях» в сообщении НКВД СССР говорилось о том, что если Турция подвергнется нападению, то при защите своей территории она может рассчитывать на нейтралитет со стороны СССР⁶¹.

27 марта в Югославии произошел военный переворот и к власти пришло правительство генерала Симовича, с явно антигерманской направленностью. В тот же день у Гитлера состоялось совещание, основной темой которого была подготовка операции против Югославии. В принятом решении в связи с этим переносились сроки проведения операции «Барбаросса» на 4 недели (директива ОКВ № 25).

5 апреля был подписан советско-югославский пакт о дружбе и ненападении, а на следующий день немецкая авиация начала жестокие бомбардировки Белграда, и германские войска вторглись на территорию Югославии и Греции. 17 апреля югославская армия капитулировала. 23 апреля сложила оружие греческая армия.

Гитлер развязал себе руки для похода на Восток.

В марте — апреле в Москву по различным каналам продолжали поступать сообщения о подготовке Германии к нападению на СССР. Полпред в США К. А. Уманский 1 марта отправил телеграмму Молотову относительно заявления, сделанного ему заместителем госсекретаря США С. Уэллесом: «По конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении Американского правительства и в аутентичности которых у Американского правительства нет ни малейшего сомнения, германские военные планы заключаются в том, чтобы после достижения победы над Англией, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого на-

падения разработаны германским командованием во всех деталях». Уэллес заявил, что правительство США учитывает возможное недоверие, с которым советское руководство отнесется к этой информации, рассматривая ее «как пропаганду, интригу или неправду». Тем не менее, по мнению Уэллеса, США располагали полными доказательствами правдивости этой информации, которая, как он подчеркнул, не исходила из английских источников, и он передавал ее советскому правительству «лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение».

Уманский сказал Уэллесу, что эта информация «не укладывается в общеизвестную картину международного положения... Германское правительство не может не понимать обреченности таких планов ввиду высокой оборонной мощи СССР, стратегические позиции и экономическая сила которого так значительно укрепились за последние годы, а в частности со времени начала нынешней войны»⁶².

Информация, поступавшая в Белый дом по различным каналам (военная разведка, политическая агентура, донесения дипломатов и т. д.), подтверждала, что Гитлер готовит нападение на Советский Союз, начало которого планируется после победоносного окончания войны с Англией. С особым вниманием фиксировалось каждое сообщение о нарастающей с осени 1940 года напряженности в советско-германских отношениях, о подготовке Красной Армии к отражению военного нападения и о других мероприятиях Советского Союза по укреплению безопасности его границ в предвидении неминуемого столкновения с блоком фашистских держав. Уже в феврале 1940 года госдепартамент направил Рузвельту документ особой важности, подтверждавший начало разработки в Германии оперативных планов нападения на Советский Союз⁶³.

От военного атташе из Будапешта 1 марта пришло сообщение, что выступление немцев против СССР в данный момент считается немислимым до разгрома Англии. При этом германская группировка в Румынии предназначена против английского вторжения на Балканы и как контрмера против возможного выступления Турции или СССР. А вот после разгрома Англии немцы выступают против СССР⁶⁴.

Военный атташе в Румынии, напротив, основываясь на данных своего источника АБЦ⁶⁵, сообщал, что крупномасштабная военная операция против Великобритании в кругах германского МИДа и штаб-квартире немецкого командования «считается маловероятной потому, что это мероприятие слишком рискованно и связано со слишком тяжелыми жертвами... На ближайшее время немецкое продвижение на восток якобы исключается, и слухи о немецких планах войны против СССР распространяются сознательно с целью создать неуверенность в Москве и заставить политику СССР и

впредь служить для реализации немецких военных целей. Возможность выступления немецких войск, сконцентрированных в Румынии, против СССР в Берлине решительно исключают»⁶⁶.

6 марта «Корсиканец»⁶⁷ сообщил, что германский генштаб рассчитывает на быструю оккупацию Советского Союза и, прежде всего, Украины. Здесь, по оценке Гальдера, «успешным операциям будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог». Гальдер также считал легкой задачей оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые можно будет быстро восстановить. «Гальдер считает, что Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск, и русские не успеют даже уничтожить запасы»⁶⁸. В дополнение к этому сообщению 8 марта от него же поступила информация относительно действий Германии в ближайшем будущем: сначала наступление на Турцию и Триполитанию, затем военные действия против СССР и только потом активное вторжение на Британские острова⁶⁹.

9 марта из Белграда военный атташе генерал-майор Самохин сообщал, что германский генштаб отказался от наступления на Британские острова, и ближайшей задачей поставлено в апреле — мае текущего года осуществить захват Украины и Баку. Эта информация поступила от Владо Рыбникаря — источника белградской резидентуры РУ и была отправлена «Софоклом» без комментариев. Голиков немедленно затребовал от Самохина высказать свое отношение к полученным сведениям⁷⁰.

11 марта Зорге также информировал Москву, ссылаясь на нового германского ВАТа полковника Кречмера, что Германия выступит против СССР «по окончании теперешней войны» (т. е. войны с Англией). Поток информации нарастал, и «Рамзай» попросил Центр дать указание «Висбадену» (Владивостоку), кроме установленных дней, «слушать станцию Фрица также каждое воскресенье, так как воскресные дни самые лучшие для работы Фрица»⁷¹.

11 марта Генштабом Красной Армии был подготовлен план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и востоке⁷². Согласно этому плану, СССР должен был готовиться к войне на два фронта: на западе — против Германии с союзниками (Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия), на востоке — против Японии как «противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение». Согласно данным, из 260 развернутых к тому времени германских дивизий на границах с СССР было сосредоточено 76 дивизий (до 6 танковых и 7 моторизованных) и до 35 дивизий — в Румынии и Болгарии.

В случае войны, как предполагал советский Генштаб, Германия с союзниками могли развернуть против СССР до 268 дивизий. Япония — выставить против СССР до 60 пехотных дивизий, из них до

30 пехотных дивизий и большую часть танков и артиллерии сосредоточить у границ с СССР в течение 25—30 дней.

В случае войны на два фронта предполагалось основные силы развернуть на западе — 261 дивизию, а для действий против Японии — 37 дивизий и несколько бригад.

В нигде пока не опубликованном пятом разделе данного документа, увидевшего свет в сокращенном виде, изложены основы нашего стратегического плана на западе. Подчеркивалось, что наиболее выгодным является развертывание главных сил Красной Армии к югу от реки Припять (на юго-западном направлении). Предполагалось мощными ударами на Люблин, Радом и Краков разгромить главные силы немцев и на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на эти страны, чтобы воспрепятствовать их участию в войне против СССР.

Дальнейшей стратегической целью главных сил Красной Армии, в зависимости от обстановки, предлагалось избрать «развитие операции через Познань на Берлин, или действия на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии». В период сосредоточения войск предусматривалось: опираясь на укрепленные районы, упорной обороной прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на советскую территорию. Для достижения любой из указанных в документе целей планировалась соответствующая группировка войск. Подписанный Тимошенко и Жуковым, этот план Генштаба остался неутвержденным.

Тогда же, 11 марта, было разослано спецсообщение Разведуправления «О направлении развития вооруженных сил Германии и изменениях в их состоянии». Согласно этому спецсообщению, группировка германских войск на границах с СССР (Восточная Пруссия и Польское генерал-губернаторство) по сравнению с состоянием на 1 сентября 1940 года сократилась и составляла 61 дивизию.

В нем также делались выводы относительно строительства укреплений и аэродромов в Восточной Пруссии и Польше. Судя по полученным данным, германское командование принимало меры к надежному обеспечению обороны всех переправ через реки Неман, Нарев, Висла и Сан. Строительство укрепрайонов велось интенсивно, однако, по оценке РУ, требовалось не менее года для его завершения. Что касается аэродромной сети, то велось также интенсивное строительство новых и совершенствование старых аэродромов, при этом новые аэродромы строились главным образом на направлении Варшава — Брест-Литовск, то есть на западном направлении против ЗапОВО, хотя и несколько смещенном к югу. Тем не менее был сделан вывод, что строительство ведется на стыке ЗапОВО и КОВО, хотя разгранлиния между округами проходила несколько южнее — по реке Припять.

14 марта «Корсиканец», ссылаясь на сведения, полученные от высокопоставленных и информированных людей, передал, что вопрос о военном выступлении Германии против СССР решен, и оно состоится весной этого года. По мнению германского генштаба, Красная Армия сможет оказать сопротивление только в течение первых 8 дней, а затем будет разгромлена. Немцы рассчитывают, что русские при отступлении не успеют даже уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб и оставят весь урожай. После этого Германия планировала оккупировать Украину, лишив СССР его основной производственной базы, от которой СССР «целиком и полностью зависит». Затем должно было последовать отторжение Кавказа и продвижение немецких войск на восток вплоть до Урала⁷³.

По сообщению военного атташе в Венгрии от 15 марта, немецкая группировка вдоль границ СССР насчитывала 100 дивизий, включая Румынию⁷⁴.

Из Бухареста от «Ещенко»⁷⁵ 15 марта пришло донесение, что Германия полностью поменяла свои планы и планирует через 3 месяца напасть на СССР. Главный мотив — предупредить опасность со стороны СССР, первыми нанести удар и прежде всего захватить Украину⁷⁶.

20 марта генерал-лейтенант Голиков представил в НКО, СНК и ЦК ВКП(б) свой доклад «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР». Доклад начинался следующей фразой: «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией». Тем не менее далее Голиков, ссылаясь на агрессивную природу гитлеровского фашизма, привел ряд высказываний, которые, по его словам, «заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания». Далее в обобщенном виде перечислялись наиболее важные места из донесений, полученных Разведуправлением по различным каналам. Вся информация, приводимая в докладе, сводилась к тому, что нападение Германии на СССР неизбежно в текущем году и его следует ожидать в период между 15 мая и 15 июня. В то же время возможные варианты действий немецких войск давались весьма расплывчато и схематично и не отражали реальные планы германского командования.

В заключение Голиков сделал вывод:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР... будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинфор-

мацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»⁷⁷.

Следует признать, что выводы Голикова не лишены оснований. Большое количество на тот момент разноречивой разведывательной информации не позволяло сделать однозначных выводов. Трудно было предположить, что Гитлер и германский генштаб приняли решение воевать на два фронта, имея за плечами печальный опыт Первой мировой войны.

К настоящему времени рассекречено и опубликовано достаточно много разведывательных сообщений из различных источников военной и политической разведки. Исходя из этого авторы предпринимают попытку ответить на вопрос: могло ли советское руководство на основе полученной к концу марта 1941 года разведывательной информации предполагать, когда, где и какими силами Германия нанесет удар?»

Попытаемся разобраться.

Итак, на вопрос «когда?» был получен правильный ответ. Первоначальные сроки нападения Германии на СССР были определены довольно точно: между 15 мая — 15 июня (еще не было решения Гитлера о переносе сроков на 4 недели из-за операции против Югославии и Греции). В то же время основная масса сообщений указывала на то, что нападение произойдет после достижения победы над Англией. Сообщения о том, что операция против Англии считается слишком рискованной и Германия полностью поменяла свои планы были проигнорированы.

На вопрос «где?» не было дано удовлетворительного ответа. Назывались Украина и Кавказ, что, по-видимому, наряду с другими причинами определило оценку Генштабом юго-западного направления как наиболее вероятного направления главного удара. «Альте» удалось вскрыть состав немецкой группировки и основные стратегические цели операции. Однако ее сообщение об охватывающем ударе в районе Пинска силами 120 немецких дивизий, хоть и было достаточно близко к реальному замыслу германского командования, все же не отражало того, что на самом деле планировал германский генштаб — окружение в районе Белостока и Минска. С другой стороны, сам Пинск, находящийся в центре Припятских болот, никак не мог быть конечной целью для охватывающего удара — германские войска просто застряли бы в болотах. Цифра 120 дивизий, якобы выделенных для охватывающего удара, вообще, по всей видимости, вызвала удивление в Разведуправлении, поскольку совершенно дезориентировала относительно реальной группировки немецких войск.

Необходимо сказать, что были полностью и правильно выявлены основные характерные черты строительства немцами укрепрайонов и аэродромной сети. Тем не менее это в целом не давало возможности

определить характер немецких приготовлений (наступательные или оборонительные). В то же время направление строительства новых аэродромов (Варшава — Брест-Литовск) говорило о том, что все-таки главным направлением германское командование считало западное, однако Разведуправление не сделало такого вывода.

Таким образом, на конец марта 1941 года направление главного удара в основной массе сообщений было определено неправильно — Украина, то есть южный фланг, хотя согласно плану «Барбаросса» главный удар наносился ближе к северному флангу с последующим поворотом в сторону Балтийского моря.

Следует отметить, что во время совещания у Гитлера 17 марта 1941 года фюрер категорически заявил, что группы армий «Север» и «Центр» должны продвинуться до Днепра, а затем под прикрытием развернуть свои силы на север. При этом захват Москвы, как заявил Гитлер, не имеет значения! В отношении группы армий «Юг» фюрер потребовал «в районах, прилегающих к Румынии, задействовать ровно столько войск, сколько будет необходимо для ее обороны. Все остальное должно быть использовано севернее Карпат: фронтально, с дальнейшим усилением ударной группировки на северном фланге путем подтягивания новых подвижных соединений». Гитлер также потребовал по возможности скорее вывести танковые части из Румынии. Это указание было беспрекословно принято германским генштабом к руководству⁷⁸.

На вопрос «какими силами?» разведка также не дала правильного ответа. Количество германских дивизий, выявленных в феврале — марте на советской границе, колебалось в пределах от 120 до 150. При этом между данными о немецкой группировке на 1 марта, содержащимися в плане стратегического развертывания Генштаба и в подготовке которого несомненно принимало участие РУ ГШ (76 дивизий), и спецсообщением РУ (61 дивизия) разница составляет 15 дивизий, причем оба документа датированы одним числом! Совершенно непонятно, как это могло произойти.

Вскрыть фактическую группировку германских войск было нелегко. Перемещение войск на восток осуществлялась очень умело, в соответствии с разработанными планами и с соблюдением необходимых мер маскировки. При этом одновременно шли переброски в других направлениях (западном и юго-восточном). В первую очередь перебрасывались пехотные соединения и материально-технические средства, в последнюю очередь — танковые и моторизованные соединения сухопутных войск и летные части ВВС.

Сосредоточение и развертывание группировки началось с середины февраля 1941 года. Переброска осуществлялась шестью эшелонами, пять из которых предназначались в ударные группировки, шестой — резерв ОКХ (главного командования). Следует заметить, что летом и осенью 1940 года уже были передислоцированы на Восток 26 германских дивизий. Переброска войск велась в основном железнодоро-

рожным транспортом так скрытно, как это можно было сделать в той конкретной военно-политической обстановке. Лишь на заключительном этапе некоторые танковые дивизии передислоцировались своим ходом. На переброску одной дивизии затрачивалось от 2 до 7 суток.

В первом эшелоне с 20 февраля по 15 марта 1941 года на Восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий. В это же время с Запада 3 пехотные дивизии были направлены на Балканы для участия в операции «Марита» и 7 дивизий в Германию, а из Германии 15 дивизий были переброшены на Запад, где они должны были совершенствовать свою боевую подготовку.

Таким образом, к 15 марта немецкая группировка на Востоке насчитывала 33 дивизии, а к концу марта — 39⁷⁹. Совершенно очевидно, что эти цифры весьма далеки от цифры 61, которая приводится в спецсообщении РУ от 11 марта.

Наконец, имелись просто дезинформационные сообщения о том, что якобы сосредоточение войск против СССР производится только для оказания давления и на ближайшее время немецкое продвижение на Восток исключается; германская группировка в Румынии предназначена против английского вторжения на Балканы и как контрмера против возможного выступления Турции или СССР.

В ряде сообщений прямо указывалось на основную причину уверенности германского руководства в успехе наступления — слабость Красной Армии. По всей видимости, этот факт был принят во внимание, поскольку военное строительство шло в СССР ускоренными темпами. Наконец, Зорге указал на весьма важный индикатор готовности Германии к нападению — отправка сырья не через Сибирь, а на пароходах, оперирующих в южной части Тихого океана в качестве рейдеров. Но сам же Зорге дезавуировал свой вывод, сообщив, что от этого отказались (а это было действительно так, и Гальдер это подтверждает!) и поэтому напряженность во взаимоотношениях между Германией и Советским Союзом уменьшилась.

Однако в последующих донесениях разведчиков все больше просматривались однозначные приготовления Германии к нападению на СССР вне зависимости от исхода войны на Западе. Вопросы оставались те же самые: где, когда и какими силами будет нанесен главный удар?

АПРЕЛЬ: НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА — УКРАИНА?

2 апреля «Захар»⁸⁰ прислал донесение из Берлина, в котором приводил сведения, полученные от различных источников. «Старшина» сообщал, что, по словам офицеров германского генштаба, созданы две армейские группы для войны с СССР. Оперативный план наступления состоит в осуществлении двух внезапных «молниеносных» ударов — на Украину и из Восточной Пруссии на се-

вер. При этом северная группировка должна соединиться с южной и таким образом окружить советские войска⁸¹. К сожалению, фактически таким образом опять пересказывалось содержание выступления Гитлера на совещании, состоявшемся еще 30 июля 1940 года. Как уже говорилось, этот замысел фюрера позже лег в основу оперативной разработки генерала фон Зоденштерна.

По сведениям «Корсиканца», было принято решение направлять импорт каучука в Германию морским путем, а не через СССР. Прекращение транзитных перевозок через СССР, как считал он, являлось признаком подготовки к нападению. Очень важной была информация от «Старшины», что в связи с подготовкой операции против Югославии сроки нападения на СССР отодвигались на 3—4 недели⁸². И Сталин, и военные наверняка понимали, что из-за Югославии именно так и произойдет и что первоначальный срок германского нападения, назначенный на середину — конец мая, будет сдвинут на середину — конец июня.

В этом же донесении приводились сведения, полученные от «Лицеиста»⁸³. Он доносил об усиливающихся слухах относительно концентрации немецких войск на Востоке для нападения на Украину. При этом приводил слова одного высокопоставленного немецкого офицера, который якобы заявил: «Мы во время мировой войны умели путем колоссальных перебросок войск замаскировать действительные намерения немецкого командования»⁸⁴.

Если учитывать, что «Лицеист» действовал по заданию германской разведки (это выяснилось уже после войны), то совершенно очевидно стремление немцев на фоне правдоподобной информации дезинформировать советское руководство относительно направления главного удара — Украина! Вообще для сообщений «Лицеиста» характерен их весьма правдоподобный характер с умелыми вкраплениями дезинформации: основной удар по Украине, чтобы обеспечить снабжение Германии, которая находится в критическом положении; Мацуока вел в Москве переговоры по выработанному в Германии плану; военные приготовления закончены и ждут только благоприятного момента, который зависит от развития событий на Балканах и удачи наступления против Египта⁸⁵.

В шифротелеграмме советского полпреда в Берлине Деканозова Молотову от 3 апреля приводилась информация, полученная из самых разных источников относительно подготовки Германии к войне с СССР, в которой основным направлением немецкого наступления опять называлась Украина⁸⁶.

В апреле в ряде разведдонесений появились новые важные нюансы: все это «игра нервов», чтобы вынудить СССР быть более покладистым. Гитлер собирается предъявить СССР ультиматум и потребовать от него присоединения к Тройственному пакту и оказания экономического содействия Германии.

10 апреля пришло еще одно сообщение от «Старшины», в котором тот, ссылаясь на разговор с офицером связи при Геринге, передал, что перед началом военных действий Германия предъявит ультиматум Советскому Союзу о присоединении к Тройственному пакту и потребует подчинения СССР германской политике, в частности расширения экономических поставок. Если Советский Союз откажется выполнить немецкие требования, Германия начнет войну. Ультимативные требования предъявят после окончания операции против Греции и Югославии. Эту же информацию «Старшина» с завидным постоянством передавал и в других своих сообщениях: 30 апреля — предстоит предъявление немецких экономических требований по поводу поставок сырья, 5 мая — концентрация войск есть лишь средство давления на СССР. 8 мая «Старшина» сообщил, что вопрос об ультиматуме не снят⁸⁷.

В перехваченной в апреле НКВД переписке турецкого посольства в Москве с турецким МИДом приводились разнообразные сроки нападения Германии: начало или конец мая, середина июня⁸⁸.

В спецсообщении Разведуправления от 16 апреля говорилось, что общее количество немецких дивизий всех типов в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии)⁸⁹.

18 апреля был введен в действие приказ Главного командования сухопутных войск Германии о начале дезинформационной кампании против СССР, согласованный с представителями ВВС и ВМС⁹⁰.

В тот же день состоялась беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского с послом Великобритании С. Криппсом. Разговор проходил в достаточно резкой форме, и в конце беседы Криппс даже хотел забрать обратно свою записку, предназначенную для Молотова. Сама записка содержала как достаточно туманные предупреждения о «вероятии германского выступления на Востоке», так и явные угрозы в случае если СССР согласится продолжать оказывать экономическую помощь Германии и удовлетворится тем, чтобы отношения с Великобританией «сохранили свой теперешний вполне отрицательный характер вплоть до конца войны»⁹¹.

19 апреля Криппс передал Вышинскому полученное дипломатической почтой послание У. Черчилля от 3 апреля, которое затем было передано Сталину. Английский премьер-министр писал: «...Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т. е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»⁹².

Совершенно очевидно, что это послание не сообщало Сталину ничего нового — разведка и так постоянно докладывала об идущем сосредоточении немецких войск. Зато оно, по-видимому, в значитель-

ной степени усилило недоверие советского вождя к сообщениям относительно намерений Германии напасть на СССР. Уж кто-кто, а Сталин нисколько не сомневался в желании Черчилля столкнуть лбами его и Гитлера. Советскому руководству докладывали о попытках Гитлера довести до сведения руководящих политических и общественных кругов Великобритании и США, что его новые военные планы «не затрагивают интересов Америки и Англии, но Рузвельт и Черчилль этого не понимают и хотят вести борьбу против меня»⁹³.

Известно, что, подталкивая Советский Союз на выступление против Германии, Черчилль одновременно подстрекал и Германию к нападению на СССР. В 1963 году в США была опубликована книга о деятельности во время Второй мировой войны английского разведывательного центра в Нью-Йорке, которым руководил миллионер-канадец Уильям Стефенсон, поддерживавший тесный контакт с Черчиллем. Автор книги, бывший сотрудник этого центра, пользовавшийся его документами, сообщает, что весной 1941 года английский разведывательный центр вместе с американским Федеральным бюро расследований подсунил посольству Германии в Вашингтоне материал, который гласил: «Из в высшей степени надежного источника стало известно, что СССР намерен совершить... военную агрессию в тот момент, когда Германия предпримет какие-либо крупные военные операции». По мнению английских разведчиков, это был «дезинформационный материал стратегического значения»⁹⁴.

Согласно донесениям пограничников, в апреле на германской стороне усилились работы по строительству укреплений, участились случаи нарушения границы немецкими самолетами⁹⁵.

23 апреля в беседе полпреда СССР в Турции С. А. Виноградова с югославским послом И. Шуменковичем последний заявил, что, по достоверным сведениям, Германия имеет в готовности к нападению 150 дивизий: 80 на советско-германской границе (Восточная Пруссия), 25 — в Польше, 10 — в Румынии и все дивизии, которые освободятся после балканской операции⁹⁶.

ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО АТТАШЕ В МОСКВЕ ВОЕННО-МОРСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ ГЕРМАНИИ

№ 34112/110
24 апреля 1941 г.

1. Циркулирующие здесь слухи говорят о якобы существующей опасности германо-советской войны, чему способствуют сообщения проезжающих через Германию.

2. По сведениям советника итальянского посольства, британский посол называет 22 июня как дату начала войны⁹⁷.

3. Другие называют 20 мая.

4. Я пытаюсь противодействовать слухам, явно нелепым.

Военно-морской атташе Баумбах⁹⁸

24 апреля пришло несколько неожиданное сообщение от «Старшины». Он подчеркивал, что планы нападения не сняты с повестки дня. В то же время отмечал, что «в связи с успешным продвижением германских войск в Дании настроения кругов, ратующих за выступление против Советского Союза, несколько утихли, так как немцы питают теперь надежду выиграть войну с Англией посредством удара по ее жизненным коммуникациям и нефтяным источникам на Ближнем Востоке, и поэтому африканские победы стоят сейчас в центре внимания»⁹⁹.

Военный атташе в Венгрии полковник Ляхтеров 24 апреля сообщил данные о группировке немецких войск: в Польше и Восточной Пруссии — до 85 дивизий, в Румынии — 12 дивизий, на Балканах — до 45 дивизий. Впервые появились данные о сосредоточении на границе Румынии с СССР 1-го немецкого воздушного флота. Голиков наложил на телеграмме резолюцию: «...Распределение по театрам и резервам не вполне верное»¹⁰⁰.

25 апреля Гальдер записал в своем дневнике: «Предоставление отпусков следует прекратить с 5.5 ввиду введения ускоренного графика движения железнодорожных эшелонов... [Перевозки по плану] «Барбаросса» в общем идут хорошо»¹⁰¹.

26 апреля военный атташе в Германии генерал-майор Тупиков прислал Голикову пространную записку со своими наблюдениями и выводами. В частности, он писал, что советско-японский пакт о нейтралитете «опрокинул генеральную суть» политики Германии, которая планировала выступить против СССР одновременно с Японией. Однако это следует расценивать только как отсрочку нападения в связи с необходимостью «перерасчета сил и создания возможной другой коалиции». В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. По мнению Тупикова, на востоке — Восточная Пруссия, Польша, Румыния — находится до 118—120 дивизий и сосредоточение продолжается. Сроки начала столкновения — «возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года». При этом Тупиков предполагал, что остановить планы немцев можно чем-то напоподобие поездки Мацуоки «в Москву через Берлин и Рим»¹⁰². Но это уже было из разряда фантастических предположений, так как противовесов политике Берлина у Сталина не осталось при всей его любви к «политическим кульбитам» — не с Англией же было договариваться после заключения пакта с Японией!

26 апреля было выпущено спецсообщение РУ ГШ «О распределении вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25.4.41 года». В нем указывалось на непрерывно продолжающиеся массовые переброски немецких войск в двух направлениях: к границе СССР и на Балканы. Общее количество немецких войск на советско-германской и советско-румынской границах (включая Молдавию) оценивалось в 95—100 дивизий¹⁰³.

При этом следует отметить, что к 25 апреля 1941 года перемещения немецких войск на Балканы уже прекратились и полным ходом шли массовые переброски по плану «Барбаросса». Еще 15—16 апреля начальник оперативного отдела генштаба сухопутных войск доложил Гальдеру план переключения немецких сухопутных войск на операцию «Барбаросса» и принципы переброски войск с Балкан¹⁰⁴.

30 апреля начали поступать сообщения (ВАТ в Венгрии) о перемещениях германских войск, действовавших против Югославии, в Польшу и в Румынию. Это сразу же вызвало повышенный интерес Голикова, который поставил задачу информационному отделу Разведуправления проследить, куда перемещаются немецкие войска из Югославии¹⁰⁵.

26 апреля в 1-е управление НКГБ поступило агентурное донесение о высказываниях крупного финского промышленника, имеющего обширные связи в Германии и часто бывающего там. Он сообщил «кругам британской миссии в Финляндии», что высокопоставленные немецкие чиновники, с которыми он беседовал, убеждены в неизбежности нападения немцев на СССР сразу же после окончания балканской операции¹⁰⁶.

30 апреля «Старшина» сообщил, что «вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день».

В конце апреля НКГБ СССР направил записку Сталину, Молотову и Тимошенко с некоторыми выводами из поступивших агентурных данных. В частности, указывалось, что общее количество войск, размещенных на территории Польши, ориентировочно определялось в 1.200.000—1.500.000 человек (60—75 дивизий)¹⁰⁷, что приблизительно совпадало с оценкой Разведуправления от 26 апреля — 60 дивизий на Варшавском направлении и в Люблинско-Краковском районе.

Таким образом, и в апреле разведка, так же как и в марте, не смогла получить удовлетворительного ответа на главные вопросы: когда, где, и какими силами Германия нападет на СССР.

На вопрос «когда?» поступали самые противоречивые сведения: операция переносится на 3—4 недели (т. е. на середину — вторую половину июня); нападение состоится сразу после балканской кампании, со дня на день, в начале мая, в конце мая, в середине июня. Приводились совсем неопределенные сроки — «возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года». Причем один и тот же источник («Старшина»), который считался надежным, давал разные даты.

На вопрос «где?» был снова получен ответ — Украина, что совершенно не соответствовало действительности и было следствием в том числе дезинформационной кампании немцев. Тем не менее эта неверная оценка направления главного удара легла в основу плана Генштаба РККА о стратегическом развертывании и соответственно директив войскам приграничных округов.

На вопрос «какими силами?» также не удалось получить правильного ответа. Количество немецких дивизий на границе с СССР к концу апреля (95—100 дивизий) чрезмерно завышалось, причем особенно неверные оценки давались в отношении немецкой группировки в Румынии, откуда германские войска на самом деле по приказу Гитлера перебрасывались в Словакию. Достоверная информация была получена от югославского посла И. Шуменковича о 150 дивизиях, которые Германия держала в готовности к нападению. В то же время неизвестно, как эта информация была воспринята наверху, т. к. на документе нет никаких резолюций. Достаточно своевременно было вскрыто начало немецких перебросок с Балкан и сосредоточение немецкой авиации, хотя немецкий 1-й воздушный флот в дальнейшем был сосредоточен в Восточной Пруссии, а не в Румынии.

В действительности немецкая группировка в марте — апреле, хотя и росла, тем не менее имела гораздо меньше войск, чем считала советская разведка. В период с 16 марта по 10 апреля 1941 года в составе второго эшелона на Восток было переброшено 19 дивизий (18 пехотных и 1 танковая). Одновременно на Запад из Германии было направлено 9 пехотных дивизий, предназначенных для несения оккупационной службы, а в Германию прибыла пехотная дивизия из Дании.

Таким образом, фактически на середину апреля Германия имела на Востоке 52 дивизии, к концу апреля — 54¹⁰⁸, а не 95—100, как сообщала советская разведка.

Интересно также отметить: в примечании немецкого издателя к дневниковой записи Гальдера от 25 марта 1941 года говорится, что в апреле и мае 1941 года на Востоке имелось только 75 немецких дивизий¹⁰⁹.

Наконец, что касается признаков нападения, то здесь также были допущены серьезные неточности. С одной стороны, были правильно указаны такие индикаторы, как прекращение транзитных перевозок каучука через территорию СССР и эвакуация населения из приграничных районов. В то же время отмечались такие далекие от истины признаки, как окончание операции на Балканах или успешного немецкого наступления в Северной Африке (дезинформация!). Но самое главное, что вводило в заблуждение, — это сведения об ультиматуме, который якобы германское руководство собиралось предъявить СССР перед нападением.

В целом же, несмотря на то что в некоторых оценках звучали успокоительные нотки, мол, все это может быть еще «игрой на нервах» с целью вынудить советское руководство к уступкам, — общие выводы, которые вытекали из донесений разведки, говорили, что нападение Германии на СССР неизбежно и оно будет произведено чрезвычайно мощными силами на юго-западном направлении с целью захватить Украину.

Поэтому наиболее сильная группировка советских войск была сосредоточена в Киевском округе. Германское командование, кстати, сразу это заметило. 6 апреля Гальдер записал в дневнике: «Группировка русских войск: бросается в глаза скопление войск на Украине. Главком (генерал-фельдмаршал фон Браухич. — *Авт.*) полагает, что не исключена возможность вторжения русских в Венгрию и Буковину. Я же считаю это совершенно невероятным»¹¹⁰. В те дни как раз началась немецкая операция против Югославии, поэтому 7 апреля беспокойство возросло: «Анализ группировки русских войск дает основание сделать следующий вывод: если отказаться от избитого утверждения о том, что русские хотят мира и сами не нападут, то следует признать, что их группировка вполне допускает быстрый переход в наступление, которое было бы для нас крайне неприятным»¹¹¹.

МАЙ: «НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДАВАТЬ ИНИЦИАТИВЫ ДЕЙСТВИЙ ГЕРМАНСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ...»

В мае мир был охвачен тревожными ожиданиями близкой катастрофы Англии, несмотря на все внешние проявления веры в ее непобедимость, которые демонстрировал Черчилль. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 года привели Англию на грань полного «стратегического краха»¹¹². В мае англичане оставили Крит. Немецкие подводные лодки наносили тяжелые потери английским судам в Атлантике. Тонкая нить снабжения Англии продовольствием и военными материалами грозила вот-вот оборваться. Между тем президент США вопреки ожиданиям Лондона отказался пересмотреть свое решение о конвоировании судов, не позволяющее американскому военно-морскому флоту выполнять охранные функции. В Белом доме считали положение Англии критическим и почти безнадежным.

14 мая 1941 года министр финансов США Генри Моргентау, близкий друг президента, после длительной беседы с Гопкинсом¹¹³ сделал следующую запись в своем дневнике: «Я думаю, что они оба — и президент, и Гопкинс — заняты поисками ответа на вопрос, что делать дальше. Они чувствуют, что что-то следует предпринять, но не знают что. Гопкинс говорит, что президент, как всегда, не очень разговорчив, но он думает, что Рузвельту отвратительна сама мысль быть втянутым в войну и что он предпочитает идти за настроениями широкой публики, чем вести ее за собой»¹¹⁴.

И тут произошло событие, которое, казалось бы, должно было повернуть ход истории. 10 мая ближайший соратник Гитлера, его заместитель по партии Рудольф Гесс, на специально им оборудованном самолете Me-110 перелетел в Англию. Он намеревался приземлиться возле имения лорда Гамильтона¹¹⁵, где, как он предполагал,

должны были состояться его переговоры с представителями прогермански настроенных кругов. Однако Гесс ошибся в расчете горячего и вынужден был выброститься с парашютом в Шотландии, где его схватили местные жители.

СПРАВКА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ НКГБ СССР

№ 376

14 мая 1941 г.

Вадим¹¹⁶ сообщил из Лондона, что:

1. по данным «Зенхен»¹¹⁷, Гесс, прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливлендской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2. Кирку Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «Закоулка»¹¹⁸, Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна. (Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине.)

Имеется помета Журавлева: *«т. Рыбкиной. — Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений».*

В Германии в военных кругах о перелете Гесса узнали 12 мая. Гитлер преподнес высшим военным руководителям полет Гесса как «попытку объединить германскую расу» и сказал, что полет был для него полной неожиданностью. Тут же было заявлено, что перелет стал следствием психической неуравновешенности и подавленности Гесса, хотя Риббентропа направили в Рим, чтобы поставить дуче в известность, что полет Гесса был попыткой передать предложение о сепаратном мире¹¹⁹.

11 мая герцог Гамильтон по телефону сообщил Черчиллю, что в Шотландию прибыл Рудольф Гесс. Он выбросился с парашютом с самолета, который сам пилотировал, и, будучи задержан английскими властями, заявил, что ему необходимо встретиться с Гамильтоном, вблизи поместья которого он приземлился. Начались покрытые и до сегодняшнего дня глубокой тайной переговоры представителей английского правительства с Гессом.

Как сообщил Ким Филби 18 мая 1941 года, министр иностранных дел Иден и один из ведущих консерваторов Бивербрук посетили Гесса, хотя официальными сообщениями это опровергалось. Целью Гесса было заключение «компромиссного мира», чтобы приостановить истощение Англии и Германии и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи. Гесс считал, что его прилет добавит силы сильной античерчилльской партии и даст мощный стимул «в борьбе за заключение мира».

Весьма интересным нюансом было то, что, как сообщал Филби, письмо Гесса герцогу Гамильтону, которое он написал до своего прилета, было перехвачено английской контрразведкой и затем переправлено адресату. Однако Гамильтон, получив письмо, передал его в контрразведку¹²⁰.

Впоследствии была распространена версия, что Гесс прилетел в Англию, будучи «завлеченным» специальной операцией британской разведки с помощью герцога Гамильтона. Эта версия содержится в докладной записке Берии на имя Сталина и Молотова от 24 октября 1942 года и основывается на сообщении начальника чешской военной разведки полковника Моравца резиденту НКВД в Лондоне. По информации последнего, вся переписка между лордом Гамильтоном и Гессом была под контролем Интеллидженс Сервис, которая и составляла ответы Гессу от имени Гамильтона, в результате чего удалось «заманить Гесса в Англию». По словам Моравца, он лично видел письма Гесса, в которых «достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский Союз». Там же содержались «аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией». Как утверждал Моравец, эти письма являются «доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР»¹²¹.

Следует, однако, отметить, что предложения Гесса были весьма своеобразны. Английские деятели поняли, что им, по существу, предлагается мир на условиях, что Англия подчинится Германии. Из этого следовало, что в случае победы Германии над СССР степень такого подчинения невероятно возросла бы. Это делало привезенное Гессом предложение абсолютно неприемлемым для английских правящих кругов.

Для Черчилля же оно было вдвойне неприемлемым. Гесс потребовал отстранения Черчилля от власти и создания нового правительства, состоящего из профашистски настроенных деятелей. Неизвестно, как сам Черчилль комментировал сделанные Гессом предложения. В своих мемуарах Черчилль не говорит об этом ни слова. По информации Филби, на запрос, сделанный в парламенте, Черчилль ответил, что Гесс — его пленник, предупреждая тем самым оппозицию от каких-либо интриг¹²². Однако можно с уверенностью предположить, что он понял всю опасность этих предложений для Англии и для себя лично и выступил за их отклонение.

По мнению Филби, в тот момент не было предпосылок для англо-германских мирных переговоров, но он не исключал, что в дальнейшем Гесс может стать центром интриг с целью заключения компромиссного мира¹²³.

Действительно, предложения Гесса приняты не были. В то же время английское правительство хранило загадочное молчание. В чем были причины этого странного поведения? При том, что в

Англии и в некоторых других государствах выражалось беспокойство по поводу миссии Гесса, и существовали опасения, что в переговорах с ним Лондон вырабатывает условия сделки с гитлеровской Германией. Распространение подобных мнений было, безусловно, нежелательным для английского правительства, так как бросало тень на его решимость продолжать войну. И тем не менее, как известно, оно ничего не сделало, чтобы рассеять их. Можно с достаточным основанием предполагать, что это молчание подтолкнуло Гитлера к еще более решительному проведению подготовительных мероприятий по операции «Барбаросса».

Полет Гесса явился одним из событий, которое подтверждало предположение Сталина о возможности сговора между Германией и Англией. Официальный Лондон молчал, и у советского вождя возникли неприятные мысли: «Может предупреждения Криппса были не случайными? А что если они сговорятся друг с другом? Может, все-таки надо было бы как-то поделкатнее обойтись с англичанами и дать понять Черчиллю, что мы не так уж заодно с Гитлером?»

Но тут же Сталин почувствовал закипающее внутри раздражение. Нет, правильно щелкнули Криппса по носу! Ведь «странная война» в Европе показала, что Запад не расположен воевать с Гитлером и готов отдать ему на откуп Советский Союз, лишь бы самому уцелеть. Генсеку была доложена стенограмма заседания американского правительства, из которой следовало: если войну «спровоцирует» Советский Союз, то США будут сохранять нейтралитет. В случае нейтралитета США Великобритания была готова всерьез рассмотреть предложения о сепаратном мире. Сталин получил детальную информацию на этот счет и понимал, что Запад оставляет Советский Союз один на один с гитлеровской Германией. Молчание официального Лондона по поводу Гесса давало дополнительную пищу для размышлений. Разведка неоднократно докладывала советскому вождю о стремлении правящих кругов Лондона сблизиться с Германией и одновременно столкнуть ее с СССР, чтобы отвести угрозу от Британской империи.

Сталин также знал содержание телеграмм Криппса в МИД Англии после беседы с Вышинским 18 апреля. Криппс писал: «...Наиболее сильным противовесом является страх, что мы можем заключить сепаратный мир при условии эвакуации немцами оккупированной ими территории в Западной Европе и предоставить Гитлеру свободу рук на Востоке. Я отдаю себе отчет, что это весьма деликатный вопрос для проработки по косвенным каналам. Тем не менее я считаю его самой ценной картой в весьма трудной игре, и, вероятно, некоторые средства для использования такой карты будут найдены. Советский талант в приобретении информации через нелегальные каналы хотя бы на этот раз может быть использован нами в свою пользу»¹²⁴.

Поэтому в Кремле опасались провокаций и дезинформации с обеих сторон. Наложившись на личностные особенности советского диктатора, все это привело к тому, что Сталин с еще большим подозрением стал относиться к информации разведки о военных приготовлениях Германии против СССР, расценивая ее как дезинформацию, идущую из англо-американских кругов.

1 мая Гитлер принял решение о сроках нападения на СССР — 22 июня 1941 года. С 23 мая вводился в действие план ускоренных перевозок войск к восточной границе.

1 мая Сталину было доложено сообщение из Берлина от «Франкфуртера»¹²⁵, что военное ведомство Германии испытывает острый дефицит в каучуке, поскольку из его ежемесячной потребности в 6 тысяч тонн имеющиеся мощности по производству синтетического каучука покрывают только 4 тысячи тонн. Недостаток в каучуке предполагалось покрывать путем ввоза натурального каучука из Французского Индокитая через Японию и СССР¹²⁶. В сообщении, кроме этого, говорилось о намерении немцев форсировать подготовку наступления на Ирак со стороны Египта и через Турцию с целью оккупации нефтяных источников и пополнения истощившихся запасов бензина. Источник также информировал о слухах, циркулирующих в верховном командовании, что «в случае удачного наступления на Ирак будет предпринято наступление на СССР, на Кавказ из Турции и на Украину с Запада»¹²⁷.

1 мая «Марс» из Будапешта передал: «Среди немецких войск муссируются слухи, что через 20 дней Англия снимется со счета как военный фактор и неизбежность войны против СССР в ближайшее время...»¹²⁸

По сведениям, полученным 5 мая от «Корсиканца», Германия собиралась потребовать от СССР выступления против Англии на стороне держав «оси». «В качестве гарантии, что СССР будет бороться на стороне „оси“ до решительного конца, Германия требует от СССР оккупации немецкой армией Украины и возможно также Прибалтики»¹²⁹.

1 мая из Варшавы от «Ивана»¹³⁰ поступила информация, что немецкие войска идут через Варшаву сплошным потоком днем и ночью, «о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие солдаты и офицеры говорят совершенно откровенно, как о деле уже решенном». Немцы рассчитывают сначала захватить Украину прямым ударом с Запада, а в конце мая через Турцию начать наступление на Кавказ. Немецкие офицеры усиленно изучают русский язык, розданы топографические карты приграничной территории СССР. Идет интенсивное дорожное строительство и подготовка переправочных средств через реку Буг¹³¹.

5 мая Сталин выступил с речью на приеме в честь выпускников военных академий РККА. Эта речь хорошо показывает умонастроения советского вождя. Сталин конкретно указал, что если поначалу Герма-

ния воевала под лозунгом освобождения от гнета Версаля, то теперь этот лозунг сменился на лозунги захватнической завоевательной войны, и они не приведут ее к победе. Он остановился на прогнозах развития событий. По мнению Сталина, Германия может потерпеть поражение, если будет сражаться на двух фронтах, как это было в Первой мировой войне; основной военный и экономический потенциал Германии уже исчерпан, и дальнейший исход борьбы определяют США и СССР, у которых есть лучшая техника; в германской армии появились самодовольство и зазнайство, а это прямой путь к катастрофе. В заключение Сталин во время провозглашения одного из тостов сказал, что Красной Армии необходимо перейти от обороны к «военной политике наступательных действий» и перестроить пропаганду, агитацию, печать, все воспитание «в наступательном духе».

Если отбросить рассуждения в духе Резуна-Суворова о том, что эта речь являлась прологом к превентивному удару, то необходимо признать, что смысл ее был в перестройке общественного сознания. После августа 1939 года, когда Гитлер из злейшего врага превратился в «злейшего друга», в общественном сознании царили сумбур и сумятица. Эта речь Сталина была направлена на то, чтобы преодолеть сумбур и сумятицу и ввиду все более очевидного и неизбежного нападения Германии показать, кто есть настоящий враг. Кроме того, Сталин хотел показать, что «не так страшен черт, как его малюют» и что немецкая армия не так уж непобедима. Тем более если будет воевать на два фронта.

6 мая был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Сталина на пост Председателя СНК СССР.

Интересно отметить, что 5 мая Гальдер отметил в своем дневнике, имея в виду обстановку на границе: «Русские становятся наглыми...» Но тут же приводит мнение полковника Кребса, который только что вернулся из Москвы, где временно замещал военного атташе генерала Кёстринга: «Россия сделает все, чтобы избежать войны. Можно ожидать любой уступки, кроме отказа от территориальных претензий»¹³².

Из Бухареста 5 мая пришло сообщение, что срок «военной акции» против СССР перенесен с 15 мая на 15 июня. По сведениям германского ВАТа в Румынии Герстенберга, местоположение русских авиачастей хорошо известно немцам, и они будут выведены из строя в течение первого дня войны. Однако высказывалось также мнение, хотя и значительным меньшинством, что на самом деле немецкая подготовка к войне — это только лишь демонстрация со стороны Германии, чтобы оказать давление на СССР и принудить его к уступкам.

Согласно спецсообщению Разведуправления «О группировке немецких войск на востоке и юго-востоке на 5 мая 1941 года», за два месяца общее количество немецких войск против СССР увеличилось на 37 дивизий и достигло 103—107 дивизий, из них число танковых дивизий возросло вдвое — с 6 до 12.

7 мая из Берлина от «Старшины» пришло сообщение о том, что «май будет критическим месяцем в советско-германских отношениях»¹³³.

8 мая были изданы предложения по пропагандистской подготовке нападения на Советский Союз, разработанные штабом ОКВ. В них, в частности, подчеркивалось, что было бы целесообразно «до последнего дня усиливать пропаганду против Англии»¹³⁴.

8 мая от «Марса» из Будапешта: «Проезжающие немецкие солдаты и офицеры открыто говорят о предстоящей войне против СССР., что кулак против СССР уже сосредоточен и что не сегодня завтра Германия ударит по СССР»¹³⁵.

9 мая из Софии («Маргарит»¹³⁶) — немецкие войска идут через Турцию в Ирак. Военные действия начнутся через 2 месяца летом 1941 года до сбора урожая. Удар будет нанесен одновременно с территории Польши, с моря на Одессу и из Турции на Баку.

9 мая Сталин лично составил текст опровержения ТАСС относительно сообщения японского агентства Домей Цусин из Нью-Йорка по поводу того, что СССР якобы концентрирует крупные военные силы на западных границах. В сообщении также говорилось, что это сосредоточение производится в чрезвычайно крупных масштабах и сопровождается массированными перебросками войск с Дальнего Востока и из Средней Азии. В опровержении ТАСС утверждалось, что «никакой „концентрации крупных военных сил“ на западных границах СССР нет и не предвидится. Крупница правды, содержащаяся в сообщении Домей Цусин, ...состоит в том, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска — ввиду лучших квартирных условий в Новосибирске — одна стрелковая дивизия. Все остальное в сообщении Домей Цусин — сплошная фантастика»¹³⁷.

НКВД перехватывало корреспонденцию японского посла в Москве. 9 мая японский консул в Кёнигсберге Сугихара проинформировал Татэкаву об интенсивных железнодорожных перевозках между Берлином и Кёнигсбергом в северном направлении. В Восточной Пруссии были сконцентрированы крупные военные силы, по количеству не уступающие военным силам в Люблинском районе. Германо-советские отношения должны как-то определиться в июне. К концу мая приказано в обязательном порядке большинству немецких офицеров овладеть русским языком хотя бы в рамках чтения.

9 мая «Старшина» передал, что подготовка к операции против СССР проводится «самым усиленным темпом» и все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. 20 мая часто называется как дата начала войны с СССР. Началу войны будет предшествовать ультиматум «с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды». До этого будет проводиться «война нервов» с целью деморализации СССР. На советской границе происходит концентрация «всех сво-

бодных» людских ресурсов, вооружения и транспорта. В последнее время мероприятия по подготовке засекречиваются.

В то же время в немецкой армии и обществе существует раскол, якобы «большая часть германского офицерства, а также некоторые круги национал-социалистской партии настроены явно против войны с СССР. В этих кругах войну против СССР считают безумным предприятием, которое может привести Гитлера к краху»¹³⁸.

12 мая штаб оперативного руководства ОКВ издал «Указание о мероприятиях по проведению второй фазы дезинформации». Эта фаза начиналась с 22 мая — одновременно с введением максимального уплотненного графика движения поездов. В этот период предусматривалось:

энергично продолжать подготовку к нападению на Англию, а сосредоточение сил для операции «Барбаросса» представлять как «широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника»;

распространить среди немецких войск на востоке слух, что они выполняют задачи по прикрытию тыла против России и отвлекающего маневра, а войска на западе должны верить в то, что действительно подготавливаются к вторжению в Англию;

до выставления полевых постов охранения возможно большее число соединений на востоке должны получить приказы о переброске на запад, чтобы вызвать новую волну слухов;

десантная операция на о. Крит должна быть представлена как генеральная репетиция десанта в Англию;

ряд министерств получают задания по осуществлению демонстративных действий против Англии.

В документе формулировался общий принцип проведения дезинформационных мероприятий — «чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений»¹³⁹.

13 мая — директива Генштаба командующему войсками КОВО о принятии и размещении на территории округа одного управления стрелкового корпуса, четырех 12-тысячных стрелковых дивизий и одной горнострелковой дивизии из состава Северо-Кавказского ВО.

НКВД Украины обобщило информацию о строительстве и переоборудовании аэродромов и посадочных площадок на территории Польского генерал-губернаторства в пограничной с СССР полосе. Сообщалось, что имеется два аэродромных узла: Замостье и Люблинский. В аэродромный узел Замостье входило 7 аэродромов и 2 посадочные площадки. Люблинский узел включал 3 старых аэродрома, 2 строящихся и одну посадочную площадку.

НКГБ Украины вскрыло интенсивные мероприятия по сосредоточению немецких войск у границы с СССР и усиленное строительство аэродромов и укреплений в приграничной полосе.

В спецсообщении Разведуправления «О распределении вооруженных сил по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 15.05.41 года» говорилось о продолжающемся усилении немецкой группировки против СССР, причем общее количество дивизий достигло 114—119. Распределение немецких войск было следующим: в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии; на варшавском направлении против ЗапОВО — 30 дивизий; в Люблинско-Краковском районе против КОВО — 33—36 дивизий. С учетом соединений, дислоцированных в Словакии, Прикарпатской Украине, Молдавии и Северной Добрудже общее количество дивизий на юго-западном направлении против КОВО и ОдВО, по данным Разведуправления, достигало 55—60 дивизий. На основании этого делался вывод, что основными районами сосредоточения являются южная часть генерал-губернаторства, Словакия и северная часть Молдавии¹⁴⁰.

Эти же данные легли в основу записки Тимошенко и Жукова с соображениями по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией, которая была представлена Сталину после 15 мая. По-прежнему предполагалось, что немцы нанесут главный удар на юго-западном направлении. Ожидалось, что вспомогательный удар будет нанесен из Восточной Пруссии в направлении Вильно, Риги, а со стороны Сувалки и Бреста — короткие концентрические удары на Волковыск, Барановичи.

Указывалось, что Германия держит свою армию уже отобилизованной, с развернутыми тылами, и имеет возможность предупредить советские войска в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, предлагалось «не давать инициативы действий германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». При этом главный удар нанести силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице и отрезать Германию от ее южных союзников. Вспомогательный удар — левым крылом Западного фронта — должен сковать варшавскую группировку и содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника.

Для выполнения этого замысла необходимо было:

произвести скрытое отобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного Командования;

скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу.

Предлагалось пять армий резерва Главного Командования выдвигнуть вперед на направления главного и вспомогательного ударов¹⁴¹.

Однако Сталин категорически отказался утвердить этот документ. «Вы что, хотите поссорить меня с Гитлером?» — заявил он Тимошенко и Жукову с плохо скрываемым раздражением.

Тем не менее началась переброска войск из центральных округов, а также с Дальнего Востока и из Забайкалья.

В частности, по решению НКО от 26 апреля и 13 мая 1941 года отправке в западные приграничные округа подлежали: из Забайкалья — 16-я общевойсковая армия (5-й мехкорпус в составе: 13-я, 17-я танковые дивизии, 109-я моторизованная дивизия; 32-й стрелковый корпус в составе: 46-я и 152-я стрелковые дивизии, 82-я моторизованная дивизия, 57-я танковая дивизия); с Дальнего Востока — 31-й стрелковый корпус (21-я и 66-я стрелковые дивизии), 211-я и 212-я воздушно-десантные бригады.

Переброска должна была осуществляться в полном списочном составе со всем имуществом. Всего до начала Великой Отечественной войны с Дальнего Востока и Забайкалья на запад было отправлено около 10 % личного состава, 20 % танков, более 6 % орудий и минометов. Основная масса этих сил и средств (более 90 %) была взята из состава ЗаБВО.

Это обуславливалось тем, что Сталин, несмотря на советско-японский пакт, не очень-то верил в нейтралитет Японии и принимал во внимание японские приготовления на Дальнем Востоке. Поэтому основная группировка Дальневосточного фронта до начала войны сохранялась почти в неприкосновенности.

Тем временем по линии разведки Сталину продолжали поступать тревожные донесения. 17 мая пришло сообщение: югославский посол в Румынии сообщил югославскому послу в СССР, что по разговорам германских офицеров, война против СССР начнется в середине июня.

«Коста»¹⁴² из Софии 19 мая передал: «Из собранных сведений можно установить, что в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будет 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»¹⁴³.

Шандор Радо из Цюриха 19 мая передал и вовсе фантастическое сообщение о том, что, по словам швейцарского военного атташе в Берлине, выступление немцев против СССР произойдет только тогда, когда английский флот будет лишен возможности войти в Черное море и когда немецкая армия закрепится в Малой Азии. Поэтому следующая цель немцев — захват Гибралтара и Суэцкого канала, чтобы изгнать английский флот из Средиземного моря¹⁴⁴.

Нарком обороны и начальник Генштаба в середине мая 1941 года подписали сверхсекретную директиву «особой важности» и отправили ее командующим войсками Западного, Киевского военных

округов. Главная задача определялась так: «К 20 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать детальный план обороны государственной границы...» Командующему войсками Прибалтийского военного округа такая же директива была отправлена позже с требованием разработать план прикрытия к 30 мая.

Одновременно во всех военных округах начинались сборы приписного состава. Всего привлекалось свыше 430 тысяч человек, в том числе более 100 тысяч в ЗапОВО, КОВО и ОдВО. При этом наиболее ранние сроки начала проведения сборов были в Киевском округе — 15—20 мая, в остальных округах — с 1 июня и позднее.

22 мая Гальдер сделал очередную запись в дневнике: «Аэрофотоснимки подтверждают наше мнение о решимости русских удержаться на границе»¹⁴⁵.

По донесению «Марса» из Будапешта от 23 мая, американский БАТ сообщил, что немцы выступят не позднее 15 июня.

«Лицеист» продолжал гнать свою тонкую смесь правды и вымысла: Германия сосредоточила на границе с СССР 160—200 дивизий, но война между СССР и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна среди германского населения. Гитлер также не хочет идти на войну с СССР, так как это грозит нарушением единства национал-социалистской партии. Расчет Гитлера — заставить Сталина быть более покладистым, прекратить все интриги против Германии и предоставить ей необходимые товары¹⁴⁶.

По сведениям бухарестской резидентуры Разведуправления, военные приготовления Германии против СССР продолжаются, что делает вероятным начало войны в июне. Развертывание войск шло планомерно и должно быть закончено до середины июня. В германских кругах нет никаких сомнений в быстрой победе немецкого оружия¹⁴⁷.

31 мая было выпущено спецсообщение Разведуправления о группировке немецких войск на 1 июня 1941 года. В течение второй половины мая немецкое главное командование за счет сил, освободившихся на Балканах, производило:

- восстановление западной группировки для борьбы с Англией;
- увеличение сил против СССР;

- сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии:

- против Англии (на всех фронтах) — 122—126 дивизий;

- против СССР — 120—122 дивизии;

- резервов — 44—48 дивизий.

В Восточной Пруссии и Польском генерал-губернаторстве, по данным военной разведки, было 88—90 дивизий, в Молдавии и Северной Добрудже — 17. При этом основные силы сосредоточивались против КОВО — 35—36 дивизий.

Указывалось также, что, перебросив значительные силы из Югославии, Греции и Болгарии на территорию Румынии, немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего восточного фронта против СССР — в Румынии, вместе с Молдавией, на 1 июня насчитывалось 28 дивизий.

31 мая НКВД перехватило очередную телеграмму из японского консульства в Кёнигсберге послу Японии в Москве, в которой приводились многочисленные свидетельства военных приготовлений Германии. В конце говорилось: «Все это наводит на мысль о начале войны»¹⁴⁸.

Итак, все говорило о том, что война должна вот-вот начаться. Но по-прежнему без точного ответа оставались главные вопросы: когда, где и какими силами Германия нападет на СССР.

Судя по донесениям разведки в мае, на вопрос «когда?» по-прежнему существовал большой разбой в оценках: «не сегодня завтра»; «май — критический месяц», «20 мая»; «в конце мая наступление на Кавказ»; «не позднее 15 июня»; «через 2 месяца до сбора урожая», т. е. в июле; «в начале июля».

Указывались, конечно, и сроки более или менее близкие к реальным — середина июня, но эти донесения терялись в общей массе, и аналитики в Центре никак их не выделяли.

Направлением главного удара вермахта по-прежнему считалась Украина. При этом все донесения об ударе на Кавказ (Баку) из Турции и с моря на Одессу, о строительстве немцами аэродромов на юго-западном направлении (Люблин, Замостье), по всей видимости, также расценивались как дополнительное подтверждение того, что германская армия главный удар планирует наносить своим южным флангом. Поэтому как самая большая оценивалась группировка немецких войск против Киевского округа. Соответствующие выводы делались в спецсообщениях Разведуправления и в планах стратегического развертывания Генштаба, где юго-западное направление по-прежнему фигурировало как направление главного удара немцев. Исходя из этого происходило и дальнейшее усиление группировки советских войск на Украине.

На вопрос «какими силами?» разведка также не смогла дать реальную картину развертывания немецкой группировки. Было выявлено, что продолжается наращивание сил: на 5 мая — 103—107 дивизий; на 15 мая — 114—119 дивизий; на 1 июня — 120—122 дивизии. Приходили и откровенно дезинформационные сообщения: «Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будет 200 дивизий» («Коста» из Софии); 160—200 дивизий («Лицеист»). Сообщения более или менее близкие к реальности (японский консул в Кёнигсберге: «В Восточной Пруссии были сконцентрированы крупные военные силы, по количеству не уступающие военным силам в Люблинском районе») были, по-

видимому, проигнорированы, поскольку не укладывались в уже сложившееся видение.

В действительности же дело обстояло следующим образом. В связи с балканской кампанией количество дивизий, перебрасываемых германским командованием в составе третьего и четвертого эшелонов, по сравнению с первоначальным планом было уменьшено, а в составе пятого — увеличено. Переброска третьего эшелона в составе 17 дивизий осуществлялась с 11 апреля по 21 мая¹⁴⁹. Большинство дивизий прибыло с Запада, а две — из Германии. Все 43 дивизии, прибывшие в составе первых трех эшелонов, в интересах оперативной маскировки располагались западнее рубежа Кёнигсберг, Варшава, Тарнув. В середине мая на запад из Германии было направлено 8 пехотных дивизий 14-й линии для несения оккупационной службы.

С 22 мая 1941 года железнодорожный транспорт Германии был переведен на график ускоренного движения, и сосредоточение войск на Востоке резко увеличилось. Переброска четвертого эшелона в составе 11 пехотных и 9 охранных дивизий была осуществлена с 22 мая по 5 июня. В конце мая на Запад из Германии для несения оккупационной службы было направлено 5 пехотных дивизий 15-й волны, созданных весной 1941 года. На 5 июня в трех группах армий насчитывалось 89 дивизий¹⁵⁰.

В период март — май всего на Восток фактически было перебросено 63 дивизии. По данным Разведуправления за тот же период эта цифра составляла 50—52 дивизии. С учетом определенного запаздывания в выявлении новых немецких дивизий, которые в конце мая начали перебрасываться ускоренными темпами, необходимо все же отметить, что военная разведка смогла в целом правильно определить масштабы передислокации немецких войск.

Что касается индикаторов, сигнализирующих о готовности Германии к нападению, то здесь были правильно выявлены усиленное изучение русского языка и раздача офицерам топографических карт приграничной полосы. Другие сообщения только вносили путаницу и дезориентировали руководство: нападение состоится после захвата иракских нефтяных промыслов; немецкие войска идут через Турцию в Ирак; выступление немцев против СССР произойдет, когда английский флот будет лишен возможности войти в Черное море и немецкая армия закрепится в Малой Азии; следующая цель немцев — захват Гибралтара и Суэцкого канала¹⁵¹. Но, по-видимому, наиболее пагубное воздействие оказали сообщения, в которых речь шла о возможном предъявлении немцами ультиматума и о расколе, якобы существующем в германских военных и партийных кругах относительно нападения на СССР. Причем такие сообщения приходили из разных источников («Старшина» и «Лицеист»), а это говорит о том, что идея ультиматума была тонкой дезинформационной игрой немцев.

Вообще следует сказать, что дезинформационная кампания, проводившаяся германским руководством, оказалась весьма успешной и ему в основном удалось добиться поставленных целей. Согласно справке, представленной Риббентропу 28 мая на основе агентурных донесений, часть дипломатического корпуса в Берлине была убеждена в том, что между Германией и СССР было достигнуто широкое соглашение и что война между ними на какое-то время предотвращена¹⁵².

Тем не менее заслугой разведки является то, что она все-таки смогла донести до Сталина мысль о неизбежности войны в скором времени. Поэтому были приняты ответные меры, в частности переброски войск, призыв приписного состава на учебные сборы и отработка планов прикрытия госграницы. Рассматривался даже вариант превентивного удара. Однако стратегическая ошибка заключалась в том, что эти меры запоздали. Поэтому из Забайкалья и Приморья с 26 апреля по 22 июня удалось отправить только примерно половину запланированных сил и средств: 5 дивизий (2 стрелковые, 2 танковые, 1 моторизованная), 2 бригады, 2 отдельных полка. Кроме этого, основное усиление шло опять на юго-западном направлении, на Юго-Западном фронте сосредоточивались 23 дивизии, на Западном фронте — 9. Это было следствием неверной оценки направления главного удара немцев.

В связи с ограниченными сроками и в условиях уже созданных группировок планы прикрытия госграницы имели ряд существенных недостатков. Первым недостатком являлось то, что передний край обороны большинства дивизий проходил по государственной границе и полоса обеспечения здесь отсутствовала. К тому же создаваемая оборона не была рассчитана на отражение главных сил противника. На расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий.

Второй недостаток состоял в том, что из-за недооценки боевых действий по прикрытию госграницы наиболее сильные группировки советских войск создавались в белостокском и львовском выступлениях, в то время как противник планировал свои главные удары под основания этих выступов. Здесь проходили стыки между военными округами и районами прикрытия (армиями), и оборона была слабой.

Еще один недостаток заключался в том, что при определении состава группировок войск слабо учитывалась реальная дислокация входивших в эти группировки соединений.

Большинство дивизий Западного и Киевского особых военных округов, прежде чем занять оборону, должны были совершить перегруппировку на расстояние до 60 км, зачастую вдоль фронта в непосредственной близости от госграницы. Какого-либо альтернативного варианта занятия обороны, например в глубине полосы или в районе дислокации, не предусматривалось. Сложный порядок переподчинения ряда соединений, особенно в ЗапОВО, не обеспечивал

устойчивого управления ими при внезапном нападении противника. В ряде случаев исходные районы частей и соединений для занятия обороны находились в зоне видимости противника и могли поражаться огнем его артиллерии. Таким образом, уже в самом планировании закладывались предпосылки для будущих неудач советских войск.

30 мая Гальдер сделал в своем дневнике очередную запись: «Перевозки по плану развертывания [для операции „Барбаросса“] проходят успешно. Фюрер решил, что срок начала операции „Барбаросса“ прежний — 22 июня»¹⁵³.

ИЮНЬ: «ЕСЛИ „БАРБАРОССА“ УДАТСЯ, ВСЬ МИР ЗАТАИТ ДЫХАНИЕ...»

Пограничники с тревогой наблюдали за тем, как идет сосредоточение немецких войск. 2 июня на основании донесений погранотрядов было составлено сообщение НКВД советскому руководству. Пограничникам удалось выявить переброски немецкой авиации, в том числе бомбардировщиков, проведение инспекций и рекогносцировок крупными германскими военачальниками, а также сосредоточение переправочных средств в направлениях на Брест и Львов¹⁵⁴.

3 июня агент 2-го управления НКГБ сообщил, что, по сведениям из японских дипломатических кругов, война между СССР и Германией начнется очень скоро — 15 или 20 июня. Немецкая группировка на западных границах СССР насчитывает 150 дивизий (1,5 млн человек). Немцы также подготовили возможность наступления с юга, через Турцию. По предположениям некоторых дипломатов, Германия предъявила СССР какие-то условия и использует угрозу войны как средство давления на Советский Союз. Об этом говорит тот факт, что сведения о подготовке Германии к войне против СССР поступают в печать нейтральных стран из германских источников¹⁵⁵. К сожалению, никаких резолюций и сведений о рассылке на документе не имеется, поэтому не представляется возможным судить о том, докладывался ли он руководству.

По оценке советского посла в Германии Деканозова, слухи о якобы имеющихся новых договоренностях между СССР и Германией, в частности касающихся «аренды Украины», распространялись самими немцами, что свидетельствовало о заинтересованности Германии изображать отношения с СССР «в извращенном свете»¹⁵⁶.

5 июня Гитлер утвердил директиву ОКВ с расчетом времени к плану операции «Барбаросса».

6 июня Гальдер записал в дневнике: «Румыния: Русские проявляют на границе усиливающееся беспокойство. Коммунистическая пропаганда»¹⁵⁷.

В спецсообщении Разведуправления от 7 июня «О военных приготовлениях Румынии» говорилось: «Учитывая соответствующим образом румынскую мобилизацию как средство дальнейшего усиления немецкого правого фланга в Европе, **ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ** необходимо уделить продолжающемуся усилению немецких войск на территории Польши»¹⁵⁸.

10 июня Центр направил берлинской резидентуре НКГБ вопросы, касающиеся в том числе выявления и уточнения дислокации, количества, нумерации и организационно-штатной структуры немецких дивизий и корпусов «на всех театрах военных действий Германии против СССР»¹⁵⁹.

10 июня главком сухопутных войск Германии отдал распоряжение, согласно которому днем «Д» операции «Барбаросса» назначалось 22 июня. 21 июня в 13.00 войскам будет передан сигнал «Дортмунд» о начале операции. В 3.30 22 июня должно начаться наступление германских войск (позднее срок был перенесен на 3 часа утра).

11 июня «Захар» передал донесение «Старшины»: «В компетентных кругах его конторы говорят, что вопрос о нападении на СССР решен. Будут ли предъявлены Сов[етскому] Союзу предварительно какие-либо требования — неизвестно.

Следует считаться с неожиданным ударом. Главная штаб-квартира Геринга переводится из Берлина, по предположению „С[таршины]“ в Румынию, куда Геринг переезжает 18 июня. Воздушные силы номер 2 к этому же сроку переводятся из Франции в Познань. Между генштабами Германии и Финляндии ведутся интенсивные переговоры.

В ежедневных разведполетах принимают участие финские летчики. По мнению „С[таршины]“ объектом главного удара будет первоначально Мурманск, мурманская железная дорога, Вильно, Белосток, Кишинев. „С[таршина]“ указывает, что по его наблюдениям за документами, которые проходят через его руки, видно, что германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые постепенно сомкнутся в целях окружения Красной Армии, расположенной на границе Генерал-Губернаторства...»¹⁶⁰ 12 июня это сообщение было доложено Сталину, Молотову и Берии.

Согласно сообщению НКВД СССР, с 1 января по 10 июня 1941 года всего было задержано 2080 нарушителей границы со стороны Германии. Из этого числа 183 оказались агентами германской разведки. Участились случаи заброски хорошо вооруженных немецких агентов, снабженных портативными радиостанциями¹⁶¹.

11 июня Гальдер отметил: «На Восточном фронте все в порядке. Подготовка ведется в соответствии с планом». 12 июня — «Организация совместно со штабом группы армий „Юг“ ложных перебросок войск в Венгрии и Румынии... До начала операции „Барбаросса“ не следует издавать каких-либо новых руководящих указаний».

13 июня — «Радиопередачи в Венгрии с целью ввести противника в заблуждение относительно операции „Барбаросса“»¹⁶².

13 июня в Генштабе РККА была подготовлена справка о развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе. Согласно этой справке, для развертывания на западных границах было предназначено 186 дивизий, из них Северный фронт — 22 дивизии, Северо-Западный фронт — 23, Западный фронт — 44 дивизии, Юго-Западный фронт — 97. Кроме этого в составе резерва Главного командования за Западным фронтом сосредоточивалась 22-я армия (9 дивизий) из Уральского военного округа, за Юго-Западным фронтом — 16-я армия (12 дивизий) из Забайкальского и 19-я армия (11 дивизий) из Северо-Кавказского военных округов. Таким образом, всего на западной границе развертывалось 218 дивизий.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

[13 июня 1941 г.]

Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточ-

ные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо¹⁶³.

14 июня представитель РСХА при МИДе Германии обер-фюрер СС Рудольф Ликс доложил Риббентропу, что в берлинском дипломатическом корпусе по-прежнему широко распространено мнение о якобы ведущихся германо-русских переговорах, при этом даже не исключают возможность встречи Риббентропа с Молотовым или Гитлера со Сталиным, чтобы предпринять «последнюю германскую попытку оказать на Россию мощнейшее давление». Публикация заявления ТАСС подкрепила эту версию, поскольку была воспринята как проявление растущего страха Сталина перед столкновением с Германией и соответственно готовности к переговорам¹⁶⁴.

15 июня военный атташе в Будапеште сообщил, что в Восточной Словакии появились 4 новые немецкие дивизии, из них 2 моторизованные. По данным источника советского ВАТа, к 15 июня немцы должны были закончить стратегическое развертывание против СССР. «Возможно, что они сейчас не выступают против СССР, но к этому готовятся, и офицеры открыто говорят»¹⁶⁵.

В эти же дни по линии внешней разведки НКГБ через шведского бизнесмена, который находился в близких отношениях с Герингом, было получено «довольно загадочное» сообщение, что Германия начнет военные действия против СССР около 15 июня¹⁶⁶.

Непрерывно поступали сообщения о продолжающихся активных мобилизационных мероприятиях в Румынии и Финляндии.

Посол СССР в Великобритании Майский 16 июня информировал из Лондона о сведениях британского генштаба, которые ему передал заместитель английского министра иностранных дел Кадоган: общее количество германских войск, сконцентрированных к тому времени на советских границах, составляло 80 дивизий в Польше, 30 в Румынии и 5 в Финляндии и Северной Норвегии — всего 115 дивизий, не считая мобилизованной румынской армии¹⁶⁷.

СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР И. В. СТАЛИНУ,
В. М. МОЛОТОВУ И Л. П. БЕРИИ

№ 2279/м
17 июня 1941 года
Сов. секретно

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар
государственной безопасности СССР В. Меркулов

Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня¹⁶⁸ воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь являются: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кёнигсберге, Гдыне, Грауденц, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очаги и особо важные в Хейлигенкейль.

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа — назначен АМОНН, один из руководящих работников национал-социалистической партии в Дюссельдорфе, для Киева — БУРАНДТ — бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции, для Москвы — БУРГЕР, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен ШЛОТЕРЕР — начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Верно:

Начальник 1 Управления НКГБ Союза ССР Фитин

Резолюция Сталина: *«Товарищу Меркулову. Можете послать ваш „источник“ из штаба герм[анской] авиации к еб-ной матери. Это не „источник“, а дезинформатор. И. Ст[алин]»*¹⁶⁹.

18 июня нарком госбезопасности Меркулов доложил Сталину о массовом отъезде в Германию сотрудников немецкого посольства и их семей: с 10 по 17 июня выехало 34 человека. Производилась также спешная отправка в Германию служебных бумаг и их сжигание на месте.

19 июня резидент НКГБ в Риме «Тит» передал, что, по сведениям от источников римской резидентуры, 18 июня в МИД Италии поступила телеграмма итальянского посла в Берлине, в которой он сообщал, что немецкое высшее военное командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня. На документе нет никаких резолюций и поэтому непонятно, докладывался ли он руководству¹⁷⁰.

19 июня Ликус вновь проинформировал Риббентропа о слухах в иностранных дипломатических кругах относительно германо-русских отношений. Так, по мнению турецкого руководства, требования, предъявленные Германией Советскому Союзу (возвращение Бессарабии Румынии, использование рейхом нефтяных месторождений и эксплуатация Украины в течение 40 лет) якобы приняты Сталиным, и сторонами «найдена формула, позволяющая Советскому Союзу, сохраняя престиж великой державы, удовлетворить немецкие пожелания»¹⁷¹.

20 июня «Коста» из Софии передал, что, по сведениям из немецких военных кругов, военное столкновение ожидается 21 или 22 июня, что в Польше находятся 100 германских дивизий, в Румынии — 40, в Финляндии — 6, в Венгрии — 10 и в Словакии — 7. Всего 60 моторизованных дивизий. От курьера, прилетевшего из Бухареста, стало известно, что в Румынии мобилизация окончена, и все в ожидании начала военных действий¹⁷².

По данным НКГБ германская разведка стала ориентировать своих агентов, забрасываемых в СССР на срок 10—15 суток, чтобы они возвращались после выполнения задания не в Германию, а в любую немецкую часть уже на советской территории¹⁷³.

Уже никто не сомневался, что война должна начаться со дня на день.

20 июня Гальдер отметил: «Развертывание протекает по плану. Погода благоприятствует. Уровень в реках ниже обычного». Вечером 20 июня в германские войска поступило обращение фюрера по

поводу «Барбароссы». «Нарочито политический тон воззвания, слишком многословного для призыва», — записал Гальдер¹⁷⁴.

ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗапОВО КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 3-Й, 4-Й И 10-Й АРМИЙ

22 июня 1941 г.

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22—23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

Приказываю:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко Жуков
Павлов Фоминых
Климовских

Имеются пометы: «Поступила 22 июня 1941 года в 01.45», «Отправлена 22 июня 1941 года в 02.25 — 02.35».

На германской стороне все было готово к войне. С 10 июня войска атакующего эшелона выводились в исходные районы от 7—20 км до 20—30 км от советской границы. С 18 июня дивизии первых эшелонов начали выдвижение в исходное положение в темное время суток при строжайшем соблюдении маскировки.

К середине дня 21 июня соединения ВВС первого удара были сосредоточены на аэродромах западнее Вислы. К вечеру того же дня

они одиночными самолетами, на малой высоте, сторонясь городов и соблюдая радиомолчание, перебазировались на полевые аэродромы в непосредственной близости от границы СССР. Одновременно с немецкими войсками осуществлялось развертывание вооруженных сил союзников Германии.

Казалось, все было готово к тому, чтобы осуществилось «предначертание» фюрера, высказанное им на совещании 3 февраля 1941 года: «Если „Барбаросса“ удастся, весь мир затаит дыхание...»

Итак, удалось ли советской разведке в июне все-таки дать ответы на вопросы: «когда, где и какими силами Германия нанесет удар?»

На вопрос «когда?» были получены ответы: 15 или 20 июня; между 20 и 25 июня; 21 или 22 июня. В то же время сроки все время отодвигались и сопровождались оговорками типа: «Возможно, что они сейчас не выступают против СССР, но к этому готовятся, и офицеры открыто говорят». Это, по всей видимости, вызывало растущее раздражение Сталина. Поэтому, когда была получена информация от «Старшины» о том, что удар можно ожидать в любое время, Сталин отреагировал очень резко и грубо. Зная такое отношение Сталина, в некоторых случаях разведдонесения, по-видимому, просто не докладывались ему, как это было с телеграммой от резидента НКГБ в Риме.

С другой стороны, сведения о дате 22 июня хотя и были получены буквально за несколько дней до начала войны, тем не менее могли бы сыграть существенную роль в усилении готовности Красной Армии к отражению удара. Однако все попытки заранее занять позиции жестко пресекались сверху, а когда все же было принято решение о выдвижении войск по плану прикрытия, времени уже практически не оставалось, хотя советское командование, ориентируясь на срок 22—23 июня, все-таки рассчитывало успеть развернуть войска.

Судя по окончательному варианту стратегического развертывания советских вооруженных сил на западе, на вопрос «где?» был получен неверный ответ: основные силы, в том числе стратегические резервы, сосредоточивались на юго-западе. Хотя аналитики Разведуправления пришли к выводу, что необходимо уделять особое внимание усилению немецких войск в Польше, тем не менее этот вывод терялся на фоне других сообщений разведки, которые опять указывали на угрозу с южного (даже через Турцию) и юго-западного направлений. «Старшина» в принципе верно указал на стратегический замысел германского командования зажать приграничную группировку Красной Армии в «клещах», однако опять же неверно определил направления главных ударов: с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии.

На вопрос «какими силами?» был получен более или менее правильный ответ. В разведсводке по Западу от 15 июня 1941 года говорилось о 120—122 немецких дивизиях на 1 июня, хотя интенсив-

ные переброски немецких войск продолжались вплоть до 22 июня. Очевидно, что можно не учитывать другие разведдонесения, в которых приводились как правильные, так и совершенно фантастические цифры (150 дивизий — 1,5 млн человек (!), 163 дивизии, из них 60 моторизованных (!)¹⁷⁵), поскольку нет данных, что они докладывались руководству. Достаточно близка к реальной была оценка британского генштаба (115 дивизий), которую Майский получил из английского МИДа и передал в Москву.

В реальности дело обстояло следующим образом. Пятый эшелон в составе 31 дивизии (14 танковых, 12 моторизованных, 2 пехотные, 3 легкопехотные) и 2 моторизованных бригад перебрасывался на Восток с 6 по 18 июня. Переброска шестого эшелона (резерв ОКХ), включавшего 28 дивизий и 1 бригаду, началась 19 июня и продолжалась в течение нескольких недель уже после начала войны. (Гальдер писал в своем дневнике 1 мая: «Переброску резервов ОКХ следует провести таким образом, чтобы резервы ОКХ, расположенные на западе, продолжали оставаться там как можно дольше»¹⁷⁶).

К исходу 21 июня 1941 года у западной границы с СССР от Балтийского моря до Черного германское командование непосредственно для первого удара сосредоточило и развернуло 120 дивизий и 2 бригады. Кроме того, на южном фланге находилось 13 дивизий и 9 бригад королевской Румынии.

В несомненную заслугу советской разведке необходимо поставить то, что она смогла вскрыть четкие признаки готовности Германии к нападению. Главным было то, что, как сообщали разведчики, к 15 июня немцы должны были закончить все мероприятия по стратегическому развертыванию против СССР и можно было ожидать внезапного удара. В связи с этим разведке удалось выявить четкие признаки готовности Германии к нападению в ближайшее время: переброски немецкой авиации, в том числе бомбардировщиков; переезд представителей высшего руководства Третьего рейха (Геринг) ближе к советской границе; проведение инспекций и рекогносцировок крупными германскими военачальниками; переброска ударных частей, имеющих боевой опыт; сосредоточение переправочных средств; заброска хорошо вооруженных немецких агентов, снабженных портативными радиостанциями с инструкциями после выполнения задания выходить в распоряжение германских войск уже на советской территории; массовый отъезд сотрудников немецкого посольства и членов их семей в Германию; массовая отправка бумаг из Москвы и их сжигание на месте.

Все это говорило только об одном: следует ожидать нападения Германии в ближайшее время, которое будет произведено внезапно и без выдвижения каких-либо предварительных требований. Необходимо было принимать контрмеры, и они принимались. Проводились мероприятия по сокращению сроков приведения в боевую го-

товность частей прикрытия, выделяемых для поддержки погранвойск. Кроме этого, с 15 июня в приграничные округа началась переброска дополнительных соединений: 16-й армии — в КОВО, 5 дивизий 22-й армии — в ЗапОВО. Но, конечно, к 22 июня смогла прибыть только часть из перебрасываемых сил и средств. Одновременно по-прежнему войскам категорически запрещалось занимать боевые позиции в приграничной полосе. Фактически полностью боеготовыми на момент нападения оказались только пограничники, которые несли службу в усиленном режиме. Но их было слишком мало и их ожесточенное сопротивление было быстро подавлено.

В заслугу советской разведке необходимо также поставить то, что накануне нападения, несмотря на усиленные и устойчивые слухи в иностранном дипкорпусе, было установлено: сами немцы являлись источником слухов о якобы имеющихся новых договоренностях между СССР и Германией, в частности касающихся «аренды Украины». Обстановка того времени и имевшаяся информация о намерениях гитлеровского руководства требовала принятия в том числе и политических мер. Одной из таких мер и стало заявление ТАСС от 14 июня. В свете имеющихся фактов это заявление, которое многие исследователи считают ошибкой Сталина, поскольку, как полагают, оно оказало «размагничивающий эффект», на самом деле, по-видимому, преследовало другую цель. Германское руководство должно было либо отреагировать на заявление ТАСС, либо не реагировать на него — в любом случае истинные намерения стали бы ясны. И чем дольше никакого ответа со стороны Германии не было, тем больше советское руководство склонялось к выводу о неизбежности войны.

Тем не менее, как полагают, это заявление вызвало удивление в войсках, а порой и растерянность среди командиров и политорганов, нанесло ущерб психологической устойчивости личного состава, бдительности и боевой готовности.

21 июня вечером Гальдер оставил в своем дневнике следующую запись: «На отдельных участках замечена повышенная внимательность русских. (Перед фронтом 8-го армейского корпуса противник занимает позиции...)»¹⁷⁷

«РАМЗАЙ»: «ВОЙНА МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СССР НЕИЗБЕЖНА...»

«Рамзай» в Токио чувствовал, что назревают большие события, и прилагал отчаянные усилия, чтобы добыть надежную информацию о сроках нападения Германии и направлении главного удара.

Для Зорге уже давно стало ясно, что Гитлер готовится к нападению на СССР. Последние беседы с Оттом и Венеккером убедили его

в том, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и захватить его европейскую часть в качестве зерновой и сырьевой базы, чтобы обеспечить господство Германии в Европе. 2 мая «Рамзай» сообщил, что, по мнению Отта и Венеккера, после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты:

время окончания сева в СССР, после этого война может начаться в любой момент, и Германии останется только убрать урожай;

переговоры между Германией и Турцией — если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Зорге также передал, что «возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии». Эта убежденность германских военных основывалась на чрезвычайно низкой оценке боеспособности Красной Армии, которая, как полагали, будет разгромлена в течение нескольких недель.

Что касается решения о начале войны против СССР, то оно «будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией». Это сообщение хорошо вписывалось в концепцию Голикова, и он распорядился немедленно разослать телеграмму Зорге высшему руководству¹⁷⁸. Дополнительным фактом о начале войны в мае, по мнению «Рамзая», было то, что Отт предложил корреспонденту нацистского официоза «Фолькишер беобахтер» принцу Ураку в мае вернуться в Германию.

Тем временем Гитлер и Риббентроп не прекращали усилий, чтобы заставить японский кабинет все-таки выступить против Сингапура. С этой целью Венеккер запросил адмирала Кондо о перспективах совместного германо-японского наступления против Англии, не напоминая о распоряжении Риббентропа заставить японцев выступить против Сингапура.

«Рамзай» лично читал на немецком языке донесение Венеккера в Берлин об ответе Кондо, которое гласило: «Японский флот сделал все приготовления для нападения на Сингапур, которое будет проведено в нужный момент, когда не будет иного выхода. Но пока есть возможность получать важное сырье из США. Подходящий момент еще не наступил».

Существенным моментом было то, что генштаб и вся японская армия, а также командующий Квантунской армией генерал Умэдзу, были согласны с советско-японским пактом. Против была только небольшая часть реакционеров подобно Араки и некоторая часть молодежи, принадлежавшая к группе Тоямы.

10 мая Зорге сообщил обо всем этом в Москву, добавив: «Активности в вопросе наступления на Сингапур в настоящее время незаметно. Немецкий посол Отт предпринимал попытки встретиться

с Мацуокой по этому вопросу, но под предлогом болезни Мацуока отказался принять его.

По сообщению посла Отта, Гитлер дал понять Мацуоке, что он ждет определенных и быстрых действий со стороны Японии против Сингапура. Если это сделает Япония, то Германия будет готова отказаться от своих прав на острова в южной части Тихого океана. Если Япония не выступит против Сингапура, то Германия после своей победы в войне не уступит своих прав». Резолюция Голикова: «Дать в пять адресов»¹⁷⁹.

Все это свидетельствовало о совсем не радужных отношениях между союзниками по «оси».

В следующей телеграмме от 19 мая (получена 21-го, доложена Голикову 23 мая) пришло подтверждение углубляющегося раскола между германским и японским руководством. В дело вступил «американский фактор» — США через своего посла в Японии Джозефа Грю обратились к Японии с предложением «установить новые дружественные отношения». Это немедленно стало известно Зорге от Отта и Одзаки. Подтверждение также пришло от Вукелича, который получил информацию от корреспондента американского телеграфного агентства Пола Ньюмана. США выразили готовность выступить посредниками в переговорах между японским кабинетом и Чан Кайши на следующих условиях:

Япония эвакуирует свои войска из Китая, отказывается от военного вторжения в южную часть Тихого океана и от Тройственного пакта; признаются особые позиции и торговые преимущества Японии в Китае;

США признают «особые экономические нужды» Японии в южной части Тихого океана.

Это предложение, по словам Зорге, «вызвало всеобщую агитацию за японо-американские переговоры, которая началась в тот момент, когда Мацуока возвратился. Таким образом, Мацуока не имел времени удовлетворить германские требования о выступлении против Сингапура и занять решительную позицию против Америки».

Далее «Рамзай» сообщил, что «в правительстве происходит серьезная борьба между активной группой и группой, занимающей выжидательную позицию. Последней руководят Хиранума и морской флот. Флот начнет выступление только после падения Суэцкого канала и даже в этом случае будет медлить. Мацуока сообщил германскому послу Отту об этой внутренней борьбе, но был при этом оптимистичен».

Очень важную информацию получил Одзаки. Он узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет по меньшей мере в течение первых недель. «Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ следят за перебросками советских войск с востока на запад», — передал Зорге. Это сообщение также было разослано высшему руководству¹⁸⁰.

19 мая 1941 г.

Германский посол Отт сообщил, что Мацуока послал государственному секретарю Хэллу телеграмму на запрос об улучшении взаимоотношений с Америкой. В этой телеграмме Мацуока сообщил, что его мнение относительно германской мощи и возможности победы стало более твердым после поездки в Европу.

Мацуока сообщил, что Япония согласна начать переговоры на двух условиях: 1) Америка должна оказать давление на Чунцин для установления соглашения с Японией. 2) Америка должна воздержаться от всяких действий, которые Япония будет считать военными акциями против Германии. (Под военными акциями Япония рассматривает и конвоирование судов.) На телеграфный запрос в Германию Мацуока получил ответ, что Германия не возражает против переговоров с Америкой, но чтобы переговоры не были направлены против Германии. Мацуока заявил, что он не питает надежд на заключение договора с Америкой при этих условиях.

Новый германский ВАТ настроен чрезвычайно пессимистически и ожидает прямого предательства Японии и просил освободить его от занимаемой должности. Посол Отт надеется, что японо-американское соглашение может остановить САШ¹⁸¹.

Резолюция НУ: *«Разослать в 5 адресов»*¹⁸².

20 мая Гальдер записал в своем дневнике: «Мацуока предупредил, что он будет вынужден идти „зигзагообразным“ путем. Предложения, сделанные Америкой Японии. Статус-кво Филиппин. Предложение дать взаимные обязательства не вмешиваться в европейский конфликт (только оборона)»¹⁸³. Скорее всего германский ВАТ полковник Кречмер направил в Берлин донесение со своими соображениями относительно ожидаемого «прямого предательства Японии». Немецкий генштаб был хорошо осведомлен о колебаниях Японии, вызванных запретом на экспорт горючего из Америки и расширением английской блокады, что напрямую затрагивало интересы Японии, в частности ее военные возможности. 4 июня в рамках общего обзора обстановки Гальдер отметил в дневнике: «Япония: В основе политики — поддержка держав оси. Характер результатов этой политики неясен. Внутренние трудности»¹⁸⁴.

По радио

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 19 мая 1941 г.

Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в

конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени.

Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать. Они заявили, что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий. Один армейский корпус находится под командованием известного Райхенау¹⁸⁵. Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши¹⁸⁶.

№ 125. Рамзай.

Резолюция НУ: «НО-9. Запросить Рамзая. На № 125. Уточните — корпусов или армий. Если корпусов, то не вяжется с понятием корпус. Д. Голиков»¹⁸⁷.

23 мая «Рамзая» был направлен запрос согласно резолюции Голикова. Ответ был получен только почти через месяц — 15 июня. В нем Зорге подчеркнул, что в его сообщении «сказано ясно об армиях, а не об армейских корпусах»¹⁸⁸. Что это было: ошибка «Фрица» при передаче или ошибка перевода? Почему Зорге так долго не давал ответа на запрос? Это одна из загадок «Рамзая», которые можно разгадать, только ознакомившись с подлинниками его радиограмм на английском языке. В действительности на 22 июня в немецкую группировку на Востоке вместе с союзниками входили: группа «Север» (18-я и 16-я армии и 4-я танковая группа); группа «Центр» (9-я и 4-я армии, 3-я и 2-я танковые группы); группа «Юг» (немецкие 6-я, 17-я и 11-я армии и 1-я танковая группа, а также 3-я и 4-я румынские армии и венгерская карпатская группа); отдельная немецкая армия «Норвегия» и финская Карельская армия — всего 8 немецких армий и 4 танковых группы, а также 4 армии союзников.

Аналитическая система доктора Зорге продолжала работать и приносить плоды. С декабря 1940 по весну 1941 года Одзаки сообщал об экономическом соглашении между Японией, Германией и Италией. Германия направила в Японию делегацию для переговоров, целью которых было получить из Японии через Советский Союз товары, необходимые для военных целей: соевые бобы из Маньчжурии, олово, резину и т. д. Но главным был каучук, запасов которого у Германии не хватало. В связи с этим Англия и Голландская Индия высказали предупреждение Японии о возможных поставках товаров через Японию в Германию.

Однако Зорге интересовали не только товары, которые Германия поставляла из Японии, не только их количество и сроки отправки. Данные о стратегическом сырье, экспортируемом Японией в Германию, он использовал для проверки других сведений, полученных им. Если Германия собиралась транзитом перевозить товары через территорию СССР, значит, она не планировала воевать с Советским Союзом. Так ли это было на самом деле?

Для проверки этой гипотезы Зорге использовал срочно затребованные германским генштабом поставки каучука, вольфрама и олова. Это сырье предполагалось вывозить в Германию из Азии. От Венеккера Зорге узнал о боевом приказе командования германских ВМС от 14 ноября 1940 года. В этом приказе перечислялись все меры по обеспечению перевозок каучука морем даже после запланированного нападения на Советский Союз и утраты всех возможностей использования сухопутных транспортных средств. Среди прочего предусматривалось направить в Японию все германские торговые суда, находившиеся в то время в тихоокеанских портах, с тем чтобы загрузить их каучуком.

В разговорах с капитанами и офицерами блокадопрорывателей «Оденвальд», «Бургенланд» и «Бенно» Зорге узнал дальнейшие подробности об этих стратегически важных транспортах, являвшихся с недавних пор составной частью германских планов войны против Советского Союза. (Вспомним, что говорилось в директиве верховного командования вермахта № 24 о сотрудничестве с Японией, изданной 5 марта 1941 года: «Поставки каучука должны продолжаться и после вступления Японии в войну, поскольку являются для Германии жизненно важными».) «Рамзай» сделал вывод: если Германия готовится обеспечивать стратегически важные поставки каучука морским путем, минуя территорию СССР, значит, планирует воевать с ним. Как показали дальнейшие события, этот индикатор действительно сработал безошибочно: в мае 1941 года «Рамзай» узнал, что перевозки каучука через территорию СССР сокращены до минимума и идет погрузка каучука на германские корабли.

По телеграфу
НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 30 мая 1941 г.

Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется. Косвенные доказательства, которые я вижу к этому в настоящее время, таковы:

Технический департамент германских воздушных сил в моем городе получил указания вскоре возвратиться. Отт потребовал от ВАТ [военного атташе], чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука через СССР сокращен до минимума.

Причины для германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная Армия должна быть отогнана возможно скорее. Так заявил Отт.

№ 30, 31. Рамзай.

Мацуока очень обеспокоен слухами относительно возможной войны между Германией и СССР. Он видит единственную надежду на удержание Америки от вступления в европейскую войну и оккупацию Англии германскими войсками отнюдь не в войне с СССР.

Мацуока просил посла Отта доложить об этом Риббентропу.

Резолюция НУ: «НО-4, НО-9: дать в 4 адреса. Голиков. 18.06.41 года».

Помета НО-9: «Выслано Сталину, Молотову, Тимошенко, Жукову»¹⁹⁴.

Наконец, 21 июня в 12.00 в Москве получили еще одну радиограмму Зорге.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 20 июня 1941 г.

Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии, так же хорошо, как это было сделано в самом начале ... (искажение) потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши.

Инвест сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны.

Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуокой с одной стороны и Хиранумой с другой — застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии.

№ 143. Рамзай.

Расшифровал Малинников 22 июня, 14 ч. 35 м.

Резолюция НУ: «Информационный отдел. Панфилов».

«НО-3. К учету. Ознакомить НО-1. 22.6.»¹⁹⁵

Эта радиограмма была получена в 9-м отделе Разведуправления 21 июня в 17.05, расшифрована только в 14.35 22 июня, после чего доложена начальнику, обязанности которого исполнял А. П. Панфилов. Судя по резолюциям, руководству не докладывалась, по пометам исполнителей — была принята к учету только 23 июня, уже после начала войны.

Сразу вслед за этим пришла еще одна радиограмма: «По данным германского военного атташе, один германский авиаполк, который дрался все время против Англии, сейчас переброшен в Краков. Инсон¹⁹⁶».

Этой телеграммой завершается период деятельности группы «Рамзай» до нападения Германии на СССР и начала Великой Отечественной войны.

А теперь поставим тот же самый вопрос: «Удалось ли Зорге и его группе установить, когда, где и какими силами Германия нанесет удар по СССР?».

На вопрос «когда?» от «Рамзая» поступали противоречивые сведения. В марте: война против СССР начнется «по окончании теперешней войны», т. е. войны с Англией. В апреле: «Война между СССР и Германией может начаться в любой момент после возвращения Мацуоки в Токио».

В начале мая: «уже в мае, либо после войны с Англией»; «в любой момент после окончания сева в СССР»; «во время переговоров между Германией и Турцией — если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований»; в середине мая: «может начаться в конце мая, но в этом году опасность может и миновать». Более определенная информация стала поступать с конца мая: «немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня». При этом приводилось мнение посла Отта, который «на 95% уверен, что война начнется». Однако в середине июня от Зорге опять пришла информация, противоречившая его прежним сообщениям: «война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня». Одновременно делалась ссылка на мнение военного атташе Кречмера, который не знал, будет ли вообще война.

Очевидно, что «Рамзай», так же как и другие разведывательные источники Разведуправления и НКГБ, не смог точно определить время немецкого нападения на СССР. Тем не менее Зорге, так же как и некоторые другие источники («Корсиканец»), определил безошибочный индикатор скорого начала войны — сокращение перевозок каучука через территорию СССР. Причем это было легко проверить! Однако эту информацию Голиков оставил без внимания. Не были приняты во внимание и другие индикаторы, на которые указывал «Рамзай»: предложение Отта корреспонденту нацистского официоза «Фёлькишер беобахтер» принцу Ураку в мае уехать из Токио в Германию; требование Отта от немецкого ВАТА, чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР; приказ из Берлина немецким представителям в Японии вернуться в Германию к концу мая.

По-видимому, проверить эту информацию не представлялось возможным, поэтому она также была оставлена без внимания.

Относительно правильным было также определение «Рамзаем» такого индикатора, как «окончание сева» — на это указывали и другие разведчики. Однако время шло, посевные работы давно закончились, а Германия войну не начинала.

С другой стороны, совершенно не подтвердились сведения о том, что война станет неизбежной, если СССР будет вмешиваться в германо-турецкие переговоры. Эти тайные переговоры велись в течение мая—июня немецким послом в Турции фон Папеном и закончились 18 июня подписанием турецко-германского пакта. Сталин

все это время вел себя крайне осторожно, чтобы не провоцировать Гитлера, однако это не помогло.

Сообщение германского курьера для ВАТа о том, что война задерживается до конца июня, вообще весьма похоже на дезинформацию. Интересно отметить, что, как свидетельствуют документы, в реальной обстановке кануна войны советские командиры соединений, командующие армиями и войсками округов исходили из других сроков сосредоточения и развертывания войск, подготовки фронтов, огневых позиций артиллерии, маскировки аэродромов, складов и т. д. Считалось, что нападение противника может произойти не ранее первой половины июля.

А вот на вопрос «где?» Зорге, пожалуй, единственному из всех разведчиков удалось получить относительно правильный ответ: «Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии». При этом им была получена ценная информация о том, что стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши (это подтверждалось данными из других источников, в частности от «Альты»). Наконец, только Зорге предупредил, что немцы собирались использовать факт «большой тактической ошибки», допущенной командованием РККА, — наличие сплошной полосы обороны «без больших ответвлений», то есть недостаточно эшелонированной в глубину.

Ряд исследователей утверждает, что фактически эти сообщения оказались дезинформацией, которую якобы Шолль намеренно сообщил Зорге. Рассмотрим этот вопрос поподробнее.

Совершенно очевидно, что Голиков, во-первых, не понял насчет отсутствия «ответвлений» в советской оборонительной линии (к сожалению, авторы не располагают оригиналом текста телеграммы, поэтому невозможно судить о том, была ли допущена ошибка в переводе). Действительно, эта часть телеграммы не совсем понятна: о каких ответвлениях идет речь? В определенной мере проясняют этот вопрос дневниковые записи Гальдера от 22 мая 1941 года: «Майор Вестерберг (отдел аэрофотосъемки штаба генерал-инспектора войсковой авиации): демонстрация снимков, сделанных эскадрилей Ровеля над пограничными районами русских. Ясно видны большие работы по усилению обороны (особенно отрывка противотанковых рвов) вдоль границы. Многочисленные траншеи для кабельных линий связи свидетельствуют о наличии сплошного оборонительного рубежа (выделено нами. — Авт.). Аэрофотоснимки подтверждают наше мнение о решимости русских удержаться на границе.

Майор Шильдкнехт (отдел «иностранные армии — Восток»): Доклад о группировке русских сухопутных войск у немецкой границы. Войска сильно выдвинуты вперед (выделено нами. — Авт.)»¹⁹⁷.

Таким образом, «величайшая ошибка» заключалась в том, что замысел на стратегическое развертывание вооруженных сил и пост-

роение оперативных группировок войск на западном стратегическом направлении в большей мере отражал наступательные цели. У советского командования они были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Рассредоточение на большом пространстве такой стратегической группировки не обеспечивалось своевременным развертыванием и оперативно-стратегическим взаимодействием и позволяло противнику громить ее по частям.

В целом к началу войны командования западных военных округов не успели создать ни наступательных, ни оборонительных группировок (тех самых ответвлений, о которых писал Зорге), а на приведение Красной Армии в полную боевую готовность требовалось определенное время.

Из 108 дивизий войск прикрытия в первые часы войны вооруженный отпор агрессору могли оказать лишь около 40 не полностью отобригазованных дивизий, из которых лишь незначительная часть успела занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Соединения, находившиеся в первых эшелонах армий прикрытия западных приграничных военных округов (около 58 дивизий), располагались в линию вдоль всей границы. При этом части, дислоцировавшиеся непосредственно у границы, с первых минут войны оказались в зоне прицельного артиллерийского огня противника и ударов его авиации.

Командование Красной Армии не сделало то, чего больше всего боялся германский генштаб и о чем, в частности, предупреждал в своей оперативной разработке полковник Лоссберг, — не отвело войска от границы. Не допускалось и мысли, что противник сможет достичь большого превосходства в силах и средствах и нанесет поражение армиям прикрытия. В планах советского командования не учитывалась возможность захвата противником стратегической инициативы, ведения войсками первого стратегического эшелона длительной обороны и отхода их на глубину 300—500 км. В результате по 58 советским дивизиям нанесли удар 120 немецких дивизий, которые сразу же прорвались на большую глубину и вышли на оперативный простор. Фактически произошло то, о чем предупреждал Зорге, — приграничные группировки Красной Армии были разгромлены «в первом большом сражении».

Тем не менее все же отметим, что «Рамзай» недостаточно четко и по-военному сформулировал сущность «большой тактической ошибки» со стороны Красной Армии. Или, может быть, Клаузен передал текст радиogramмы не полностью? Вопросы, вопросы, вопросы...

Теперь рассмотрим подробнее информацию Шолля о «наиболее сильном ударе левым флангом». Было ли это сообщение дезинформацией? Вот что пишет, например, В. Сахаров: «Итак, наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии, то есть из Восточной Пруссии в Прибалтику. Здесь располагалась груп-

па армий „Север“, которая была в вермахте не самой сильной, как сообщал Зорге, а, наоборот, самой слабой. Это во-первых. Во-вторых, это очень далеко от места действительного нанесения наиболее сильных ударов. Зато как раз там, где по плану „Барбаросса“ надлежало окружить наиболее сильную группировку Красной Армии. То есть эта информация объективно подталкивала наше военнополитическое руководство к такой перегруппировке, которая была очень желательной для реализации замысла фашистов».

И далее: «В нашей литературе сложилась традиция изображать душевные страдания Зорге от сознания того, что его информации о приближающейся войне не верили... В этом видят трагедию Р. Зорге. Но в этом ли трагедия разведчика и человека, отдавшего все свои силы, свою жизнь борьбе с фашизмом? Полагаю, что нет, не в этом, а в том, что он, не желая того, послужил каналом для перекачки (не раз и не два!) в Москву смертельно опасной для нашей страны информации. Лично Зорге в этом не повинен. Но опасность переданной им дезинформации от этого не уменьшается. Как ни парадоксально, но в том, что в Москве ему не поверили, состоит не трагедия Зорге, а его счастье. Зорге передал выгодную фашистам информацию, но она не имела трагических для страны последствий и поэтому не перечеркнула всего того хорошего, что он сделал для своей второй Родины»¹⁹⁸.

Вряд ли можно согласиться здесь с В. Сахаровым. Если внимательно прочитать еще раз план операции «Барбаросса» и посмотреть на карту оперативной обстановки на 22 июня 1941 года, то можно ясно увидеть и понять, что имел в виду Шолль: главный удар будет наноситься севернее Припятских болот. Замысел германского командования был аналогичен кампании против Франции. Тогда стремительным ударом вдоль побережья на Дюнкерк немцам удалось расчленить и отсечь главные силы французской армии и английского экспедиционного корпуса. Главная задача «Барбароссы» состояла в том, чтобы действиями групп армий «Север» и «Центр» расчленить, отсечь и уничтожить советские войска в Прибалтике и в районе Ленинграда, «лишив русский флот его опорных пунктов». Именно с этой целью после разгрома советских войск в Белоруссии и прорыва в район Смоленска предусматривался «поворот» подвижных соединений группы армий «Центр» на север, чтобы во взаимодействии с группой армий «Север» выступить в общем направлении на Ленинград. Не вызывает сомнений, что именно это имел в виду Шолль, когда говорил о левом фланге германской армии.

Однако это категорически шло вразрез не только с практически всей поступавшей в Разведуправление информацией и даже не только с уже утвержденным, сложившимся и продолжавшимся стратегическим развертыванием советских вооруженных сил. Это шло вразрез с мнением советского вождя, который указал, что самым угрожающим является юго-западное направление. Именно поэтому

донесение Зорге было расценено Голиковым как сомнительное и дезинформационное и, конечно, не докладывалось руководству.

Сейчас эта «величайшая ошибка Красной Армии» хорошо понятна и досконально исследована. Но в то время Голиков этого не понял и потребовал от «Рамзая» разъяснений. Слишком невероятной казалась его информация. Имел ли Голиков на это право? Безусловно. Даже с учетом того, что группе Зорге приходилось в тот период предпринимать поистине нечеловеческие усилия, чтобы, с одной стороны, отследить и проанализировать всю поступающую информацию, а с другой стороны, не раскрыть себя. Кольцо вокруг группы неуклонно сжималось, и Зорге это чувствовал.

Однако ответ на запрос Голикова пришел только 3 июля, когда все в немецком посольстве, видимо, уже только и говорили о «победном шествии вермахта». В своем ответе «Рамзай» с видимым раздражением писал: «Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок. Подполковник Шолль сказал тогда, что первый и главный удар будет нанесен немцами по Красной Армии их левым флангом. Немцы полностью уверены, что главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара. Немцы очень опасались, что Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника, и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара. Главная цель немцев — это уничтожение Красной Армии охватом ее, как это было с польской армией». На радиограмме Голиков, по-видимому, с не меньшим раздражением написал: «НО-4... Доложите, сколько времени он не давал ответа на наше требование о левом фланге и саму его телеграмму. 3/VII-41. Голиков»¹⁹⁹.

И в этом также состоит одна из загадок «Рамзая» — почему он так долго молчал? Это была обида на недоверие к его информации? Макс Клаузен рассказывал: «Я пришел к Рихарду. Мы получили странную радиограмму — ее дословного содержания я уже не припоминаю, — в которой говорилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался, и воскликнул: „Это уже слишком!“ Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если своевременно не подготовится к отражению удара»²⁰⁰. Можно только предполагать, насколько Клаузен смягчил реакцию Зорге (правда, неизвестно, что конкретно было в тексте радиограммы из Центра). Но если это была обида, то Зорге был не прав. Слишком многое было поставлено на карту и слишком дорого обошлись неправильные предвоенные оценки советскому командованию и народу страны. Здесь было не до обид, тем более что уж где-где, а в разведке существует железное правило проверки и перепроверки информации и принцип «здорового скептицизма».

Непонятно также, почему в радиোগрамме от 3 июля «Рамзай» гораздо более подробно разъяснил вопрос в отношении удара левым флангом и тактических ошибок советского командования, чем он это сделал 1 июня. Предположением может быть то, что «Рамзай» не хотел брать на себя ответственность за возможную дезинформацию. Вероятно, у него были какие-то сомнения не столько в правдивости Шолля, с которым его связывали давние тесные отношения (они воевали в одном студенческом батальоне во время Первой мировой войны), сколько в самой природе информации. Шолль сообщил ему то, что слышал в германском генштабе, и уехал в Бангкок. Отт скорее всего вообще был не в курсе замысла операции «Барбаросса». Поэтому никто не мог дать подтверждения информации Шолля или более понятно разъяснить сущность «большой тактической ошибки». Поэтому ни подтвердить, ни опровергнуть сведения Шолля разведчик не мог. Оставалось только ждать развития событий.

Характерно также и то, что Голиков не стал раздувать скандал вокруг «недисциплинированности» «Рамзая» в связи с затяжкой его ответа, — его самого могли привлечь к ответственности за то, что важная информация из Токио не была доведена руководству. А как это делается, Голикову было прекрасно известно. Насколько «хозяин» не терпел возражений, настолько же быстро он мог свалить ответственность на другого под предлогом: «Почему не спорил? Почему не убеждал в своей правоте? Боялся, да? Какой же ты тогда коммунист?». А «козлы отпущения» в тот момент были нужны как никогда. Да Голикову и некогда было это делать — во главе военной миссии его направили в Великобританию. Поэтому Зорге «простили» и потребовали сведений по Японии.

Также не выдерживает критики утверждение Сахарова, что информация «Рамзая» о левом фланге «объективно подталкивала наше военно-политическое руководство к такой перегруппировке, которая была очень желательной для реализации замысла фашистов». На самом деле никакой перегруппировки не надо было делать, да это в тех условиях было бы невозможно. Если бы сведения Зорге были приняты во внимание, то войска второго стратегического эшелона, в частности, 19-ю и 16-ю армии, можно было бы успеть сосредоточить не на Украине, а на смоленском направлении.

Жуков в своих мемуарах пишет: «...Пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении»²⁰¹. К тому же, как отмечал маршал, «железнодорожные перевозки наших войск по ряду причин осуществлялись с перебоями. Прибывающие войска зачастую вводились в дело без полного со-

средоточения, что отрицательно сказывалось на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости»²⁰².

Фактически же произошло следующее. На пятые сутки войны советское Главное командование пришло к окончательному выводу, что главный удар немцы наносили на западном, а не на юго-западном направлении. Глубокое вторжение противника на этом направлении потребовало внесения существенных изменений в план стратегического сосредоточения и, следовательно, больших перегруппировок войск. Так, 16-я армия 27 июня 1941 года получила указание Генерального штаба совершить перегруппировку из района Бердичев, Проскуров, Староконстантинов в район западнее Смоленска. К моменту получения задачи 115 эшелонов армии уже были выгружены. Несмотря на это, в сложных условиях обстановки перегруппировка была завершена к 8 июля 1941 года.

Одновременно Главное командование 26 июня приняло решение перебросить из района южнее Киева в район Витебска 19-ю армию, которая также включалась в состав Западного фронта. Войска армии перевозились 350 эшелонами. К 10 июля, на 10-е сутки передислокации, из их числа в район сосредоточения прибыло только 68 эшелонов различных частей и соединений (управления армии, 24-го и 34-го стрелковых корпусов, 23-го механизированного корпуса, 220-я моторизованная дивизия и часть батальонов и полков 134, 162 и 158-й стрелковых дивизий). Ошибки, допущенные Генеральным штабом в оперативном планировании (определение главного удара противника, создание группировки войск, особенно второго стратегического эшелона, и др.), пришлось срочным порядком исправлять уже в ходе боевых действий.

Кроме указанных мероприятий, в период с 27 по 28 июня 1941 года Ставкой были отданы директивы о выдвижении из внутренних районов страны и с других направлений на западное до 70 дивизий.

К 10 июля из этого числа соединений в районе западнее Смоленска сосредоточились 32 дивизии, 9 дивизий выгружались на железнодорожных станциях, 29 находились в пути. Прибывшие дивизии были включены в состав 22, 20 и 21-й армий, которые развертывались на рубеже Западная Двина и Днепр. Все три армии вошли в состав Западного фронта. Это была та сила, которая позволила задержать продвижение немцев и получить стратегически важную передышку для проведения необходимых мероприятий.

Если бы Голиков поверил Зорге, все было бы значительно легче и проще. Однако начальник Разведуправления его информации не поверил, а «Рамзай», в свою очередь, не смог (или не захотел?) ее подтвердить. Объективности ради следует сказать, что если бы даже эта информация была доложена Сталину, с большой долей вероятности можно предполагать, что по целому ряду причин она не привела бы к принятию стратегически важных решений. А вот неприятностей Голикову могла бы доставить масса. Возможно, именно поэтому он «при-

держал» ее, что в дальнейшем не помешало ему до самого конца своей военной карьеры занимать различные ответственные посты в военной иерархии и дослужиться до звания Маршала Советского Союза.

На вопрос «какими силами?» «Рамзаю» также удалось получить более или менее правильный ответ — 9 армий (150 дивизий)²⁰³. Авторам пока недоступны все документы, которые позволили бы сделать вывод, почему в сообщении от 19 мая идет речь о 9 армейских корпусах, а не об армиях, тем более что Зорге позднее говорил именно об армиях.

И все же некоторые исследователи ставят под сомнение достоверность сообщений «Рамзая» о группировке немецких войск, полагая, что советский разведчик «попался на удочку» дезинформационных мероприятий немецкого верховного командования.

Уже цитированный нами В. Сахаров пишет: «17 июня 1941 года, то есть за пять дней до начала войны, Р. Зорге сообщает: „На советско-германской границе находятся 9 немецких армий... Германия имеет на границах с СССР девятьсот тысяч человек в первой линии и около одного миллиона как резерв“. Любопытно! Численность армий указывается достаточно точно (8 армий и 4 танковые группы). Но это и все, чему можно порадоваться. Сила армии вторжения, по Зорге, около двух миллионов человек, то есть занижена более чем в два раза. На одну треть занижена численность дивизии, что перекликается с информацией Маэсиба²⁰⁴. Немецкий замысел, характер приграничных сражений представлены здесь в совершенно ложном свете. Получается, что удар нанесут в начале войны силы, равные примерно одному миллиону, остальные (900 тысяч) будут ждать своего часа. На самом деле в резерве командующих групп армии было всего 4,5 процента дивизий (от общей численности армии в 4,6 миллиона человек). Есть разница? Еще какая! Германия все вложила в первый удар. Именно так обеспечивался блицкриг. А что у Зорге? Страшным первым ударом, ставкой на блицкриг, на стремительные и глубокие прорывы, окружение здесь и не пахнет. Из его информации, наоборот, однозначно следует, что сила удара (изначально слабая) будет наращиваться постепенно, по мере введения в бой резервов. На кого „работает“ эта информация? Пусть читатель сам ответит на этот вопрос. Представим, что „Сталин поверил Зорге“. То-то сюрприз ждал его через пять дней! К сожалению, у нас нет уверенности в том, что Сталин не поверил Зорге. Об этом, возможно, свидетельствует известный первый приказ, ставящий боевые задачи на случай вторжения германской армии»²⁰⁵.

Однако следует сказать, что В. Сахаров весьма тенденциозен в своих суждениях и упускает из виду некоторые очень важные моменты. Во-первых, он цитирует радиogramму Зорге неточно, пропуская важное упоминание насчет «американских сообщений», на которые ссылается Зорге. Это нормальная работа разведчика, передающего в Центр сведения, которые ему удастся почерпнуть как из

открытых, так и агентурных источников, рассчитывая на то, что в Центре сопоставят их с другими данными и разберутся.

Во-вторых, пассаж насчет того, что Сталин поверил именно этой информации Зорге, вообще не выдерживает критики. Как видно из резолюций на радиограмме, это сообщение вообще не докладывалось руководству, а было отложено для учета внутри Разведуправления. Но даже если предположить, что оно докладывалось Сталину, вряд ли Сталин ему поверил, поскольку он не верил ничему, что исходило из английских или американских источников.

Повышенный и вполне обоснованный интерес вызвала информация «Рамзая» о степени готовности Японии к выступлению против СССР в случае начала войны, о ходе японо-американских переговоров по поводу посредничества в Китае и об отношении японского кабинета к намерениям Германии начать войну против СССР. Эта информация была немедленно доложена на самый верх.

Таким образом, на все три основных вопроса: «когда? где? и какими силами?» Зорге смог дать в общем-то достаточно верные ответы: «вторая половина июня, левый фланг и 150 дивизий». Зорге сумел увидеть ту «возможность победы, заключенную в противнике», о которой писал древнекитайский полководец Сунь-цзы. Его информация дала бы блестящий результат, если бы была реализована в практических решениях и действиях руководства. Однако она затерялась среди других сведений, в том числе и дезинформационных, которые потоком поступали в органы разведки по дипломатическим и иным каналам. Поэтому Сталин не сумел сразу в полной мере реализовать тот потенциал непобедимости, которым обладал.

Кроме этого, несомненной заслугой Зорге явилось то, что он определил очень важный факт: нападение Германии на СССР было весьма вероятным еще и потому, что Гитлер и его генералы были уверены, что смогут воевать на два фронта: и против Англии, и против СССР. Эта убежденность германских военных основывалась на чрезвычайно низкой оценке боеспособности Красной Армии, которая, как полагали, будет разгромлена в течение нескольких недель. Согласно сведениям «Рамзая», неизбежность нападения Германии на СССР определялась также стремлением Гитлера захватить сырьевую и зерновую базу СССР, обеспечить господство Германии в Европе и обезопасить свой тыл для того, чтобы расширить военные действия в Африке и выйти к Суэцкому каналу.

С позиций сегодняшнего дня эта информация кажется уникальной. Надо отдать должное Голикову, который немедленно распорядился разослать ее высшему руководству, хотя он знал мнение Сталина: Гитлер на два фронта воевать не будет. Возможно, опасаясь раздраженной реакции «хозяина» (низкая оценка немецким генералитетом боеспособности Красной Армии), Голиков приказал вычеркнуть это из сообщения и просто взять на учет («включить в выписки»).

Что чувствовал Зорге, когда узнал о нападении Германии на СССР? Это был для него шок, хотя он был убежден, что это произойдет и предупреждал об этом. Он сидел в баре отеля «Империял» и молча пил виски, пребывая в состоянии мрачной задумчивости. Вдруг он вскочил и, пошатываясь, обвел взглядом всех присутствовавших в баре — там были только американцы, англичане и французы. Зорге оперся о стол и начал громко кричать по-английски, что Гитлер — большой преступник, потому что он напал на СССР и нарушил заключенный со Сталиным договор о ненападении. Посетители всем своим видом демонстрировали, что не желают слушать его выкрики. По словам Эрвина Бикарда, бывшего тогда сотрудником германского посольства, он как раз зашел в бар и присутствовал при этой сцене. Он подошел к Зорге, сел рядом и тихо сказал: «Рихард, будь осмотрительней. Крутом американцы, англичане и французы, в баре могут быть сотрудники жандармерии». «А мне плывать на это! — ответил Зорге. — Налей мне еще», — обратился он к бармену, но тот отказал ему.

Рихард выругался, но продолжал сидеть за столом и говорил как бы сам с собой: «Эта война меня доконает... Доконает!.. А все эти свиньи будут плакать...» Уже под вечер он вскочил и, шатаясь, пошел к телефонному аппарату. Сначала позвонил Отту. «Эта война проиграна!» — прокричал он в трубку оторопевшему послу. Потом позвонил Вилли и Аните Моор и тоном мрачной ожесточенности сказал: «А я говорю, что Гитлер сломает себе зубы в России!» Мооры тут же позвонили Отту и обменялись с ним негодующими замечаниями: разумеется, Зорге был пьян, но здесь он поистине зашел слишком далеко²⁰⁶.

По воспоминаниям японской подруги Зорге Ханако Исии: «Я подседа к Зорге и стала гладить его по спине. Заглянув ему в лицо, я заметила, что он плакал. Мне трудно было представить себе плачущего Зорге. Когда я удивленно спросила его, в чем дело, он ответил: «У меня нет друзей и близких. Тяжело». Я подумала тогда, каким одиноком делает человека его работа»²⁰⁷.

26 июня «Инсон» радировал в Центр: «Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу. Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». Последняя часть этого сообщения была в срочном порядке разослана членам ГКО, наркому обороны и начальнику Генерального штаба²⁰⁸.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1977. С. 29.

² Hull Cordell. The Memoirs of Cordell Hull. Ed. By Walter Johnson. New York: Macmillan, 1948. V. 1. P. 969.

³ Toland J. The Rising Sun. New York, 1971. P. 74—75.

⁴ Дело Рихарда Зорге... С. 111—112.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 323.

⁶ Дайтоа сэно кокан сэи си (Официальная история войны в Великой Вос-

точной Азии). Токио, 1968. Т. 20. С. 235; Butow Robert. Tojo and the Coming of the War. Princeton, Princeton University Press, 1961. P. 205—207; Lensen George F. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations During the Second World War 1941—1945. Tallahassee: The Diplomatic Press, 1972.

⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидцев. М., 1958. Т. 1. С. 248.

⁸ Там же.

⁹ По данным на май 1942 года, в войсках Центрального правительства Чан Кайши насчитывалось свыше 300 дивизий и свыше 3 млн человек. См.: *Владимиров П. П.* Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973. С. 25—26.

¹⁰ 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. С. 508.

¹¹ Там же. С. 504.

¹² Генерал-майор А. Г. Самохин, военный атташе СССР в Югославии.

¹³ 1941 год. Кн. 1. С. 573.

¹⁴ Цит. по: *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 586.

¹⁵ 1941 год. Кн. 1. С. 604.

¹⁶ «Марита» — план операции против Греции.

¹⁷ «Зонненблуме» («Подсолнечник») — план переброски немецких войск в Северную Африку.

¹⁸ Deutsches Militararchiv, Potsdam, W. 31005, Bl. 114—117; 1941 год. Кн. 1. С. 661—664.

¹⁹ 1941 год. Кн. 1. С. 650. Имеется резолюция: «Инф[ормационный отдел]. Доложить с картой. Голиков. 14.02.41 г.».

²⁰ Шандор Радо — нелегальный резидент Разведуправления в Швейцарии под прикрытием директора картографического агентства.

²¹ 1941 год. Кн. 1. С. 676. Имеется резолюция: «НО-1. Это вероятно... деза. Надо указать „Доре“. Голиков. 20.02.41 г.» Для Голикова сведения Ш. Радо представлялись совершенно невероятными, т. к., по оценкам Разведуправления, общая группировка германских войск в Восточной Пруссии и на территории Польского генерал-губернаторства на 1 февраля 1941 года насчитывала 73 расчетных дивизии. Если даже добавить сюда всю группу Бласковица в Румынии (14 дивизий), то получится 87 — почти вдвое меньше цифры, указанной в донесении Радо.

²² 1941 год. Кн. 1. С. 683. Никаких помет на донесении нет. По-видимому, уж очень неправдоподобным казалось сообщение не только о нападении Германии, но и об ударе 120 немецких дивизий в районе Пинска — к тому времени, по оценкам Разведуправления, немцы имели на границе с СССР всего около 80 дивизий и признаков массированных перебросок немецких войск не наблюдалось.

²³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 621—629.

²⁴ Дело Рихарда Зорге... С. 112.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 629—630.

²⁷ Цит. по: *Корольков Ю. М.* Кио ку мицу! Роман-хроника. М., 1981. С. 418.

²⁸ Военный атташе полковник Кречмер, назначенный вместо полковника Матски.

²⁹ Дело Рихарда Зорге... С. 113.

³⁰ Имеются в виду неудачные действия итальянских войск в Северной Африке и Греции.

³¹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 173—174.

³² Дело Рихарда Зорге... С. 114—115.

³³ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 26.

³⁴ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 319.

³⁵ 1941 год. Кн. 1. С. 791—793.

³⁶ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 24 127, д. 2, л. 247—248.

³⁷ Цит. по: *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 88.

³⁸ Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 631, 635—636.

³⁹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 427.

⁴⁰ *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая

история 1937—1945 годов. М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999. С. 227.

⁴¹ Полный текст беседы см.: 1941 год. Кн. 2. С. 69—74.

⁴² По-видимому, имеется в виду мнение германского руководства.

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 41.

⁴⁴ А. М. Коротков, заместитель руководителя «легальной» берлинской резидентуры внешней разведки НКГБ СССР.

⁴⁵ Харро Шульце-Бойзен, обер-лейтенант, сотрудник отдела внешних сношений штаба ВВС Германии.

⁴⁶ Ганс Кребс, полковник, в марте 1941 года с должности начальника штаба 7-го армейского корпуса был назначен исполнять обязанности германского военного атташе в Москве вместо заболевшего генерал-лейтенанта Кёстринга. В начале мая Кёстринг вернулся в Москву, а Кребс уехал в Берлин.

⁴⁷ 1941 год. Кн. 2. С. 91.

⁴⁸ Борисов Ю. А. СССР и США — союзники в годы войны 1939—1945 гг. М., 1983. С. 41.

⁴⁹ Цит. по: Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 233—234.

⁵⁰ Цит. по: Кошкин А. А. Стратегия «спелой хурмы». С. 90.

⁵¹ Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 92.

⁵² ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 24 127, д. 2, л. 300.

⁵³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 76.

⁵⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 334—335, 338—339.

⁵⁵ От «мемория» — памятная записка, выписка, представленная на утверждение. Все оригиналы разведывательных донесений излагались также в форме памятных записок с указанием резолюций начальника. Однако часто не все пометы на полях разведдонесений указывались в таких записках, что, естественно, по сравнению с оригиналами снижает их ценность для исследователей.

⁵⁶ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 176.

⁵⁷ Там же. С. 176—177.

⁵⁸ Тайхэйэй сэнсэ си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972—1973. С. 66. Цит. по: Кошкин А. А. Стратегия «спелой хурмы». С. 91.

⁵⁹ Тайхэйэй сэнсэ-со но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 5. Токио, 1963. С. 300. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 91.

⁶⁰ Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 85.

⁶¹ Генеральный штаб сухопутных войск Германии разрабатывал детальные планы совместного наступления немецко-болгарских войск на Турцию с последующим выходом в Сирию. См.: Гальдер Ф. Указ. соч. С. 356—357. (Запись от 10 февраля 1941 г.).

⁶² См.: 1941 год. Кн. 1. С. 695.

⁶³ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки. М.: Мысль, 1988. С. 209.

⁶⁴ См.: 1941 год. Кн. 1. С. 704.

⁶⁵ Курт Велькиш, атташе посольства Германии в Румынии.

⁶⁶ См.: 1941 год. Кн. 1. С. 706, 708.

⁶⁷ Арвид Харнак, референт рейхсминистерства экономики Германии.

⁶⁸ Цит. по: 1941 год. Кн. 1. С. 717.

⁶⁹ См.: Там же. С. 735.

⁷⁰ См.: Там же. С. 736.

⁷¹ Дело Рихарда Зорге... С. 114.

⁷² См.: 1941 год. Кн. 1. С. 741—746.

⁷³ См.: Там же. С. 770.

⁷⁴ См.: Там же. С. 771.

⁷⁵ Г. М. Еремин, 3-й секретарь полпредства СССР в Румынии.

⁷⁶ См.: 1941 год. Кн. 1. С. 775.

⁷⁷ Там же. С. 776—780. Когда Голиков, будучи уже Маршалом Советского Союза, в апреле 1963 года по его просьбе был ознакомлен с этим докладом, он заявил начальнику Центрального архива Министерства обороны, что все правильно изложено. В отношении выводов он сказал, что «они значения не имеют».

⁷⁸ См.: Гальдер Ф. Указ. соч. С. 409, 412. (Записи от 17 и 18 марта 1941 года). Командование сухопутных войск считало, что в первую очередь необходимо

захватить Москву, тогда можно будет добиться всех целей, в том числе и тех, о которых говорил Гитлер. Поэтому оно настаивало на том, чтобы после выхода к Днепру продолжать наступление на Москву.

⁷⁹ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3. Война на два фронта. М.: Воениздат, 1976. С. 362—409.

⁸⁰ А. З. Кобулов, «легальный» резидент НКВД—НКГБ СССР в Берлине.

⁸¹ См.: 1941 год. Кн. 2. С. 14.

⁸² Там же.

⁸³ Орестес Берлингс, корреспондент латвийских изданий в Берлине. Был внедрен германскими спецслужбами в окружение резидента А. Кобулова.

⁸⁴ Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 15.

⁸⁵ Там же. С. 83.

⁸⁶ Соколов В. В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 году // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

⁸⁷ Идея предъявления ультиматума СССР никогда не обсуждалась в окружении Гитлера как реальное немецкое намерение, а была лишь частью дезинформационных мероприятий. К сожалению, она дошла до Москвы из источников, обычно дававших серьезную информацию. Эта же дезинформация поступила от известного агента-двойника О. Берлингса («Лицеист»). Тем не менее идея ультиматума очень хорошо вписывалась в концепцию Сталина — Молотова о возможности путем переговоров (их Молотов назвал «большой игрой») отвести угрозу нападения летом 1941 года. Подобные сообщения вполне могли использоваться Сталиным, когда ему приходилось отклонять требования военного руководства о нанесении превентивного удара по немецким войскам.

⁸⁸ См.: 1941 год. Кн. 2. С. 49, 82.

⁸⁹ Там же. С. 87.

⁹⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 475.

⁹¹ 1941 год. Кн. 2. С. 91—96.

⁹² Churchill W. The Second World War. London. 1950, vol. 3. P. 320. 15 августа 1942 года во время встречи Сталина с Черчиллем последний заявил, что предупреждал Сталина о предстоящем нападении на СССР весной 1941 года. Когда 25 марта 1941 года принц-регент Югославии Павел подписал с Гитлером пакт о нейтралитете, германское командование издало приказ об отправке в Краков трех из пяти танковых дивизий, находившихся на Балканах. Началась немедленная погрузка этих дивизий в железнодорожные вагоны. Через десять дней в Югославии произошел переворот, и три танковых дивизии были возвращены для действий против нее. Когда Черчилль узнал об этой переброске танковых дивизий с Балкан в Краков, он был уверен в том, что Германия нападет на СССР. На это Сталин ответил, что никогда в этом не сомневался и что он хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению. «См.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. С. 18.» История вручения послания Черчилля Сталину от 03.04.1941 года крайне характерна для состояния советско-английских отношений в начале 1941 года. Английская разведка располагала уникальным источником — методом расшифровки немецкой шифропереписки с помощью машин «Энигма» (т. н. операция «Ультра»). Когда именно этот источник сигнализировал о немецких приготовлениях, Черчилль решил в какой-то форме довести до Сталина наличные факты, не раскрывая источника. Советско-английские отношения тогда были достаточно напряженными, многочисленны попытки найти общий язык с СССР не имели успеха. 3 апреля Черчилль составил текст послания Сталину и передал его в Москву послу Криппсу. Однако английскому послу не удалось встретиться ни со Сталиным, ни с Молотовым. Криппс предложил, чтобы послание было передано в Лондоне послу СССР И. М. Майскому, что было сочтено неприемлемым. При этом сам Криппс сомневался, произведет ли послание Черчилля должное впечатление, и боялся, что оно будет «неправильно понято» в Москве как попытка поссорить СССР с Германией. Кроме того, само предупреждение Черчилля было составлено весьма неопределенно и запоздало по времени. В конце концов Криппс, получив текст послания дипломатической почтой, передал его А. Я. Вышинскому 19 апреля.

- ⁹³ 1941 год. Кн. 2. С. 51.
- ⁹⁴ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1977. С. 328..
- ⁹⁵ См.: 1941 год. Кн. 2. С. 100. Строительство немцами укреплений в приграничной полосе также входило в комплекс дезинформационных мероприятий. Об этом имеется запись в дневнике Гальдера от 17 марта 1941 года: «Транспортные перевозки по требованию [немецких] ВВС начаты раньше. Поэтому внимание [русских] уже усилилось... Контрмероприятия: окопно-земляные работы — также и в генерал-губернаторстве...» См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 405.
- ⁹⁶ См.: 1941 год. Кн. 2. С. 107.
- ⁹⁷ Следует отметить, что дата 22 июня называлась британским послом за неделю до того, как она была официально утверждена Гитлером, поэтому вряд ли она была следствием наличия какой-то информации.
- ⁹⁸ 1941 год. Кн. 2. С. 112.
- ⁹⁹ Там же. С. 109.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 112.
- ¹⁰¹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 484—485.
- ¹⁰² 1941 год. Кн. 2. С. 113—117.
- ¹⁰³ Там же. С. 119.
- ¹⁰⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 469, 473, 485.
- ¹⁰⁵ 1941 год. Кн. 2. С. 128—129.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 120—121.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 133.
- ¹⁰⁸ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 362—409.
- ¹⁰⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 420. В дневниковой записи Гальдера от 25 марта 1941 года говорится: «Сравнение русских и германских сил в отношении готовности. До 20.4 мы гораздо слабее русских. После 20.4 дивизии начнут поступать в таком количестве, что эта опасность будет полностью устранена...» — См.: Гальдер Ф. Военный дневник. С. 419.
- ¹¹⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 449.
- ¹¹¹ Там же. С. 451.
- ¹¹² Burns J. M. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 77.
- ¹¹³ Советник и специальный помощник президента США Ф. Рузвельта в период Второй мировой войны.
- ¹¹⁴ Цит. по: Мальков В. Л. Франклин Рузвельт... С. 211.
- ¹¹⁵ Дуглас Гамильтон, герцог, лорд Клайсдейл, офицер британских ВВС. Гесс познакомился с Гамильтоном в 1936 году во время Олимпийских игр в Берлине.
- ¹¹⁶ А. В. Горский, резидент советской внешней разведки в Лондоне, организатор деятельности так называемой «Кембриджской группы» (Г. Берджес, Э. Блант, Д. Маклейн, К. Филби и др.).
- ¹¹⁷ Ким Филби, источник советской внешней разведки в Великобритании.
- ¹¹⁸ Принятое во внешней разведке НКГБ СССР кодовое наименование Форин Офиса — британского министерства иностранных дел.
- ¹¹⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 523—526.
- ¹²⁰ 1941 год. Кн. 2. С. 248—249.
- ¹²¹ Там же. С. 249—250.
- ¹²² Там же. С. 249.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 153. Содержание телеграмм Криппса от 23 апреля 1941 года было доложено Сталину начальником 1-го управления НКГБ СССР Фитиным 5 мая.
- ¹²⁵ Карл Эйкоф, источник берлинской резидентуры внешней разведки НКГБ СССР.
- ¹²⁶ Гальдер оценивал ежемесячные потребности в каучуке в 8—8,5 тыс. тонн и прогнозировал, что с конца мая сырьевая база иссякнет и все будет зависеть от импорта (12 тыс. тонн из Индонезии). См.: Гальдер Ф. Указ. соч. С. 339.
- ¹²⁷ Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 149—150.
- ¹²⁸ Там же. С. 150.

- ¹²⁹ Там же. С. 152.
- ¹³⁰ П. И. Гудимович, резидент советской внешней разведки в Варшаве под прикрытием коменданта советского полпредства.
- ¹³¹ 1941 год. Кн. 2. С. 154—155.
- ¹³² Цит. по: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 502, 504.
- ¹³³ 1941 год. Кн. 2. С. 177.
- ¹³⁴ Там же. С. 178.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Йончо Берберов, источник болгарской резидентуры Разведуправления.
- ¹³⁷ 1941 год. Кн. 2. С. 178—179.
- ¹³⁸ Там же. С. 180.
- ¹³⁹ Там же. С. 195—196.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 213—215.
- ¹⁴¹ Там же. С. 215—220.
- ¹⁴² Павел Шатев, источник болгарской резидентуры Разведуправления.
- ¹⁴³ 1941 год. Кн. 2. С. 224.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 224.
- ¹⁴⁵ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 542.
- ¹⁴⁶ 1941 год. Кн. 2. С. 259.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 271—273.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 293—294.
- ¹⁴⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 492.
- ¹⁵⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 362—409.
- ¹⁵¹ На самом деле операцию против Гибралтара (операция «Феликс») и наступление на Египет предусматривалось осуществить по окончании операции «Барбаросса». См.: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 377.
- ¹⁵² 1941 год. Кн. 2. С. 270—271.
- ¹⁵³ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 553.
- ¹⁵⁴ 1941 год. Кн. 2. С. 306.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 307—308.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 312.
- ¹⁵⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 563.
- ¹⁵⁸ 1941 год. Кн. 2. С. 333.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 338—340.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 342—343.
- ¹⁶¹ Там же. С. 350.
- ¹⁶² Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 571, 573, 575.
- ¹⁶³ Известия. 1941. 14 июня.
- ¹⁶⁴ 1941 год. Кн. 2. С. 395.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 365.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Вестник МИД СССР. 1990. № 8. С. 77.
- ¹⁶⁸ Так в тексте сообщения.
- ¹⁶⁹ 1941 год. Кн. 2. С. 382—383.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 391.
- ¹⁷¹ Там же. С. 396.
- ¹⁷² Там же. С. 398.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 580.
- ¹⁷⁵ Судя по данным Гальдера, в немецкой группировке против СССР насчитывалось 14 моторизованных и 19 танковых дивизий. См.: Гальдер Ф. Указ. соч. С. 582—583.
- ¹⁷⁶ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 495.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 582. Речь идет о частях ЗапОВО на гродненском направлении, на котором немецкое командование собиралось наносить один из ударов под основание Белостокского выступа.
- ¹⁷⁸ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 179. Телеграмма датируется 2 мая, но поступила в Разведуправление 6 мая.

¹⁷⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 179—180.

¹⁸⁰ Там же. С. 180.

¹⁸¹ Северо-Американские Штаты, т. е. США.

¹⁸² ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 87.

¹⁸³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 537.

¹⁸⁴ Там же. С. 560.

¹⁸⁵ Так в тексте. Должно быть — Рейхенау. Генерал-фельдмаршал Рейхенау в то время был командующим войсками немецкой 6-й армии, входившей в группу армий «Юг».

¹⁸⁶ Подчеркнуто рукой Голикова.

¹⁸⁷ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 181.

¹⁸⁸ Мемо из телеграммы «Рамзая» № 141 от 15.6.41 // ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 88.

¹⁸⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 181.

¹⁹⁰ Все подчеркивания в тексте, очевидно, сделаны рукой Голикова. Напротив последнего абзаца на полях рукой Голикова поставлен большой вопросительный знак.

¹⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 24127, д. 2, л. 424.

¹⁹² Дело Рихарда Зорге... С. 120—121; ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 88.

¹⁹³ ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5840, д. 7, л. 88.

¹⁹⁴ Дело Рихарда Зорге... С. 120; ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 24127, д. 2, л. 453.

¹⁹⁵ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 182—183.

¹⁹⁶ Это первая из известных телеграмм, подписанная новым псевдонимом Зорге. Она опровергает появившиеся в последнее время предположения, что якобы после 22 июня в Москве решили сменить псевдоним Зорге с «Рамзая» на «Инсона», чтобы таким образом «подвести черту под прошлым» и показать, что руководство кардинальным образом пересмотрело свое прежнее негативное отношение к информации Зорге. Очевидно, что изменение псевдонима диктовалось оперативными соображениями и в первую очередь скорее всего в связи с надвигавшейся угрозой войны. Тогда же сменили псевдоним Одзаки («Отто») — он стал «Инвестом», Мяги («Джо») — «Интер». Как отмечает Ю. В. Георгиев, псевдоним Одзаки «Инвест» являлся сокращением английского слова investigation (исследование) — намек на то, что Одзаки работал в исследовательском отделе Токийского филиала корпорации «Мантэцу». По словам Клаузена, псевдоним «Инвест» был дан Одзаки в 1941 году выходящим на связь с группой Зорге вторым секретарем советского посольства в Токио В. С. Зайцевым. Что касается еще одного его псевдонима — «Отто», то его еще в Шанхае придумала Агнес Смелли. См.: Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. Ч. 1. С. 159.

¹⁹⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 542.

¹⁹⁸ Сахаров В. Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге...) // Молодая гвардия. 1991, № 10. С. 228—243.

¹⁹⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 186.

²⁰⁰ Цит. по: Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1989. С. 168—169.

²⁰¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 227.

²⁰² Там же. С. 294.

²⁰³ Начальник оперативного управления германского генерального штаба Адольф Хойзингер 13 июня 1941 года доложил Гитлеру, что сухопутные войска готовы к нападению на СССР. 153 дивизии, 3700 танков, 4900 самолетов, 47 200 орудий и минометов. Кроме того, 37 дивизий стран-сателлитов, включенных в огромную германскую военную машину, также находились в полной готовности к участию в войне против СССР. Таким образом, в агрессии было задействовано в общей сложности 190 дивизий.

²⁰⁴ Имеется в виду сообщение агента 2-го управления НКГБ от 3 июня 1941 года. См.: 1941 года. Кн. 2. С. 307—308.

²⁰⁵ Сахаров В. Указ. соч.

²⁰⁶ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. Ч. 1. С. 155; Дело Рихарда Зорге... С. 13; Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 427.

²⁰⁷ Цит. по: Георгиев Ю. В. Рихард Зорге... С. 156—157.

²⁰⁸ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 185.

ТРИУМФ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Тот, кто ставит людей соответственно их моши, заставляет их идти в бой так же, как катят деревья и камни. Природа деревьев и камней такова, что, когда место ровное, они лежат спокойно; когда оно покатое, они приходят в движение; когда они четырехугольны, они лежат на месте; когда они круглы, они катятся.

Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве¹

«НЕ ВОЙДЯ В ПЕЩЕРУ ТИГРА, НЕ ВЫТАЩИШЬ ТИГРЕНКА...»

Нападение 22 июня 1941 года Германии на Советский Союз не было неожиданным для японского кабинета. Еще 16 апреля посол Осима со всей определенностью сообщил из Берлина о готовившемся германском нападении. Об этом также сообщали японские военные атташе в других европейских странах. 28 апреля Осима еще раз в своей телеграмме подтвердил свое прежнее отношение и одновременно рекомендовал: «После начала германо-японской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса об СССР»².

28 мая Риббентроп проинформировал Мацуоку о том, что война между Германией и СССР неизбежна, немецкая армия закончила развертывание и СССР будет разбит в течение двух-трех месяцев³. Наконец, 6 июня Осима прислал телеграмму в Токио: Гитлер в беседе с ним совершенно определенно высказался, что Германия имеет намерение выступить против Советского Союза и что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава». Одновременно Осима сообщил, что Гитлер хотел бы, чтобы Япония вступила в войну против СССР⁴.

Эта телеграмма была рассмотрена на совещании координационного комитета правительства императорской ставки, который немедленно собрался для определения позиции Японии в случае возникновения конфликта. Однако представители верховного командования и Мацуока решительно отвергли предположение о возможной войне между Германией и СССР. При этом Коноэ, Кидо и ряд влиятельных военных настаивали на сохранении прежнего плана продвижения Японии в южном направлении.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ОТНОСИТЕЛЬНО
ПЕРЕХВАЧЕННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА
В ТОКИО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
Э. ИДЕНУ

24 июня 1941 г.

[...]

Германский посол оказывает сильнейшее давление на Мацуоку, пытаясь добиться от него активного выступления Японии на стороне Германии. Он обещает японцам Приморскую область и все, что он может только придумать. Должно ли японское участие выразиться в вооруженном выступлении или же только в мероприятиях по недопуску пароходов со снабжением и прочим во Владивосток, пока еще не ясно.

Для противодействия немецким интригам английский посол выдвигает проект посылки Иденом личного письма на имя Мацуоки с доводами в пользу соблюдения Японией строжайшего нейтралитета в советско-германской войне⁵.

Вместе с тем японский посол в СССР Татэкава Ёсицугу сообщал из Москвы, что в ближайшее время германо-советская война маловероятна.

Уже после начала войны на очередной встрече Татэкавы с В. М. Молотовым 29 июня последний сам констатировал, что Мацуока, следовательно, вовсе не был информирован во время его поездки в Европу о возможности возникновения войны между СССР и Германией. Значит, добавлял нарком, Мацуоку там оставили в неведении о существовании такого рода планов.

Татэкава на это ответил, что ему самому это кажется странным, так как является совершенно бесспорным факт, что 5 апреля Мацуока, покидая Берлин, не был ни о чем информирован. Правда, добавил Татэкава, в конце апреля послу Осиме в Берлине сделали некоторый намек в этом смысле, но в тот момент, отмечал Татэкава, в Токио этому не поверили. Затем Татэкава сказал, что если японскому правительству и стало известно об общих планах Германии в отношении СССР, то лишь за 2—3 дня до событий. В подтверждение высказанной им мысли, что Япония не была осведомлена о таком обороте дела, говорило еще и то, что последний дипломатический курьер отправился из Токио в Германию 20 июня, а Татэкава отправил двух своих секретарей в Германию в отпуск и вот «они там теперь застряли». Наконец, добавлял посол, 21 июня он отправил в Иран одного секретаря посольства и атташе, о которых вот уже несколько дней нет никаких сведений. Таким образом, заключал Татэкава, японское правительство, очевидно, не было точно информировано.

То, что говорил Татэкава Мологову, конечно же, было дипломатической игрой. Там, где дипломатии не требовалось, японский посол был по-военному прямолинеен. Уже 5 июля он, например, сообщил в Токио, что «Красная Армия потеряла веру в победу и падение Москвы является лишь вопросом времени». Далее он рекомендовал «самостоятельно решить вопрос о Дальнем Востоке»⁶.

В любом случае ясно одно: 20 июня, как Одзаки сообщил Зорге, японский генштаб уже обсуждал вопрос о позиции, которая будет занята Японией в случае войны.

23 июня Зорге получил указание из Москвы: «Сообщите Ваши данные о позиции японского правительства в связи с войной Германии против Советского Союза. Директор»⁷.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ИЗ ХАРБИНА

27 июня 1941 г.

В связи с нападением Германии на Советский Союз отмечается первая реакция Японии на это сообщение:

Местные японские верхи хранят молчание. Ряд факторов говорит о том, что ожидают результатов хода событий на Западе. По сообщению наших источников в Харбине, Германия ультимативно потребовала от Японии как от державы оси в четырехдневный срок определить свою позицию. Эти же источники сообщают, что Япония начала стягивать войска и артиллерию к границам МНР, усилена боевая подготовка. Среди японского населения усилилась тревога возникновения войны с СССР. По непроверенным данным идет призыв японских резервистов⁸.

Заседания координационного комитета правительства и императорской ставки начались 15 июня и проходили непрерывно до 2 июля. В ходе этих заседаний главным проводником линии на войну с СССР стал Мацуока. Он с самого начала настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления против СССР.

Уже 22 июня Мацуока обратился к императору с предложением напасть на Советский Союз. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию». Япония должна совместно с Германией нанести удар по Советскому Союзу. Для этого предлагалось несколько отсрочить выступление на юге. «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»⁹, — заявил Мацуока.

23 июня 1941 года состоялась встреча Мацуоки с советским послом в Японии К. А. Сметаниным, который поставил перед мини-

стром иностранных дел вопрос о позиции Японии в отношении советско-германской войны.

В дневнике Сметанина записано: «...Я задал Мацуоке основной вопрос о позиции Японии в отношении этой (советско-германской) войны и будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает СССР в соответствии с Пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля с. г.

Мацуока уклонился от прямого ответа и заявил, что его позиция по этому вопросу была изложена в свое время (22 апреля с. г.) в его заявлении после возвращения из Европы. И тут же Мацуока подчеркнул, что основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете „не будет иметь силы“. Но что окончательно позиция Японии выявится после завтрашнего заседания кабинета.

Вслед за этим Мацуока стал подробно говорить о том, что он не ожидал такого оборота, и стал защищать позицию Германии, в частности подчеркнув, что в связи с отъездом английского посла Криппса из Москвы у него самого возникла мысль „о сговоре СССР с англосаксонским блоком“.

Далее Мацуока заявил, что ему трудно сейчас разобраться и выяснить, „кто прав и кто виноват“, и что он снова подробно ознакомится со всеми материалами, в частности с заявлением В. М. Молотова, и после этого будет иметь свое суждение.

Я просил Мацуоку быть объективным в своих анализах настоящих фактов, как подобает деятелю, которого советский народ принимал у себя, считал и считает сторонником улучшения дружественных отношений между СССР и Японией»¹⁰.

Наиболее драматичные события в Токио развернулись начиная с 25 июня. На заседании координационного комитета Мацуока перешел в решительное наступление, заявив, что если бы он знал о том, что Германия объявит войну России, он не стал бы заключать Пакт о нейтралитете и предпочел бы занять в отношении Германии более дружественную позицию. Военный министр Тодзио возразил ему: «Переброска дальневосточных войск на Запад, вне всякого сомнения, оказывает сильное воздействие на Германию, но, разумеется, Япония не должна излишне переживать по этому поводу. Мы не должны полностью полагаться на Германию». Военно-морской министр Оикава поддержал его, заявив, что флот не может вести войну одновременно с США, Британией и Советским Союзом. «Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т. д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты». Оикава был катего-

ричен: не следует планировать удар по России, не следует ее провоцировать, нужно готовиться к движению на юг.

Тогда Мацуока решил «нажать» на национальные интересы Японии. Он сказал, что Германия победит и завладеет Советским Союзом, а Япония не сможет воспользоваться плодами победы. Нужно ударить по России, когда войска противника будут переброшены из Сибири на Запад.

26 июня заседание координационного комитета возобновилось. Начальник генерального штаба армии Сугияма, отвечая на вопрос Мацуоки, что важнее для Японии — Юг или Север, сказал: «Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация». Сугияму поддержал его заместитель генерал Цукада: все будет зависеть от обстановки, потому что мы не можем действовать в обоих направлениях одновременно, а в данный момент невозможно решить, где нужно ударить в первую очередь, — на Севере или на Юге. При этом Цукада особо подчеркнул, что выбор Японии будет зависеть не от обязательств перед Германией, а только от ее собственной оценки «особо благоприятных условий». Он заявил следующее: «Даже если Германия будет считать условия особо благоприятными, но они не будут благоприятными для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, мы выступим, если они будут благоприятными для нас».

И тут глубокомысленно высказался барон Хиранума, занимавший пост министра внутренних дел: «А нельзя ли вступить в войну без применения вооруженных сил?» Мацуока тут же ухватился за эту идею: конечно, между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может быть определенный период.

25 июня в Разведуправлении получили телеграмму от военного атташе в Токио Гушенко. В сообщении давался анализ общественного мнения японцев, для которых, по заключению советского ВАТа, нападение Германии на СССР было полной неожиданностью. С другой стороны, весьма распространенным было мнение, что Японии не следует воевать против СССР, так как от этого она не получит ничего, а воевать в пользу Германии «могут только дураки». А у Японии с СССР выгодные экономические связи. Наконец, все и так уже устали от войны в Китае. Одновременно Гушенко подчеркнул значительную ответственность немецкой пропаганды, развернувшейся в печати, о «победах германского оружия», чему многие японцы верили.

Однако наиболее важным в телеграмме было следующее (Голиков отчеркнул это на полях): «Правительство уже три дня совещается и не может принять решения по вопросу своего отношения к войне. Есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были ярыми противниками СССР, но под впечатлением речи Чер-

чилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно. Народ верит, что будет принято решение — в войну не вступать... Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пушены все средства фашистской клеветы и демагогии». Однако в качестве вывода Гущенко писал: «Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравого учета внутренней обстановки»¹¹. Сообщение Гущенко показывало, что аппарат советского военного атташе в Токио был достаточно хорошо информирован о событиях, происходивших в японском руководстве.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Токио, 26 июня 1941 г.

В связи с началом советско-германской войны внешнеполитические действия правительства Японии, вероятно, будут следующими:

Япония сейчас не имеет активных намерений против СССР, как то: объявить войну и встать на стороне Германии. Хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика, но по крайней мере в настоящее время таких намерений нет. В отношении СССР не будет предъявлено каких-либо требований и не будет объявлено своего определенного отношения. Япония хочет молча смотреть на развитие войны. Говорят, что такая политика Японии объясняется следующими причинами: Япония не готова воевать с СССР. Не следует спешить с войной, т. к. если это нужно будет сделать, то чем позднее это случится, тем меньше жертв понесет Япония.

В последнее время в Японии много говорят о пересмотре военного союза трех держав в связи с усилением опасения войны с Америкой. 30 мая Мацуока в своей речи о внешней политике признал, что это мнение в Японии довольно сильно распространено. Если Япония начнет войну против СССР, то Америка начнет войну против Японии и последняя будет вынуждена бороться на два фронта. Короче говоря, Япония сейчас пересматривает свою внешнюю политику и поэтому ее отношение к СССР еще не определено.

Авторитетные японцы считают, что японская экспансия на юг скоро не осуществится, т. к. морской флот относится к этому весьма осторожно, а что касается севера, то армия к этому не подготовлена¹².

3 июля в Москве получили радиограмму Зорге, которая была датирована 26 июня и дополняла информацию Гущенко и политической разведки: «Посол Отт не имеет приказа давить на Японию вступать в войну. По сведениям «Отто» (Зорге употребил старый псевдоним Одзаки. — *Авт.*), японский флот намерен наблюдать и выжидать в отношении вступления в войну. Мацуока не питает никаких надежд на

взаимопонимание с Америкой. Однако он заверил посла Отта, что безусловно после некоторого времени Япония выступит против СССР».

27 июня в Токио продолжилось заседание координационного комитета. Мацуока опять взял инициативу в свои руки. Он сослался на сообщения посла Осимы из Берлина о том, что Япония может оказаться в затруднительном положении, поскольку германо-советская война завершится в короткие сроки, а германо-британская война будет закончена осенью или до конца 1941 года. В связи с этим, по его мнению, надо нанести сначала удар на севере. «Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят, — возбужденно доказывал Мацуока. — США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. Если мы пойдем вначале на юг, нам придется воевать с Британией и с Соединенными Штатами».

Японские генералы и адмиралы слушали тираду Мацуоки с каменными лицами. Тогда он бросил свою козырную карту: «Поймите, мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы должны сначала ударить на севере, а затем нанести удар на юге. Если ничего не предпринимать, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия».

И тут встал военный министр Тодзио и спросил: «Как соотносится эта проблема с китайским инцидентом?» На это Мацуока решительно заявил, что если японские войска пройдут даже половину пути до Иркутска, то это сможет повлиять на Чан Кайши и заставит его просить мира с Японией. Поэтому нужно ударить на север, если даже для этого придется ослабить нажим в Китае.

Тодзио категорически не согласился с этим: «Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено». Его поддержал военно-морской министр Оикава, заявив, что мировая война продлится десять лет, за это время проблема с Китаем разрешится и можно будет нанести удар на севере.

Тогда Мацуока попробовал призвать к «нравственным началам в дипломатии», сказав, что нельзя отказываться от Тройственного пакта, потому что этого не поймут союзники и тогда Японии нужно быть готовой к «неопределенному будущему». Даже если выступление против СССР требует определенного времени на подготовку, нужно уже сейчас принять решение о выступлении на Севере и сообщить об этом намерении Германии.

И тут заговорил генерал Сугияма, причем в его голосе явно чувствовалось раздражение: «Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы на-

ходятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Мы не можем сейчас решить, будем мы наносить удар на север или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от 40 до 50 дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться».

«Я хотел бы, чтобы было принято решение напасть на Советский Союз», — продолжал настаивать Мацуока. «Нет!» — резко ответил Сугияма. Его поддержал и начальник военно-морского генерального штаба адмирал Нагано.

27 июня Зорге получил радиогранму из Москвы: «В Токио. Тов. Инсону (Рамзаю). Сообщите какое решение принято японским правительством в отношении нашей страны в связи с войной между СССР и Германией. Случаях перебросок войск нашим границам немедленно сообщайте нам»¹³. Подпись: «Организатор» — кодовое имя начальника Дальневосточного отдела Разведуправления.

28 июня Зорге подготовил новую радиогранму в Центр.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 28 июня 1941 г.

Решение о движении на Сайгон было принято под давлением радикальных элементов, которые требовали действий, но при условии избежания конфликта с Америкой и, во-вторых, чтобы выиграть время в течение германо-советской войны.

Источник Инвест утверждает, что как только Красная Армия получит поражение, Япония выступит на север, но указал, что Япония желает купить Сахалин мирным путем, как случай (два слова искажены)... политики в период советско-германской войны.

Германский посол Отт подтверждал в отношении первой части этого, но Мацуока на вопрос Отто в отношении второй части сказал, что Япония выступит против СССР, как он об этом всегда заверял его. Затем Мацуока сказал послу Отту, что император согласился на движение в Сайгон еще некоторое время тому назад и что это не может быть изменено в данное время. Поэтому Отт понял, что Япония не выступит на север сейчас.

Инвест сказал, что прибытие генерала Ямаситы будет иметь большое влияние на выступление Японии на юг или север, но само решение о выступлении даже Ямасита изменить уже не сможет. Прибытие Сигэмицу и переговоры в Вашингтоне будут также иметь некоторое влияние на дальнейшие решения.

Американский ответ в отношении сближения прибыл удовлетворительный, но еще не известен, но утверждают, что ответ в общем

касается Китая и что Япония получает большое экономическое преимущество в Китае, если она не будет претендовать на южные моря и расторгнет пакт трех держав.

Инвест скоро будет иметь более полную информацию.

№ 156,157,158.159. Инсон.

Перевел полковник Рогов.

Резолюция НУ: «НО-9. Разослать тт. Сталину, Молотову, НГШ. Голиков».

Отметка о рассылке: «Разослано т. Сталину, т. Молотову, т. Жукову. 4.7.1941 г. 17 ч. 40 мин.»¹⁴.

Очевидно, что после составления текста радиограммы Зорге решил не отправлять ее сразу и подождать развития событий, поэтому Клаузен отправил ее в Москву только 4 июля.

В понедельник 30 июня заседание японского правительства и императорской ставки в Токио были продолжены. Мацуока по-прежнему гнул свою линию, пугая тем, что при движении на юг придется столкнуться с «серьезной проблемой». А может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? Великие люди должны уметь менять свое мнение. К тому же если Япония оккупирует Южный Индокитай, то возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т.д.

На это тут же возразил генерал Мута, начальник управления военных дел военного министерства Японии: «Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово».

Затем выступили принц Коноэ и генерал Сугияма. Их точка зрения сводилась к тому, что решение можно принять только после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точки зрения. Решение о японских планах на севере может быть принято «только после „должного учета“ требований политической стратегии, определения уровня готовности японских вооруженных сил и ситуации в мире».

Генерал Тодзио добавил к этому, что трудность принятия решения состоит в том, что Япония все еще вовлечена в «китайский инцидент». Без войны в Китае было бы легко решать.

Генерал Сугияма заявил, что имеется конкретный план выступления в южном направлении, который предусматривает продвижение до Голландской Ост-Индии, учитывая при этом возможность избежать худшего варианта — одновременного выступления против Японии Британии, США и Советского Союза. План предусматривал возможность войны только с Великобританией и США.

В дискуссию снова включился премьер-министр Коноэ. Сославшись на мнение флота, он сказал, что достичь всех целей одним ударом невозможно. На данном этапе нужно продвинуться до Французского Индокитая, а затем идти шаг за шагом.

«Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?» — спросил «герой Нанкина» принц Асака. Коноэ на секунду задумался, а затем ответил, глядя Асаке прямо в глаза: «Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью».

1 июля на заседании координационного комитета Сугияма сказал, что армия осуществляет подготовку к войне. При этом в первую очередь приводятся в боевую готовность японские войска в Маньчжурии. Сугияма особо подчеркнул, что в этом деле необходимо проявлять большую осторожность, чтобы «войска не вышли из подчинения».

Тодзио согласился с этим, указав, чтобы вся подготовка осуществлялась тайно.

С пространный речью выступил министр торговли и промышленности Кобаяси. Он поднял вопрос о ресурсах Японии. По его мнению, Япония не обладала достаточными запасами сырья и военных материалов для обеспечения военных действий на суше и на море. Поэтому необходимо произвести такие действия, чтобы полностью исключить опасность столкновения одновременно с Британией, США и Россией. Нужно тщательно изучить вопрос, куда выступать: на юг или на север именно с учетом того, что у империи нет достаточных запасов сырья и материалов. Кроме этого, нужно стремиться разрешить «китайский инцидент».

2 июля состоялось заседание в присутствии самого императора, который специально приехал из своей загородной резиденции, несмотря на жестокий зной. На заседании присутствовали принц Коноэ, военный министр Тодзио, начальник генерального штаба армии Сугияма, начальник генерального штаба военно-морского флота Нагано и многие другие. На рассмотрение собравшихся был представлен документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки».

На заседании первым выступил принц Коноэ, который остановился на следующих главных моментах:

необходимость ускоренного разрешения «китайского инцидента»;

необходимость продвижения на юг;

необходимость «избавиться от трудностей на севере».

Затем выступили Сугияма, Нагано, Мацуока, председатель Тайного совета Хара, военный министр Тодзио.

Основным содержанием выступлений было следующее. Первостепенной задачей для Японии является окончание войны в Китае, что требует ускоренного продвижения в южном направлении, чтобы нарушить связи чунцинского режима с Британией и США. С этой целью в первую очередь необходимо выйти в южную часть Французского Индокитая. Следующим шагом должно быть установление японского контроля над иностранными селтльментами в Китае. Что касается се-

верной проблемы, то Япония, действуя в духе Тройственного пакта, будет некоторое время не участвовать в германо-советской войне, поскольку имеется необходимость урегулирования «китайского инцидента» и отношений с Великобританией и США, которые находились, как выразился Сугияма, «в деликатном состоянии».

При благоприятных условиях Япония использует силу для разрешения проблемы на севере, поэтому необходимо обеспечить скрытность подготовки к военным операциям. Сугияма выразил общее мнение, заявив: «Я считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей принципиальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма».

Хара в своем выступлении подчеркнул настоятельную необходимость напасть на Советский Союз «в удобный момент». «Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен». С другой стороны, Хара высказал опасение, что продвижение в Индокитай вызовет войну с Великобританией и США, а готова ли Япония к этой войне?

Сугияма высказался за решительное проведение политики в Индокитае. Одновременно, по его мнению, необходимо было учитывать фактор германо-советской войны. Как он полагал, пока ситуация в войне развивается в пользу Германии, США не вступят в войну, даже если Япония двинется на Французский Индокитай. Ситуация в войне между Германией и СССР прояснится через 50—60 дней. За это время необходимо определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и США¹⁵.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Токио, 5 июля 1941 г.

[...]

По информации из японских правительственных кругов. Вскоре будут закончены приготовления к операциям на юге, после чего сразу же начнется наступление в этом направлении по следующему плану: посылка войск в южную часть Индокитае, оказание военной помощи Таи и далее — наступление на Сингапур. Использовать все, чтобы избежать войны с США. Если этого не удастся избежать — добиться своей цели, даже воюя с США.

Политика в отношении СССР пока определяется следующими факторами: недавно заключен договор о нейтралитете, разрыв которого вызовет возмущение населения, не закончены приготовления для похода на север; вследствие этого Япония должна занять позицию нейтралитета.

Успешно выполнив строительство нового порядка в Азии, Япония все же вступит в войну с демократическими странами и с СССР на стороне Германии, поэтому военные приготовления для движения на север должны быть ускорены с тем, чтобы в любой момент можно было бы начать военные операции против СССР¹⁶.

Зорге испытывал колоссальное напряжение: в каком направлении выступит Япония. Обнадеживала информация о принятии решения оккупировать Французский Индокитай, в том числе с целью выиграть время и посмотреть, как будут развиваться события на советско-германском фронте. Весьма симптоматичным было также то, что, несмотря на заверения Мацуоки, Отт понял: решение о выступлении на Сайгон принято окончательно и бесповоротно, никто уже его отменить не сможет и Япония не выступит сейчас на север. «В течение последних дней, — писал Отт в Берлин, — в японском кабинете происходят частые совещания в присутствии начальника штаба, но определенного решения по поводу русско-германской войны не принято. Сообщения из армии подтверждают, что началась энергичная подготовка к нападению на Россию, однако она займет по меньшей мере шесть недель, если не произойдет решающего ослабления России на Дальнем Востоке. Согласно достоверным секретным сообщениям, премьер Коноэ и большинство членов кабинета стоят на том, что не следует предпринимать ничего такого, что ухудшит военное положение в Китае. Все это может помешать действиям Японии на севере»¹⁷. Отт попросил Зорге отредактировать эту телеграмму, и тот охотно согласился. Информация Отта подтверждала сведения, которыми располагал Зорге.

Но окончательное подтверждение пришло от Одзаки. Согласно версии, описанной впоследствии Сайондзи в своих мемуарах, Одзаки узнал от него об итогах совещания в императорской ставке, когда они вместе обедали в ресторане «Азия» в здании Маньчжурской железнодорожной компании. Одзаки спросил: «Итак, кажется, все решилось?» Сайондзи ответил, задумчиво глядя в окно: «Да, решилось, но в пользу того, чтобы не делать этого». Одзаки почувствовал, как у него заколотилось сердце, но, никак не выдавая своего волнения, спросил своего друга: «Похоже, что так, да?» Сайондзи перевел взгляд с окна на Одзаки и молча опустил веки. Одзаки сразу все понял: Япония пока не будет выступать против СССР¹⁸.

Сообщая об этом Зорге, Одзаки основывался также на беседах в «группе завтраков», в ходе которых выяснилось, что принц Коноэ

считал Японию связанной «китайским инцидентом». Вторым важным моментом была неопределенность в японо-американских отношениях: Коноэ не знал, чем окончатся переговоры с Америкой.

Зорге передал свое сообщение о решении Японии пока не выступать против СССР 4 июля, и эта информация была в срочном порядке разослана Сталину, Молотову и Жукову.

А накануне, 3 июля Зорге прислал радиogramму, которая вызвала крайнее раздражение Голикова.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 3 июля 1941 г.

Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок.

Подполковник Шолль сказал тогда, что первый и главный удар будет нанесен немцами по Красной Армии их левым флангом. Немцы полностью уверены, что главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара. Немцы очень опасались, что Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника, и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара. Главная цель немцев — это уничтожение Красной Армии охватом ее, как это было с польской армией.

Германский военный атташе сказал мне, что японский генштаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежностью поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее как через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советском побережье Приморья. Общее настроение народа против действий Германии и присоединения Японии.

Ваша дипломатическая деятельность должна быть значительно сильнее, чем это делается другой стороной.

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет и придерживаться пакта о нейтралитете с СССР.

Решено послать три дивизии в Сайгон (Индокитай). Даже Мацуoka голосовал за это, который перед этим был за ориентацию на СССР.

Источники И[н]тери и Ирако сказали, что слышали в отношении укрепления восточной границы некоторым количеством войск из Сев[ерного] Китая, а также усиления войск на Хоккайдо.

Возвращенная в Киото дивизия будет направлена на север.

Рамзай.

Перевел полк[овник] Рогов.

Резолюция НУ: «НО-4. 1) Подчеркнутое на стр. 1—2 послать выпиской членам Гос. К. Об. и НГШ.

2) Потребуйте от Рамзая сообщения о япон[ских] военных перебросках против СССР из Китая и самой Японии.

3) Доложите, сколько времени он не давал ответа на наше требование о левом фланге и саму его телеграмму. Голиков. 3.7.41»¹⁹.

Военный министр Тодзио заявил, что нападение на СССР должно произойти тогда, когда «Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет упасть на землю... к ногам Японии». Влиятельный генерал Ямасита убеждал Тодзио захватить дальневосточные районы России до окончания германо-советской войны. «Время теории спелой хурмы уже прошло, — говорил он. — Выжидание может ускорить объединение США и СССР. Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева».

Но это не помогло. Было принято решение ждать развития событий и назван срок — 2 месяца, по истечении которого Япония должна была окончательно определиться. Ожидалось, что в связи с войной с Германией Красная Армия будет вынуждена перебросить в европейскую часть страны значительные вооруженные силы, и тогда для Японии наступит «благоприятный момент».

ТРЕВОЖНЫЙ ИЮЛЬ: ОБСТАНОВКА НА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМ ФРОНТЕ ПОХОЖА «...НА НЕ ПРЕКРАЩАЮЩИЙСЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ТОКИЙСКИЙ ДОЖДЬ»

По завершении работы императорской конференции 2 июля Мацуока пригласил к себе Сметанина и сообщил ему, что японское правительство провело серьезное рассмотрение вопроса, возникшего в связи с началом советско-германской войны. В подготовленном устном заявлении Мацуока еще раз выразил сожаление, что этот конфликт возник. Война Германии и Италии, которые являются союзниками Японии, против ее русского соседа, с которым она по своей инициативе недавно улучшила отношения, поставила Японию в очень сложное и деликатное положение. Он искренне надеется, что враждебные действия быстро завершатся и, особенно, что они не распространятся на Дальний Восток, где Япония имеет жизненно важные интересы. Мацуока заявил, что правительство Японии не хочет, чтобы его отношения с Советским Союзом осложняли отношения Японии с Германией и Италией, в которые Токио не желает вносить никаких изменений. Его правительство полагает возможным защитить японские интересы, сохраняя хорошие отношения как со свои-

ми сторонниками, так и с Советским Союзом. Мацуока попросил Сметанина уведомить Сталина и Молотова, что он не хочет войны с СССР и делает все от него зависящее, чтобы сохранить дружественные отношения между нашими странами. Тем не менее он утверждал, что соблюдение японским правительством Пакта о нейтралитете зависит от дальнейшего развития обстановки.

Сметанин ответил, что трудно сразу же оценить заявление Мацуоки, но он благодарит министра за его обещание работать над сохранением добрососедских отношений с Советским Союзом.

Таким образом, по линии МИДа информация о намерениях Японии была полностью неопределенной.

В то же время германскому послу Отту Мацуока пояснил, что «причиной такой формулировки японского заявления советскому послу является необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности — ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась. В настоящее время Сметанин не знает о спешной подготовке Японии против СССР...»²⁰

Германское руководство было крайне недовольно таким развитием событий, в частности его не устраивало принятие японским кабинетом решения соблюдать пакт о нейтралитете. 5 июля Риббентроп направил телеграмму Отту.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ТОКИО

5 июля 1941 г.

Касаясь вопроса об отношении Японии к Советской России, я хотел бы в целях Вашей личной ориентировки правильно осветить сообщение, сделанное вам Мацуокой о нашем с ним разговоре на тему о японо-русском договоре о ненападении или нейтралитете [...]

То, что Мацуока изложил Вам, а также графу Шульенбургу, не отвечает действительности. Тема японо-советского пакта о ненападении и нейтралитете была поднята в разговоре между Мацуокой и мною 26 марта 1941 г. и, согласно записи, сделанной послом Шмидтом тотчас же после нашего разговора, тема эта развивалась таким образом.

В связи с замечанием о заключении давно уже обсуждаемого русско-японского торгового договора Мацуока прямо поставил мне вопрос, не должен ли он на обратном пути задержаться в Москве, чтобы обсудить с русскими пакт о ненападении или о нейтралитете. Он при этом подчеркнул, что японский народ не допустит непосредственного присоединения России к пакту трех держав, что последнее вызвало бы во всей Японии общий крик негодования. Я ответил Мацуоке, что о принятии России в члены пакта и думать нечего, и посоветовал ему по возможности не поднимать в Москве вопроса о заключении упомянутого пакта о ненападении или нейт-

ралитете, так как это не уместилось бы в рамки современного положения. На замечание Мацуоки, что заключение рыболовного и торгового договоров улучшило бы отношения между Японией и Россией, я ответил, что такого рода чисто коммерческие договоры не вызывают никаких возражений.

Таким образом, я совершенно открыто выразил Мацуоке, что не считаю подходящим заключение японо-русского пакта о ненападении или нейтралитете. Поэтому сообщение о том, что пакт состоялся, было для меня большой неожиданностью. Однако я тогда не считал нужным довести это до сведения Мацуоки.

Но и теперь не имело бы смысла указывать Мацуоке на неправильность того, что он изложил тогда Вам, а также на то, что он поставил заключением пакта имперское правительство перед случившимся фактом. Однако я все же довожу до сведения об истинном ходе событий, так как Вам, при дальнейших политических переговорах, быть может, представится случай, когда окажется полезным в подходящей форме показать Мацуоке по этому вопросу истинное положение вещей.

Может быть, также в дальнейшем ходе событий Вам представится случай напомнить Мацуоке, что он, во время того же разговора, в котором он упоминал о японо-советском пакте, сделал следующее замечание, достойное внимания: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

Если Вы найдете нужным при случае намекнуть Мацуоке на эти два пункта, я прошу Вас сделать это в самой мягкой форме, чтобы Мацуока не почувствовал, что я его за это привлекаю к ответу.

Риббентроп²¹.

8 июля от Гущенко пришла очередная телеграмма, в которой анализировались высказывания японской печати в связи с советско-германской войной. Кроме этого делался вывод об основных тенденциях в японском общественном мнении: «Среди населения чувствуется неуверенность, боязнь и неизвестность, откуда различного рода разговоры о ненужности войны для Японии...» Относительно возможных планов японского военного командования Гущенко писал: «Намечается следующий план японских авантюристов — под предлогом сложности обстановки, могущей нарушить японские интересы, подготовить всевозможные силы и привести их в боевую готовность, считают, что для этого потребуется 2—3 месяца. Отвлечь внимание СССР разговорами на юг и даже посылкой туда небольшой части войск. Любой ценой развязать себе руки в Китае за счет разложения и сговора с Чан Кайши. После подготовки показать японскому народу, что они опи-

раются на реальную силу, а не на голый авантюризм. Первому удару по плану немцев должны подвергнуться Владивосток, Камчатка и Сахалин. Этим изолировать СССР от помощи Америки, затем начать планомерное вторжение в СССР (из японских источников)...

Вывод: японцы себя не считают связанными с нами пактом о нейтралитете и готовы броситься в войну против СССР немедленно, но к этому не готова армия, экономика и народ. Для приведения в готовность японцам надо не менее 7—10 месяцев. Рассчитывая, что немцы будут иметь успехи и сильно свяжут Красную Армию, очевидно, считают достаточным для подготовки 2—3 месяца»²².

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Токио, 7 июля 1941 г.

По нашей информации, японское правительство было заранее уведомлено о нападении немцев на СССР и позиция правительства давно определена, т. е. встать на сторону Германии, но выбрать для этого удобное время.

Японское министерство иностранных дел решило отозвать на родину всех членов семейств работников МИДа. 27 июня с. г. по предложению министерства правительство дало указание о том, чтобы в случае необходимости решить вопрос о возвращении в Японию всех членов семейств работников МИДа.

Касаясь планов дальнейшей политики Японии, здесь считают, что Япония пойдет сначала на юг, а ни в коем случае не на север. Авторитетные политики полагают, что японское правительство объявит позицию нейтралитета, но эта позиция не сохранится долгое время.

В экономических кругах ходят слухи о том, что СССР якобы предложил отдать Японии Сахалин за обеспечение позиции нейтралитета.

Общее мнение таково: воевать с СССР рано или поздно нужно, но сейчас еще не время, нужно получить как можно больше меньшими жертвами.

[...]

Как стало известно, японское правительство решило не предпринимать прямые военные действия против Сибири и вместо этого решено продвигаться на юг. С этой целью японские войска перебрасываются из северной части Французского Индокитая в южную. Подтягиваются войска и из других мест. Одновременно правительство решило созвать в ближайшее время чрезвычайную сессию парламента. Источник указывает, что среди депутатов парламента 70% стоят за продвижение на юг и только 30% — за продвижение на север. Источник добавил, что как бы японцы ни хотели начать движение на север, они понимают, что для этого нужно не менее 2—3 месяцев подготовки²³.

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 года генеральный штаб и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на формирование подготовки к проведению наступательных операций на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токубэцу энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 года императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза²⁴. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны против Советского Союза, разработанном генеральным штабом сухопутных сил в 1940 году.

По этому плану переброска и концентрация войск начиналась 20 июля, а решение о войне должно было быть принято 10 августа. 29 августа намечалось нанести удар по советским войскам в Приморье с целью захвата городов Владивосток, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский и выхода к озеру Байкал к середине октября.

В соответствии с графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, согласно которой Квантунская армия увеличивалась на две дивизии. 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тысяч человек, а также судов общим водоизмещением 800 тысяч тонн для перевозки военных грузов в Маньчжурию²⁵.

Были приняты меры по обеспечению скрытности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были строго запрещены всякие проводы и другие церемонии.

10 июля Зорге составил очередное донесение в Центр, которое было передано 11 июля.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 10 июля 1941 г.

Германский посол Отт получил приказ от Риббентропа толкать Японию в войну, как можно скорей. Отт очень удивлен такой спешкой Риббентропа, который должен знать, что Япония еще не готова и что это была бы только видимость войны, если она начнется теперь.

Ист[очник] Инвест сказал, что несколько дивизий уже направлено для действий на юге.

37 транспортных пароходов с войсками находятся в пути в направлении Формозы.

Имеются слухи, что 16-я дивизия находится в пути на север.
Я послал человека специально разузнать в Киото.

№ 164, Инсон.

Перевел Рогов.

Резолюция НУ: «Членам ГКО, тов. Вышинскому, начальнику Генштаба. Панфилов. 13.7.»²⁶

Отметка о рассылке: «Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову, Берии, Вышинскому, Жукову».

Руководству был направлен абзац, подчеркнутый в тексте радиограммы: Япония пока не готова к войне с СССР.

Сразу же вслед за этим начальнику Разведуправления была доложена еще одна радиограмма Зорге. По сведениям Одзаки, на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона, но одновременно подготовливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал, что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска.

Германский военный атташе Кречмер телеграфировал в Берлин, что он убежден в следующем: Япония вступит в войну, но не ранее конца июля или начала августа, сразу же как только закончит подготовку.

Эта часть сообщения была обведена рукой Панфилова.

Зорге информировал также о разговоре Отта с Мацуокой, в котором последний выразил серьезные опасения относительно возможных ударов советской авиации по «жизненным центрам» Японии. Отт попытался развеять эти опасения, заявив, что СССР на Дальнем Востоке имеет всего 1500 первоклассных самолетов, из которых только 300 тяжелых бомбардировщиков в состоянии прилететь в Японию и вернуться обратно. Кроме этого, по его сведениям, Советский Союз имеет только два типа самолетов, которые смогут выполнять такие задачи — это ТБ-7 и ДБ-3, которых еще нет на Дальнем Востоке.

Зорге сообщил и о том, что в Японии начались преследования как тех, кто не одобрял советско-германскую войну, так и энтузиастов вступления в войну на стороне Германии. Влиятельному генералу Ямасите было приказано оставаться в Маньчжурии, чтобы избежать его влияния на решения правительства.

Резолюция начальника Разведуправления гласила: «Инф[ормационный отдел]. Спецсообщение. Подготовить сегодня же. Панфилов. 14.7.» Кроме этого, на бланке радиограммы имелось примечание РУ Генштаба Красной Армии: «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия. И.о. н[ачальни]ка РУ Генштаба КА генерал-майор танковых войск [Панфилов]»²⁷.

Важно отметить, что несмотря на оптимистичные заверения Отта относительно слабости советской авиации на Дальнем Востоке,

японцы располагали совершенно другими сведениями. К середине июля японский генеральный штаб получил сообщение о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно на японской территории.

Японский генеральный штаб имел разведанные о наличии в 1941 году на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков и 200 самолетов морской авиации. В докладе начальника отдела ставки по проблемам обороны метрополии от 26 июня указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью — тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»²⁸. Несомненно, это оказывало сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР.

Наконец, последним в серии радиограмм, принятых в Центре 11 июля, было сообщение Зорге, что, как сказал посол Отт, на его предложение Японии вступить в войну последовал ответ, что Япония пока желает оставаться нейтральной. В японском руководстве идет борьба мнений: старые генералы выступают за движение на юг, молодое офицерство Квантунской армии — за вступление в войну с СССР. В заключение Зорге делал вывод: «Подготовка к войне будет длиться самое большее 6 недель. Япония наблюдает за ходом войны. Если Красная Армия потерпит поражение, то японцы безусловно вступят в войну, а если поражения не будет, то они будут занимать выжидательную позицию». Текст радиограммы был немедленно разослан членам Государственного комитета обороны, Вышинскому и Жукову²⁹.

12 июля состоялась новая встреча Сметанина с Мацуокой. В начале беседы советский посол спросил Мацуоку, правда ли что в разговоре с американским и английским послами тот назвал японо-советский пакт о нейтралитете не имеющим никакой юридической силы и в настоящих условиях соблюдение его для Японии необязательно. «Договор краток, — заявил Сметанин, — но абсолютно ясен и не допускает никаких изъятий из взятого на себя обеими государствами обязательства о нейтралитете. Никаких оговорок ни во время подписания пакта, ни после вы не делали о допустимости нарушения пакта в силу обязательств Японии по трипартитному пакту. Более того, вы заявляли устно руководителям советского правительства, что трипартитный пакт не обязывает Японию выступать в каких-либо случаях против СССР. Мое правительство считает, что любое нарушение нейтралитета Японии означало бы вопиющее и ничем не оправданное нарушение пакта с СССР». В заключение

посол высказал надежду на получение от Японии «заверения о ненарушимости советско-японского пакта»³⁰.

На следующий день Мацуока передал послу ответную памятную записку, в которой позиция Японии была изложена в противоречивой и неопределенной форме. Сначала в записке указывалось, что «Пакт [о нейтралитете] остается в силе, хотя и неприменим к германо-советской войне... Пакт сохраняет свою силу постольку, поскольку он не будет противоречить Тройственному пакту в тех его аргументах, в которых Япония должна уважать цели и дух Тройственного пакта». Далее Мацуока писал, что «до сегодняшнего дня ни Германия, ни Италия не предъявляли требований об участии Японии в войне согласно Тройственному пакту... В качестве лично моего предположения и в будущем не последует просьбы об участии в войне в соответствии с Тройственным пактом». В заключение в записке говорилось: «Поскольку это касается нынешней войны, то я уверен, что в настоящее время Япония будет занимать такую позицию, при которой она свободно, не связывая себя ни Пактом о нейтралитете, ни Тройственным японо-германо-итальянским пактом, сможет определить свою собственную политику».

Сметанин попытался поймать Мацуоку на слове, указав, что в такой интерпретации Япония ставит под сомнение свои обязательства по заключенным договорам. Однако Мацуока ответил, что здесь нет противоречий. Все дело не в словах, а в делах. Германия не просила и не просит Японию вступать в войну с Советским Союзом. С другой стороны, Советский Союз, как он надеется, не предоставит Соединенным Штатам базы на Камчатке или британским военным в Сибири, о чем поговаривают в газетах³¹.

15 июля Зорге подтвердил свою информацию: «На СССР нападут без объявления войны, когда немцы захватят Ленинград, Москву и Киев». В дополнение к этому он сообщил, что в период с 17 по 21 июля японцы намерены захватить Сайгон. В Японии проводится мобилизация населения в возрасте от 27 до 39 лет. Мобилизованных направляют в Корею, Китай и Маньчжурию³².

Действительно, в соответствии с достигнутой вскоре после начала германской агрессии против СССР секретной договоренностью между Японией и Германией японское нападение на Советский Союз должно было состояться, как только немецкие войска овладеют Киевом, Ленинградом и Москвой³³.

15 июля Мацуока, чьи независимые суждения и властное поведение раздражали военных, был вынужден уйти в отставку. Коноэ приступил к формированию нового состава кабинета. Министром иностранных дел был назначен Тоёда Тэйдзиро.

В тот же день Молотов вызвал к себе Татэкаву, чтобы проинформировать его об англо-советском соглашении, подписанном 12 июля.

Нарком заявил послу, что соглашение между СССР и Англией существует только в таком виде, в котором оно опубликовано и оглашено, и никаких других соглашений нет. Он специально делает такое заявление во избежание различных слухов и недоразумений. Соглашение имеет в виду исключительно Германию, которая нарушила договор и вероломным образом напала на СССР. Отношения СССР с другими нейтральными странами этим соглашением не затрагиваются. Молотов просил Татэкаву соответственно проинформировать правительство Японии, а также подчеркнул значение пакта о нейтралитете для советско-японских отношений и заявил, что «СССР будет соблюдать и придерживаться этого пакта».

В ответ Татэкава стал заверять, что война СССР с Германией для Японии крайне нежелательна. По его мнению, Мацуока хотел, чтобы СССР принял участие в общих действиях Японии, Германии и Италии с целью разгрома Англии, и пакт о нейтралитете является выражением этих пожеланий Мацуоки. И то, что между СССР и Германией возникла война, достойно большого сожаления. Конечно, он понимает, что раз война началась, то вполне естественно, что СССР ищет сближения с Англией, так как их интересы в данном случае сходятся. Однако японский народ считает, что Англия является врагом Японии. И то, что СССР заключил соглашение с врагом Японии, не может, как он считает, не повлиять на чувства японского народа к СССР в сторону охлаждения. Японии очень желательно, чтобы СССР не предпринимал дальнейших шагов, которые могли бы дать общественному мнению Японии повод быть настроенным против СССР, «ибо в таком случае японскому правительству будет очень трудно сдержать естественное проявление чувств японского народа»³⁴

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация японских войск у советской границы. В Маньчжурии начали прибывать многочисленные приданные части и подразделения, которые должны были довести численность японской группировки до 20 дивизий. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тысяч человек. После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 года на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тысяч солдат и офицеров японской армии³⁵.

В 1941 году значительно увеличилось также число подготовленных для войны против СССР танков, самолетов, возросла численность артиллерии, кавалерии, инженерных, железнодорожных и тыловых частей. В Маньчжурии и Корее в больших количествах накапливались боеприпасы и горючее. В Квантунской армии были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2—3 месяцев³⁶. По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать

войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии, а также белогвардейские формирования.

Для ведения военных действий на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в составе 34 дивизий. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае. В это время в японской армии была 51 дивизия, из которых 27 вели боевые действия в Китае. Командующий армией генерал Хата заявил, что такое сокращение войск на японо-китайском фронте весьма рискованно и неизбежно приведет к дальнейшему затягиванию войны. В конце концов Токио согласился с этим доводом³⁷.

Японское руководство внимательно следило за начавшимся в середине июля Смоленским сражением. Ценой огромных усилий и жертв Красная Армия к середине июля не только задержала противника, но и смогла на некоторое время на основных направлениях стабилизировать фронт. В Токио ожидали массовых перебросок частей и соединений Красной Армии с Дальнего Востока и из Забайкалья на запад.

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских, кавалерийских, инженерных, железнодорожных и других частей — на две трети. Считалось, что в результате укомплектования японских дивизий в Маньчжурии и Корее по штатам военного времени и придания им частей и подразделений непосредственного подчинения мощь японской дивизии будет на 25 % превосходить силу советской дивизии. Отсюда делался вывод, что, например, 11 японских дивизий будут соответствовать 15 советским, поэтому намеченные для войны 24 дивизии более чем вдвое превысят мощь советских войск³⁸.

Информация Зорге позволяла Москве ориентироваться относительно реальных сроков готовности японского командования к началу военных действий против СССР. Эти же сведения подтверждались резидентурой внешней разведки НКГБ на Дальнем Востоке.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Шанхай, 24 июля 1941 г.

По данным из китайских кругов, наблюдается переброска японских войск из Центрального Китая на север. Причем войска полностью не перебрасываются, а оставляется часть состава в пунктах старой дислокации.

Что же касается ближайших планов японцев, то, по мнению американских военных и разведывательных кругов, японская подготовка экспансии на юг является маскировкой, чтобы отвлечь внимание от подготовки нападения на Советский Союз. Для этого японцы берут предельный срок два месяца, но оговариваются, что если к этому времени немцы не потерпят существенного поражения³⁹.

Важная информация по данному вопросу поступала также от группы советских военных советников при Чан Кайши во главе с генералом В. И. Чуйковым. Поэтому масштабы переброски советских войск с Дальнего Востока в европейскую часть СССР летом 1941 года далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генерального штаба от 12 июля 1941 года, за три недели после начала войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 % советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети. Фактически же в июле—августе произошла передислокация только двух дивизий — 107-й и 26-й. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. В докладе обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней⁴⁰.

Это не позволяло японскому командованию рассчитывать на успех наступления силами лишь 24 дивизий. Тем не менее планирование возможного выступления против СССР продолжалось. Поэтому на заседаниях руководства генштаба и военного министерства Японии обсуждался вопрос о выделении для войны против СССР дополнительных дивизий. Ставилась задача быть готовыми к началу войны против СССР в любой момент. Для этого намечалось еще большее увеличение войск в Маньчжурии и Корее. Активно обсуждался вопрос об использовании в войне против Советского Союза 30 дивизий общей численностью 1200 тысяч человек⁴¹.

Затем в июле, когда обстановка на советско-германском фронте осложнилась, основной удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танаки с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий⁴². Японский генштаб рассчитывал на сокращение советских войск на Дальнем Востоке, поскольку рано или поздно Советский Союз все же будет вынужден приступить к крупномасштабной переброске войск на запад.

Выжидательная позиция Японии чрезвычайно раздражала Гитлера. Он потребовал немедленного вступления Японии в войну. По

этому поводу 9 июля 1941 года Риббентроп лично встретился в Берлине с Осимой.

В инструкциях Риббентропа послу Отту указывалось: «Я прошу Вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в Вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы»⁴³.

По указанию из Берлина Отт пригласил в германское посольство руководителей японской армии во главе с военным министром Тодзио, начальником генерального штаба Сугиямой и генералом Доихарой и настойчиво убеждал их, чтобы «Япония приняла участие в войне. Но Мацуока и японские военные круги просили Отта подождать, поскольку Япония еще не закончила мобилизацию. Они выразили надежду, что мобилизация будет закончена в течение двух месяцев и что Япония вступит в войну, когда немецкая армия захватит Москву и продвинется хотя бы до Волги»⁴⁴.

В Токио ждали сообщения о «решительной победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате», Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР «будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы» в своих собственных интересах⁴⁵. Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать «наиболее благоприятного момента», заявляя при этом германскому правительству, что Япония остается верной своим обязательствам по Тройственному пакту.

Во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые признаки сомнений в успехе германского блицкрига. 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий, тихо». Затем 21 июля: «В развитии обстановки на германо-советском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь»⁴⁶.

Однако в Токио не только ждали развития обстановки на советско-германском фронте, но и в соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 года параллельно с активной

подготовкой к нападению на Советский Союз начали движение на юг. Японский кабинет понимал, что это может привести к вооруженному столкновению с США и Великобританией, и готовился к войне с ними.

23 июля японское правительство вынудило вишистское руководство Франции подписать соглашение о размещении японских вооруженных сил в Южном Индокитае. Вслед за этим Южный Индокитай был оккупирован японскими войсками, которые в результате этого вышли на подступы к Малайе, Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинам.

Это продвижение, как и рассчитывало японское руководство, не вызвало военных мер со стороны США. Стратегия Соединенных Штатов в тот период состояла в том, чтобы избежать прямого участия во Второй мировой войне.

Тем не менее американское правительство приняло ответные меры. 25 июля 1941 года США ввели эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозили все японские активы в США. Такие же решения приняли Великобритания и Голландия. 1 августа вступил в силу американский запрет на вывоз в Японию всех важнейших стратегических материалов. Торговля с Японией практически прекратилась. Эти экономические меры еще больше обострили японо-американские и японо-английские отношения, ускорили принятие японским руководством решения о вооруженном захвате богатых сырьевыми ресурсами районов на юге.

Начальник отдела ставки полковник Цудзи писал после войны: «В начале августа в военном министерстве пришли к выводу о том, что в случае операций против Советского Союза в течение полугода — года будут израсходованы все запасы нефти... Поэтому, что касается нефти, то, кроме движения на юг, выхода не было»⁴⁷. Ведь только в Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн тонн нефти, что примерно в 20 раз превышало ее добычу в Японии. Быстрая оккупация и длительное удержание богатых сырьем территорий на юге рассматривались японским командованием как залог успеха Японии во Второй мировой войне.

Существенной причиной этого было и то, что войну против США и Великобритании предусматривалось провести в основном силами военно-морского флота, который к 1941 году был значительно усилен. Зорге хорошо были известны цифры военного бюджета Японии из «Шестилетнего плана усиления армии и военно-морского флота», принятого императорской ставкой в 1940 году. Помимо того, что на флот выделялось несколько больше средств, условия у него были несравненно благоприятнее, чем у армии, которая воевала в Китае, несла там потери и соответственно требовала громадных расходов на войну. В конце июля 1941 года военный министр Тодзио заявил, что за период войны в Китае флот потерял 10 процентов своего состава, в то

время как потери армии составляли 40 процентов. Выступление на юг, по замыслам японского командования, можно было провести, не ослабляя нацеленной на Советский Союз группировки японских войск. Для войны на юге выделялось лишь 10 пехотных дивизий⁴⁸.

Львиная доля расходов на флот направлялась на постройку новых кораблей и расширение военных портов. При этом Зорге было известно, что Япония строила в то время самые крупнотоннажные в мире линейные корабли, на вооружении которых имелись орудия калибром до 400 мм. Неизмеримо возросли мобильные возможности японской военно-морской мощи: в 1936 году японский флот имел 6 авианосцев, а в 1941 — уже 16 современных авианосцев, несущих до 400 самолетов.

Подготовленный к действиям на юге японский императорский флот состоял из 230 боевых кораблей основных классов, в том числе 10 линкоров, 10 авианосцев, 38 крейсеров, 112 эсминцев, 65 подводных лодок. США имели на Тихом океане 172 боевых корабля (9 линкоров, 3 авианосца, 24 крейсера, 80 эсминцев, 56 подводных лодок)⁴⁹.

С другой стороны, Зорге было также хорошо известно, что Япония не встретит на юге значительного сопротивления. Хотя в целом вооруженные силы США, Великобритании и Голландии обладали значительной мощью, они не были подготовлены к организованному отпору Японии. Состоявшие в основном из колониальных войск, вооруженные силы западных держав на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана не имели единого командования, были разбросаны, придерживались сугубо оборонительной стратегии. В представленном японскому командованию 30 июля 1941 года специальной исследовательской группой «Часть 82» предварительном плане войны на юге раскрывалась слабость обороны Малайи, серьезные недостатки в позиции США на Филиппинах и незначительные возможности сопротивления в голландской Восточной Индии⁵⁰.

Наконец, Одзакі постоянно информировал Зорге о точке зрения принца Коноэ, который полагал, что Германия обманула доверие Японии. Логика его рассуждений была следующей: японское участие в Тройственном пакте угрожает ей быть втянутой в войну против США и мешает довести боевые действия в Китае до победного конца. По мнению Коноэ, пакт преследовал две основные цели: 1) урегулировать отношения с СССР путем присоединения его к Тройственному пакту четвертым членом и 2) помешать США вступить в войну. После того как США и Великобритания заявили о своей поддержке России в борьбе с Гитлером, пакт утратил свое значение. Коноэ предложил либо пересмотреть японские обязательства по пакту, либо вообще от него отказаться. Позицию Коноэ поддерживали некоторые руководящие деятели флота, в частности начальник морского штаба Нагано Осамі, который в докладе императору заявил: «Пока существует этот союз, урегулировать японо-американские дипломатические отношения невозможно»⁵¹.

Весь предыдущий опыт работы Зорге в Японии в сочетании с последней полученной информацией все больше приводил его к выводу, что японская мощь начинала свое неумолимое движение туда, куда она должна была идти, — на юг. Но Зорге одновременно понимал, что нужно быть очень осторожным в прогнозах.

30 июля от него было получено очередное сообщение.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 30 июля 1941г.

Источники Инвест и Интери сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьём около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев. в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ. но как долго намерен выжидать японский Генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят.

№ 168. Инсон.

Резолюция НУ: «НО-4. Доложите о всех этих источниках — кто они? Панфилов. Ильичев. 3.8.41».

Резолюция НО-4: «НО-1. Доложите сообщ[ение] в инф[ормационный] отдел. Колганов. 3.8.».

«НО-3 и 1. 1). К учету. 2). Т. Рогову. Доложите справку об источниках. Колганов. 3.8.»⁵²

Это сообщение Зорге Панфилов не стал рассылать руководству. Слишком большая ответственность — брать на себя прогноз действий японского правительства в условиях, когда Красная Армия терпела поражения на западе и Япония могла поддаться давлению со стороны Германии и выступить на Дальнем Востоке. До этого Зорге называл срок готовности Японии к нападению на СССР — 6 недель (по сведениям Одзаки и Кречмера), конец июля—начало августа (Кречмер). Теперь же Зорге начал достаточно категорически утверждать, что Япония не выступит, если Красная Армия остановит немцев, хотя и с оговоркой, что японский генштаб может начать действовать по своему усмотрению. Это было серьезное изменение в позиции японского кабинета. Видимо, поэтому у руководства Разведуправления возникли сомнения в достоверности этой информации, и оно затребовало справку о Зорге и его источниках, хотя до этого характеризовало их как заслуживающие доверия.

29 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки появилась новая запись: «На германо-советском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие десять дней войны должны определить историю»⁵³.

«ЯПОНЦЫ НАЧНУТ ВОЙНУ БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ОБЪЯВЛЕНИЙ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ НЕДЕЛЕЙ АВГУСТА...»

В Токио внимательно анализировали всю получаемую информацию относительно обстановки на советско-германском фронте и внутрисполитического положения СССР. Особенно тщательно анализировал все сведения 5-й отдел разведуправления генштаба. Сюда стекались самые разнообразные документы — информация агентурной разведки, разведдонесения Квантунской армии, данные радиоперехвата, шифровки военных атташе, доклады и аналитические справки посольств, разработки исследовательского отдела компании «Мантэцу» и другие материалы.

К началу августа отделом был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Он состоял из четырех разделов: 1. Оценка государственной структуры Советского Союза (политика государства, прочность государственного строя, особенности русской нации, наличие ресурсов, распределение населения по районам). 2. Дипломатическая стратегия (в частности отношения с США и Великобританией). 3. Военные вопросы (военная мощь Красной Армии, ее боеспособность на Дальнем Востоке, сравнение Красной Армии с армиями Германии и Японии). 4. Анализ способности Советского Союза вести войну с Германией, общая оценка развития международной обстановки.

В главном выводе доклада указывалось на то, что война скорее всего затянется: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны»⁵⁴. Комментируя содержание этого вывода, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 года германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затянется».

Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны против СССР, тем не менее он заставил японское

руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии.

В начале августа в Москве достаточно обнадеживающая информация была получена по дипломатическим каналам от посла Сметанина. До этого советский посол встречался несколько раз с Мацуокой, который давал ответы на вопрос о соблюдении пакта о нейтралитете в противоречивой и неопределенной форме.

Уход в отставку Мацуоки, естественно, вызвал в Москве необходимость уточнить, как это могло отразиться на советско-японских отношениях. Поэтому 25 июля Сметанин обратился к новому министру иностранных дел Тоёде с тем же вопросом: остается ли пакт о нейтралитете в силе? Тоёда пообещал дать детальный ответ после тщательного изучения пакта.

1 августа состоялось очередное 43-е заседание координационного комитета правительства и императорской ставки. На повестке дня стояло обсуждение документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом», который представил министр иностранных дел Тоёда.

В ходе обсуждения было указано на необходимость неуклонного соблюдения Тройственного пакта, который «создает условия для установления нового порядка в Европе и установления японского нового порядка в Восточной Азии». Было также признано невозможным открыто заявить о соблюдении пакта о нейтралитете или давать какие-либо твердые обещания на этот счет. В то же время считалось целесообразным отойти от позиции Мацуоки, который заявлял, что пакт о нейтралитете не оказывает влияния на Тройственный пакт. Как отметили присутствовавшие, было бы неверным говорить сейчас подобное Советскому Союзу.

Некоторыми из выступавших высказывалось мнение, что германо-советская война будет длительной. Однако начальник генерального штаба армии Сугияма и военный министр Тодзио заявили: «Это вовсе не обязательно. Тот факт, что в настоящее время в вооруженной борьбе на советско-германском фронте нет должного продвижения вперед, играет на руку немцам... Весьма вероятно, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно затягивать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Военно-морской министр Оикава согласился с этим мнением⁵⁵.

4 августа состоялось новое заседание координационного комитета, на котором было продолжено обсуждение основных принципов дипломатических переговоров с Советским Союзом. Основная проблема, как ее изложил заместитель министра иностранных дел Ямамото, заключалась в том, «дадим ли мы (открыто) обещание соблюдать нейтралитет или мы согласимся (между собой), что будем сохранять нейтралитет».

В итоге совещание приняло решение «заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблюдать Пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу империи на Дальнем Востоке, мы будем придерживаться Пакта о нейтралитете». Одновременно отмечалось, что пакт утратит свою силу, если СССР предоставит свою территорию в Приморье или на Камчатке под военные базы третьим странам или займет недружественную позицию в отношении Японии в целом⁵⁶.

На следующий день Тоёда сообщил Сметанину, что, хотя и существуют различные точки зрения об отношении к советско-германской войне, пакту о нейтралитете и Тройственному пакту, он лично считает, что Япония готова добросовестно выполнять все статьи пакта о нейтралитете в том случае, если Советский Союз будет придерживаться буквы и духа японо-советских договоренностей. Японский министр потребовал от советского правительства дать обещание о прекращении прямой или косвенной помощи режиму Чан Кайши. Он также хотел бы в кратчайший срок разрешить важнейшие проблемы, стоящие перед двумя странами, как прекращение давления на японских концессионеров на Северном Сахалине и вопрос о провозглашенных Советским Союзом морских зон безопасности, ограничивающих японское судоходство.

Сметанин выразил удовлетворение в том, что Тоёда, в отличие от Мацуоки, сделал ясное заявление о намерении Японии твердо соблюдать пакт о нейтралитете. Он повторил, что его правительство рассматривает пакт как действующий в полную силу, и согласился с тем, что решение двусторонних проблем является желательным. Что же касается отношений советского правительства с Чан Кайши, то Сметанин признался, что не осведомлен об этом, но пообещал направить запрос относительно этого и других вопросов в Москву.

Беседа с Тоёдой свидетельствовала, что японский кабинет принял решение оказать дипломатический нажим на Москву с целью получения определенных выгод в сложившейся ситуации. Действительно, в соответствии с «Основными принципами дипломатических переговоров с Советским Союзом» предполагалось «путем давления на советскую сторону добиться прекращения помощи Советского Союза Китаю, передачи Японии Северного Сахалина, Камчатки, советской территории к востоку от Амура и вывода советских войск со всех территорий советского Дальнего Востока»⁵⁷.

Начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъясняли начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательно»⁵⁸.

6 августа Тоёду посетил Отт, который обратился с запросом о содержании беседы со Сметаниным. Тоёда ответил, что разговор касал-

ся японских концессий на Северном Сахалине и создания условий для беспрепятственной деятельности там для японских компаний. Тогда Отт спросил в лоб: «Какова будет позиция Японии, если Соединенные Штаты будут направлять оружие Советскому Союзу через Владивосток?» Тоёда уклонился от прямого ответа. Отт настаивал: что Япония собирается делать в отношении США? Тоёда ответил: «США возбуждены, и мы попытаемся успокоить их». В заключение Отт сказал, что, по слухам, Япония ведет переговоры о передаче ей районов к востоку от озера Байкал. Тоёда опроверг эти слухи.

Отт ушел от Тоёды крайне неудовлетворенный и сразу же рассказал обо всем Зорге. «Что ты хочешь, — сказал ему Рихард. — Я давно говорил тебе, что японцы будут в первую очередь думать о своих интересах, а их основные интересы лежат на юге». Отт возразил: «Ну, Ики, ты, как всегда, слишком категоричен. Новый кабинет Коноэ все равно будет соблюдать общую с нами линию. Конечно, с Мацукой мне было проще, он все-таки придерживался более прогерманской позиции, чем Тоёда, который, как и весь новый кабинет, гораздо равнодушнее относится к нашим интересам. Но тем не менее я думаю, что основная политика японцев не изменилась, хотя уж очень они тянут со вступлением в войну». Зорге хмыкнул, выразительно посмотрел на Отта и сказал: «Ну ладно, поживем — увидим».

6 августа на очередном заседании координационного комитета Тоёда доложил о своем разговоре с советским и германским послами. По его словам, у него сложилось впечатление, что после его заявления о готовности Японии соблюдать пакт о нейтралитете Сметанин почувствовал облегчение. На совещании был обсужден и одобрен документ «О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом»⁵⁹. Совещание постановило, что, пока Япония продолжает совершенствовать свою оборону, ей следует избегать войны с Советским Союзом, воздерживаться от провокационных действий и по возможности разрешать старые вопросы японо-советских отношений. Только в случае «прямой атаки» японская армия ответит нападением⁶⁰.

МЕМО С ТЕЛЕГРАММ «ИНСОНА»

от 7 августа 1941 г.

Немецкий посол Отт отправил телеграмму в Берлин Риббентропу в отношении кабинета Коноэ. Он указывает, что кабинет, безусловно, базируется на немцев. Новым для меня было то, что прежний министр иностранных дел Мацуока был прогерманец.

Отт высказал точку зрения в том отношении, что основная политика не изменилась, но темп вступления в войну очень медленный. Для Отта теперь имеется значительно больше трудностей в его работе ввиду того, что новый кабинет значительно равнодушнее в отношении Германии, чем прежний кабинет Мацуоки.

В Японии мобилизованы возрасты от 23 до 45 лет. Новые дивизии формируются в количестве 20 000 чел. Мобилизация началась с 7 июля.

Зенитные полки — предположительно для Маньчжурии. 2-я пд начала мобилизацию 23 июля, в 14-й пд мобилизован 15-й полк в Такасаки. 16-я пд постепенно готовится к переброске в МЧГ [Маньчжоу-Го].

Верно: ст. политрук Кизим

На телеграмме резолюция нач. РУ т. Панфилова: «Неверно — врет. Отправлено больше войск. Доложите его дело. 10.8.41.»

Верно: н[ачальни]к 1-го отд[елени]я А. Рогов⁶¹.

Итак, Зорге снова не верили.

Естественно, скрыть масштабы мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану только через пункты на территории Кореи в день пропускалось до 10 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тысячи лошадей⁶². Однако вряд ли Зорге можно было упрекать во «вранье» — он сообщал те данные, которые получил на тот момент и не давал обобщенных сведений по отправке японских войск в Маньчжурию и Корею — это он сделает позже.

Тем не менее Панфилову 11 августа была доложена справка, в которой основные демографические данные «Инсона» и данные по его работе были составлены заместителем начальника 4-го отдела полковником Поповым по памяти (!). Однако, судя по этой справке, память подвела полковника Попова, так как в ней имеются грубые фактические ошибки. Помимо этого складывается впечатление, что составители справки не только не доверяли Зорге, но и просто не любили его, по-видимому, за его высокое самомнение и самолюбие. Зорге был яркой личностью и хорошо знал себе цену — это наверняка раздражало кое-кого в Центре.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ А. П. ПАНФИЛОВУ

11 августа 1941 г.

1. В течение продолжительного времени ИНСОН работал под руководством бывших руководящих работников Разведупра, оказавшихся врагами народа. Отсюда вытекает вывод: если враги народа продались сами иноразведкам, то спрашивается, почему же они не могли выдать ИНСОНА. Так, например, бывший начальник 2 отдела КАРИН являлся немецким шпионом, и он выдал, по его словам, некоторых наших секретных агентов в Китае. В бытность КАРИНА начальником отдела ИНСОН работал в Японии. Начальник японского отделения ПОКЛАДОК являлся японским шпионом.

2. Бывший начальник японского отделения (после ПОКЛАДОКА) СИРОТКИН оказался также японским шпионом. СИРОТКИН показал органам НКВД, что он выдал японцам ИНСОНА со всеми

его источниками. На одном из допросов СИРОТКИНА в НКВД присутствовал полковник ПОПОВ.

По показанию СИРОТКИНА, он выдал ИНСОНА в конце 1938 г. и с этого времени ИНСОН начинает работать плохо, жалуется на усталость, усиленно просится отозвать его домой. Почти весь 1940 г. ИНСОН настаивает на возвращении в СССР.

3. По записям врагов народа видно, что у ИНСОНА имеется жена, которая живет в Берлине, она знает, что он коммунист и где он находится. В 1935 г. к ИНСОНУ Центром был направлен радист ФРИЦ, личность также весьма темная. Известно только, что он сербский офицер, женат на русской белогвардейке и больше ничего. Радиodelo знает хорошо, срывов связи не было.

У ИНСОНА нет истории о прошлой работе до партии, как он работал в партии, как попал в партию и затем в Разведупр.

ИНСОН является секретарем одной ячейки фашистов в немецком посольстве в Токио. Но когда спрашиваешь ИНСОНА, почему он не поступает на официальную работу в посольство, всегда следует ответ: «Вы знаете мое прошлое, поступающие на работу в немецкие учреждения тщательно проверяются гестапо, это может меня погубить».

Вопрос ИНСОНА не новый, неоднократно ставился на обсуждении. Основной вопрос: почему японцы или немцы не уничтожат его, если он выдан им как советский разведчик? Всегда делается один вывод: японцы или немцы не уничтожают ИНСОНА с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы.

Информацию ИНСОНА необходимо всегда сопоставлять с данными других источников и общим переживаемым моментом международного положения, а также тщательно ее анализировать и критически к ней относиться.

ИНСОН весьма самолюбив и большого мнения о себе, что необходимо учитывать при руководстве им.

Примечание: Основные демографические данные ИНСОНА и данные о его работе составлены зам. начальника отдела полковником ПОПОВЫМ на память.

Начальник 4 отдела РУ ГШ КА
генерал-майор Колганов⁶³.

Как видно из этой справки, непосредственные начальники Зорге не только не верили ему, но и даже не знали толком его биографию, что в общем-то не делает им чести. Хотя не исключено, что в тех условиях на содержание документа повлияли соображения перестраховки. Достаточно смутные представления имелись также о членах его группы, в частности Максе Клаузене («Фриц»), который почему-то называется «сербским офицером». Заключительный пассаж о необходимости проверять информацию Зорге и сопоставлять ее с данными других источников можно было бы отнести к любому разведчику.

Однако вихрь событий последующих дней заставил руководство Разведуправления забыть о своих подозрениях в отношении Зорге и снова рассылать его сообщения на самый верх.

9 августа был принят документ верховного командования сухопутных сил «Программа операций императорской сухопутной армии», в котором предусматривалось:

1. Имея в Маньчжурии и Корее 16 дивизий, быть в готовности выступить против СССР.

2. Продолжать проведение операций в Китае.

3. Завершить к концу ноября подготовку к войне на юге⁶⁴.

Это был совершенно секретный документ, о содержании которого знало пять человек: военный министр, заместитель военного министра, начальник управления по делам армии, а также начальник генерального штаба и начальник оперативного отдела генштаба.

12 августа от «Инсона» было получено несколько радиogramм, которые буквально взорвали ситуацию.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 11 августа 1941 г.

Прошу Вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца.

№ 71. Инсон.

Отметка об исполнении сотрудника информационного отдела:
«Исполнено. М. Герценштейн. 12.8.41.»⁶⁵

Резолюция НО-4: «НО-3 и 1. К учету. Колганов. 14.8»⁶⁶

В своей следующей радиogramме Зорге сообщил, что, как только началась война СССР и Германии, японское правительство приняло решение подготовить войну против СССР. Было мобилизовано 900 тысяч солдат, из которых 200 тысяч пошло в Маньчжурию. Предполагается мобилизация еще 500 тысяч солдат. По сведениям «Инсона», японский генштаб считал наиболее уязвимым направление на Благовещенск (район рек Зeya и Бурея), но при общем наступлении главный удар все же планировалось наносить на Владивосток. Это была практически копия доклада Кречмера в Берлин генерал-полковнику Гальдеру.

«Однако после 6 недель войны, — писал Зорге, — руководители Японии, готовящие войну, видят, что наступление германской армии задерживается и значительная часть войск уничтожена Красной Армией. Позиция Америки становится все более антияпонской. Усиливается экономическая блокада Японии, но японский генштаб совсем не собирается распускать обратно мобилизованных. В ген-

штабе уверены, что в ближайшее время последует окончательное решение, тем более что уже приближается зима».

Помимо того, что некоторые фразы в тексте подчеркнуты, эта часть сообщения обведена и, по-видимому, была использована в спецсообщении.

«Ближайшие две-три недели окончательно определяют решение Японии. Возможно, что генштаб примет решение на выступление без предварительной консультации с правительством.

Германский посол Отт узнал, что под предлогом избежания войны японское министерство иностранных дел потребует от правительства СССР удовлетворения максимальных своих претензий».

На радиোগрамме также имеется помета информационного отдела: «Использовано для спецсообщения»⁶⁷.

В этом сообщении Зорге примечательно несколько моментов, которые привлекли внимание аналитиков Разведуправления.

Во-первых, распределение мобилизованных солдат: только четвертая часть из них была направлена в Маньчжурию. Это подтверждало ранние сообщения о замедлении темпов подготовки войны с СССР.

Во-вторых, возросшие сомнения японского руководства относительно способности Германии победить Советский Союз. В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим Осима встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. На встречу был приглашен генерал-фельдмаршал Кейтель, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии вызвано «растянутыми коммуникациями и отставанием тылов от передовых частей. Разрыв между планом и фактическим развитием операций составляет три недели, что в такой большой кампании не имеет существенного значения»⁶⁸.

Такие разъяснения лишь усилили сомнения японского кабинета в способности Германии в короткий срок одержать победу в войне, что подтверждалось также участвовавшими требованиями Гитлера как можно скорее выступить на Дальнем Востоке.

Эти тенденции Зорге подтвердил в двух своих радиোগраммах, датированных 12 августа, но отправленных из Токио и полученных в Москве 15 августа с пометкой «немедленно».

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 12 августа 1941 г.

Немцы ежедневно дают на Японию за вступление в войну.

Факт, что немцы не захватили Москву к последнему воскресенью, как это они обещали высшим японским кругам, понизило энтузиазм японцев.

С целью воздействия на Японию, чтобы она выступала, Риббентроп присылает ежедневно телеграммы. По этому поводу имелись разговоры с генералами Доихара и Окамура. Посол Отт думает, что японцы выжидают момента, пока Красная Армия ослабнет, так как без этих условий вступление в войну будет небезопасно, тем более что их ресурсы горячего очень малы.

№ 81. Инсон.
Перевел полковник Рогов.

Резолюция НУ: «НО-4. Членам ГКО. Т. Мехлис. Панфилов, Ильичев. 16.8.41».

Резолюция НО-4: «НО-3 и 1. 1). К учету 2). Передать в инф. отдел. Колганов. 16.8».

Отметка информационного отдела: «Учтено. М. Герценштейн. 17.8.41».

Отметка о рассылке: «т. Сталину, т. Молотову, т. Ворошилову, т. Маленкову, т. Берии, т. Мехлису»⁶⁹.

В-третьих, Зорге писал об усилении антияпонской направленности в политике США. Это было важно, поскольку позволяло увидеть ситуацию в японо-американских отношениях глазами японского кабинета. 8 августа пресс-секретарь кабинета министров Японии Исии сделал публичное заявление о том, что «США, Великобритания, Китай и Голландия создают вокруг Японии военную, экономическую и политическую блокаду». 9—12 августа в бухте Арджентейя у берегов Ньюфаундленда состоялась встреча Рузвельта и Черчилля. При обсуждении дальневосточного вопроса ничего не было сказано о позиции обеих стран в случае нападения Японии на Советский Союз. Тем не менее 16 августа японский посол в США Номура сообщил в Токио, что Японии «не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами»⁷⁰.

В-четвертых, в Разведуправлении отметили, что окончательное решение должно быть принято «в ближайшее время» с учетом приближения зимы. По мнению японского генерального штаба, крупномасштабные военные операции на севере в условиях зимы были бы очень затруднительны. Об этом свидетельствовал опыт боевых действий японских войск на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах, когда они в условиях суровой сибирской зимы несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции.

Японское командование учитывало и советский опыт материального снабжения войск. Начальник оперативного управления генштаба Танака заявил на Токийском процессе: «Исходя из того факта, что в русско-финляндскую войну зимой 1939 года русская армия проводила операции, поддерживая линию коммуникаций

протяженностью более 200 км при температуре 50 градусов ниже нуля, а также исходя из эффективности русского снабжения во время номонханского инцидента, нельзя было недооценивать способности армии Советского Союза снабжать операции»⁷¹.

В-пятых, в Разведупре учли сообщение Зорге о том, что нападение может быть произведено без предварительной консультации с правительством. На Дальний Восток была направлена срочная телеграмма, которая предупреждала о том, что «японцы начнут военные действия против СССР во второй половине августа без объявления войны и предполагают провести быстротечную войну. При этом главный удар японская армия будет наносить на Приморье в сторону Владивостока». Командование войсками дальневосточного фронта немедленно оповестило об этом все подчиненные штабы и потребовало принять необходимые меры для подготовки к отражению нападения»⁷².

Наконец, в Центре обратили также внимание на сообщение о том, что, по данным Отта, в ближайшее время следовало ожидать со стороны японского МИДа предъявления определенных требований советскому правительству. Дипломатическое давление на СССР началось еще когда Мацуока был министром иностранных дел. Так, на упоминавшейся выше беседе 2 июля со Сметаниным Мацуока поднял вопрос и о поставках американской военной помощи Советскому Союзу через Владивосток, то есть мимо Японии. Он согласился на то, что Германия и Италия могут потребовать от Японии прикрыть этот маршрут. Это касается и советско-британских отношений, создающих «аналогичные сложности». Мацуока просил передать, чтобы Сталин и Молотов серьезно изучили эти проблемы.

5 августа министр иностранных дел Тоёда при встрече с послом Сметаниным также пытался выдвинуть требования к Советскому Союзу, явно намекая на возможность разрыва Пакта о нейтралитете.

13 августа Сметанин вручил японской стороне ответ Москвы. В нем сообщалось, что советское правительство с удовлетворением восприняло заявление Тоёды о том, что Япония будет соблюдать пакт о нейтралитете, и подтвердило свое собственное решение следовать таким же курсом. В нем выражалось пожелание, чтобы проблема концессий на Северном Сахалине была разрешена в соответствии с достигнутыми еще с Мацуокой договоренностями, то есть «не позднее, чем через шесть месяцев с даты его обещания», которое он дал 13 апреля во время визита в Москву.

Советское правительство отвергло постановку вопроса об оказании со стороны СССР Китаю помощи, отметив, что пакт о нейтралитете не регулирует отношений сторон с третьими странами. Было указано, что Япония не должна иметь больше прав, чем СССР, в своих взаимоотношениях с Китаем, Германией или Италией. Однако чтобы успокоить японскую сторону, советское правительство подтвердило заверение Молотова, данное им 2 июля

1940 года японскому послу в Москве Того, когда он поднял вопрос о заключении Пакта о нейтралитете. Нарком заявил тогда, что проблема помощи Чан Кайши не является важной, так как Советский Союз озабочен собственной проблемой национальной безопасности. В настоящее время после нападения Германии эта позиция подтверждается еще в большей степени.

В отношении вопроса о союзе с третьими странами советское правительство напомнило Тоёде о заявлении Молотова нынешнему японскому послу Татэкава 15 июля, что советское соглашение с Великобританией касается только Германии и не относится к Японии. Советское правительство заверяет Тоёду, что оно не предоставило и не намеревается предоставлять военные базы или территориальные концессии на советском Дальнем Востоке. В то же время в ноте советского правительства говорилось, что оно хотело бы получить разъяснения о широкомасштабных передвижениях японских войск в Маньчжурии, которые несовместимы с японскими заявлениями, касающимися соблюдения Пакта о нейтралитете.

Во время состоявшейся беседы Тоёды со Сметаниным японский министр иностранных дел, говоря о письме Мацуоки, заявил, что с тех пор обстановка в мире сильно изменилась. Это вызывает необходимость пересмотреть существо проблемы. Вполне понятно, что Япония требует от Советского Союза обеспечить беспрепятственную работу на концессиях. Когда Сметанин спросил, не считает ли Тоёда обязательства Японии, основанные на письме Мацуоки, аннулированными, министр вновь подтвердил, что проблема концессий на Северном Сахалине требует дальнейшего изучения.

Тоёда оправдывал массированные передвижения войск и военные мероприятия в Маньчжурии тем, что Япония обеспокоена проблемой защиты собственной страны в то время, когда соседняя с ней страна находится в состоянии войны. Он заверил, что военные приготовления не направлены против Советского Союза, с которым Япония желает поддерживать добрососедские отношения, и подтвердил, что его страна будет соблюдать пакт о нейтралитете. Но он заявил, что Тройственный пакт остается фундаментом японской внешней политики. Однако возрастание количества поставок американской военной помощи через Владивосток поставит Японию в крайне деликатное положение⁷³.

Сообщения Зорге о замедлении японских приготовлений к войне с СССР и неуверенность японского кабинета и командования в быстром окончании советско-германской войны, рассылавшиеся руководству как в виде непосредственных донесений, так и в спецсообщениях, несомненно, несколько смягчили позицию, которая была занята советским руководством в отношении японских требований.

Тем не менее пока что информацию из Токио нельзя было называть очень уж утешительной — подготовка к войне с СССР продолжалась. Об этом Зорге сообщил в следующих своих двух радиogramмах, полученных в Москве 15 августа.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 12 августа 1941 г.

Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли 4 дивизии. ВАТ точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. Подготовка к операциям закончится между 20-м числом и концом августа месяца, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение на выступление японцев еще не принято. Если Япония выступит, то первый удар будет нанесен на Владивосток, куда и нацелено большинство японских сил. Против Благовещенска направлены 3 дивизии.

№ 80. Инсон.

Перевел полковник Рогов.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 15 августа 1941 г.

Германский военный атташе уверен, что в связи с успехом германских войск на Украине, безусловно, последует новый удар на Ленинград и новое наступление на Москву. Захват этих двух городов крайне необходим, с целью воздействия на Японию. Он сказал, что созданные немцами воздушные дивизии еще не использованы. Он думает, что эти дивизии будут использованы для захвата Ленинграда, Москвы и Бакинского нефтяного района. ВАТ думает, что успехи немцев на юге начали оказывать свое влияние на японский генштаб.

№ 82. Инсон.

Перевел полковник Рогов.

Резолюция НУ: «НО-8. Составить общую телеграмму из двух Инсон и доложить перед отправкой чл. ГКО, т. Мехлису. Нач. Генштаба. Ильичев».

Отметка об исполнении: «Ш/т составлена и разослана. Начальник 4 отделения 8 отдела. Подпись. 16.8.41».

Резолюция НО-4: «НО-3 и 1. 1). К учету 2). Передать в информационный отдел сегодня. Колганов. 17.8.».

Резолюция начальника информационного отдела: «НО-4, НО-2, НО-7. К учету и использованию в спецсообщении или сводке. Подпись. 17.8.».

Отметка об исполнении: «Учено. НО-7 ознакомлен. Герценштейн. 17.8.».

Отметка о рассылке: «Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову, Берии, Шапошникову, Мехлису»⁷⁴.

15 августа состоялась новая встреча посла Отта с Тоёдой. Отт заявил, что в одном из посланий бывшего министра иностранных дел Мацуоки в Германию говорилось: как только Япония почувствует себя готовой, она свергнет коммунистическую систему в Советском Союзе. Что произошло с этим планом? На это Тоёда ответил, что нынешние военные приготовления против СССР являются первым шагом на пути к будущим операциям против Советов. По его мнению, это отвечает духу Тройственного пакта. Отт сказал, что хорошо понял Тоёду и считает заявление о первом шаге на пути к операциям против Советского Союза очень важным. Содержание своей беседы с Оттом Тоёда доложил на очередном заседании координационного комитета 16 августа⁷⁵.

Несмотря на замедление темпов немецкого наступления, у японского командования не было сомнений в том, что Германия в конце концов победит. Действительно, успешная операция немецких войск по окружению крупной группировки Красной Армии под Киевом заметно вдохновила японский генштаб. Мяги сообщил Зорге, что если раньше в генштабе оценивали шансы немцев взять Москву как 50 на 50, то теперь это соотношение стало 70 на 30. Военный министр Тодзио в беседе с турецким военным атташе 14 августа заявил, что через месяц СССР будет разбит. Доказательством того, что СССР уже истощил свои силы, является хотя бы факт обращения к турецкому правительству с заявлением о ненападении.

Тем не менее германское посольство в Токио делало пессимистичные прогнозы перспектив японского нападения на СССР. Посол Отт сообщил в Берлин: «Красная Армия на Дальнем Востоке по-прежнему сохраняет высокую боеспособность, поэтому нельзя ожидать начала военных действий Японии раньше весны. Упорство, которое проявляет Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре нельзя открыть дорогу в Сибирь в этом году»⁷⁶.

В Токио циркулировали самые невероятные слухи: о возможном создании нового кабинета во главе с Мацуокой, о готовящемся нападении на японские города авиации США, СССР и Китая, о скором приезде в Японию из СССР крупного политического деятеля для обсуждения различных вопросов. Масла в огонь подливали публикации газет. Корреспондент американской «Адвертайзер» сообщил из Рима «сенсационную» новость: США якобы намерены внезапно для Японии занять Владивосток в обмен на помощь, оказываемую СССР.

Благополучно миновало 15 августа, считавшееся критической датой. Решения о начале войны не было принято, мобилизация японских войск продолжалась. Зорге понимал, что приближалась зима, в условиях которой война против СССР хотя и признавалась возможной, но была сопряжена с чрезвычайно большими трудностями.

В середине августа Мияги узнал о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии, который привез заключение, сделанное ее командованием: «Квантунская армия провела подготовку для наступления на Советский Союз. Однако разведав несколько раз положение на границе, пришла к выводу, что Советский Союз также провел соответствующую подготовку. На основании этого было сделано заключение о невозможности выступления...»

Одзаки немедленно передал эту информацию Зорге, сопроводив ее осторожным предупреждением: если война России с Германией примет неожиданный оборот и в Сибири начнутся беспорядки, Япония может вновь рассмотреть вопрос о выступлении на севере. Несмотря на это, как позднее вспоминал Одзаки, Зорге почувствовал огромное облегчение.

Помимо этого он получил важную информацию в германском посольстве. В результате бесед с генералами Доихарой и Окамурай Отт понял, что Япония сохранит позицию выжидания, пока Красная Армия будет так измотана, что японское нападение станет совершенно безопасным. Доихара заявил, что Япония не может позволить себе быть втянутой в затяжной конфликт и что из-за чрезвычайно ограниченных запасов нефти не начнет войну без уверенности, что эта война будет короткой.

Отт с большим возмущением сообщил об этом Зорге: «Пока наш доблестный вермахт истекает кровью на полях России, японцы выжидают, когда лакомые куски сами упадут им в руки. В таком случае фюрер прав — они вообще ничего от нас не получают!»

«Рихард, дружище, — сказал Зорге адмирал Венеккер. — Пусть Эйген беснуется сколько угодно, японцы все равно не выступят на север. У них запасов горючего для военно-морского флота всего на 2 года, для армии — на 6 месяцев, да для гражданских нужд — тоже на 6 месяцев. Если они выступят против русских, да еще в преддверии зимы, то это вызовет большое напряжение в японской экономике, особенно расход их скудных нефтяных резервов. При этом даже если они захватят часть Сибири и Приморье, это вряд ли окажет существенную помощь их экономике. Японские экономические интересы лежат на Юге. А в случае победы Германии в войне с Россией Япония и так сможет получить то, что ей надо, без особых потерь». Венеккер понизил голос и наклонился к Зорге: «Как мне сказал доверенный человек в штабе военно-морского флота, правительство и флот решили не вступать в войну в этом году. Они пойдут дальше на юг — на Таиланд и Борнео. Кроме этого руководство военно-морского флота настаивает перед Коноэ, чтобы он

продолжил переговоры с США. Эта информация абсолютно надежная, можешь мне поверить». Зорге внимательно посмотрел на Венеккера и, усмехнувшись, сказал: «Пауль, пожалуй, на этот раз ты меня переплюнул, я до сегодняшнего момента думал, что они все-таки могут ударить на севере». «Ну, иногда даже такой проныра, как ты, Ики, не всегда все знает», — парировал Венеккер.

С 20 по 23 августа в Токио проходило очередное заседание координационного комитета, на котором обсуждался вопрос войны с Советским Союзом. Представители Квантунской армии высказались против начала войны на севере.

Одзакки немедленно проинформировал Зорге об этом. В результате 24 августа Москва получила очередную серию радиogramм.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 23 августа 1941 г.

Инвест сообщил, что Доихара и Тодзио считают, что для Японии еще не наступило время вступать в войну. Немцы очень недовольны таким поведением Японии. Коноэ указал Умэдзу⁷⁷, чтобы избежать каких-либо провокационных действий. Одновременно обсуждение вопросов оккупации Таи и затем Борнео в правительственных кругах происходят более серьезно, чем это было раньше⁷⁸.

Работник Гаймусио (министерство иностр[анных] дел) сказал, что, учитывая явно антияпонскую позицию Америки, вступления Японии в войну в текущем году может и не быть, хотя этот вопрос еще не решен.

№ 85. Инсон.

Резолюция НУ: *«Информационный/ отдел. Доложите все эти три телеграммы. Панфилов. Ильичев. 25.8.»*.

Резолюция начальника информационного отдела: *«НО-4. Доложите 26.8. Дронов.»*.

Отметка об исполнении: *«Исполнено. М. Герценштейн. 26.8.41»⁷⁹*.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 23 августа 1941 г.

И[н]тери слышал от секретаря Угаки, что из числа мобилизованных 1-й и 3-й очереди 200 000 солдат направлены в Маньчжурию и Сев. Корею (это почти такое же число, как сказал германский ВАТ). В Маньчжурии теперь 25—30 пехотных дивизий, включая и находящиеся там 14 старых пех[отных] дивизий. 350 000 солдат будут посланы в Китай. 400 000 останется на островах. Много солдат одевают в шорты, короткие шаровары специально для жарких стран, поэтому можно предполагать, что значительная часть будет направлена и на юг.

№ 83. Инсон⁸⁰.

Кроме этого, как пишут Дикин и Стори, Зорге передал: «На совещании было решено не объявлять войны в этом году, повторяю: не объявлять войны Советскому Союзу в этом году. Была сделана следующая оговорка: это решение может быть изменено в случае непредвиденного развития событий в русско-германской войне, когда может создаться ситуация, способная вызвать серьезные последствия в сибирском регионе, если такая военная ситуация... (неразборчиво) самое позднее 15 сентября вероятно, что вопрос о войне с Советской Россией будет оставлен как решенный до следующего сезона. Соединения, которые должны быть отправлены в Маньчжурию, вероятно, проведут там зиму, если ситуация предполагает возможность нападения на Россию следующей весной.

Согласно информации, полученной Одзаки из военных источников, армия начнет сражаться, когда будут выполнены следующие два условия:

Когда Квантунская армия будет втрое превышать по силе Красную Армию.

Когда появятся положительные сигналы о внутреннем коллапсе сибирской армии»⁸¹.

В конце августа состоялась очередная встреча Отта с Тоёдой. Японский министр иностранных дел сообщил Отту о ведущихся переговорах с СССР в отношении Сахалина. Считая в общем отношение России к этому вопросу достаточно справедливым, он сказал также, что заверил советского посла в твердой позиции Японии придерживаться пакта о нейтралитете. Отт молча выслушал Тоёду и, холодно попрощавшись, ушел.

«Что мне делать, Ики, — в очередной раз с возмущением говорил он Зорге, — что я скажу Риббентропу! Фюрер ждет от меня сообщений о решении японцев воевать с русскими. А они вместо этого заверяют их о том, что будут придерживаться этого дурацкого Пакта о нейтралитете». Зорге успокоил Отта: «Не расстраивайся, Эйген. Я же тебе говорил, что наш оптимизм был несколько преждевременным. В Японии все решают военные, а они сейчас смотрят на юг. В конце концов, если они ударят даже в этом направлении, это тоже будет помощь для нашего рейха. Мне кажется в таком духе и надо составить телеграмму для Риббентропа». «Ики, сделай милость, составь эту телеграмму, а то я после разговора с Тоёдой никак не могу прийти в себя», — попросил Отт. «Не волнуйся, Эйген, сделаю, как всегда. Успокоим Берлин».

Через несколько часов в Берлин ушла телеграмма за подписью Отта: «Япония по-прежнему не решила, какие шаги ей следует предпринять. Было бы нетрудно сорвать переговоры, которые японцы сейчас ведут с русскими по вопросу Сахалина. Однако это вряд ли подтолкнет японский кабинет к объявлению войны России».

Ответ пришел в начале сентября. Отт сообщил Зорге его содержание, сказав при этом, что Риббентроп подавлен сообщением о том, что Япония не начнет войну против Советского Союза.

ИНВЕСТ СКАЗАЛ, ЧТО ПОСЛЕ 15 СЕНТЯБРЯ СССР МОЖЕТ БЫТЬ СОВСЕМ СВОБОДЕН

Вопрос о том, куда выступит Япония — на север или юг, зависел от окончательного решения координационного комитета правительства и императорской ставки.

3 сентября координационный комитет собрался на свое очередное, 50-е заседание. Обсуждался документ «Программа осуществления государственной политики империи».

Основным докладчиком был начальник генерального штаба японских сухопутных сил генерал Сугияма. Он, в частности, сказал: «Мы не сможем развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля. Для того чтобы действовать на севере, мы должны быстро провести операции на юге. Даже если мы выступим немедленно, сейчас, операции продлятся до весны следующего года. Но мы задерживаемся. И поэтому не сможем действовать на севере».

Однако 6 сентября 1941 года на императорском совещании «Программа осуществления государственной политики империи» была вынесена на окончательное обсуждение.

В выступлениях тон сразу задали моряки. Начальник генерального штаба флота Нагано указал: количество важнейших военных материалов, включая нефть, сокращается с каждым днем, что адекватно возможностям империи вести активные действия. Такое положение весьма опасно, особенно ввиду того что оборона американцев и англичан важных районов на Дальнем Востоке и их силы быстрыми темпами растут. «Ко второй половине следующего года военные приготовления Америки значительно продвинулись вперед, и нам будет трудно совладать с ней», — сказал Нагано. Если же выступить на юге в ближайшее время, то можно будет легко добиться успеха: «Военно-морские силы, которые Великобритания сможет направить на Дальний Восток, из-за нынешней войны в Европе будут ограниченными. Отсюда следует, что в случае столкновения с американским флотом, учитывая роль авиации и другие факторы, можно быть в большой степени уверенными в нашей победе...»

Сугияма вновь коснулся «северной проблемы». Он сказал, что предпринятые меры по усилению группировки войск в Маньчжурии и Корее гарантируют от любых неожиданностей, пока японские войска будут вести боевые действия на юге. Конечно, существует опасность создания коалиции между США и СССР. Но в любом случае в наступающий зимний период крупномасштабные военные операции на севере очень затруднительны из-за погодных условий. Даже если Америка и Советский Союз объединят свои усилия, в зимнее время их возможности по использованию авиации и подводных лодок будут невелики. Логика рассуждений Сугиямы была безупречна: «Если мы воспользуемся зимним периодом и быстро за-

вершим наши военные операции на юге, я считаю, мы сможем в готовности встретить любые изменения ситуации на севере, которые могут произойти весной следующего года или в последующий период. С другой стороны, упустив возможности, которые нам предоставляет зимний период, мы не сможем в ходе наших операций на юге обеспечить безопасность на севере».

Сугияма помолчал немного, чтобы все присутствующие прониклись значением сказанного, и затем обратился к императору: «Есть еще один вопрос, который я хотел бы особо подчеркнуть. Выступив на юге, Империи придется полагаться лишь на собственную мощь. В то же время нужно заранее сообщить о наших намерениях Германии и Италии, чтобы иметь с ними соглашение до начала войны и не допустить, чтобы они заключили односторонний мир с Соединенными Штатами и Великобританией».

В зале заседаний раздался гул одобрения. Послышались возгласы: «Германия уже один раз обманула нас во время Номонхана! Немцам верить нельзя!» Сугияма поднял руку: «Именно поэтому заключение такого соглашения я считаю особо важным для ведения войны. Германия и Италия должны своими совместными усилиями поставить Великобританию на колени. В то же время мы должны проводить свою политику и не отказываться от проведения операций на юге лишь потому, что это может показаться нежелательным для Германии и Италии». В зале снова послышался гул одобрения⁸².

Вскоре после совещания Зорге получил от Одзаки сигнал — нужна встреча. Встретились днем в ресторане «Империал».

Одзаки сообщил выдержки из решения Тайного совета:

— «Япония сохраняет свою политику продвижения на юг. Это первое. — Второе: Если во второй половине октября мы лишимся надежды, что наши требования будут удовлетворены Соединенными Штатами, мы должны быть готовы к войне против Америки, Англии и Нидерландов. Третье: Планы „Оцу“ и „Кантокуэн“ соответственно отодвигаются. У меня все. Мияги подтверждает сведения о предстоящих действиях флота в направлении Южных морей. Я видел его вчера»⁸³.

Зорге закурил сигарету и распрощался. Информация Одзаки нуждалась в тщательной перепроверке, поэтому Зорге сразу поехал в немецкое посольство.

Посол Отт подтвердил информацию Одзаки.

«Уже вечерело, когда Зорге приехал к себе на улицу Нагасаки и принялся за работу. Прежде всего он включил на своем столе лампу под абажуром с оранжевыми драконами, придвинул ее к окну — знак того, что нужна срочная связь. Это на тот случай, если Клаузен появится где-то рядом в своей машине. Возвращаясь к себе, Макс обычно проезжал мимо домика Рихарда.

Зорге достал с полки изрядно потрепанный статистический справочник. Старый справочник продолжал служить ему верой и правдой. Это был ключ к зашифрованным передачам, совершенно оригинальный и безотказный, каждый раз новый и поэтому нераскрываемый. Такие же справочники были у Клаузена, у Бранко Вукелича. Нужно было только раскрыть страницу, соответствующую числу календаря. Дальнейшая зашифровка не составляла значительного труда... На листке бумаги появились пятизначные группы цифр»⁸⁴.

Было воскресенье, 14 сентября. Зорге не дождался звонка и сам поехал к Клаузену. Предварительно позвонил ему из автомата. Макс был на месте. Рихард передал ему зашифрованный текст и попросил срочно передать в Москву.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 14 сентября 1941 г.

Источник Инвест выехал в Маньчжурию. Он сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной, в случае поражения СССР к тому времени.

Инвест заметил, что СССР может быть абсолютно (слово неразборчиво) свободен после 15 сентября.

Источник Интери сообщил, что один из батальонов 14 пех[отной] дивизии, который должен быть отправлен на север, оставлен в казармах гвардейской дивизии в Токио.

Из писем офицеров и солдат, получаемых из пограничной линии в секторе Ворошилов, известно, что они оттянуты в район Муданьцзян.
№ 86. Инсон.

Резолюция НУ: «НО-4. Это надо крепко проверить. Панфилов. Ильичев. 15.9.41».

Резолюция НО-4: «НО-1. 1). Последний абзац проверить через Соркина и не только в секторе Ворошилова, а по всей границе. 2). Предпоследний абзац дайте на проверку Икару. 3) Проверку 1 и 2 абзацев проводить путем анализа поступающих данных от других источников. Колганов. 15.9.41».

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 14 сентября 1941 г.

Германский посол Отт потерял всякую надежду на выступление Японии против СССР. Сиратори (бывший посол Японии в Италии, в данное время работает в МИД) сказал Отту, что если Япония нач-

нет войны, то только на юге, где они смогут получить сырье — нефть и металлы. На севере они (предполагаются немцы) не смогут получить достаточно помощи.

Один из друзей В[оенно-] Морского флота сказал Пауле [морской атташе германского посольства в Токио], что выступление Японии против СССР больше не является вопросом. Моряки не верят в успех переговоров Коноэ с Рузвельтом и подготавливаются к выступлению против Таи и Борнео. Он думает, что Манила должна быть взята, а это означает войну с Америкой.

№ 87. Инсон.

МЕМО С ТЕЛЕГРАММЫ ИНСОНА ОТ 14.9.41. № 89.

Токио

Сообщает, что представитель флота и Сиратори сказали германскому послу Отту и германскому морскому атташе в Токио, что переговоры с США есть последний эксперимент. чтобы доказать народу и крупным капиталистам, что достигнуть понимания с Америкой невозможно. Если переговоры с США окончатся без успеха, то Япония очень скоро должна выступить на юге.

Коноэ и крупные капиталисты надеются, что понимание с США будет достигнуто в дальнейшем.

Верно: Бровченко.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 14 сентября 1941 г.

По мнению посла Отта, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока.

В различных кругах начались резкие разговоры об ответственности за мобилизацию в большом масштабе и по поводу содержания огромной Квантунской армии, которые несомненно принесут стране большие экономические и политические затруднения.

№ 90. Инсон.

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 14 сентября 1941 г.

Паула [морской атташе германского посольства в Токио] сказал мне, что он уверен, что очередное большое наступление немцев будет направлено на Кавказ через реку Днепр.

Паула думает, что если немцы не получают нефти в ближайшее время, то дальше они должны проиграть войну. Поэтому бои около Ленинграда и Москвы являются более или менее для показа, а главная атака должна быть на Кавказ.

№ 91. Инсон.

Резолюция НУ: «НО-4 и инф. отд. Включить в разведсводку. Панфилов. Ильичев»⁸⁵.

Эта серия радиogramм была практически полностью включена в очередное спецсообщение Разведуправления от 19 сентября 1941 года. Спецсообщение состояло из двух разделов. Первый назывался «Борьба в правящих кругах Японии вокруг внешнеполитического курса», второй — «Японо-американские переговоры». В заключение первого раздела делался следующий вывод: «Все эти данные имеют прямое отношение к происходящей внутри японского правительства борьбе по вопросам, связанным с определением внешнеполитического курса Японии. Однако несмотря на отсутствие единства в правящих кругах Японии, нет никаких признаков ослабления подготовительных военных мероприятий для нападения на СССР». Второй раздел подытожился так же кратко: «Таким образом, в ходе японо-американских переговоров, видимо, создалась реальная возможность в ближайшее время достигнуть некоторого соглашения между обеими сторонами. Однако, судя по агентурным донесениям, японское правительство всячески лавирует и выжидает, избегая взять на себя определенные обязательства, могущие нарушить пакт трех держав».

Итак, группа Зорге фактически выполнила свою задачу — сообщила о планах японского кабинета и о том, что СССР в тяжелейший период немецкого наступления на западе мог не опасаться за свою безопасность на Дальнем Востоке.

В серии этих радиogramм вызывает недоумение сообщение о подготовке немцами нового наступления на Кавказ через Днепр. Зорге ссылается на мнение Венеккера. По-видимому, военно-морской атаке пытался применить к Германии ту же логику, что и к Японии, которая имела ограниченные запасы горючего. Однако такое наступление гитлеровская ставка спланирует позже. А пока немецкие армии сосредоточивались для нанесения решающего удара по Москве.

НОВАЯ СТАТЬЯ ДОКТОРА ЗОРГЕ В ГАЗЕТЕ «ФРАНКФУРТЕР ЦАЙТУНГ»

4 сентября в газете «Франкфуртер цайтунг» была опубликована новая статья Зорге под названием «Япония сопротивляется блокаде», которая была написана в конце августа 1941 года⁸⁶. В самом начале ста-

тии говорилось о решении японского правительства отказаться от поставок материалов из «третьих стран» и принимать в расчет только экономические возможности собственно японской империи, а также стран Восточной Азии, уже связанных с ней тесными узами (Маньчжоу-Го, территория Китая, контролируемая нанкинским правительством, Индокитай и в известной степени Таиланд). Тем самым, делал вывод Зорге, «японское правительство практически впервые учло факт, что Япония подвергнута почти полной блокаде со стороны Соединенных Штатов, Британской империи, контролируемого чунцинским правительством Китая и Нидерландской Индии». Начало этой блокаде было положено, когда США в 1939 году в качестве предупредительной меры расторгли торговый договор с Японией, существовавший с 1911 года. После этого предпринимались различные меры, целью которых было воспрепятствовать ввозу в Японию некоторых важных стратегических товаров. Эти меры также носили характер предостережения. Однако они не оказали воздействия на японское правительство и последовала оккупация Южного Индокитая японской армией. В ответ на это были заморожены все японские активы в США, Британской империи и Голландской Индии, вследствие чего наступила почти полная блокада Японии.

Это, конечно, было тяжелым ударом для японской экономики, поскольку США и Британская империя покрывали свыше 50 процентов импортных потребностей Японии, а вместе с Голландской Индией — 70 процентов потребностей Японии в стратегических материалах. По таким статьям, как сырая нефть и газолин, зависимость Японии была еще больше. Одновременно за счет разрыва хозяйственных связей резко сократился приток иностранной валюты, необходимой для оплаты возросших потребностей Японии в сырье и вооружении.

Зорге делал вывод, что «сегодня блокада вышла за пределы чисто хозяйственной стадии... и начинает превращаться в военно-политическое окружение». И здесь Зорге вставляет весьма важное замечание: «Чтобы она стала полной, нужно вовлечь в число ее участников Советский Союз с Владивостоком в качестве опорного пункта. Обозначение „Владивосток, северный Сингапур“ уже начинает играть известную роль в политической дискуссии». Таким образом, делалось косвенное предупреждение, что если Япония выступит против СССР, то это только усугубит положение Японии и приведет к завершению ее окружения, которое уже начали западные страны.

«Япония начала борьбу с блокадой», — констатировал Зорге. В первую очередь был сокращен ввоз всех не нужных непосредственно для ведения войны товаров, приобретавшихся за валюту. Это коснулось, например, импорта хлопка-сырца — одной из важнейших статей японского импорта из США. Другой мерой стала организация на базе неподготовленной японской автомобильной промышленности собственного производства грузовиков взамен поставлявшихся раньше из США.

Такие меры жесткой экономии позволили «увеличить завоз важного в военном отношении сырья и материалов, что не только сделало возможным чрезвычайное увеличение и улучшение японских вооруженных сил, но и позволило создать запасы, объем которых остается неизвестным». Эти запасы обеспечивают японское сопротивление блокаде.

С другой стороны, блокада заставила японское правительство более решительно и интенсивно разрабатывать ресурсы контролируемых территорий. В статье делался вывод, что «создана основа, на которой перед лицом блокады можно не только заготавливать, но и целеустремленно использовать важнейшее сырье и продукты». При этом ресурсы контролируемых территорий довольно значительны и включают железо, уголь, важнейшие металлы, хлопок, каучук, рис и многое другое.

Единственной большой проблемой остается нефть, значительные запасы которой по-прежнему недоступны для Японии. Зорге указывает на два нефтеносных района в непосредственной близости от «японского господства» — Северный Сахалин и Борнео. При этом делается важная оговорка: «Сахалин оценивается как менее значительный». Устранение нехватки нефти, по мнению Зорге, «является лишь вопросом времени, причем, конечно, приходится оставлять открытым вопрос, возможно ли добиться обеспечения Японии достаточным количеством нефти из этих районов только путем мирных переговоров с владельцами нефтеносных участков».

И наконец, довольно неожиданное резюме: «В японском сопротивлении есть одна сила, ставящая предел как суровости блокады, так и самой политике окружения, проводимой противником. Это японские вооруженные силы. Отнюдь не легко разгадываемый, иногда очень взрывчатый характер японца все время держит врагов Японии настороже, не давая им решиться на беспощадное осуществление блокады и политики окружения. В этом заключается суть японской силы сопротивления».

Таким образом, доктор Зорге посылал еще один сигнал о готовности японского правительства выступить скорее в южном направлении, чем в северном. При этом сигнал облекался не только в форму предупреждения, но и в форму «самооправдывающегося пророчества» — к выводам Зорге, как всегда, внимательно прислушивались и в Берлине, и в Токио. По версии некоторых исследователей, статья Зорге во «Франкфуртер цайтунг» оказала сильное влияние на Коноэ и обусловила его решительный отказ специальному посланнику Штамеру, который прибыл в Токио уговаривать японцев выступить против СССР⁸⁷. Есть основания полагать, что к выводам Зорге, признанного тогда в журналистских кругах в Токио ведущего специалиста по Японии, прислушивались также в Лондоне и в Вашингтоне. К выводам «Рамзая» начала также прислушиваться и Москва.

Приехавший из Москвы один из японских дипломатов 27 августа на закрытом собеседовании с местными японцами заявил, что «немцы, конечно, просчитались». Поход на СССР назвал «авантюрой Гитлера». По мнению японского посольства в Москве, СССР продержится до весны. Эта информация сильно расхолодила местных японцев, ожидавших немедленного выступления Японии против Советского Союза. В частной беседе видный японец (Фурусава) сказал, что вообще война с СССР неизбежна. Срок зависит от развития военных действий на западе. Он дал понять, что «до весны проживем спокойно»⁸⁸.

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ, ОПОРА ПРОЧНАЯ...»

Сталин молча слушал доклад Голикова, как всегда, расхаживая по кабинету с трубкой в руке. «Доклад закончен, товарищ Сталин», — отпартовал начальник Разведуправления. Сталин еще некоторое время молча ходил по кабинету. Остановился перед Голиковым и, глядя ему прямо в глаза, спросил: «Так, вы считаете, что информации вашего немца из Токио можно верить? Почему?» Ответ у Голикова был подготовлен заранее: «Его информация подтверждается сведениями приграничной разведки — японцы оттянули свои войска от границы». «А что если они таким образом пытаются ввести нас в заблуждение?» Голиков почувствовал, как на лбу выступила испарина, но тем не менее твердо сказал: «Никак нет, товарищ Сталин. Данными разведки установлено, что японцы готовятся к зиме и ведут активное обустройство казарм и жилых помещений. Кроме этого, подтверждаются сведения источника относительно отправки значительной части войск на юг. Не зафиксировано также перебросок войск из Северного Китая в Маньчжурию».

Сталин еще раз прошелся по кабинету и снова остановился перед Голиковым: «Хорошо, товарищ Голиков. Мы вам верим. Можете идти». Голиков четко повернулся и вышел.

Сталин подошел к столу, за которым сидел Молотов. «Ну, что, Вячеслав, что ты думаешь по этому поводу?» Молотов снял пенсне, протер его платком, снова водрузил его на место. Сказал, тщательно взвешивая слова: «Я думаю, для японцев сейчас действительно важнее юг, чем север. Им нужно сырье, чтобы воевать, а его пока у них нет. В Китае они увязли всерьез и надолго. Согласно нашей дипломатической информации и публикациям в зарубежной прессе, с американцами договориться у них не получается. В то же время США, Великобритания и Голландия проводят политику жесткой блокады Японии и ее окружения. Если японцы выступят против

нас, кольцо замкнется — они не могут этого не понимать. Поэтому я думаю, что в ближайшее время они на нас не полезут». Сталин подошел к окну, молча постоял некоторое время. Затем повернулся к Молотову: «Я тоже так думаю, Вячеслав. Но надо еще посоветоваться с Лаврентием».

Берия, как обычно, приехал поздно вечером, когда последние посетители уже ушли. «Ну что, Лаврентий, какие новости?» Берия, всегда чутко улавливавший настроение «хозяина», осторожно сказал: «Есть хорошие новости. По нашим сведениям, из Харбина, японское посольство в Москве сообщило в Токио, что немцы просчитались. В частных беседах поход на СССР называют даже „авантюрой Гитлера“. Это в значительной степени охладило некоторые „горячие головы“ в Токио».

Сталин резко спросил: «Ты тоже считаешь, что японцы не рискнут напасть на нас в ближайшее время? А ведь твои сообщали, насколько я помню, что, по мнению американцев, японские приготовления на юге являются маскировкой их подготовки нападения на нас». Берия отметил про себя это «тоже» — он понял, что от него хочет услышать Сталин, тем более зная отношение «хозяина» к сведениям из американских и английских источников. И снова осторожно сказал: «Все вроде бы указывает на это. Но я думаю, что надо все еще раз тщательно проверить и взвесить». Сталин, так же как до этого в беседе с Молотовым, подошел к окну, за которым стояла теплая сентябрьская ночь. «Согласен, Лаврентий. Но времени у нас уже не осталось. Так же как и резервов. Надо принимать решение — снимать войска с Дальнего Востока и из Сибири».

11 сентября ГКО принял постановление № 660, согласно которому дальневосточному фронту устанавливалась норма — 511 тысяч месячных пайков при списочной численности войск фронта в 853 709 человек. Получив это распоряжение, командующий фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко 16 сентября послал телеграмму на имя Сталина, в которой настоятельно просил оставить войска фронта в существующем составе, «для того чтобы быть готовым и в состоянии вести войну с Японией». 21 сентября Апанасенко представил начальнику Генерального штаба соображения относительно сокращения численности войск фронта за счет небоевых частей до 790 тысяч человек. Апанасенко решительно настаивал на сохранении такой сокращенной численности. Он писал в своей докладной: «Настаиваю все эти мероприятия (по сокращению. — *Авт.*) доложить Верховному Главнокомандующему — Народному Комиссару Обороны СССР тов. Сталину, так как в норму, установленную постановлением ГКО, нельзя уложить даже строевые части. Если учесть части вне нормы (желдорчасти и стройбаты), то эта норма меньше численности мирного времени. Поэтому в случае перехода на норму, установленную постановлением ГКО от 11.9. с/г, нужно

будет всех призванных из запаса распустить и расформировать ряд боевых частей, что означает значительное ослабление фронта и не обеспечивает боеготовность войск, в то время как противник полностью закончил сосредоточение своих войск к нашим границам и готов в любое время начать активные действия. Сейчас особенно накалена обстановка на Дальнем Востоке».

Однако Сталина доводы Апанасенко не убедили. Он уже распорядился, чтобы Генеральный штаб заготовил директиву о переброске 10 дивизий с Дальнего Востока и 4 дивизий из Забайкалья. Это были дивизии, укомплектованные по штатам военного времени (14 тысяч человек), с двумя артиллерийскими и танковым полками. Личный состав этих соединений обладал боевым опытом, был хорошо обмундирован и экипирован, а главное — горел желанием поскорее вступить в бой. Это была действительно грозная сила.

Тем не менее переброска войск поначалу производилась достаточно осторожно. В середине сентября погрузились в эшелоны и ушли на запад первые четыре дивизии: две из Забайкалья (65-я и 114-я сд) и две из Приамурья (21-я Пермская Краснознаменная и 32-я Краснознаменная сд). Вся своевременность этого шага выяснилась сразу после того, как в первых числах октября немцы прорвали фронт в районе Вязьмы.

6 сентября Гитлер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на Восточном фронте. Главные усилия теперь вновь переносились на московское направление. Группе армий «Центр» предписывалось не позднее конца сентября перейти в наступление, осуществить двойной охват в направлении Вязьмы и уничтожить советские войска восточнее Смоленска. Операция получила кодовое наименование «Тайфун».

Ставка ВГК не разгадала замысел немецкого командования на московском направлении. Поэтому районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов немцев. Сказалось также отсутствие самостоятельности командующих фронтами, которые все решения принимали с оглядкой на Ставку. Один из ведущих отечественных специалистов по Московской битве Б. И. Невзоров пишет: «Штаб Западного фронта, например, располагал довольно точными сведениями о группировке противника: было установлено, что против 8 дивизий 30-й и 19-й армий немцы развернули 17 своих дивизий; в полосах других армий соотношение было примерно равным. Разведанные прямо указывали на вероятное направление удара противника. Но поскольку Ставка считала, что таковым является смоленско-вяземское направление, генерал Конев беспрекословно сосредоточил свои главные силы не там, где требовали условия обстановки, а где указал ему сам Верховный»⁸⁹.

Немецкое наступление на орловском направлении началось 30 сентября, а на вяземском — 2 октября. Первыми нанесли удар по

войскам левого крыла Брянского фронта моторизованные дивизии танковой группы Гудериана, которые к исходу 1 октября прорвали фронт на глубину до 80 км.

На рассвете 2 октября во всех частях и штабах группы армий «Центр» было зачитано обращение Гитлера. Фюрер, как всегда, в велеречивых и выпендренных выражениях извещал немецких солдат о начале последней, великой, по его словам, и решающей битвы всей кампании на Восточном фронте. В этот же день танковые и моторизованные дивизии Гота и Гёпнера нанесли удар и прорвали оборону Западного фронта. 3 октября танки Гудериана, преодолев почти 200 км, ворвались в Орел. Над частями Брянского фронта нависла угроза окружения.

Советские войска огнем и контратаками пытались сдержать продвижение немцев, но на направлениях главных ударов отходили с большими потерями. 7 октября противник замкнул кольцо окружения вокруг советских войск западнее Вязьмы. Положение стало катастрофическим.

Тем временем в Токио Зорге продолжал активно собирать подтверждения тому, что Япония не выступит против СССР. После 6 сентября в Даляне открылась конференция «О влиянии новой обстановки на политику и экономику Японии». Одзаки по просьбе Зорге принял участие в этой конференции. А затем посетил Чанчунь, Харбин и вернулся в Токио. Во время поездки он получил много разнообразной информации, касающейся главным образом состояния железных дорог и планируемых железнодорожных перевозок японских войск в Маньчжурии. Помимо этого от сотрудников компании «Мантэцу» Одзаки узнал, что в связи с массовыми перебросками войск и нехваткой снабжения экономическое положение в Маньчжурии ухудшилось.

Одзаки не удалось узнать нумерацию японских дивизий в Маньчжурии. Они назывались только по фамилии командиров, и только по званию командира можно было определить, дивизия это или полк. От сотрудников компании «Мантэцу» ему удалось получить информацию, что за последние два месяца в Маньчжурию было переброшено около 400 тысяч новых солдат и общее количество японских войск там достигло 700 тысяч человек.

Одзаки удалось также узнать ряд дополнительных конкретных сведений о том, что в текущем году Япония не выступит против СССР. В частности, командование Квантунской армии приняло решение на зимний период передислоцировать на юг войска, находившиеся в северных районах Маньчжурии. Небольшое количество войск было переброшено обратно в Японию. Важным было то, что, по полученным сведениям, войска из Северного Китая не перемещались в Маньчжурию. Туда из Северного Китая было направлено 3000 грузовиков и других машин, причем 1000 грузовиков перед этим было переброшено из Маньчжурии в Северный Китай. Нако-

нец, командование Квантунской армии отменило свое распоряжение о призыве 3000 опытных железнодорожников для установления военного сообщения по сибирской магистрали, которое было отложено в течение первых недель подготовки выступления против СССР.

Зорге внимательно слушал Одзаки. Тот в заключение сказал: «Все это означает, что войны в текущем году не будет»⁹⁰. «Я согласен, — сказал Рихард. — Это убедительные доказательства. Я немедленно передам это в Центр. Но сейчас перед нами стоит еще одна задача. Как мне сказал Отт, приехал Штамер с заданием особого рода: выявить потенциальные возможности Японии для ведения войны против СССР. Как бы не получилось, что он откопает какие-то доказательства способности Японии выступить не только на юге, но и на севере и получит поддержку сторонников „большой войны“. Нужно осторожно намекнуть Коноэ, что Штамер прибыл в Японию с категорической задачей доказать то, чего нет на самом деле. А я тем временем постараюсь дать статью во „Франкфуртер цайтунг“».

Радиограммы с информацией Одзаки были получены в Москве 3 и 4 октября. В заключение этой серии сообщений Зорге делал вывод: «Все это означает, что войны в текущем году не будет».

МЕМО С ТЕЛЕГРАММЫ ИНСОНА № 98 и 99 от 3.10.41.

Токио.

Сообщает, что по данным ИНВЕСТА, японо-американские переговоры вступили в решительную фазу с возвращением ИКАЦУКИ (ответственный сотрудник японского посольства в США) в США после разговоров с КОНОЭ и высшими кругами морского флота.

КОНОЭ до некоторой степени оптимистичен к тому, чтобы найти пути к значительному уменьшению японских вооруженных сил в КИТАЕ и эвакуации большей части Центрального и Южного Китая, а также прекращению строительства всех 8 авиационных и морских баз в Индокитае.

В случае, если США не придут к реальному компромиссу до середины октября, то Япония выступит сначала против ТАИ, а затем — СИНГАПУР, МАЛАЙЯ и СУМАТРА. Наступление на БОРНЕО не предусматривается, потому что на двух флангах будут СИНГАПУР и МАНИЛА.

Японцы рассчитывают, что оборона СУМАТРЫ слабее, чем БОРНЕО, а ресурсов нефти там значительно больше и лучшего качества.

Однако это выступление будет только тогда, когда переговоры между Японией и США будут прерваны.

Со стороны японцев прилагаются все усилия, чтобы прийти к соглашению с США, не принимая во внимание германскую сторону.

Резолюция НУ: «ГКО. Голиков. Ильичев».

Резолюция НУ-4: «НО-1. К учету. Поблагодарить ИНСОНА за последнюю информацию. 5.10.41. Колганов»⁹¹.

Тем временем события на Западе продолжали развиваться в катастрофическом для советских войск направлении. В окружение попали 7 из 15 управлений армий, 64 дивизии из 95, 11 танковых бригад из 13, 50 артиллерийских полков РКК из 62⁹². Окруженные советские войска отчаянно, но безуспешно пытались вырваться из вяземского и брянского котлов. По подсчетам исследователей, за первые 2—3 недели боев под Москвой Красная Армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тысяч попало в плен⁹³.

Успех под Вязьмой и Брянском вызвал взрыв ликования в Третьем рейхе. Впервые после начала «восточного похода» состоялось публичное выступление Гитлера, который заявил под гром аплодисментов, что «противник разгромлен и больше никогда не поднимется». Гигантские заголовки на первых страницах немецких газет кричали: «Прорыв центра восточного фронта!», «Исход похода на Восток решен!», «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву!»

8 октября Г. К. Жуков, срочно вызванный Сталиным из Ленинграда, чтобы разобраться в обстановке на Западном фронте, докладывал ему: главная опасность заключается в том, что почти все пути на Москву открыты, слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой бронетанковых войск противника. Надо быстро стягивать войска, откуда только можно, на Можайскую линию обороны⁹⁴.

В этих условиях было принято решение о продолжении перебросок войска с Дальнего Востока и из Забайкалья, несмотря на то что некоторые сообщения по линии политической разведки полностью противоречили информации Зорге.

СООБЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ

Шанхай, 20 сентября 1941 г.

По нашим сведениям, военные руководители Японии считают вопрос войны с СССР решенным и ждут удобного случая. Немцы уверяют, что Япония выступит после занятия ими Ленинграда. Если правительство Японии отойдет от оси, то армия начнет внутренний переворот и даже пойдет на убийство императора.

Подтверждая вероятность войны с СССР, японцы начали сбор сведений о Красной Армии на Дальнем Востоке, о морских и воздушных базах на Камчатке, Охотске, Беринговом проливе и на железных дорогах. В японском Генштабе утверждают, что Владивосток будет блокирован в сентябре и одновременно начнется наступление из Кореи и из Монголии на Верхнеудинск.

Один из видных военных из Генштаба, относясь отрицательно к войне с СССР, заявил, что, по-видимому, этого не избежать. С его слов, в Маньчжурии сосредоточено до 20 дивизий плюс танковые части. Все пехотные войска с Формозы, Зайнани (Хайнани). — *Авт.*) и Фуцзянской провинции отправлены в Северный Китай⁹⁵.

С Дальневосточного фронта было снято три стрелковых (92-я, 78-я и 413-я) и одна танковая (60-я) дивизии, с Забайкальского фронта — одна мотострелковая (82-я) и одна стрелковая (93-я Восточно-Сибирская) дивизии. Из перебрасываемых соединений одна стрелковая и танковая дивизии были направлены на Северо-Западный, остальные — на Западный фронт.

26 сентября пришла телеграмма от резидента НКГБ в Токио, в которой он, ссылаясь на частную беседу с одним из влиятельных японских политиков, сообщил его точку зрения на развитие советско-японских отношений:

«Вы должны знать, что отношения между Германией и Японией не так уж хороши, как это может показаться с первого взгляда. За последнюю неделю Германия несколько раз требовала от Японии выступить против СССР и захватить Сибирь. Но Япония не хочет этого делать. Сам император против войны с СССР. Германия вследствие этого крайне недовольна позицией Японии. Осима в течение долгого времени не может добиться встречи с Риббентропом, т. к. тот не желает его видеть. Отт недоволен и страшно зол на Тоёду. В Японии есть много государственных деятелей, которые считают ошибочным заключение Тройственного пакта. Кабинет постепенно меняет свое отношение к пакту, и поэтому не случайно Коноэ назначил нового министра иностранных дел, человека из морских кругов. Но не все согласны с этим (несколько дней назад арестовано четыре человека, готовивших покушение на Коноэ)».

Касаясь текущей политики Японии, собеседник заявил, что главная и неотложная задача Японии заключается в разрешении китайского инцидента, который длится более четырех лет. «Вы, конечно, спросите меня, почему Япония провела мобилизацию и сконцентрировала огромные войска на границе с СССР? Отвечу так: в правительстве существуют два мнения: одно — за наилучшую концентрацию войск на границе с СССР, второе — за разрешение всех вопросов мирным путем.

Кроме того, эти войска перебрасываются нами для того, чтобы произвести впечатление на США в связи с теми переговорами, которые сейчас идут. США очень опасаются сепаратного мира СССР с Германией. Мы это учитываем. Поэтому в нашей дипломатии с США Советский Союз позволяет нам сделать лишний ход. Что же касается самого СССР, то мы хотим одного — чтобы Советский Союз во всеуслышание заявил об отказе помощи Чан Кайши. Если бы это произошло, мы были бы свидетелями резкого улучшения японо-советских отношений»⁹⁶.

На можайском направлении обстановка ухудшалась с каждым часом. Против воодушевленных успехами, хорошо вооруженных и обученных немецких войск действовали немногочисленные, формируемые в основном в ходе боев соединения. Личный состав диви-

зий, переформированных после разгрома в начале октября, был подавлен случившимся. Солдаты плохо владели оружием, не были уверены в себе и в своих командирах. В состоянии психологического надлома люди утратили возможность контролировать свои действия. Неудержимый страх, особенно перед немецкими танками и самолетами, охватывал их при первых же атаках врага. Угроза столице возрастала — линия фронта проходила уже в 75 км от нее.

Главные события в те дни развернулись на Можайском направлении. Сюда был направлен самый сильный удар немецкой 4-й армии — ее четырех корпусов.

14 октября немецкие 10-я танковая дивизия и дивизия СС «Райх» вышли к полю русской славы — Бородино. До Москвы оставалось всего 100 км по Можайскому шоссе. В тот же день в 160 км к северо-западу от столицы немецкая 1-я танковая дивизия захватила Калинин и перерезала железную дорогу Москва—Ленинград. На южном фланге танки Гудериана обошли Тулу, угрожая охватом Москвы с юга. В столице началась паника.

Вот как описывает то время Д. А. Волкогонов: «17 или 18 октября утром Сталин собрал у себя в кабинете членов ГКО и Политбюро, военных. Пришли Молотов, Маленков, Микоян, Берия, Вознесенский, Щербаков, Каганович, Василевский, Артемьев. Поздоровавшись, Сталин предложил всем сесть и сразу же начал отдавать распоряжения: сегодня же эвакуировать крупных общественных и государственных деятелей, произвести минирование крупнейших предприятий и подготовить их к взрыву в случае захвата Москвы. У всех подъездов к Москве соорудить противотанковые и противопехотные заграждения. Здесь же было решено, как и предписывалось мобилизационным планом, эвакуировать правительство в Куйбышев, а Генштаб — в Арзамас. Помолчав, Сталин добавил, что он все же надеется на лучший исход: скоро из Сибири и Дальнего Востока начнут прибывать дивизии. Погрузка их в эшелоны уже началась»⁹⁷.

Однако к тому времени первые дивизии из Забайкалья и с Дальнего Востока уже прибыли под Москву и Ленинград. Одной из первых была 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина, два полка которой заняли оборону на Бородинском поле 12 октября и через два дня вступили в бой с немецкими танками, рвавшимися к Москве. «На дивизию Полосухина можно надеяться, Полосухин — опытный командир», — доложили Жукову, когда он принял командование Западным фронтом⁹⁸. На полях у села Бородино, на берегах речек Колочи и Еленки развернулись жесточайшие рукопашные схватки. Бои не прекращались пять суток, населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Советские войска впервые с начала Московской битвы не бежали в панике при виде немецких танков, а медленно пятились, огрызаясь огнем и непрерывно контратакуя противника.

В итоге 12-дневных ожесточенных боев противник смог лишь вытеснить советские войска с Можайского укрепрайона, но все его попытки развить наступление вдоль Минского шоссе оказались безуспешными.

Фельдмаршал Бок решил перенести направление главного удара на северо-запад. 25 октября немецкие подвижные соединения стали выдвигаться на север с задачей выйти на шоссе Волоколамск — Москва. Но в этот же день забайкальская 82-я дивизия сразу после выгрузки из эшелонов совместно с 25-й танковой бригадой нанесла контрудар и блокировала узел дорог, на десять суток задержав маневр немецкого 40-го моторизованного корпуса. Прямо из эшелонов в конце октября вступили в бой под Москвой дальневосточные 78-я и 413-я дивизии. Пять дивизий из Забайкалья и Приамурья, в сентябре — октябре своевременно прибывшие под Ленинград, позволили ликвидировать прорыв немцев на тихвинском и маловишерском направлениях.

К концу октября на Можайской линии обороны враг был остановлен. Это позволило Ставке перебросить ряд новых соединений на угрожаемые участки и стабилизировать оборону. Продолжалась переброска войск с Дальнего Востока. К началу ноября под Москву прибыло еще четыре дивизии: две стрелковые и две танковые, которые немедленно вступили в бой. Вновь отличилась 32-я дивизия, не позволившая немцам пробиться к Кубинке. К концу ноября немецкое наступление под Москвой выдохлось.

К началу октября Зорге полностью переключился на отслеживание развития японо-американских отношений. 6 октября он составил текст для отправки в Центр, в котором писал, что японский кабинет ожидал к концу сентября получить сообщение от американского правительства относительно переговоров с США, но переговоры пока отложены. И все же японское правительство ожидает ответа от президента Рузвельта 7 или 8 октября, и ответ этот расценивается высшим японским руководством как исключительно важный. Однако, согласно информации высокопоставленного дипломатического чиновника, развитие переговоров пошло вразрез с японскими ожиданиями, и американцы ответят, вероятно, следующее: «Нет почвы для обсуждения».

Далее Зорге указал, что в нынешней ситуации внутренние вопросы создают серьезную проблему для японского правительства. Поэтому представляется, что требование японского правительства к американцам урегулировать проблемы на юге является хорошим способом сохранить лицо, но развитие переговоров до сегодняшнего дня шло вразрез с японскими ожиданиями и даже вызвало смятение среди высшего японского руководства⁹⁹.

Как указывает Ю. В. Георгиев, рукописный оригинал этой радиogramмы был обнаружен японской полицией на квартире Клаузена при его аресте и, судя по всему, это сообщение не было отправлено в Центр.

Японская полиция при аресте Зорге обнаружила также рукописный текст другой радиограммы на английском языке, которую Зорге составил 17 октября, то есть накануне ареста, и не успел отправить в Центр. Как позднее Зорге пояснил на допросе, он сначала показал эту радиограмму Клаузену, чтобы тот отправил ее в Москву, но потом подумал, что время еще не пришло, и забрал ее обратно¹⁰⁰.

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА ЗОРГЕ, КОТОРУЮ ОН НЕ УСПЕЛ ОТПРАВИТЬ В ЦЕНТР

Токио, 17 октября 1941 г.

Если на переговорах Японии с Америкой не будет получен удовлетворительный ответ, то японский кабинет будет реорганизован или уйдет в отставку. Это будет означать, что вскоре начнется война с Америкой. Единственная надежда на то, что Япония избежит столкновения с Америкой, связывается с послом Грю.

В отношении Советского Союза существует мнение, что победы Германии над СССР и нападения на СССР следует ожидать не раньше следующей весны; вопрос Америки и продвижения на юг представляется более важным, чем проблема севера.

Считают, что призыв в армию в декабре и январе будет гораздо многочисленнее прошлогоднего.

В октябре получили от вас 500 американских долларов для оплаты дорожных расходов жены Вукелича¹⁰¹.

Мы с глубоким сочувствием следим за героической борьбой вашей страны с Германией. Мы глубоко сожалеем, что остаемся здесь, где не можем оказать вам серьезной помощи. Мы знаем свое дело и верим в то, что могли бы пересечь границу и направиться либо к вам, либо в Германию, чтобы начать новую работу. Ждем указаний.

Инсон.

СПАС ЛИ ЗОРГЕ МОСКВУ?

Споры относительно роли Рихарда Зорге в битве под Москвой продолжаются уже 60 лет. Всем теперь известно, что его информация, в частности относительно намерений Японии, была абсолютно точной. Однако по-прежнему остается под вопросом, насколько она принималась в расчет Сталиным.

Западные исследователи твердо придерживаются точки зрения, что информация Зорге сыграла решающую роль в битве под Москвой. По утверждению авторов книги «Дело Рихарда Зорге» Ф. Дикина и Г. Стори, изданной в 60-х годах, благодаря разведанным, полученным от «Рамзая», подкрепления с Дальнего Востока спасли Москву от немцев. При этом они ссылаются на специальное исследование, проведенное английским историком Джоном Эриксоном,

в котором утверждается, что в период между октябрём и ноябрём на запад было переброшено 11 стрелковых дивизий, при этом операция затронула более 250 тысяч человек¹⁰².

С течением времени эта позиция, кажется, не изменилась. В книге английского историка Энтони Бивора «Сталинград» (1998 г.) также утверждается, что «ключевой советский агент» в Токио Рихард Зорге обнаружил, что Япония планирует наступление в южном направлении против США, а не против советского Дальнего Востока. «Сталин не доверял Зорге полностью, но на этот раз его информация была подтверждена радиоперехватами», — утверждает Э. Бивор¹⁰³.

Мнения отечественных специалистов колеблются в весьма широком диапазоне. Одни также полагают, что Зорге принадлежит исключительно важная роль в спасении Москвы, другие подходят к оценке значения информации «Рамзая» более осторожно, наконец, третьи категорически отрицают какое-либо влияние Зорге на решения, принимавшиеся Сталиным. По мнению Дикина и Стори, причина этого заключается в том, что официальные советские источники были склонны игнорировать меры по переброске войск с Дальнего Востока и Забайкалья или минимизировать их историческое значение. Это можно объяснить чисто идеологическими соображениями советского периода — существовала установка на подчеркивание агрессивных намерений Японии, несмотря на ее явное решение двинуться на юг. В этой связи советские историки постоянно подчеркивали факт разработки плана нападения на СССР под кодовым названием «Кантокуэн», который действительно был готов к середине июля 1941 года. Из-за этого СССР был вынужден держать на Дальнем Востоке крупную группировку войск, то есть фактически донесения Зорге, так же как и накануне войны, не были приняты во внимание¹⁰⁴.

В изданной в 1995 году книге «Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995)» Анатолий Судоплатов, сын легендарного генерала П. А. Судоплатова, опираясь на материалы отца, делает вывод, что как отечественные военно-исторические труды, так и мемуары немецких разведчиков «грешат переоценкой роли агентурной разведки в войне и стремлением утвердить миф, что военные поражения и потрясения, понесенные Германией и СССР, были следствием игнорирования Гитлером и Сталиным предостерегающих выводов разведорганов». В отношении деятельности Зорге он утверждает, что «трагедия Зорге состоит в том, что его героическая работа и информация не были использованы нашим командованием. Исключительно важные данные Зорге о предстоящем нападении Японии на США, неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре — октябре 1941 года так и осели в наших архивах. Дивизии с Дальнего Востока были переброшены под Москву в октябре 1941 года потому, что у Сталина не было других гото-

вых к боям резервных боевых соединений. Соображения Зорге хотя и учитывались, но не имели существенного значения для принимаемых решений»¹⁰⁵.

ТАК ЛИ ЭТО НА САМОМ ДЕЛЕ? КАКУЮ РОЛЬ СЫГРАЛИ СИБИРСКИЕ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ДИВИЗИИ

Основная масса войск с Дальнего Востока и из Забайкалья прибыла под Москву в конце октября — начале ноября 1941 года, порой войска вступали в бой сразу после выгрузки из эшелонов. Всего в течение сентября—октября из состава Забайкальского и Дальневосточного фронтов на запад было переброшено 14 дивизий, в том числе 10 стрелковых, 1 мотострелковая и 3 танковые. Из них большинство (9 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная) пошли на московское направление, остальные — на ленинградское, позволив консолидировать там оборону и не дать германскому командованию использовать силы группы армий «Север» для наступления на Москву.

Судя по графику прибытия первых дивизий, решение об их переброске было принято Сталиным сразу после 15 сентября. В начале октября 3 дивизии прибыли на Ленинградский фронт, 1 дивизия — под Москву (та самая 32-я, которая приняла бой на Бородинском поле). Однако решение о переброске остальных дивизий скорее всего принималось уже под влиянием катастрофических событий на Западном фронте — прорыва немцев под Вязьмой. Принималось, несмотря на категорические возражения и панические телеграммы командования Дальневосточного фронта.

Это были очень сильные дивизии. В среднем их укомплектованность достигала не менее 90%. Кроме этого, сибиряки всегда отличались высокими морально-боевыми качествами. Еще во время войны с Наполеоном они зарекомендовали себя своей «недисциплинированностью» — бросались в атаку без приказа. Многие из прибывавших с Дальнего Востока и из Забайкалья участвовали в боях на Хасане и Халхин-Голе, имели боевой опыт и рвались в бой. Это было очень важно в условиях, когда после поражения под Вязьмой дух наших военных был, мягко говоря, не очень боевым после гибели лучших частей, после того как в плен попали сотни тысяч.

Но, кроме этого, на боеспособности дивизий, сражавшихся под Москвой, сказывалась недостаточная профессиональная подготовка младшего и среднего командного состава, плохая обученность солдат. Это было связано с гигантскими потерями начального периода войны — за первые три месяца кадровая армия потеряла 2,8 млн человек. Пополнение, прибывшее им на смену, было менее подготовленным. Как полагает Б. И. Невзоров, причина крылась в том,

что «с середины 20-х до конца 30-х годов ежегодная численность призывного контингента в СССР составляла более 900 тысяч человек, а принять на службу из-за ограниченной призывной емкости армия и флот могли только 300 тысяч человек. И получилось так, что каждый год до 600 тысяч человек оказывались в стороне от войсковой подготовки. К лету 1941 года миллионы людей, не обученных военному делу, составляли значительную часть призывников. Вот такими людьми и комплектовались соединения, части и маршевые роты, направляемые на фронт в период обороны Москвы. Для многих из них первые же уроки беспощадного „ликбеза“ войны стали последними. Учиться пришлось на большой крови»¹⁰⁶.

Прибывшие сибирские и дальневосточные дивизии сражались отлично, нанося противнику весьма ощутимый урон. Особенно отличилась 107-я мотострелковая в боях за Клин, 32-я и 82-я дивизии — на Можайском направлении. Под Малоярославцем, Серпуховом, Тулой, Калугой, Сухиничами умело и беспощадно громили врага 93-я Восточно-Сибирская, 239-я, 413-я, 415-я стрелковые, 112-я танковая дивизии.

Многие героически сражавшиеся сибирские и дальневосточные дивизии в период Московской битвы были переименованы в гвардейские.

После катастрофы под Вязьмой, когда в окружение попало около 90 расчетных советских дивизий (в расчетные дивизии включаются отдельные танковые бригады и полки артиллерии РВГК), Ставка дополнительно перебросила под Москву около 100 расчетных дивизий. То есть соединения из Забайкалья и с Дальнего Востока составляли лишь десятую часть всех сил и средств Красной Армии на московском направлении. Поэтому говорить, что они решили исход битвы под Москвой, наверное, было бы не совсем корректно. Но если бы их не было, под Москвой пришлось бы вдвойне и втройне тяжелее. Особенно если учесть, что, как полагают специалисты, подавляющая часть дивизий на московском направлении была укомплектована либо слабо, либо вовсе не обученным личным составом¹⁰⁷.

Так слышала ли Зорге Москва? Можно ли все же сделать вывод, что решение о переброске дивизий под Москву было принято Сталиным на основании разведывательных сообщений от группы «Рамзая»? Однозначно этого утверждать нельзя, тем более что известно, с каким недоверием Сталин относился к донесениям разведки вообще и Зорге — в частности.

Общеизвестно, что Сталин всегда и во всем верил только себе. Это было обусловлено не только личностными особенностями. Он, видимо, прекрасно понимал, что в условиях системы, сложившейся под его руководством, осталось слишком мало людей, которые могли бы честно и откровенно сказать ему правду, в то время как

подавляющее большинство или безгранично верило ему, или боялось его. Самомнение Сталина не могли поколебать даже гигантские просчеты первого периода войны.

Однако есть все же основания также считать, что информация «Рамзая» учитывалась советским руководством. М. И. Иванов в своих мемуарных записках пишет, что у Сталина после 22 июня 1941 года, по всей видимости, мнение о Зорге переменялось. Он дважды спрашивал Голикова: «А что пишет ваш немец из Токио?» Бывший начальник политотдела РУ, а позднее начальник Разведуправления И. И. Ильичев в конфиденциальной беседе сообщил Иванову, что «И. В. Сталин как-то в присутствии маршала А. М. Василевского сказал, что в Японии военная разведка имеет разведчика, цена которого равна корпусу и даже армии»¹⁰⁸.

По свидетельству М. И. Иванова, в сентябре 1941 года советский военный атташе в Токио сообщил своим спецсотрудникам, что началась передислокация войск с Дальнего Востока и Забайкалья по Транссибу. Зорге известили об этом по тайной связи.

ПРОВАЛ

Группе «Рамзай» долгое время удавалось обеспечивать устойчивую и безопасную связь за счет того, что Клаузен установил несколько радиопередатчиков в разных местах в Токио. При этом места выхода в эфир часто менялись. Клаузен максимально уменьшил размеры передатчиков, чтобы их в разобранном виде можно было носить в сумке, не вызывая никаких подозрений.

Тем не менее Зорге давно чувствовал, что кольцо вокруг группы сжимается. Случайно на одном из приемов в германском посольстве он услышал, как Кречмер рассказывал кому-то о новых немецких радиопеленгаторах, дающих точнейшую наводку на цель, которые прибыли в Японию по просьбе японского генштаба. Зорге приказал Клаузену максимально сократить время передач. Это помогло — все усилия японской контрразведки обнаружить таинственную нелегальную радиостанцию даже с применением новейшей немецкой техники пока были безрезультатны. Радиостанция продолжала систематически выходить в эфир, при этом каждый раз меняя шифр, который японские контрразведчики не могли разгадать.

От Отта Зорге узнал о визите в германское посольство начальника японской контрразведки полковника Осаки, который рассказал, что они ищут неизвестную радиостанцию и, кажется, ее засекли. Осака показал Отту карту с засечками, на которой квартал, где жили Клаузены, был обведен красным кружком. В красных треугольничках засечек оказались также дома Вукелича и Зорге, откуда Макс часто вел передачи¹⁰⁹.

Правда, по другой версии, полковник Осака, будучи на одном из приемов в германском посольстве, обратился к немецкому военному атташе с просьбой посодействовать в получении из Германии самого современного радиопеленгаторного оборудования. Отт присутствовал при разговоре и сообщил о нем Зорге¹⁰.

Чтобы запутать следы, Зорге немедленно приказал Клаузену перебраться на его дачу в Тигасаки на морском побережье. Как пишет Ч. Уайтон, Зорге распорядился, чтобы Макс взял напрокат большую лодку, на которой они в специальном ящике в каюте установили передатчик. Ящик был оборудован специальным выключателем, повернув который можно было сдетонировать взрыв, уничтожив таким образом все улики в случае опасности. На этой лодке Зорге вместе с Клаузенем совершали «рыбачьи» вылазки, посылая сообщения в «Висбаден» (Владивосток). «Иногда, пока Клаузен, сидя в каюте, выстукивал группы цифр, — пишет Уайтон, — сам Зорге играл роль радушного хозяина, принимая на лодке гостей из японского министерства иностранных дел, международной прессы, германского посольства и японского высшего командования во время устроенной им вечеринки. В таких случаях, как правило, спиртное всегда лилось рекой»¹¹.

Новейшие немецкие пеленгаторы, прибывшие в Токио, уже не могли обнаружить таинственную радиостанцию, и прошло время, прежде чем японским радистам удалось вновь засечь передатчик Клаузена. Японская контрразведка была озадачена — сигналы исходили из точек, находившихся далеко за пределами японских территориальных вод. Было даже высказано предположение о том, что передачи ведутся с борта подводной лодки.

Как бы там ни было, но японская контрразведка, тем более в связи с надвигавшейся войной, прилагала большие усилия, чтобы выйти на след радиостанции. В охоту за нею включились даже радиолюбители, почта и телеграф.

Несомненно, что в круг подозреваемых попали и члены группы «Рамзай». Однако не это послужило причиной провала сети советской военной разведки в Токио.

Сейчас уже можно с достаточно высокой вероятностью отсеять разные версии провала, которые муссировались ранее и которые не выдерживают критики:

пьянки, неразборчивые связи Зорге, в том числе и с девицами известного сорта, скандалы, драки, которые в конце концов заинтересовали японскую контрразведку;

резидентура «Рамзай» была раскрыта германскими спецслужбами, а кемпейтай (военная контрразведка) подключилась к операции на заключительном этапе;

с молчаливого согласия разведки Англии Зорге был раскрыт контрразведкой Китая еще в начале 30-х годов, о чем позже известили японцев;

Зорге был выдан своими непосредственными кураторами из советской военной разведки;

резидентура Зорге была предана японскими коммунистами (Ито Рицу) — до недавнего времени эта версия считалась официально признанной в Японии;

в связи с событиями в Китае и сложностью прохождения пограничного и таможенного контроля конспиративные встречи с резидентурой «Рамзай» стали проводить в Японии, что немедленно было «засечено» японской контрразведкой;

Зорге провалился из-за своей любви к женщинам и неосторожности, чем воспользовалась японская контрразведка, получив в свои руки неопровержимое доказательство его шпионской деятельности — разорванное на мелкие клочки разведдонесение.

На самом деле все было по-другому. Тайну приоткрыли трофейные японские документы, хранящиеся сегодня в архиве ФСБ. Это награжденные листы сотрудников политической полиции Японии («токко»), принимавших активное участие в расследовании деятельности резидентуры «Рамзай». Кроме победных реляций о высоком профессионализме, упорстве и проницательности японских контрразведчиков, стали известны и новые факты о последних днях группы Зорге¹¹².

Началом всеобщей слежки за иностранцами из стран потенциальных противников, а также за японцами, посещавшими эти государства, стал июль 1940 года, когда к власти пришел принц Коноэ. К тому времени радисты японского дивизиона особого назначения уже засекли работу неизвестного передатчика, но еще не могли понять, какая страна принимает радиограммы. Ясно, что это враг. Но кто? СССР или США?

Учитывая, что с сентября 1940 года готовилось подписание пакта о ненападении между Японией и Советским Союзом, был сделан вывод: скорее всего — США, поскольку больше всего заинтересованы в секретной информации американцы. Но как американские агенты могли оказаться в Японии? Был сделан еще один важный вывод — они из числа японцев, вернувшихся из США.

По одной из версий, японской контрразведкой были составлены подробные списки «американцев», куда попал Мияги, а также многие его друзья в Японии¹¹³. «Омэцкэ сэйдзи» — «режим ока» устанавливался за каждым японцем, имевшим хоть какое-то отношение к Америке. За несколько месяцев тотальный политический сыск сделал то, чего не могла добиться кемпейтай несколько последних лет.

Первой попала под подозрение шестидесятилетняя Китабаяси Томо, вернувшаяся из США в 1936 году. В Токио она считалась модной портнихой и среди ее клиентов были жены генералов и других высокопоставленных лиц. Обратили внимание на любопыт-

ство, которое проявляла портниха, снимая мерки со своих именитых заказчиц — жен высокопоставленных военных и дипломатов. Подозрительным показалось и то, что ее муж вернулся на родину лишь четыре года спустя — в 1940 году. У японских контрразведчиков все больше крепла уверенность, что Китабаяси связана с американской разведкой. За ней было установлено плотное наблюдение, в поле которого вскоре попал Мияги.

Китабаяси Томо и ее мужа Есисабуро арестовали 28 сентября 1941 года.

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА СОТРУДНИКА 1-го ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ПОМОЩНИКА ПРИСТАВА ТОМОФУДЗИ ТАКЕТОРА

27 июня 1941 г. он добился важного признания от Томофудзи Кен, что возвратившаяся из Америки Китабаяси Томо является шпионкой. Следствие по данному делу получило развитие на базе этого признания. Таким образом, нам удалось раскрыть крупную шпионскую организацию, и если бы не было заслуг помощника пристава Томофудзи Такетора, нельзя было бы и думать об арестах по данному делу.

На основании данных, добытых помощником пристава Томофудзи Такетора, пристава Танаки Набору была поручена разработка подозреваемой в шпионаже Китабаяси Томо. Арестовав в конце сентября 1941 года супругов Китабаяси, полиция без труда выбивала из пожилой портнихи любые показания. Да она и не считала нужным скрывать, что в Америке у нее на квартире жил японский художник Мияги, который тоже вернулся на родину. Танаки добился важного признания в том, что шпионской деятельностью занимается художник Мияги, а Китабаяси не вовлечена в разведывательную работу. Однако позже он пришел к выводу, что Китабаяси Томо все же является шпионкой, а Мияги — один из руководителей разведывательной группы.

Взяв художника в активную разработку, полиция 12 дней изучала его связи. За домом Мияги установили наблюдение. Каждый шаг художника фиксировался. 10 октября Мияги был арестован. При аресте в знак верности идее и глубокого презрения к врагу Мияги пытался сделать себе характерные

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА СОТРУДНИКА 1-го ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ САКАИ ЯСУ

10 октября 1941 г. принимал участие в аресте центральной фигуры данного дела Мияги. 11 октября вместе с приставом Такахаси допрашивал Мияги на втором этаже полицейского отделения. Улу-

чив момент, Мияги из окна выбросился на улицу, чтобы покончить с собой. Несмотря на опасность получить тяжелые увечья или разбиться насмерть, Сакаи прыгнул за преступником и схватил его, после чего был доставлен в госпиталь, но, пролежав там 15 дней вместо 20, выписался и сразу вернулся на службу. Самоотверженный поступок полицейского произвел на преступника сильное впечатление, и он отказался от намерения не давать показаний.

Жесткий допрос вновь заставил Мияги совершить попытку самоубийства. Он так и не смог оправиться от побоев и пыток и умер в тюрьме 2 августа 1943 года, не дождавшись решения суда.

От Мияги ниточка повела к Одзаки, от него — к Зорге, от Зорге — к Клаузену и Вукеличу.

В результате плотного наблюдения за Одзаки было установлено, что он тайно встречается с журналистом Рихардом Зорге. К тому времени подозрения относительно связи подозреваемых с американской разведкой не подтвердились, зато все больше стала вырисовываться другая картина — связь с Москвой и Коминтерном. Высокое положение Одзаки и статус Зорге как немецкого журналиста, имеющего обширные связи в различных кругах, удерживали «токко» от немедленных действий. Дело было доложено военному министру генералу Тодзио. Он шел к единоличной власти и дал приказ тайной полиции собирать данные, компрометирующие принца Коноэ, поскольку надеялся занять его место. Коноэ, по мнению Тодзио, вел себя слишком нерешительно, считая, что сначала надо урегулировать «китайский инцидент», а уж потом думать о войне с Англией и США. Чтобы обвинить Коноэ в связи с иностранными разведками, военный министр 15 октября приказал арестовать Одзаки.

Тем не менее «токко» действовала пока еще нерешительно. Одзаки был задержан 15 октября тихо, по окончании работы, при выходе из городского транспорта. Основание — якобы причастность к антивоенным выходкам ранее арестованных молодых людей из района Мегуро. Как считает М. И. Иванов, прояви Одзаки гнев и оскорбленное достоинство, сошлись на принца Коноэ или просто откажись отвечать на вопросы, — его бы не решились долго держать в полиции. Будучи временно задержанным, Одзаки мог бы любым способом — запиской к жене, к друзьям принца, наконец, предупредить Зорге и Вукелича о случившемся. Но он этого не сделал.

Похоже, ни Мияги, ни Одзаки не знали, как вести себя при задержании, а сигналы опасности вообще не были разработаны в группе.

Одзаки — благородный рыцарь Мира и Свободы и не думал скрывать свои связи. Да, он знает художника Мияги, он любит бывать в его мастерской, ценит его пейзажи в духе Утамаго и великого Хокусая. И не он один — его друзья-европейцы, например

известный журналист-японовед доктор Рихард Зорге и знаток импрессионистов Бранко Вукелич, тоже разделяют его мнение.

Имена вновь были названы! Результаты допроса были немедленно доложены Тодзио. Тот, не советуясь ни с кем, начал требовать форсировать «беседы» с Одзаки. Следователи тайной полиции воспользовались наивными признаниями Одзаки и стали делать вид, что просто должны до конца выяснить недоразумение, связанное с его задержанием. При этом умело играли на японской национальной психологии, подчеркивая, что надо быть разборчивее в друзьях. Одновременно старались выяснить: «Что именно вы с ними обсуждали? Какие сомнения поведали — увы — не всегда понимающим наши беды и трудности иностранным коллегам?»

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА СОТРУДНИКА 1-го ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ПРИСТАВА ТАКАХАСИ ИОСУКЕ

В раскрытии данного дела имеет следующие заслуги: провел настойчивый и тщательный допрос Мяги, который всячески пытался скрыть организацию. Вынужденный дать показания, преступник пытался покончить жизнь самоубийством.

Пристав Такахаси арестовал и подверг тщательному допросу известную личность Одзаки. На допросе преступник был близок к обмороку. Его привели в чувство, и допрос продолжался уже без применения наказаний. Одзаки признался в шпионской деятельности, которой занимался в течение 10 лет.

Одзаки рассказал о Зорге и Вукеличе все, что знал, непрерывно подчеркивая, что все они вместе — единомышленники, заинтересованные в дружбе между Японией и Советским Союзом. Больше того, это мнение разделяет и принц Коноэ — проводник политической воли императора... Было упомянуто также имя Макса Клаузена.

Когда Тодзио доложили об этом, он вскочил и начал быстрыми шагами расхаживать по кабинету. «Кому ведома воля императора? — отрывисто сказал он полковнику Осаки. — Этот подонок и слюняй Одзаки возомнил о себе, что он радетьель за интересы отечества. А другой слюняй Коноэ к нему прислушивается». Осаки вкрадчивым тоном сообщил: «Господин военный министр! Одзаки упомянул Макса Клаузена, и нам сразу стала ясна связь между разрозненными уликами, перехватами радиogramм, докладами наружного наблюдения. Но главные не они, главный — это журналист Зорге». Тодзио резко остановился. В его голове мгновенно пронеслось: наивные пацифистские речи Одзаки, его связь с немецким (или советским — пока неясно) шпионом Зорге (наконец-то я до него добрался, до этого грязного писаки!) — разве можно упустить такой шанс,

чтобы окончательно скомпрометировать Коноэ в глазах императора. Одновременно появилась возможность нанести тройной удар: в сторону Берлина (в подтверждение вероломства немцев и в оправдание пакта о нейтралитете с Россией); в сторону Москвы (обвинения в нарушении нейтралитета засылкой шпионов); в сторону США (обвинения в причастности японских резмигрантов из США к подрывной деятельности против Японии). Отомстить всем трем державам одним взмахом самурайского меча! Об этом можно только мечтать!

Боясь спугнуть Зорге, Тодзио распорядился подключить весь аппарат управления военной жандармерии с его опытнейшими кадрами. Надо было поставить правительство перед свершившимся фактом в самый последний момент, когда Коноэ ничего не сумеет предпринять.

Была ли возможность предотвратить провал? Теоретически — да. Как полагает М. И. Иванов, прерви Зорге тогда свою кипучую деятельность, приостанови передатчик Макса и спрячь рацию подальше, отправь Вукелича с женой и ребенком на континент в Китай, отбудь он на курорт Каруидзава или Атами, а главное — укроти антивоенную энергию Мияги, забывшего одну из главных заповедей разведки: враг оплошностей не прощает, — и провала можно было бы избежать.

Но Зорге был окрылен успехом. Он, как великий Сунь-цзы, сумел разобраться в природе вещей. Сунь-цзы писал: «Мощь того, кто умеет заставить других идти в бой, есть мощь человека, скатывающего круглый камень с горы в тысячу саженей»¹⁵. Зорге смог определить стратегическую и экономическую заданность направления японской экспансии — японцы сами хорошо знали и почитали великого древнекитайского полководца и не собирались «катить камень в гору», отлично понимая, что это — сизифов труд. Зорге вычислил ход мировой войны, ему поверили! Составы с зачехленными орудиями, с часовыми в овчинных длинных тулупах, сверкая штыками, мчат сквозь стылую холодную сибирскую мглу, чтобы остановить рвущиеся к Москве немецкие танковые дивизии...

Ликованию Рихарда не было предела. Его видели во многих людных и популярных местах, постоянно в центре компании немецких журналистов, друзей из других европейских стран. Он везде был заводилой, громко рассказывая анекдоты и скабрезные истории. Издалека был слышен его высокий фальцет: «Бьюсь об заклад!» или «Я угощаю — шампанского!»...

16 октября в 17.00 на приеме у императора Хирохито драма была разыграна по всем правилам хорошо отрежиссированной интриги. Первый акт — сообщение о раскрытии группы изменников родины, проникшей в самое сердце Японии: в правительство, в группу советников и экспертов. Имя Одзаки, без раскрытия мотивов деятельности, прозвучало в открытую, и Коноэ, не ожидавший такого поворота событий, был шокирован. Не дав ему опомниться, Тодзио положил перед императором заготовленный указ об аресте всех изменников и

их пособников, а затем так же быстро — эдикт об отставке правительства и назначении нового премьера, естественно — Тодзио.

Арест всех троих (Зорге, Вукелича и Клаузена) был проведен на расвете 18 октября. При обыске у Клаузена были обнаружены прямые улики: радио, шифровки, валюта. Макс не отрицал их принадлежность...

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 30 октября 1941 г.

По имеющимся сведениям — пять дней тому назад арестованы Инсон и Жиголо за шпионаж, в чью пользу, неизвестно. Данные проверяю.

29 октября встречался с Изопом, который сказал, что Инсона давно не видел и не знает, где он. Об аресте Изопу мы ничего не сказали. Есть опасность, что Жиголо, если он арестован даже не по нашей работе, может раскрыть всю Инсоновскую фирму. Если данные подтвердятся, Изопа поставлю в известность.

№ 311. <...>

Резолюция НУ: «НО-1

1. Подготовить справочный материал на Инсона и Жиголо.

2. Дать указание Икару <...> Изопа¹¹⁶».

Организация «Рамзай» с блеском выполнила свою задачу, не допустив в своей деятельности ни единого промаха. Но тотальная слежка, непредвиденные случайности, которые скорее носили закономерный характер, неслыханная напряженность в работе и жесткие методы допросов японской контрразведки предопределили трагический финал.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1977. С. 31.

² Дайхонъэй рикугун бу (Отдел сухопутных войск Императорской ставки). Токио, 1968. Ч. 2. С. 243—244, 248. Цит. по: Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М., 1989. С. 92.

³ Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941—1945 / Пер с яп. М., 1973. С. 43.

⁴ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 254—255.

⁵ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 94.

⁶ Кантогун. Токио, 1974. Ч. 2. С. 63. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 119.

⁷ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Г. Фесюна. С. 122.

⁸ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 95.

⁹ Тайхэ сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972—1973. Т. 4. С. 84. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 95.

¹⁰ Цит. по: Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937—1945 гг. С. 237.

¹¹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: Документы и матери-

- лы. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 18 (7—1). С. 183—184. Стиль документа сохранен.
- ¹² Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 94—95.
- ¹³ Дело Рихарда Зорге... С. 123.
- ¹⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 185—186.
- ¹⁵ Изложение дискуссий на заседаниях координационного комитета правительства и императорской ставки приводится по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 217—233.
- ¹⁶ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 95—96.
- ¹⁷ Цит. по: Корольков Ю. М. Киу ку мицу! С. 433—434.
- ¹⁸ *Hisaya Shirai. The Trial of Sorge Case in Emperor System Japan. In: The Collection of Resume of the Presentations by Japanese Panelists. The Third International «Sorge Case» Symposium. October, 2002. P. 27.*
- ¹⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 186—187.
- ²⁰ Цит. по: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 244.
- ²¹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 234—235.
- ²² ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 24127, д. 2, л. 543—545.
- ²³ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 95—96.
- ²⁴ Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». С. 101.
- ²⁵ Там же. С. 104.
- ²⁶ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 187.
- ²⁷ Там же. С. 187—188.
- ²⁸ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 127—128.
- ²⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 188.
- ³⁰ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 243.
- ³¹ Там же. С. 244.
- ³² ЦАМО РФ, ф. 23, оп. 5830, д. 7, л. 100.
- ³³ Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). С. 161.
- ³⁴ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 244—245.
- ³⁵ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 105.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 126. Фактически же, несмотря на более чем двойной перевес в людях над советской дивизией, японская дивизия в 4 раза уступала ей по мощи ружейно-пулеметного огня и в 2 раза была слабее по общему весу артиллерийско-минометного залпа.
- ³⁹ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 97.
- ⁴⁰ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 126.
- ⁴¹ Там же. С. 126—127.
- ⁴² Там же. С. 108.
- ⁴³ Там же. С. 100.
- ⁴⁴ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 249—250.
- ⁴⁵ Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁶ Кантогун. Токио, 1974. Ч. 2. С. 63. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 120.
- ⁴⁷ Там же. С. 66. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁴⁸ Там же. С. 65—66. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁴⁹ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 166—167.
- ⁵⁰ *Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. N. Y., 1971. P. 773.*
- ⁵¹ Цит. по: Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 236.
- ⁵² Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 189.
- ⁵³ Кантогун. Токио, 1974. Ч. 2. С. 63. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 121.
- ⁵⁴ Там же. С. 64. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁵ Полное изложение 43-го заседания координационного комитета см.: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 233—234.
- ⁵⁶ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 234—235.

- ⁵⁷ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 243.
- ⁵⁸ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 99—100.
- ⁵⁹ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 235.
- ⁶⁰ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 246.
- ⁶¹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 190.
- ⁶² Симادا Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 164.
- ⁶³ Дело Рихарда Зорге... С. 55—56.
- ⁶⁴ Кантогун. Ч. 2. С. 66.
- ⁶⁵ На документе нет резолюции руководства Разведупра. Тем не менее, судя по некоторым пометам, по-видимому, текст радиогаммы был включен в спец-сообщение.
- ⁶⁶ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 190.
- ⁶⁷ Там же. С. 190—191.
- ⁶⁸ Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 437.
- ⁶⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 191.
- ⁷⁰ Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 118, 123.
- ⁷¹ Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 128.
- ⁷² Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 235.
- ⁷³ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 247—248.
- ⁷⁴ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 191.
- ⁷⁵ Кошкин А. А. Указ. соч. С. 236.
- ⁷⁶ Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). То-кио, 1948. С. 181. Цит. по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 129.
- ⁷⁷ Командующий Квантунской армией.
- ⁷⁸ Этот абзац в тексте радиогаммы обведен рукой Панфилова.
- ⁷⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 192. Всего в этой серии было три радиогаммы Зорге, однако пока исследователям доступны только две из них, а резолюция руководства — только на одной радиогамме, которая первой была получена из Токио.
- ⁸⁰ Дело Рихарда Зорге... С. 131.
- ⁸¹ Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М.: ТЕРРА, 1996. С. 254—255. Оригинал этой радиогаммы был обнаружен на квартире Макса Клаузена при его аресте. На оригинале отсутствуют указания на дату составления и отправ-ки. Как полагают некоторые исследователи, эта телеграмма не была отправле-на Клаузену в Москву. См.: Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. М., 2002. Ч. 1. С. 189—190.
- ⁸² Изложение обсуждения на императорском совещании 6 сентября дается по: Кошкин А. А. Указ. соч. С. 236—242.
- ⁸³ Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 438.
- ⁸⁴ Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 439—440.
- ⁸⁵ Дело Рихарда Зорге... С. 131—133; Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 192—193.
- ⁸⁶ Перевод статьи см.: Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии / Сост. и автор вступ. ст. Ю. Я. Орлов. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 215—219.
- ⁸⁷ Колесникова М. В., Колесников М. С. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге: Повесть. М.: Воениздат, 1985. С. 230—231.
- ⁸⁸ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива Служ-бы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 98.
- ⁸⁹ Невзоров Б. И. Московская битва: феномен второй мировой. М.: «Сиди-Пресс», 2001. С. 47.
- ⁹⁰ Русский архив. Советско-японская война 1945 года... С. 192—194.
- ⁹¹ Там же. С. 196.
- ⁹² Невзоров Б. И. Московская битва: феномен второй мировой. С. 60.
- ⁹³ Там же. С. 61.
- ⁹⁴ Там же. С. 54.
- ⁹⁵ Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г. по материалам архива службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 98.

⁹⁶ Там же. С. 98—99.

⁹⁷ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия / Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М.: Изд-во АПН, 1989. С. 237—238.

⁹⁸ Жукот Г. К. Воспоминания и размышления. С. 353.

⁹⁹ Текст радиогаммы, написанный рукой Зорге на английском языке, опубликован в: Георгиев Ю. В. Указ. соч. С. 244. К сожалению, опубликована только часть радиогаммы.

¹⁰⁰ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. С. 193.

¹⁰¹ Жена Вукелича, Эдит, датчанка по национальности, была членом разведгруппы, но в работе группы не участвовала. С 1938 г. супруги Вукелич стали жить раздельно, в 1939 г. Эдит развелась с мужем и впоследствии уехала к родственникам в Австралию. В 1940 г. Вукелич женился на японке Иосико Яма-саки, у них родился сын Хироси (Лавослав).

¹⁰² Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 248.

¹⁰³ Beevor Antony. Stalingrad. London. Viking, 1998. P. 37.

¹⁰⁴ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 248—249.

¹⁰⁵ Судоплатов А. Советская политическая и военная разведка // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 280.

¹⁰⁶ Невзоров Б. И. Указ. соч. С. 88.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Азия и Африка сегодня. 2000. № 4. С. 27, 29.

¹⁰⁹ Корольков Ю. М. Указ. соч. С. 396; Колесникова М. В., Колесников М. С. Указ. соч. С. 219.

¹¹⁰ Эта версия принадлежит Чарльзу Уайтону, опубликовавшему очерк о Зорге в книге «Крупнейшие шпионы мира». См.: Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2001. С. 259.

¹¹¹ Знаменитые шпионы XX века. С. 260.

¹¹² Наградные листы были обнаружены российским исследователем В. И. То-маровским во время проведения второго международного симпозиума памяти Р. Зорге в Москве в 2000 г. Однако, по мнению некоторых исследователей, эти листы вызывают много вопросов, в частности, в связи с отсутствием их оригиналов. Поэтому, как полагают, делать на основании этих документов какие-либо серьезные выводы преждевременно. См.: Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. Биографический очерк. Ч. 2. С. 86.

¹¹³ Колесникова М. В., Колесников М. С. Указ. соч. С. 240.

¹¹⁴ По версии М. И. Иванова, которую он считает наиболее достоверной, Мягия был задержан в числе группы молодых людей без определенных занятий обычным полицейским патрулем при вечернем обьезде в значных районах Токио — Синбаси и Мегуро. При аресте он вдруг стал истерически выкрикивать антивоенные лозунги. Когда его пытались затолкнуть в полицейский фургон, он вдруг выхватил нож и ударил им себя в живот, но сделал это явно нерешительно и только поранил себя. При допросе в помещении полиции он, едва ли сознавая, что делает, вдруг начал громко повторять имена Ходзуми Одзаки и Рихарда Зорге, твердя, что ни за что и ни под какими пытками их не назовет. Это было началом трагедии.

¹¹⁵ Перевод Н. И. Конрада. См.: Конрад Н. И. Избранные труды. С. 31.

¹¹⁶ Дело Рихарда Зорге... С. 133—134. По разъяснениям работников ГРУ, вторая часть этой телеграммы — результат недоразумения. Речь должна идти о встрече М. И. Иванова с женой Клаузена (его псевдоним был изменен с «Фрица» на «Изоп»), а не с ним самим. По другим данным, Разведуправление приступило к «локализации» провала уже 21 октября. Иванов пришел в дом Клаузенов под видом человека, желающего снять квартиру. Ему повезло: японские контрразведчики, оставленные в засаде, вышли в тот момент перекусить. Анна Клаузен, находившаяся в доме, быстро оценила ситуацию и выставила Иванова за дверь, сказав: «Идите, идите! Здесь случилось большое несчастье». Позднее она вспоминала, что моментально узнала в вошедшем русского, поскольку у него были плохо уложенные волосы, мешковатые брюки с пузырями на коленях и весьма своеобразный английский язык. Иванову снова повезло, когда он вышел из дома и счастливо разминулс с возвращавшимися агентами полиции. См.: Там же. С. 20—21.

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ РИХАРДА ЗОРГЕ

Ты обо мне не думай плохо,
Моя жестокая эпоха...

Стала уже расхожей истина, что нет пророка в своем Отечестве. Но в нашем Отечестве эта истина приобретает дополнительное фантастическое звучание: у нас не только не слушают своих пророков, но и знаменитыми наши соотечественники становятся зачастую после того, как получают признание за рубежом.

Именно так произошло с Рихардом Зорге. Его имя стало широко известно на Западе с конца сороковых годов, в пятидесятые годы прошла целая серия публикаций, касающихся деятельности его «шпионской сети». У нас же он стал известен буквально по воле случая — кто знает, не посмотрел Никита Сергеевич Хрущев фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», еще неизвестно, стал бы этот разведчик таким знаменитым, как сейчас.

И дело здесь не только в том, что спецслужбы десятилетиями и даже столетиями хранят свои агентурные тайны. И не в том, что раскрытие той или иной тайны может произвести эффект разорвавшейся бомбы. Дело в особенностях нашего отношения к собственному прошлому, собственной истории, в которой были гигантские свершения и катастрофические ошибки, великие открытия, завоевания, но и кровавые события, стоившие миллионы человеческих жизней, беспримерные взлеты человеческого духа и ужасные падения в бездну стыда и позора. На фоне этой «гигантомании», когда счет идет на миллионы, мы порой забываем об отдельных личностях, кажущихся незначимыми на фоне тех масштабных событий, которые переживала наша страна.

Но случай разведчика «Рамзая» — особый. Конечно, то что о Рихарде Зорге долго не вспоминали у нас — это в первую очередь следствие закрытости нашего общества, которая существовала продолжительное время. Другой причиной забвения несомненно было, что он «затерялся» на фоне тех жертв и страданий, которые понес наш народ в годы Великой Отечественной войны. Но также безусловно и то, что его забыли не случайно — он нарушил корпоративные законы не только и не столько своего ведомства, сколько корпоративные законы того Ордена меченосцев, в который превратилась компартия при Сталине.

ИККИ

товарищу ДИМИТРОВУ

В дополнение нашего № 1/4/33 от 7/1-1942 года сообщено, что один из арестованных немцев в Токио некий ЗОРГЕ (ХОРГЕ) показал, что он является членом коммунистической партии с 1919 года, в партию вступил в Гамбурге.

В 1925 году был делегатом на конгрессе Коминтерна в Москве, по окончании которого работал в Информбюро ИККИ. В 1930 году был командирован в Китай.

Из Китая выехал в Германию и для прикрытия своей работы по линии Коминтерна вступил в члены национал-социалистической партии.

После вступления в национал-социалистическую партию через Америку выехал в Японию, где, являясь корреспондентом газеты «Франкфуртер Цайтунг», вел коммунистическую работу.

В Токио поддерживал связь с советскими сотрудниками ЗАЙЦЕВЫМ и БУТКЕВИЧЕМ.

Прошу сообщить насколько правдоподобны данные сведения.
(ФИТИН) 14 января 1942 г.¹

Именно здесь находится, по нашему мнению, ключ к пониманию того, почему его бросили и не стали вытаскивать из токийской тюрьмы, когда, казалось, страна уже шла к Великой Победе, и угроза японского нападения на Дальнем Востоке полностью миновала. Очень хорошо это дал понять П. А. Судоплатов, который наверняка не только отлично разбирался в особенностях работы отечественных спецслужб того времени, но и просто чувствовал дух той эпохи. Он приводит в своих воспоминаниях фразу, которую бросил Сталин после успешного осуществления операции «Утка» по ликвидации Троцкого: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время»². Это, так сказать, сталинский подход. А вот подход хрущевский. Когда в 1954 году стали разрабатывать операцию по освобождению Рамона Меркадера под залог, тогдашний председатель КГБ И. Серов не стал даже слушать об этих планах, сказав, «чтобы к нему не приставали со старыми сталинскими делами»³. Вот и все. А дело Рихарда Зорге тоже относилось к этим «старым сталинским делам».

Можно сколько угодно гадать, почему Сталин «бросил» Зорге. Японский исследователь Кэйдзи Касама считает: «Игнорирование информации Зорге о нападении Германии на Советский Союз было проколом лично Сталина. Поэтому живой Зорге превращался для него в мину замедленного действия»⁴.

Вряд ли с этим можно согласиться — Сталин несколько не считал себя виноватым в трагедии 22 июня, поскольку мнил себя великим и гениальным. Но, кроме этого, есть еще «маленький» нюанс из объективного документального анализа разведывательной информации, которая ему представлялась, и выводов, которые ему докладывали руководители военной и политической разведок, однозначно утверждая, что у него не было точного прогноза по срокам, направлениям и силам гитлеровского нападения. Поэтому нельзя ставить вопрос так: «Если бы Сталин послушал Зорге...» Сталин его, к сожалению, не услышал, потому что самую важную, последнюю информацию «Рамзая», как раз касавшуюся сроков, направлений и сил нападения, когда со всех сторон поступали разноречивые донесения, Зорге просто не доложил. Поэтому никакой опасности Зорге в плане каких-то разоблачений лично для Сталина не представлял.

Безусловно, в трагической судьбе Зорге определяющую роль сыграло то, что он начал давать показания японским следователям. При этом не имела никакого значения реалистичность оценок профессионалов о том, что «если уж попался, то из тебя не сегодня — так завтра все равно выбьют все». Судоплатов очень хорошо сформулировал истинные причины, почему бросили «Рамзая»: «Я читал некоторые протоколы допросов Зорге и удивлен — как он мог пойти на такие достоверные признания? Ведь что такое тюрьма для разведчика — то же поле битвы. Может быть, он и чувствовал себя брошенным, но это не должно было быть неожиданностью... Зорге, безусловно, Герой Советского Союза, мужественный человек, заслуживший награду. Он погиб, поскольку мы не поставили вопрос о его выдаче или обмене. Такая практика вообще была... Но Зорге нарушил правила, он начал давать показания, рассказывать о своей работе на СССР»⁵. Как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, то, что «Рамзай» «нарушил правила», стало известно сразу же — агентура советской разведки функционировала исправно везде и всюду.

В этом, как нам представляется, ключ к пониманию того, почему Зорге не только не спасли из тюрьмы, но и забыли в СССР на долгие годы.

Но когда имя Рихарда Зорге вышло из забвения, проявилась другая сторона нашего традиционного подхода к героям — безмерное возвеличивание на грани фальсификации. Мы полностью согласны с той оценкой советского разведчика, которую дали английские историки Дикин и Стори в своей монографии «Дело Рихарда Зорге», опубликованной еще в 1966 году в Лондоне: «Новый портрет Зорге приобрел некоторые атрибуты патриотического культа. Фигура его помещена в жесткий и лестный хвалебный шаблон, а личность жестко зафиксирована избранными моментами легенды...»⁶

Рихард Зорге — величайший разведчик XX века. Это утверждение было задано нашим журналистам и историкам сразу же после первых

газетных публикаций о нем. Именно задано руководством советской военной разведки, поскольку ни один из авторов, писавший о Зорге в 60-е и 70-е годы, не имел доступа ко всем материалам, полученным от группы «Рамзай», и не мог составить полное, а главное, правдивое представление о его разведывательной деятельности. Поэтому, когда не хватало фактов и аргументов для подтверждения эпитетов «величайший» и «выдающийся», в дело шла прямая фальсификация.

Особенно разгулялась фантазия советских авторов, когда дело коснулось информации Зорге о точных сроках нападения Германии на Советский Союз. Подлинные телеграммы перемежались здесь с явным вымыслом. Так было со «знаменитой» радиограммой от 15 июня, когда Зорге якобы за неделю до нападения сообщил Сталину точную дату и время начала войны — на рассвете 22 июня. Действительно, 15 июня Зорге отправил в Москву две радиограммы. Их достоверные тексты сейчас опубликованы. Но в этих радиограммах даты 22 июня нет.

В настоящее время имеется категоричное заключение специалистов: «Среди хранящихся материалов об отношениях между Советским Союзом и Германией нет документов, в которых бы сообщалась точная дата нападения. Таких телеграмм нет»⁷.

Существует также и другая тенденция. «Зорге — никакой не шпион», — следует из доклада, подготовленного Палатой адвокатов Японии. После изучения всех уцелевших документов (часть архивов была сожжена в 1945 году) вина подсудимого так и осталась недоказанной. Зорге был арестован полицией в октябре 1941 года по подозрению в шпионаже. Основанием послужили некоторые «бросающиеся в глаза» контакты журналиста. Но после изучения всех документов адвокаты признали обвинение несостоятельным: Зорге якобы всего-навсего сделал собственные выводы, основанные на беседах с другими лицами, как поступил бы на его месте любой другой аналитик, интересующийся политикой. Чистое везение, что его прогноз оказался безошибочным, точно так же он мог сделать и неверные выводы, ибо никакими достоверными данными, добытыми из правительственных сейфов, он не располагал.

С такой постановкой вопроса вряд ли можно согласиться. В этой связи стоит процитировать отрывок из книги Ральфа де Толедано «Шпионы, простофили и дипломаты»: «Для большинства американцев шпионаж — это кража военных и политических секретов, а Мата Хари и Бенедикт Арнольд — прототипы всех шпионов. Хорошенькая женщина, соблазняющая генералов; призрачные фигуры, встречающиеся в темных и зловонных притонах; выстрелы в ночи и погони на крышах — все это элементы шпионажа для читателей триллеров и поклонников Хичкока. Но шаги шпионажа — неспешные и тяжелые. Эффективный шпион — это терпеливый, упорный работник; эффективный аппарат — это люди, кропотливо и старательно собирающие крупинцы информации, важной и не очень, которые подобно исследователям тщательно просе-

ивают факты, чтобы потом сложить их воедино и получить целостную картину. Хорошая полицейская работа, хороший шпионаж — это в основном методичная, рутинная и нелегкая работа»⁸.

Именно этой рутинной работой и занимались Зорге и его группа. Поэтому выводы «Рамзая», которые он сообщал в Москву, основывались не на чистом везении, а на методичной и кропотливой работе по сбору информации и фактов. Именно доказательства отказа японского кабинета от планов нападения на СССР в 1941 году, которые Зорге привел в своих знаменитых сообщениях в сентябре—октябре 1941 года, вызвали доверие у руководства Разведуправления и у Сталина. Не совсем прав Судоплатов, который отрицает роль информации Зорге в принятии решения о перебросках советских войск с Дальнего Востока и из Сибири. Если даже это были, как считает Судоплатов, «детали об уже известных намерениях противника», то и в этом случае сведения Рамзая имели значение, вливаясь ручейком в общий поток информации о планах японского правительства. Но в том-то и дело, что, как показывают документы и как пишет сам Судоплатов, эта информация в тот период была исключительно противоречивой. И именно сведения, полученные и от «Рамзая», дали советскому руководству уверенность в том, что Япония имеет отличные от Германии собственные интересы в конфликте с США, Англией и Китаем. Поэтому благодарность, переданная Рамзаю от скупого на похвалу руководства Разведуправления в ответ на его последние радиogramмы в октябре, дорогого стоит.

Существует также мнение, что информация Зорге не была принята во внимание, поскольку в ноябрьских и декабрьских (1941 г.) спецсообщениях Разведупра, которые рассылались членам ГКО, однозначно делался вывод, что угроза войны с Японией реальна, Япония готовится к войне с Советским Союзом.

Однако это не значит, что руководство разведки не поверило Зорге и вопреки его донесениям продолжало убеждать высшее руководство страны в возможности нападения Японии и захвата Приморья с Владивостоком. Как пишет П. А. Судоплатов: «Исключать полностью возможность удара нам в спину со стороны японцев на Дальнем Востоке мы не могли, хотя было очевидным, что японская армия не проводила в октябре—ноябре мероприятий по созданию ударных группировок для наступательных операций против советских войск в Приморье. Показательным в этом плане было то, что в укрепрайонах в непосредственной близости от советских границ не были развернуты главные силы японских сухопутных войск и авиации. Однако обстановка на границе в целом оставалась напряженной. Провокационные разведывательные поиски японских войск на всей нашей границе с Маньчжурией сильно нервировали как командование советских войск на Дальнем Востоке, так и Ставку»⁹.

Поэтому в общем-то вполне объяснимо, что даже после начала тихоокеанской войны, когда позиция империи стала ясной, в разведывательных сводках были те же утверждения — вот захватит Япония Сингапур и Филиппины, остановится на Юге и начнет военные действия против СССР. Тем не менее, советское руководство продолжало перебрасывать из Приморья и Забайкалья наиболее боеспособные соединения и обученный личный состав на Запад, несмотря на осторожные прогнозы разведки и категорические протесты командующего войсками Дальневосточного фронта. Здесь, по-видимому, сыграла свою роль не только информация разведки. Как отмечает П. А. Судоплатов, наиболее серьезная информация поступила по дипломатическим каналам: трижды — 22, 28 ноября и 1 декабря — посол Сметанин встречался с министром иностранных дел Японии Того и подтверждал по его требованию заверения советского правительства от 13 августа о том, что оно, соблюдая пакт о нейтралитете, не войдет с третьей стороной в соглашение, направленное против Японии. Молотов немедленно доложил Сталину, что «с японцами по дипломатическим каналам удалось договориться о сохранении нейтралитета»¹⁰.

Но это было уже тогда, когда сибирские и дальневосточные дивизии, переброшенные под Москву в самый критический момент, уже сыграли свою роль и немецкое наступление было остановлено.

Конечно, помимо группы «Рамзай», военная разведка имела и другие агентурные источники в Японии, Корее, Маньчжурии. Советники в Китае и сотрудники военного атташата в Токио работали с полной нагрузкой. И обширная территория маньчжурского плацдарма была под пристальным агентурным наблюдением. О том, что там происходило, то есть о перемещении частей и их усилении, своевременно докладывалось Москве. Это касалось также и основных событий в Токио. Очевидно, не одна группа «Рамзай» работала в Токио. При этом, как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, военная разведка к концу войны имела в Японии широко разветвленную мощную сеть резидентур, которые давали информацию самого высокого качества¹¹.

Полиция арестовала разведчика, будучи уже уверенной, что он советский агент. Известно также, что ему предъявили вещественные доказательства — передатчик Клаузена и тексты неотправленных радиogramм, которые содержали стратегически важную информацию. Стратегически важная информация содержалась также во многих сообщениях «Рамзая», отправленных им в течение всего восьмилетнего периода существования его токийской резидентуры. Другой вопрос, насколько правомерен был приговор, вынесенный на основании статьи 4 закона императорской Японии о защите государственной тайны.

Далеко не все еще ясно с «делом Рихарда Зорге». Не прояснены еще многие вопросы, ответы на которые можно было бы найти не

только в российских архивах. В частности, как считают специалисты, в США должны храниться подлинные материалы оперативной разработки и допросов Зорге, его подруги Ханако Исии, Одзаки, Клаузена и других¹².

Тем не менее совершенно ясно, что Рихард Зорге — действительно один из величайших разведчиков XX века. И не потому, что, как бытует мнение, только провалившиеся разведчики становятся знаменитыми. Быть может, всякий провалившийся разведчик становится известным, но знаменитыми становятся очень немногие.

К числу этих немногих принадлежит Герой Советского Союза Рихард Зорге.

¹ Дело Рихарда Зорге... С. 134.

² Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 141.

³ Там же. С. 142.

⁴ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. М., 2002. С. 11.

⁵ Дело Рихарда Зорге... С. 22, 138.

⁶ *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге... М., 1996. С. 380.

⁷ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. С. 68.

⁸ Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2001. С. 327.

⁹ Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 375.

¹⁰ Там же. С. 377.

¹¹ Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7—1). М.: ТЕРРА, 1997. С. 207—220.

¹² *Малеванный В.* Незакрытое дело «Рамзая» // Независимое военное обозрение. 2000. № 40. С. 5.

Постскрипtum

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ «РАМЗАЯ»

Это все сердце мое,
Что отплыть я решилась
В такой непрочной ладье;
Всякий день ее заливают
Невольные горькие волны...

*Комати,
древнеяпонская поэтесса*

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твоё старое?
Всюду сливы в цвету...

Москва. Год 1927-й. В полуподвальную коммуналку в Нижнем Кисловском переулке входят трое молодых людей. Пройдя грязный, темный коридор, оказываются в чистой уютной комнате. «Катюша, — обращается один из них к хозяйке. — Мы привели к вам нового ученика, он хочет хорошо научиться говорить по-русски. Его зовут Рихард, а проще — Ика». Хозяйка, высокая, статная брюнетка, протянула незнакомцу руку. Она была молода и очень красива.

Они не знали тогда еще свою судьбу. Зорге работал в орготделе Коминтерна, а затем перешел на должность оргинструктора в отделе международных связей (ОМС) — наиболее засекреченном подразделении ИККИ, которое имело отдельные штаты. Поэтому, когда 9 декабря 1927 года Зорге был принят на работу в ОМС, ему пришлось даже формально уволиться из Коминтерна.

Екатерина работала на заводе «Точизмеритель» сборщицей. У нее была своя необычная судьба. Она родилась в Петрозаводске, мечтала стать актрисой, занималась в театральной студии. После школы поступила в Ленинградский институт сценического искусства, но потом бросила его, согласившись сопровождать своего бывшего руководителя театральной студии Юрия Николаевича Юрына (он тяжело болел туберкулезом) в Италию, куда он уезжал на лечение с маленькой дочкой. Через полгода похоронила его, девочку привезла назад к родным в Москву. После этого пошла работать на завод.

Ко времени их знакомства Зорге уже расстался со своей женой Кристиной, которой не понравилась жизнь в Москве, и она вернулась в Германию. Впоследствии Кристина переехала в США, где преподавала немецкий и французский языки в одной из школ штата Массачусетс.

Катя оказалась строгой учительницей, Ика — старательным учеником. С педантизмом он постигал склонения и спряжения, а когда в усталой голове трудные русские окончания устраивали чехарду, просил Катюшу почитать стихи. И маленькую комнату, где за

стенной шипели керосинки и бранились соседки, заполняли звуки стихов русских поэтов.

Они вместе бродили по Москве, рылись в книгах в букинистических магазинах, слушали музыку. Литература, искусство — вот сфера, в которой они оба растворялись и находили взаимопонимание. Им обоим была присуща романтическая увлеченность жизнью, они не боялись ее превратностей. Говорили о политике. Здесь учителем становился Рихард, социолог, публицист, специалист по Восточной Азии. Он рассказывал Катюше о культуре Японии и Китая, читал японские пятистишия.

Но не всегда Катя восхищенно внимала ему. Они часто спорили по самым разным вопросам, так как многие явления понимали и истолковывали по-разному и могли спорить бесконечно, потому что оба больше всего на свете ценили независимость.

Сразу после первой встречи начались расставания. С декабря 1927 по сентябрь 1929 года Зорге с небольшими перерывами неоднократно выезжал в зарубежные командировки в Данию, Швецию, Норвегию, Великобританию и Ирландию.

По возвращении Рихард продолжал встречаться с Катей Максимовой. Встречи были редкими, но они постепенно поняли, что жить друг без друга не могут. «Я буду ждать тебя хоть всю жизнь! — однажды сказала Катя Рихарду. — Не знаю, чем ты занят там, куда уезжаешь. Но зато знаю другое: без своего дела не можешь жить. Значит, оно очень важное, твое дело».

31 октября 1929 года Зорге уволился из Коминтерна, перешел на работу в военную разведку и спустя некоторое время уехал в Китай уже по линии Разведуправления.

В 1932 году Зорге, вернувшись из Шанхая, оформил свой развод с Кристиной, а в начале 1933 года зарегистрировал брак с Е. Максимовой¹.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕСТРЫ КАТИ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ МАКСИМОВОЙ

Однажды сестренка приехала какая-то очень необычная. Вообще-то она была человеком крайне сдержанным, а тут все улыбалась, напевала что-то. А потом говорит: «Знаете, я встретила замечательного человека, он немец, коммунист». И рассказала про Ику. И так о нем говорила, что мы все сразу поняли.

Свадьба была очень скромной — оба презирали этот «мещанский» обряд. Просто вечер с друзьями после регистрации брака здесь же, в Нижнем Кисловском, куда Ика перенес из гостиницы свои чемоданы. Бутылка легкого вина и разговоры о музыке, о театре и, естественно, о «текущем моменте» — в Германии к власти пришли фашисты².

Их семейное счастье длилось три месяца, и пришел день, когда Катя первый раз собрала мужа в дорогу. Он уезжал в командировку в Японию. Уходя, ласково взял лицо жены в ладони и долго смотрел на него, пытаясь запомнить каждую черточку: фотографию с собой брать не полагалось.

Он обещал приехать скоро, а вернулся через два года. И всего на две недели. И снова командировка, и с редкой оказией — письма. Они проходили через многие руки, поэтому были сдержанны.

ИЗ ПИСЬМА РИХАРДА ЗОРГЕ ЕКАТЕРИНЕ МАКСИМОВОЙ

Милая Катюша! Наконец-то представилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется. Посылаю свою фотокарточку. Полагаю, что это лучший мой снимок. Хочется надеяться, что он тебе понравится. Я выгляжу на нем, кажется, не слишком старым и усталым, скорее задумчивым. Очень тяжело, что я давно не знаю, как ты живешь. Пытаюсь послать тебе некоторые вещи. Серьезно, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив, если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу доставить, в лучшем случае — заботы и раздумья³.

Екатерина не знала, что она жена разведчика, но любящим женским сердцем догадывалась, что у мужа очень сложная и ответственная работа. И не роптала, а ждала, спокойно и терпеливо. Письма мужу писала бодрые, в одном из них сообщила, что ожидает ребенка.

ИЗ ПИСЬМА РИХАРДА ЗОРГЕ ЕКАТЕРИНЕ МАКСИМОВОЙ

Я очень озабочен тем, как все это ты выдержишь... Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки получил известие. Если это будет девочка, она должна носить твоё имя или имя с буквы К... Будешь ли ты у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я оставил тебя одну. Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью и нежностью к тебе⁴.

Позже с большим опозданием Рихард узнал, что у них не будет ребенка. В Москву, через все границы, пришло короткое письмо:

«Я тебя очень люблю и думаю только о тебе, не только когда мне особенно тяжело, ты всегда со мной...»

Катя работала. Стала бригадиром, мастером, потом начальником цеха. Была председателем цехкома. Ей по просьбе Разведуправления предоставили новую квартиру на Софийской набережной, в общежитии политэмигрантов «Красная Звезда». По тем временам отдель-

ная комната, особенно по сравнению с полуподвалом в Нижнем Кисловском переулке, была почти роскошью. Катя много читала, была весела и жизнерадостна. Только со своей близкой подругой, Верой Избицкой, давала волю тоске, говоря, что не знает, замужем она или нет: встречи считаешь на дни. Разлука длится годами, а любимого человека заменяют его письма — то деловито-распорядительные, то шуточные, то грустно-щемящие.

ПИСЬМО РИХАРДА ЗОРГЕ ЕКАТЕРИНЕ МАКСИМОВОЙ

1936 г.

Милая Катюша!

Наконец-то я получил от тебя два письма. Одно очень печальное, видимо, зимнее, другое более радостное, весеннее. Благодарю тебя, любимая, за оба, за каждое слово в них. Пойми, это был первый признак жизни от тебя после долгих пор, а я так жаждал этого. Сегодня я получил известие, что ты поехала в отпуск. Это должно быть прекрасно, поехать с тобой в отпуск. Сможем ли мы это еще когда-либо осуществить? Я так хотел бы этого! Может быть, ты и не представляешь, как сильно? Нет, ты, конечно, это понимаешь, и я не нуждаюсь в словах. Рад, что ты имеешь новую квартиру, хотел бы в ней пожить вместе с тобой... Когда-нибудь это время и наступит.

Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. По временам я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет. Во всяком случае, выгодная работа по мне, и если ты у нас спросишь, тебе ответят, что довольны и что я не на последнем счету. Иначе это не имело бы смысла для тебя и для всех нас дома. Были здесь напряженные времена, я уверен, что ты читала об этом в газете, но мы миновали это время хорошо, хотя мое оперение и пострадало немножко. Но что можно требовать от старого ворона, постепенно он теряет свой вид.

Я имею к тебе большую просьбу, Катюша, — пиши мне больше о себе, всякие мелочи, все, что ты хочешь, только больше. Напиши также, получила ли ты все мои письма от прошлого года, и также напиши, получила ли ты мои пакеты? С каждым письмом я отправлял и пакет. Напиши также, используешь ли ты вещи? Что тебе особенно нужно, твой размер ботинок, вообще, что нужно купить? В чем нуждаются также друзья, особенно В. и маленький Ф. ...твоя семья... и приятельница... которая не хочет выходить замуж, так как ее не интересуют мужчины. Может быть, она и права, но она забывает, что Катюша меня уже интересует...

Ну, пока, всего хорошего! Скоро ты получишь еще письмо и даже отчет обо мне. Будь здорова и не забывай меня. Передай от меня привет директору, который мне по временам пишет кое-что приятное... друзьям. Шлю сердечный привет, жму руку и целую.

И⁵.

По воспоминаниям М. И. Иванова, ввиду исключительных заслуг Зорге, в нарушение всех инструкций и предписаний, Кате было разрешено писать мужу письма без перевода и обработки цензурой. «Без правки и с ее ароматом» — так говорил Зорге перед своим отъездом. Екатерина писала по-французски, и с чтением ее писем Рихард мог справиться сам. Он же писал по-немецки.

Эти письма в переводе зачитывали Кате офицеры Разведуправления, специально назначенные для встреч с семьями разведчиков, работавших за рубежом. «И мне, и ей было неловко, — пишет Иванов, — когда я деревянным голосом озвучивал ласковые слова, сидя за накрытым скатертью столом, на котором стояли чашки с чаем и скромное угощение. «Подумаешь, тоже мне нежности...» — стыдливо говорила Катя, а я болван болваном сидел и ждал, когда она, на миг задумавшись, кивала мне, разрешая продолжить перевод»⁶.

ПИСЬМО РИХАРДА ЗОРГЕ ЕКАТЕРИНЕ МАКСИМОВОЙ

Октябрь 1936 г.

Милая К.

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Одновременно посылаю тебе и пакет с подарками. Среди вещей имеется также и большая шерстяная фуфайка, которую ты можешь дать Вилли, если она ему нужна, или кому-нибудь другому; возможно, что она нужна твоему брату. Передай от меня Вилли и друзьям сердечный привет. Как можно скорее сообщи номер твоих ботинок, чтобы я смог, наконец, тебе послать их. Они здесь относительно дешевы. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке. Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо. Но все это когда-нибудь изменится, т. к. г-н директор заверил меня, что он выполнит свое обещание. Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти что под открытым небом: если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять и детишки плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить с каждым месяцем увеличивающееся детское население по соседству. Как ты видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще, тут много своеобразия, с удовольствием рассказал бы тебе, чтобы вместе посмеяться, ведь когда все это наблюдаешь вдвоем, вещи выглядят совсем иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что скоро ты будешь иметь возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что «твой» является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать,

я смогу себе представить, что я к тому же еще и «милый» парень. Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют.

Всего хорошего, люблю и шлю сердечный привет.

Твой И⁷.

Иногда Катя осторожно спрашивала офицера, читавшего письма Зорге: «Неужели ваш Рихард такая личность, что никто в Москве не может обойтись без его услуг там, за рубежом? Он ведь так давно не был в отпуске...» Но тут же, как бы спохватившись, обрывала разговор. В другой раз заводила разговор, что вот, мол, Рихард рекомендовал ей изучать немецкий или другой европейский язык — может быть, она сможет быть помощницей в его опасном деле? Ответом на это было многозначительное молчание. Катя все понимала и к этой теме больше не возвращалась.

В январе 1937 года Катя получила письмо от Рихарда:

«Милая К.! Итак, Новый год наступил. Желаю тебе самого наилучшего в этом году и надеюсь, что он будет последним годом нашей разлуки».

Кате передали небольшую посылку, куда была вложена записка: «Товарищ Катя!.. Автоматический карандаш сохраните для мужа». Для мужа... Значит, он скоро вернется?!

Катя сразу же написала ответ:

«Спасибо, дорогой Ика, за твое письмо, полученное мною сегодня. Благодарю тебя за новогоднее поздравление-пожелание. Я надеюсь, что это будет последний год нашей разлуки, но как долго он еще протянется! Мои дела идут хорошо. Я весела и здорова. С работой все обстоит хорошо. Жаль только, что тебя нет. Не беспокойся обо мне, живи хорошо, но не забывай меня. Желаю тебе всего хорошего и крепко целую. К.»⁸

Они не знали, что больше никогда не увидятся.

ПИСЬМО РИХАРДА ЗОРГЕ ЕКАТЕРИНЕ МАКСИМОВОЙ

1938 г.

С просьбой возможно скорейшей передачи Максимовой.

Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести отпуск. Однако я до сих пор здесь. Во всяком случае я убежден, что речь идет о нескольких месяцах, в худшем случае буду в феврале уже дома. Однако я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от этой собачьей жизни и вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Я не могу на тебя обижаться. Так что мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла

и что все-таки есть перспектива осуществить нашу, пятилетней давности, мечту, наконец, получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю, даже в том случае, если ее неосуществимость является полностью моей виной, или вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем уже миновала короткая весна и жаркое изнуряющее лето, которое здесь в этой стране очень тяжело переносится, особенно при постоянной напряженной работе. И совершенно особенно при такой неудаче, какую я имел. У меня был очень болезненный несчастный случай, несколько месяцев я лежал в больнице. Правда, теперь уже все в порядке и я снова работаю по-прежнему. Во всяком случае, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что, когда я вернусь домой, то большой красоты ты не получишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от выстрела с времен войны, я имею кучу сломанных костей и шрамов. Бедная Катя — подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог этого; я должен был жутко много перенести. И при всем этом работать. Но я думаю, что я работу выполнил и могу спокойно этим гордиться. Ты ни разу не писала, получила ли ты те красивые подарки, которые я тебе посылал. Вообще, уже скоро год, как я о тебе ничего не слыхал. Разве это нельзя организовать через мою фирму? Пожалуйста, поговори об этом с начальником! К сожалению, станет все труднее тебе что-либо послать. Так что ты вынуждена подождать, пока я приеду. Постепенно я подбираю для тебя некоторые вещи. Что ты делаешь? Где теперь работаешь? Возможно, что ты сейчас уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае в мальчишки-рассыльные? Ну ладно, уж там посмотрим. Основное сейчас приехать домой, ибо здесь собачья жизнь в буквальном смысле этого слова. Будь бы это еще другая страна! А эта, поberi ее черт.

Ну, будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания. Не забывай меня, ибо я уже и так достаточно печален. Целую крепко и жму руку. Твой...⁹

Зорге начал много пить, причем это, по свидетельству ряда исследователей, очень хорошо работало на его общую маскировку, создавая ему образ плейбоя, гуляки и прожигателя жизни. Может быть, это и было продуманным шагом со стороны Рихарда, но, с другой стороны, пристрастие к алкоголю несомненно стало реакцией на глубокое одиночество и полную неуверенность в своей дальнейшей судьбе.

4 июня 1939 года от «Рамзая» в Центр поступило письмо с просьбой о замене

Но «Рамзая» опять просили остаться, и он согласился. В январе 1940 года Зорге сообщил «Директору» (начальнику Разведуправления), что получил его указание остаться в Японии еще приблизительно на год. «Как бы сильно мы ни стремились отсюда домой, — писал Рихард, — мы, конечно, выполним ваше указание и будем продолжать здесь работу. С благодарностью принимаем выданную Вами особую сумму для отдыха и отпусков. Единственная трудность состоит в том, что нелегко будет получить отпуск. Если мы пойдем в отпуск, то это сейчас же понизит нашу информацию»¹¹.

ИЗ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ МАКСИМОВОЙ РИХАРДУ ЗОРГЕ

Милый Ика! Я так давно не получала от тебя никаких известий, что я не знаю, что и думать. Я потеряла надежду, что ты вообще существуешь.

Все это время для меня было очень тяжелым, трудным. Очень трудно и тяжело и потому, что, повторяю, не знаю, что с тобой и как тебе. Я прихожу к мысли, что вряд ли мы встретимся еще с тобой в жизни. Я не верю больше в это, и я устала ждать, устала от одиночества. Старею потихонечку. Много работаю и теряю надежду тебя когда-нибудь увидеть. Обнимаю тебя крепко,

твоя К¹².

В июле 1940 года «Рамзай» прислал известное уже читателю сообщение в Центр, в котором писал о плохом состоянии здоровья Клаузена и высказывал мнение о необходимости определения перспектив своего пребывания в Японии¹³.

Согласно воспоминаниям Иванова, за подписью Голикова были направлены испрашивающие согласие бумаги наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба К. А. Мерецкову, а также уведомляющие письма в ЦК ВКП(б) и наркому НКВД В. Н. Меркулову. Руководство Разведуправления склонялось к тому, чтобы удовлетворить просьбу Зорге и предоставить ему отпуск на шесть месяцев.

Однако пришлось считаться с мнением НКВД. Начальник иностранного отдела П. М. Фитин в своем ответе сообщил: «По нашим данным, немецкий журналист Зорге Рихард является немецким и японским шпионом, поэтому после пересечения государственной границы СССР сразу же будет советскими органами арестован...» Исходя из сложившейся ситуации, Зорге было рекомендовано воздержаться от возвращения в СССР¹⁴.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР — предупреждения Зорге, которые по разным соображениям были проигнорированы, как и многие другие сообщения советских разведчиков, стали реальностью. Рихард тяжело переживал это событие, у него наступила депрессия, он много пил, но ничем не мог заглушить свои отчаяние и грусть.

С Ханako Исии Зорге познакомился в день своего сорокалетия — 4 октября 1940 года. Исии работала в маленьком ресторанчике папаши Кетеля «Рейнгольд» в качестве одной из девушек-хостас — хозяйек. Гостеприимные, общительные, они сервировали стол, приносили блюда и, усаживаясь рядом, поддерживали разговор. Зорге одиноко сидел у окна. Папаша Кетель заметил, что его знакомый доктор почему-то не в духе, и учтиво осведомился об этом. «Да вот, праздную сорокалетие, — иронически усмехнулся Рихард. — Грустный праздник».

Папаша Кетель подозвал к себе Исии и, указав на Зорге, попросил развлечь его в день его рождения. Исии подседа к имениннику, и они просидели вдвоем весь вечер.

На другой день они встретились, погуляли в парке Хибия, потом Зорге предложил зайти пообедать в ресторан Ламайера, который слыл аристократическим и уступал, может быть, только «Империялу».

Через некоторое время Зорге предложил Исии перейти к нему на работу в качестве секретарши — она сможет получать столько же, сколько в ресторане, но свободного времени будет значительно больше. Исии согласилась, несмотря на ворчание папаши Кетеля. Но Рихард быстро уговорил старика.

Впоследствии Исии стала гражданской женой Зорге, однако до самого ареста он не посвящал ее в свои дела.

Некоторые исследователи утверждают, что вообще пребывание Зорге в Токио ознаменовалось чередой любовниц, называют даже конкретную цифру — около 40. Как утверждает Ч. Уайтон, «Женщин всегда влекло к Зорге, как мотыльков на огонь. Жена одного английского дипломата якобы признавалась, что он был „так сдержан и настолько не похож на немца“, что любая женщина чувствовала, что с ним она может спокойно рискнуть своим целомудрием»¹⁵. Зорге якобы даже приобрел среди европейской общины в Японии титул «чертов Дон Жуан», налево и направо соблазняя всех более или менее симпатичных женщин, включая жену посла Хельму Отт. Одна из близких Зорге женщин — немецкая пианистка, профессор берлинской консерватории Эта Харих-Шнайдер по просьбе Рихарда, рискуя жизнью, достала ему ключи от комнаты шефа гестапо при немецком посольстве в Токио Майзигера¹⁶.

С другой стороны, по мнению старейшего отечественного разведчика Б. И. Гудзя, которому недавно исполнилось 100 лет, «никаких женщин у Зорге особо и не было. Жил в гражданском браке с японкой Исии Ханako, которая поставила ему памятник и сохраняла ему верность до самой своей смерти в 2000 году. Зорге был настоящим мужчиной. По легенде — холостяк. Сидит в Японии годы и годы. Здоровый, нормальный человек. Ясно, что какую-то штучку себе там заводит. Может, были у него, кроме японки, какие-то встречи. Наверное, с германскими дамами, он нам инфор-

мации об этом не давал. А мы не спрашивали: с кем вы там спите? Такие вопросы отпадают, они ни к чему».

По свидетельствам, в последние полгода перед арестом Зорге стал угрюм, много пил, был издерганным, часто пребывал в состоянии мрачной агрессивности. Исии постоянно выносила из его домашнего кабинета многочисленные пустые бутылки из-под виски и джина.

В октябре 1941 года Зорге арестовали. Катя ничего не знала об аресте мужа. Шла война. Она продолжала ждать. И работать. Работала очень много, даже на ночь оставалась в цехе. «Милая Мусенька! — писала она сестре. — Я прихожу вечером с работы — швейцар передал мне письмо и сверточек — сухари были очень вкусные, таких белых у нас, конечно, нет. Я за все лето ни разу не была за городом, лета, по правде сказать, совсем не видела. Были только раз в выходной на субботнике на заготовке дров на Химкинском речном вокзале, так и то целый день дрова с баржи грузили, некогда было природой наслаждаться. И то перед отъездом домой набрали вместо цветов целые охапки полыни, я люблю ее запах, острый и пряный...»¹⁷

ИЗ ТРУДОВОЙ КАРТОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ МАКСИМОВОЙ

06.1942 г. [без числа]. За беспечность и срыв графика объявлен выговор с предупреждением...

2.11.42 г. Уволена по статье 47 КЗоТ РСФСР пункт Д (совершение преступления, арест)¹⁸.

К ней пришли, как обычно, ночью. Предъявили ордер на обыск и арест. При обыске из «компромата» нашли только карту Москвы и нательный крестик. Когда уводили Катю, даже теплые вещи не предложили взять, а ведь знали: надолго. Это было 4 сентября 1942 года. Почти через год после ареста Зорге.

Екатерина была арестована по ничем не подтвержденному подозрению в шпионских связях с Вилли Шталем, арестованным и расстрелянным в 1938 году. Вилли Шталь был немецким антифашистом, другом Зорге. Он и познакомил Катю с Рихардом.

Отсидев девять месяцев в камере-одиночке на Лубянке, Катя была выслана в Красноярский край.

Сохранились два последних письма Кати. Одно, от 21 мая 1943 года, адресовано сестре. «Милая сестричка! Вот и опять наслаждаюсь небом, воздухом и полной свободой. Случилось это на днях — мое возрождение. Правда, меня клонит к земле от слабости, как былинку. Буду жить и работать в районе 120 км от Красноярска. От Ики я буду получать, как и раньше, у него все в порядке». Родственникам в Красноярске Катя

рассказала, что в аппарате Берии, куда она добилась приема перед своей высылкой, ей сообщили, что с мужем все в порядке.

Второе письмо — матери Александре Степановне — написано на листочке из книги по уходу за почтовыми голубями. «Милая мамочка! Господи, какая я сейчас бедная, голая, грязная! Мама, пишите мне чаще, ради бога, если не хотите, чтобы я сошла с ума. Ведь я столько времени ни от кого ничего не слышала. Приезжайте ко мне на свидание, буду очень рада. Верю, что опять буду на коне, добьюсь хорошей жизни. Сейчас бы как-нибудь не сдохнуть и продержаться. Подкормиться немножко — вот главное».

24 или 25 мая Катю отправили в Большую Мурту. Именно в это время начался суд над Рихардом. На вопрос, признает ли он себя виновным, Зорге ответил: «Нет, не признаю. Ни один из японских законов мною нарушен не был».

Он достойно вел себя на суде, чем облегчил участь своих помощников.

В 1943 году мать Кати получила скорбное письмо: «Здравствуйте! Привет из Сибири. Сообщаю вам, что ваша Катя 3 июля 1943 года, находясь на излечении в Муртинской больнице, умерла. Сильно не беспокойтесь, видимо, ее судьба такова, и сейчас страна теряет тысячи героинь и героев. Если хотите узнать подробнее, то пишите, с приветом, Елена Васильевна Макеева». Потом Александра Степановна получила еще одно письмо. «Ваша дочь поступила к нам в больницу 29 мая с химическим ожогом. Лечение проводилось открытым способом, т. е. был сделан каркас, который прикрывался простыней... Иногда у нее со слезами срывался вопрос: за что? Иногда она говорила, что хочет только увидеть свою мать... 450 рублей, оставшиеся после нее, израсходовали на могилу, похороны и крест. Остались вещи: серая юбка шерстяная, теплая безрукавка, галоши старые. Вещи хранятся на складе больницы у кастелянши. Сама я раньше была в таком же положении, как и она, сейчас свободна, работаю медсестрой, хотя это не основная моя профессия. Т. Жукова»¹⁹.

Такой трагический финал был предопределен еще в Москве, когда Катя работала в цехе изготовления термометров — ее организм буквально пропитался ртутью. Это, кстати, в свое время отразилось и на ее беременности. И вот там, в Большой Мурте, отравленный и ослабленный тюрьмой организм не справился с химическим ожогом, который Катя получила в одном из цехов военного предприятия. Близким сообщили, что ее похоронили, но могилу так и не нашли...

Дело Екатерины Александровны Максимовой было пересмотрено через 20 дней после опубликования Указа о присвоении посмертно Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

26 ноября 1964 г.

СПРАВКА

Дело по обвинению Максимовой Екатерины Александровны, 1904 года рождения, до ареста 4 сентября 1942 года начальника цеха завода № 382 Наркомата авиационной промышленности в гор. Москве, пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 23 ноября 1964 года. Постановление от 18 марта 1943 года в отношении Максимовой Е. А. отменено, и дело о ней прекращено за отсутствием состава преступления.

Максимова Екатерина Александровна по данному делу реабилитирована посмертно.

Председатель военного трибунала МВО полковник юстиции Н. Соколов²⁰.

Рихард Зорге и Екатерина Максимова были женаты 11 лет. Из них вместе провели не более полугода, остальное время был «почтовый роман». И все эти годы, несмотря ни на какие превратности судьбы и любовные связи, Рихард любил одну свою единственную женщину — Катю, Катеньку, Катюшу. Лучшее тому подтверждение — их письма друг другу, пронизанные бесконечной любовью. После ареста на одном из допросов Зорге сообщил: «Когда я находился в Москве, у меня был любимый человек — Максимова, советская гражданка... Я думаю, что если бы я был сейчас в Москве, мы бы наверняка оформили наш брак и жили бы вместе»²¹.

А на другом конце Евразии, в Японии, и после смерти Рихарда Зорге продолжала разыгрываться любовная драма. В 1949 году Исии Ханako, которую, кстати, не тронула японская контрразведка, вскрыла гроб с останками своего возлюбленного и предала их кремации. Она регулярно навещала его могилу на токийском кладбище Тама до самой своей смерти в 2000 году и никогда не снимала со своей руки кольцо, отлитое из золотых коронок своего покойного друга, потому что была уверена — Рихард не хотел бы этого...

¹ Официальных документов ни о разводе Зорге с бывшей женой, ни о браке с Е. Максимовой нет. По некоторым данным, Зорге зарегистрировал свой брак с Екатериной 8 августа 1933 г., хотя в это время он должен был находиться уже на пути в Японию. См.: *Гелоргиев Ю. В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. Ч. 1. С. 19.

² Цит. по: *Черняк М.* Жена шпиона // *Огонек*. 1998. 2 февр. № 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Дело Рихарда Зорге:
А. Г. Фесюна. С. 56—57.

- ⁶ *Иванов М. И.* «Рамзай» выходит на связь. (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. № 2. С. 50.
- ⁷ Дело Рихарда Зорге... С. 57—58.
- ⁸ *Черняк М.* Указ. соч.
- ⁹ Дело Рихарда Зорге... С. 58—59.
- ¹⁰ *Фесюн А. Г.* Новые документы по «делу Зорге» // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 137.
- ¹¹ Дело Рихарда Зорге... С. 50.
- ¹² Цит. по: *Черняк М.* Указ. соч.
- ¹³ Дело Рихарда Зорге... С. 51—52.
- ¹⁴ Цит. по: *Иванов М. И.* «Рамзай» выходит на связь. (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. № 2. С. 51.
- ¹⁵ Цит. по: Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2001. С. 251.
- ¹⁶ *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 236—237.
- ¹⁷ Цит. по: *Черняк М.* Указ. соч.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: *Черняк М.* Жена шпиона // Огонек. 1998. 2 февр. № 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Указ. соч. С. 19—20.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава первая	
ПУТЬ В РАЗВЕДКУ. ОТ КОМИНТЕРНА ДО ТОКИО	9
Глава вторая	
ЗАМЫСЕЛ ОПЕРАЦИИ	28
Глава третья	
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД. 1934—1935 ГОДЫ	63
Глава четвертая	
«ПО СВЕДЕНИЯМ, ПОЛУЧЕННЫМ ИЗ АГЕНТУРНОГО ИСТОЧНИКА В ТОКИО...» 1936—1937 ГОДЫ	95
Глава пятая	
«ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ СБЛИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ С ОСТАВЛЕНИЕМ ДЛЯ ЯПОНИИ ЗАДАЧИ НАПАДЕНИЯ НА СССР...» 1938 ГОД	138
Глава шестая.	
МЕЖДУ НАЦИСТСКИМ МОЛОТОМ И ЯПОНСКОЙ НАКОВАЛЬНЕЙ. 1939 ГОД	181
Глава седьмая	
КАТАСТРОФА НА ЗАПАДЕ И ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТАЛИНА. 1940 ГОД	235
Глава восьмая	
КАТАСТРОФА НА ВОСТОКЕ. ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 1941 ГОДА	292
Глава девятая	
ТРИУМФ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	383
Вместо послесловия	
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ РИХАРДА ЗОРГЕ	458
Постскрипtum	
БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ «РАМЗАЯ»	465

Документально-историческое издание

**Виктор Александрович Гаврилов
Евгений Александрович Горбунов**

**ОПЕРАЦИЯ «РАМЗАЙ»¹
Триумф и трагедия Рихарда Зорге**

Редакторы *Н. Шашерина, В. Сагалова*
Младший редактор *Н. Пастухова*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *О. Тарвид*
Корректор *Г. Алимова.*

Подписано в печать 16.07.04.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,0+1,0 вкл. Бумага газетная. Тираж 3500 экз.
Изд. № 03-6000-А. Заказ № 2557.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23
ОАО ПФ «Красный пролетарий»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16
«ОЛМА-ПРЕСС» и ОАО ПФ «Красный пролетарий»
входят в группу компаний ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

В. Гаврилов
Е. Горбунов

ОПЕРАЦИЯ «РАМЗАЙ»

Пользователи шпионами — самое существенное на войне; это то опоро, полагаюсь на восторую действует одиче.

Суть изы Травата о военном небустве

Это книга — не очередное биография Ринордо Зорге, — полунемец-полурусского, который будучи тайным русским агентом, писал официальные донесения за германского посла, одновременно проинформированные в самые современные секретные спонсорского кабинета министров.

Это историческое исследование, где объединены истории операции и новые факты биографии Зорге, не публиковавшиеся ранее. Авторы дали более полную информацию о Разведывательном управлении, о людях, которые разработали и руководили операцией «Рамзой». На основе документальных свидетельств возможно объективно в Разведупре, взаимоотношения руководителей военной разведки в связи с приездом «японцев» из ИНО (политическая разведка), degradation руководства разведки во время репрессий 1937–1938 годов.

В книге военные историки В. Гаврилов и Е. Горбунов читатель получит много ответов на вопросы: Кто был Ринордо Зорге — агент Коминтерна или советской военной разведки; работал ли он одновременно на германскую разведку; насколько разведывательная деятельность резидентуры Зорге влияла на принятие политических решений руководством СССР и лидерами ведущих государств; в чем причина провала резидентуры «Рамзой»; почему Ринордо Зорге не стали спасать из тюрьмы после его ареста?

ОЛМА
ПРЕСС

ISBN 5-224-04436-7

0785224 044368